КАК Я БЫЛ В НЕМЕЦКОМ ПЛЕНУ

ХХ военные тайны века

Ю.В. ВЛАДИМИРОВ

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Автор этой необычной книги Юрий Владимирович Владимиров – простой советский солдат. В 1942 году он был направлен со своей частью для участия в печально известной операции под Харьковом. В конце мая после своего первого жесточайшего боя с немецкими танками он чудом остается в живых и попадает в плен. За три года лагерей Юрий Владимирович вынес нечеловеческие испытания, но не только выжил, а сумел сохранить человеческое достоинство, бодрость духа и волю к жизни. В книге подробно, с важными, теперь уже почти забытыми, историческими и бытовыми деталями рассказывается о предвоенном времени, войне, немецком плене и первых послевоенных годах.

- Юрий Владимиров
  - ○
  - ○
  - ○ Книга первая
    - ■ Часть первая. Годы детства и отрочества
      - ■ Глава I
      - ■ Глава II
    - ■ Часть вторая. Три предвоенных студенческих года
      - ■ Глава I
      - ■ Глава II
      - ■ Глава III
      - ■ Глава IV
      - ■ Глава V
      - ■ Глава VI
    - ■ Часть третья. Война
      - ■ Глава I
      - ■ Глава II
      - ■ Глава III
      - ■ Глава IV
      - ■ Глава V
      - ■ Глава VI
      - ■ Глава VII
      - ■ Глава VIII
      - ■ Глава IX
      - ■ ГЛАВА X
      - ■ Глава XI
      - ■ Глава XII

- Глава XIII
- Глава XIV
- Глава XV
- Глава XVI
- Глава XVII
- Эпилог к главам XI, XII, XV, XVI И XVII

- Книга вторая
  - Часть первая. В плену на Украине
    - Глава I
    - Глава II
    - Глава III
    - Глава IV
    - Глава V
    - Глава VI
    - Глава VII
  - Часть вторая. В немецком лагере для военнопленных
    - ГЛАВА I
    - Глава II
    - Глава III
    - Глава IV
    - Глава V
    - Глава VI
  - Часть третья. В рабочей команде в городе Каменц
    - Глава I
    - Глава II
    - Глава III
    - Глава IV
    - Глава V
    - Глава VI
    - Глава VII
    - Глава VIII
- Книга третья
  - Часть первая. В лагере военнопленных в деревне Цшорнау под городом Каменц
    - Глава I
    - Глава II
    - Глава III
    - Глава IV
    - Глава V
    - Глава VI
  - Часть вторая. Конец немецкого плена
    - Глава I

        - Глава II
        - Глава III
        - Глава IV
        - Глава V
        - Глава VI
    - Часть третья. Прибытие в Донбасс, подневольная работа в угольной шахте и трудное возвращение домой – в родную деревню и в Московский институт стали
        - Глава I
        - Глава II
        - Глава III
        - Глава IV
        - Глава V
        - Глава VI
        - Глава VII
    - Приложение[17]
    - Вклейка
- notes
    - 1
    - 2
    - 3
    - 4
    - 5
    - 6
    - 7
    - 8
    - 9
    - 10
    - 11
    - 12
    - 13
    - 14
    - 15
    - 16
    - 17

Юрий Владимиров
Как я был в немецком плену

© Владимиров Ю. В., 2007
© ООО «Издательский дом «Вече», 2007

* * *

Посвящается светлой памяти моей дорогой супруги Екатерины Михайловны Владимировой – урожденной Журавлевой

Книга первая

Часть первая. Годы детства и отрочества

Глава I

Мои родители Владимир Николаевич и Пелагея Матвеевна Наперсткины по национальности чуваши. Они отлично владели русским языком, но в семье разговаривали только на родном – чувашском языке. Зная, что их детям предстоит жить в основном среди русских, оба родителя очень хотели, чтобы те как можно быстрее и лучше научились говорить по-русски.

Дед и бабушка были неграмотными и небогатыми крестьянами. Оба родителя, как и их родители, прожили практически всю жизнь в глухой и бедной (по крайней мере до моего появления на свет) деревне с чувашским названием Кив Кадэкь (Старо-Котяково) теперешнего Батыревского района Чувашской республики.

В июне 1932 года я получил свидетельство об окончании Старо-Котяковской четырехлетней школы, и мой отец решил направить меня учиться дальше, в открывшуюся в 1931 году в Батыреве школу колхозной молодежи (ШКМ). Отцу не нравилась фамилия Наперсткин, которая казалась ему слишком несолидной и унижающей личность, так как наперсток – это очень маленький и вроде бы никудышный предмет. Он боялся, что его детей, как бывало и с ним, сверстники будут дразнить наперстком. Поэтому отец сходил в Батыревский сельский совет и там переписал всех детей на фамилию Владимировых, получив соответствующие свидетельства.

Имея новую фамилию, в сентябре 1932 года я стал учеником Батыревской ШКМ, которую в 1934 году преобразовали в Батыревскую среднюю школу им. С. М. Кирова. Эту школу я окончил в июне 1938 года. В ту школу я ходил в любую погоду, преодолевая ежедневно туда и обратно около 5 км. При этом обувью у детей, как и у взрослых, зимой были валенки и лапти, а в другое время года – ботинки, сандалии или лапти. Но я ходил и босиком, если было не очень холодно. Это закалило меня и позволило выжить в суровые годы войны и плена.

С раннего детства мы очень много работали физически: поддерживали чистоту и порядок в доме и в других помещениях (подметали полы и даже мыли их), пилили и кололи дрова, убирали навоз, кормили и поили скот и птицу, таскали ведрами воду из колодца, сажали, пололи и выкапывали картофель, удобряли землю навозом, таскали солому из гумна для разных

целей. Летом мы поливали огород, подбирали в саду упавшие на землю яблоки, которые нередко обменивали у соседских ребят на куриные яйца, пасли свиней и теленка, гоняли в стадо скот и встречали его. Осенью помогали родителям в уборке урожая. Летом приходилось также много работать в колхозе.

Во дворе у нас был небольшой турник, с 1937 года я тренировался на больших турниках, много ездил на велосипеде.

В детстве мы любили слушать рассказы взрослых о сражениях «белых» и «красных», о Первой мировой войне. Мой отец с марта по июль 1917 года находился на военной службе в Петрограде в составе (в это время уже бывшей) лейб-гвардии Измайловского полка. В середине лета 1917 года указом Временного правительства отца демобилизовали, и с сентября того же года он продолжил работу сельским учителем. Однако в 1918 году он каким-то образом оказался в Белой армии, которая в то время находилась от нас совсем недалеко, но, к счастью, отец не успел принять участия в боевых действиях. Примерно через два месяца он дезертировал из воинской части и начал очередной учебный год в родной деревне.

Из других, правда, не очень близких мне родных, связанных с «ратными» делами, я хочу отметить двоюродного брата моей мамы (по линии её матери) – Данилова Виктора Даниловича (1897–1933), выпускника Владимирского пехотного училища, вероятно, поручика. Летом 1918 года он находился в Симбирске на военной службе в кругу молодого военачальника М. Н. Тухачевского. С 1925 по 1930 год он был военным комиссаром сначала Чувашской, а затем Марийской АССР, и к концу службы носил на петлицах гимнастерки по два ромба, что соответствовало знакам командира корпуса и нынешнего генерал-лейтенанта. К сожалению, из-за трагической гибели старшего сына и других причин он начал злоупотреблять спиртным, и, видимо, поэтому был освобожден от занимаемой должности. Затем он окончил Казанский педагогический институт и стал работать учителем в Батыревском педагогическом техникуме. В 1922 году он участвовал в работе первого съезда Советов в Москве, образовавшем СССР. Другим лицом из моей родни, отличившимся на ратном поприще, был муж маминой тети Марии (сестры маминого отца – Матвея) Степан Комаров, летом 1918 года возвратившийся с войны, имея два Георгиевских креста. К сожалению, он вскоре был убит белобандитами. Примерно через 16 лет после убийства Степана мы с большим удовольствием принимали в нашем доме молодого красивого красноармейца Петра, старшего сына тети Марии и её покойного мужа. Петр приехал на родину в кратковременный

отпуск, предоставленный ему за «высокую дисциплинированность и большие успехи в боевой и политической подготовке». Бравый вид и военное обмундирование Петра вызывали у меня восхищение.

Глава II

С раннего возраста я, как почти все дети, очень любил смотреть кинофильмы про войну. Тогда это были немые фильмы. К нам в помещении начальной школы из районного центра Батырево приезжала передвижная киноустановка. Киномехаником работал наш сосед и родственник дядя Костя Задонов. Фильм «Красные дьяволята» о борьбе «красных» с махновцами я ходил смотреть три раза. В 1936 году мы увидели звуковой документальный кинофильм о Киевском военном округе, где показывали крупные военные учения под командованием тогдашних комкоров Е. И. Ковтюха (вскоре был репрессирован) и И. Р. Апанасенко (погиб в 1943 году при освобождении Орла). Далее потрясающее впечатление произвел знаменитый военный фильм «Чапаев».

…К 1934 году, обучаясь в школе русскому языку и прочитав с помощью родителей и с применением небольшого русско-чувашского словаря множество русских художественных книг, журналов и газет, я научился достаточно хорошо разговаривать и писать по-русски.

С восьмого класса нас начали обучать немецкому языку. По этому предмету у меня всегда были отличные оценки, но всё же я научился читать и писать по-немецки, запомнив не более сотни немецких слов и принципы их склонения и спряжения. Моим тогдашним «успехам» в немецком языке значительно способствовал купленный мне отцом карманный немецко-русский словарь (примерно на 10 тысяч слов). Позднее я купил в Батыреве и другой, более объемистый (на 50 тысяч слов) немецко-русский словарь, которым пользуюсь и в настоящее время…

В годы учебы в средней школе я прочитал очень много художественной, исторической и даже политической литературы, которую брал из школьной и районной библиотек и покупал. В свободное от учебы время я занимался также на Детской технической станции (ДТС). Там мы мастерили под руководством мастера В. Минина авиамодели. Авиамодели получались у меня не очень хорошими, но я был в восторге, когда на митинге в Батыреве по случаю юбилея Чувашской автономной республики моя модель пролетела метров 50.

В 1937 году в стране начались аресты «врагов народа». У нас арестовали несколько очень хороших учителей и отличника Арсения Иванова из десятого класса исключили из школы. В это время моего отца назначили инспектором школ Батыревского районного отдела народного образования. Отец, конечно, боялся, что арестуют и его, поскольку был некоторое время в Белой армии, а в начале 1928 года его исключили из ВКП(б) с формулировкой «За хозяйственное обрастание»: он построил большой дом, завёл вторую лошадь, купил тарантас, а к весне 1930 года, после выхода в газетах статьи И. В. Сталина «Головокружение от успехов» не смог предотвратить развал колхоза, будучи его председателем. Я думаю, позже его всё равно бы арестовали, но он прожил с начала арестов только около двух лет.

В начале 30-х годов в нашей стране учредили нагрудный знак «Ворошиловский стрелок» двух ступеней, а затем значки ГТО («Готов к труду и обороне») тоже двух ступеней, а для детей – БГТО («Будь готов к труду и обороне!»). Далее последовали значки ГСО («Готов к санитарной обороне») и ПВХО («Готов к противовоздушной и химической обороне»). В воинских частях, на предприятиях и в учебных заведениях организовали сдачу норм на получение указанных значков. Однако в сельской местности необходимых условий для сдачи норм не сумели создать. В нашей школе не было не только тира и противогазов, но не хватало и лыж для сдачи зимних норм на значок ГТО.

Осенью 1937 года, когда я начал учиться уже в 10-м классе, нам в школу прислали нового преподавателя физкультуры – демобилизованного старшего сержанта К. А. Игнатьева, который очень энергично взялся за дело. Благодаря ему я сдал зимние нормы ГТО и полностью – все нормы ГСО, но самого значка получить не мог – таких значков не было в наличии. Но к апрелю 1938 года я успел получить значок ПВХО, поупражнявшись с противогазом за партой. Я сразу с большим удовольствием нацепил на пиджак это «воинское отличие» и даже сфотографировался с ним. К. А. Игнатьев показывал нам на турнике сложные гимнастические упражнения и научил меня выполнять сложнейшее упражнение – «солнце». Я был очень рад увидеть своего учителя возвратившимся с войны в звании, кажется, капитана.

В июне 1938 года в возрасте 16 лет и 11 месяцев я окончил Батыревскую среднюю школу им. С. М. Кирова, получив аттестат, соответствующий серебрянной медали (в те годы медали в средних школах не были предусмотрены) и дававший право на поступление в любое высшее учебное заведение (вуз), включая

даже отдельные военные академии (до 1938 года).

Я, как и отец, не курил, но успел попробовать единственно доступный мне тогда крепкий спиртной напиток – самогон, а также слабые вина – «Кагор» и «Портвейн». Однако я еще был очень наивным, со взрослыми людьми и с незнакомыми сверстниками скромен, ко всем очень доверчив, бесхитростен, мог дать легко обмануть себя. Поговорить с чужими людьми и попросить у них что-либо (а особенно у начальства) было для меня большой проблемой: я боялся, что помешаю человеку, что подошел к нему, и выжидал подходящий момент, а мой голос становился жалким.

Я постоянно старался отличиться перед сверстниками, особенно перед девушками чем-то необычным, что мог делать или знал только сам. К сожалению, не останавливался перед тем, чтобы что-то присочинить, чем-то прихвастнуть, часто погружаться в мечты и фантазии. Был очень открытым, даже болтливым.

С раннего детства я был дисциплинированным, исполнительным, любящим во всем идеальный порядок и всегда выполнял свои обещания. Бывал я и упрям, в важных делах консервативен и многое делал по-своему, старался оставаться самим собой.

В раннем детстве я много слышал от некоторых взрослых о неотвратимости судьбы, включающей в себя и счастье, и несчастье. И я этому верил и всегда жил по принципу – что бы со мной ни случилось, это воля судьбы, т. е. всё от Бога. Одновременно более значимыми я считал две другие пословицы: «Береженого Бог бережёт» и «На Бога надейся, но сам не плошай».

О своей жизни до 17 лет я написал в 1996 году подробные воспоминания «О моем народе, детстве и отрочестве, родных и земляках того времени»[1].

Часть вторая. Три предвоенных студенческих года

Глава I

Когда я был в возрасте отрока и учился в средней школе, мне еще не приходилось всерьез задумываться о выборе профессии. Начитавшись художественной литературы, я мог представить себя писателем, но не исключалась и мысль стать историком. В разрешении возникшей проблемы решающую роль сыграл мой отец, работавший тогда инспектором школ Отдела народного образования (РОНО) Исполнительного комитета (РИК) Советов депутатов трудящихся Батыревского района Чувашской Автономной Советской Социалистической республики (ЧАССР). Он считал, что я должен учиться дальше в Москве, а именно в Московском государственном университете (МГУ). Кроме того, отец сказал, что я должен получить не гуманитарное образование, а техническое – стать инженером. Но оказалось, что в МГУ инженеров не готовят.

Через пару дней отец увидел объявление, что в Военно-инженерную академию им. В. В. Куйбышева на первый курс принимаются без вступительных экзаменов гражданские лица, окончившие среднюю школу с таким же аттестатом, как у меня. Мы всей семьей сразу же решили, что Военно-инженерная академия – как раз то, что мне нужно: Академия очень престижна, там платят большую стипендию – кажется, около 550 рублей в месяц на первом курсе, слушатели носят красивую военную форму, а самое главное – инженерная специальность обеспечивала «безбедную жизнь в будущем». А о том, что вскоре может разразиться война со всеми её страшными последствиями, ни я, ни другие члены нашей семьи в то время совсем не предчувствовали.

Я быстро получил справку из районной больницы о моем хорошем здоровье, а из районного комитета комсомола – рекомендацию для приёма меня в Академию. Все необходимые документы были отправлены почтой ценным письмом в Москву, и мы с нетерпением стали ждать ответа.

В это же время родители написали в Москву бывшей жительнице нашей деревни и их ученице Смирновой Уттю – Агафье (Гале, как она позже стала себя называть) Егоровне письмо с просьбой приютить меня в её квартире на несколько дней, когда я прибуду в столицу. Та сразу же (в то время письма

из Москвы доходили до нас даже за двое суток) ответила положительно, написав подробно, как доехать к ней на метро.

Наконец из Академии пришло на мое имя официальное письмо, напечатанное типографским шрифтом: мне предлагалось прибыть в учебное заведение за свой счет точно к указанному сроку для оформления слушателем.

Стали немедленно собирать меня для поездки в Москву. Добравшись автобусом до железнодорожной станции Канаш (бывшие Шихраны), я должен был купить там билет до Москвы. Но у билетной кассы почти никогда не было должного порядка: образовывалась толчея, некоторые лезли к окошку кассира без очереди, нередко возникали драки. Обыкновенному пассажиру купить билет на поезд дальнего следования было трудно, так как поезда проходили через Канаш с вагонами, уже заполненными пассажирами. Как мне рекомендовали родители, я разыскал дежурного по станции и показал ему письмо из Академии, и он помог мне, как военному, приобрести билет без очереди на поезд № 65 «Казань – Москва». Билет мне достался самый дешевый – только для сидения.

В вагоне я взобрался вместе с чемоданчиком на самую верхнюю полку – багажную, жесткую – и там, конечно, без какой-либо постели улёгся спать, положив около головы чемоданчик, ручку которого почти постоянно держал рукой, чтобы его не «увели».

Хотя наш поезд назывался скорым, он шел медленно, часто останавливался на станциях, так что дорога до Москвы заняла около 16 часов.

Вышагивая с чемоданчиком в руке и постоянно оглядываясь вокруг, я нашел вход на станцию метро «Комсомольская» и здесь сразу же увидел газетно-журнальный киоск, а в нем – подробную карту-план города Москвы. И я сделал там первую московскую покупку – приобрел ту карту и по ней уточнил, что к тете следует ехать на метро до станции «Сокольники», минуя только одну станцию – «Красносельская».

На 4-й Сокольнической улице стоял дом, на первом этаже которого в комнате площадью около 16 квадратных метров жила наша бывшая односельчанка Галя Смирнова[2].

В 1918 году её отца Егора расстреляли, якобы за укрывательство «излишков» хлеба. В возрасте примерно 20 лет, полуграмотная, не зная русского языка, она приехала на заработки в Москву. Через некоторое время ее познакомили с проживавшей в упомянутом доме очень старой и больной женщиной, которую Галя стала обслуживать и после смерти которой её комната досталась моей землячке.

Я появился 24 июля у тети Гали неожиданно и очень некстати: только что она справила поминки по своей умершей дочери. Однако Галя приняла меня хорошо и очень обрадовалась, когда я вручил ей родительский подарок – банку свежего деревенского меда.

Утром я пришёл в приёмную комиссию Академии, а на следующий день мне предстояло явиться на собеседование, назначенное на 10 часов утра. В казарме мне показали мою кровать, я положил под неё свой чемоданчик. Моими соседями оказались два старших лейтенанта, которые тоже поступали в Академию. Завтра им предстояло собеседование в 14 часов. Я спросил, не ошибка ли это, поскольку мне эту процедуру назначили на 10 часов. Они ответили, что не ошибаются, так как этот срок только что сообщил им секретарь. И тут я подумал, что время собеседования могли перенести, а о том, что собеседование для гражданских и военных абитуриентов (кстати, этого слова мы в те времена и не слышали) проходят раздельно, я не догадался. Соседи сильно усомнились, что меня, совсем еще мальчишку по виду, примут в Академию. Но я решил им показать, что «не лыком шит»: когда мы вместе выходили из помещения, я увидел в зале турник, залез на него и продемонстрировал лейтенантам упражнение «склёпка», чем очень их удивил.

Пользуясь свободным временем, я отправился на Красную площадь, о чем давно мечтал. Увидел там церковь Василия Блаженного, Спасскую башню с часами, мавзолей Ленина с двумя часовыми у входа, Исторический музей и здание нынешнего Главного универсального магазина (ГУМа). Затем вышел на Манежную площадь и посмотрел, как там рабочие разбирают и нагружают на грузовые автомашины остатки дома, располагавшегося перед гостиницей «Москва».

В тот год, когда я впервые оказался в Москве, метро обслуживало пассажиров только на участках «Сокольники» – «Парк культуры», «Курский вокзал» – «Киевский вокзал» и готовился к пуску участок «Сокол» – «Площадь революции». Основным видом транспорта все еще оставался трамвай. Сохранился даже гужевой транспорт – лошади цокали подковами по булыжным мостовым. Снег на улицах не убирали полностью и можно было по нему ходить в валенках даже без галош. Галоши мы часто надевали на кожаную обувь и снимали их, сдавая в гардероб вместе с верхней одеждой.

Утром следующего дня после завтрака я еще походил по Москве, снова побывал на Красной площади, где наблюдал смену караула у мавзолея Ленина. К 14 часам я пришел в комнату

приёмной комиссии, очень удивив своим появлением секретаря, спросившего, почему я не явился на собеседование к 10 часам. В этот момент к кабинету, в котором должна была проходить процедура собеседования, направилась группа очень солидных военных. Кто-то из присутствовавших абитуриентов тихо произнес, что среди них находится Д. М. Карбышев, один из руководителей Академии и будущий генерал-лейтенант. Летом 1941 года он оказался военнопленным и 18 февраля 1945 года погиб мученической смертью в концентрационном лагере Маутхаузен в Австрии.

Через некоторое время секретарь снова занялся мною. Он попросил меня приблизиться и почти шепотом сказал мне на ухо, что собеседование, на которое я не явился, уже было совершенно не нужным для меня, так как накануне ему пришлось добавить в папку с моими документами только что поступившее с моей родины письмо, касающееся прошлого моего отца, и теперь у меня нет никаких шансов быть принятым в Академию. Я догадался, что в письме наверняка сообщалось о пребывании моего отца в Белой армии и что это письмо – дело рук одного местного недоброжелателя нашей семьи.

Конечно, я сильно огорчился, но делать было нечего. Секретарь отдал мне документы, вложив их в пустую папку, которую достал из своего шкафа. Я имел право еще раз переночевать в казарме Академии, но мне стало не по себе от случившегося, поэтому, сдав постель дежурному по казарме, а также пропуск на выходе из здания, я зашагал прочь от Академии. Так бесславно закончилась моя попытка стать профессиональным военным.

Глава II

Подавленный и растерянный, я добрёл до станции метро «Кировская (ныне «Чистые пруды») и вдруг у входа увидел рекламный щит с объявлениями о приёме в вузы и среди них объявление Московского института стали (МИС) имени И. В. Сталина, которое меня очень заинтересовало. Мне понравилось само название института, содержавшее слово «сталь», а также то, что это учебное заведение носило имя Великого вождя, происходившее от того же слова. Я подумал, что этот институт, без сомнения, понравился бы моему отцу и что моя учеба там подняла бы авторитет моих родителей.

27 июля рано утром, взяв с собой только папку с документами и карту-план Москвы, я отправился в Институт стали.

В приемной комиссии, ознакомившись с моими документами, мне выдали напечатанное на бланке Института письмо-вызов, в котором сообщается, что 27 июля 1938 года соответствующим приказом я зачислен в это учебное заведение на металлургический факультет. Однако секретарь заметила, что я не представил фотографии размерами 3×4 см.

Я вернулся с фотографиями часа через три, но секретарь приемной комиссии потребовала, чтобы я прошел еще институтскую медицинскую проверку. В кабинете на первом этаже я получил справку, подтверждающую, что я здоров. Однако давление крови оказалось повышенным. Врач – очень интересная женщина средних лет – спросила, много ли я выпил сегодня воды. Именно это чрезмерное употребление газировки стало причиной повышенного давления. Наконец я закончил оформление всех документов. Студенческий билет мне обещали выдать после 1 сентября.

Побывав с целью ознакомления на всех пяти этажах института, я покинул его стены и, радостный, поехал на Стромынку. И так как все мои дела в Москве завершились с неплохим результатом, я был счастлив. Так в этом городе началась моя юность. Теперь мне хотелось поскорее вернуться домой с доброй вестью для дорогих родителей.

…В тот день, когда я стал студентом МИСа, в Москву из Канаша приехали два моих одноклассника по Батыревской средней школе – сын местного кузнеца Саша (Александр Кондратьевич) Кузнецов и юноша из деревни Чуваш-Ишаки Миша (Михаил Прохорович) Волков. Забегая вперед, скажу, что оба они без особых трудностей поступили в избранные вузы: первый – в Институт механизации и электрификации сельского хозяйства (МИМиЭСХ), а второй – в Московский горный институт (МГИ). В 1943 году, будучи со своим институтом в эвакуации в Сибири, Саша с последнего курса перешел учиться в Академию бронетанковых войск, где окончил технический факультет и стал профессиональным военным – строителем танков. К пенсионному сроку он достиг звания инженер-полковника. А Миша 15 октября 1941 года вместе со мной ушел добровольно защищать Москву в составе Коммунистической дивизии, служил вместе со мной в двух воинских частях – под Москвой и в Горьком, погиб на войне. В годы учебы в столице я общался иногда и с другим земляком, студентом МГИ Володей (Владимиром Степановичем) Николаевым. Он еще подростком написал несколько стихотворений и рассказов на чувашском языке под литературным псевдонимом Мереш, который потом стал его официальной фамилией. В 1942 году Володя окончил МГИ,

а после войны – Высшую дипломатическую школу. Он работал дипломатом в Индии, составил урду-русский словарь. Скончался он в 1971 году и похоронен на Ваганьковском кладбище в Москве.

Друзья жили в студенческих общежитиях: Саша – на Лиственничной аллее возле Тимирязевской сельскохозяйственной академии, а Миша с Володей – на улице 2-я Извозная в районе Киевского вокзала. В выходные дни и праздники мы ездили друг к другу.

Мой одноклассник по Батыревской средней школе Макар Толстов – брат нашего преподавателя истории Якова Тимофеевича, получивший, как и я, аттестат отличника, направил свои документы для поступления на геолого-разведочный факультет Московского нефтяного института имени И. М. Губкина. В тот день, когда я вернулся из Москвы домой, он ждал вызова. Мы договорились вместе поехать в Москву к началу учебного года. Кстати, чтобы не упоминать мне больше о Макаре, скажу сейчас же, что я с ним встретился в последний раз в своей жизни в конце учебного дня, кажется, 10 сентября на общем для наших институтов дворе. Тогда Макар дождался меня у выхода из Института стали в конце учебного дня и начал говорить, что ему не нравится его Нефтяной институт, он намерен забрать из него документы и уехать домой. Просил и меня сделать то же самое. Хотя в те дни и мне, как и ему, было очень трудно с учебой и с совершенно новым образом жизни и постоянно мучила страшная тоска по дому, я решительно отказался от предложения друга. Через год Макар поступил в военное училище, окончил его лейтенантом, участвовал в войне, остался живым, дослужившись до высокого офицерского звания, и завершил свой жизненный путь далеко не старым где-то в Сибири…

Родители стали готовить меня к отъезду: купили в Батыреве большой черный картонный чемодан с двумя светлыми замочками, пару верхних рубашек, комплект нижнего белья и другие вещи. Дали местным мастерам заказы: связать мне шерстяные чулки и варежки, изготовить портянки, пошить кожаные сапоги и свалять тонкие валенки-чесанки, которые носили с резиновыми галошами. А главное – они постарались накопить деньги, чтобы в Москве я купил себе зимние пальто и шапку, шерстяной костюм, запасные брюки, ботинки и другие необходимые вещи. Между прочим, приобретение относительно недорогой одежды и обуви было очень большой проблемой даже в Москве, приходилось с раннего утра выстаивать в магазине огромные очереди.

…Рано утром в понедельник 29 августа, придя в институт,

я познакомился с бывшими выпускниками Шаховской школы Московской области, которые мне понравились с первого взгляда. Это были Паша (Павел Иванович) Галкин, Арсик (Арсений Дмитриевич) Беспахотный, Дима (Дмитрий Васильевич) Филиппов и Вася (не помню отчества) Рябков. И случилось так, что дальше эти ребята (кроме Васи, погибшего позже на войне), стали для меня, как в студенческое время, так и к концу жизни самыми близкими друзьями. Всем им не было суждено окончить Институт стали и стать металлургами, так как их взяли учиться на инженерные факультеты находившихся также в эвакуации военных академий: Пашу и Арсика – в артиллерийскую (в Самарканде), а Диму – в воздушную им. Жуковского. Паша закончил военную службу в звании генерал-лейтенанта (в последние годы он был референтом главнокомандующего советскими войсками в Германии), Арсик – инженер-полковника, а Дима – инженер-подполковника. Арсик преподавал в Высшем артиллерийском училище в Пензе и написал множество статей и учебники по артиллерийскому металловедению и термической обработке различных металлических материалов. В начале 50-х годов, будучи молодым офицером, он участвовал за Уралом в крупных военных учениях с применением ядерного оружия, был при этом облучен и в дальнейшем жил, принимая ежедневно очень дефицитные таблетки. Он рано потерял отца (отец его был командиром крупного соединения Красной армии и активно участвовал в Гражданской войне) и вместе с младшим братом (ставшим профессором, доктором технических наук по металлорежущим станкам) воспитывался у отчима П. Н. Поспелова, одного из идеологических вождей ВКП(б) и КПСС. Арсик умер 10 декабря 1997 года в Пензе.

Крупными военными инженерами стали и другие мои институтские друзья: Афонин Владимир Павлович, Захаров Николай Михайлович, Иванов Владимир Данилович, Полухин Иван Иванович, Сорокин Юрий Николаевич, Володин Николай Иванович, Молчанов Евгений Иванович, Смирнов Николай Григорьевич. Прослужив в армии офицерами и уйдя из неё с высокими воинскими званиями, они обеспечили себе, своим детям и даже внукам неплохие материальные условиями жизни. Мне и нескольким моим новым знакомым дали ордера на проживание в «привилегированном» общежитии «Дом-коммуна» (который мы переиначили в «Дом коммуны»), располагавшемся относительно недалеко от института. Почти всем предстояло жить вдвоем в малюсенькой комнате, которую мы называли кабиной. Соседом мне определили симпатичного юношу из поселка Глухово (под городом Ногинск) Сергея

Илюшина, с которым мы сразу же подружились.

Глава III

…Что же представляло собой студенческое общежитие Дом коммуны?

Он был построен в 1930–1933 годах по проекту архитектора И. С. Николаева (1901–1979) в стиле конструктивизма, архитектурные принципы которого сформулированы французским архитектором Ш. Ле Корбюзье (1887–1965). В этом доме впервые в отечественной практике были применены стальной и железобетонный каркасы, безбалочные перекрытия, горизонтальные окна, верхний свет, опора здания на столбы, плоская кровля. Все окна в комнатах были с двойными рамами, благодаря чему между наружным и внутренним стеклами можно было в холодное время хранить продукты. Свет из всех «кабин» (днем от солнца и ночью от электролампы) проходил в коридор сквозь окрашенные белилами стекла задней стенки комнат. Таким образом, в коридоре до самой ночи не требовалось дополнительного освещения. Электрические розетки имелись не во всех комнатах, поэтому в патрон электролампы, висевшей на потолке, вставляли «жулик» – черный эбонитовый патрон, имевший сбоку дырки, куда вставляли вилку со шнуром.

Стенки кабин не были хорошо звукоизолированы, что сильно мешало при выполнении домашних заданий. По обеим стенкам кабины стояли металлические кровати с матрацем, а между ними располагался узкий письменный стол. У окна перед каждой кроватью (или за нею) имелась тумбочка для продуктов и разных приборов, а на ней – небольшая этажерка с книгами, баночкой чернил, предметами личной гигиены. Одежду и полотенце вешали на стенку. Под кровать ставили чемодан и обувь (лишь у некоторых студентов были домашние тапочки). Убирались в комнате сами жильцы. Постельное бельё меняли примерно раз в месяц жильцы, получая его на специальном складе.

Бывали случаи, когда нам досаждали клопы, с которыми мы боролись, но без большого успеха. В летнее время из-за них приходилось иногда уходить со своей постелью, чтобы ночевать на полу балкона или на плоской крыше семиэтажного северного корпуса. Зимой нам нередко приходилось мерзнуть и надевать на себя пальто и укрываться им в постели, так как теплых одеял нам не давали.

В летнее время, когда студенты разъезжались на каникулы, в общежитии проводили косметический ремонт с переналадкой отопительных батарей и покраской полов и стен.

В полуподвальном этаже поперечного здания находился небольшой с наклонным полом зал со сценой, где вечерами и в выходные дни демонстрировались кинокартины, устраивались популярные лекции, проходили спектакли, концерты и собрания. Мы покупали 20-копеечные билеты, которые нередко искусно мастерили сами и ловко «всучивали» не очень внимательному контролеру.

По утрам и нередко по вечерам мы с соседом пили чай, как правило, с куском черного и иногда белого хлеба, намазанного очень тонким слоем соленого сливочного масла и покрытого пластинкой дешевой колбасы. На обед в столовых и особенно в нашем общежитии уходило много времени, так как приходилось выстаивать длиннейшую очередь к кассе, а затем ждать официантку. В Москве я впервые в жизни поел винегрет и овощной салат, борщ и окрошку, а из вторых блюд – котлеты, шницель, гуляш и азу. Сливочное масло и колбаса у нас в деревне были редкостью. При посещении кинотеатра мы иногда позволяли себе съесть порцию мороженого или выпить ситро (лимонад) и крайне редко кружку или бутылку пива. Не могу не отметить, что в довоенные годы в нашем общежитии редко кто из студентов пил водку, а я впервые употребил ее в ноябре 1940 года, когда провожал служить в армию своего двоюродного брата Александра Наперсткина.

К столовой Дома коммуны примыкал большой холл с искусственными пальмами. По выходным и праздничным дням этот холл использовали как танцевальный зал. Обычно танцевали под радиолу или играл наш институтский духовой оркестр. На танцах бывало много студенток из соседнего общежития Московского текстильного института, а также из дальних вузов – медицинских, педагогических и других, где преобладали девушки.

За холлом находился огромный спортивный зал со сценой, роялем и спортивным инвентарем. Здесь сдавали также нормы на значки ГТО первой и второй ступеней и работали разные спортивные кружки. В спортивном зале одно время работала и школа танцев. Иногда в спортивном зале проходили большие концерты, в которых принимали участие известные в те времена артисты и композиторы, включая И. О. Дунаевского. Там я слушал Вадима Козина, Изабеллу Юрьеву, Клавдию Шульженко, Ирму Яунзем, С. Я. Лемешева, И. С. Козловского, М. Д. Михайлова, Н. А. Обухову, О. В. Ковалеву и многих других певиц и певцов, как эстрадных, так и оперных и исполнявших народные песни. Но почему-то до сих пор особо помню пение эстрадной певицы Тарской, которой аккомпанировал на рояле композитор Фурман.

Довелось увидеть и услышать там же великих драматических артистов В. И. Качалова, Игоря Ильинского и других. Хорошо запомнил молодого тогда поэта Алексея Суркова.

До войны из-за необходимости постоянно экономить деньги мне, к сожалению, пришлось лишь по одному разу посетить Большой и Малый театры. А в других театрах и консерватории я не был вообще. В Большом театре осенью 1939 года я слушал оперу Мусоргского «Хованщина», но не менее интересным для меня было само посещение театра. Я хорошо запомнил дату первого посещения Малого театра – 11 мая 1939 года, так как в тот день по радио объявили, что разбились два знаменитых летчика – Герои Советского Союза Анатолий Серов и Полина Осипенко.

Чего мне тогда не хватало, так это, пожалуй, хотя бы минимального внимания со стороны… девушек-сверстниц. Я был не в состоянии купить женщине цветы, пригласить её в кино или театр. Успеху у женщин мешали еще отсутствие хорошей одежды и обуви, неумение танцевать, а в основном – полное отсутствие опыта общения с прекрасным полом. На своем курсе я заглядывался на рослую, чуть курносую блондинку – русскую немку Людмилу Вегеле, учившуюся в группе металловедов-термистов. В то время я не смел заговорить с нею, но к концу её жизни (в 1989 году) мы с ней подружились. Оказалось, что в годы войны ей пришлось пострадать из-за своего немецкого происхождения, хотя она даже не знала немецкого языка.

Я часто вспоминаю теплые компании, собиравшиеся в чьей-либо комнате, где на двух кроватях и одном стуле усаживались до 10 ребят, а иногда и девчат, где рассказывали различные истории и анекдоты, читали и слушали стихи (в том числе даже запрещенные нецензурные И. С. Баркова), обсуждали важные политические и государственные проблемы, международные, театральные и иные события, иногда выясняли что-либо оставшееся непонятым на лекциях и при чтении учебников, организовывали коллективные чаепития и всей компанией съедали продукты, присланные родителями. Не поделиться ими с товарищами считалось у нас очень скверным поступком.

Бывали у нас музыкальные «посиделки»: пели и играли на гитаре, мандолине, балалайке и даже скрипке и на трубе. Многие из песен и мелодий были услышаны мною впервые и произвели на меня потрясающее впечатление.

Глава IV

В свой первый день пребывания в общежитии я застал в своей

комнате компанию из нескольких ребят и одной девушки – студентки Инны Зильберман. Им, подыгрывая себе на гитаре, пел романсы, цыганские и блатные песни мой сосед Сергей. Компания почти не обратила внимания на меня, так как в это время зачарованно слушала певца. Положив чемодан под кровать, я сразу же увлекся пением, пораженный новыми для меня песнями, так как у себя на родине их не слышал. После 23-х часов в дверь громко постучал и вошёл староста корпуса, приказавший нам немедленно разойтись. Гости ушли, мы с соседом потушили свет и крепко уснули. Так с 29 августа 1938 года я начал свою жизнь в Москве. На следующий день, проснувшись рано, умывшись и кое-как позавтракав захваченной еще из дома деревенской пищей (черным хлебом, чувашской колбасой «шортан») и запив её сырой водой из водопроводного крана, я отправился проведать своих земляков, работавших на строительстве автосборочного завода «КИМ» (будущего автозавода им. Ленинского комсомола, или «Москвич»).

31 августа мы с ребятами отправились на поиски авторучек для записи лекций. Более опытный среди нас Степан Кадышев посоветовал посетить специализированный магазин на Арбате. Мы приобрели также несколько толстых общих и тонких ученических тетрадей, карандаши и точилку для них, линейки, угольники, ластики, циркуль типа «козья ножка».

Первый день учебы в институте начался с лекции по политической экономии, длившейся два часа с 10-минутным перерывом. Её прочитал доцент Бабич, одетый в черную гимнастерку, на которой был прикреплен Орден боевого Красного Знамени, по-видимому, полученный им за какой-то подвиг на Гражданской войне. Слушая лекцию, я понял, что лектор пользуется материалами из многократно переиздававшегося учебника начала 30-х годов «Краткий курс политической экономии», автором которого был видный экономист Л. Сегаль, объявленный «врагом народа». Этот учебник имелся у нас дома: отец занимался по нему, будучи студентом местного педагогического института. Я было хотел попросить отца прислать мне этот учебник, но не успел: примерно через пару месяцев вместо политической экономии мы стали изучать «Основы марксизма-ленинизма» по только что вышедшему «Краткому курсу ВКП(б)».

Мои однокурсики на всю жизнь запомнили Георгия Ивановича Левина, доцента (без ученой степени), читавшего нам лекции по аналитической геометрии. Это был 60-летний, невысокого роста человек, с пышными черными усами, в очках. Левин сразу же заворожил слушателей. Он говорил достаточно

громко, чётко, интересно, иногда прерывая лекцию оригинальными отступлениями и шутками. Кроме того, он очень хорошо рисовал мелом на доске геометрические фигуры, проводя абсолютно прямые линии, и красиво воспроизводил буквы и цифры. При этом слушателям совсем не трудно было записывать самое необходимое, о чем говорилось в лекции. Урна с прахом Г. И. Левина, умершего в 1951 году, захоронена на Донском кладбище, и его могилу я иногда навещаю одновременно с могилами трех институтских друзей.

Конечно, в институте были и другие замечательные лекторы. Например, зав. кафедрой сопротивления материалов проф. Александр Николаевич Гениев, одновременно преподававший в Военно-инженерной академии им. В. В. Куйбышева. Он ходил в зеленой военной гимнастерке с черными петлицами на воротнике, был очень темпераментным и рисовал схемы мелками различного цвета. Для туго соображавших студентов и особенно для студенток он был очень страшен. Отличными преподавателями были профессора-немцы Карл Францевич Неймайер и Владимир (Вольдемар) Николаевич Рудбах (заведовал кафедрой прокатки). К сожалению, до слушания лекций этих профессоров я не доучился. Нам преподавал также бывший князь Николай Алексеевич Путята, вернувшийся после Октябрьской революции из заграницы специально для того, «чтобы помочь родине хотя бы обучением кадров». Он был очень интеллигентен, но одет бедно.

Вторая неделя учебы оказалась отличной от первой тем, что в один из первых дней из студентов разных групп образовали отдельные языковые группы для изучения английского и немецкого языков. Услышав от некоторых ребят, что английский язык значительно проще по грамматике и более распространен в мире, чем немецкий, о котором я уже имел неплохое представление, я записался в английскую группу. Мне пришлось заниматься там, но всё же больших успехов в английском я так и не достиг. Мне очень не удавалось произношение.

Были у меня трудности и с другими предметами и даже появились сомнения в возможности продолжения учёбы. Правда, друзья всегда помогали мне устранять непонятое, но иногда удивлялись моей сообразительности.

Отец решительно возразил против моего возможного ухода из института и просил меня не забывать, что семья потратила на меня очень большие деньги. В своих письмах он интересовался, не голодаю ли я, не слишком ли экономлю деньги. А вскоре я получил поддержку своего нового друга

и соплеменника – Степана Кузьмича Кадышева, до приезда в Москву проживавшего в чувашском селе около небольшого города Кузнецка Пензенской области. Я заметил, что к Степану каждый вечер и в каждый выходной день приходит очень много ребят. Причиной таких посещений оказалось то, что Степан легко решал даже самые сложные математические задачи и помогал в этом товарищам. Конечно, и я стал пользоваться помощью Степана, и он стал мне не только самым необходимым другом, но и моим опекуном, советчиком и покровителем. Это было связано с тем, что я был с ним «одной крови», а с другой – был еще неопытным юнцом, требовавшим присмотра старшего. Степан был старше меня на 7 лет и за свои 24 года жизни, которая прошла у него далеко не сладко, успел уже многое повидать и испытать. Благодаря Степану у меня появилась твердая уверенность в возможности дальнейшей учебы в институте. У Степана было всего две белые рубашки, но к каждой из них имелось около десятка крепко накрахмаленных воротников, которые пристегивались к рубашке с помощью пуговиц и запонки. Так же было и с манжетами. Во время завтрака и ужина Степан ел в основном черный хлеб, намазывая его очень тонким слоем соленого сливочного масла и запивая такой бутерброд сладким чаем, иногда даже не заваренным.

В один из выходных дней перед праздниками 7–8 ноября 1938 года Степан, я и еще несколько ребят впервые посетили мавзолей В. И. Ленина. А 7 ноября вместе с большой группой из нашего института я впервые участвовал в демонстрации и прошел через Красную площадь мимо мавзолея, на трибуне которого стояли руководители государства во главе с И. В. Сталиным. Однако разглядеть его хорошо мне не удалось, так как до мавзолея было довольно далеко, а кроме того, мешали флаги и плакаты.

Зато в середине декабря мне и некоторым моим товарищам совершенно неожиданно представился случай увидеть совсем близко – в нескольких шагах от себя – почти всех высших руководителей нашего государства: И. В. Сталина, В. М. Молотова, М. И. Калинина, К. Е. Ворошилова, Л. П. Берия, Л. М. Кагановича и других, а также видных военных деятелей. Это случилось в связи с тем, что 15 декабря во время испытаний нового самолета разбился «великий летчик нашего времени» В. П. Чкалов. (Кстати, он был депутатом Верховного Совета СССР от Чувашской АССР.) Через пару дней состоялись его похороны на Красной площади, куда в качестве «народа» привели и нас – студентов МИС и других вузов. Я хорошо запомнил, что Сталин

был одет в очень дорогую короткую шубу черно-бурого цвета, на голове у него была меховая шапка-ушанка с опущенными из-за мороза «ушами», а на ногах – белые теплые бурки вместо привычных черных кожаных сапог.

Кстати, «великого и любимого вождя» И. В. Сталина и его соратников мне доводилось видеть на трибуне мавзолея до войны еще 4 раза во время демонстраций 1 Мая и 7 ноября 1939–1941 годов. Все демонстрации проходили очень весело, с пением, с музыкой духовых оркестров и танцами, с частыми остановками и нередко даже с распитием спиртных напитков.

Последний раз я очень хорошо видел И. В. Сталина после войны на трибуне мавзолея в теплый и солнечный день 1 мая 1948 года. Одет он был тогда в военную гимнастерку Генералиссимуса.

…В конце декабря 1938 года мы благополучно сдали в институте все положенные зачеты по изучавшимся дисциплинам. И вот наступил первый день Нового, 1939 года. Но мы его особо не встречали: елок не ставили, в компании не собирались, не напивались, тостов не произносили.

5 января вечером меня попросили спуститься ко входу в Дом коммуны, чтобы встретить каких-то посетителей. Я быстро прибежал туда и, к великому изумлению, обнаружил, что это были… мои отец и мать. Мама, увидев меня, воскликнула: «Сынок, как же ты вырос!» Мне не составило большого труда получить в комендатуре разрешение, чтобы родители пожили у меня несколько суток. Я познакомил родителей со Степаном, с которым они легко нашли общий язык. После хорошего совместного ужина Степан уступил свою кровать моей маме, а я в ту ночь в последний раз в жизни спал с отцом, как в детстве – в одной постели.

Обратную дорогу от станции Канаш до Батырева родителям пришлось преодолеть в открытом кузове грузовика, и, как рассказывала позже мать, отец тогда простудился и сильно заболел. Когда 10 февраля отец скончался, мама решила не вызывать меня телеграммой на его похороны, чтобы этим не затруднить мне предстоявшую пересдачу экзамена. Узнав о смерти отца, я дал себе клятву, что впредь буду учиться только хорошо.

В конце февраля 1939 года в институте организовали с индексом «Г» третий факультет. Он должен был готовить специалистов для оборонных предприятий и для производства стальной продукции военного назначения. В связи с этим сформировали для нового факультета деканат и соответствующие группы студентов, в число которых, конечно, не без тщательной

проверки анкетных данных и состояния здоровья включили и меня.

Деканом нового факультета назначили маленького ростом и ходившего в зеленой военной гимнастерке без петлиц доцента – типичного еврея Якова Хананович Сартана, а его заместителем – молодого доцента Николая Огилько, носившего черную гимнастерку. Оба они очень хорошо относились к своим подопечным. Забегая вперед, скажу, что осенью 1941 года Я. Х. Сартан, будучи комиссаром какого-то большого соединения народного ополчения, воевавшего с немцами в районе Вязьмы под Москвой и оказавшегося во вражеском окружении, попал в плен, пробираясь к своим в одежде простолюдина. Однако нацисты, как известно, люто ненавидевшие евреев и тщательно осматривавшие каждого пленного, похожего на еврея, почему-то не усмотрели в отрастившем большую черную бороду и одетом в лохмотья Сартане человека этой национальности и отпустили его на волю. Я. Х. Сартан пробыл в тылу врага примерно два месяца, пока местность, в которой он находился, не освободили от оккупантов. Но у своих людей нашему декану пришлось трудно: к нему сильно придрались за то, что он, будучи типичным евреем и к тому же комиссаром, остался жив на оккупированной территории. Его чуть не расстреляли, но он каким-то образом выкрутился. Однако после этого ему больше не пришлось работать в Институте стали, он смог устроиться лишь рядовым инженером на Московский метизный завод «Пролетарский труд». Тут-то я его застал начальником заводской лаборатории в 1951 году, когда приехал в командировку на этот завод со своего предприятия в Горьком.

Глава V

В начале июля 1939 года я отправился в родную деревню на летние каникулы. На серьезные события, разворачивавшиеся в то время внутри страны и вне её, я, как и многие молодые люди, тогда не обращал особого внимания и сильно не задумывался над ними. А между тем надвигалась война, и руководство страны усиленно готовилось к ней, укрепляя, но и, к несчастью, также ослабляя из-за репрессий Красную армию, точнее – Рабоче-крестьянскую Красную армию (сокращенно – РККА). Одновременно оно усиливало трудовую дисциплину, обучало население военному делу, а главное, увеличивало выпуск военной техники.

15 марта 1938 года И. В. Сталин после соответствующего судебного фарса расстрелял своих бывших главных соратников –

Н. И. Бухарина, А. И. Рыкова и других. А только за три дня до этого Германия присоединила к себе Австрию. Летом того же года на Дальнем Востоке у озера Хасан шли сильные бои наших войск с японцами. В сентябре 1938 года Мюнхенскими соглашениями Германии была отдана пограничная с нею Судетская область Чехословакии, а в декабре в нашей стране вышло постановление, согласно которому за три опоздания на работу виновнику полагалось увольнение.

В начале 1939 года в Испании установился диктаторский режим генерала Франко, а в марте Германия полностью оккупировала Чехословакию и начались переговоры представителей Великобритании и Франции с правительством нашей страны о гарантировании безопасности Польше, Румынии, прибалтийским и другим государствам от возможной германской агрессии. Летом в Монголии произошли упорные бои советских войск с японскими у озера Халхин-Гол (там сложил тогда голову мой однодеревенец Николай Гладков).

…Часть июля и первую половину августа 1939 года я в последний раз в своей жизни поработал вместе со сверстниками на поле родного колхоза при уборке урожая: вязал снопы, укладывал их в скирды и привозил их на общее гумно. Много купался, гулял, ездил на велосипеде, общался с друзьями и особенно много – со старшим двоюродным братом Александром Егоровичем Наперсткиным, обучавшимся на последнем курсе Марийского (Йошкар-Олинского) лесотехнического института.

А пока я находился в деревне на летних каникулах, в августе 1939 года руководство нашего государства приняло судьбоносное решение о заключении с Германией договора о ненападении, а позже имели место секретные договоренности о разделах сфер влияния обоих государств, о судьбе Прибалтики и Бессарабии.

1 сентября 1939 года осталось известным тем, что в этот день Германия напала на Польшу, после чего Великобритания и Франция объявили войну Германии, и так началась Вторая мировая война.

17 сентября наши войска вступили на территорию Западной Украины и Западной Белоруссии. Для проведения этой операции были мобилизованы даже несколько наших студентов-старшекурсников, отслуживших ранее в армии, и особенно – имеющие командирские звания.

В институте у нас большое значение стали придавать изучению предмета «военное дело», занимавшего 140 учебных часов. По этому предмету, посвященному в основном действиям пехоты, нам пришлось летом 1940 года держать экзамен, который я сдал на пятерку. Кафедрой военного дела в те годы руководил

авиатор майор Осинцев, преподавал предмет пожилой полковник – артиллерист Горин, который был очень интеллигентным и добрым человеком. Забегая вперед, отмечу, что на занятиях по военному делу мы хорошо изучили трехлинейную винтовку образца 1891/1930 годов конструкции С. И. Мосина (калибра 7,62 мм) и даже стреляли из неё боевыми патронами. Это происходило тогда, когда осенью 1939 года у нас принимали нормы на значок «Ворошиловский стрелок», для чего мы специально посещали тир на физкультурном стадионе кондитерской фабрики «Ударница».

Однажды в один из прохладных, но сухих дней конца апреля 1940 года полковник Горин повёз нас на электричке с Курского вокзала до станции Битца, где местность была хорошо пригодной для военной учебы, и Горин провёл здесь с нами практическое занятие по отработке тактики боя, включая перебежки, лазания по-пластунски и пр. Всё проходило очень весело.

Еще одним незабываемым для меня и моих друзей событием, связанным с изучением предмета «военное дело», была сдача норм на значок ПВХО. В один из теплых майских дней 1940 года нас привели в Нескучный сад и заставили спуститься в глубокий овраг. В этом овраге находился деревянный барак, предназначенный специально для сдачи норм на значок ПВХО. В том бараке, хорошо загерметизированном, нас заставили надеть противогаз и «противоипритный костюм», усадили на скамейки и заполнили помещение ядовитым газом (по-видимому, хлорпикрином). Через некоторое время нас выпустили. Так мы все благополучно сдали нормы на значок ПВХО.

В апреле 1940 года в институте организовали курсы пулеметчиков, которые вел один из студентов, отслуживших ранее в армии, третьекурсник Котов. Я очень хотел записаться на них, но Степан Кадышев, еще ранее «уполномоченный» моим покойным отцом всячески следить за мной, не дал мне это сделать.

Комсоргом нашей группы был тогда Боря (Борис Сергеевич) Денежкин, родом из Армавира. Отец его погиб в Гражданскую войну, и мать вышла снова замуж за друга отца, но вскоре умерла. Однако отчим очень хорошо относился к Боре и вырастил его. В 1940–1941 годах мы с Борей активно занимались в кружке по дзюдо. После окончания пулеметных курсов он летом 1941 года ушел добровольно на фронт и осенью того же года под Вязьмой попал в плен. В апреле 1945 года где-то под Берлином Боря был освобожден из плена и в составе Советской армии принял участие во взятии этого города, за что получил соответствующую медаль и медаль «За победу

над Германией». Осенью 1945 года он вернулся в Москву для продолжения учебы в Институте стали, который и окончил в конце 1947 года. В конце 60-х годов его взяли на работу в ЦК КПСС, а оттуда – в Министерство черной металлургии СССР и в руководство аппарата стран СЭВ. Он умер от инфаркта в июне 1990 года.

В середине ноября 1939 года в институте состоялась лекция молодого полковника о международном положении. Она была для нас очень интересной. При этом лектор лихо прогнозировал для СССР блестящие военные перспективы. Он заявил, что вскоре Финляндия будет в составе СССР, так как «вот-вот начнется война с этим мелким государством, а после того, как болота на границах и внутри Финляндии замерзнут, наши танки легко домчатся до Хельсинки».

И действительно, 30 ноября началась Финская война. Некоторые студенты и аспиранты нашего института, как и других вузов, предприятий и организаций, подали заявления с просьбой о включении их в состав лыжных батальонов, направляемых на фронт против «белофиннов». Я подумал было сделать то же самое, но Степан решительно отверг моё намерение.

По окончании зимней экзаменационной сессии в январе 1940 года я получил от профкома института бесплатную путевку «за хорошие показатели в учебе и активность в общественной жизни» и отправился на 12 суток в Дом отдыха «Ильинское» на берегу Москвы-реки.

Примерно в середине марта 1940 года война с Финляндией закончилась миром. А в апреле немцы оккупировали Данию и Норвегию и внезапно начали молниеносное наступление на границах Нидерландов и Бельгии. Захватив оба эти государства, они ворвались с севера на территорию Франции и вступили в Париж.

7 мая 1940 года в Красной армии ввели генеральские звания. Генералы не имели тогда погон, но их мундиры делались с петлицами на воротнике, на которых были предусмотрены от одной до четырех звездочек в зависимости от звания генерала: майора, лейтенанта, полковника, армии. Разумеется, большой интерес вызвал у всех список, фотографиями генералов и сведениями о них.

…Третий семестр учебы на втором курсе у нас завершился на месяц раньше, чем на других курсах: в мае мы сдали все положенные зачеты и экзамены и перешли на третий курс. Это произошло потому, что всех второкурсников направляли в июне на первую месячную ознакомительную практику на предприятия. Многих послали на юг – на Украину. Моя группа,

как и еще две группы, специализировавшиеся по прокатному производству, поехала на Днепровский металлургический завод (позже комбинат) имени Ф. Э. Дзержинского в Днепродзержинске. Конечным пунктом для нашего поезда оказался Днепропетровск. Я тогда не мог вообразить, что через два года именно в этом городе будет решаться вопрос моей жизни и смерти и что позднее многое в моей судьбе будет связано с Днепропетровском.

В то время на заводе начинал свою карьеру Л. И. Брежнев. Главным инженером предприятия был Ф. С. Таранов, а главным энергетиком – В. А. Герасименко, которые сразу после войны переехали жить в Москву и заняли руководящие должности в Министерстве черной металлургии СССР.

Тогда в Днепродзержинске из громкоговорителей мы узнавали о событиях в нашей стране и в мире. Нас особенно потрясали вести об успехах германской армии на французском фронте. 22 июня 1940 года мы узнали, что Франция капитулировала.

В то лето в нашей стране её руководство, готовясь к неизбежной войне, приняло ряд новых, очень серьезных мер. Началось создание специализированных по профессиям ремесленных (РУ) и профессионально-технических (ПТУ) училищ и школ фабрично-заводского обучения (ФЗО), куда стали направлять подростков. Они получали форменную одежду – шинели, пиджачки с петлицами и фуражки с соответствующими эмблемами.

26 июня вышло постановление об упорядочении трудовой дисциплины, введении семидневной рабочей недели и о переходе на 8-часовой рабочий день с семичасового, установленного в 1927 году. За опоздание на работу на 20 минут полагалось удержание в течение полугода 25 % месячной зарплаты, а прогул без уважительных причин – отдача под суд и удержание 25 % зарплаты, за самовольный уход с работы грозило тюремное заключение на срок от 2 до 6 месяцев.

Летом 1940 года наши войска вступили на территорию Бессарабии и Западной Буковины, отняли их у Румынии и присоединили к СССР. В августе произошло официальное принятие Литвы, Латвии и Эстонии в состав нашего государства.

В августе я закончил свои летние каникулы и снова выехал в Москву. В этот день ни я, ни мои родные не предполагали, что я возвращусь домой только через 6 лет и больше не увижу многих своих земляков. Из нашей деревни ушли на войну около 250 мужчин, из которых 110 погибли.

Мама вручила мне маленький чувашский «талисман», который должен был уберечь меня от возможных больших бед,

болезней и других несчастий и, конечно, от смерти. Он представлял собой тоненький бумажный пакетик размером 2 × 3 см, внутри которого находились несколько черных зернышек от цветов местного ядовитого и наркотического растения (не знаю, как оно называется по-русски) и кусочки суровой некрашеной нитки из конопляной пеньки.

Но эта нитка была необычной. Дело в том, что когда в нашей деревне, а также в соседних чувашских деревнях и селах кто-нибудь умирал, то сразу же после предания покойного земле всем присутствующим раздавали непосредственно на кладбище отрезки упомянутой нитки. Так вот, в моем «талисмане» были кусочки от такой нитки, которые вручались при похоронах отца и маминой мамы – бабушки Феодосии. Кроме того, говорили, что накануне мама продержала эту нитку одну ночь намотанной вокруг отцовского надгробия и бабушкиного креста.

При возникновении большой опасности или перед необходимостью преодоления сложного препятствия (например, перед сдачей экзамена, визитом к начальству с серьезной просьбой) следовало, как наставляла мама, вынув данный талисман, положить на него пальцы и решительно сказать про себя или вслух слова «Я одержу победу», «Я выздоровею», «Я останусь цел» или другие в зависимости от конкретной ситуации. При этом требовалось вспомнить своих близких покойных и просить у них помощи.

Глава VI

Уже в самом начале занятий в 1940 году многим студентам в институте пришлось испытать большую неприятность. Дело в том, что во всех вузах страны ребят со второго курса, годных к военной службе, включая и моего упомянутого земляка Ивана Воробьева, успешно окончившего первый курс МИЦМиЗ, забрали в армию и направили на краткосрочные курсы в военных училищах, где из них готовили лейтенантов.

Но это еще не всё: во всех гражданских вузах страны ввели плату за обучение и потребовали её срочно внести. В нашем институте полагалось внести за учебный год 650 рублей.

На третьем курсе мы начали изучать дисциплины, непосредственно относящиеся к нашей будущей специальности: детали машин, физическую химию, металлографию, теорию металлургических процессов, электротехнику, теплотехнику, металлургические печи, теорию механизмов и машин, грузоподъемные машины, минералогию и кристаллографию.

В начале осени 1940 года руководство СССР, стремясь

максимально экономить в стране во всём, ввело в действие порядок, согласно которому военнослужащие, отслужившие свой срок в Красной армии, должны были после демобилизации возвращаться домой не в красивом военном обмундировании, как это было раньше принято, а в той, как правило, старой одежде и обуви, в которых они были призваны на службу. Сразу же после введения этого порядка мне довелось встретиться на Казанском вокзале в Москве с демобилизованными из армии земляками, уезжавшими на родину. Им было очень стыдно предстать дома перед близкими людьми в своей старой одежде.

В первых числах октября того же года вузовцев страны сразил еще один страшный удар: стипендию решили платить только тем, кто на экзаменах получил только отличные и хорошие оценки. Таких студентов набиралось не более 20 %. Я, к несчастью, к их числу не относился, так как имел одну тройку. Пришлось сообщить маме о постигшем меня новом несчастье. В это время у нее на руках было трое детей, а мой брат Геннадий учился в Институте военных инженеров железнодорожного транспорта в Новосибирске. Хотя он и получал высокую стипендию и носил казенное обмундирование, ему тоже требовалась денежная помощь. Чтобы добывать необходимые деньги, моей матери пришлось взять в начальной школе много дополнительных часов работы и перевести двух моих братьев из Батыревской средней школе на учебу в местный педагогический техникум, где учащимся платили небольшую стипендию.

У нее в деревне имелся большой приусадебный участок и яблоневый сад, немалое поголовье скота (корова, телка, до 15 овец, не менее двух свиней) и птицы (до 30 кур), а в саду стояли 12 пчелиных ульев. Мама продавала местным жителям яблоки, мед и еще что-то, чтобы не тратить деньги, которые она зарабатывала в школе. Ей приходилось работать с раннего утра до поздней ночи, не зная отдыха и питаясь кое-как. После войны, в которой участвовали трое её сыновей, она была удостоена высокого звания Заслуженной учительницы школ Чувашской республики, награждена медалью «Материнская слава», орденом Ленина, а также другими медалями. Умерла мама 6 сентября 1980 года в возрасте 82 года (без 21 дня).

…Итак, я остался студентом МИС, но, к моему большому несчастью, Степану Кадышеву пришлось бросить учебу в институте. Некоторые устроились работать на строительстве Дворца Советов и стали жить в общежитии. Осенью 1941 года дом, где было это общежитие, разрушило бомбой, и дальнейшая судьба этих ребят мне неизвестна.

В середине октября белоруса Костю (Константина Петровича)

Демидова, а потом и Степана Кадышева, остриженных наголо, мы проводили с вещами в расположенный на улице Шаболовка клуб кондитерской фабрики «Ударница» (ныне это восстановленная церковь Живоначальной Троицы). Там собирали молодых призывников и оттуда отправляли по разным городам служить в армии. Степан через месяц прислал мне письмо, в котором сообщил, что служит рядовым в одном из воинских частей под Владивостоком. Я написал ему ответ, но на этом наша связь оборвалась.

…После отъезда Степана моим соседом по комнате стал Иван Григорьевич Митрофанов родом из-под Арзамаса. С ним, с 1947 года живущим с семьей в Волгограде и проработавшим там до ухода на пенсию крупным инженером на металлургическом заводе «Красный Октябрь», я продолжаю дружить.

В отличие от Степана, Иван не занимался опекунством надо мной. Мы записались с ним в только что организовавшиеся институтские спортивные секции.

Особое место в нашей студенческой жизни занимал спорт. Во время тренировок в секции дзюдо, проводившихся не менее двух раз в неделю в течение двух-трех часов, мы укрепляли, усиливали и делали более гибким тело и обучались различным приёмам борьбы, имевшим конечную цель – положить противника на обе лопатки. Учились падать так, чтобы не сломать руки и т. д. Мы выполняли и гимнастические упражнения. Я мог делать на турнике до 15 подтягиваний и совершать сложные упражнения. Но брусья, кольца и конь мне давались плохо. Но уже через месяц я значительно укрепил ноги, увеличил силу отталкивания и научился быстро сжиматься в комок при падении, так что стал иногда в коридорах института или общежития, разбежавшись и высоко подпрыгнув, совершать, как циркачи, акробатический номер – «мертвую петлю» с поворотом тела как вперед, так и назад. Все любили смотреть, как забавно боролись я и Виталий Лукоянов, имевшие вес «мухи» и поэтому чрезвычайно быстро двигавшиеся с самыми различными поворотами и сменами положений. А у борцов с большим весом этого не было, и зрители воспринимали их не с таким интересом.

В начале декабря 1940 года наша институтская команда борцов дзюдо впервые приняла участие в московском общегородском юношеском соревновании по данному виду спорта. Тренер посоветовал нам сходить накануне в баню и сильно попариться, чтобы максимально уменьшить свой вес, что мы и сделали. Утром нас привезли на стадион Юных пионеров (у метро «Динамо»), где зарегистрировали и сразу же взвесили. После этого мы отправились в ресторан, где бесплатно

хорошо поели высококалорийной и жирной пищи, чтобы теперь, наоборот, увеличить свой вес и этим в какой-то мере затруднить действия противника.

На соревновании я обе схватки легко выиграл, причем первую – досрочно. Хорошо поборолись и мои товарищи по команде. В результате мне присвоили квалификацию борца третьего разряда. Аналогичные соревнования состоялись в феврале, апреле и в начале июня 1941 года. Кроме того, мы участвовали еще в мелких (типа межвузовских и районных) соревнованиях. К июню по результатам всех соревнований я стал борцом первого разряда. Однако в последнем общегородском юношеском соревновании, которое проходило в начале июня 1941 года, в противники мне попался коварный татарский юноша, который во время борьбы незаметно (а может быть, и заметно) для судей сильно и больно ударил меня ногой в пах. Я разозлился, не сдержался и громко выругался по-татарски, чем на миг ошеломил противника и сумел бросить его на обе лопатки. Схватка этим закончилась, я обрадовался, думая, что победил. Но судья, подняв руку противника, объявил победителем его, а меня дисквалифицировал за грубость. Так моё увлечение борьбой закончилось…

…В начале третьей декады октября 1940 года меня, Ивана Митрофанова и некоторых других студентов вызвали в институтский комитет комсомола. Здесь нам сказали, что мы, как активные комсомольцы и спортсмены, должны принять участие в военном параде на Красной площади 7 ноября в составе батальона, носящего название «Вооруженный пролетариат». Такой батальон, состоявший из мужчин, одетых в гражданскую одежду и с винтовками со штыками, выступал тогда на всех военных парадах на Красной площади, замыкая батальоны из военнослужащих. «Вооруженный пролетариат» должен был показать «мировому капиталу», что «все советские люди готовы с оружием защищать социалистическое отечество». В качестве правофланговых в таком батальоне обычно находились переодетые в гражданскую одежду опытные военнослужащие.

На тренировках нас учили хорошо маршировать, соблюдать абсолютно прямую шеренгу из 12 человек, а потом красиво шагать с винтовками. Погода в это время была дождливая, но на это не обращали внимания, однако наша промокшая одежда не успевала за ночь полностью высохнуть.

За пару суток перед парадом поздно ночью нас привезли на Манежную площадь для генеральной репетиции. День 7 ноября выдался хмурым и с мелким дождем. Было холодновато. С рассветом мы прибыли на Манежную площадь. Пока

принимавший парад нарком обороны маршал С. К. Тимошенко объезжал нас на коне, мы громко кричали «Ура!». Потом С. К. Тимошенко с трибуны мавзолея произнес речь (зачитал текст), и, наконец, мы промаршировали под музыку большого оркестра через Красную площадь мимо Мавзолея. На его трибуне, приветствуя нас, стояли И. В. Сталин, В. М. Молотов, М. И. Калинин, Л. П. Берия, Л. М. Каганович и другие руководители страны, а также несколько генералов и гражданских лиц.

После парада нас за государственный счет хорошо – с бутылкой пива – накормили вкусным горячим борщом и гуляшом. Так я в первый и последний раз в своей жизни принял участие в военном параде.

За несколько дней до ноябрьских праздников в нашем институте вывесили объявление о том, что активные комсомольцы, имеющие рекомендацию от райкома комсомола, обладающие соответствующим здоровьем, могут быть направлены на учебу в Московский аэроклуб, чтобы приобрести профессию летчика. Из нашей группы Ася Рязанова – девица на вид совсем неброская и очень хотевшая чем-то отличиться, – первой откликнулась на это объявление и предложила мне вместе с ней записаться в аэроклуб. Я сразу согласился, а другие ребята почему-то отказались. Мы с Асей добились в райкоме рекомендации и через пару дней после праздников поехали с документами в аэроклуб.

13 ноября прошли через медицинскую комиссию. Мои нервы, сердце, легкие, желудок, ноги, руки, глаза, уши и другие органы врачи признали годными. Но с носом они крепко ошиблись. Дело в том, что мне дали раствор валерианы, который у меня на родине называли не валерианкой, как в Москве, а каплями Иноземцева. Так я и ответил. Врачи же подумали, что я не различаю запахов и поэтому говорю им о каких-то каплях. В итоге они признали меня непригодным для учебы «из-за отсутствия очень важного для летчиков чувства обоняния». Мои же объяснения они не приняли всерьез, утверждая, что валерианку знают все люди. Таким образом, меня забраковали, и это сильно обидело меня, но в основном лишь из-за того, что я стал «жертвой» врачей. Асю же приняли в аэроклуб, и она там успешно занималась вплоть до начала войны, но куда делась потом, не знаю…

…На следующий же день чувство обиды за своё вчерашнее «поражение» у меня совсем исчезло, потому что ко мне приехал мой любимый двоюродный брат Саша Наперсткин. Его призвали в армию и определили лейтенантом в воинскую часть где-то

под Тбилиси. Мы сразу же сфотографировались на память, выпили и закусили за его счет вместе с моим соседом Иваном. До июня 1941 года Саша учился в Тбилиси на курсах повышения квалификации среднего командного состава, в войну служил в Иране офицером в составе советских войск и воевал с немцами в Венгрии и Австрии. После Победы он нес службу в Австрии, где его, как он рассказывал, очень любили австриячки. Демобилизовался Саша в сентябре 1946 года.

16 ноября у меня появился другой старший брат, но троюродный, тоже Саша Наперсткин, по отчеству – Семенович, который в детстве делал мне разные игрушки и, в частности, стреляющие с большим грохотом пулями с серой от спичечных головок. Одет был Саша очень бедно – в сильно поношенные фуфайку и старые рваные ботинки. Оказалось, он привёз мне от мамы посылку с продуктами и теплыми носками. Задерживаться гость не стал: ему, также призванному в армию, надо было быстро присоединиться на Киевском вокзале к другим призывникам и отправиться на место службы где-то под Львовом. Так он и уехал, а я его не проводил, о чем потом очень пожалел, поскольку наша встреча оказалась последней – он погиб в первые же дни войны…

…В ноябре группа наших студентов во главе с четверокурсником Лёвой (Львом Николаевичем) Филимоновым (будущим профессором, доктором наук) – рослым и здоровым блондином подрядились разгрузить за 24 часа огромную баржу с капустой. На эту очень тяжелую физическую работу пригласили и меня, предупредив, что придется пропустить занятия и работать всю ночь и день без перерывов, перекусывать на ходу, а тот, кто не выдержит, уйдет с работы раньше, никаких денег не получит. Я согласился.

Было темно, прохладно и очень сыро, иногда шел мелкий дождь. Мы складывали кочаны капусты в корзины, вдвоём выносили их с баржи на берег Москвы-реки и, пройдя метров 25, затаскивали в сарай и выгружали. Работал я в паре с Иваном. Из двадцати человек двое не выдержали и ушли домой, а мы получили по 56 рублей – тогда немалые деньги.

Через неделю я снова попал на такую же работу, однако на этот раз потерпел большую неудачу: после почти 30 часов непрерывного труда повредил левую ногу, поскользнувшись и упав с корзиной при выходе с баржи. Пришлось кое-как ковылять до остановки трамвая и вернуться домой. Хотя я не доработал до конца выгрузки часа два, но мне, согласно уговору, ничего не заплатили. А мог бы получить около 70 рублей! Было обидно до слез.

…В третьей декаде декабря 1940 года я сдал все положенные за пятый семестр восемь зачетов и даже досрочно два экзамена – по физической химии и теории механизмов и машин. Предстояло сдать в январе 1941 года еще четыре экзамена.

И вот наступил 1941 год. Накануне – 31 декабря 1940 года – установилась в Москве мягкая, не морозная и тихая погода, без солнца. С наступлением вечерней темноты повалил снег. Трамваи ходили редко, поэтому нам после ужина пришлось отправиться в институт пешком. Там мы побыли на концерте участников самодеятельности и на танцах под духовой оркестр. К часам 22-м и мой сосед Иван вернулись домой опять пешком. Попили чаю и легли спать. Так мы проводили старый – 1940 и встретили Новый – 1941 год.

После сдачи экзаменов за пятый семестр став уверенным в том, что смогу дальше учиться без особо больших усилий, включая обязательное посещение всех лекций, а главное – из-за того, что не добился права на получение стипендии и чтобы не жить только на деньги, присылаемые мамой, я в третьей декаде января 1941 года сразу же, не уходя на зимние каникулы, устроился вместе с Иваном работать на карандашную фабрику имени Сакко и Ванцетти. Трудиться на ней предстояло в цехе ширпотреба в качестве строгальщика досок и подсобного рабочего. Это предприятие, как и другие аналогичные объекты, было определено профкомом института для работы студентов и студенток, которые не получали стипендию.

По договоренности с отделом кадров фабрики и начальником цеха нам разрешили вдвоем трудиться на одном рабочем месте по 8 часов: один день был занят Иван, а другой – я. Вставать приходилось до 7 часов утра, чтобы не опоздать на смену. В качестве верхней спецодежды нам на двоих с Иваном выдали одну типичную для тех времен короткую теплую фуфайку, но не черную, как обычно, а ярко-красную. В той же фуфайке после окончания рабочего дня мы ехали в институт на занятия, которые часто проходили вечером. Поскольку работа у нас была не грязной (имели дело в основном с деревянными стружкой и опилками), одежда почти не замарывалась. Наша красная фуфайка часто бывала для наших друзей поводом для всевозможных шуток.

В начале февраля 1941 года мне и Ивану выдали аванс по 100 рублей, но в конце месяца обоих неожиданно уволили с фабрики: якобы было трудно учитывать нашу работу, поскольку мы выходим на работу через день.

Павел Галкин и еще кто-то из товарищей завлекли меня на курсы шоферов-любителей. Учёба проходила на автобазе где-

то на Красной Пресне, в основном по выходным дням. Прослушав теоретический курс, мы занимались практической ездой на грузовике на специальной площадке, после чего стали ездить вместе с инструктором по улицам Москвы. Моим инструктором был очень добрый и внимательный мужчина лет около сорока с фамилией Ахчеев. К концу практических занятий он вдруг посоветовал мне никогда не садиться за руль, так как, я, по его мнению, «не обладаю спокойным характером и не чувствую машину».

В третьей декаде мая состоялись экзамены для получения удостоверения. К сожалению, мне пришлось сдавать их дважды: в первый раз я не сумел правильно ответить на один из вопросов. Через неделю на повторном экзамене я правильно ответил на все вопросы экзаменатора и удовлетворительно выполнил езду на автомашине. Однако воспользоваться этим удостоверением мне ни разу не пришлось.

В апрельские дни 1941 года мы узнали, что Германия захватила Югославию и Грецию и ввела свои войска в Финляндию, Румынию и Болгарию. Мы не понимали, насколько это плохо для нашей страны, и совершенно равнодушно отнеслись к сообщению о том, что начальником Генерального штаба Красной армии назначен генерал Г. К. Жуков, сменивший на этом посту маршала Б. М. Шапошникова.

В первых числах июня 1941 года начались экзамены за шестой семестр. И первый же экзамен – по курсу «Детали машин и грузоподъемные устройства», который я сдавал 7 июня профессору Гавриленко, я провалил, так как готовился кое-как и был слишком самоуверен. Возвратившись домой сильно расстроенным, я увидел молодого лейтенанта-пехотинца с вещевым мешком и скаткой шинели. Им оказался мой земляк Иван Воробьев из деревни Булаково, бывший студент МИЦМиЗ. В сентябре 1940 года его забрали прямо из института в армию. Он окончил краткосрочные военные курсы командиров и направлялся на место службы в Западную Украину в район Перемышля.

Меня, Ивана и еще одного своего друга он пригласил в ЦПКиО им. Горького, куда мы направились пешком. Ваня подвёл нас к пивному ларьку. Здесь он купил каждому из нас по кружке пива и влил во все кружки дополнительно по 50 грамм водки, купив её в бутылочке-четвертинке в том же ларьке. Мы выпили этот «ёрш» и зашли в один ресторан, где основательно угостились за счет Вани. Утром Ваня направился на Киевский вокзал. Наверное, Ване вскоре пришлось принять первым бой с немцами и одним из первых сложить свою

голову. В субботу 21 июня после сдачи экзамена остаток дня мы провели в ЦПКиО им. Горького, куда к вечеру собралось очень много молодежи. Везде играла музыка, работали аттракционы, словом, царило веселье. Мы выпили по кружке пива с добавкой к нему глотка водки и допоздна бродили по парку. Утром надо было готовиться к следующему экзамену. И на воскресенье ничто не предвещало плохого.

Часть третья. Война

Глава I

Воскресенье 22 июня 1941 года в Москве выдалось теплым и солнечным. В коридорах общежития была необычная тишина. Приведши себя в порядок, мы отправились позавтракать в буфете, где, как обычно, попили чай с белым хлебом, сливочным маслом и колбасой. Вдруг в столовую ворвалась молодая женщина и закричала: «Война! Война!» Мы сначала не поверили ей. Прибежали к себе, включили репродуктор и убедились, что действительно началась война, но с Иваном не стали время терять и отправились в читальный зал готовиться к очередному экзамену. Однако в голову ничего не шло, вокруг все обсуждали происходящее. К 12 часам мы спустились в холл общежития и выслушали выступление по радио В. М. Молотова, а затем отправились в Нескучный сад, где в небольшом старинном (XVIII века) двухэтажном доме на втором этаже имелся уютный читальный зал и небольшая библиотека. Но и здесь занятия не удались: дежурный старичок подошёл к нам и стал рассказывать, что он воевал с немцами в Первую мировую войну, что немцы очень сильны своей организованностью, но физически уступают русским, особенно в штыковой атаке. Кроме того, он сообщил, что побывал в немецком плену, помучился там от голода и унижений, но совершил удачный побег и добрался до своих войск.

В первые дни войны власти потребовали от населения проявлять бдительность, выявлять шпионов и диверсантов, соблюдать светомаскировку, т. е. закрывать с наступлением темноты окна, чтобы не было видно света, а для этого срочно изготовить и установить на всех окнах щиты. Первое время окна завешивали одеялами и вкручивали синие лампы. На стекла крест-на-крест наклеивали ленты из бумаги или газет, чтобы при бомбежках стекла не разбивались от ударной звуковой волны. Была дана команда – на безопасном расстоянии от жилых зданий и сооружений вырыть окопы, они служили убежищами для людей от осколков при налетах вражеской авиации. Предписывалось иметь на крышах запасы песка и воды для тушения зажигательных бомб и возникших пожаров. Всё это было выполнено в Москве в основном в течение двух недель. Под многими жилыми зданиями были созданы капитальные бомбоубежища. Везде имелись санитарные посты. Почти все

дежурные носили на плече сумку с противогазом. В разных местах начали устанавливать зенитные орудия, а также пулеметы и прожекторы.

Советское информационное бюро (Совинформбюро) публиковало оперативные сводки и вести с фронтов. 30 июня в стране был создан Государственный комитет обороны (ГКО) во главе с И. В. Сталиным, взявшим на себя всю полноту власти в государстве.

23 июня в Военном комиссариате Ленинского района, к которому тогда относился наш институт, нам выдали на руки под расписку мобилизационные повестки. Мы, в свою очередь, должны были вручить их соответствующему лицу, мобилизованному на войну. При этом было сказано, что вручить повестку следует лично в руки мобилизованному, а если дома его не окажется, и он находится где-то в Москве или под Москвой (на работе или на отдыхе), то всё равно его требуется найти и обязательно отдать ему повестку.

Мне достались три повестки: одна – для мужчины, проживавшего за Калужской заставой, почти рядом с Окружной железной дорогой, вторая – тоже для мужчины, обитавшего в старом деревянном домике, недалеко от здания нашего института, и третья – для женщины-врача, квартира которой находилась в многоэтажном доме почти в конце улицы Большая Якиманка.

Мужчины были сильно возбуждены и заявляли, что обязательно «проучат» немца и быстро закончат войну. Но женщины, особенно пожилые, были очень опечалены, многие из них плакали.

На следующее утро нас позвали на очередное мероприятие. На этот раз нас распределили на три группы по 20–25 человек. Я попал в группу во главе с Лёвой Филимоновым, которая отправилась к Станкозаводу им. Серго Орджоникидзе. На проходной завода нам выдали лопаты, кирки, ломы и другой инвентарь и после этого повели к Калужской заставе. Нам предстояло выкопать несколько длинных окопов (глубиной не менее 1,5 метра), где работникам завода и другим людям предстояло прятаться при налетах немецких самолетов. Работой мы занимались бодро и весело, и она длилась почти весь световой день с перерывом на обед в столовой завода. Многие из нас, не надевшие рукавиц, нажили на ладонях волдыри. Аналогичную работу мы выполняли и в последующие дни, но уже в других местах. Ночью с 24 на 25 июня нас разбудили гудками предприятий и сирены, оповестившие о первой в Москве воздушной тревоге. Ошарашенные и удивленные происшедшим,

мы выскочили в темноте на улицу и быстро заполнили близлежащие окопы. Многие люди и особенно женщины с детьми укрылись в подвалах, еще не ставших нормальными бомбоубежищами. Ребята и девушки, специально выделенные для ликвидации пожаров, сразу выбежали на крышу и верхние балконы Дома коммуны. На улице стало почти светло, но не потому, что была одна из самых коротких ночей года. Оказалось, на небе возникли огромные светлые пятна от расположенных в разных местах города прожекторов, искавших своими яркими и длинными лучами летящие на большой высоте вражеские самолеты. Кроме того, небо освещали выстрелы зенитных пушек и пулеметов, трассирующие снаряды и пули. И выстрелы, и разрывы снарядов сопровождались громоподобными звуками, к которым добавлялись еще звуки падающих осколков. Кстати, от «своих» осколков и пуль тоже надо было прятаться, но об этом мало кто догадался сразу. По этой причине в первые дни войны многие дежурные погибли или получили ранения.

Примерно через два часа после объявления тревоги по радио объявили: «Угроза воздушного нападения миновала. Отбой!» Сразу раздались соответствующие этому сигналу гудки и звуки сирены. На следующий день мы пытались узнать, какие же объекты города пострадали от бомб. Но никто ничего не мог нам сообщить. Лишь спустя несколько дней мы узнали, что эта воздушная тревога была учебной.

…26 июня мне предстояло сдавать трудный экзамен по металлургическим печам. Понятно, что обстановка, сложившаяся перед этим, не дала мне возможности хотя бы немного подготовиться к испытанию. Кроме того, в течение учебного семестра я старался запомнить пройденный материал, занимаясь посторонними делами, – в разных кружках и на курсах шоферов. На экзаменах из трех вопросов два оказались для меня непреодолимыми. Я думал, что экзаменатор доцент А. И. Ващенко «смилуется» и хотя бы на короткое время покинет аудиторию, дав возможность подсмотреть нужный материал в шпаргалке. Но этого не случилось.

А утром 30 июня был дан приказ о срочной мобилизации коллектива на трудовой фронт. Аналогичная мобилизация проводилась и в других учебных заведениях, а также на предприятиях и в организациях Москвы.

В соответствии с этим приказом команда физически здоровых студентов всех курсов, кроме пятого (выпускного) и частично второго, находившегося на ознакомительной практике в городах, далеких от Москвы, должна была отправиться 1 июля

в Смоленскую область для строительства оборонительных сооружений. В этом списке оказался и я.

Было сказано, что все отъезжающие на трудовой фронт должны срочно подготовить себе продукты питания на пару суток (до приезда на место) и соответствующую одежду с расчетом пребывания вне Москвы не более двух недель. Брать с собой одеяло и пальто не рекомендовалось, так как время было летнее. Многие говорили, что «война через пару недель закончится полной победой нашей армии над фашистской».

Моя подготовка к отъезду не заняла много времени. В имевшийся у меня брезентовый рюкзак я решил положить самые необходимые для жизни в полевых условиях вещи: катушку ниток с иголкой, перочинный ножик, алюминиевую ложку, эмалированную кружку, туалетное мыло с мыльницей, пару нижнего белья и носков, два носовых платка, махровое полотенце, несколько пачек папирос, коробку спичек, батон белого и полбатона черного хлеба, немного сахара, щепотку поваренной соли в бумажке, кусочек колбасы, карандаш, авторучку и тетрадь. Зубной порошок и щетку не взял – решил в это время обойтись без чистки зубов. Вся одежда – верхняя рубашка, лыжные брюки и пиджак со студенческим билетом и 10 рублями денег в нагрудных карманах, а также обувь – брезентовые туфли с парой носков были на мне. Кепку я тоже не взял и в качестве головного убора использовал либо белый носовой платок, четыре конца которого завязывал узелками, либо полотенце. Обритая наголо голова позволяла мне легче содержать её в чистоте и избавляла от вшей.

В нашей команде было около 100 человек, но позже количество людей постепенно уменьшилось. Причины были разные. Некоторых студентов отозвали в Москву, другие добровольно ушли в действующую армию. Борис Александрович Троицкий и дзюдоист Кост Зайцев были на фронте снайперами и с войны не вернулись.

Старшим команды назначили Юрия Ломовцева, ставшего после войны профессиональным военным. Политруком команды определили секретаря комсомольской организации нашего факультета Лёву (Льва Мордуховича) Утевского. Это был очень умный, симпатичный и уравновешенный студент. Осенью и зимой 1941 года, а также в январе 1942 года я находился вместе с ним в армии сначала в одном пехотном отделении, а потом в одной артиллерийской батарее. После войны мы продолжали общаться друг с другом. Он стал доктором технических наук, но умер рано – в 1979 году. Будучи очень крупным специалистом по металловедению и термической обработке сталей и сплавов,

он много работал с вредными для здоровья рентгеновскими лучами и радиоактивными материалами.

В группе моими непосредственными начальниками оказались Женя Анохин и его заместитель Нестер Крохин. В подгруппу вместе со мной по взаимному согласию входили Паша Галкин (в качестве старшего), мой сосед Иван Митрофанов, Арсик Беспахотный, Дима Филиппов, Женя Майонов, Коля Золотухин и другие очень близкие мне люди. К нам же привязался молоденький, рослый и очень красивый первокурсник Костя Зорин, впоследствии ставший одним из руководящих работников электрометаллургического завода им. И. Ф. Тевосяна в Электростали. Жили мы «колхозом», т. е. очень многое – особенно продукты и курево – были у нас общими. Нередко нам приходилось есть суп и кашу из одной посуды, поэтому мы по праву стали называть себя «однокашниками».

Несколько студентов, забрав из института свои документы, перешли на учебу в военные училища и даже в академии. Мой комсорг Борис Денежкин записался в истребительный батальон.

…Всех направлявшихся на трудовой фронт построили по 4 человека в ряд, и мы двинулись пешком по Большой Калужской улице в сторону Калужской заставы. К нам присоединились и другие команды москвичей. От Калужской заставы добрались до маленькой церкви на крутом берегу Москвы-реки (её при советской власти не закрывали, и в ней в 1955 и 1960 годах окрестили моих детей – сына Мишу и дочь Наташу) и вошли в село Потылиха. На его окраине находилась киностудия «Мосфильм», где я пытался подзаработать на массовых съемках кинофильма «Суворов», изображая австрийского солдата.

У крутого и обрывистого берега реки Сетунь мы остановились минут на 20. Посмотреть на нас вышли жители крайнего трехэтажного шлакоблочного дома (это дом № 4 по Воробьевскому шоссе). Оказалось, что в той толпе стояла и 14-летняя красивая девочка с двумя косичками – моя будущая незабвенная супруга Катюша, с которой в том же доме – в коммунальной квартире № 3 на втором этаже – я прожил полные счастья 1955–1961-е годы. Там начали свою жизнь и наши славные дети.

На Киевском вокзале нас посадили группами в товарные вагоны, в которых справа и слева от раздвижной широкой двери были устроены сплошные дощатые нары. Между стойками двери имелась съемная деревянная перекладина, на которую можно было опираться, стоя у открытой двери.

Ночью поезд медленно и с частыми остановками повез нас в сторону Калуги. Мы не раздеваясь улеглись на голые доски на полу и на нарах и крепко уснули. Наш поезд часто обгоняли воинские и грузовые эшелоны, следовавшие на фронт, и мы нередко стояли часами в чистом поле далеко от станций. Точный маршрут следования поезда нам, конечно, не был известен, и он нас даже совсем не интересовал.

Утром 3 июля на каком-то пустынном разъезде поезд окончательно остановился. Нас попросили собраться у дома начальника разъезда, где на столбе висел радиорупор, передававший различные сообщения, и я впервые в жизни услышал голос Великого вождя, выступившего с обращением ко всему советскому народу, – председателя ГКО И. В. Сталина.

Меня поразило, что Сталин плохо выговаривал русские слова, и как силен у него был кавказский акцент. «Как же так, – думал я, – ведь и я не русский, но по-моему разговору почти никто моей нерусскости не заметит». У меня мелькнула мысль, что Сталин нарочно так плохо и с сильным акцентом выговаривает русские слова, чтобы этим подчеркнуть превосходство своего грузинского происхождения.

От этого разъезда нам предстоял пеший переход на расстояние около 80 километров. Погода, как и два дня назад, была солнечной и жаркой, поэтому наши «командиры» заставили всех отрезать от куска черного хлеба тонкий ломтик-«скибку», посыпать её поваренной солью и съесть без воды. Мне лично это помогло: в пути я не испытывал жажды.

В одной из деревень нам сообщили горькую весть: наши войска оставили Минск и теперь немцы быстро продвигались к Смоленску. Эта весть особенно сильно огорчила моего товарища Витю Ширина, который был уроженцем Минска.

Глава II

…7 июля примерно в 17 часов, когда солнце на чистом небе еще хорошо грело, перейдя по мосту реку Десна, мы вступили в село Екимовичи, бывшее в тогдашней Смоленской области центром одноименного района. В него кроме нас несколько раньше прибыли и другие команды москвичей. Кроме москвичей, на противоположном от нас южном конце села расположилась на обочинах шоссе большая группа заключенных, которых охраняли часовые с винтовками. Стало ясно, что село Екимовичи является конечным пунктом нашего пешего «путешествия».

Нам было сказано, что мы будем заниматься здесь рытьём многокилометровых противотанковых рвов, а возможно,

и строительством ДОТов и ДЗОТов – долговременных (железобетонных) и деревянно-земляных огневых точек. Условия работы будут жесткие, дисциплина полувоенная, самовольные отлучки или отъезды не допускаются. В этой местности могут оказаться шпионы и диверсанты, поэтому необходимо тщательно следить за появлением посторонних лиц и по возможности их задерживать и сдавать соответствующим органам.

На все виды работ имелись нормы выработки, которые требовалось неукоснительно выполнять или перевыполнять. Так, в зависимости от вида грунта, они составляют от 5 до 10 кубометров на одного человека за 8-часовой рабочий день. Предусматривался полуторачасовой обеденный перерыв. Специальной рабочей одежды и обуви не имелось. Местом работы и проживания нам определили деревню Зимницы на левом берегу Десны – против Екимовичей. Распоряжавшийся нами майор Стуженцов приказал нам выдать хлеб, сливочное масло и сахар, а за прошедшие 4 суток взамен продуктов он предоставил… 5 коров, которые бродили стадом на полях возле Зимниц: одну можно было зарезать и мясо сварить. Эти коровы оказались «эвакуированными» своим ходом из тех мест, которые уже заняли немцы, и многие животные сильно страдали из-за того, что их долго никто не доил.

Нашей группе досталась для ночевки относительно небольшая, но новенькая деревянная постройка – сеновал, как мы её назвали, с двухскатной дощатой крышей и плоским потолком, между которыми хранилось свежескошенное и высушенное сено. Такое же сено, но в меньшем количестве, было и на его полу. Обнаружилось, что в помещении уже обосновалась другая группа – человек 20 старшеклассников из одной очень престижной московской школы, которые приехали накануне. Это были очень милые, наивные и веселые ребята.

Мы выделили из своей среды двух лиц, которые должны были заниматься организацией снабжения команды продуктами и питанием. Выбрали мы также трех студентов, которым предстояло посменно сторожить колодец с питьевой водой, чтобы её не отравили вражеские агенты. Одним из сторожей согласился быть Костя (Константин Сергеевич) Ельцов, будущий директор Запорожского электрометаллургического завода «Днепроспецсталь», Герой Социалистического Труда.

Возвратившись на сеновал, мы долго не смогли уснуть, потому что школьники под гитару распевали веселые песенки. Среди тех школьников был один очень симпатичный немецкий юноша. Видно было, что все его очень уважают. Его хотели использовать как антифашиста для выступлений на немецком

языке по громкоговорителю, чтобы агитировать вражеских солдат и офицеров сдаваться добровольно в плен Красной армии. Но вскоре нас перевели на другое постоянное место жительства, и мы уже не общались с этими школьниками.

…Нашим первым рабочим местом стал участок левого берега Десны (против её течения). Этот берег был хотя и достаточно высок, но не так сильно крут, чтобы вражеский танк после переправы мог упереться в него лобовой частью. Поэтому здесь следовало создать большую крутизну берега на участке длиной примерно в 300 метров. Дальше между рекой и полем простиралась широкая (местами шириной не менее 500 метров) пойма. Она имела длину не менее 3 км. Здесь нам предстояло вырыть глубокий и широкий противотанковый ров, а также ров между деревней и Десной. Насколько я помню, ширина противотанкового рва (см. рис. 1) составляла 7 метров и более, глубина – от 2 до 2,5 метров, а иногда и меньше, если появлялась грунтовая вода. Движению танка должна была воспрепятствовать почти вертикальная (с уклоном в 10–12 градусов) лобовая стенка рва высотой от 2 до 2,5 метров, а сам танк должен был остановиться на горизонтальном «днище» шириной не менее 2-х метров. К этому месту танк вела широкая (длиной около 5 метров) часть рва, имевшая значительный наклон.

В первые два года войны, когда наша армия в основном отступала, противотанковые рвы, протяженность которых составляла сотни километров, делали в несколько рядов друг за другом. Расстояние между рядами могло быть несколько десятков километров или значительно больше в зависимости от предполагаемого продвижения противника в глубь нашей территории. Направление рвов было преимущественно с севера на юг (или наоборот), т. е. перпендикулярно движению вражеских танков.

Длина противотанковых рвов, вырытых нашей командой под Смоленском, составила, наверное, 1,5 километра.

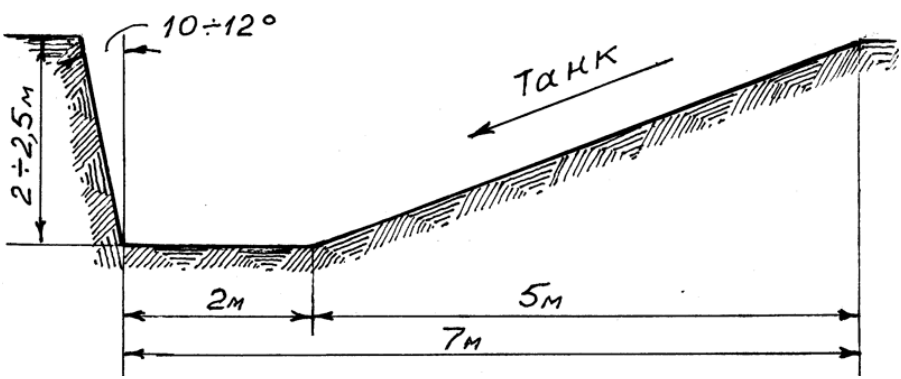


Рис. 1. Поперечный разрез противотанкового рва

Многие из наших ребят фактически были «белоручками» и не имея защитных рукавиц, нажили на ладонях кровоточины от лопат. В дальнейшем все привыкли к тяжелой работе, а кожа на ладонях огрубевала.

Почти все ребята старались работать хорошо, кроме тройки «волынщиков», старавшихся укрыться за спинами других. Однако наши старшие – Женя Анохин и Нестер Крохин – учли их поведение при начислении заработной платы.

…Из высокорослых ребят, выкидывавших грунт из рва, уже достаточно глубокого, мне запомнился один первокурсник. Он отличался большой физической силой. Его несколько раз отправляли с группой почти таких же физически сильных ребят в город Рославль выгружать из вагонов цемент для строительства ДОТов. Коля Смирнов и другие, работавшие вместе с тем первокурсником, рассказывали, как он ловко брал тяжелейший мешок с цементом и аккуратно укладывал его в кузов грузовика. А другие ребята могли поднять такой мешок только вдвоем.

Я тогда не поинтересовался фамилией и именем этого юноши, но, возвратившись в 1946 году в институт, я узнал, кто это был. Мало того, я оказался вместе с ним в одной учебной группе, а меньше чем через год поселился с ним же в общежитии. Этим студентом был Миша (Михаил Петрович) Попов родом из Тамбовской области. С ним, ныне проживающим в Смоленске, я дружу до сих пор.

…Наш рабочий день длился с 8 до 19 часов. По команде старшего (Анохина или Крохина) все делали отдых на 10–12 минут, который называли перекуром. Многие действительно курили, в том числе и я. Нам полагался обеденный перерыв, занимавший больше часа, поскольку на обед приходилось идти (а позже – ехать на грузовиках) в деревню. Работу не приостанавливали даже при дожде, так как укрыться от него было практически негде.

У меня, как и у некоторых других ребят, оказалась проблема с обувью. Чтобы сберечь свои легкие брезентовые туфли, при рытье легкого неглинистого грунта я снимал их и работал босиком.

Я всё еще продолжал жить с остатками детского воображения: старался хоть чем-то да отличиться перед товарищами. Это проявлялось прежде всего в том, что я работал, иногда и через силу, стараясь не отстать от самых физически развитых ребят, и бывал очень довольным, когда начальство это отмечало. Делал я и явные глупости. Так, поскольку не захватил

с собой головной убор, иногда не столько по этой причине, сколько для демонстрации своей «оригинальности», повязывал голову белым махровым полотенцем, превращая его в подобие чалмы с болтающимся возле правого уха «хвостом».

В середине июля несколько дней погода стояла мрачной и дождливой. В это время через Зимницы и соседние деревни ежедневно в большом количестве шли на запад наши войсковые подразделения. Иногда красноармейцы и их командиры вынуждены были ночевать с нами в сарае. При одной такой ночевке сержант – сельский учитель, с которым я тогда разговорился по душам, отдал мне свою запасную новенькую зеленую пилотку. В сентябре, возвратившись в Москву, я сфотографировался в этом головном уборе на память.

…Стало известно, что 16 июля немцам сдан Смоленск. Скоро они могли дойти до Екимовичей, до правого берега Десны. Вместе с нашими воинскими частями ушли добровольцами мой хороший друг – дзюдоист Толя Зайцев, великовозрастный и рослый студент Борис Троицкий, жгучий брюнет еврей Гриша Цирлин и несколько других ребят.

Угроза быстрого подхода немцев к Десне вынудила ускорить работы по подготовке противотанковых рвов и других оборонительных сооружений. Нас начали привлекать также к строительству ДОТов и ДЗОТов. Я с тремя друзьями один день занимался устройством из досок опалубки и доставкой на носилках бетона двум красноармейцам – строителям ДОТа и его будущим защитникам. Несколько дней, несмотря на дожди, пришлось работать до поздней ночи босиком и в промокшей насквозь одежде. Видимо, из-за всего этого я сильно простудился. 16 и 17 июля, уже едва держась на ногах, я еще работал, а 18 июля, в день моего рождения (мне исполнилось в тот день 20 лет), ребята оставили меня «дома». В тот день под шум дождя, шедшего почти непрерывно, дрожа от холода и от головной боли, я провалялся в «постели» из соломы и сена на земляном полу, прикрытый лишь своим коротким темно-синим костюмным пиджачком. Тяжелобольным встречал я и дни рождения в 1942 и 1943 годах.

К вечеру ко мне привели медсестру, которая, замерив температуру, дала мне несколько таблеток аспирина. К утру 19 июля почувствовал себя лучше, с аппетитом съел принесенный мне завтрак, а после обеда пошел на работу. Примерно через 7 дней после этого мы, закончив работу у Зимниц, копали ров возле деревни Старое Сырокоренье у реки Колозня. В тот день у меня вдруг сильно заболела спина, и я оказался не в состоянии ни согнуться, ни выпрямиться. Здесь меня опять выручила

медсестра, поставив мне на спину около 20 стеклянных стаканчиков – банок. Когда банки остыли и отпали, на спине образовалась «картинная галерея» из розово-красных кружков, а через час я снова стал работоспособным.

С первых же дней после прибытия в Зимницы мы невольно обращали внимание, что над нами высоко в небе пролетают на восток и обратно вражеские самолеты. Сначала это были в основном длинные двухфюзеляжные двухмоторные Fw.189A «Eule» («Совы») или «рамы» по-нашему, производившие разведку местности. За ними (как правило, сразу) следовали бомбардировщики: одно– и двухмоторные, конструкции «юнкерсы», а также одномоторные пикирующие Ju.87 штурмовики, и двухмоторные He.111 «хенкели». Ночью и днем летали четырехмоторные Fw.200 и другие. Бомбардировщиков нередко сопровождали одномоторные истребители Bf.109, а иногда двухмоторные Bf.110 «мессершмитты» и другие. Конечно, в типах и названиях конструкций немецких боевых самолетов я начал разбираться лишь позже.

До первой половины июля немецкие самолеты летали, как правило, на большой высоте и нас не беспокоили, ограничиваясь только сбрасыванием листовок. Но позже бомбардировщики, штурмовики и истребители иногда опускались очень низко, пугая нас, и иногда сбрасывали мелкие бомбы и обстреливали нас из пулеметов. Всё это они сопровождали, как правило, страшным воем специальных сирен.

Мы убедились, что появление самолетов на малой высоте всегда могло оказаться опасным, поэтому мы сразу ложились на землю, а в лучшем случае убегали в ближайшие овраг или в лес. Чаще всего пытались спрятаться в своем же противотанковом рву.

Сбрасываемые с самолетов листовки нам было запрещено поднимать, а тем более читать. Для их сбора и уничтожения выделяли специально подобранных людей. Но всё-таки нам удавалось читать эти листовки, однако нас удивляло их содержание, часто казавшееся просто глупым. Например, немцы писали, будто нашим государством управляют иудо-большевики и в основном – жиды во главе с тираном и кровожадным убийцей Сталиным, что в СССР существует крепостное право. Больше всего листовок предназначалось военным. Им предлагалось сохранять листовку в качестве пропуска для перехода через фронт и добровольно сдаваться в плен. В таких листовках ругали политических комиссаров и рекомендовали беспощадно уничтожать их и всячески способствовать победе германских войск. В листовках было и много карикатур на Сталина

и на комиссаров. В листовках сообщалось о больших успехах германских войск на всех фронтах, о численности пленных бойцов и командиров Красной армии (в том числе сына Сталина – Якова), о хорошем обращении немцев с пленными, о наделении крестьян землей на территориях, освобожденных от большевиков, и о прочих вещах.

К сожалению, мы тогда очень редко видели в небе наши самолеты. Но однажды нам пришлось быть свидетелями гибели одного из них. Дело было так. Как-то после падения Смоленска, от которого мы находились тогда на расстоянии около 95 км, над нами пролетел, теряя высоту, резко снижаясь, атакованный и поврежденный «мессершмиттом» советский бомбардировщик Пе-2. Залетев за Зимницы, он упал у окраины деревни Новосёлки и взорвался. Из-под обломков самолета извлекли полуобгоревшие тела двух молодых летчиков и похоронили их на краю леса. Говорили, что третий член экипажа остался жив, но его еще до нашего прихода отвезли в госпиталь. Скоро к месту падения самолета подъехала легковая автомашина, и из неё вышли двое военных, которые забрали документы и уцелевшие личные вещи погибших.

Несколько раз мы были свидетелями воздушных боев между немецкими и советскими истребителями. К сожалению, эти бои заканчивались не в пользу наших летчиков: их самолеты, оставляя за собой длинный хвост черного дыма, врезались в землю и взрывались. Однажды мы видели, как летчик сбитого самолета спускался на парашюте, но так и не узнали, остался ли он живым, так как немецкий летчик продолжал стрелять по нему из пулемета.

В августе немцы стали писать в листовках, что наши противотанковые рвы бесполезны, так как для немецких танков они легко преодолимы. Кроме того, их можно без труда обойти. И это было действительно так, но говорить об этом друг другу и тем более начальству мы не осмеливались. Оборонительные работы продолжались. Немцы предупреждали, что скоро начнут бомбить нас и обстреливать из самолетов, хотя им «жалко несчастных заключенных, которые трудятся подневольно». После взятия немцами Смоленска наших отступавших войск мы не видели. Говорили, что они попали в окружение.

…В начале августа нам выдали первую зарплату. За несколько дней до этого наши старшие обсуждали, сколько кому следует платить. Женя Анохин, Нестер Крохин и учетчик Коля Захаров[3] отмечали, что я работаю хорошо, не «волыню» и поэтому заслуживаю такой же повышенной зарплаты, как и более рослые и физически сильные ребята. Так, за вычетом

стоимости питания мне достались 800 рублей. А минимальная зарплата составила 600 рублей. Кстати, в начале сентября нам выдали еще и вторую зарплату. На этот раз она у всех была меньше – около 500 рублей. Таким образом, на трудовом фронте я заработал примерно 1300 рублей, из которых 100 рублей вскоре пришлось потратить на приобретение в сельском магазине простеньких брезентовых туфель взамен старых, полностью вышедших из строя.

…С начала августа в связи с приближением немецких войск к Екимовичам всё больше местного населения стало эвакуироваться на восток, гоня впереди себя коров и другой скот. Люди двигались в основном пешком и редко – на телегах, запряженных лошадьми. В середине августа территория за правым берегом Десны, включая Екимовичи, и у впадающей в Десну реки Колозня, где мы часто купались, оказалась ничейной: два-три дня там не было ни наших, ни немецких войск. В это время населению Зимниц и находящихся вблизи других населенных пунктов поступил приказ срочно эвакуироваться. Однако данный приказ к нам не относился.

В те дни мы стали свидетелями начала эвакуации жителей двух небольших деревень – Новое (на правом берегу реки Колозня, оставленном нашими войсками) и Старое Сырокоренья (на левом берегу той же реки). Погода была солнечной и жаркой. Сначала все жители зашли на местное кладбище попрощался с похороненными там родными и близкими. Люди садились на могилы и со слезами целовали кресты, потом низко кланялись могилам. Я видел также, как члены одной семьи перед уходом из деревни целовали стены своей избы, ворота и другие постройки. Смотреть на эти сцены было ужасно тяжело, у меня и у некоторых других ребят тоже потекли слезы…

На следующий день я увидел на противоположном берегу реки Колозня, в деревне Новое Сырокоренье, усадьбу с пчелиными ульями. Хозяев в усадьбе не было, и во всей деревне не было видно никаких людей. И тут же я захотел показать друзьям, что я пчеловод и могу угостить всех свежим сотовым мёдом.

Моя «работа» на пасеке привела к тому, что пчелы ужалили меня раз пятнадцать. Всё страшно болело, и от работы с лопатой меня, естественно, освободили.

Наступило время обеда, и мы зашли в усадьбу, чтобы взять оставленные мною рамки с медом. Но тут в одной из ближайших к пасеке изб открылось окно и что-то в нём мелькнуло. В избе мы обнаружили совсем немощного старика, пытавшегося взобраться на русскую печь. Он не согласился уехать из деревни в эвакуацию,

зная, что ему всё равно скоро помирать. Обе рамки с медом мы оставили старику и ушли от него, очень довольные своим поступком. Кто-то из начальства попытался обвинить меня в мародёрстве и потребовал наказать меня. Но, узнав, что рамки с медом были взяты не для себя, а отданы старику, ограничились предупреждением о недопустимости подобного «мародерства». После этого мои товарищи по трудовому фронту чаще называли меня не по фамилии и имени, а по прозвищу Пчеловод, которое осталось в памяти у них до сих пор.

Через двое суток после моего похода на пасеку кто-то прибежал запыхавшись и сообщил, что немцы с противоположного берега реки на чистом русском языке по громкоговорителю предупреждают: «Эй, вы, московские студенты, бросьте ковыряться в земле, уходите отсюда скорее, иначе будем по вам стрелять!» Мы не поверили сказанному, посчитав это глупой шуткой товарища. Но на другой день, примерно через час после начала работы, вдруг послышался страшный вой и метрах 20 сзади от нас раздался грохот взрыва. Кто-то дико закричал: «Это мины!» Женя Анохин сразу скомандовал: «Ложись!» Совсем недалеко от края рва падали металлические осколки мины. Через пару минут я нашел один из них, он оказался еще горячим, его поверхность оказалась неровной, в нескольких местах заостренной. К счастью, пострадавших у нас не было.

Но не успели мы очухаться от первого взрыва, как снова услышали вой мины. Все разбежались по рву и крепко прижались к стенке со стороны возможного прилёта мины. Второй взрыв прогремел совсем недалеко от нас, но мина сделала перелёт. Я успел заметить, что Лёва Гробман, который перевелся в МИС в феврале из Днепропетровского металлургического института, прикрыл голову металлической частью лопаты. На вопрос, почему он так сделал, я получил ответ: «Самое главное – беречь голову, а попадёт осколок в попу, так еще можно жить!» Некоторые ребята потом следовали его примеру.

Вскоре последовал третий взрыв, уже внутри рва, однако там, где нас не было. Минут через пять шарахнуло метрах в 15 от нас, и опять все остались невредимыми.

Мы ожидали самого опасного – пятого взрыва, а он… не последовал. Мы постепенно успокоились и продолжили работать. При этом мне и еще нескольким самым молодым и, наверное, из-за этого самым глупым ребятам всё происшедшее показалось очень интересным и романтичным. Я даже подумал: «Хорошо, если бы немцы выстрелили еще несколько раз!»

Мы доработали до обеденного перерыва, а после него немцы

нас дважды обстреляли из миномёта. Часам к 17-ти, пролетая над нами, немецкие бомбардировщики сбросили северо-восточнее Зимниц несколько бомб, а истребители произвели пулеметный обстрел местности. Мы предположили, что на обратном пути они обстреляют и нашу «братию», поэтому заблаговременно укрылись от них. При этом случился такой казус: Володя Семенов (в будущем лауреат Государственной премии СССР) сел под кустик, чтобы оправиться «по-большому», и его за этим «делом» заметил пилот «мессершмитта» и дал по нему короткую, но, к счастью, неточную пулеметную очередь. Не натянув брюки, Володя пустился бежать к противотанковому рву, а летчик, грозя кулаком, преследовал убегающего.

Поздно вечером за ужином ребята из другой команды, работавшие в окрестностях Новосёлок, рассказали нам, что немецкие самолеты бомбили и обстреливали там воинскую часть, но «угодили» в команды заключенных и гражданских москвичей, убив одного и ранив несколько человек. При этом одна сброшенная бомба не взорвалась, и саперы собирались завтра её обезвредить. Утром Коля Захаров, Паша Галкин, я и еще несколько ребят получили разрешение сбегать в Новосёлки. Мы увидели подвешенную на деревянной перекладине между двумя столбами бомбу, возле которой крутились два молоденьких сапера, потом они постреляли по бомбе из пулемета бронебойными и зажигательными пулями, но бомба всё равно осталась целой. Тогда из окопа вышли два москвича, кажется, из команды завода «Красный Пролетарий», и предложили саперам обезвредить бомбу.

Бомбу сняли с перекладины и положили на землю. Саперы отошли в окоп, а рабочие (говорили, что у одного из них была фамилия Токарев) стали очень осторожно удалять взрыватель. Мы все с большим напряжением следили за происходящим из окопа. Произошло самое ужасное – бомба взорвалась. Раздался страшный грохот, и в разные стороны разлетелись части человеческих тел. Изуродованные останки людей я увидел тогда впервые, не предполагая, что скоро мне предстоит видеть подобное уже на фронте.

Потрясенные увиденным, мы быстро возвратились к себе и рассказали всем о том, что произошло у Новосёлок. Но едва мы начали работать, как появился немецкий штурмовик и начал обстреливать нас из пулемета.

Наконец наступил последний день нашей работы. Это было, кажется, 23 августа. Мы довели противотанковый ров почти до лесной опушки. Но едва наше начальство сдало готовый ров военному представителю, как немецкий минометчик «угостил»

нас тремя обстрелами.

На следующий день нас разбудили задолго до рассвета. Мы привели себя в порядок, кое-как позавтракали и, захватив с собой весь имевшийся инструмент, ведра и другие вещи, покинули свой гостеприимный сарай и уже давно безлюдную деревню Зимницы. Уехали мы на грузовиках в сторону железной дороги, идущей в район Ельни. Уже через несколько дней этот город стал известен тем, что с 30 августа по 6 сентября 1941 года немцы впервые потерпели там большое поражение: город был отбит с очень крупными для немцев потерями. Под Ельней дали залпы и наши знаменитые «катюши».

Перед отъездом из Зимниц мы были сильно огорчены сообщениями с Ленинградского, Юго-Западного, Южного и других фронтов, тяжело переживали падение Киева. Коля Тузов плакал, услышав, что немцам оставлен его родной город Чернигов.

На Смоленщине мы, кроме сооружения противотанковых рвов, приводили в порядок или делали новые грунтовые дороги для автомобильного транспорта и танков, строили ДОТы и ДЗОТы. Как и раньше, ночевать приходилось в сараях, зданиях животноводческих ферм, в деревенских школах. Мы часто оставались без горячей пищи, иногда варили картофель, вырытый на колхозном поле или на приусадебных участках местных жителей. Из одного котелка пищу ели сразу несколько человек. Воду кипятили в котелках и кружках, собирая для костра даже ветки. Хлеб, масло, сахар и другие продукты со складов поступали не всегда. Некоторые ребята страдали из-за недостатка курева.

В последний период пребывания на трудовом фронте мы более трех суток пробыли, ночуя в классах местной школы, в селе Ямное.

…В конце августа у Ельни стали сосредотачиваться пехотные, артиллерийские, танковые и другие части Красной армии, которыми командовал генерал армии Г. К. Жуков. В те дни готовилось освобождение Ельни от немцев. Я счастлив, что вместе со своими товарищами внес свой, хотя и небольшой, вклад в данную победу, готовя для наших войск дороги и сооружая различные военные объекты.

7 сентября после обеда нам выдали на двое суток продукты «сухим пайком», и грузовые автомашины доставили нас темной ночью на какую-то железнодорожную станцию, и в чистом поле нас погрузили в два товарных вагона. Отсюда поезд отправился с очень частыми и долгими остановками к Вязьме, а через неё к Москве на Белорусский вокзал. 9 сентября все участники

трудового фронта отправились к зданию института. Там нас тепло встретили и поприветствовали руководство института, представители парткома, комсомольской и профсоюзной организаций и студентки и некоторые студенты и аспиранты, остававшиеся в Москве. Возник своего рода небольшой митинг, Л. М. Утевский кратко доложил присутствовавшим о выполненной нами работе и зачитал письмо начальника III участка второго строительного района VIII стройуправления Главоборонстроя НКВД СССР в адрес Ленинского райкома ВЛКСМ и руководства МИС. В нем сообщалось, что студенты Института стали «с честью выполнили возложенное на них задание, полностью завершив порученный им объем работ, проявив при этом большое мужество, так как часто им приходилось работать даже под ураганным (так и было сказано) огнем врага». Нам объявили благодарность от имени Главоборонстроя НКВД СССР.

В 1978 году почти все оставшиеся к этому времени в живых участники трудового фронта были награждены медалью «За оборону Москвы». Но я такую медаль получил еще в 1965 году как непосредственный (с оружием в руках) участник боев под Москвой осенью 1941 года. Награждение медалью участников трудового фронта состоялось после того, как этот вопрос поставил перед Московским Советом народных депутатов и Министерством обороны СССР Константин Ельцов, ставший в 70-х годах, как я уже упоминал, Героем Социалистического Труда. В составлении списков лиц, представляемых к награде, большую работу проделал я, запомнивший фамилии, имена и отчества многих из товарищей, но, увы, некоторые из них не дождались награды…

Глава III

В тот день – 9 сентября, войдя в здание института, мы ознакомились с вывешенными там объявлениями и узнали, что студенты Института стали не подлежат мобилизации в армию и должны продолжать учёбу. Был набран и первый курс, состоявший в основном из девушек. Однако всем студентам полагалось не позднее 1 октября внести плату за обучение в сумме 800 рублей.

В отделе кадров нам продлили до следующего учебного года студенческие билеты и мы получили на сентябрь еще не знакомые нам продовольственные карточки с нормой выдачи продуктов как служащим: хлеба по ним полагалось 600 грамм в сутки.

За время нашего летнего отсутствия Москва внешне очень сильно изменилась. От налётов германской авиации были замаскированы Мавзолей В. И. Ленина на Красной площади и здание Большого театра. Маскировка была и на больших жилых домах, и на цехах заводов и фабрик. Во многих местах находились хорошо замаскированные зенитные пушки, пулемёты и прожектора. В небе висели аэростаты заграждения.

На площади Свердлова были выставлены остатки сбитого над Москвой немецкого самолета, а у входа в ЦПКиО им. Горького на берегу Москвы-реки – военные трофеи. Мы узнали, что в ночь с 21 на 22 июля вражеская авиация впервые бомбила Москву.

Известно, что с конца июля налёты немецких самолетов на Москву происходили регулярно, и совершались они главным образом по ночам. Однако хорошо организованная противовоздушная оборона города не допускала больших разрушений зданий и позволяла сократить жертвы среди москвичей. Как только мы возвратились в Москву, нам пришлось сразу же приспособиться к налётам авиации. Самой главной проблемой осталось добывание денег. Тех денег, которые мне регулярно присылала моя бедная мама, было явно недостаточно. Суммы, заработанной на трудовом фронте, могло хватить лишь на месяц. Следовало подыскать работу, которую можно было бы совместить с учёбой. В институте нам разрешали пропускать часть лекций и некоторые практические занятия.

В один из сентябрьских вечеров ко мне зашел мой татарский друг, студент второго курса Федя (Файзыахмет) Гафуров и предложил устроиться вместе с ним на работу на Московский станкостроительный завод им. С. Орджоникидзе в качестве стрелка-часового для охраны предприятия от вражеских диверсантов. В карауле следовало находиться в течение суток, причем на посту – два раза по 4 часа. Имелось два 8-часовых перерыва, но нельзя было отлучаться из караульного помещения. После суток дежурства последующие двое суток были свободны. Охраннику давали обмундирование, аналогичное военному, зарплату в 500 рублей в месяц, продовольственную карточку «по рабочей сетке». Требовалось иметь хорошее здоровье и уметь обращаться с винтовкой. Я не раздумывая принял решение устроиться на эту работу.

Через пару дней после предварительной поверки нашей политической благонадежности через спецотделы завода и института, а также здоровья и владения винтовкой, меня с Федей и другими ребятами приняли на работу.

Нам приходилось в течение четырех часов в любую погоду

и даже во время воздушных налётов охранять какой-либо цех завода или участок его территории, передвигаясь вдоль кирпичной ограды, около которой имелись специальные будки, где можно было укрыться от дождя, а днем тайком читать учебники и конспекты лекций. Ночью вокруг ограды ходил еще кинолог с собакой. Мне почему-то чаще всего доставался для охраны литейный цех, где потом – в 1957–1961 годах – я неоднократно бывал по роду своей работы в проектно-технологическом институте «Оргстанкинпром».

При появлении возле охраняемого объекта чужого человека часовому полагалось криком «Стой!» останавливать его и спрашивать пароль. При необходимости следовало вызвать по телефону, установленному рядом, дежурного разводящего или караульного начальника. Однако больше всего часовому приходилось опасаться проверок своего начальства, которое периодически появлялось совершенно неожиданно, что требовало от часового большего внимания, особенно в глубокую и темную ночь.

Опасно было находиться на посту при налетах на город немецкой авиации. Но в такие моменты бывало также интересно наблюдать за действиями ПВО. Мне ни разу не пришлось стрелять на посту. Только однажды меня заставили потренироваться в заводском тире. И ни одна вражеская бомба на завод не упала.

В связи с приближением линии фронта к Москве получилось так, что в октябре институт эвакуировался в Сибирь, а я ушел добровольно в армию. Свою зачетную книжку, оставшуюся при мне из-за «хвоста» по металлургическим печам, вместе со студенческим билетом и метрическим свидетельством о своем рождении все годы войны я носил в кармане. Я не думал, что зачетная книжка понадобится мне в будущем, поэтому из-за отсутствия блокнота, будучи на фронте, записал (к счастью, простым карандашом) на её последних чистых страницах адреса некоторых друзей. Кроме того, моё заверенное институтской печатью фото размером 3×4 см, которое было наклеено на левом верхнем углу с внутренней стороны книжки, со временем отклеилось и пропало. Сразу после войны я стер все карандашные записи в зачетной книжке, подумав, что она, может быть, пригодится в будущем хотя бы в качестве сувенира. Но летом 1946 года, послав ее в Институт стали по почте из Донбасса с соответствующим заявлением, я восстановился в родном учебном заведении студентом третьего курса и получил там новую зачетную книжку. Между прочим, некоторые наши студенты с разных курсов, ушедшие добровольно

или по мобилизации в армию в 1939–1945 годах, сумели восстановиться в институте и без зачетной книжки. Были такие, которым поверили на честное слово, что до войны они являлись студентами МИС, или это подтвердили их товарищи, учившиеся вместе. Но у меня такой «номер», безусловно, не прошел бы по двум причинам.

Во-первых, я вообще не мог приехать из Донбасса в Москву, не имея из столицы солидного вызова, так как, проходя окончательную фильтрацию после немецкого плена, находился на положении полузаключенного, которому разрешалось отлучаться от дома на расстояние не более 10 км и который не имел права отсутствовать на работе хотя бы несколько суток без уважительных – для начальства – причин. При самовольном отъезде в Москву мне грозило длительное тюремное заключение. Кроме того, в то время для любых дальних поездок всем взрослым людям полагалось иметь с собой паспорт или заменяющее его удостоверение личности, а их у меня не было. Помимо сказанного, я не имел достаточно денег, чтобы съездить в Москву. Однако, получив моё заявление с зачетной книжкой, руководство Московского института стали (в его составе находился декан технологического факультета, куда я хотел быть зачисленным, будущий ректор института доктор технических наук П. И. Полухин) не стало придираться к тому, что я был в плену в Германии. За трое суток до моего дня рождения 18 июля я получил вызов для приезда на учебу.

Этому вызову заведующий шахтой в Донбассе, где я тогда принудительно работал, не смог противостоять никакими уловками. После четырех визитов лично к нему, а также двух – к его непосредственному начальнику, начальнику треста, и двух – к районному прокурору, он вынужден был уволить меня с работы, выдав положенные мне 800 с лишним рублей. На шахте мне выписали и временное удостоверение личности. Таким образом, руководство Московского института стали, возможно, спасло меня от гибели в этой шахте, где работа проходила в очень тяжелых условиях и где очень плохо обстояло дело с техникой безопасности и охраной труда.

Осенью 1941 года положение на фронтах резко ухудшилось, особенно под Москвой. 7 октября свыше семисот тысяч наших воинов – пять армий, включая большое количество ополченцев, попали двух местах под Вязьмой в во вражеское окружение, многие там погибли. И с этого дня фактически перед Москвой уже не осталось крупных боеспособных воинских частей. Кончились и резервы оружия (даже винтовок), техники и боеприпасов. Требовалось срочно организовать новые

войсковые соединения, чтобы остановить рвавшихся в столицу немцев, пока из Сибири и Дальнего Востока не подоспеют хорошо обученные и сильные во всех отношениях войска. Но в те дни, мы, обычные люди, занятые своей будничной работой и учёбой, конечно, не знали, что творится в верхах. Подробных сообщений по радио и в газетах о фактическом положении дел на фронте, по существу, не было. Из кратких оперативных сводок нельзя было представить всего, что тогда происходило. О катастрофах и положении на фронте ходили разные слухи, которые нередко оказывались достоверными.

11 октября было объявлено, что командовать Западным фронтом (под Москвой) будет Г. К. Жуков. До 12–14 октября Москва выглядела спокойной. Но с 15 октября началась массовая эвакуация на восток многих крупных предприятий (в том числе частично и Станкозавода им. Серго Орджоникидзе), организаций и вузов, а также отдельных семей и граждан. Правительство эвакуировалось в Куйбышев (ныне г. Самара). Но И. В. Сталин оставался в Москве. 15–17 октября у многих магазинов, особенно продуктовых, собирались огромные толпы людей, стремившихся запастись на долгое время необходимыми вещами и продуктами.

Утром 15 октября, придя в институт, мы узнали, что занятия отменяются, так как получен приказ – срочно эвакуироваться в Сибирь, в город Сталинск (ныне Новокузнецк). Всем предложили поздно вечером или завтра утром вернуться в институт с необходимыми вещами и с продуктами и ждать соответствующих указаний.

Я же не раздумывая решил, что из Москвы не уеду. И не только потому, что у меня не было денег для дальнего путешествия в Сибирь и проживания там. Мне казалось, что лучше умереть за этот город, чем бросить его. Ведь я так стремился сюда попасть и так к нему привык! Конечно, это было чисто эмоциональное решение. Практически это означало, что я должен сейчас же записаться добровольно в армию, чтобы защитить столицу от врага. При этом в голову не приходило, что в боях за Москву можно очень быстро и бесславно погибнуть. Мне казалось очень романтичным и интересным побывать на войне.

Я сразу сказал о своем решении не уезжать из Москвы близкому другу – Жене Майонову. Тот без всяких колебаний и сомнений поддержал меня, предложив сразу же отправиться в военкомат Ленинского района, чтобы записаться в ряды защитников столицы. Но делать это нам не пришлось: в институте на доске объявлений мы увидели написанное крупными буквами сообщение о наборе из членов ВКП(б)

и комсомольцев добровольцев в Коммунистическую дивизию для защиты города. Желающим записаться в это воинское соединение предлагалось обратиться в партком института. Но рядом находился и список мужчин – сотрудников института, студентов и аспирантов, которые должны были явиться в партком, т. е. их обязывали записаться в Коммунистическую дивизию.

…Тогда во всех 25 районах Москвы было создано по Коммунистическому батальону. К концу октября из таких батальонов, а также рот (были и такие подразделения), сформировали Третью Московскую коммунистическую дивизию в составе 11,5 тысяч человек. Фактически все эти батальоны представляли собой обычные рабочие батальоны, а Коммунистические дивизии – дивизии народного ополчения, которые в те дни уже сражались на фронте. Через две-три недели крупных специалистов – инженеров и ученых – из «коммунистических» формирований отозвали, а других добровольцев вроде нас – молодых студентов и рабочих, – «рассовали» по другим воинским частям, главным образом по запасным, поскольку большинство тех бойцов были, как правило, необученными. Кроме того, в Москву стали прибывать свежие кадровые войска из Сибири и Дальнего Востока.

Итак, мы с Женей побежали в партком и заявили о своем намерении. Без всяких вопросов нам обоим выдали заготовленный заранее бланк-направление (проставив в нем от руки наши фамилии и инициалы) в Райком ВКП(б) Ленинского района, где и происходило оформление Коммунистического батальона. Вместе с нами изъявили желание пойти добровольцами еще несколько человек. С нами оказался молоденький и маленький ростом второкурсник Аркаша Писарев (он погиб на войне), Лёва Утевский, бывший наш политрук на трудовом фронте и… проваливший меня на экзаменах по металлургическим печам доцент А. И. Ващенко (по-видимому, его, как члена партии, обязали). После нас пришли в райком Вася Голиков и Саша Волков, а также второкурсник Боря (Борис Николаевич) Старшинов[4].

Мы поднялись на второй этаж здания и зашли в «предбанник» приёмной первого секретаря райкома, где нас встретили служащие райвоенкомата. У нас отобрали паспорта и вместо них выдали удостоверения, где было написано, что их предъявители являются бойцами Коммунистической дивизии. И с этими удостоверениями и самыми необходимыми личными вещами нам предложили сегодня же вечером явиться в здание Московского

горного института, где временно располагался формирующийся Коммунистический батальон Ленинского района. Перед уходом из здания нас постригли наголо.

Я хотел захватить с собой демисезонное пальто, перешитое из отцовского. Но в коридоре увидел Володю Иванова, не имевшего никакого пальто, а ему предстояла эвакуация в Сибирь. Я предложил ему взять эту дорогую для меня как память об отце, одежду. Позже он не раз благодарил меня за это.

Своему соседу Ивану Митрофанову я отдал продовольственную карточку, полученную в институте, оставив себе такую же карточку, выданную на заводе. Иван поблагодарил меня, но я чувствовал, что он не одобряет моё скоропалительное решение об уходе в армию. Мы тепло попрощались, надеясь встретиться вновь. Так и случилось: мы встретились в декабре 1948 года на Сталинградском металлургическом заводе «Красный Октябрь», где он работал начальником смены на прокатном стане 325 и куда я прибыл на преддипломную практику.

Когда я уходил на фронт, мне было немного обидно, что я не мог называть себя солдатом, как в старину, так как в Красной армии это название воина после октября 1917 года посчитали «пережитком старого» и, по существу, отменили. Оно стало снова широко применяться лишь с введением в Красной армии с 6 января 1943 года погон. Такое же положение было со словом «офицер», которое тоже восстановили одновременно с возращением погон. Вот почему я называю всех рядовых военнослужащих не солдатами, а бойцами или красноармейцами, а представителей младшего и старшего командного состава не офицерами, а просто командирами – взвода, роты, батальона, батареи или полка.

Глава IV

Было примерно 19 часов, когда я предъявил на входе в Московский горный институт дежурным, вооруженным револьверами, своё удостоверение добровольца и вошёл в хорошо знакомое мне здание, где часто бывал на лабораторных занятиях по сопротивлению материалов. На третьем этаже я нашёл небольшую аудиторию, отведенную для моего отделения. Все столы и парты были вынесены из неё в коридор, а из мебели находились лишь стулья. На полу вдоль стен лежали вещевые сумки и рюкзаки бойцов, пришедших раньше меня. Одни бойцы сидели на стульях, а другие лежали в одежде на полу, застеленном газетой или бумагой.

Лицо одного бойца, сидевшего в одиночестве в углу аудитории, показалось мне очень знакомым. Я не мог и вообразить, что встречу здесь близкого человека. Им оказался Миша (Михаил Прохорович) Волков – мой земляк и бывший одноклассник по Батыревской средней школе, а теперь студент IV курса МГИ. Мы бросились друг к другу и едва не плакали от радости. Получилось так, что Миша, как и я, не захотел эвакуироваться со своим институтом. Он знал, что на новом – очень далеком от родины месте – его родители не смогли бы из-за войны оказать ему финансовую поддержку, да ему и неловко было отнимать у них последнее. Похожие соображения были и у меня.

…Раньше меня в аудиторию пришел одетый в теплую зеленую армейскую куртку рослый, солидный юноша Иван Георгиевич Борзунов из Московского текстильного института. Я здесь немного скажу о послевоенной судьбе этого товарища. В начале 70-х годов я готовил к защите диссертацию на соискание ученой степени кандидата технических наук. В ней рассматривал процесс производства и эффективность применения новых видов кардной проволоки, используемой для изготовления игл для щеток, которыми на соответствующих машинах расчесывают шерсть, хлопчатобумажные, пластмассовые и другие волокнистые материалы. Мне тогда понадобилась консультация специалистов Московского текстильного института. Я приехал туда, не зная, к кому обратиться. И вдруг на Почетной доске среди фотографий участников Великой Отечественной войны я увидел знакомое, но несколько постаревшее лицо. Это и был мой однополчанин, ставший профессором, доктором технических наук и проректором текстильного института, – И. Г. Борзунов. Естественно, я устремился в кабинет Ивана Георгиевича, и он сразу узнал меня, хотя со времени нашей последней встречи прошло 30 лет. Конечно, в институте мне оказали необходимую помощь, за что я очень благодарен своему бывшему однополчанину.

…В нашем отделении оказались 12 человек вместе с командиром. Утром 16 октября мы встали очень рано по команде и вскоре направились через Шаболовку к одному из многоэтажных домов на Хавской улице (возле Шуховской башни), чтобы получить там из подвального склада винтовки, патроны и гранаты. Винтовок на всех бойцов не хватало. Нашему отделению достались пять винтовок, из них две – отечественные, конструкции С. И. Мосина (90-х годов XIX века), а три – польские. На всех винтовках имелись штыки, причем польский штык можно было носить в ножнах на ремне. Патронов к польским винтовкам было очень мало, из-за чего они не пригодны были для серьезного

боя. Гранат получили тоже пять штук, и они оказались только наступательными (не «лимонками»).

Мы с Женей Майоновым попросили разрешение у командира носить штыки польских винтовок с собой, как личное оружие, и получили на это согласие. Для этого мы сняли с винтовок штыки, а со своих брюк – кожаные ремни с пряжкой (у меня этот ремень был совсем узким), надели чехлы со штыком на ремни и повязали их сверху над пальто. И нам обоим стало очень приятно ходить гордо в таком виде. (Какое же всё-таки было у нас детство в голове!)

Затем наша «вооруженная» колонна под мокрым снегом и моросящим дождем направилась к складу на Донской улице, чтобы получить на каждого бойца форменные одежду и обувь. Оказалось, что мы сильно опоздали: в предыдущие дни здесь уже побывали другие воинские подразделения. Кроме того, кладовщики заявили нам, что коммунистические батальоны и роты – это полугражданские подразделения, и с военной одеждой и обувью они могут подождать. В результате нам выдали только гимнастерки и брюки полугалифе из темно-серой хлопчатобумажной материи, сшитые для учащихся ремесленных и профессионально-технических училищ, а также ботинки с серыми обмотками и портянки. Было жаль, что на складе не оказалось ни шинелей, ни теплых головных уборов.

…Рано утром 17 октября в туалетной комнате я услышал разговор двух бойцов, утверждавших, что вчерашний день в Москве был ужасным: во многих районах население грабило магазины и станции метро в районе Сокола были закрыты, поскольку около Химок в ночь с 15 на 16 октября появилась группа немецких мотоциклистов.

17 октября после завтрака «сухим пайком» весь Коммунистический батальон отправился на территорию ЦПКиО им. Горького на учебные занятия. Нас учили хождению строем, правильной отдаче чести командирам путем прикладывания вытянутой ладони правой руки к головному убору. Много времени мы потратили и на изучение приёмов штыкового боя.

В казарме мы занялись изучением винтовок, особенно польских, разбирая их на отдельные части и собирая вновь. Изучали также гранаты и положения воинских уставов, послушали сообщения и наставления политрука роты.

В ту ночь произошел налёт немецких самолетов, но на это наши командиры совершенно не прореагировали. В 2 часа 30 минут ночи, во время самого сладкого сна, нас разбудили громкими криками: «Подъем! Всем одеться и построиться с вещами и оружием на улице!» Мы быстро выполнили команду.

Наше движение по московским улицам при непрерывном мокром снегопаде длилось более четырех часов. На рассвете 18 октября колонна прибыла в район Сельскохозяйственной академии им. К. А. Тимирязева. Здесь каждому подразделению определили отдельную «резиденцию» в зданиях академии. Нашей роте достался пятиэтажный дом № 6 – учебный корпус на улице академика Д. Н. Прянишникова.

Наступило 19 октября. По радио объявили, что Государственный комитет обороны вводит в Москве с завтрашнего дня осадное положение. Но для нас это пока ничего не значило. Всё светлое время, кроме часов, потраченных в столовой на завтрак, обед и частично на ужин, мы провели в парке Сельскохозяйственной академии им. Тимирязева, занимаясь военными учениями. Часто учеба сочеталась с длительными перекурами и хождением возле большого садового пруда, разговорами на вольные темы, воспоминаниями о довоенной хорошей жизни.

Утром 20 октября после завтрака всем бойцам выдали противогазы в зеленой – защитного цвета – брезентовой сумке, которую полагалось носить слева через правое плечо. Обедать и ужинать нам в этот день в столовой академии больше не пришлось. После завтрака весь Первый Коммунистический полк, в составе которого мы находились, отправился пешком на отведенный ему участок обороны, расположенный по Ленинградскому шоссе. Мы «промаршировали» на запад до Химкинского водохранилища. Ленинградское шоссе на отдельных местах гражданские лица, в основном старики и женщины, начали перекрывать противотанковыми «ежами», изготовлявшимися из трех отрезков стальных балок и рельсов, а также мешками с песком.

Ближайший к Москве город Калинин (Тверь) был занят немцами, и они вот-вот могли захватить другие железнодорожные станции, находящиеся недалеко от столицы. Конечными пунктами для электропоездов с Ленинградского вокзала Москвы были в основном платформа Левобережная, а иногда – станция Крюково.

Нашему взводу определили для размещения в посёлке Бевобережная одноэтажный деревянный барак – бывшее общежитие. Он располагался недалеко от канала «Москва – Волга» и на расстоянии не более 300 метров от старого, без металлических ферм, железобетонного железнодорожного моста (действующего еще и поныне). Тогда мне не могло и в голову прийти, что уже через сутки я буду его охранять с винтовкой.

Командиры объявили, что бараки-казармы будут для нас базой, откуда нас будут направлять на определенные посты и оборонительные позиции.

Вечером раздались сигналы воздушной тревоги. Пришлось выбежать из барака и прислониться к стенам и стволам больших деревьев. Зенитки, расположенные в соседнем лесу и около него, а также в Химках, начали с оглушительным шумом стрелять в небо, где пересекались друг с другом лучи прожекторов, засекавшие вражеские самолеты. Со стороны Москвы послышались глухие взрывы и над небом появились зарева пожаров.

На следующий день, 21 октября, разбудив нас еще засветло, наши командиры, несмотря на прохладную погоду, заставили нас заняться физической зарядкой. После завтрака мы занялись привычными упражнениями с винтовкой и бутылками с зажигательной смесью, бросанием гранаты (без запала) и приёмами борьбы. Кто-то попросил командира взвода показать, как взрывается граната. К нашему удивлению, он, попросив нас отойти на безопасное расстояние и укрыться, кинул гранату в воду канала «Москва – Волга». Многие из нас впервые увидели взрыв. При этом из воды вылетело большое количество рыбы. Несколько рыб выбросило на берег, и мы их подобрали. Было жаль, что у нас не было лодки, чтобы подобрать из воды остальную оглушенную рыбу. К вечеру начальство собрало всех бойцов двух взводов перед нашим бараком, и ротный командир вкратце рассказал, чем мы будем заниматься.

Для нашей роты основным объектом охраны стал Химкинский железнодорожный мост через канал «Москва – Волга». Его охраняли бойцы рабочего батальона, который мы должны были сменить.

Командир роты распорядился так, что на оборонительных позициях перед Химками и на пунктах охраны железнодорожного моста и других объектов, близких к Левобережной, взводы будут нести службу по трое-четверо суток. В дневное и вечернее время, свободное от непосредственного пребывания на посту, бойцы могут ненадолго возвращаться в Левобережную, чтобы зайти там в столовую и отдохнуть в бараке. Но в любое время надо быть готовым к бою.

Глава V

Утром 22 октября 8 бойцов нашего отделения, включая меня, отправили на охрану Химкинского железнодорожного моста. На правом плече я нес французскую винтовку со штыком,

а на другом – сумку с противогазом, а на поясном кожаном ремне поверх пальто – патронташ с патронами и небольшую сумку с гранатой. На остальных 7 бойцов приходилось: три отечественные и одна французская винтовки. Нашу группу сопровождали заместитель командира роты и командир отделения – начальник караула.

С каждой стороны моста у основания железнодорожной насыпи, почти рядом с водой канала «Москва – Волга» были вырыты землянки. Это давало нам возможность легко набирать воду. На землянках сверху был утроен накат из бревен, покрытый слоем земли, что создавало надежную защиту при бомбежках и артиллерийских обстрелах. Внутри землянки имелись скамейки. Вход в неё был с одного торца, причем двери не делали, чтобы обеспечить освещенность. Недалеко от землянки располагался примитивный выгребной туалет. На обеих сторонах моста стояла будка с телефоном для вызова начальника караула, и в ней можно было укрыться от дождя.

Пост мой оказался со стороны Химок, а моим напарником назначили доцента А. И. Ващенко. Мы очень неудобно чувствовали себя друг перед другом: я из-за того, что в июне я провалился у Александра Ивановича на экзамене по металлургическим печам, а он – возможно, из-за того, что тогда поставил мне двойку, не сделав бедному студенту скидку в связи с началом войны.

Кроме того, А. И. Ващенко не знал, как ко мне обращаться, так как по сравнению с ним я был очень молод и одновременно находился в одинаковом с ним положении рядового бойца. Никаких разговоров на неслужебные темы мы с ним не вели и в основном молчали. Через пару суток (после 22 октября) моя совместная служба с Александром Ивановичем закончилась: его, как крупного специалиста, отозвали из армии в соответствии с вышедшим правительственным указом…

На смену Александру Ивановичу мне дали в напарники моего одноклассника и бывшего студента МГИ Мишу Волкова. Обоих нас это очень обрадовало, и более часа мы вспоминали, пользуясь родным нам языком, своё детство, друзей, учёбу в школе и преподавателей. Однажды во время нашего дежурства из-за туч внезапно появилось несколько немецких бомбардировщиков-штурмовиков. В первую очередь объектом их нападения стал автомобильный мост через канал «Москва – Волга», а затем и наш – железнодорожный. К счастью, в наш мост угодила только одна бомба, не причинившая сильных повреждений. А еще две бомбы упали в канал, подняв огромные столбы воды вместе с массой рыб, которых потом долго подбирал

с лодки старый химкинский рыбак. Мы с Мишей находились тогда за сторожевой будкой, и осколки нас не задели.

Когда вражеские самолеты, отбомбившись, разворачивались, мы с Мишей, не сговариваясь, как бы инстинктивно, впервые за время нашей воинской службы стреляли из винтовок по реальной цели. Миша успел выстрелить по самолетам дважды, а я лишь один раз, так как при второй попытке моя старая французская винтовка дала осечку. В это время по обоим берегам канала интенсивно заработали зенитные пушки и пулеметы, и самолеты быстро удалились.

Вскоре появились наши командиры. Они не одобрили, что мы стреляли по самолетам, напомнив о необходимости экономить патроны. Вскоре железнодорожники и строительные рабочие устранили возникшие на мосту повреждения.

Ночью 26 октября, примерно в два часа, когда, как обычно, прошел очередной воинский поезд, мы немного расслабились. Но вдруг мы услышали шуршание гравия, насыпанного между деревянными шпалами железнодорожной колеи. Нам подумалось, что это, как и вчера, начальство решило проверить нашу бдительность. На фоне довольно светлого неба выделились две фигуры. Они двигались прямо к мосту. Я заорал: «Стой! Кто идет? Пароль?» В ответ послышалось: «Свои, свои… железнодорожники. Идём домой». Они продолжали двигаться не останавливаясь. Тогда я снова громко крикнул: «Стой, стрелять буду!» Но и это не возымело действия. Пришлось выстрелить из винтовки вверх, и то же самое сделал Миша. Почти сразу мы оба легли между рельсами и быстро переползли на правую сторону моста, укрывшись за широкой железобетонной фермой. Это нас спасло. Громко выругавшись матом (я заметил нерусский акцент), нарушители открыли огонь в сторону будки. Но там нас уже не было. Поскольку нарушителей нам уже не было видно, я решил бросить в их сторону гранату. (Это случилось у меня в первый и последний раз в своей жизни.) Раздался оглушительный грохот, и на нас с Мишей посыпались комья земли и гравий, слава Богу – не осколки от гранаты. Потом всё затихло, но на месте взрыва послышался слабый стон. Тогда я закричал: «Ребята, помогите!» К нам прибежали сменщики и вскоре появились начальник караула и другие командиры. Мы вкратце рассказали, что произошло.

Когда рассвело, мы увидели, что недалеко от моста граната образовала небольшую воронку между колеями железнодорожного пути, а на стенках будки обнаружились сквозные отверстия от пуль стрелявших в нас людей. Стало ясно, что мы с Мишей действительно подверглись вооруженному

нападению. Возле воронки и дальше справа от неё на земле виднелись капли крови и следы чьих-то ног. Это означало, что один из нападавших ранен и что они вернулись назад, спустились с насыпи и направились в Химки.

Начальство признало наши с Мишей действия правильными и похвалило нас за «проявленные бдительность и решительность при несении службы»… А 29 октября от местных жителей мы услышали, что пару дней назад возле Химок бойцы истребительного батальона задержали двух подозрительных мужчин в форме железнодорожников, один из которых имел легкое ранение в руку.

Вскоре нас перевели на северо-западную окраину Химок. Там мы заняли окопы, блиндажи и траншеи, устроенные перпендикулярно к Ленинградскому шоссе, слева и справа от него, а также пост у автомобильного переезда через железную дорогу. Для нас же предназначались и два ДЗОТа, находившиеся слева от шоссе. Все эти объекты были построены москвичами, которые теперь работали километрах в трех-четырех от наших позиций, прокладывая длинный противотанковый ров параллельно левому берегу реки Сходня. (На этом месте теперь расположено Химкинское кладбище.) Такой же ров москвичи заканчивали копать справа от железной дороги и Ленинградского шоссе. Слева и справа от Ленинградского шоссе были установлены три ряда противотанковых «ежей».

Теперь как раз на месте моего окопа, в 23-х километрах от центра Москвы, стоит сооруженный в конце 70-х годов большой памятник в виде трех гигантских железобетонных противотанковых «ежей» и гранитного постамента, на котором выгравировано: «Защитникам Москвы».

В тот период на нашем участке фронта немцы сосредотачивали силы, готовясь к решающему удару для захвата Москвы. Предвидя их стремительные танковые марши, наше командование доставило на грузовой автомашине партию бутылок с зажигательной смесью: ими мы должны были задержать продвижение танков. Всем пришлось срочно осваивать этот новый для нас вид оружия. Бойцам приказали открывать огонь из винтовок по немецким самолетам-штурмовикам и истребителям, если они полетят на доступной для пуль высоте. В нашу задачу входило также оказание помощи водителям, чьи автомашины застревали на дорогах и даже на Ленинградском шоссе, на котором повсеместно образовались глубокие выбоины вследствие резкого увеличения интенсивности движения, попадания вражеских бомб и других причин.

Вражеская авиация не прекращала налеты на Москву.

Сигналы воздушной тревоги, объявляемой в столице, были слышны и у нас. 27 октября мне с ребятами пришлось второй раз в жизни открывать огонь из винтовки по немецким самолетам и особенно много пострелять в следующие сутки, когда в Москве объявляли тревогу 4 раза днем и 2 раза ночью. 28 октября мы видели, как почти над нами загорелся летевший на небольшой высоте вражеский самолет. Он упал в нескольких километрах от нас и взорвался. Нашей радости не было предела. Но эта радость омрачилась тем, что в тот же день на Ленинградском шоссе мы увидели нескольких убитых и много раненных бойцов и гражданских лиц, пострадавших от бомб и пулеметного огня немецких штурмовиков и истребителей. При авианалётах было разбито несколько автомашин. Нам пришлось разгружать их, складывая грузы на землю, и сталкивать в кювет покалеченные автомобили.

На дороге между деревнями Новая Лужа и Новодмитровка мы вытаскивали застрявшие грузовики с боеприпасами и продуктами питания. Мы бросали под колеса машин доски и ветки деревьев, тратили очень много сил, толкая машины сзади.

В тот же день командование получило приказ срочно снять с позиций часть бойцов нашего подразделения – бывших студентов вузов и техникумов – и утром же отправить их на новые места службы, где требовалось знание технических дисциплин. Меня командировали в г. Горький. До отхода поезда оставалось около трех часов, и я с Мишей Волковым и Женей Майоновым решили пройтись по Москве.

На улице Горького нас особенно потрясло, что там были построены баррикады, установлены проволочные заграждения и противотанковые «ежи». На центральных улицах витринные окна были закрыты мешками с песком и землей.

…До наступления темноты наш поезд более часа простоял за станцией Петушки. Там на запасном пути стоял большой товарный эшелон, а на двух последних платформах, нагруженных станками, накрытыми брезентом, я неожиданно увидел Диму Кузнецова и Федю Гафурова – моих знакомых по учебе в МИСИ и по работе на Станкозаводе имени Орджоникидзе. Мы удивились и обрадовались нашей встрече. Они сказали, что почти весь завод эвакуируется куда-то на Урал, и им поручено сопровождать и охранять оборудование. Утром 30 октября где-то за Дзержинском наш поезд остановился рядом с составом, на котором эвакуировались студенты и сотрудники нашего института, и я сумел перекинуться несколькими словами с моими близкими друзьями – Колей Золотухиным, Ваней Митрофановым, Пашей Галкиным и другими ребятами и девчатами. Ребята

рассказали, что им пришлось долго добираться пешком с тяжелыми вещами до места посадки, а теперь у них трудности с обеспечением продуктами. Мы расстались, пообещав переписываться.

Глава VI

30 октября 1941 года хмурым утром мы прибыли в город Горький (ныне Нижний Новгород). После обеда в военном городке принявшее нас начальство заявило, что пока еще не решено, в какую воинскую часть нас направят, и поэтому часа два мы можем погулять по городу.

На одной из улиц я и Женя Майонов зашли в небольшой продовольственный магазин. Его полки были заставлены бутылками «Советского шампанского». Женя сказал, что хорошо бы попробовать это вино. Но денег у нас явно не хватало. Тогда мне пришла идея: пойти в комиссионный магазин и «загнать» мое зимнее пальто и кепку. Всё равно вместо них выдадут солдатскую форму. За вещи мы получили только 30 рублей, ровно столько, сколько стоила бутылка шампанского, которую мы распили прямо в магазине через горлышко и даже не захмелели.

В казарме нам объявили, что всех прибывших из Москвы направляют на службу в 90-й запасной зенитный артиллерийский полк, дислоцирующийся на главном стадионе «Торпедо». Мы прибыли на стадион, когда уже стемнело.

Все бывшие студенты МИС, а также Миша Волков и Ваня Борзунов? оказались в одном отделении. Лишь командир отделения – сержант, уже побывавший на фронте и излечившийся после ранения, был не из наших.

Утром после зачисления в состав полка нас повели на завтрак, который, как и вчерашний ужин, был далеко не сытным, а потом – в городскую баню на улице Октябрьской революции, что рядом со стадионом. Мы сдали имевшееся на нас нательное бельё, включая майку-безрукавку и трусы, и получили белые хлопчато-бумажные рубашку и кальсоны, ношеные, но хорошо отстиранные. Нам выдали весь комплект военного обмундирования. В него входили уже ношеные и стираные гимнастерка с отложным воротником, на обоих концах которого имелись петлицы, брюки-полугалифе с узким ремнем, старая серая солдатская шинель, широкий брезентовый ремень, форменная шапка-ушанка, рукавицы, портянки, зеленые обмотки и ботинки. Нам выдали также новую зеленую брезентовую сумку.

Студенческий и комсомольский билеты, зачетную книжку

и свидетельство о рождении вместе с ней я переложил в правый нагрудный карман гимнастерки, а небольшой немецко-русский словарь – в левый. Эти документы и словарь я хранил таким же образом и на фронте. Оба кармана сильно топорщились и с трудом закрывались металлической пуговицей. На всех пуговицах была отштампована пятиконечная звезда. Выйдя из бани в форменной одежде, мы наконец почувствовали себя настоящими военными.

На стадионе мы пообедали, съев жиденький борщ без мяса и второе блюдо из картошки с каспийской рыбой и выпив несладкий компот из яблок. Попросили добавки, но ее не дали.

После обеда нас перевели в другую казарму с такими же двухэтажными нарами, как и те, на которых мы ночевали в первые сутки. Я расположился рядом с Женей Майоновым и Мишей Волковым на верхних нарах. На каждом месте лежали матрац, грубые простыни, твердая подушка с темной наволочкой и тонкое одеяло, но в другом не было необходимости, так как казарма имела хорошее паровое отопление. Шапки и шарфы полагалось оставлять на вешалке возле двери, а обувь на ночь ставить на полу перед нарами с торца. Особая вешалка предназначалась для сумок с противогазами. Возле двери находилась особая длинная деревянная стойка, где хранились винтовки и карабины (т. е. винтовки с укороченным стволом).

Наш 90-й запасной зенитный артиллерийский полк являлся в основном учебным, где в течение полутора – двух с половиной месяцев готовили артиллеристов-зенитчиков. Их отправляли главным образом на фронт, а частично на защиту важных тыловых объектов. В городе, его окрестностях и на крупных предприятиях полк имел отдельные зенитные подразделения для защиты их от авианалетов противника.

Практическая учеба проходила на поле стадиона, а теоретическая (изучение уставов и различных правил) и политическая – в помещении, в основном – в красном уголке, в котором имелись газеты, журналы и радиорепродуктор.

Все передвижение по территории стадиона, включая посещение столовой, рядовые бойцы совершали только строем во главе с командиром, как правило, сержантом или ефрейтором. В одиночку бегали лишь в туалет.

Рядовых бойцов в город выпускали крайне редко, да и то главным образом строем и в основном для мытья в бане и выполнения каких-либо работ. Однажды старшина дивизиона поручил мне купить ему в «Гастрономе» полкило сливочного масла без продовольственной карточки по коммерческой цене, что я с удовольствием сделал, так как немного побыл на свободе

и посмотрел город.

Естественно, во время движения строем нас заставляли петь маршевые песни, как прошлых лет (например, «По долинам и по взгорьям…», «Три танкиста», «Полюшко-поле»), так и сочиненные в последние месяцы. На мотив песни «Красная Армия всех сильней» придумали слова «Армия Гитлера – черный злодей» и припев «С тобою, Сталин, мы побеждали и победим опять с тобой». Запевала громко исполнял один куплет, а остальные бойцы хором пели припев. В нашем взводе командир посчитал, что запевалой могу быть я, и я не без удовольствия выполнял эту обязанность, хотя не являлся хорошим музыкантом. При движении строем командир, шедший в стороне, задавал нам ритм, выкрикивая: «Левой, левой!»

Нас поднимали в 6 часов утра и заставляли в легкой одежде делать на поле стадиона зарядку, после чего мы умывались, завтракали в столовой, дождавшись своей очереди, и, наконец, возвращались в казарму, занимались в помещении или на воле, обедали и снова учились; между 19 и 20 часами вечера ужинали, далее – отдыхали: читали газеты и журналы или слушали радио в красном уголке, устраивали «постирушки», брились, писали письма, пришивали чистый подворотничок к гимнастерке. После вечерней проверки в 23 часа ложились спать. Каждому приходилось нести караульную службу и стоять на часах, бывать дежурным или дневальным в казарме. Требовалось также исполнять различные наряды, т. е. физические работы, в частности, мыть пол в казарме, убирать помещение, места общего пользования и территорию вокруг казармы. Наряды давали и за какую-нибудь провинность.

Ефрейтор Метёлкин, почему-то сразу невзлюбивший меня и Женю Майонова, заставил нас почистить загаженные стены туалета, вымыть там пол и сидения. Однажды он придрался к качеству вымытого нами пола, проверив его чистоту при помощи своего носового платка, после чего вынудил несколько раз повторить эту работу. Когда при вечерних проверках Метёлкин только собирался назвать фамилии назначаемых в наряд, мы с Женей уже заранее поднимали левую ногу, чтобы выйти из строя, полагая, что вызовут именно нас. Этот ефрейтор погиб в апреле 1942 года от ранения в голову при обстреле нашего эшелона.

Наилучшим нарядом считалось дежурство на кухне и в столовой. Дежурные таскали воду, чистили овощи, выносили в зале столовой баки с едой и чистую посуду, протирали столы, убирали грязную посуду, убирали помещение. Но, главное, во время дежурства можно было плотно поесть,

так как положенного питания явно не хватало. По первой категории кормили только фронтовиков. Нам часто доставалась крупная каспийская и волжская рыба разных видов, включая даже осетров. Её иногда давали и на первое и на второе, так что скоро она нам надоела.

Хлеба – и только черного – полагалось по 600 грамм в сутки, а иногда и меньше. Совсем мало мы получали сахара, жиров и мяса, а молока, творога, сыра, яиц, свиного сала или колбасы вообще не видели. Ели пустые капустные щи, борщи, супы с крупами, картошкой и морковью. На гарнир шло полужидкое картофельное пюре, на второе – пшенная и перловая каши, и очень редко – гречневая и рисовая. Затем подавали слегка подслащенный чай, или компот из сухих фруктов, или клюквенный кисель. Яблок, других фруктов и овощей не было и в помине.

Бойцы приходили в столовую со своими ложками, вилок и чайных ложек не было, как и ножей.

Однажды мы с Женей Майоновым прихватили со склада большую рыбину, надеясь продать или обменять ее при походе в баню. Мы спрятали ее за нарами, но когда мы ушли завтракать, дежурившие в казарме командир отделения – шустрый старший сержант Василий Алексеев и его напарник – рядовой боец (оба мои земляки и соплеменники) обнаружили нашу рыбину. Позднее Алексеев спросил перед строем, чья эта рыба. Мы с Женей испугались и не решились признаться. Земляки забрали её себе. Лишь через несколько дней я разговорился с Алексеевым на родном языке. Алексеев очень сожалел, что я раньше не дал ему знать, что мы земляки и соплеменники, – в этом случае «всё было бы в порядке». Забегая вперед, скажу, что на фронте мне довелось служить с Алексеевым в одной батарее. В полку оказалось много чувашей, и все они были отличными воинами.

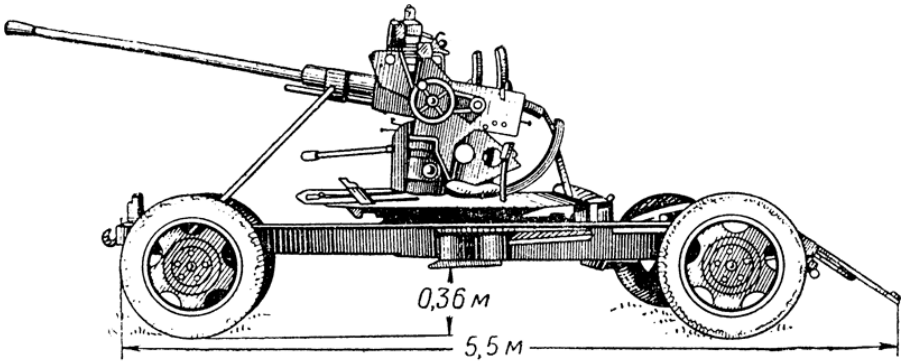
У многих тогда в Горьком появились большие проблемы с курением: поскольку папирос нам не давали, пришлось «осваивать» махорку, свёртывая цигарки – самодельные сигареты, используя для этого газетную бумагу, которую тоже было трудно достать. Я научился делать из бумаги не только сигарету, но даже «козью ножку», напоминавшую курительную трубку. Плохо было и со спичками, поэтому мы часто просили прикуривать у соседа от его цигарки. Заядлые курильщики нередко выклянчивали у товарищей окурки, говоря: «Дай докурить!»

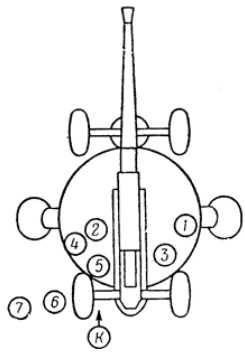
До середины декабря 1941 года мы основательнее, чем в Москве, овладели строевой подготовкой и хорошо изучили воинские уставы, включая устав несения караульной службы. Знание этого устава комиссар полка любил проверять лично. Так,

однажды морозной ночью, когда я стоял с винтовкой у склада боеприпасов, к нему стали приближаться двое, один из них – хорошо знакомый мне комиссар. Но я всё же громко крикнул: «Стой! Кто идет?» И в ответ услышал: «Комиссар полка!» Однако по уставу этого было недостаточно, поэтому я предупредил: «Стой, стрелять буду!» и сразу вызвал по телефону начальника караула. Тот быстро «уладил» дело, а на следующий день комиссар полка перед строем выразил мне благодарность за «бдительное несение караульной службы».

Но всё же основной целью занятий в полку было изучение зенитных пушек и пулемета. При этом наиболее обстоятельно мы осваивали военно-учетную специальность № 13 – «Артиллеристы зенитной артиллерии малого калибра». Мы обучились обращению с автоматической зенитной пушкой (рис. 2а) образца 1939 года, имевшей калибр 37 (т. е. ствол с внутренним диаметром 37 мм), массу (вес) 2100 кг, длину (в походном положении) 5,5 м и высоту 4, 2 м (в боевом положении при угле наклона ствола 85 градусов).

В подвижном варианте конструкции эта малокалиберная зенитная пушка размещалась на раме, под которой были предусмотрены 4 металлических колеса с пневматической резиновой шиной. Благодаря этому данное орудие легко транспортировалось грузовой автомашиной или другим средством, на которой размещался также боевой (огневой) расчет. Ствол, механизмы его подъема и опускания под углом, а также поворота по горизонтали и другие устройства пушки располагались на круглой платформе, вращаемой первым наводчиком.





Боевой расчет этой пушки (рис. 2б) у нас состоял из 8 человек (орудийных номеров): командира, двух наводчиков (первого и второго номеров), двух прицельных (третьего и четвертого номеров), заряжающего (пятого номера) и двух подносчиков снарядов (шестого и седьмого номеров). Первый и второй номера находились на пушке с двух краев её платформы. Каждый занимал свое «кресло», снабженное двумя штурвалами, вращаемыми вручную. Первый номер, вращая оба штурвала, делал наводку пушки по азимуту, а второй номер таким же образом обеспечивал наводку орудия по углу места цели. У обоих наводчиков имелся оптический прицел. Выстрелы можно было делать как одиночные, так и очередями – автоматически.

Третий, четвертый и пятый номера расчета пушки «работали» на ней стоя на платформе. При этом прицельный третий номер устанавливал высоту или дальность цели, скорость её движения, а четвертый номер – направление движения и угол пикировки (калибровки) цели.

Заряжающий принимал от подносчиков снаряды, вложенные в обойму, и закладывал её в приёмник ствола, откуда снаряд вылетал при выстреле. В приёмник устанавливали несколько обойм, благодаря чему обеспечивалась стрельба очередями с интервалом между выстрелами от 0,33 до 0,5 секунд.

На территории военного городка стрелять из пушки по-настоящему нам – новичкам – не давали. Нас предупредили, что во время стрельб и при взрывах следует широко раскрыть рот, чтобы от грохота не лопнули барабанные перепонки. В процессе учёбы я освоил обязанности всех номеров и особенно – второго и первого, но практически пришлось быть только вторым номером.

В полку нас обучили быстро и правильно выкапывать лопатами и ломами огневую позицию для пушки (а земля тогда была мерзлой), закатывать орудие на эту позицию и устанавливать его, а также выкатывать пушку с позиции. Научили быстро отчехлять и зачехлять ствол и другие части орудия, готовить его к бою, разбирать и собирать узлы и детали пушки, смазывать узлы орудия и чистить ствол после стрельб.

Праздники 7 и 8 ноября 1941 года прошли в нашем полку буднично. Большую надежду на улучшение положения на фронтах вселила в нас весть, что 7 ноября на Красной площади в Москве состоялся военный парад и что при этом с трибуны Мавзолея В. И. Ленина выступил И. В. Сталин. Но в середине ноября немцы опять перешли в наступление под Москвой.

Скоро командование полка посчитало, что пополнение, поступившее более месяца назад, уже достаточно хорошо обучено. В хмурый морозный день 14 декабря 1941 года мы приняли воинскую присягу. Нас выстроили на поле стадиона в присутствии командира и комиссара полка и других начальников. Кратко выступил комиссар полка, попросив всех бойцов громко повторять вслед за ним слова присяги, которые он чётко и медленно произносил, читая по бумажке. Мы все с воодушевлением выговаривали хором эти высокопарные слова, однако некоторые бойцы не особенно старались. Каждый из нас расписался под текстом присяги. На следующий день нас сфотографировали и выдали каждому по экземпляру его фотографии размером 2,5 × 3 см. Отличительной чертой являлось то, что в них нас обозначили как добровольцев, поскольку так было записано в наших старых удостоверениях.

Утром 22 декабря нашу учебную батарею расформировали. Меня, Лёву Утевского, Аркашу Писарева, Борю Старшинова, Ваню Борзунова и еще нескольких москвичей перевели в боевую батарею, которую предназначали для защиты оборонного завода № 196, расположенного в районе Сормово. Мишу Волкова, с которым я не успел даже попрощаться, Женю Майонова и еще некоторых определили на учёбу на курсы химических инструкторов.

Перед тем как навсегда покинуть территорию стадиона,

мы помылись в городской бане. Я взвесился, и оказалось, что мой вес всего 48 кг! Шея была такой тонкой, что в последнее время мне приходилось уменьшать длину воротника, делая по его середине складку. При ходьбе я быстро уставал, бегать было очень тяжело.

Глава VII

Нас впустили на территорию завода и привели на большой пустырь, где стояли две темно-зеленые брезентовые палатки, присыпанные по бокам толстым слоем грунта и снега.

Раздвинув брезент на входе в палатку, мы вошли в своё новое жилище и сразу обратили внимание на чугунную печку-«буржуйку», которую топил мелкими дровами и углем незнакомый боец. Освещалась палатка керосиновой лампой. На столике стоял большой бак с водой для питья.

Разместив вещи на нарах, мы отправились ужинать в большую столовую литейного цеха, где впервые за все время пребывания в Горьком сытно наелись. Послу ужина перед нами выступил старший лейтенант примерно 30 лет, представившийся Чернявским. Он заявил, что мы будем находиться под его командованием, а наша главная задача – защита данного завода от бомбежек. Однако нас могут отправить на фронт – как батарею в целом, так и отдельных бойцов.

Прежде всего нам предстояло установить два орудия возле палаток и два других – на крыше одного из цехов завода, а также подготовить казармы для размещения личного состава. Один огневой взвод вместе со взводом управления должен был находиться в бункере – большой землянке, которую предстояло обустроить, а другой – в помещении того цеха, над которым установим пушки.

После сообщения командира все отправились по палаткам. Командиры взводов объявили нам порядок и график дежурств, в частности, ночью у печки, чтобы не давать ей погаснуть. Несмотря на то, что снаружи стоял чуть ли не сорокоградусный мороз, а «толщина» палатки была ничтожной, в ней, к моему удивлению, было достаточно тепло. Этому способствовало то, что на краях палатки лежал грунт и снег, поэтому в нее не поддувало.

На следующий день основную часть бойцов направили рыть на пустыре большую землянку – длиной до 25 м, шириной до 8 м и глубиной не менее 4 м. В ней на двухэтажных нарах должны были размещаться около 30 человек. В течение двух дней мы долбили промерзшую землю ломами и кирками, потом копали

обнаженную глинистую почву лопатами. Эта работа не прекращалась даже ночью при свете синих маскировочных лампочек.

Стены землянки обложили тонкими бревнами, обшили досками, наклеили на них газеты (вместо обоев), настелили дощатый пол и соорудили двухэтажные нары. Кровлю сделали из толстых досок и бревен в три наката (на случай попадания бомбы). Потом провели электроосвещение, радио и телефонную связь, поставили «буржуйку».

В те дни всем бойцам и командирам выдали в дополнение к шинелям по теплой военной куртке защитного зеленого цвета, а некоторым – по ватной телогрейке и ватные брюки. Все получили теплые рукавицы. В огневых взводах имелось по несколько пар валенок для тех бойцов, которые стояли на посту в мороз, и четыре комплекта стальных касок для защиты от падающих с неба осколков.

Под наступавший Новый (1942-й) год немцы совершили налет на заводы в районе Сормова. Нашей батарее поступило предупреждение: «Тревога! Положение № 1!» Зенитчики моментально подготовились к бою. Но когда самолеты появились над Сормовом и пушки на соседних объектах открыли огонь, одно наше орудие заклинило: у него от мороза сильно загустела смазка на затворе. Кроме того, обнаружились дефекты на других узлах орудия. Самолеты, побросав бомбы куда попало, удалились без потерь. Но скоро мы начали стрелять по самолетам из четырех орудий. Налёты авиации происходили ночами и в безоблачную погоду.

Через некоторое время Леву Утевского и меня, как знакомых с конструкторским делом и умеющих хорошо чертить, передали в распоряжение артмастера – еврея Самуила Шостака. Так Лёва – тоже еврей и я заодно с ним оказались освобожденными от тяжелейшей физической работы и дежурств на пушке.

В «резиденции» Шостака было очень тепло, светло и уютно и можно было иногда попивать чаёк, отдохнуть, с кем-нибудь пообщаться в цехе. Для начала Шостак поручил нам начертить эскизы двух деталей пушки. Затем его куда-то вызвали. Примерно через час он вернулся, и мы представили ему готовые чертёжики. Наш «шеф» очень удивился и спросил: «Ребята, неужели вы думаете, что эти эскизы мне нужны сейчас же»? И далее вразумил нас: «Спешить некуда. Зачем вам мучиться на морозе?» Только после этого я понял, что Шостак просто-напросто спасает Лёву от тяжелых работ. Иногда мы действительно занимались вычерчиванием различных деталей и контролировали их изготовление токарями или фрезеровщиками – молоденькими

«пэтэушниками», т. е. ребятами из профтехучилища.

Мы с Лёвой ходили к Шостаку несколько дней, пока наши батарейцы не закончили строительство землянки.

Среди наших бойцов выделялся очень интеллигентный пожилой сержант-ленинградец. Он обладал приятным голосом, хорошо пел маршевые песни и обычно бывал запевалой. Этот полюбившийся всем ленинградец глубоко переживал за свой родной город, оказавшийся во вражеской блокаде, за оставшихся там близких людей, следил за сообщениями по радио. Однажды я видел, как он плакал, рассказывая кому-то о своей жене, детях и престарелых родителях, предполагая, что они, наверное, умерли от голода. Это меня очень потрясло.

Встреча Нового (1942-го) года мне запомнилась тем, что нас накормили хорошим ужином, преподнесли всем по 100 граммов водки и вручили подарки, присланные гражданским населением. Мне достались пара теплых шерстяных носков и белый шерстяной свитер, а также кисет для махорки с трогательной запиской от какой-то девочки, которая, по-видимому, сама и сшила этот кисет. Ночью я дежурил возле «буржуйки», поддерживая в ней огонь.

Примерно к 5 январю 1942 года строительство землянки закончилось, и я надеялся, что вместе с другими военнослужащими переселюсь туда из палатки. Но судьба распорядилась иначе – нашу батарею расформировали. Начальство, видимо, поняло, что нелепо держать в одной батарее и даже в одном взводе так много грамотных, почти с высшим образованием, рядовых бойцов. Меня и Лёву Утевского разлучили.

Наш взвод разместили в казарме, на четвертом этаже здания, на крыше которого стояли две пушки. В этом здании имелись «бытовки» – раздевалка, гардероб, умывальная, душевая и туалеты, а на верхних этажах находилось управление цеха. Это был один из основных цехов оборонного завода, которым тогда руководил выдающийся организатор производства инженер Амо Сергеевич Елян (1903–1965), позже ставший директором артиллерийского завода, кажется, в Челябинске, и удостоившийся званий генерал-майора и дважды Героя Социалистического Труда.

Поскольку наша казарма располагалась непосредственно под двумя пушками, установленными на крыше здания, то к ним можно было выскакивать очень быстро, проходя через чердак. На чердаке хранились ящики со снарядами.

Для нашего взвода был установлен телефонный кодовый отзыв «Соловей». Когда наш дежурный брал трубку, он громко и чётко отвечал: «Соловей слушает!» Много раз ему приходилось

объявлять тревогу и «Положение № 1» в случае налета вражеской авиации на город. Тогда не более чем за 5 минут следовало одеться, обуться и пулей выскочить на крышу, заняв свои места на пушке. Для этого мы тренировались в разное время суток под руководством помком-взвода Иванова. В казарме тщательно соблюдались порядок и чистота. За этим следил тоже Иванов. Провинившемуся дневальному он делал строгие замечания, но не унижающие его достоинство (в отличие от упомянутого выше ефрейтора Метёлкина).

На новом месте службы мы все отогрелись и отмылись, а главное – стали сытно питаться в столовой литейного цеха. Здесь нам снова ввели в распорядок дня утреннюю гимнастику, мы делали пробежки на лыжах, при этом соревнуясь на скорость. Я не раз выходил победителем. Замечу, что тогда лыжи надевались без специальных креплений. На пушках занятия с нами проводил лейтенант Шкеть, но чаще это делал его помощник – старшина Иванов. Политическая учёба шла плохо, пока не прислали в батарею комиссара – молодого политрука Воробьева. Он недавно окончил Горьковский педагогический институт и был милейшим, добрейшим и очень интеллигентным человеком, начитанным и эрудированным. Учёба основывалась на чтении газет и журналов и прослушивании сводок о положении на фронтах и в тылу.

Комсоргом мы выбрали Алёшу Мишина, спокойного и очень общительного, и он стал фактически первым помощником комиссара. Вскоре ему присвоили звание ефрейтора. Через некоторое время комиссар привлёк к своей работе и меня, но по-другому: я должен был регулярно, а иногда даже ежедневно, выпускать так называемые «Боевые листки» – небольшие стенные газеты. Кстати, этим мне пришлось заниматься и на фронте.

Вспоминается, что у нас на батарее находился в качестве бойца мальчик лет 12–14, которого все называли просто Лёней. К сожалению, я не помню его фамилию. Он был вроде сына полка. Я никогда не видел Лёню занимающимся военной подготовкой, хотя он, как и все, носил военную форму, умел хорошо отдавать честь начальству. Иногда Леня крутился возле пушек, когда мы там находились, и, не спрашивая ни у кого разрешения, вертел ствол зенитного орудия. Он всегда так мило улыбался, что все его любили и прощали ему подобные невинные выходки. Он был очень наивен, добр ко всем, беззаботен, и образ мыслей имел совсем детский. Говорили, что Лёня жил раньше в детском доме. Старшина Ермаков опекал его и взял с собой даже на фронт.

В нашем первом огневом взводе командиром был пожилой

сержант Федор Васильевич Игумнов, бывший сельский учитель из Горьковской области. Узнав, что я – сын сельских учителей, Игумнов подружился со мной, и мы с ним часто разговаривали, не таясь, на житейские темы и много – о политике, о перспективах идущей войны. Он сомневался, что мы одержим победу, и я не мог его убедительно опровергнуть.

С первого же дня, как наш взвод обосновался на новом месте, мы много и регулярно учились стрельбе. Все хорошо освоили свои обязанности и четко взаимодействовали друг с другом. И это оказалось очень кстати: уже во вторые сутки нашего пребывания мы получили первое боевое крещение. Глубокой ночью, когда все мы крепко спали, дежурный истошным голосом закричал: «Положение № 1!» В ту ночь погода оказалась очень холодной (мороз достигал 30 градусов), а я не успел хорошо обернуть ноги портянками, полагая, что сделаю это позже, сидя на «кресле» пушки, как это уже бывало пару раз во время ночных тренировок. Но в этот раз пришлось пробыть на крыше более получаса, пока самолеты не улетели, сбросив на город бомбы. В результате я обморозил несколько пальцев на ногах и оба уха, которые не успел закрыть крылышками шапки.

Хорошо, что командиры не наказали меня, а ограничились внушением другим бойцам. За четыре месяца службы в Горьком мне пришлось пять раз участвовать в отражении налётов вражеской авиации, но, как правило, самолетов не было видно, и мы ограничивались в основном одиночными выстрелами, целясь туда, где был яркий свет от разрывов снарядов, посылаемых с дальних зенитных батарей. Кроме того, у нас во взводе не было дальномера, да и пользоваться им ночью без освещения всё равно было бы невозможно. когда не освещали небо прожекторы. Мы слышали звуки взрывов бомб и видели над городом свет разрывов, но мне ни разу не приходилось наблюдать, чтобы какой-либо самолет оказался сбит.

Глава VIII

Как я уже писал, условия нашей службы на заводе № 196 оказались значительно лучше, чем на стадионе «Торпедо». Главное – мы стали неплохо питаться, и моё лицо вновь округлилось, многие военнослужащие стали заглядываться на женщин. Пример нам подавали командиры. Мы видели, как в столовой они любезничали с молодыми поварихами, официантками и другими работницами, пользуясь их взаимностью. В комнату нашего взводного – лейтенанта Шкеть – они приходили ежедневно, чуть ли не по очереди, принося

с собой выпить и закусить; старшина Иванов, не имея отдельной комнаты, вынужден был для интимных встреч бегать в цеховую раздевалку. Одна из его симпатий в ней была совсем молодой, другая – уже в годах.

А мое внимание привлекли две красивые молодые табельщицы. Они отмечали приход и уход рабочих и выдавали им месячные продовольственные карточки, а также занимались общественной и культурно-массовой работой. Первая из этих девушек была по должности старшей и работала главным образом в дневную смену. Я прежде всего загляделся на нее, но мне показалось, что она не обращает на меня внимания. Вторая девушка была в подчинении у первой и работала в основном в вечерней и ночной сменах. Так вот, вторая табельщица обратила на меня благосклонное внимание. Желая познакомиться с ней поближе, я обратился к этой табельщице с просьбой дать мне листок бумаги, чтобы написать письмо матери.

Девушку звали Маруся Новожилова. Она сказала, что ей 17 лет, окончила ПТУ, родом из деревни недалеко от Горького, родителей уже не имеет, живёт в ближайшем к заводу общежитии. Одета была скромно и очень аккуратно, чаще всего носила красную кофточку и черную юбку ниже колен. По цеху бегала в туфельках, а на улице – в черных валеночках и фуфайке с белой вязаной шапочкой. У девушки был курносый носик и карие глаза. Свои светлые волосы она заплетала в длинные косы.

Я говорил с Марусей на разные темы, рассказывал о себе, и это ей нравилось. А она рассказывала много о себе. В результате мы подружились с нею. Однако часто околачиваться у окошечка табельной на глазах работающих я считал неудобным, опасаясь испортить репутацию девушки. Кроме того, я далеко не всегда мог отлучаться со службы. Поэтому я стал сочинять для Маруси длинные письма.

Как-то я сообщил Марусе, что наш старшина Иванов, которого она хорошо знала, очень нахален с женщинами, а я совсем не такой и ни за что не позволю себе распускать руки.

Однако я всё же уговорил Марусю встретиться со мной без свидетелей. Мы посидели с ней минут 15 в хорошо освещенной пустой комнате, когда я дежурил у телефона, и я нежно обнял её за плечи. Мы попробовали поцеловаться, едва приложив друг к другу наши губы. Пойти дальше поцелуев нам было стыдно, и мы не решились на это. Я не сомневаюсь, что был у Маруси первым мужчиной, с кем она «завела» такую чистую любовь.

Разумеется, мои частые «походы» к окошечку табельной, переписка и встречи с Марусей не остались незамеченными, в том числе старшиной Ивановым. Как-то он подозвал меня и посоветовал действовать активнее: «Ведь сейчас – война, не сегодня-завтра придётся идти на фронт и, может быть, сложить там голову. А разве можно допустить, чтобы ни разу не сблизиться с женщиной?»

Я, конечно, и без Иванова всё это знал, но поступить так с Марусей не мог.

…В начале февраля 1942 года командование полка отправило нас в «знаменитые» Гороховецкие военные лагеря во Владимирской области. На станции Галицы, куда мы прибыли в товарных вагонах, местные жители – в основном старики и подростки – усадили нас по несколько человек в сани и доставили в небольшую деревню, откуда пришлось идти к лагерям пешком. Они находились в глухом лесу.

9 февраля нас повели на один из полигонов, устроенных на обширной поляне. Возле 37-мм зенитной пушки находилось множество военных начальников и командиров батарей и взводов, личный состав которых должен был пройти здесь фактически «выпускной» экзамен по стрельбе из орудий. Каждому из командиров хотелось, чтобы их бойцы хорошо выдержали экзамен, и они даже устроили «социалистическое соревнование» на лучшую подготовку своих артиллеристов.

Нам надо было из пушки, заряженной четырьмя или пятью снарядами в одной обойме, как можно меньшим количеством одиночных выстрелов быстро и точно поразить макет танка. Макет устанавливали от орудия на расстоянии не менее километра и перемещали тросом по пересеченной местности, поэтому высота и расположение цели постоянно менялись. Все снаряды были учебными и трассирующими, благодаря чему следить за их полётом было легко.

Наш взвод под командованием лейтенанта Шкеть отстрелялся первым. Боевой расчет нашей пушки поразил цель третьим снарядом, что оценили на «отлично». Расчет второй пушки отстрелялся еще лучше, настигнув цель первым же снарядом. Это было заслугой первого наводчика орудия Николая Сизова. Командиры некоторых батарей тайно упросили старшего лейтенанта Чернявского и лейтенанта Шкеть отдать им Колю Сизова «взаймы», чтобы на экзамене использовать его первым наводчиком своих орудийных расчетов, и Коля, в основном на «отлично», провёл ряд чужих стрельб.

В итоге наша батарея – батарея старшего лейтенанта Чернявского и наш первый взвод под командованием лейтенанта

Шкеть заняли первое место в этом «социалистическом соревновании». Однако всё происшедшее произвело на меня и на большинство моих товарищей скверное впечатление, потому что даже в такое тяжелое для Родины время наше командование не обошлось без «очковтирательства». После возвращения в Горький политрук Воробьев объявил имена «отличников боевой и политической подготовки», среди которых был и я. Мне поручили выпустить очередной «Боевой листок», посвященный в основном прошедшим стрельбам.

Для «Боевого листка» комиссар давал мне специальный, отпечатанный в типографии бланк, на котором было изображено красное знамя с портретами Ленина и Сталина и черной краской выведены слова призыва: «Смерть немецким оккупантам!» Если типографского бланка не было, мне приходилось самому на обыкновенной бумаге писать название стенной газетки и рисовать красное знамя.

В «Боевом листке» полагалось давать сообщения об успехах наших войск на фронте и о важных событиях в стране, а затем – заметки о жизни нашей войсковой части и о её передовиках. Основные материалы давал политрук, а другие приходилось писать самому или «клянчить» у командиров. Иногда комиссар и секретарь парткома заставляли писать заметки рядовых бойцов и сержантов, главным образом – комсомольцев и членов ВКП(б). Прежде чем вывесить «Боевой листок» я был обязан показать своё «творение» комиссару. Все необходимые для этой общественной работы принадлежности – чернила, ручки, промокашки, простые и цветные карандаши, ластики, лезвия безопасных бритв и ножницы – приходилось всегда носить с собой в вещевом мешке, что создавало определенные неудобства. Но зато я всегда имел возможность писать письма домой авторучкой.

…4 марта 1942 года нам объявили, что почти вся наша батарея завтра отправляется на фронт. Нам дали время подготовиться к отъезду. Я поспешил к табельной, чтобы увидеть Марусю, но её там не было – сказали, что она выйдет в ночную смену. На всякий случай я написал ей большое нежное письмо.

Ночью я спустился в цех и, к счастью, увидел в табельной Марусю. Я сказал ей, что завтра отбываю на фронт, и отдал ей предназначенное письмо. Я попросил Марусю отправить матери мои вещи и кое-какие из них отдал самой девушке. Она обещала сразу же выполнить мою просьбу, но деньги на почтовые расходы не взяла. Маруся дала мне адрес своего общежития и попросила писать к ней почаще. При прощании она заплакала. Так я расстался с Марусей и, как оказалось, навсегда…

В начале августа 1946 года, возвратившись в свою деревню,

я узнал, что Маруся очень добросовестно исполнила мою просьбу и все вещи благополучно прибыли к маме. Всё было в целости и сохранности. Я увидел, что на обратной стороне моей фотографии «отличника боевой и политической подготовки» Маруся поставила по краям свои инициалы – «М» и «Н». Так милая девушка напомнила мне о себе. В конце января 1948 года, приехав из Москвы в Горький на студенческие каникулы, я попробовал разыскать Марусю и поговорил с женщинами, жившими в заводском общежитии. Но никто из них не знал про Марусю. Лишь одна из них, пожилая женщина, припомнила девушку, похожую на ту, которую я описал, и предположила, что, возможно, в 1942 году она ушла на фронт.

Старшина Иванов пожелал мне счастья и обещал следить за моей Марусей в мое отсутствие.

Утром 5 марта после завтрака мы забрали с собой личные вещи из казармы и, оставив в ней зимние куртки, ватные телогрейки, стальные каски, сумки с противогазом, оружие и другие казенные предметы, пришли на ту площадку, где находилась построенная раньше нами же землянка-казарма для второго взвода и взвода управления. Здесь нас выстроили в 4 ряда фронтом, и после этого в присутствии командира дивизиона командир батареи старший лейтенант Чернявский объявил, что мы теперь представляем собой маршевую батарею, которая сейчас покинет территорию завода, чтобы отправиться на фронт. Одновременно он представил нам сменившего его нового командира – тоже старшего лейтенанта Сахарова (не помню его имени) – молодого человека лет под тридцать, который имел огненно-рыжие волосы на голове и великое множество веснушек на крайне неприятном – одутловатом лице. Ростом он был лишь чуть выше меня, его нос был курносый, глаза узковаты, а шинель на далеко не стройной фигуре сидела нескладно. Оказалось, что этот человек мой земляк из Канаша, но был ли он чуваш, не могу сказать определенно, поскольку, как я уже упоминал, мне с ним лично ни разу не пришлось пообщаться. Сам он также не проявил ко мне интереса или сознательно не захотел иметь со мной дела. Подойти к нему первым и представиться ему как земляк я не решился из-за соображений соблюдения субординации – ведь я был рядовым бойцом, а он – «большим начальником». Кстати, полной противоположностью ему был комиссар батареи – старший политрук Воробьев, очень общительный со всеми и особенно – со мной.

В батарею включили несколько других военнослужащих, которыми заменили оставляемых на месте старых, в число которых попали сам – теперь уже для нас бывший её командир

старший лейтенант Чернявский, оба командира орудия в нашем взводе старшина Иванов и сержант Игумнов, а также … отличившийся недавно на стрельбах под Гороховцом первый номер второго боевого расчета Николай Сизов. Оставили и второй номер того же расчета – моего бывшего коллегу по МИС Аркашу Писарева, с которым мне очень и очень было жаль расставаться, так как я чувствовал, что больше его не увижу. (Действительно, он вскоре погиб, как я узнал после войны, попав на фронт в составе другой маршевой батареи, которой командовал упоминавшийся лейтенант Шкеть. Эту батарею вместе с пушкой разнесло бомбой, сброшенной точно немецким самолетом.) Я до сих пор не могу забыть этого молоденького и очень милого парня небольшого роста, говорившего тихим и иногда даже писклявым голосом, похожим на девический. Со мной предварительно очень тепло попрощался в казарме оставшийся в ней сержант Игумнов, попросив меня написать ему письмо сразу, как только прибуду на новое место.

Из прежнего начальства с нами отправлялись: комиссар батареи старший политрук Воробьев, командир моего – первого огневого – взвода лейтенант Кирпичёв, командир второго огневого взвода младший лейтенант Алексеенко, а также числившийся в его взводе вторым прицельным секретарь парткома сержант Агеев. Кроме того, на фронт ехали командир взвода управления и занимавшийся обеспечением батареи боеприпасами, продуктами питания, обмундированием старшина Ермаков со своими помощниками, три медика во главе с санитарным инструктором и медбратом Федоровым и несколько шоферов. В строю второго огневого взвода я заметил своего земляка и соплеменника – старшего сержанта Василия Алексеева – и… ефрейтора Метёлкина.

Старший лейтенант Чернявский, закончив краткую напутственную речь, неожиданно для нас отдал приказ подвергнуть всех будущих фронтовиков обыску и изъять «лишние и принадлежащие полку» вещи. Нас заставили положить на снег вещевые мешки и расстегнуть шинели. Мне пришлось снять надетый под гимнастерку шерстяной свитер, полученный под Новый год как «подарок воину» от гражданского населения, а также выложить из вещевого мешка другой подарок – пару черных шерстяных носков. Отобрали и пилотку, с которой я не расставался с трудового фронта. Но самым ужасным для меня оказалось то, что забрали мой дневник, мотивируя это тем, что он может попасть «в руки врага» и выдать «важные секреты». При этом всем присутствовавшим категорически запретили впредь вести дневники.

Я попытался возразить против конфискации свитера и носков, но стоявший рядом со мной Вася Трещатов толкнул меня в бок и тихо сказал: «Юр, не спорь, это бесполезно: они ведь хотят “загнать” эти вещи за деньги и пропить их». И я не стал дальше спорить с Чернявским.

Хорошо, что с меня не сняли надетые под тонкое военное полугалифе гражданские брюки, оставшиеся от студенческого костюма.

После обыска, построившись в колонну, мы двинулись к проходной завода мимо цеха и увидели у его дверей знакомые лица провожавших нас работниц, среди которых мелькнуло и лицо Маруси.

Так я покинул Горький, подумав, что никогда уже в него не вернусь. Но судьба распорядилась иначе.

Глава IX

Миновав село Решетиху, батарея пошла строем по узкой дороге в глубь леса. Километра через полтора мы оказались в небольшом военном городке, по существу представлявшем собой несколько больших и десяток маленьких, но относительно благоустроенных землянок-бункеров, предназначенных только для лиц командного состава (по-нынешнему – офицеров). На окраине городка в полуземлянке находилась небольшая кухня, к ней примыкали склады продуктов и различного инвентаря (лопат, пил, топоров и пр.). Возле землянок имелись приспособления для занятия спортом и стенды для военных занятий.

Рядовых бойцов и младших командиров поселили повзводно по 15–18 человек в больших землянках. Нары там были одноярусными, но из тонких бревен с неснятой корою. Постелей нам не полагалось, и спать приходилось на одном краю шинели, укрываясь другим её краем.

В землянке топили «буржуйку», но дрова, заготовленные в здешнем лесу и плохо высушенные, едва горели. Кроме того, временами приходилось проветривать землянку, чтобы ликвидировать смрад от сушившихся портянок и ботинок. У двери землянки находилась стойка-пирамида для винтовок, с которыми бойцы несли караул.

Комиссар сообщил нам номер почтового ящика (полевой почты) батареи и огорчил нас сообщением, что до отъезда на фронт питание мы будем получать по третьей категории снабжения, т. е. как тыловики.

В первый же день написал два письма в Горький – одно Марусе, а другое – сержанту Игумнову по адресу полка. При этом я совершил величайшую по тем военным временам глупость: решил, что письмо дойдет быстрее, если к номеру почтового ящика добавить слово «Соловей» – кодовое название взвода. Но командованию полка я причинил этим большую неприятность, и меня только потому не подвергли серьезному наказанию, что в те дни у полка как раз наступал срок изменения кодовых названий.

В первое время пребывания в лагере мы занимались военной учёбой. Иногда нас посылали на помощь работницам столовой. Я побывал тогда на местной сетевязальной фабрике, где меня заинтересовали крутильные, свивальные и прядильные машины, вязальные, плетельные и ткацкие станки. Тогда я не мог и подумать, что после войны подобное оборудование станет

объектом моего инженерного труда…

7 марта нас пригласили в клуб фабрики, где комиссар Воробьев рассказал нам о наступающем Международном женском дне 8 марта. Местные школьники дали небольшое представление на патриотическую тему. Наши бойцы с удовольствием пообщались с молодыми фабричными работницами.

7 марта почти ко всем командирам батареи и взводов, к комиссару, медикам и старшине Ермакову из Горького приехали погостить их жены, невесты, знакомые. Среди них оказались две молодые поварихи, работавшие в столовой литейного цеха. Естественно, все женщины приехали не с пустыми руками, и в эти «загульные» сутки начальству было не до нас, рядовых бойцов. После ужина наш второй подносчик снарядов – вездесущий Кусков – выпросил в столовой у сердобольной старой кладовщицы оцинкованное ведро с сырым картофелем. Это было наше праздничное угощение. Но когда, тщательно помыв клубни, мы повесили ведро над костром, оказалось, что у нас нет соли. Пришлось загасить костер и отправиться снова в посёлок, чтобы раздобыть соль.

В посёлке с громким лаем нас преследовали собаки, от которых пришлось отбиваться палкой и глыбами снега. Мы стучались во многие дома, но никто не хотел с нами разговаривать. Только в одной из квартир двухэтажного дома хозяева дали нам горсть соли, сказав, что нынче данный продукт является очень дефицитным и что нам дают они его нам только из-за уважения к нашей армии.

…Дальше, примерно до середины марта, все наши дни прошли без каких-либо особых событий, достойных упоминания. Мы не раз вспоминали свою службу в Горьком, где мы питались несравнимо лучше, чем в Решетихе, так как военный завод снабжался продуктами лучше, чем обычные предприятия, такие, как решетихинская фабрика. Кроме того, директор военного завода А. С. Елян организовывал поступление продуктов питания из окружающих сел и деревень. Улучшенное питание было предусмотрено не только для работавших на заводе, но и для военных, служивших на его территории.

В лагере под Решетихой мы стали приводить в порядок кухню, а в столовой фабрики взяли кастрюли, сковороды, ведра, ножи и другой инвентарь, получили там причитавшиеся продукты (в основном черный хлеб, картофель и другие овощи, вермишель и крупы, рыбу, немного мяса и свиного сала, подсолнечного и сливочного масла, сахарный песок, чай, соль). Всё это бойцы принесли в брезентовых плащ-палатках, повторив поход несколько раз. Со склада танковой бригады каждому бойцу

и младшему командиру выдали двухлитровый металлический котелок, но без крышки, которую некоторые бойцы позже сделали сами, а также стеклянную флягу в защитном темно-зеленом матерчатом чехле, которую носили на поясном ремне.

Каждый получил несколько пачек махорки и бумагу для сворачивания самокруток. Но спичек нам не хватало, и пожилые курильщики использовали вместо них стальную пластинку (кресало) и камушек с наложенным на него «трутом» из сухого древесного гриба. Когда курильщик бил по краю камушка кресалом, искры попадали на трут, от чего тот загорался. Появившийся огонек курильщик раздувал и прикуривал. Бензиновые зажигалки в те времена были большой редкостью.

В середине марта я наконец получил письмо от Маруси. Она написала, что очень грустит по мне, но не может меня навестить, так как посменная работа этого не позволяет. Я сразу же ответил Марусе, пообещав, что и впредь буду писать ей, если со мной всё будет в порядке. Но получилось так, что больше я ни одного письма к Марусе не написал. И это, вероятно, дало ей повод подумать, что меня уже нет в живых, тем более что погибла вся зенитная батарея хорошо знакомого ей лейтенанта Шкеть, в составе которой я прежде находился. И если Маруся действительно ушла на фронт, то не для того ли, чтобы отомстить немцам за меня? Так, например, хотела поступить сестра моего одноклассника и однополчанина Миши Волкова, когда получила весть о его гибели. Может быть, именно я косвенно виноват в том, что Маруся больше не появилась в общежитии. А может быть, с Марусей всё получилось не так, и она просто нашла счастье с другим мужчиной? Дай-то Бог!..

…В конце марта нам выдали противогазы и маленькие саперные лопаты с темно-зеленым брезентовым чехлом, после чего наши командиры каждый день учили нас практическому применению в бою шанцевого инструмента, что на фронте нам очень пригодилось. В это же время у нас появилась возможность для практических занятий с нашим основным оружием – зенитными пушками и пулеметами. А появилась она благодаря тому, что наше начальство договорилось с командованием местных зенитных точек приводить нас на тренировки, пока зенитки и пулеметы простаивали в ожидании налётов вражеской авиации.

Километрах в пяти от нашего городка находилась батарея с хорошо замаскированными пулеметами ДШК 12,7-мм и 37-мм зенитными пушками. Их боевые расчеты очень уютно разместились в небольших землянках, где было тепло, светло

и имелись металлические кровати с постельными принадлежностями. В землянке, где мы побывали, на стене висели часы-ходики, а на столе самовар, на полке эмалированная и фарфоровая посуда.

Все бойцы и командиры этой батареи были аккуратно одеты и подтянуты, гладко выбриты и очень дружелюбны. Казалось, будто они живут дома. Мы очень завидовали им. На деревьях возле землянок распевали свои песенки первые прилетевшие скворцы – для них уже были приготовлены скворечники. Вообще в лесу было полно чирикающих и поющих птиц, что вызвало у нас тоску по мирной жизни.

К своему стыду, должен признаться, что, находясь под Решетихой, я ни разу не написал матери. Дело в том, что я сообщил ей из Горького, что мы едем на фронт. На самом деле этого еще не произошло, а написать маме правду я посчитал неудобным.

Кажется, 10 апреля представитель командования 199-й отдельной танковой бригады – батальонный комиссар дал нам знать, что отъезд на фронт может состояться уже в ближайшие сутки. В наш военный городок прислали нескольких шоферов-водителей. На фронте они перевозили орудия и снаряды. Из этих шоферов мне особенно запомнился молодой боец по фамилии Загуменнов, внешне очень похожий на моего однополчанина Бориса Старшинова – бывшего студента МИС, оставшегося в Горьком в запасном полку. А другим шофером, которого я потом вспоминал всю жизнь, был пожилой сержант Журавлев Михаил Дмитриевич, родом из Калининской (ныне Тверской) области, прекрасный специалист своего дела.

В те же дни всему личному составу батареи выдали так называемый «медальон смерти», по существу вовсе и не медальон, а черную эбонитовую капсулу, восьмигранную снаружи и цилиндрическую изнутри. Она имела в длину 50 мм и диаметр 12 мм. Обе ее части плотно навинчивали друг на друга так, что вода или сырость не могла попасть в капсулу. Внутрь капсулы помещали свернутую в рулончик бумажку, на которой каждый боец писал чернилами (а надо было бы карандашом, что дольше противостоит сырости) сведения о себе – фамилию, имя и отчество, год рождения, домашний адрес, адрес военкомата, призвавшего его на военную службу, и главное – адрес близкого человека, кому следовало сообщить о владельце в случае его гибели. Хранили капсулу в брюках на поясе в потайном карманчике.

Мы получили небольшое вафельное полотенце, по куску туалетного и хозяйственного мыла. Зимние шапки нам заменили

пилотками из зеленого английского сукна, сильно отличавшегося от отечественного. Многим, в том числе и мне, дали новые шинели взамен обветшавших. Новые, и тоже английского сукна, шинели оказались значительно легче, чем старые, из грубого отечественного материала. Кое-кто сменил себе поизносившиеся ботинки, но у меня они были в порядке.

Пару дней, еще в старой одежде, мы поработали на железнодорожной станции Жолнино, где приняли прибывшие с завода № 92 две новые 37-мм зенитные пушки и три английские грузовые автомашины «бедфорд», предназначенные для тех же пушек. Одна из этих машин была с закрытым кузовом.

Нам пришлось распаковать пушки из-под брезентового чехла и привести их в состояние полной боевой готовности. К каждой пушке мы поставили в деревянных ящиках запас снарядов. В это время автомашинами занимались шоферы.

На запасном железнодорожном пути находилось более двух десятков платформ с легкими танками, полученными по ленд-лизу. С ними возились танкисты нашей бригады. При этом они очень неодобрительно высказывались об этих английских машинах, плохо приспособленных к российским условиям. Некоторые из танков имели карбюраторные двигатели, работающие на бензине, из-за чего их очень легко было поджечь. Как я позднее узнал из специального справочника, эти пехотные танки типа «валентайн», модификаций 1938–1940 годов, были изготовлены фирмой «Виккерс – Армстронг» и предназначались в основном для поддержки пехоты. Танки с дизельным двигателем имели габаритные размеры 5420 × 2630 × 2270 мм и массу 18 тонн. Они обслуживались экипажем из трех человек. У них на вооружении имелась одна 40-мм пушка и два пулемета калибра 7,92 мм, включая один зенитный. Внутри машины можно было поместить 41 снаряд и запас из 3300 патронов.

В те же дни мы получили на каждого бойца и младшего командира отечественные винтовки образца 1891/1930 годов и отечественные карабины образца 1938 года. Нас предупредили, что замена, а тем более потеря личного оружия будет очень строго наказываться и каждый головой отвечает за него. Оружие следовало содержать в идеальном порядке и чистоте, чистить шомполом и тряпкой его ствол после серии выстрелов и периодически смазывать соответствующие узлы и детали. Одновременно с личным оружием каждому дали патронташ с винтовочными патронами, который мы надевали на поясной ремень спереди. Но основной запас патронов помещался в особой сумочке, которую носили в вещевом мешке.

Нам выдали еще стальные каски зеленого цвета,

изготовленные Лысьвенским и Сталинградским (ныне это Волгоградский) металлургическими заводами. Но на всех касок не хватало, в связи с этим было объявлено, что все каски являются общей собственностью и подлежат хранению на грузовике с закрытым кузовом. Каски полагались тем номерам орудийных расчетов, которые открывали огонь по вражеским самолетам или при появлении другой соответствующей цели. Однако случалось, что пока бегали за касками, цель уже исчезала. Мне на фронте почти совсем не пришлось пользоваться каской.

…Затем мы получили на всю батарею обычные и саперные длинные и с широкой металлической частью лопаты трех типов, пилы, топоры, другие инструменты, несколько брезентовых плащ-палаток и полотен и другие вещи.

14 апреля 1942 года в последний раз в Решетихе нас постригли машинкой наголо. После мы помылись в душевой фабрики, сменили нижнее бельё и в специальной камере «прожарили» одежду. Еще до наступления темноты покинули военный городок, а через час пришли на станцию Жолнино, где находился еще не полностью сформированный эшелон, составленный из открытых платформ с танками, автомашинами, пушками и приспособленных для перевозки людей товарных вагонов-теплушек. В головной и хвостовой части эшелона размещались зенитные орудия. На каждой платформе дежурил часовой с винтовкой или карабином. Все танки и автомашины были заправлены горючим, а в танках находились снаряды и патроны. В эшелоне находились цистерны с горючим.

Нам выдали «сухим пайком» продукты на пять суток и баки с водой, которую периодически пополняли. Бойцы ежедневно получали горячий обед из трех блюд из полевых и переносных кухонь нашего эшелона. Нас стали снабжать всеми видами довольствия по нормам, полагавшимся для фронтовиков.

Многие из нас радовались отъезду на фронт, говоря: «Там-то уж мы не будем больше голодать». Как мы были наивны!

ГЛАВА X

Эшелон двигался очень медленно. Когда рассвело, первой остановкой поезда оказалась станция Ново-Вязники. На этой станции мы устремились на поиски туалета. Но едва спрыгнув из вагона, мы увидели, что вокруг все было загажено, а единственный выгребной туалет на конце платформы давно никем не вычищался, так что оказалось совершенно невозможно войти туда. Между прочим, во время войны так было едва ли не на всех железнодорожных станциях. Вернувшись в вагон,

мы долго оттирали свою обувь соломой.

Наш эшелон долго стоял на станции во Владимире. Там с санитарного поезда выгружали на носилках тяжело раненных. Здоровые бойцы выносили их на привокзальную площадь. Было много покалеченных – без руки, без ноги, на костылях… сквозь марлевые повязки у некоторых раненых проступали красные пятна крови. Всё увиденное произвело на нас очень тяжелое впечатление.

Во время долгой остановки эшелона где-то между станциями Собинка и Петушки нам впервые дали горячую пищу. За ней на кухню отправляли несколько бойцов с ведрами, бачками и большими кастрюлями, захваченными из Решетихи. Принесенную еду распределяли по котелкам и кружкам. В голове всегда была только одна мысль: как бы наесться досыта…

Наша поездка до конечного пункта длилась больше пяти суток. Мы догадывались, что едем на юг, а куда конкретно – не знали. Большие города эшелон в основном объезжал. Только готовя эти воспоминания, я воссоздал маршрут нашего эшелона. Очевидно, мы двигались через Мичуринск – Грязи – Воронеж – Лиски – Валуйки – Купянск-Узловую. Мы двигались в направлении Харькова. Поезд переехал разлившуюся от половодья реку Оскол и остановился на станции Букино. И вдруг здесь на нас налетели немецкие бомбардировщики в сопровождении истребителей «мессершмитт». Наши бойцы моментально выскочили из вагонов и платформ и залегли по обе стороны эшелона. Но на головном вагоне зенитчики, под командованием лейтенанта Кирпичёва, быстро заняли свои места и открыли по самолётам огонь. То же самое сделал и боевой расчет второй пушки в хвостовой части поезда. Еще раньше нас начали стрелять местные зенитчики, и один из истребителей был сбит.

Бомбардировщики сбросили несколько бомб, и осколки прошили стены и крыши некоторых вагонов, попали в ближние дома и строения. У нас и на станции появились раненые. Один осколок угодил в ефрейтора Метёлкина, обслуживавшего пушку в хвостовой части эшелона. Он сразу же скончался. Комиссар Воробьев взял «медальон смерти» Метёлкина, чтобы официально сообщить о гибели ефрейтора. Тело Метёлкина оставили местным работникам для захоронения. Мы даже не успели попрощаться с покойным, поскольку наш поезд уже трогался. Где-то между станциями Диброво и Закомельская последовала команда – всем выгрузиться. Вместе с командиром батареи Сахаровым и нашим комиссаром Воробьевым к нам подошли командир нашей танковой бригады № 199 полковник Матевосян, лет сорока,

чернявый, небольшого роста, и комиссар бригады – пожилой, среднего роста, фамилию которого я, к сожалению, я не знал. Они поблагодарили нас, зенитчиков, за успешное отражение атаки вражеских самолетов.

Потом до самого вечера мы разгружали эшелон. Работали без перерыва, чтобы закончить все как можно быстрее, пока немцы нас не заметили. Всё выгруженное немедленно маскировали в чаще леса.

Для всего личного состава батареи устроили в лесу временное «жилье». Оно представляло собой три шалаша из срубленных стволов деревьев и веток. Ветки и листья служили для нас постелью, а шинели – одеялом. Накануне рядом с шалашами вырыли еще небольшие укрытия для себя на случай налета вражеской авиации. Винтовки держали с собой же в шалаше.

Следом за нами стали прибывать и другие эшелоны, разгрузка шла днем и ночью двое суток. К счастью, погода была теплой и сухой.

На следующий день после прибытия я написал письмо маме, сообщив, что жив и здоров. К сожалению, она его не получила, к ней дошла только короткая весточка, которую я послал ей 5 марта из Горького. С того времени для мамы и для моих близких я «пропал без вести» более чем на три года.

За двое суток пребывания на новом месте мы неоднократно видали пролетавшие над нами вражеские самолеты, но нам было запрещено открывать огонь, чтобы не выдать противнику место расположения новых войсковых частей. Вместе с комиссаром Воробьевым я выпустил тогда два «Боевых листка», которые вывесил на дереве. В первом было написано несколько добрых слов о погибшем ефрейторе Метёлкине и немного – о наших успешных стрельбах по самолетам немцев. При подготовке второго «Боевого листка» комиссар сообщил мне, что наша бригада вместе с соседней 198-й входит в состав Шестой армии Юго-Западного фронта, которым командует маршал С. К. Тимошенко. От комиссара под большим секретом я узнал, что Шестая армия скоро должна перейти в наступление с целью освободить Харьков.

Спустя несколько десятков лет в литературных источниках я нашел упоминание, что нашей Шестой армии противостояла тогда Шестая армия немцев, которой командовал генерал-лейтенант танковых войск Фридрих Вильгельм Эрнст Паулюс. 31 января 1943 года в Сталинграде он был произведен в генерал-фельдмаршалы, и в тот же день его взяли в плен.

…Было без объяснений ясно, что наша танковая бригада

является одной из многих крупных войсковых соединений, которые накапливались для перехода в большое наступление. На третьи сутки нас с обеими пушками, прицепленными к «бедфордам», отправили дальше на юго-запад. Сначала мы не менее часа ехали по открытой проселочной дороге, а потом по дороге внутри лесного массива. Остановились мы на левом берегу реки Северский Донец, сильно разлившейся с наступлением весны. Здесь нам пришлось вырыть окопы для укрытия от немецких самолетов, а для командного состава – «благоустроенную» землянку. Бойцы расположились в шалашах. Недалеко от шалашей мы установили, хорошо замаскировав ветками, оба орудия и с нетерпением стали ожидать, что скоро нам привезут еще две пушки, которых батарее недоставало.

В глубине леса разместились санитарная часть и кухни, а также склады с продовольствием и автомашины ГАЗ, к которым при переездах прицепляли полевые кухни, а переносные кухни помещали на кузов. Всеми кухнями распоряжалось непосредственно командование танковой бригады.

Горячую пищу из кухонь и прочее довольствие (хлеб, сахар, консервы в банках, концентраты в бумажных пакетах, водку, махорку, иногда – папиросы и некоторые вещи) мы получали сразу на весь взвод или огневой расчет, посылая для этого двух-трех дежурных бойцов с тремя-четырьмя ведрами, бачками или большими кастрюлями и мешками (а вместо них нередко – с брезентовыми полотнами или плащ-палатками). Иногда нам давали перед обедом по сто граммов водки, которую мы разливали из большой стеклянной или металлической тары по своим кружкам. Ежедневную порцию хлеба увеличили до килограмма, но давали только черный и часто несвежий. Каша была в основном пшенной из плохо очищенной крупы. Если получение пищи из полевой кухни было невозможно, нам выдавали банки мясных и рыбных консервов, пачки пшенного концентрата, и мы готовили еду в котелках. Не раз вместо хлеба приходилось обходиться сухарями. Как и в тылу, мы все время чувствовали себя голодными.

В качестве курева нам выдавали главным образом махорку в коричневых бумажных пачках, и нередко для свертывания цигарок и «козьих ножек» нарезанную до нужных размеров бумагу или куски газеты.

На новом месте мы пробыли до 3 мая. Погода стояла теплая и солнечная, поэтому и жить в шалашах было неплохо. Сильно беспокоили лишь комары и мошкара. К сожалению, снова появились вши. Утренних зарядок, которыми нас заставляли заниматься в тылу, давно не было и в помине. Мы мылись

прозрачной водой из луж, пользуясь куском простого мыла. В свободное время много разговаривали между собой, вспоминая хорошую жизнь до войны.

На второй день после нашего прибытия на новое место мы стали свидетелями необычного происшествия. Стоя на берегу Северского Донца, мы вдруг увидели, как течение несет две человеческие головы в шапках-ушанках. А над головами белело нечто вроде шлангов. Из воды периодически появлялись руки. Потом возникли в полный рост два человека в шинелях и обуви. На мелководье они шли по дну реки, цепляясь за ветки затопленных деревьев, чтобы передохнуть.

Встретив пловцов, мы увидели, что белые «шланги» были… обыкновенными кальсонами из плотной ткани. Перед погружением в воду их намочили, крепко связали обе штанины и надули воздухом, превратив в самодельный спасательный круг.

Обоих пловцов мы привели к себе, дали им переодеться, глотнуть водки, чтобы согреться, после чего их накормили. Они сказали, что плыли и шли вдоль правого берега Северского Донца от г. Балаклея, расположенного на левом берегу, занятого немцами. Нас всех поразило то, как эти разведчики отважились на плавание в такой холодной воде.

Через несколько дней я и Вася Трещатов, патрулируя с винтовками берег Северского Донца, наблюдали, как в полутора километрах от нашего шалаша саперы начали строить мост. Некоторые из них прямо в обуви и одежде заходили глубоко в ледяную воду и подолгу работали, забивая в грунт сваи, закрепляя бревна и доски, занимаясь установкой понтонов.

Лес для строительства моста вырубали выборочно, так чтобы вражеским самолетам ничего нельзя было заметить. Бревна и доски делали сразу на месте. Работа шла почти без шума, но время от времени сопровождалась матерными ругательствами строителей. К ночи 2 мая мост был готов.

В последние дни апреля в батарею доставили (вместе с шофером) недостающую грузовую автомашину «ЗИС», которая оказалась отечественной, выпущенной Московским автомобильным заводом им. И. В. Сталина (ныне И. А. Лихачева). Но вместо дополнительных двух 37-мм зенитных пушек (у нас имелось только по одной пушке на два огневых взвода, т. е. по одной на два орудийных расчета) прислали… один станковый крупнокалиберный пулемет ДШК 12,7 мм. Этот пулемет, созданный В. А. Дегтяревым и Г. С. Шпагиным в 1938 году, весил 44 кг. Устанавливали его на треноге. Боевой расчет состоял из наводчика-стрелка, его помощника, прицельного и двух подносчиков патронов. Калибр (внутренний диаметр ствола)

пулемета был 12,7 мм. Стреляли из него бронебойными и бронебойно-зажигательными пулями, причем через 4–5 патрона следовали трассирующие пули. Число выстрелов в минуту достигало 125. Можно было стрелять короткими очередями – с 2–5 выстрелами. Максимальная дальность полета пуль составляла 7000 м, а практическая – 1800 м.

Обслуживать присланный пулемет в качестве наводчика-стрелка поручили уроженцу тех мест, старшему сержанту украинцу Чижу. В помощники к нему напросился наш Лёня, который был в восторге от этого оружия и почти не отходил от него. Поскольку батарею не обеспечили полагавшимися четырьмя пушками, это привело к тому, что один орудийный расчет оказался лишним, и получилось так, что все расчеты, как правило, работали на двух пушках по очереди, обслуживая также и пулемет, но и в этом случае еще три человека оставались незанятыми.

Перед праздником Первого мая нам вручили подарки от отдельных граждан, предприятий и организаций с трогательными надписями, записками и письмами, содержавшими пожелания доброго здоровья и просьбы крепко бить врага и вернуться домой живыми. Мне досталось по пачке папирос, конфет и печенья. Комиссар Воробьев, вероятно, вспомнил, что у меня в Горьком во время обыска забрали шерстяной свитер, и мне дополнительно дали аналогичный свитер, значительно лучший по качеству. Однако в это время года было уже тепло, порой даже жарко, и я не стал его носить днем, но иногда надевал ночами.

1 и 2 мая нас неплохо покормили. Особенно мне понравился компот из кураги, который я до этого еще никогда не пробовал. Ночью танкисты первыми начали выдвигаться к линии фронта, а утром мы выкатили с позиций обе пушки, прицепили их по одной к двум автомашинам с открытым кузовом, одновременно погрузив в них ящики со снарядами, и установили пулемет на кузов третьей автомашины. Затем с шинелями, свернутыми в «скатки», с вещевыми мешками, противогазами и личным оружием мы разместились на грузовиках. Четыре наводчика (первый и второй номера) обоих дежурных орудийных расчетов заняли места у своих расчехленных пушек.

Мы очень осторожно переехали по мосту Северский Донец и через несколько километров остановились у хвойного леса с высокими елями и соснами, росшими на чистом желтом песке. Здесь нашим машинам пришлось пропустить сильно растянувшуюся колонну очень шумных бойцов-армян пехотинцев разного возраста, многие из которых носили черные-пречерные

усы. Они были вооружены винтовками, пулеметами и другим оружием, включая даже очень длинные и тяжелые (весом 20,3 кг) противотанковые ружья ПТРС калибра 14,5 мм, образца 1941 года, конструкции С. Г. Симонова. Каждое из этих ружей несли два человека.

Рассказывали, что когда боец-мусульманин бывал ранен в бою, его соплеменники или одноверцы подбегали к нему и кричали, взывая к Аллаху, но ничем не помогая раненому. А в это время вражеский минометчик открывал по ним огонь, в результате чего все погибали. Сказанное не относилось, однако, к христианским народам Кавказа.

Остановившись на поляне и замаскировавшись, мы трое суток занимались обустройством землянок. Но пожить в этих землянках нам не пришлось, что повторялось много раз и в дальнейшем: бывало, только-только закончим рытьё и обустройство капитальных землянок, как сразу поступает команда – двигаться дальше. Становилось очень обидно за бесполезную работу.

…В эти дни я должен был выпустить «Боевой листок». В связи с этим для получения необходимых материалов мне пришлось побывать в штабе своей танковой бригады. По дороге я видел, что и другие подразделения роют землянки. На опушке леса группа бойцов мотострелкового батальона училась… маршировать с пением в строю. Командир этой группы, пожилой старший сержант, по своей внешности и по акценту подаваемых им команд показался мне похожим на чуваша. Я загляделся, как красиво он демонстрировал своим подопечным строевой шаг, держа очень прямо спину и голову. Когда он остановил группу для отдыха, я подошел к нему и поприветствовал его на моем родном языке. Командира это совсем не удивило, и мы разговорились на чувашском языке. Между прочим, он сказал, что воевал еще в Гражданскую войну – был командиром взвода в Чапаевской дивизии и ему не раз доводилось говорить с самим Чапаевым, который якобы владел чувашским языком как родным, так как являлся уроженцем Чувашии.

Рано утром 6 мая после завтрака мы неожиданно получили команду двинуться на северо-запад вслед за танками и мотострелковым батальоном, которые уже отправились в путь ночью. Мы быстро собрались. Командир батареи – старший лейтенант Сахаров – сел рядом с шофером в кабине головной машины, а комиссар – политрук Воробьев – в кабине третьей машины. Между обоими грузовиками, тащившими за собой пушки, ехала машина с закрытым кузовом, в кабине которой находился вместе с шофером старшина Ермаков. В открытых кузовах бойцы располагались на ящиках с боеприпасами. Я в это

время занял место в кузове четвертого, замыкающего грузовика, на котором был установлен подготовленный к стрельбе пулемет. Рядом со мной, у края заднего борта, сел командир взвода лейтенант Кирпичёв. Погода была прохладной, поэтому все были в шинелях. Нашим автомашинам пришлось преодолеть большой участок пути со значительным уклоном вверх. Английские грузовики, тянувшие за собой пушки, не были приспособлены к таким тяжелым условиям движения. Поэтому мы ехали медленно, потом остановились, и всем пришлось слезть с грузовиков, чтобы толкать в гору первую машину и прицепленную к ней пушку. В это время лейтенант Кирпичёв, державший какую-то деталь дальномера, нечаянно выронил её, когда машины начали набирать скорость. Пришлось останавливать наш грузовик. Но пока мы стучали в кабину шоферу, машина проехала еще не менее ста метров. Желая помочь командиру, я изо всех сил побежал к месту падения предмета, поднял его и попытался так же быстро вернуться. Однако я не рассчитал, что обратная дорога идет в гору. В результате, сильно ослабевший от недоедания, я вдруг почувствовал, что ноги меня плохо слушаются и сердце бьется учащенно. Я начал задыхаться, голова закружилась. Но я всё же добежал до грузовика, а вот забраться в кузов уже не смог, и товарищи были вынуждены мне помочь.

В тот же день, 6 мая, к обеду наши автомашины благополучно добрались до большого села Лозовенька (местные жители называли его Лозовеньки), расположенного совсем недалеко от передовой линии фронта. Здесь наши командиры, предварительно переговорив с хозяевами, распределили по подворьям боевые расчеты. Каждый расчет занял хату, окрашенную известкой и крытую соломой, с земляным полом и печкой.

Конечно, командиры сразу же заставили нас вырыть в поле окопы и установить, как положено, с хорошей маскировкой, обе пушки и пулемет. Шоферы замаскировали автомашины соломой. Около хат были сделаны убежища для бойцов и приютивших нас хозяев, но они обычно спасались от бомбежек в подпольях.

Командир и комиссар батареи устроились вдвоем в отдельной хате, а командиры взводов – вместе со своими бойцами. Отдельно поселились старшина Ермаков с санинструктором Федоровым. У пушек, у пулемета расставили посты. Лишь после этого состоялся обед.

Основную часть села заняли прибывшие раньше нас танкисты и другие подразделения нашей танковой бригады и еще какие-то

войсковые части. Итак, наконец мы, кажется, оказались на фронте…

Глава XI

Большое, типично украинское село Лозовенька Балаклейского района Харьковской области Украины находилось по прямой примерно на 26 км юго-западнее города Балаклея и примерно в 45 км от города Изюм. Село располагалось по обеим сторонам речки, текущей с северо-востока на юго-запад и часто пересыхавшей летом. Километрах в десяти от села эта речка впадала в Северский Донец. Улиц, как таковых, в селе, растянувшемся на расстояние более двух километров, не было. Имелись лишь узенькие проходы к речке.

К концу 1941 года Лозовенька оказалась у немцев, но зимой в начале 1942 года наши войска отбили у них это село и продвинулись на запад на расстояние до 40 км. Между городами Барвенково с юга и Балаклея с севера образовался так называемый Барвенковский выступ Юго-Западного и Южного фронтов шириной около 75 км и вклинившийся в сторону врага (считая от Изюма) примерно на 80 км. Мы же со своей танковой бригадой оказались на северо-западной части Барвенковского выступа, находясь в составе Шестой армии. Разумеется, в те дни и рядовые бойцы, и младшие командиры, и, наверное, средний командный состав обо всем этом и о планах Главного командования ничего не знали и только догадывались, что вот-вот должны пойти в наступление. Все события, совершавшиеся в последующие дни, вошли в историю как Харьковское сражение 1942 года. Они подробно описаны в специальной литературе.

Глава XII

…В Лозовеньке 6 мая после ужина, перед которым нам всем налили из бидона по 100 граммов водки, которую мы с удовольствием «приняли», командир взвода указал каждому из нас место для ночлега. Мне досталось место на самодельной, сделанной из досок кровати, на которой никакой постели не было.

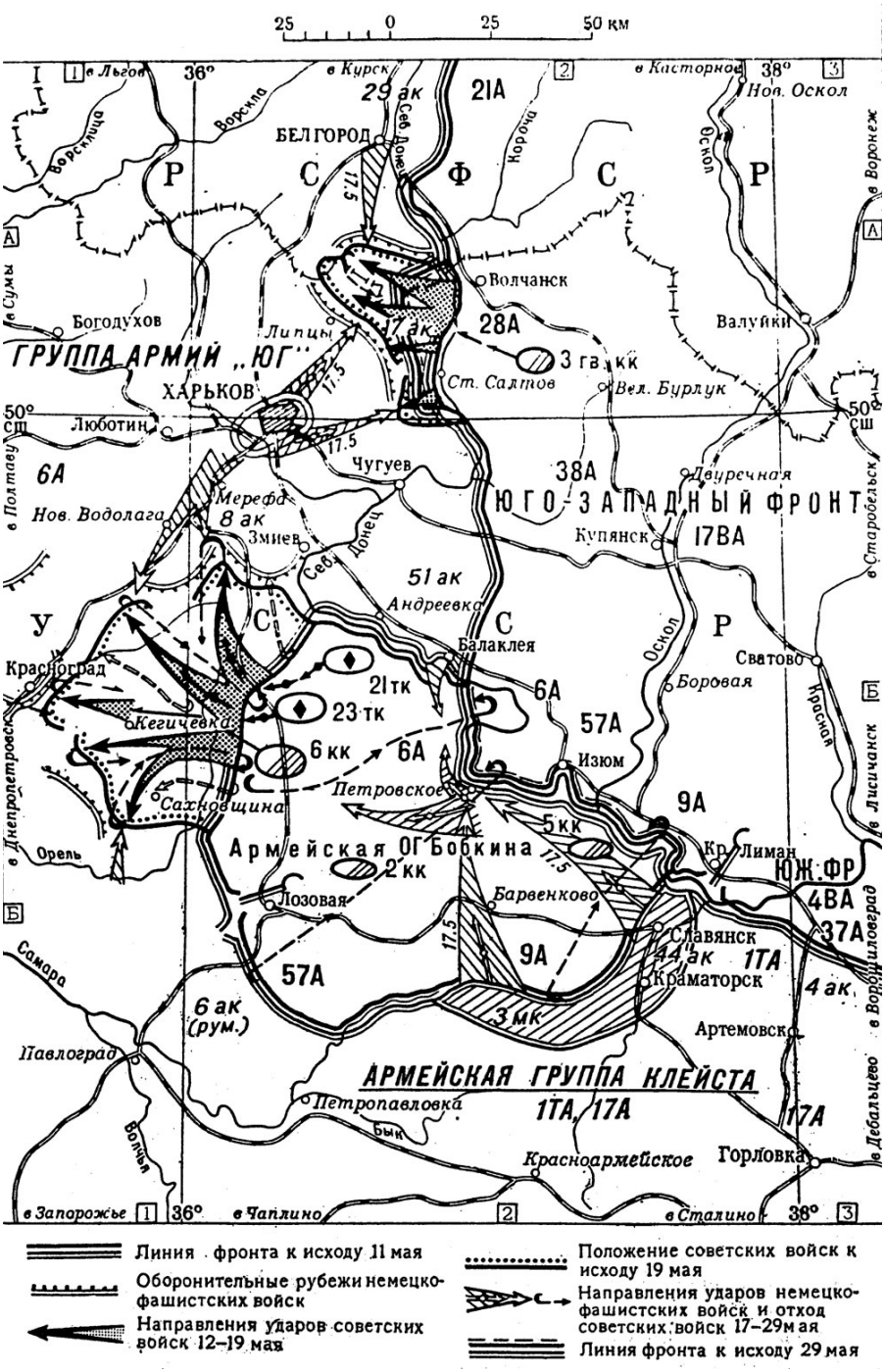


Рис. 3. Боевые действия под Харьковом 12–29 мая 1942 г.

Хозяин, старик лет 70, улёгся на подстилке из соломы на земляном полу под образами, а хозяйка ушла спать в сарай, где имелся погреб. В этом погребе хозяева прятались от бомбежек

и артиллерийских обстрелов. А главное – хозяева держали там запас зерна, муки и других продуктов, включая молоко от своей коровы, пасшейся в поле и около двора. Оказалось, что два взрослых сына хозяев находились в армии, летом у них жила замужняя дочь с детьми, оставшаяся без мужа, случайно погибшего в начале 1942 года во время боев за село. Тогда в селе сгорело несколько хат, от которых остались только печи с трубами.

Я улегся на кровати вместе с шофером грузовика Михаилом Дмитриевичем Журавлевым, который в последние дни очень со мной подружился. Мы подстелили под себя шинели, а под головы вместо подушек положили вещевые мешки и сумки с противогазами. Остальные товарищи устроились на полу или на печи, некоторые – в сенях, а также в сарае и других постройках хозяйского двора.

Примерно через пару часов я внезапно проснулся из-за страшного озноба. Пришлось вытащить из вещевого мешка шерстяной свитер, подаренный мне к 1 Мая, и надеть его под гимнастерку, а сверху укрыться шинелью. Но это вовсе не помогло: я стал дрожать, стучать зубами и невольно прижиматься к соседу, от чего тот сразу проснулся. Михаил Дмитриевич привел из соседней хаты санинструктора – медбрата Федорова, предположившего, что у меня приступ малярии, сочетающийся с сердечной недостаточностью. Малярию я мог подцепить от комаров, которых было немало, когда наша часть стояла в лесу на берегу Северского Донца. Медбрат накрыл меня дополнительно шинелью соседа и попросил потерпеть до утра, когда он отведёт меня в медсанчасть танковой бригады для подробного обследования.

На следующий день мы с ним отправились в медсанчасть, располагавшуюся в здании сельской школы, занятия в которой уже давно не проводились. Здесь меня подробно обследовала группа солидных врачей, установивших, что я действительно «схватил» малярию. Мне дали большой пакет белого порошка – хинина, главный врач – специалист в области кардиологии, обнаружил, что у меня «совсем не годное для фронтовых условий сердце». Узнав, что я был студентом IV курса Московского института стали им. Сталина, он очень удивился, как я при таком «статусе» оказался на фронте, поскольку есть закон, согласно которому студентов старших курсов технических вузов по особо важным специальностям, включая металлургию, не берут в армию даже добровольцами. По этому закону меня следует срочно демобилизовать, а по состоянию моего сердца – тем более. Дальше главврач заявил, что он сегодня же поставит перед

командованием вопрос о моей немедленной демобилизации, а пока будет поддерживать моё сердце уколами камфоры. До 12 мая мне сделали три укола, что, наверное, меня и спасло.

От врачей я ушёл сильно расстроенный, но командир взвода и командир и батареи решили не заниматься моей демобилизацией, приказав мне не обращать внимания на болезнь, которая, якобы, «сама пройдёт». Комиссар батареи выразил мне сочувствие и помог в выпуске очередного «Боевого листка».

Пока все шло своим чередом: вместе с товарищами я строил бункер для командного состава, периодически находился на дежурствах у пушки или у пулемета, нес караульную службу, помогал хозяевам сажать картошку, ходил за водой на речку, носил из полевой кухни питание для взвода, учился приёмам боя и особенно – стрельбе из орудий и пулемета по самолетам, танкам и прочим целям. Выполнял, конечно, и другие обязанности.

Нам привезли плакаты с изображениями немецких самолетов, которые назывались по фамилиям их главных конструкторов или руководителей фирм-изготовителей. Это были «юнкерсы», «хенкели», «дорнье», «фокке-вульфы», «мессершмитты» и другие. Нам, зенитчикам, очень важно было знать, с какими вражескими самолетами мы имеем дело, чтобы к тому же не спутать их с отечественными.

Как-то меня послали дежурить ночью у телефона в штабном отделении. Я сидел за столом на узкой скамейке, не снимая шинель, меня немного трясло и клонило ко сну, поэтому я несколько раз пытался улечься на скамейке, прислонив винтовку к печке.

К полночи в хате появилась толстоватая, но довольно красивая хозяйка – хохлушка средних лет. Женщина представилась хозяйкой этой хаты и улеглась на широкой кровати.

Я с полным равнодушием смотрел на нее, что, вероятно, задело женское самолюбие. Она вдруг ласково сказала мне примерно следующее: «Ти такій молоденький та гарненький, сидіш, мерзнеш. Подь до мені, я тобі согрію. Мабуть ніколи ні спав с дивчиною, так і загинеш, не попробував жінку. Це не гоже!»

Я прекрасно понял сказанное, но, сильно ослабший физически и подавленный морально, не отозвался на ее приглашение. Кроме того, комиссар батареи предупредил нас, что некоторые местные женщины в оккупации имели интимные отношения с немцами, да и от «погулявших» с нашими военными можно заразиться венерическими болезнями. Я так ничего и не сказал женщине, а вскоре от этой щепетильной ситуации

меня избавил товарищ, пришедший мне на смену.

Между тем в село прибывали и прибывали новые воинские подразделения, в основном пехотные, и сразу же начинали окапываться, производить маскировку. Погода была ясной и солнечной, но немецких самолетов пролетало над селом очень мало и они не делали никаких попыток атаковать село и наши позиции, а наше командование приказало зенитчикам воздерживаться от открытия по ним огня.

В эти дни нас хорошо кормили и не было перебоев в получении махорки. Вечером всем давали по 100 грамм водки, однако уже через пару дней она мне опротивела, а потом врач запретил мне пить её из-за сердца. Свои порции «горячительного» я начал отдавать милому Михаилу Дмитриевичу, который был мне за это очень благодарен. Когда мы бывали с ним вместе, он с удовольствием рассказывал о своей семье – о жене, двух дочерях и сыне, по которым сильно тосковал и сокрушался от мысли, что больше их не увидит, так как предчувствовал, что жить ему осталось считаные дни. К сожалению, так оно и случилось.

…Вечером 11 мая после ужина командир нашего взвода лейтенант Кирпичёв распорядился, чтобы перед уходом ко сну мы получили «неприкосновенный запас» продуктов (так называемый энзэ). В него входили: три пачки концентрата с пшенной кашей, мешочек с сухарями из черного хлеба, тушка рыбы холодного копчения, шматок свиного сала, два десятка кусочков сахара и еще что-то. Выдали также щепотку соли, которую я завернул в бумажный пакетик и вложил в сумочку, где хранил дозы хинина.

Стало ясно, что завтра мы наконец пойдем в наступление. И вдруг нахальный боец Кусков спросил командира: «А как же баня? Ведь обещали утром устроить баню и сменить нижнее бельё. Мы давно не мылись и многие завшивели. Ведь нельзя же уходить на тот свет в грязном белье!» Но смутившийся командир взвода Кирпичёв не очень решительно оборвал его: «Молчать, выполняйте приказ!»

На следующее утро нас подняли очень рано и объявили, что начинается наступление. Наспех позавтракав «сухим пайком», запив его сырой водой, мы положили в вещевые мешки котелки и кружки, нацепили патронташ с патронами, флягу с колодезной водой и саперную лопату. С вещмешками за спиной и сумкой с противогазом через левое плечо, взяв винтовку или карабин, мы устремились к грузовикам. Погрузили в кузова скатки шинелей, личное оружие, ящики со снарядами и пулеметными лентами, выкатили с позиций обе пушки и прицепили их стволом

назад к двум «бедфордам», пулемет поставили в кузов грузовика «ЗИС». Все заняли свои боевые позиции. Раздалась команда «Вперед!» и колонна двинулась. Замыкал колонну «бедфорд» с закрытым кузовом, где находились командир и комиссар батареи, командир взвода управления, старшина, санинструктор и еще кто-то. На этой же машине были ящики и мешки с продовольствием.

Еще до рассвета совсем незаметно для нас, зенитчиков, вперед ушли танки, а с ними на броне – мотострелковые батальоны 199-й и 198-й отдельных танковых бригад.

Передняя линия фронта находилась от Лозовеньки примерно в 40 км, и поэтому нам следовало преодолеть это расстояние, прежде чем вступить в соприкосновение с противником. А там, на передовой линии на участке нашей 6-й армии, уже с утра вступили в бой пехота и артиллерия, находившиеся на месте задолго до 12 мая.

Сзади нас двигались пешком, на автомашинах, а иногда на тракторах-тягачах стрелковые, артиллерийские и другие подразделения. Однако минометчиков среди них мы почему-то не видели. Обогнала нас какая-то кавалерийская часть, а мы не раз обгоняли большие группы пехотинцев. У многих бойцов на голове были каски. Проезжали мы и мимо обозов с повозками, запряженных лошадьми. Пехотинцы были вооружены в основном старыми трехлинейными винтовками образца 1891/1930 годов конструкции С. И. Мосина, некоторые несли за плечами и полуавтоматы (точнее – самозарядные винтовки) СВТ-40, плохо показавшие себя в боях. Имелись у бойцов также хорошо известные станковые «максимы» и ручные пулеметы конструкции В. А. Дегтярева. Противотанковые ружья ПТРС пехотинцы тащили вдвоем. Естественно, у всех бойцов имелись ручные гранаты трех типов – оборонительные, наступательные и противотанковые. У командиров были пистолеты и револьверы (наганы). Общий вес груза, включая одежду и обувь, который несли на себе пехотинцы, достигал 40 кг. У зенитчиков груз весил несколько меньше. Мы видели немало автотранспорта с боеприпасами, горючим, продовольствием и другими грузами. Большое удивление вызвал у нас грузовик, на котором ехали военные музыканты с духовыми и другими музыкальными инструментами.

С запада доносились звуки артиллерийской канонады, всё более и более усиливавшиеся по мере продвижения батареи. Часам к 10 утра канонада стихла: стало ясно, что артиллеристы и минометчики закончили интенсивный обстрел позиций немцев – огневую подготовку для пехотинцев. Едва мы вошли в село Михайловское, над нами в сопровождении пары вражеских

истребителей Мессершмитт-110 появилась группа пикирующих бомбардировщиков-штурмовиков Юнкерс-87. Резко снизившись под большим углом к земле, они с устрашающих воем сирен, атаковали наши колонны, дали пулеметные очереди и побросали небольшие бомбы. И тут, не дожидаясь команды, наш боевой расчет начал стрелять «на глазок» длинными очередями по немецким самолетам. В тот момент никто совершенно не обращал внимания на свистевшие вокруг пули и падавшие осколки. Вслед за нами открыла огонь пушка второго взвода под командованием младшего лейтенанта Алексеенко и застрочил пулемет наводчика Чижа. Самолеты, к сожалению, благополучно улетели, убив двоих и ранив нескольких пехотинцев. Из нашей батареи получили ранение трое. Один тяжелое. Их с другими ранеными в сопровождении медицинской сестры отправили на повозке назад. Наконец мы увидели наши истребители, и, по-видимому, из-за этого немцы не возобновили налёт. Воспользовавшись затишьем, к нам приехала полевая кухня, и мы получили хороший обед из трех блюд.

К вечеру, когда мы прибыли в небольшую деревню и остановились на её единственной улице, опять начали налетать немецкие штурмовики и истребители, по которым обе наши пушки и пулемет почти с ходу открыли огонь. На этот раз мне и моим товарищам по орудийному расчету, не занятым на пушке, не осталось ничего другого, как вести по воздушным целям стрельбу из личного оружия. Стрелять пришлось так много, что ствол моей винтовки сильно разогрелся и жар от него доходил до ладони, несмотря на теплоизолирующую деревянную накладку. Стрельбу мы производили с примерным учетом скорости движения и направления полёта самолетов: посылали пули не точно в цель, а несколько вперед, чтобы попасть в носовую часть самолета.

Один из вражеских самолетов загорелся, и из него с парашютом выбросился летчик. Мы были твердо уверены, что это заслуга всей нашей батареи, и радовались успеху. Остальные самолеты улетели, но успели причинить большие потери воинским частям, двигавшимся впереди и сзади нас.

Вечером поступила команда приостановить дальнейшее движение и остаться ночевать в деревне. Здесь перед наступлением темноты мы почистили стволы пушек, пулемета и личного оружия, замаскировали соломой и ветками автомашины и готовые к бою орудия с ящиками боеприпасов, отрыли саперной лопатой индивидуальный окопчик и дождались приезда полевой кухни, получили ужин, 100 граммов водки, от которой на этот раз я не отказался.

Побыл час на карауле и принял дозу хинина, улегся спать, не расставаясь с винтовкой, противогазом и саперной лопатой, даже не взяв с грузовика скатку своей шинели. Как и многие другие бойцы, я лег прямо на землю возле своего окопчика.

День 13 мая, как и прошедший, выдался ясным и теплым. Батарея снова двинулась в путь, обгоняя колонны пехоты и других войсковых соединений. Километров через шесть наши автомашины внезапно остановились, так как дальнейшему движению мешала большая толпа военных, перегородившая дорогу. Все что-то с любопытством рассматривали и шумно обсуждали. Оказалось, слева от дороги, в 15 метрах от неё, на стерне лежит труп немецкого солдата. Правда, в немецких военных званиях я тогда совсем не разбирался, но, судя по простоте обмундирования, убитый офицером не был.

Кто-то сказал, что это – немецкий летчик, спрыгнувший вчера с парашютом, и что до приземления его подстрелили из винтовок пехотинцы. Я в этом засомневался, ведь убитый не был одет как летчик. На желтых петлицах мундира я увидел изображение птиц, распластавших крылья. Заметил еще, что на правой стороне его мундира на уровне груди имелось изображение взлетающего орла, несущего свастику. И мундир, и брюки солдата были темно-фиолетового цвета, что показывало на принадлежность убитого к связистам.

Местный житель высказал предположение, что солдат, наверное, немецкий разведчик, которого наши бойцы преследовали и почти схватили, но он застрелился. Легкий ветерок трепал его огненно-рыжие длинные волосы. Под головой виднелась лужа крови.

Кто-то из наших снял с убитого добротные сапоги, сшитые из толстой свиной кожи. На крепких подошвах этих сапог поблескивали шляпки множества стальных шипов, называвшихся по-немецки «цвеками». На каблуках были металлические подковы. Из карманов мундира убитого извлекли «Soldbuch» – солдатскую книжку, красную расческу и пачку резиновых презервативов, что вызвало сильную злобу у пожилых военнослужащих, говоривших, что презервативы являются доказательством того, что оккупанты насилуют наших женщин.

На шее у трупа висела на прочном белом шпагате овальной формы нержавеющая бирка – медальон смерти. На обеих его половинках были нанесены личный номер и кодированный номер войсковой части. Как нам объяснил майор-пехотинец, похоронная команда или товарищ погибшего обламывает половинку «медальона смерти», чтобы сообщить о месте его захоронения командованию и родным. При захоронении оставшуюся

половинку жетона кладут погибшему в рот, благодаря чему его можно опознать даже через очень много лет. Поскольку наши бойцы похоронили немца с целым жетоном в безвестной могиле, о смерти и месте захоронения никто уже не мог узнать.

По прибытии в следующую деревню нашу колонну остановили и объявили, что командование направляет нас… в баню и на санитарную обработку («прожарку») одежды.

Походная баня (вернее – душевая) располагалась в большой зеленой палатке среди деревьев. Воду для мытья брали из речки с помощью насоса и подогревали на жидком топливе. Вся процедура мытья, а также обработки и «прожарки» одежды длилась примерно 45 минут. К счастью, немецкие самолеты в это время не сделали налёта.

Ночевал я на этот раз возле грузовика, положив рядом винтовку и накрывшись шинелью, что, однако, не избавило меня от приступа малярии, хотя накануне я принял дозу хинина.

Глава XIII

На другой день, 14 мая, после ставшего для нас уже обычным, завтрака «сухим пайком» с запиванием его сырой водой мы продолжили движение. Погода была по-прежнему солнечной. Ехали по разбитой проселочной дороге вдоль левого берега реки Берека, затем мимо села Алексеевка и дальше прямо по полю к цели, намеченной командиром батареи Сахаровым, очевидно, по топографической карте.

Английские грузовики часто застревали в пути, и нам приходилось много раз, отцепив пушки, выталкивать их из ям, толкая сзади. К счастью, нам помогали в этой тяжелой работе шоферы отечественных автомашин, обгонявших батарею, и ехавшие на них военные, а пару раз подсобили пехотинцы, которых мы обгоняли. Нашим автомашинам пришлось ехать по лугу, оказавшимся очень заболоченным. Три наших грузовика более или менее благополучно преодолели это место, а четвертый – застрял. Пытаясь его вытащить, бойцы выбивались из сил, но у них это не получалось. Тогда младший лейтенант Алексеенко стал громко материть их и бить прикладом винтовки измученных бойцов, грозясь расстрелять ленивых. К сожалению, были и такие бойцы, которые только создавали видимость старания.

Километров через шесть мы наткнулись на несколько разбитых автомашин и покинутые артиллеристами окопы. Вокруг валялось много стреляных гильз. Потом мы продвигались по местам, где побывали минометчики, а затем увидели длинные

ряды окопов и блиндажей, где раньше находилась пехота. Было понятно, что мы оказались на одном из участков теперь уже бывшей передовой линии фронта, откуда части 6-й армии после артиллерийской подготовки перешли в наступление. Мне вспомнилось, что утром, выступая из Лозовеньки, мы слышали канонаду, доносившуюся, видимо, из этих мест. Один из ехавших с нами пожилых товарищей, уже побывавший на фронте, сказал, что в прошедшие два дня сопротивление немцев было, вероятно, слабым. Мы поняли, что именно отсюда шли и ехали в тыл раненные бойцы, недавно повстречавшиеся нам на дороге.

Прибытие нашей батареи на бывшую передовую линию фронта ознаменовалось тем, что над нами сразу же и совсем неожиданно появилась тройка немецких штурмовиков. Они резко снизились и атаковали нас. Мы даже не успели подготовиться к бою. Пока Виктор Левин и я, ехавшие на пушке, а также другие два наводчика на втором орудии спешно наводили на цель стволы орудий, самолеты уже улетели. Во время обстрела и бомбежки погиб подносчик снарядов из второго огневого взвода и получили ранения разной тяжести трое других бойцов. К счастью, наши пушки и пулемет не пострадали, но осколком бомбы пробило колесо грузовика. Шоферы Журавлев, Загуменнов и другие быстро сменили поврежденное колесо, и батарея, забрав с собой убитого и раненых, поехала дальше.

Скоро мы добрались до юго-восточной окраины населенного пункта. Это было село Берека, расположенное почти у истоков реки того же названия. В селе еще дымились сгоревшие во время боя хаты. Мы видели трупы коров, овец, лошадей, убитых пулями и осколками. Чувствовался противный запах мертвечины, смешавшийся с запахом сгоревшего навоза.

Заезжать в село батарея не стала. Мы углубились в лес километра на два по узкой дороге с большими рытвинами и остановились на поляне, через которую протекала речка с чистой водой. После жуткого запаха мертвечины в освобожденном от немцев селе полным контрастом оказалось благоухание ландышей, росших в этом лесу в большом количестве.

Поскольку мы опять начали строить шалаши и землянки, можно было предположить, что наше пребывание здесь продлится не менее двух суток. И никто не мог объяснить мне причину такой медлительности. По вражеским самолетам, часто пролетавшим над лесом, было приказано огня не открывать, чтобы не выдать этим расположение батареи. Кроме того, всех предупредили, что на северной окраине леса, простирающегося

на расстояние не менее 4 км, могут находиться немецкие части, а по лесу – «шнырять» их разведчики.

Спал я в шалаше, подстелив под себя лапник. Меня опять мучил малярийный озноб, длившийся около часа. В это время ко мне приходил Вася Трещатов с просьбой сменить его на посту возле пушки. Но, увидев моё состояние, он вернулся на пост и отстоял за меня еще один час.

15 мая меня разыскали комиссар батареи Воробьев и парторг Агеев, напомнившие мне о необходимости выпустить очередной «Боевой листок», ставший, как оказалось, последним. Комиссар дал мне небольшую заметку об успешном наступлении наших частей с призывом к бойцам – выполнить любой ценой свой священный долг защитников Отечества.

Я немедленно принялся за дело, взобравшись на кузов грузовика, где использовал в качестве стола одну из скамеек. Я дополнил принесенную комиссаром заметку, написав, в частности, несколько добрых слов о погибшем вчера подносчике снарядов и о трех раненных бойцах.

Утром группа бойцов стала рыть необычно длинную и глубокую яму. После обеда к этой яме, распространяя запах разлагающихся тел, подъехали две грузовые автомашины с останками более 20 убитых бойцов и командиров, которых специальная команда подобрала на местах боев, прошедших за последние трое суток. Некоторые тела уже сильно вздулись и почернели. К ним присоединили и тело нашего убитого вчера подносчика снарядов. Всех захоронили в братской могиле. Тела уложили в яму без гробов и в той же одежде, в которой они были при жизни: кто в шинели, а кто лишь в гимнастерке и брюках. Некоторые сильно изуродованные трупы были завернуты в плащ-палатки. Несколько человек, находившихся поблизости с ямой, бросили в неё по горстке земли, и могильщики засыпали яму. На холмик положили несколько пилоток и фуражек погибших и установили на могиле полутораметровый столб из досок в виде усеченной пирамиды, на которой с каждой из сторон были написаны черной краской фамилии и инициалы захороненных. Над столбом закрепили пятиконечную красную звезду из фанеры. Комиссар и командир сказали полагающиеся при таком случае добрые слова о покойных, поклявшись отомстить за них врагу и «уничтожить фашизм в его логове». Десяток бойцов, выстроенных поблизости, дали вверх несколько залпов из винтовок, и на этом церемония похорон закончилась.

День и ночь 16 мая обошлись без чрезвычайных событий, все несли обычную службу. Утром снабженцы привезли для нашей батареи дополнительное количество ящиков

со снарядами и патронами. Мы перенесли их с интендантских грузовых автомашин на свои грузовики. Наше командование было недовольно тем, что нам не доставили бронебойных снарядов и не привезли в достаточном количестве осколочных, способных поражать вражеские самолеты и танки. Снаряды были главным образом зажигательными и трассирующими.

В тот день для всей нашей 199-й отдельной танковой бригады и иных воинских частей, дислоцировавшихся вместе с нами, привезли средства, необходимые для ведения наступательных боев, в основном боеприпасы и горючее для танков, бензин для автомашин, продовольствие для всего личного состава войск, медикаменты и прочие вещи. Весь день бойцы разгружали привезенное. Но один из командиров отметил, что топлива для танков явно недостаточно, его хватит не более чем на пару дней. Своему товарищу он также пожаловался, что придется экономить снаряды.

День 17 мая оказался очень беспокойным. Нас разбудили очень рано и, не дав позавтракать, заставили немедленно сняться с места. Многие не успели даже свернуть шинели. Мы положили в карманы два-три кусочка сахара и пару сухарей, чтобы позавтракать на ходу. На машинах мы подъехали к железной дороге, связывающей, по-видимому, Харьков на севере и Лозовую на юге. Перед нами открылась уже знакомая картина: убитые пехотинцы в залитых кровью шинелях, трупы лошадей, так и оставшихся запряженными в разбитые повозки. По-видимому, и люди, и кони погибли вчера при нападении немецких штурмовиков. Оружия рядом с убитыми не было.

Переехав железную дорогу, колонна двинулась на запад по проселочной дороге к Ефремовке, селу, расположенному на реке Орель, впадающей в Днепр. (В настоящее время река Орель с притоками входит в систему канала «Днепр – Донбасс».) По состоянию дороги, по которой мы двигались, было видно, что совсем недавно по ней в очень большом количестве проехали танки. Через некоторое время стали слышны выстрелы танков, артиллерийских батарей, а потом – минометов и стрелкового оружия. Было понятно, что вот-вот появятся вражеские самолеты. И действительно, мы увидели более десятка немецких самолетов. Не дожидаясь команды лейтенанта Кирпичёва, мы быстро открыли по ним огонь. Но самолеты быстро улетели, нанеся немалые потери залегшей пехоте и автомашинам, направлявшимся на линию фронта. Где-то впереди они атаковали наши танки, но там самолеты были недосягаемы для снарядов наших орудий, и мы ничем не могли помочь танкистам и мотопехоте. Оставалось только возмущаться, что на небе тогда

не оказалось ни одного советского истребителя.

К вечеру мы остановились в чистом поле, заехав в широкий овраг, получили с полевой кухни и обед, и ужин одновременно. Затем каждый сделал себе окопчик, который застелили остатками прошлогодней соломы, собранной с поля. Перед отходом ко сну многие бойцы скрутили по «козьей ножке» и покурили, прикрывая ладонью огонь от цигарки, чтобы его не смог увидеть неприятель. Хотя всполохи на небе и звуки выстрелов прекратились, раздавались очереди немецких автоматов и одиночная стрельба из винтовок с нашей стороны, и небо периодически освещали ракеты. В этот день мы оказались рядом с линией фронта – на расстоянии, наверное, не более трех километров. Недалеко от нас встали на ночь танки 199-й отдельной танковой бригады. В овраге, где мы устроились на ночлег, разместились полевые и переносные кухни. Повара ночью совсем не спали, готовя нам завтрак. Утром нас накормили горячей вермишелью с мясом, компотом и свежим черным хлебом, и мы рванули вперед. Кухню, обслуживавшую нашу батарею, командование оставило на месте, чтобы она приготовила и потом доставила нам обед.

Ещё до рассвета утром 18 мая наши танки с мотопехотой уже выехали на передовую и открыли огонь по позициям немцев. Они двигались, прикрывая своими корпусами мотопехотинцев, соскочивших с брони на землю, и бойцов основной пехоты, поднявшихся из окопов. Немцы отступали, обстреливая пехотинцев из автоматов, пулеметов и минометов, а танки – из противотанковых орудий. Разумеется, мы этого не видели, но хорошо себе представляли по рассказам товарищей, непосредственных участников тех боев.

Сначала мы доехали до линии, откуда вели огонь артиллерийские орудия, затем и до мест, где находились минометчики. Стоял неимоверный грохот, и нам опять пришлось увидеть нескольких павших бойцов и около десятка раненых, которых вели в тыл их товарищи, а также передвигавшихся самостоятельно. Три-четыре вражеские мины разорвались и перед нашими автомашинами.

Вскоре батарея остановилась перед лесом. Там раньше нас побывала пехота, и в результате боя немцы и здесь покинули свои окопы и ушли, отстреливаясь короткими автоматными очередями и бросая гранаты. Пехотинцы преследовали их только редкими выстрелами из винтовок. Наши бойцы на английских танках не могли помочь пехотинцам, потому что в лесном массиве эти танки не были способны передвигаться.

Командир батареи Сахаров приказал установить обе пушки и пулемет в овраге на расстоянии примерно 200 метров от леса.

Он ожидал, что вражеские самолеты опять начнут налет. Не успели мы выполнить этот приказ, как самолеты действительно появились, но спокойно пролетели над нами, не обратив внимания на посылаемые нами снаряды и пули. А танки и автомашины, замаскированные накануне в лесу, они, видимо, не заметили.

Лишь к вечеру появилась полевая кухня, предоставившая нам, как это уже не раз бывало, и обед и ужин одновременно. После «трапезы» я, Вася Трещатов, Виктор Левин и еще ряд бойцов отправились в лес, чтобы там найти воду. На обратном пути мы подошли к брошенным немецким окопам. Здесь наше внимание привлекли обрывки красивых упаковок и остатки продуктов – в основном это были мясные и рыбные консервы, включая великолепные шпроты из Португалии в овальной металлической банке, различные колбасы, окорока и сосиски, сливочное масло, белый хлеб, а также шоколад, печенье, пирожные, джемы, кофе, какао и прочие деликатесы, о которых мы и мечтать не могли. Один из пожилых военных уверял, будто у немцев, долго готовившихся к данной войне, белый хлеб мог быть выпечен заранее и годами храниться в плотной упаковке.

Обнаружили мы и остатки сигарет (раньше я их никогда не видел), пузырьки из-под одеколона, уже опустошенные бутылки рома, коньяка, сухих вин и других напитков. Мы подобрали газеты и богато иллюстрированные журналы с четкими черно-белыми фотографиями, графическими рисунками и карикатурами. Там были уродливо изображены И. В. Сталин с огромными усами, У. Черчилль с сигарой во рту, Ф. Рузвельт в инвалидном кресле, американские капиталисты, красноармейцы в буденновках, «жиды-комиссары» с длинными острыми носами и другие. Немецкие издания были напечатаны на хорошей бумаге, но она, к великому сожалению многих бойцов, оказалась совсем не пригодной для цигарок.

Я подобрал в окопах несколько немецких газет и журналов и, вытащив из нагрудного кармана гимнастерки свой маленький немецко-русский словарь, начал с его помощью читать и переводить для окружающих заголовки и подписи под иллюстрациями. Некоторые бойцы просили перевести для них заинтересовавшие их тексты.

К моему большому удивлению, среди таких лиц любопытствующих оказался и… пожилой комиссар мотострелкового батальона нашей танковой бригады, и лейтенант-танкист, командовавший танковым звеном. Я с удовольствием выполнял эти просьбы. К нам стали

присоединяться все больше и больше людей, поэтому батальонный комиссар приказал всем разойтись, а меня по-доброму предупредил, чтобы я больше «не занимался чтением вражеской литературы» и не привлекал к этому товарищей, иначе возникнут «большие неприятности». Он посоветовал также молчать об этой находке и коллективном чтении.

Глава XIV

19 мая к рассвету темные дождевые тучи быстро рассеялись, и, как и в предшествовавшие дни, погода выдалась солнечной и жаркой. Но утром из-за прошедшего дождя было несколько свежее. Нас разбудили, как всегда, очень рано, и позавтракать пришлось в быстром темпе кашей и чаем. Предстояло опять двигаться за танками и мотострелковым батальоном. Первый орудийный расчет, к которому я относился, лейтенант Кирпичев определил в тот день быть запасным, а работать на пушке назначил второй расчет. Меня он послал на помощь пулеметному расчету в распоряжение старшего сержанта Чижа, с которым я, как и почти со всеми товарищами по взводу, был в очень хороших отношениях. С основными личными вещами я перебрался со своей автомашины на грузовик, на котором находился пулемет.

Пулеметный расчет, в котором, кроме Чижа, был также любимец всей батареи – мальчик Лёня, принял меня радостно. Обычно малоразговорчивый, Чиж был тогда сильно возбужден: смешивая, как обычно, украинские и русские слова, он заявил, что, возможно, сегодня мы освободим от немцев его родную деревню, находящуюся совсем недалеко – километрах в 5–6 от нас. Тогда он обязательно забежит в свою хату, обнимет супругу, детей, родителей и других близких.

…После завтрака батарея, снявшись с позиций, двинулась за танками 199-й отдельной танковой бригады и за её мотострелковым батальоном. Они добрались до реки Берестовая и форсировали её на разных участках, оставив позади несколько деревень и сел. Одно из них имело очень необычное название – Парасковия. На противоположном берегу Берестовой танки и пехота с ходу вступили в бой с немцами, имевшими на этом участке крепкие оборонительные позиции. На этот раз нашим танкам и пехоте не удалось преодолеть позиции противника, так как он открыл сильнейший огонь из противотанковых и других орудий, минометов, пулеметов и ручного автоматического стрелкового оружия. Немцы также бросали из окопов на танки связки гранат и зажигательные средства. Атаковавшие части понесли значительные потери в живой силе и технике. В результате на некоторое время бой прекратился.

Наша батарея не доехала до реки Берестовой километра три и часам к 10 остановилась в примыкавшей к ней балке, где протекала узенькая и почти пересохшая речка. Вода в этой речке появлялась только ранней весной и во время дождей.

Обе пушки вместе с ящиками для снарядов мы установили на правом берегу упомянутой речки. Расстояние между орудиями было около 100 метров. Выше уровня речки метров на 10 и в отдалении от орудий метров на 50 разместили на наклонной правой стороне неширокого сухого оврага, расположенного поперек к балке и заканчивающегося в ней, грузовую автомашину ЗИС с зенитным пулеметом. Два «бедфорда» водители поставили вдалеке от орудий, по разные стороны от них.

…Между тем за рекой вновь раздался сильный шум боя. Это танки и пехота снова предприняли атаку на позиции немцев. Но сейчас положение атакующих было значительно хуже, чем в первый раз, так как на них налетели несколько пикирующих бомбардировщиков-штурмовиков. При этом мы, зенитчики, снова не открыли огонь, так как цели находились слишком далеко от нас и мы не хотели расходовать боеприпасы впустую.

Многие танки оказались подожженными или подбитыми, а остальные машины прекратили движение и отъехали на безопасное расстояние. В нашей 199-й отдельной танковой бригаде пострадали в основном те английские танки, которые имели карбюраторный двигатель. Потеряли много танков также 198-я отдельная танковая бригада и действовавший юго-западнее села Староверовка 23-й танковый корпус вместе с двумя приданными ему отдельными танковыми бригадами. Остановились все пехотные части. Почти полностью утихла стрельба из минометов и полевых артиллерийских орудий. Снова не обошлось без потерь убитыми и ранеными, главным образом – среди пехотинцев, наступавших вместе с танками. Примерно к полудню все атаки наших частей были прекращены.

В это время по балке мимо зенитной батареи проехали назад около десятка отечественных танков 199-й отдельной танковой бригады. Они тащили за собой на буксире при помощи тросов несколько не очень сильно поврежденных в бою английских танков, которые можно было восстановить силами самого экипажа. Пару таких танков их водители упросили оставить для ремонта недалеко от расположения нашей батареи, что вызвало недовольство командира – старшего лейтенанта Сахарова. Он посчитал это опасным: оба танка с воздуха могли обнаружить самолеты противника, что причинило бы большие неприятности и зенитчикам. Однако танкистам все же позволили заниматься своим делом на прежнем месте.

Вскоре лейтенант Кирпичёв пришел проверить готовность к бою нашего зенитного пулемета. Потом он неожиданно отвел меня в сторону и сообщил плохую весть. Оказывается, танкисты

Сахарову сказали, что будто бы получен приказ о прекращении дальнейшего наступления на нашем участке фронта и о переходе исключительно к оборонительным боям. Глубоко в тылу 6-й армии оказались немецкие танки и, возможно, нам придется отступать, чтобы не попасть в окружение.

После 14 часов я, стоя на кузове грузовика ЗИС рядом с пулеметом и ожидая появления давно ожидавшейся всеми полевой кухни с обедом, увидел вдалеке, что, форсировав реку Берестовую, в тыл движется большая колонна танков. По-видимому, это был 23-й танковый корпус. Позднее я узнал, что высшее командование решило перебросить его на помощь войскам Южного фронта. Самолеты неприятеля могли обнаружить танки и поэтому зенитчикам следовало приготовиться к отражению налета. И действительно, самолеты не заставили себя долго ждать: над батареей появилась со страшным воем эскадрилья пикирующих бомбардировщиков-штурмовиков. Но истребителей с ними не было, так как наши самолеты, способные противостоять вражеской авиации, уже давно не летали.

Оба зенитных орудия и пулемет, который обслуживал и я в качестве помощника наводчика и подавателя лент с патронами, без промедления открыли по целям огонь. Однако стрельба не дала положительного результата. Самолеты, как и вчера, пролетели, не трогая нас. Но через некоторое время – на обратном пути – они принялись за нас, а также за стоявшие недалеко автомашины и ремонтируемые танки. Сделав на небе пару разворотов, они дали несколько пулеметных очередей и побросали небольшие бомбы. Мы открыли по ним огонь.

Особенно хорошо постреляла пушка второго взвода, на которой «колдовал» первым наводчиком мой земляк и соплеменник старший сержант Василий Алексеев. Возможно, благодаря Василию и к великой радости всех нас, один из пикирующих бомбардировщиков загорелся и рухнул на землю на воздухе где-то на северо-западе, подняв огромный столб пламени и дыма.

Самолеты разбили пару автомашин, убив и ранив водителей, повредили машину медсанчасти и ранили несколько других лиц, не сумевших вовремя и надежно укрыться. Была легко повреждена наша английская автомашина, однако совсем не пострадали оба ремонтировавшихся танка. Но самым плохим последствием налета оказалось то, что бомбами уничтожило полевую кухню вместе с ее грузовиком, на котором находился бидон с водкой. К счастью, водитель и повара успели быстро укрыться и не пострадали.

О несчастье с полевой кухней нам сообщил подошедший проведать своего подопечного – мальчика Лёню – старшина Ермаков. Всему личному составу батареи пришлось ограничиться «сухим пайком». Пулеметчики достали из вещевых мешков вяленую рыбину, сухари и несколько кусочков сахара. Я ограничился тем, что выпил немного воды из фляги, а напиться досыта не решился, так как найти поблизости воду было трудно. Замечу, что из-за болезни я совсем потерял аппетит и даже чувствовал отвращение к пище. Мне чаще всего хотелось пить, вероятно, потому, что я ежедневно принимал хинин. В результате с каждым днем я слабел физически.

…В тот день танки вместе с мотострелковыми батальонами покинули передовую, оставив там только пехотные части. Теперь, по логике, и нашей батарее предстояло сняться с позиций и последовать за 199-й отдельной танковой бригадой, так как мы входили в её состав. Но зенитчикам приказа об этом еще не поступало.

Вдруг мы заметили, что к ремонтировавшимся танкам подъехала грузовая автомашина, на открытом кузове которой сидели два красноармейца с винтовками, а между ними – человек без оружия. К этой машине стали собираться бойцы. Старший сержант Чиж попросил меня и еще двух солдат узнать, в чем там дело. И мы побежали туда. Оказалось, на машине находились часовые и пленный немецкий солдат. Он был молоденьким и, как я, тоже худеньким.

Сегодня утром его нашли в том самом лесу, где вчера немцы покинули окопы. Якобы он более суток сидел на дереве. При нем оказались рация и автомат, из которого он почему-то не стрелял. Многие из окруживших грузовик с пленным громко кричали на него, грозились прикончить фрица, но часовые не давали этого сделать. Особенно негодовал пожилой водитель танка, попытавшийся даже взобраться на грузовик. Он кричал, что его семья осталась в оккупированной Смоленской области, и, может быть, ее уже нет и в живых. Пленный дрожал всем телом и, не понимая ни слова по-русски, молчал, бросая на всех беспокойные и умоляющие взгляды темных глаз.

Мне удалось протиснуться к грузовику и задать пленному по-немецки первый пришедший в голову вопрос: «Infanterie?» (Пехота?) И тут все окружавшие автомашину вдруг затихли, удивившись моему поступку, и стали ждать ответа от немца. «Nein, nein. Funker» (Нет, нет. Радист), – произнес тот, почувствовав какую-то надежду на лучшее в своей судьбе. «Значит, он был разведчиком и сообщал своим о наших передвижениях», – определил кто-то.

После ответа на мой вопрос немец спросил, что его ожидает и, не дождавшись ответа, стал что-то говорить и говорить. А я, до сих пор не слышавший живой и быстрой немецкой речи, многого не мог понять. Я хотел дать немцу свой немецко-русский словарь, но тот лишь замахал рукой: «Kann nicht, kann nicht» (Не могу, не могу). Скорее всего, он не знал русского алфавита. У меня вдруг возникла жалость к этому беспомощному пленному.

Дальнейшее общение с немцем на этом прервалось, потому что над нами появилось звено вражеских штурмовиков, и все моментально разбежались кто куда. Лишь двое часовых по-прежнему остались с пленным. Я с товарищами поспешил на помощь Чижу и его напарнику Лёне, чтобы открыть огонь из пулемета. По-видимому, немецкие пилоты были сильно озлоблены из-за того, что накануне нами был сбит их самолет, и потому сразу атаковали нас, метров за 300 до нас головной штурмовик резко спикировал, сбросив бомбы. Мы все хорошо знали, что если бомбардировщик сбросит бомбу, находясь прямо над целью, то она пролетит мимо и упадет где-то впереди в соответствии со скоростью полета самолета. В данном случае все мы отлично поняли, что дело обстоит иначе, и моментально попрыгали с грузовика. За два-три прыжка я достиг окопа и плюхнулся в него, но Чиж и мальчик Лёня не успели скрыться.

Один за другим раздались взрывы двух бомб. И хотя я предусмотрительно открыл рот, чтобы не пострадать от звуковой волны, у меня сильно зазвенело в ушах. Я совершенно оглох и уже не слышал звука падавших вокруг осколков. Всё заволокло пылью, в разные стороны летели комья земли, куски дерева от разбитого кузова машины, металлические части разбитого пулемета, стреляные гильзы и даже пули.

Вдруг до меня донесся резкий запах бензина, вероятно, вытекшего из кабины грузовика. И тут же в голову пришла мысль, что бензин может вспыхнуть и вызвать страшный пожар и даже взрыв. Я мог оказаться в пламени пожара или в очаге взрыва. Поэтому с невесть откуда взявшимися силами я быстро вылез из окопа и побежал в более безопасное место.

Между тем немецкие самолеты развернулись для новой атаки. На миг мне вспомнилось, как однокурсник по институту Лёва Гробман на трудовом фронте при воздушных налетах прикрывал голову металлической частью лопаты. Я автоматически поступил так же и достал из потайного карманчика мамин талисман. Нажав на него указательным пальцем правой руки, я произнес тихо, но уверенно заклинание, которое в переводе на русский язык звучит примерно так: «Я останусь целым и невредимым. Я одержу, одержу победу

над опасностью».

Неожиданно рядом со мной оказался старшина Ермаков. Он что-то говорил, но я ничего не слышал. Вдруг метрах в 40 от нас взорвалась бомба. Я почувствовал на правой стороне спины, в нескольких местах, резкую, но не очень сильную боль, будто от уколов тонкими иглами. Позднее выяснилось, что боли в спине и небольшое кровотечение были следствием проникновения в тело очень мелких осколков. Они оставили на гимнастерке и нательном белье почти незаметные дырки. Шерстяной свитер в тот день я не надел, благодаря чему он благополучно сохранился в вещевом мешке. Примерно через полгода две-три осколочные частицы вышли из спины сами, а другие товарищи извлекли булавкой и иглой. К счастью, каким-то чудом слух у меня неожиданно полностью восстановился.

После налета среди обломков грузовика мы обнаружили изуродованные тела Чижа с обширной раной на груди и Лёни. Голову мальчика полностью снесло осколком. Рядом лежали два серьезно раненных бойца пулеметного расчета.

Увидев бездыханное тело Лёни, Ермаков зарыдал, восклицая с отчаянием: «Это я тебя погубил! Зачем я не оставил тебя дома! А где же наши самолеты, почему они не защищают нас!» Я не мог этого вынести и отошел, едва сдерживая слезы.

Грузовик с пленным и его охранниками был также превращен в обломки. Возможно, немцу пришлось принять смерть от своих же самолетов! Но мне было не до того, чтобы выяснять его судьбу.

Оба наших орудия уцелели при налете. Убитых не было. Три грузовика зенитной батареи стояли на прежних же местах. Мне не осталось ничего другого, как явиться в распоряжение своего непосредственного командира – лейтенанта Кирпичёва, и я отравился к пушке первого взвода, боевым расчетом которого при всех сегодняшних налетах командовал лично сам лейтенант. Кирпичёв направил меня на помощь водителю Журавлеву, чтобы привести в порядок автомашину, пострадавшую при налете.

Обходя воронки от бомб, я прошел уже около половины пути, когда вдруг услышал душераздирающие стоны и увидел молоденького, моего возраста тяжело раненного лейтенанта, пытавшегося ползти, лежа на спине. По-видимому, он служил где-то в штабе, так как был одет в новенькую зеленую гимнастерку не с темно-зелеными – полевыми, а с малиново-красными петлицами и в темно-синие брюки-галифе, заправленные в добротные, начищенные до блеска, черные хромовые сапоги. Гимнастерка на нем была посредине разорвана. Широкий («комсоставский») темно-коричневый поясной ремень с латунной

пряжкой в виде большой пятиконечной звезды был также разорван. На животе у лейтенанта зияла огромная рана, из которой вытекала кровь, оставляя на зеленой траве красную полосу. Самым ужасным оказалось то, что у раненого из распоротого живота вывалились кишки, тянувшиеся за ним по земле. Заметив меня, несчастный лейтенант стал просить слабеющим голосом: «Товарищ, товарищ, умоляю тебя – ради Бога, застрели меня!» Потрясенный увиденным и не зная, чем помочь обреченному на смерть, я добрался до грузовика медсанчасти, вокруг которого находилось более десятка раненых. «Там умирает лейтенант!

Помогите, помогите ему!» – закричал я, увидев пожилую медсестру и показывая ей, где находился раненый. Едва я добрался до своего грузовика и не успел еще подкрепиться «сухим пайком», как появились два немецких самолета. Мы с Журавлевым бросились в поле в разные стороны. Мне попалась на пути воронка от взрыва, я быстро впрыгнул в нее. Известно, что такое место являлось самым подходящим для спасения, поскольку вероятность точного попадания в воронку бомбы или снаряда ничтожно мала. К счастью, самолеты совершили только облет местности и удалились.

Выбравшись из воронки, я прошел, наверное, не более 20 метров и упал, споткнувшись об кочку. Подняться и идти дальше не было ни сил, ни желания. Я решил немного отдохнуть под теплыми лучами солнца и заснул под щебетание птиц, жужжание пчел и стрекоз, оживших с прекращением оглушительного шума. И мне было все равно, идет война или нет.

Проснулся я из-за того, что кто-то сильно тряс меня. Это оказался Вася Трещатов, звавший меня: «Юр, проснись, вставай! Пойдем хоронить ребят, попрощаемся с ними!» Я с трудом встал на ноги и поплелся с другом туда, куда он указывал.

Эта безвестная могила после войны наверняка не сохранилась, и родные Чижа, вероятно, так и не узнали, что останки их близкого человека истлели в земле совсем недалеко от его родной деревни.

После похорон наших павших товарищей командир батареи Сахаров объявил, что мы должны срочно сняться с позиций и ехать на восток. Бойцы и командиры забрали из машин свои шинели, вещевые мешки, сумки с противогазом и личное оружие. При этом я с ужасом обнаружил, что моей винтовки в кузове нет: по-видимому, её кто-то взял по ошибке, так как в кузове осталась одна винтовка, не имевшая ствольной накладки. Делать было нечего – пришлось взять эту винтовку и надеяться, что подмену

не заметят.

Немного отдохнув, весь личный состав батареи занялся снятием с позиций обоих орудий и погрузкой ящиков со снарядами на грузовики. Чистить стволы орудий не стали из-за отсутствия времени. Пока мы вели погрузочные работы, водители автомашин отправились к разбитому при бомбежке грузовику ЗИС и выбрали из обломков отдельные части и детали, которые еще могли пригодиться.

К рассвету 20 мая мы доехали до участка железной дороги между станциями Первомайский и Тарановка и далее – до села Алексеевка, около которого в поле увидели множество больших брезентовых палаток с красным крестом сверху. Оказалось, что там устроен полевой госпиталь. Там мы оставили тяжело раненных, а одного товарища забрали с собой по его настойчивой просьбе. После полудня оказались снова у села Лозовенька. На этот раз нашему взводу отвели для пребывания крайний двор с небольшой хатой, крытой соломой.

К вечеру я совсем обессилел; санинструктор Федоров, измерив мне температуру, нашел, что она упала до опасного уровня – ниже 36 градусов. Я совсем не хотел есть, во рту сильно горчило, всё время мучила жажда, с головы клочьями лезли волосы. Лейтенант Кирпичёв приказал Федорову отвести меня с необходимыми сопроводительными бумагами и приехавшего с нами раненного бойца, которому стало хуже, в полевой госпиталь, находившийся недалеко от нас. Там мы застали страшную картину: внутри палаток и вне их сидели и лежали на земле раненые, везде были лужи крови, грязь и человеческие испражнения. Увидев эту обстановку, я решил, что ни за что здесь не останусь, да и Федоров сказал, что из-за переполненности госпиталя меня – обычного больного, не нуждавшегося в хирургической операции, принять не могут, но дали с собой немного хинина.

Мы вернулись в часть почти ночью. Меня радостно приняли обратно и отправили спать в какую-то хату с разбитыми стеклами. Кирпичев настоял, чтобы я выпил 100 граммов водки, закусив сухариком и кусочком сала. Я выпил с сахаром кружку горячего и крепкого чая, вскипяченного в котелке над костром. Утром 21 мая мне стало гораздо легче, появился аппетит, настроение улучшилось.

Глава XV

21 мая после завтрака лейтенант Кирпичёв приказал нашему орудийному расчету сменить в первом огневом взводе второй

расчет, уже находившийся двое суток на боевом дежурстве. Я, как всегда, сел в «кресло» второго наводчика. В то же время смененный боевой расчет приступил к рытью нескольких длинных и глубоких укрытий, а также индивидуальных защитных окопов. Имелось в виду, что при налетах и минометно-артиллерийском обстреле все, кто находился у пушки, могли бы спрятаться.

Мы были твердо уверены, что для немцев не осталось незамеченным скопление в Лозовеньке и вокруг села наших отступающих войск, особенно пехоты, танков и другой боевой техники. Самолеты немцев вот-вот могли начать налеты, пользуясь ясной погодой и полным отсутствием нашей авиации. Немецкие пилоты, конечно, знали и о слабой эффективности наших зенитных батарей. К тому же зенитчики, как я уже упоминал, не имели достаточно орудий и боеприпасов, в т. ч. снарядов, способных полностью разрушить или воспламенить обстреливаемый объект.

Примерно в 9 утра, когда мы только-только закончили очистку ствола пушки, появилось около 15 немецких бомбардировщиков-штурмовиков и самолетов других типов. Они резко снизились и начали атаку. Пикируя, как обычно, с громким ревом сирен, самолеты на бреющем полете обрушились на плохо замаскированные автомашины и на окопы. Они сбрасывали небольшие осколочные и зажигательные бомбы и поливали нас струями пуль.

Наше орудие и пушка второго огневого взвода, которыми на этот раз командовали оба взводных командира – Кирпичёв и Алексеенко, быстро открыли огонь по целям в основном короткими очередями. Нас поддержали зенитчики другой батареи, по-видимому, относившейся к 198-й отдельной танковой бригаде и расположенной на противоположном конце села. Повела огонь и еще одна батарея, стоявшая далеко в поле где-то южнее Лозовеньки. Стали стрелять из винтовок и карабинов орудийные расчеты, свободные от пушек, а также другие военнослужащие. Начался оглушительный грохот от стрельбы и взрывов бомб, поднялась страшная пыль, застилавшая глаза.

Пули несколько раз просвистели рядом с нашей пушкой, однако никого не задели. Не пострадало и второе зенитное орудие, но около десятка хат и дворовых построек, крытых в основном соломой, загорелись от зажигательных бомб. Сквозь грохот послышались стоны раненых и причитания женщин. Громко замычали коровы, завизжали свиньи, заблеяли овцы и козы, закудахтали куры и зогоготали бродившие возле речки гуси. Налет авиации длился около 15 минут, а мы постреляли

по самолетам не более 10 минут, экономя снаряды. Ни одного самолета сбить не удалось. Потери убитыми и ранеными от воздушного налета понесли главным образом пехотинцы. Но среди пострадавших оказались также местные жители, не успевшие спрятаться в погребах или в подвалах. Нас немного утешило то, что никто из личного состава батареи не получил даже маленькой раны.

Когда все стихло, к нам подошел командир батареи старший лейтенант Сахаров, напомнивший нам о необходимости экономить боеприпасы и вести огонь более точно. Комиссар батареи политрук Воробьев, наоборот, вел себя со всеми очень участливо, нашел для каждого много хороших, теплых слов. Он сказал мне, что знает о моем вчерашнем посещении госпиталя и нежелании остаться там. Он поинтересовался моим самочувствием и пожалел, что из-за сложившейся ситуации мы не можем заняться выпуском «Боевых листков».

Пришло обеденное время, однако после пережитого и гибели товарищей у многих не было аппетита. Но я заставил себя поесть, чтобы окончательно не обессилеть. К удивлению многих, и первое и второе блюда были мясными, и в них находилось даже больше мяса, чем следовало. Оказалось, что это конина. Одну из наших лошадей тяжело ранило осколком бомбы, а потом бойцы пристрелили ее, чтобы бедное животное не мучилось зря. С раненными лошадьми на фронте почти всегда поступали аналогичным образом, так что кониной мне пришлось питаться много раз.

После обеда мы рассчитывали немного передохнуть, однако сделать это не удалось: снова появились немецкие самолеты. И опять все происходило почти как в первый раз: мы постреляли немного и снова безуспешно, стали свидетелями гибели людей, автомашин, пожаров и т. д. В этот раз я заметил, что самолеты, пролетая над полевым госпиталем, где я вчера побывал накануне, почему-то не сбросили на него ни одной бомбы. Неужели они обратили внимание на большие красные кресты на палатках и проявили гуманность?

При этом налете я лишился своего старшего товарища – Михаила Дмитриевича Журавлева. Как мне рассказали очевидцы, Михаил Дмитриевич и молодой шофер Загуменнов, с «бедфорда» второго огневого взвода, занимались у речки ремонтом грузовика. И как раз в это время налетели самолеты, которые сразу засекли четкий объект для нанесения удара. Бомба разнесла автомашину и тяжело ранила в грудь Михаила Дмитриевича. Случайно уцелевший Загуменнов прибежал к санинструктору Федорову и вместе с ним принес на носилках истекавшего кровью

Михаила Дмитриевича, который находился в полном сознании. Он отказался от отправки в госпиталь, заявив, что ему все равно больше не жить, и попросил его не тревожить. Он успел попрощаться с товарищами и скончался на их глазах. Услышав о смерти друга, я не смог сдержать слез: мне было очень жаль друга и горько, что не сумел побыть с ним в последние минуты его жизни.

Вечером без особой церемонии прощания – без речей и оружейного салюта – погибших завернули в шинели и зарыли в окопе. Было сказано, что это временная могила и что позже всех перезахоронят. Посетив Лозовеньку снова более чем через четверть века, я убедился, что местные жители перезахоронили тела всех погибших в большой братской могиле в центре села.

В течение ночи с 21 на 22 мая в село и его окрестности продолжали прибывать отступавшие войсковые части, а некоторые из прибывших ранее начали покидать Лозовеньку и двигаться дальше на восток – к реке Северский Донец. До самого рассвета и на западе, и на востоке небо освещали ракеты. После завтрака я отправился на речку умыться и до блеска начистить речным песком котелок, кружку и ложку, а также побить вшей на белье. На речке я неожиданно встретился с Василием Алексеевым. Мы с ним с удовольствием побеседовали на языке своих матерей и милого детства, почувствовав себя как бы в ином мире. Мы вспомнили свою дорогую малую родину. Суждено ли нам вернуться туда после войны? Василий сказал, что наши судьбы целиком находятся в руках Всевышнего – Асло Туро: как Он решит, так и будет. И с этим мой соплеменник удалился, и больше никогда я его не видел. Что с ним стало, не знаю…

Вскоре на село опять налетела большая группа немецких самолетов. Как мне тогда показалось, они атаковали берега речки, заросшие кое-где зеленой лозою или ивой (наверное, отсюда село и получило название – Лозовенька) где сосредоточились пехотинцы. И снова повторилось почти то же самое, что и вчера: налет длился не более 20 минут, пока самолеты не израсходовали полностью свой смертоносный груз. Обе пушки постреляли по ним короткими очередями, но толку от огня, как и раньше, не оказалось никакого. Хорошо еще, что осколки от бомб и пули не задели орудия и грузовика. Ранения получили: тяжелое – парторг батареи Агеев, а легкое – трое бойцов. Двух раненых отнесли на носилках, а двое других пошли своим ходом в полевой госпиталь, посещенный мною два дня назад.

Через 2,5 часа после первого налета, наверное, те же самые

самолеты повторили свои атаки и опять натворили много бед. До наступления темноты они налетали на село еще два раза и с такими же ужасными последствиями. Трижды они улетали от нас безнаказанно. Как же мы тогда проклинали их, а особенно – командование наших войск, не пославшее против вражеской авиации хотя бы пару истребителей! И невольно возникал вопрос, есть ли у нас вообще какая-нибудь авиация?

Если главными условиями успеха в той войне, в которой мы тогда участвовали, были в первую очередь количество задействованных самолетов, умение организовывать операции на основе данных хорошо поставленной службы разведки и полной укомплектованности всех подразделений основными техническими средствами и снабжение войск в достаточном количестве боеприпасами, за прошедшие дни мы все стали свидетелями явного отставания наших вооруженных сил от германских по всем указанным параметрам. Поэтому тогда у меня, как и у многих моих товарищей, появилось большое сомнение в возможности нашей победы в этой войне. Однако никто ни с кем, даже с самым-самым близким другом, не мог поделиться этой мыслью: все боялись друг друга, не имея уверенности, что его не выдадут карающим органам и не накажут посылкой в штрафной батальон или даже расстрелом за «создание или распространение паники».

Немало сомневавшихся появилось среди военнослужащих-украинцев, находившихся тогда у порога своей малой родины. В нашей батарее украинцев было несколько больше, чем русских. Это объяснялось тем, что личный состав 199-й отдельной танковой бригады, куда входила и зенитная батарея, а также ряда других войсковых соединений, был специально подобран так, чтобы в них в основном находились украинцы, которым предстояло освобождать оккупированную Украину. Но среди них встречались и такие, которые желали победы немцам, чтобы благодаря им обрести для своей «Вітчизни незалежність», т. е. независимость.

…При втором налёте вражеская авиация набросала массу листовок, но их унесло ветром в противоположную от нас сторону. Когда наступило обеденное время, лейтенант Кирпичёв спросил, есть ли желающие сходить на полевую кухню за обедом для первого огневого взвода. Вызвались пойти я и вечно всем недовольный и всегда голодный Кусков. По дороге мы наткнулись на множество трупов военнослужащих. Некоторые трупы пролежали на земле свыше суток и успели вздуться из-за жары. Над ними роились мухи, в основном зеленые. Я нечаянно наступил на оторванную ногу с остатками брюк.

Поближе к кухням мы увидели белевшие на зеленой траве немецкие листовки. Пару этих листовок мы подобрали и прочитали. В них, обращенных к бойцам и командирам Красной армии, было напечатано, что наше положение безнадежное – мы в «мешке», т. е. в полном окружении немецких войск, и путь к отступлению закрыт. Нам предлагалось: «перебить жидов-комиссаров и сдаться в плен частям доблестной Германской армии, которая гарантирует всем жизнь и достойное обращение, включая также достаточное для жизни питание». Особо отмечалось, что данная листовка служит пропуском для перехода через линию фронта к немцам.

Я хотел было взять листовку с собой, чтобы передать ее командиру взвода Кирпичёву и комиссару батареи Воробьеву, поскольку они ко мне всегда хорошо относились и я не боялся каких-либо неприятностей с их стороны. Но все же я отказался от этого намерения.

Мы подошли к кухне, предназначенной для обслуживания зенитной батареи, и назвали поварам взвод, от которого прибыли. И первое и второе блюда, как и вчера, содержали много конины. Кусков попросил раздатчика дать ему поесть что-либо дополнительно прямо на кухне. Тот налил Кускову в какой-то котелок густой суп, который мой напарник быстро съел, а я от предложенного угощения отказался. Затем мы с Кусковым выкурили по цигарке и поплелись назад. Во время наших остановок Кусков открывал крышку кастрюли и вытаскивал из компота по несколько крупных сладких ягод, а стыдил его за это, говоря: «Ведь ты объедаешь товарищей! Как тебе не стыдно!» Но он вовсе не желал меня слушать.

Нам осталось идти совсем немного до конечного пункта, как в третий раз за этот день заревели и завыли немецкие штурмовики. Они летели совсем низко и как раз над речкой. Я успел поставить ведра на землю и юркнул с крутого обрыва и спрятался под ним. Один из самолетов полоснул оба берега пулеметными очередями и улетел в сторону полевых кухонь. Когда я покинул свое убежище, я ужаснулся увиденному: Кусков лежал, прошитый пулей в голову, кровь хлестала из его раны, а кастрюля с компотом стояла рядом и из неё через пробоины вытекали струйки коричневатой жидкости. Мне стало не по себе оттого, что совсем недавно я упрекал товарища за его, как мне теперь казалось, незначительный проступок, а Бог почему-то слишком жестоко наказал за это провинившегося.

Я снял со спины Кускова окровавленный вещевой мешок с хлебом, нацепил его на себя и прибыл в расположение своего взвода с двумя полными и еще теплыми ведрами в руках. Наши

бойцы уже успели «очухаться» от налета и с большим нетерпением ожидали обеда. Все удивились, что я появился один. С трудом удерживая слезы, я доложил Кирпичёву, что Кусков погиб и теперь лежит у речки вместе с пробитой пулями кастрюлей для компота.

Все затихли, и обед прошел в полном молчании, а потом мы занялись похоронами Кускова. Его вещевой мешок с кисетом с махоркой и бумагой, а также с ценным для курящих кресалом, вместе с другими вещами отдали его землякам. Противогаз, винтовку и часть патронов покойного отнесли на наш грузовик, водить который теперь назначили вместо покойного М. Д. Журавлева молодого шофера Загуменнова, чью машину накануне уничтожило бомбой.

Вечер, как всегда, закончился налетом немецкой авиации. На этот раз стрельба по самолетам дала нам желанное удовлетворение: один из бомбардировщиков, совершавших ковровую, т. е. сплошную без выбора конкретной цели, бомбардировку, загорелся и улетел на запад, но его падения мы, однако, не увидели.

Во время налета ко мне в окоп прыгнул взволнованный лейтенант Кирпичёв. Он только что узнал очень плохую новость: наши войска почти полностью окружены, и надо было сделать всё возможное, чтобы не оказаться в котле, т. е. успеть отступить до того, как кольцо замкнется.

Что касается меня лично, то я решил полагаться на предначертанную мне свыше судьбу и поступать по принципу: «Куда кривая выведет». Если же попаду к немцам в плен, то кончать жизнь самоубийством, как всем велено сверху, наверное, не буду. Этими размышлениями я поделился с командиром совершенно открыто. За эти слова командир мог расстрелять меня собственноручно в соответствии с имевшимся у него правом, однако он только заметил, что немцы большинство пленных расстреливают: «Тебе же все равно придется погибнуть». Я возразил: «Всех не перестреляешь! Не думаю, что при Гитлере немцы стали совсем уж зверями».

Пользуясь случаем, что мы с командиром были наедине, я решил выяснить, как мне поступить в связи с подменой моей винтовки. «Нашел, о чем тужить, – ответил Кирпичёв, – воюй с подмененной или выбери любую оставшуюся от погибших ребят. Можешь взять даже карабин. А при проверках говори, что я разрешил». Я успокоился, однако решил, что останусь с той же винтовкой, которая имелась у меня. Подумал: «Это судьба, а против судьбы не стоит идти».

Кирпичёв крепко хлопнул меня по плечу и предупредил:

«О нашем разговоре – никому ни слова! Не говори ребятам об окружении. Я им сам объявлю».

Вечером состоялся ужин. Для меня и многих моих товарищей он стал последним. Всем налили по 100 граммов водки, которую на фронте я уже больше не видел. Затем всем нам выдали на несколько суток продукты «сухого пайка».

Очень рано утром 23 мая всех разбудил Кирпичёв и дал команду подготовиться к отъезду. Поступил приказ высшего командования всем войсковым соединениям в Лозовеньке и вокруг неё срочно сняться с позиций и как можно скорее двигаться на восток, пока немцы не закрыли путь до реки Северский Донец. Если же окружение уже произошло, то необходимо прорваться из него.

Сначала мы проследовали на запад вдоль северной окраины села, переехали по мостику речку и вскоре оказались у глубокого оврага, расположенного поперек речки. Этот овраг еще с полуночи был заполнен передвигавшимися танками и автомашинами, а также пехотинцами, среди которых находились и минометчики, двигались обозы с лошадьми. Благодаря перемещению внутри оврага мы были в какой-то мере скрыты от противника, пока не появилась его авиация.

К счастью, самолеты пока не появлялись: вероятно, авиация имела другую задачу – «утюжить» отступавшие части, которым уже удалось приблизиться с запада к правому берегу Северского Донца, где предстояло переправиться на другой берег и соединиться с остальными войсками.

Движение на восток войсковых частей от Лозовеньки начали танки. В нашей 199-й отдельной танковой бригаде, прибывшей на фронт примерно с 50-ю британскими и отечественными танками, после боев их осталось не более 25-ти с достаточным запасом горючего, смазочных материалов и боеприпасов. По меньшей мере половине личного состава мотострелкового батальона места для посадки на броню этих боевых машин не хватало, и половине бойцов пришлось двигаться на автомашинах или пешим ходом.

Зенитной батарее удалось выехать из оврага лишь примерно к 9 часам утра. По каким-то соображениям командир батареи Сахаров посчитал возможным вывести своё подразделение к Северскому Донцу не по той проселочной дороге (рис. 4), по которой поехали наши предшественники, а прямо по нераспаханному полю – севернее деревни Марьевка (сейчас она, вероятно, носит другое название – Вольное). Но когда до Марьевки оставалось около двух километров, вдруг вокруг нас начали падать и рваться мины. Это означало, что мы

и другие войсковые части, особенно вышедшие вслед за нами из Лозовеньки, теперь полностью находимся в окружении противника. Позднее стало известно, что часть войсковых соединений, не успевших 23 мая покинуть Лозовеньку, продолжала вплоть до 28 мая пытаться отдельными группами выходить из образовавшегося котла, но лишь немногим военнослужащим удалось выйти из окружения.

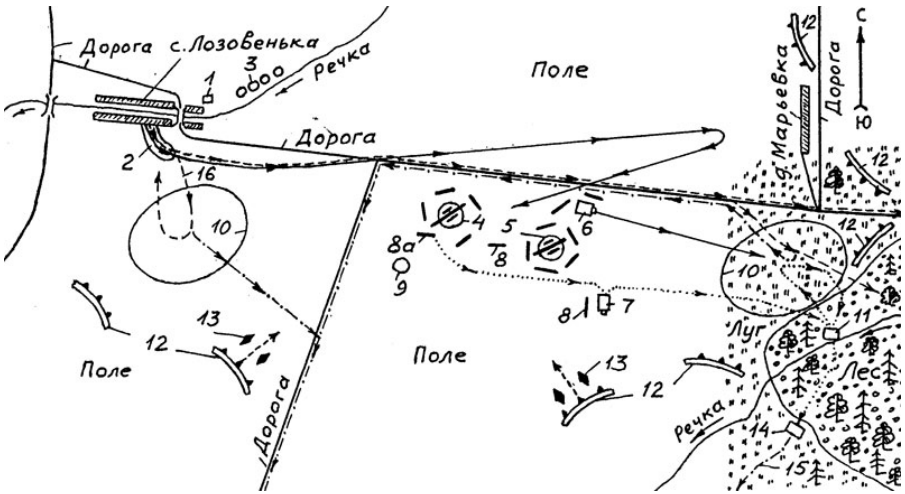


Рис. 4. Движение и действия зенитной батареи и других войсковых частей в районе Лозовеньки и деревни Марьевка 23 и 24 мая 1942 года: на схеме указаны стрелкой движение зенитной батареи 23 мая и в ночь на 24 мая (– –) движение остальных войсковых частей (включая танки и пехоту) в тот же период (…….) мое движение днем 24 мая (–. –. –. –) – движение колонн наших военнослужащих, сдавшихся в плен, под немецким конвоем утром 24 мая; 1 – место расположения зенитной батареи с 20 по 23 мая у села Лозовенька; 2 – длинный, глубокий и широкий овраг с изгибом его переднего конца на восток; 3 – полевой госпиталь в больших брезентовых палатках; 4 и 5 – первое (мое) и второе орудия; 6 и 7 – грузовики к этим орудиям (из них 7 – с закрытым кузовом); 8 –индивидуальные защитные окопы (из них 8а – мой); 9 – стог соломы; 10 – места боев и сдачи в плен пехоты и других войсковых подразделений в ночь на 24 мая и рано утром того же дня; 11 – место моего пребывания в лесу днем 24 мая; 12 – расположение войсковых частей противника; 13 – немецкие танки, направление их движения и стрельбы по нашим орудиям; 14 – место моего пленения немцами вечером 24 мая; 15 – мое движение в плену в сопровождении двух немецких конвоиров вечером и ночью 24 мая; 16 – движение нашей пехоты в ночь на 24 мая и рано утром того же дня

Вслед за обстрелом минами началась интенсивная перестрелка из оружия разных видов между немцами и нашими войсковыми группами, двигавшимися впереди нас. В это же время шёл бой за Марьевкой в 8–10 км от Северского Донца. Его вели, наверное, те части, включая танковые с мотопехотой, которые ушли из Лозовеньки значительно раньше, чем мы – зенитная батарея.

…Во время нашего движения к Марьевке мина взорвалась метрах в 10 от нашей пушки, крупный осколок со звоном пробил насквозь одну ступицу в двух сантиметрах от моей ноги. Наши грузовики резко развернулись на 90 градусов, чтобы орудийные расчеты смогли определить, откуда стреляют минометы, и начать ответную стрельбу снарядами. Пушки не стали отцеплять от автомашин, чтобы при необходимости можно было быстро поменять их местами или отъехать. Почти все находившиеся в кузовах машин свободные люди разбежались по полю и начали окапываться. А мины продолжали падать, и их осколками уже поранило двух или трех человек. Пастухов и Мишин соскочили с грузовика, сняли с него пару ящиков с боеприпасами и быстро поднесли их к платформе орудия, чтобы передать снаряды заряжающему пушку Егору Зорину.

На орудии нашего взвода Виктор Левин и я на глазок определили место, откуда стрелял миномет: оказалось, он занимает позицию посредине деревни перед небольшой белой хатой. На оптическом устройстве пушки мы навели штриховой крестик на цель и нажали на педали-гашетки орудия, причем Левин чуть опередил меня. Автоматически последовали друг за другом пять выстрелов. По огненному следу, оставленному светящимся трассирующим снарядом, мы увидели, что снаряды (зажигательный и осколочный) попали не в сам миномет, а на крышу хаты, которая тут же загорелась. Но выстрелы, сделанные из другой пушки, где первым наводчиком, как я уже упоминал, был мой соплеменник Василий Алексеев, получились точными, и цель была уничтожена. Однако с северного конца Марьевки начал стрелять другой миномет. Обоим орудиям пришлось пострелять по нему, пока падение мин не прекратилось.

Убедившись, что для нас дальнейший путь на восток закрыт, и чтобы не расходовать впустую снаряды, командир батареи Сахаров дал команду больше не стрелять и отступить в сторону Лозовеньки. По-видимому, командир решил отложить на ночь попытку вывести батарею из возникшего кольца окружения и до наступления полной темноты подержать своё подразделение

на месте, более или менее безопасном от вражеских обстрелов как с земли, так и с неба.

Принесенные от грузовиков подносчиками снарядов к пушкам лишние ящики с боеприпасами погрузили обратно в кузовы тех же автомашин. Оба грузовика, двигатели которых во время стрельб оставались невыключенными, повернули опять резко вправо на 90 градусов и вместе со всеми людьми, которые раньше на них сидели, и с орудиями стволом снова назад поехали по полю обратно на запад в направлении к Лозовеньке. Пересекли ту же проселочную дорогу, проехали еще немного по её южной части, и грузовики остановились на поле между Марьевкой и Лозовенькой, где мины, снаряды и пули противника не могли нас достичь. Грузовики встали примерно в 10–15 метрах в южную сторону от проселочной дороги, на стерне убранного в прошлом году поля. Все ехавшие слезли с грузовиков и платформ орудий, отцепили от автомашин пушки, сняли с себя и положили на землю скатки шинелей, сумки с противогазами и вещевые мешки и отложили в стороны винтовки и карабины. Затем номера орудийных расчетов с помощью товарищей, не имевших прямого отношения к пушкам, отрыли для них позиции и вкатили туда оба орудия. Около них же сложили близко для подносчиков снарядов почти все ящики с боеприпасами, снятые с кузовов автомашин.

Позиция для пушки нашего взвода оказалась в метрах 20 севернее от большого стога прошлогодней соломы, которую оба орудийных расчета и водители грузовиков почти наполовину растащили для тщательной маскировки своих объектов с воздуха и со всех сторон на земле. Расстояние между обоими орудиями выбрали около 50 метров.

После того как мы установили пушки на позициях и зарядили орудия полным комплектом снарядов, практически все бойцы и даже командиры отрыли себе маленькими саперными лопатами поблизости от пушек или грузовиков индивидуальные окопы длиной около двух и глубиной более одного метра. Грузовики поставили на относительно безопасном расстоянии от орудий. Я отрыл себе окоп между пушкой и большим стогом соломы. От орудия до окопа расстояние составляло около 15 метров. Дно окопа я застелил толстым слоем сухой соломы, принесенной со стога несколькими охапками. И той же соломой замаскировал окоп. Но как потом обнаружилось, я сделал большую ошибку: положил слишком много этого очень легко загорающегося материала, что позже едва не стоило мне жизни.

Затем снаружи окопа на слое соломы на брустверах разложил свои винтовку с патронами, патронташ, шинель, сумку

с противогазом, саперную лопату и вещевой мешок. В этом мешке, кроме продуктов «сухого пайка», кусочка мыла, полотенца, кисета с махоркой и курительной бумагой, перевязочного пакета с бинтом и марганцовкой, пакетика с хинином, карандашей, авторучки с чернилами, котелка и кружки, находились еще в особой сумочке дополнительные обоймы с винтовочными патронами. Патроны в мешке, патронташе и винтовке вскоре также оказали мне очень плохую «услугу».

Закончив обустройство себе индивидуального защитного окопа, почти каждый из нас успел немного поесть что-то из продуктов «сухого пайка», запить съеденное водой из фляги и перекурить.

Пока мы занимались обустройством, над батареей большой группой пролетели вражеские самолеты, которые дважды провели мощные безответные атаки на покинутую нами Лозовеньку.

Глава XVI

Около 15 часов бои, шедшие впереди нас, утихли. Солнце сильно грело, в небе заливался жаворонок. Мне хотелось спать. Вдруг Вася Трещатов, возившийся с вышедшим из строя прицельным устройством, закричал: «Танки, танки идут!» Действительно, вдали, в километрах двух от нас, по полю шли немецкие танки. Первый снаряд, посланный головным танком, разорвался совсем недалеко от пушки нашего огневого взвода, осыпав всё пространство осколками.

Виктор Левин и я быстро поставили ствол орудия в сторону цели и нажали на гашетки. По огненному следу снаряда мы увидели, что попали точно в башню танка. Но наши снаряды, будучи не бронебойными (они у нас давно кончились), а осколочными, совсем не повредили цель. Они просто взорвались, ударившись о танк. Совсем близко от первой пушки разорвался другой снаряд, и опять вокруг нас посыпались осколки. Мы снова произвели пять автоматических выстрелов. На этот раз наши снаряды попали в левую гусеницу второго танка, и он остановился.

Куда в это время делся лейтенант Кирпичёв, я не обратил внимания, и больше никогда в своей жизни я не увидел своего командира, как и командира батареи Сахарова и комиссара Воробьева. И мне не довелось услышать, как сложились их судьбы. Не знаю также об участи командира второго огневого взвода Алексеенко, старшины Ермакова и санинструктора Федорова.

Пока мы отстреливались от танков, шедших от Лозовеньки, другая группа немецких танков приблизилась к нам с юго-востока. Левин же продолжал считать необходимым обороняться от первой танковой группы, открывшей пулеметный огонь. Внезапно Левин крикнул мне: «Юра, прощай!» Я увидел, что с левого виска у него стекала струйка алой крови. В тот же момент громко застонал и упал с платформы тяжело раненный заряжающий пушку Егор Зорин. Прицельный Вася Трещатов и оба подносчика снарядов – Пастухов и Лёша Мишин – поползли прочь от орудия. Я вмиг сообразил, что теперь бесполезно оставаться на пушке, и пополз по-пластунски к своему защитному окопу.

Пули со свистом пролетали надо мной. Я вдруг почувствовал, как по моей спине потекло что-то, и с ужасом подумал, что это кровь. Лишь упав в спасительный окоп, я понял, что со мной всё в порядке, а по спине текла не кровь, а вода из разбитой стеклянной фляги. «Слава тебе, Великий Туро, – сказал я по-чувашски, – что оставил меня целым».

Между тем почти рядом с нашей пушкой упал новый вражеский снаряд. После этого я очень плотно прижался животом ко дну окопа и уже больше ни на сантиметр не поднимал голову. Так я пролежал, почти не шелохнувшись, несколько часов.

Пара немецких танков, проехав очень близко, едва не завалила мой окоп. Танки немного постояли возле искореженных орудий: вероятно, танкисты захотели убедиться, что пушки больше не пригодны для стрельбы. Однако, удалившись метров на 200, танки всё же произвели по ним несколько выстрелов, и один из снарядов угодил прямо в ящики с нашими снарядами. В результате снаряды стали рваться друг за другом по одному или по несколько штук сразу, причем одни взрывались непосредственно в ящике, а другие, из-за взрыва соседних, вылетали из ящика и только потом взрывались в воздухе или после падения на землю. И во всех случаях сотни осколков разлетались во все стороны и многие попадали в мой окоп. К счастью, меня не задело. А какой возникал грохот при взрывах, не описать словами!

Взрывавшиеся снаряды создавали еще и страшные световые эффекты. Единственным спасением от них и от страшного грохота было лежать с закрытыми глазами головой вниз. А вокруг из-за взрывов зажигательных снарядов, развивавших температуру значительно выше 2000 градусов, пылало всё, что только могло гореть. Полыхала солома, которой мы замаскировали орудия и окопы, и даже стерня, оставшаяся после уборки хлеба. Но бороться с пожаром не было никакой возможности – я не мог даже на миг высунуться из окопа. Лежавшие по его краям,

сгорели дотла и новенькая шинель, и вещевой мешок, и сумка с противогазом, деревянная ручка саперной лопаты, даже деревянное ложе и приклад винтовки, ставшей вовсе непригодной. А вдобавок начали рваться патроны для винтовки. Пули со свистом летели с бруствера окопа, и я ужасался от мысли, что они попадут ко мне в окоп. Упавшая в окоп искра зажгла в углу слой соломы, и я, приподнявшись, с трудом загасил пламя, хлопая по нему рукавом и пилоткой.

Стало трудно дышать из-за едкого дыма и пыли; лицо, руки и одежда покрылись копотью. Начал распространяться запах паленой плоти, исходивший, вероятно, от тела Левина, свисавшего с платформы разбитой пушки. Этот кошмар длился до глубокой ночи с 23 на 24 мая.

С наступлением полной темноты похолодало, и я начал замерзать; невыносимая дрожь охватила меня с головы до ног. Я вспомнил, что надо принять дозу хинина, но пакетик с лекарством сгорел вместе с вещевым мешком.

К счастью, оказались целыми огрызок простого карандаша, маленький немецко-русский словарь и документы, хранившиеся в карманах гимнастерки и брюк. Сохранилась и алюминиевая ложка, которую я постоянно носил у правой ноги между обмоткой и брючиной. Весь вечер и ночь меня постоянно мучила страшная жажда, гудело в ушах и тошнило, хотя желудок давно был пуст. «Хорошим» было лишь то, что совершенно не возникало желания курить. Всё у меня ныло и болело. Душу охватило полное отчаяние, и если бы в тот момент винтовка не была вышедшей из строя, я бы, наверное, застрелился…

В момент моего крайнего отчаяния, уже после полуночи, кто-то несколько раз потряс меня. Это оказался Вася Трещатов: «Юр, ты жив, не ранен?» «Да, да, жив, не ранен, но всё болит и не могу даже шевельнуться», – ответил я. «Меня послали искать уцелевших и способных двигаться, – продолжал Вася. – Сбор намечен около нашего грузовика. Но те, кто сейчас не в состоянии идти, потом будут выбираться из окружения самостоятельно. Я скажу Кирпичёву, что не нашел тебя. Дай Бог, еще увидимся», – сказал напоследок Вася. Я захотел задержать друга и сказать ему, чтобы он помог мне выбраться из окопа и пойти с ним вместе. Но Вася уже скрылся в темноте. И я не знаю, что с ним потом стало.

После ухода Васи я моментально уснул. Под утро слышал стрельбу километрах в двух или трех и сзади, и спереди моего окопа. Я окончательно проснулся, услышав громкие голоса и крики. Высунулся из окопа и увидел, что по проселочной дороге к Лозовеньке движется колонна наших безоружных

военнослужащих в сопровождении немецких конвоиров. В колонне были и раненые, а тяжело раненных несли на плащ-палатках. Некоторые разместились на повозке, запряженной лошадью, вместе с нашим медицинским работником.

Когда колонна проходила мимо наших разбитых зенитных пушек и окопов, какой-то пожилой солдат прокричал: «Эй, ребята, есть там кто живой или раненый? Выходите и присоединяйтесь к нам. Война для нас кончилась». За этим призывом сразу последовали выкрики по-немецки: «Э, э, руссэ, руссэн, Иван, Иванс, коммт раус, коммт, люос, люос, лебхафт, сдавайсь!», «Эй, эй, русский, русские, Иван, Иваны, выходите, идите, скорее, скорее, живее, сдавайсь!»

Однако из наших окопов никто не откликнулся и не вышел. Колонна медленно прошла мимо, а я, потрясенный увиденным и еще больше – услышанным, совсем растерялся, не зная, как следует поступить. Я решил воздержаться от каких-либо действий и подождать: «Может быть, все еще обойдется и без сдачи в плен?» Через некоторое время я снова выглянул из окопа и увидел, что со стороны Лозовеньки к присоединяется другая. Возможно, это были военнослужащие, которые в ночь с 23 на 24 мая вышли из села, чтобы пробиться из окружения, но их попытка окончилась неудачей. После того как вся большая колонна военнопленных скрылась из виду, направляясь, по-видимому, на какой-то сборный пункт, по дороге начали курсировать в обе стороны немецкие мотоциклисты, а с востока на запад шли вражеские пехотинцы. Но это продолжилось недолго…

…И тут я сделаю замечание к одному факту. Он относится к отечественной литературе, в которой описываются бои с немцами. Дело в том, что всегда масса наших воинов, включая в их число и воевавших тогда писателей и журналистов, рассказавших в разное время о войне, не знала немецкого языка, а тем более – его тонкостей и нюансов. Поэтому выкрики немцев, произносившиеся как «Russe, Russen, los, los, heraus, heraus», переводы которых на русский язык я выше уже привел, слышались возбужденным боем в те моменты нашим людям чаще всего как слова «Рус, рус». Особенно это имело место, когда эти выкрики сопровождались сказанным немцами дополнительно громко и ломано русским словом «Сдавайсь!». Наверное, именно по этой причине фактически во всех отечественных литературных описаниях, особенно касающихся ближнего боя между немецкими и советскими воинами, утверждается, что немцы якобы всегда окрикивали наших людей словами «Рус, рус».

…Когда всё вокруг стихло, я, наконец, высунулся из своего

окопа и осмотрелся. Оказывается, я вырыл себе окоп на самом опасном месте – в нескольких шагах от складированных ящиков со снарядами, и они рвались почти рядом со мной. Вокруг меня картина была ужасной. На искореженной платформе первой пушки, которую я обслуживал вчера, свисало совершенно почерневшее и частично обуглившееся тело Виктора Левина, а рядом на земле виднелось также почерневшее тело заряжающего пушку Егора Зорина, на котором сохранились куски шинели и пилотки. Возле второй пушки лежали трое, тоже сильно изуродованные, поэтому издалека я не смог опознать, кто это был. За второй пушкой стоял выведенный из строя грузовик, ранее тащивший это орудие. А грузовика, принадлежавшего нашему, первому огневому взводу, на месте не оказалось. Вероятно, мои товарищи по батарее пытались уехать на нем ночью. Однако вряд ли их попытка казалась удачной – я насчитал более десятка разбитых и частично сгоревших автомашин. Земля возле окопов была изрыта воронками от взрывов как немецких, так и наших снарядов, а все поле стало черным из-за образовавшейся золы.

Едва я подумал, что же мне делать дальше и куда податься, как на дороге появилась группа наших пленных, но небольшая, в сопровождении лишь одного конвоира. Она двигалась как попало, и солдаты тихо разговаривали между собой. В той группе я заметил знакомые лица, в том числе – подносчика снарядов второго орудия украинца Ересько, с которым я часто общался, когда он навещал своего земляка – пулеметчика Чижа.

Размышляя над случившимся, я пришел к мысли, что, наверное, и мне не избежать плена. «Почему же все сдаются, а мне нельзя этого сделать?» – спросил я себя. И тут же ответил на этот свой вопрос: «Можно, так как после полностью проигранного сражения другого выхода, чтобы остаться в живых, уже не осталось. Предпочесть плену самоубийство, чего от нас требуют воинские уставы, не может быть и речи. Стоит жить дальше хотя бы для того, чтобы увидеть, как и когда закончится эта проклятая война». «Но если я сдамся, и особенно, если сделаю это один, как со мной поступят немцы? Немцы же, и главным образом молодые, – воспитанники Гитлера, т. е. ярые фашисты, точнее – нацисты. Сейчас они представляют собой нацию, ненавидящую другие народы и больше всех – евреев, цыган и русских. Они хотят отнять у них землю и поработить, а евреев – вообще уничтожить. Меня же они, естественно, примут за русского, могут предположить, что я комсомолец. Поэтому мне ждать от них поблажек не придется. Если по моим документам они узнают, что я действительно комсомолец и к тому же

добровольно ушел в армию, то могут с ходу расстрелять. Следовательно, я должен предварительно избавиться от комсомольского билета и красноармейской книжки. Так и сделал – зарыл на дне окопа. Относительно своей профессии можно честно сказать, что я студент, и предъявить студенческий билет. Зачетную книжку, с несохранившейся фотографией, можно будет назвать обычным блокнотом, так как там уже записано много домашних адресов друзей и знакомых. А к моим студенческому билету и личному метрическому свидетельству немцы, вероятно, не придерутся. На вопрос, в какой части я служил, какой её номер и кто ею командовал, придется ответить правдой, надеясь, что к зенитчикам немцы не будут иметь слишком больших претензий». Я решил сдаться в плен не с поднятыми руками, что унизительно, а более «благородным» – парламентерским способом, с флажком из белой ткани, для чего можно использовать носовой платок.

Я взял с бруствера шомпол от сгоревшей винтовки и привязал к нему двумя концами носовой платок. Теперь оставалось только ждать, когда опять появятся немцы.

Глава XVII

Я перепоясался своим широким ремнем и выглянул из укрытия. В это время три человека свернули с дороги к нашему разбитому грузовику. Один из них взобрался на кузов, подал оттуда какие-то вещи, а два его товарища вложили их в рюкзак. Потом человек, находившийся на кузове, слез с него, надел рюкзак за спину, и все трое направились прямо к моему окопу.

Они шли со стороны ярко светившего солнца, и поэтому их лица и одежду я совсем не мог рассмотреть. Частично по этой причине, а в основном из-за сильного возбуждения, мне показалось, что эти люди – солдаты противника. Я взял в правую руку шомпол с носовым платком и выставил его из окопа, затем выкарабкался наружу и громко крикнул по-немецки: «Guten Morgen!» (Доброе утро!) А в ответ услышал по-русски: «Ты что, друг, совсем ох…ел? Будь здоров!»

Однако я не растерялся и, отбросив в сторону шомпол, продолжил своё приветствие: «Доброе утро! Я, видимо, неудачно пошутил. А кто вы и куда идете»? И получил от них совершенно удививший меня ответ. Оказалось, что у деревни Марьевка они вышли из вражеского окружения, в конце концов попались к немцам в плен, а те не стали с ними долго церемониться и приказали самостоятельно, т. е. без конвоя, отправиться

на сборный пункт для военнопленных. По дороге они забрали из нашего грузовика кое-какие продукты, пару пачек махорки. У них имелась бумага для свертывания цигарки, но ни у них, ни у меня не оказалось спичек. Я спросил, не могли бы они дать мне попить воды, но получил отрицательный ответ.

Двое из моих спутников показались мне уже где-то виденными. И действительно, один меня тоже припомнил: «Это не ты читал нам немецкие журналы?» «Да, было такое», – признался я, быстро вспомнив тот случай. «Ну, с тобой нам будет легче у немцев», – обрадовался узнавший меня боец.

Один из них был лейтенантом, командиром танкового звена в нашей же 99-й отдельной танковой бригаде, а другой – старшиной и тоже танкистом. Третий человек, молчавший во время моего разговора с лейтенантом, оказался… комиссаром мотострелкового батальона той же танковой бригады. Я запомнил в марте 1942 года, когда он в лесу под Решетихой напутствовал нашу зенитную батарею, а потом, когда я переводил заголовки найденных в лесу немецких газет и журналов, по-доброму посоветовал мне остерегаться «вражеской литературы». Но в данный момент он делал вид, что не знает меня.

В ночном бою комиссар получил легкое ранение в спину. При нашей встрече он был одет уже не в комсоставскую форму с двумя «шпалами» на петлицах шинели и гимнастерки и с красной звездой на правом рукаве. На комиссаре была сильно изношенная шинель и простая гимнастерка, какие носили рядовые бойцы. Брюки на нем также были соответствующими. Вместо хромовых сапог на ногах у него были замызганные кирзовые сапоги. Плохенький вещевой мешок за спиной комиссара был пуст. Я понял, что комиссар специально переоделся в форму рядового бойца, поскольку комиссаров немцы расстреливали немедленно.

Вероятно, комиссару казалось, что в этой одежде я его не узнаю, но я раскрыл наше знакомство и к тому же заметил, что комиссар не остриг свои волосы, а это для рядовых бойцов в Красной армии было совершенно недопустимо. Мне же стало стыдно, что я так «опростоволосился» перед ними из-за своего «белого флага», и захотел взять реванш, предложив не сдаваться немцам. «Зачем нам отправляться на сборный пункт, ведь у нас есть шанс выйти из окружения всей группой или по отдельности. Тем более нам есть чем питаться несколько дней и даже курить. Отсидимся в лесу хотя бы денек, а потом посмотрим».

Первым меня поддержал комиссар, а с ним пришлось согласиться и лейтенанту со старшиной. Я попросил товарищей еще раз побывать у нашего грузовика: может быть, я найду там

хотя бы вещевой мешок или котелок. Однако нужных вещей на машине не обнаружилось, но зато в углу кузова валялся открытый сейф с советскими бумажными деньгами. На всякий случай я взял пару тридцатирублевок. Хотел прихватить еще и сторублевку, но побоялся, что изображение на нем В. И. Ленина приведет к неприятностям при возможном обыске немцами. Я не предполагал, что эти купюры, хотя и очень сильно обесцененные, еще долго будут иметь хождение на воле, а также в тюрьмах и лагерях советских военнопленных на оккупированной немцами территории.

Оставив грузовик, мы пошли дальше по полю и дошли до большого луга, на котором среди густой зеленой травы и между окопами торчали вертикально и слегка качались от ветерка воткнутые штыками в землю и прикладами к верху несколько сотен винтовок, напоминая очень редкий лес после сильного пожара. Были также множество лежащих винтовок со штыками и без них, револьверы, пистолеты в кобурах и карабины. Валялись патронташи с патронами, саперные лопаты, ручные гранаты. Попадались и каски. Особенно много было противогазов, которые мы буквально ненавидели: этот дополнительный груз оказался почти бесполезным на данной войне. происходившей без применения боевых отравляющих газов и веществ. Однако сумки для противогазов, достаточно емкие и непромокаемые, из брезента защитного цвета, были удобны для носки разных личных вещей. Вся эта картина, с большим количеством убитых, леавших в беспорядке, увиденная на лугу, означала, что участники прошедшего на данном месте боя, оставшиеся в живых (кроме нескольких лиц, скрывшихся в лесу), сдались противнику, побросав всё своё личное оружие. Это они утром прошли по дороге мимо моего окопа на сборный пункт для военнопленных.

В лесу мы выбрали относительно удобное место – возле речки с чистой и прозрачной водой. Мы вволю напились прямо из реки, помылись и, разломив на четверых две пачки концентрата пшенной каши, сгрызли свой паек. Остальные пачки решили приберечь.

После всех этих «процедур» комиссар попросил лейтенанта и старшину, чтобы те перевязали ему рану. Поскольку чистого бинта, йода или марганцовки у нас не было, я вызвался походить и пошарить по лугу на месте бывшего боя, чтобы найти в вещевых мешках убитых какие-либо медикаменты. Я подумал, что там же, может быть, попадутся и другие важные вещи, в частности, спички и махорка. К тому же мне следовало обзавестись шинелью и вещевым мешком, найти котелок, кружку, флягу, а если

повезет, то и мыло.

На поле я сразу же обратил внимание на труп красивого старшего сержанта лет 30, одетого в новенькую военную фуфайку. Под спиной убитого оказался также новый темно-зеленый брезентовый вещевой мешок, заполненный наполовину. Мешок я снял без особого труда и отложил в сторону. Но из-под фуфайки потекла кровь, сделавшая вожделенную для меня вещь не пригодной для носки.

Я осмотрел у покойного содержимое вещевого мешка и обнаружил в нем цилиндрический алюминиевый котелок, эмалированную кружку, кусок черного хлеба, копченую рыбу, сумочку с патронами, полотенце, мыло, и главное – несколько пакетов с бинтом и пузырьков с марганцовкой, в которых так нуждался комиссар. К сожалению, в мешке не оказалось спичек и махорки. Я взял также кожаный ремень со стеклянной флягой и маленькой саперной лопатой, винтовку с патронами и сумку с ракетницей и потащился с ними обратно в сторону леса. Отойдя на несколько шагов, я увидел на воткнутой штыком в землю винтовке шинель и решил забрать ее. Но как раз в это время на дороге появились два немецких мотоциклиста с автоматами. Мне бы следовало сразу залечь в траву и спрятаться, а я по инерции продолжал двигаться к шинели. Немцы вполне могли пристрелить меня, однако они этого не сделали, а один из них, приостановив машину, прокричал: «Эй, Иван, не будь мародер, сдавайсь, иди плен, туда!» и помахал рукой в направлении сборного пункта.

Шинель оказалась мне почти впору, и, надев её, я продолжил путь в лес.

Из-за отсутствия спичек у нас возникла проблема с разведением костра. Тогда я предложил товарищам добыть огонь посредством холостого выстрела из ракетницы в какой-либо легко воспламеняющийся предмет. Старшина сказал, что в качестве такого предмета можно использовать длинный жгут, сделанной из сухой части снятой с комиссара старой марли, которую следовало обсыпать марганцовкой. Жгут будет гореть очень медленно, так что мы надолго обеспечим себя огнем. Мы сразу же приступили к осуществлению этого плана, подвесив жгут на дереве. Чтобы приглушить выстрел ракетницы, я пожертвовал своей пилоткой, которую в дальнейшем мне пришлось носить с дыркой.

Во время перекура я осторожно расспросил лейтенанта, как он и его товарищи попали в плен. Оказалось, что они, оставив позади Марьевку, недалеко от реки Северский Донец столкнулись с большой группой немецких танков и мощной противотанковой

артиллерией противника. Состоялся бой, который они проиграли, так как наши танки из Великобритании значительно уступали немецким и, кроме того, у наших экипажей не было достаточного количества боеприпасов и горючего. Часть танкистов погибла или вынуждена была сдаться в плен, особенно раненые, а часть скрылась в данном лесу. Здесь они рано утром встретили батальонного комиссара, которого переодели в форму убитого рядового бойца.

Пока мы разговаривали, над лесом вдруг появилась тройка… наших истребителей-штурмовиков, которых так нам не хватало в предыдущие дни. Они сразу начали обстреливать лес, главным образом его юго-восточную опушку, где, по-видимому, обосновалась какая-то немецкая часть. Налёт длился около четверти часа, после чего всё стихло. Но его можно было ожидать снова. А мы было вознамерились разложить небольшой костер, чтобы вскипятить воду и сварить кашу. Пришлось отказаться от этой затеи, поскольку самолеты, появившись опять, могли заметить дым и направить на нас свой смертоносный огонь. Поэтому после налета наших самолетов я во второй раз отправился из леса на луг в поисках бинтов и других нужных вещей. На этот раз, чтобы не быть замеченным немцами, я двигался по лугу очень осторожно – полусогнувшись или на животе, т. е. по-пластунски. К счастью, мне очень быстро удалось найти в одном из мешков несколько пачек бинтов, иголку с черными нитками на ней, кисет с махоркой и сухари.

Старшина занялся изготовлением другого жгута из принесенных мною бинтов, а лейтенант, набрав из речки воды в кружку, развел в ней помазком мыльную пену и начал сбривать комиссару волосы опасной бритвой, имитируя стрижку ножницами или машинкой, чтобы комиссар как можно больше походил на рядового бойца. Я же решил заняться уничтожением расплодившихся на нижнем белье, свитере, гимнастерке и брюках вшей. Но выполнять эту работу при товарищах я посчитал неудобным и углубился в лес, выбрав укромное место на берегу речки. Я уничтожал паразитов в течение, наверное, получаса, если не больше, под укусы великого множества комаров и мошек. Затем я решил пройтись по узкой тропе среди деревьев, но через несколько шагов меня остановил окрик: «Эй, друг!» Он исходил от пожилого бойца, незаметно лежавшего в высокой траве на расстеленной шинели. Я подошел к нему, поздоровался и по акценту его ответного приветствия понял, что этот человек не русский, а татарин, и спросил его по-татарски: «Как живешь? Из какой местности?» Оказалось, что боец родом из села недалеко от Ульяновска, километрах в 50-ти от моей деревни. К обоюдной

нашей радости выяснилось, что мы являемся земляками. Этот боец был тяжело ранен в ногу, пришел в лес рано утром после боя в сопровождении другого земляка – тоже татарина, который в этот момент ходит по лесу в поисках себе компании и чего-либо съестного. Оба татарина решили не сдаваться немцам, так как слышали, что они не берут в плен тяжело раненных, а расстреливают их. К тому же на родине власти будут преследовать семьи сдавшихся в плен военных. Поэтому оба друга намеревались попытаться вдвоем или вместе с другими окруженцами пробиться к своим войскам, перейдя Северский Донец.

В ответ на эти рассуждения я рассказал земляку, что утром видел, как очень много наших военнослужащих прошли мимо меня на сборный пункт, и при этом они несли на плащ-палатках тяжело раненных товарищей, которых ни один немецкий конвоир не трогал. Все они были перевязаны, некоторых везли на телеге. Значит, немцы не расстреливают тяжело раненных. А что касается преследования членов семьи на родине, то жены и тем более детей у меня нет.

К сказанному еще добавил, что с тяжелой раной земляку никуда не деться: ему не удастся прорваться к своим войскам и так или иначе придется сдаться в плен. Но если земляки всё же намерены выйти из окружения, то я хочу к ним присоединиться. Поэтому прошу подождать меня – скоро я вернусь сюда же со своими вещами. Земляк обещал ждать.

Вернувшись к товарищам, я рассказал им о встрече и о намерении моих земляков пробиться к своим. За кратким ужином пошел разговор о том, что же нам делать дальше. Комиссар предложил отправиться ночью к тому самому месту, где стоят наши разбитые танки и где, вероятно, уже нет немцев. Оттуда можно попытаться двинуться к правому берегу реки Северский Донец. Если же попытка не удастся, то придется сдаться в плен. Мне комиссар предложил присоединиться к своим землякам. Им будет легче со мной, поскольку раненый нуждается в помощи. Лейтенант и старшина поддержали комиссара.

Наконец, мы попрощались, пожелав друг другу удачи. Но, к моему большому огорчению, на прежнем месте я земляков не застал. Из-за этого решил идти один на юго-восток, ориентируясь ночью по Полярной звезде. Приблизившись к краю леса, я вдруг почувствовал очень вкусные запахи горячего супа и какао и еще чего-то приятного. Это означало, что за лесом находятся немцы.

Как раз на этом месте, куда я вышел, оказался полусухой ров, густо заросший ивняком и высокой, почти в человеческий рост,

травой. В нем было много валежника, посредине находилось русло засохшего ручейка. Я решил пройти напрямик через ров. И вдруг среди всех приятных запахов, распространявшихся вокруг, мой нос уловил характерную вонь человеческого кала, и я увидел сидевшего с голым задом над вырытым отхожим рвом… немецкого солдата в темновато-голубой форме пехотинца.

Я инстинктивно резко повернул назад, но споткнулся о сучья, которые сильно затрещали, и свалился в ров. Немцы услышали треск. Раздался крик: «Wer kommt? Halt!» (Кто идет? Стой!) Не получив ответа, они принялись стрелять в мою сторону длинными очередями по скрывавшим меня зарослям.

Я понял, что убежать мне не удастся и что я буду вот-вот застрелен, если срочно не сдамся в плен. Как только стрельба на миг прекратилась, я истошно закричал: «Nicht schiessen, bitte nicht schiessen, ich komme, ich komme!» (Не стрелять, пожалуйста, не стрелять, я иду, я иду!) Я быстро схватил длинный сучок, привязал к нему свой белый носовой платок и, продолжая лежать в зарослях, как можно выше поднял этот флажок над собой. Поскольку выстрелы больше не последовали, я осторожно встал на ноги и пошел, повторяя ту же фразу «Не стреляйте, пожалуйста, не стреляйте!»

Меня встретили трое немецких солдат с автоматами и сразу же задали вопрос: «Sprichst Deutsch?» (Говоришь по-немецки?) Я ответил: «Sehr wenig» (Очень мало). Последовал другой вопрос: «Viel Kameraden im Wald?» (Много товарищей в лесу?) «Nein, nein» (Нет, нет), – соврал я. «Aber wo hast du denn dein Gewehr?» (Но где же твоя винтовка?) Я не понял этот вопрос и дважды пожал плечами. Тогда немцы продемонстрировали мне знаками и звуками «пах, пах», что меня спрашивают о винтовке. Я ответил: «Nicht Gewehr» (Нет винтовки). Потом солдаты сказали: «Jetzt gehe vorne» (Теперь иди впереди).

…И так около 9 часов вечера 24 мая 1942 года я оказался в немецком плену[5], и с этого времени практически закончилось моё участие в Великой Отечественной войне. Ее основным итогом стало для меня то, что я в ней остался жив и прожил после неё долгую жизнь, на которую мне грех жаловаться. Наверное, Всевышний учитывал, что я на этой войне, как это ни странно звучит, не загубил ни одной человеческой души. А если кого-нибудь и поранил, то лишь случайно и не тяжело, что могло вывести человека из войны и этим спасти от гибели. Мне не пришлось совершить таких героических поступков, которые заслуживали бы высоких наград. Зенитной батарее не положено было действовать непосредственно на передовой линии фронта. Батарея должна была располагаться несколько

сзади этой линии и заниматься в основном борьбой с вражеской авиацией. И все же я получил множество правительственных и других наград. Из них наиболее ценными для себя считаю медали «За оборону Москвы» и «За победу над Германией». Первую мне вручили в 1956 году, а вторую – в 1966 году. Другие медали получил по случаю юбилейных дат. Очень дорожу орденом Отечественной Войны второй степени и знаком «Фронтовик 1941–1945 годов».

Эпилог к главам XI, XII, XV, XVI И XVII

Почти через 25 с половиной лет после описанных выше событий, происшедших в Лозовеньке и около неё, 7 октября 1967 года, я вновь посетил это село. Накануне Министерство черной металлургии СССР провело в Харькове двухдневное Всесоюзное совещание по усовершенствованию и расширению сортамента стального проката. Я был командирован для участия в его работе институтом, где трудился в должности старшего научного сотрудника. Совещание закончилось 6 октября, а обратный железнодорожный билет у меня был на 7 октября, до отъезда домой у меня остались сутки свободного времени. Я решил использовать его для поездки в Лозовеньку. Из Харькова я прибыл сначала в г. Балаклея на пригородном поезде. Выше я уже отмечал, что в 1941–1943 годах Балаклея была превращена немцами в хорошо укрепленную крепость. Взять её нашим войскам очень долго не удавалось, и стоило это огромных людских потерь. Из Балаклеи до Лозовеньки шел рейсовый автобус. Дело было в субботу, и в автобусе оказалось много местных студентов из балаклейских и харьковских учебных заведений. Молодежь направлялась на выходной день к родителям в Лозовеньку и ближайшие к ней села и деревни. Молодые люди заинтересовались, почему я, незнакомый им пассажир, еду в Лозовеньки, и я рассказал им вкратце о своем пребывании в этом селе в мае 1942 года.

До конечного пункта оставалось ехать километра три, и в это время из стада, пасшегося рядом с дорогой, одна из буренок внезапно выскочила на шоссе и чуть не угодила под автобус. Водитель вынужден был резко повернуть руль вправо, из-за чего автобус свалился в кювет. В результате многие пассажиры, и в том числе я, слетели со своих мест. Я очень больно ударился лбом и правой щекой о соседнее кресло и поцарапал лицо.

К счастью, в это время недалеко в поле работал трактор, который тросом вытащил автобус на дорогу, и он благополучно прибыл в центр села. Я спустился к речке и стал мыть лицо.

Неожиданно ко мне подошли женщина и мужчина средних лет, которые поздоровались со мной и представились. Женщина сказала, что она председатель сельского совета, а её напарник – секретарь местной организации КПСС. Оказывается, обо мне им сказали ехавшие в автобусе ребята.

Я поблагодарил обоих хозяев за гостеприимство и попросил разрешения походить по селу одному, вспоминая и переживая те события, которые происходили здесь в мае 1942 года.

В первую очередь я посетил братскую могилу павших, которая была хорошо видна со всех сторон. В ней были похоронены военнослужащие и некоторые гражданские лица, погибшие не только в мае 1942 года, но и в двух других боях 1943 года. В эту могилу еще продолжают перезахоранивать останки бойцов и командиров, которые находят в окрестностях села. Так, накануне моего приезда здесь захоронили останки молодого бойца из Полтавской области, обнаруженные недалеко от опушки леса.

Над братской могилой, в которой, наверное, мог лежать и я, была установлена скульптура бойца с автоматом ППШ, а рядом – белая каменная плита с пятиконечной звездой и эпитафией «Куда б ни шел, ни ехал ты, но здесь остановись! Могиле этой дорогой всем сердцем поклонись!»

Несколько местных жителей приводили могилу в порядок после вчерашнего захоронения. Я представился им и попросил сфотографировать меня у могилы. Хромой мужчина сказал мне, что в мае 1942 года, будучи еще юношей непризывного возраста, оказался очевидцем всего происшедшего в селе. Он показал мне овраг, по которому 23 мая того года отступали наши войсковые соединения, включая и зенитную батарею, в которой я служил. Я сфотографировал этот овраг. Группе собравшихся мужчин я рассказал подробно, как в мае 1942 года в Лозовеньке мы отбивали воздушные атаки и пытались выйти из окружения, стремясь пробиться к Северскому Донцу.

Следуя по маршруту движения нашей зенитной батареи, я дошел туда, где 23 мая 1942 года наши пушки вели бой с танками и где находился мой защитный окоп, в котором я спасся от неминуемой гибели. К величайшему моему изумлению, это место оказалось… почти рядом с тем самым местом на шоссе, где съехал в кювет рейсовый автобус, доставивший меня в село. Все произошло так, будто Всевышний еще раз напомнил мне о себе и той милости, которую оказал мне в те тяжелые дни.

Я сфотографировал это место, совсем неприметное теперь и не интересное для всякого другого человека. Возвратившись в село, я прошелся по берегу речки, где 22 мая шел вместе

с Кусковым за обедом на полевую кухню. Затем сфотографировал несколько хат, которые имели такой же внешний вид, как в мае 1942 года.

Мне захотелось помянуть всех похороненных в братской могиле товарищей, и особенно тверского шофера М. Д. Журавлева. Я дал 20 рублей инвалиду, чтобы тот купил в сельском ларьке водку (поллитра её стоила тогда 2 рубля 87 копеек) и закуску и вместе с односельчанами помянул павших. Я должен был торопиться в обратный путь. Но тут ко мне подбежала пышная симпатичная девушка, комсорг местной школы, размещавшейся в новом кирпичном здании. Она пригласила меня посмотреть, как учатся дети и как они чтут память погибших воинов.

С тех пор мне уже не довелось больше побывать в тех местах.

Книга вторая

Часть первая. В плену на Украине

Глава I

На месте, куда меня привели под стволами автоматов немцы, собиралось ночевать их пехотное соединение (типа нашего мотострелкового батальона), сплошь вооруженное автоматическим личным оружием, а не как у нас – винтовками, и имело значительно большее количество автомашин и другой техники. В это время немцы уже поужинали и собирались укладываться на ночлег, причем многие спали не в окопах под открытым небом, как мы, а в брезентовых палатках, а окопы с личным оружием были устроены перед палатками.

Мои конвоиры задали мне по-немецки несколько простых вопросов, которые я понял и не оставил без ответа, также на немецком языке. Увидев меня, немецкие солдаты стали подходить из любопытства, а находившиеся около меня солдаты сообщали вновь прибывавшим удивительную новость: «Kann ein bisschen Deutsch sprechen («Может немного говорить по-немецки»).

Большим сюрпризом для меня стало то, что местный повар принес мне ложку и котелок, наполненный густым и очень вкусным чечевичным супом с куском мяса. Я поблагодарил его, а потом набрался смелости и попросил у солдат дать мне покурить.

Немцы задавали мне житейские вопросы: как меня зовут, откуда я родом (ответил, что из Москвы, и это вызвало у присутствовавших еще больший интерес ко мне), сколько мне лет, кто я по профессии (ответил, что студент, но из бахвальства – неправдой, что студент Московского университета), есть ли у меня дома девушка и бывал ли с ней уже в интимном отношении и т. д.

С момента моего попадания в плен ни у кого из немцев не возникло мысли обыскать меня, чего я раньше так боялся. Не было и расспроса о конкретных военных делах. И так все мои былые представления о «злых немцах» сразу рассеялись. Может быть, мне просто повезло, что я попался в плен один и немного знал немецкий язык.

Скоро солнце ушло за горизонт, когда возле меня появился фельдфебель в сопровождении молодых солдат с автоматами. Он сообщил, что он не может оставлять в расположении воинской части вражеского солдата и вынужден отправить меня на сборный

пункт для военнопленных. И конвоиры повели меня по полю.

Один конвоир шел спереди меня, а второй – сзади. Минут через 15 сошли с поля на небольшой луг, по которому раньше прошло много людей и проехали обозы. Кое-где на лугу остались небольшие ямки, образованные лошадиными копытами, в которых скопилась вода. Еще накануне меня мучила жажда, и она особенно усилилась после неплохого ужина; встав возле ямки на колени, я глотал из неё воду, как собака. Видя это, оба конвоира пришли в ужас, и один воскликнул: «Человек, это же говно!», имея в виду, что эта вода заразная и что от неё можно заболеть. Почти в полночь конвоиры сдали меня танкистам, которые разместили меня на ночлег под танком, а точнее – под его гусеницей, так, что при неожиданном движении танка я мог быть и превращен в мокрое место.

Ежась от холода, я начал было засыпать, как внезапно с шумом открылась крышка люка и молоденький водитель произнес по-немецки: «Эй, ты, русский, возьми!» И протянул мне ложку и котелок с остатком густого супа. Итак, совершенно сытый, я, несмотря на прохладную ночь, укусы комаров и мошкары, крепко уснул под гусеницей немецкого танка до утра.

Рано-рано утром 25 мая, когда солнце еще не появилось, вооруженный автоматом немецкий солдат, одетый в темновато-голубую шинель, явно не принадлежащую танкистам, разбудил меня, толкнув сапогом и крикнув: «Подъем!» Я с трудом встал и нашел в себе силы сказать солдату: «Доброе утро!» Я понял, что теперь он является моим конвоиром. И так я двинулся в неведомый путь, подгоняемый сзади конвоиром, который не имел никакого желания общаться со мной. Сначала мы пошли между стоявшими вокруг немецкими танками, потом зашагали по полю и вышли на полевую дорогу. Вдруг к нам приблизилась открытая легковая автомашина.

Машина остановилась, и мой конвоир, тоже сразу остановившись, стукнув друг об друга каблуками сапог и приложив ладонь правой руки к пилотке, доложил офицеру, что ведет пленного русского на сборный пункт. Я с облегчением понял, что меня ведут не на расстрел.

Он сначала пристально оглядел меня, а затем, обратившись к сидевшему в машине местному жителю, оказавшемуся переводчиком, спросил, сколько мне лет и из какой я воинской части. Я сразу же, не дожидаясь, пока эти вопросы повторит по-русски переводчик, сам ответил на них по-немецки, чем заметно удивил офицера. Соврал ему, заявив, что мне… 18 лет (подумал, что немецкие власти будут более снисходительны к очень молодым людям, чем к более старшим). Так как за последний

месяц я сильно исхудал, то выглядел как подросток, а мне 18 июля исполнялся 21 год. Сказал правду, что служил в зенитной батарее, входившей в состав 199-й отдельной танковой бригады.

Услышав оба моих ответа, произнесенные по-немецки, офицер предположил, что я попал на войну из какого-то учебного заведения. И я сказал, что учился в военной средней школе и был прислан прямо на фронт, хотя учиться мне оставалось еще год.

Затем был задан вопрос, где теперь моя танковая бригада. Пришлось ответить, что ее уже больше не существует – она почти полностью оказалась в плену. Я же боялся сдаваться и несколько часов прятался в лесу.

Далее офицер спросил, как в моей воинской части обстояли дела с деятельностью комиссаров, которые, как ему известно, «являются высоко привилегированными членами партии большевиков и по национальности в основном – иуды. В советских войсковых частях они стоят выше командиров. А правда ли, что они издеваются над остальными военнослужащими, подгоняют их во время атак, расстреливая отстающих и морят солдат голодом?» Я на всякий случай подтвердил: «Да, да».

Наконец офицер отстал от меня со своими вопросами, а я и конвоир продолжили свой путь, пока не дошли до сборного пункта, где был также устроен какой-то немецкий штаб.

После небольшого ожидания распоряжения относительно моей дальнейшей судьбы мы снова двинулись в путь. Из небольшой постройки нам навстречу вышли два немецких солдата… в белых фартуках и колпаках. Конвоир представил им меня, «присланного высоким начальством» в качестве подсобного рабочего. Я, никак не ожидавший такого оборота событий, сначала растерялся, но скоро нашелся и поприветствовал их.

Нам предложили позавтракать, дав каждому по два очень тонких куска (их мы потом называли «скибками») белого хлеба с маргарином и колбасой и по чашке ненатурального кофе («эрзац-кофе»). После перекура мой конвоир попрощался с поварами, предупредив их, что теперь они являются ответственными за меня и что, если я попытаюсь убежать, то им следует открыть по мне огонь. А вечером меня должны были отвести к тому дому, от которого мы пришли, и там сдать охране.

Я снял с себя вещевой мешок и шинель, попросил разрешения помыть руки и лицо водой из расположенного рядом колодца. Затем началась моя работа. В основном пришлось заниматься заготовкой топлива для полевой кухни – большого цилиндрического котла. При необходимости его везли, прицепив

к грузовой автомашине. Приходилось также носить воду из колодца. Повара, которым я сказал, что плохо себя чувствую, не подгоняли меня, говорили мне о себе. Обстановка была вполне дружеской.

Оказалось, что в деревне есть еще несколько полевых кухонь и на них тоже работали наши военнопленные. Некоторых пленных немцы заставляли ремонтировать дороги и таскать грузы.

Наступило обеденное время, и мне дали гороховый суп с мясом, но без хлеба, а также стакан кофе.

Скоро во двор заехала специальная грузовая автомашина, к которой прицепили нашу полевую кухню. Меня посадили рядом с шофером. Мне следовало по мере необходимости подносить дровишки, подкладывать их в печь, чтобы суп в котле не остывал.

Шофер оказался общительным и веселым человеком. Едва мы выехали из деревни, он сразу же вытащил из-под сиденья большую банку и налил мне из нее какую-то пенистую желтовато-темную жидкость. Я сумел сделать лишь несколько глотков, – питье мне не понравилось. Шофер удивился: «Почему ты не пьешь?» Пришлось признаться шоферу, что я болен, поэтому и не могу пить пиво. И его вылили из котелка на землю.

Когда солнце стало садиться, полевая кухня вернулась на место, и младший повар, теперь уже как мой конвоир, отвел меня с автоматом к тому большому деревянному дому, возле которого я побывал утром.

Туда постепенно собрались и другие военнопленные; когда на улице почти стемнело, двое часовых, охранявших дом, привели нас к хлеву. Там, положив под головы вещевые мешки, мы улеглись на полу, застеленном соломой. Часовые плотно закрыли дверь снаружи. Едва мы заснули, как к нам присоединились еще человек 10. Через некоторое время один из наших новых солдат то ли испуганно, то ли возмущенно закричал по-немецки. Кто-то зажег карманный электрический фонарик, и только тогда стало ясно, что в одном помещении улеглись спать и русские военнопленные, и немецкие солдаты. По-видимому, их никто не предупредил, что в хлеве находятся пленные. Поднялся скандал, вызывали часовых. Часовые немедленно прибежали, но обвинили в случившемся солдат, которые заявились в хлев без разрешения начальства. Кончилось дело тем, что всех пленных выгнали из хлева, и двое конвоиров с автоматами, построив нас в колонну, погнали куда-то по деревне.

Мы долго шли, спотыкаясь о кочки. Кто-то не выдержал и громко сказал: «А не расстреливать ли нас ведут? Может,

нам лучше разбежаться?» Никто ему не ответил, а один из конвоиров громко потребовал: «Тихо!» Но тут деревня кончилась, мы перешли по мостику ручей, заросший по берегам высокими ракитами, вступили на поле и… наткнулись на людей, спящих на голой земле. Их было великое множество. Оказалось, что это тоже наши пленные. Конвоиры сдали нас часовым.

Проснулся из-за того, что, как и прошлым утром, кто-то толкнул меня по спине и крикнул несколько раз: «Jurij, Aufstehen» («Юрий, вставай!»). Открыл глаза и очень удивился: передо мной стоял знакомый повар. Я проработал снова на кухне весь день, а вечером опять оказался в группе военнопленных. Вдруг к нам подъехал грузовик с закрытым кузовом, и два немецких солдата стали выбрасывать из него заплесневелые буханки белого хлеба, головки сыра с большими пятнами и другие испортившиеся продукты. Пленные кинулись собирать эти продукты и класть их в вещевой мешок. Я с недоумением смотрел на эту картину. И тут один пожилой пленный крикнул: «Что же ты стоишь! А что будешь есть завтра?» Только тут я сообразил, что и мне надо было что-либо взять. Но оказалось уже поздно – всё расхватали. Хорошо, что у меня были свежие продукты, которые мне дали на дорогу повара. Нам предстояло ночевать на этом же поле.

Я расположился рядом с двумя пленными, одетыми в новенькие шинели. Они оказались музыкантами из военного духового оркестра. Один из них планировал устроиться в Австрии, где у него был родственник – брат отца. Моё соседство обоим музыкантам почему-то не понравилось, и они попросили меня уйти, сказав, что это место занято ими для товарища, который должен скоро прийти.

Отойдя от музыкантов, среди множества людей на поле я усмотрел пожилого, аккуратно одетого интеллигентного на вид рядового бойца. Я подошел к нему и, попросив на этот раз разрешения, уселся по соседству. По простоте души я сообщил собеседнику, кем был раньше, как попал немцам в плен и что работал у них два дня на полевой кухне. Мы договорились дальше держаться друг друга. Узнав, что я страдаю малярией, он дал мне из своего вещевого мешка щепотку хинина, который я тут же принял. На ночь я положил свой вещевой мешок под голову, а сосед пропустил одну руку через лямку. В результате, когда рано утром я проснулся, моего вещевого мешка под головой со всем его содержимым не оказалось – кто-то его стащил.

Он пытался утешить меня, поделившись со мной своим завтраком – кусочком хлеба и глотком воды из фляги.

Глава II

Скоро часовые с громкой стрельбой в воздух, с криками по-немецки «Подъём!» и «Строиться!», а также ударами автоматов и прикладами винтовок заставили пленных построиться в колонну по пять человек в ряду который по пути практически исчез – шли все толпой. Немецкий переводчик громко объявил, что тех, кто попытается бежать или будет отставать, расстреляют на месте.

С двух сторон колонну охраняли преимущественно молодые и пышущие здоровьем конвоиры, вооруженные автоматами. Шли конвоиры на расстоянии 30–50 метров друг от друга по обочине дороги или по краю поля. При некоторых конвоирах находились на поводке очень злые овчарки.

…Двигались мы главным образом в обход населенных пунктов. Местные жители, женщины, старики и дети, встречали нас на дороге и с жалостью смотрели на нас, а некоторые искали своих родных и знакомых. Но конвоиры не давали жителям приближаться к колонне, отгоняли их прикладами и стрельбой в воздух.

Перед некоторыми населенными пунктами немцы уже установили на столбах большие щиты с названиями этих пунктов, написанными крупными латинскими буквами.

…Примерно через 10 километров пути колонну вдруг остановили, и вышедшие навстречу немецкие военные вместе стали внимательно осматривать лица всех пленных. В результате из колонны вывели более 20 человек, напоминавших по внешности евреев. Среди них оказался и мой новый друг, с которым я шагал рядом. Некоторые из этих пленных пытались доказать, что они – не евреи. Тогда их заставили спустить штаны и показать половой член – не обрезан ли он. У пятерых с этим оказалось всё в порядке, и их вернули обратно в колонну, а остальных, включая моего соседа, забрали с собой в село.

В дальнейшем в больших лагерях немцы проводили более обстоятельную проверку всех подозрительных на принадлежность к евреям или цыганам. Переводчик выяснял, не говорит ли пленный картавя или с еврейским акцентом, требуя произносить очень быстро, например, фразу: «На горе Арарат растет крупный виноград». Случалось, что подозреваемый заявлял, что он армянин, грузин, азербайджанец и т. д. Тогда проверяющие подзывали своего человека названной национальности и он вступал в разговор с проверяемым лицом. И если пленный его не понимал, то считали, что он еврей или цыган.

Шедшие со мной товарищи хотели узнать, когда же нам

дадут что-нибудь поесть. Я решил спросить об этом по-немецки у ближайшего ко мне молодого и очень здорового конвоира. Он не стал меня слушать и ударил кулаком по голове так, что я упал и лишь с большим трудом встал снова на ноги.

В какой-то деревне мы увидели на околице группу плачущих женщин. На траве лежал мертвый молодой старшина в гимнастерке с четырьмя темно-красными блестящими треугольниками на красных петлицах. Трое женщин рыли могилу. Кто-то из пленных сумел узнать, что этот старшина скрывался у местных жителей, но утром он был обнаружен немцами, отстреливался и покончил собой, выстрелив себе в сердце.

Внезапно погода стала портиться. Появились черные тучи, и солнце скрылось за ними. Начал моросить мелкий дождик. В это время мы переходили небольшой ручеек. И как раз на этом месте колонну начала обгонять грузовая машина. Но обгон не получился – машина застряла всеми четырьмя колесами. Попытки водителя вытащить её к успеху не привели. Тогда конвоир вывел из колонны пять человек, включая меня, и приказал нам выталкивать машину. Мы тщетно, изо всех своих слабых сил, старались это сделать, но ничего не получалось.

Через некоторое время водитель догадался достать из кузова две лопаты и вручить их нам. Тогда мы стали брать лопатами сухой грунт вместе со стерней от соломы и бросать его под колеса машины. Работа длилась более часа. Водитель много раз заводил мотор, и наконец машина была вытолкнута на сухое место.

Оказалось, что грузовик вез буханки черного хлеба и еще какие-то продукты, и водитель посчитал нужным расплатиться с нами, отдав две буханки хлеба, а конвоиру – что-то более существенное. Мы уселись около ручейка и немедленно растерзали руками обе буханки на пять кусков. Однако конвоир не дал нам сидеть, и всем пришлось жевать свою порцию хлеба на ходу. Хлеб оказался испеченным из смеси ржаной муки и кукурузной, и поэтому не очень вкусным.

Мы шли по проселочной дороге под начавшимся ливнем с грозой. Шли мы не менее часа. Затем конвоиры отвели всех пленных в сторону от дороги и остановили ночевать на поле. Конвоиры расхаживали рядом, надев непромокаемые плащ-палатки. В полночь вдруг раздались звуки выстрелов из автоматов и лай собак. Оказалось, что трое пленных, воспользовавшись ночной темнотой, попытались сбежать. Но конвоиры с собаками настигли ребят и застрелили их. Рано утром конвоиры заставили нескольких пленных положить у дороги тела убитых. А когда всех пленных выстроили снова в длиннейшую колонну, опять приехала легковая машина

с немецким офицером и переводчиком. Последний громким голосом несколько раз предупредил пленных, что убежать никому не удастся, а кто попытается это сделать, будет немедленно расстрелян. При этом он показал на тела трех беглецов.

И нас снова погнали, не дав ни помыться, ни поесть. Но по дороге я с удовольствием съел оставленный за пазухой кусок хлеба. Через некоторое время еще двое пленных, шедших примерно в середине колонны, сделали попытку бежать. Они решили воспользоваться тем, что справа от шоссе начинался лес, росший по обеим сторонам отходившего от дороги глубокого оврага. Они быстро выскочили из колонны, прыгнули в этот овраг и побежали – сначала по его дну, а потом прячась за раскидистыми деревьями и кустами ив. Конвоиры, стреляя из автоматов длинными очередями, побежали за беглецами. Колонну остановили, и мы стояли почти полчаса. Автоматные очереди прекратились, и прозвучало несколько одиночных выстрелов. Мы поняли, что обоих беглецов немцы догнали и застрелили. Затем конвоиры, шумно радуясь своей «удачной лесной охоте», возвратились к колонне, и она снова тронулась в путь. Случившееся с беглецами сильно потрясло многих пленных, некоторые, включая и меня, заплакали. Можно было бы всем нам разбежаться в разные стороны, но никто не захотел и не мог совершить такой героический поступок.

После того как мы пробыли в пути примерно час, один еще не пожилой пленный, шедший передо мной, не выдержал голода, жажды и тяжелых условий движения и скоропостижно скончался, упав под ноги товарищей. Его вынесли из колонны и положили на обочину шоссе. Через некоторое время двое других пленных сели посредине колонны совсем обессиленные. Они стали умолять конвоиров посадить их на повозку, на которой ехали раненые; конвоиры их просто застрелили. И так во время нашего двухдневного пути случилось еще два раза.

Я решил, что при очередном привале встану среди пленных, идущих возможно ближе к головной части колонны. И встану обязательно в середину ряда, так что в случае сильной усталости можно будет усесться прямо на дороге и отдохнуть, а потом присоединиться к хвостовой части.

…К счастью, примерно часам к пяти колонна достигла районного центра Барвенково и остановилась на лугу. Конвоиры заставили пленных выкопать рвы, которые служили людям в качестве отхожих мест. Затем нам объявили, что прибыли полевые кухни. Перед ними сразу же выстроились длиннейшие очереди. Но я, не имевший никакой посуды и, кроме того, полностью потерявший аппетит, не стал становиться ни в одну

из очередей. Оказалось, что еда представляла собой горячую похлёбку из воды и «макухи» – жмыха, образовавшегося при производстве подсолнечного масла.

Пока пленные стояли в очередях за баландой, я снял с себя гимнастерку, теплый свитер и нижнюю рубашку, чтобы попытаться освободить их от вшей. Оказалось, что этих тварей было великое множество. Они располагались у складок одежды целыми кучами.

Наступило 29 мая – один из самых ужасных дней в моей жизни. В этот день всех пленных разбудили до рассвета и объявили, что нам предстоит пройти до вечера более 60 километров.

Днем солнце палило нещадно, ноги мои начали сильно уставать, и я невольно отстал от того головного ряда. Вот-вот могло случиться так, что я окажусь в хвосте колонны, упаду и конвоиры меня пристрелят. Но скоро колонна стала проходить мимо очередной деревни (наверное, Малиновки), жители которой, как и в предыдущих населенных пунктах, встали плотными рядами на обочине дороги. И этим решил воспользоваться один из молодых и физически сильных пленных. Неожиданно для конвоиров он очень быстро «рванул» в сторону стоявших людей, проскочил через них и скрылся между ближайшими хатами и дворами. Колонну остановили, и несколько конвоиров с собакой устремились за беглецом. Пока конвоиры с собакой не поймали и не расстреляли несчастного беглеца, прошло около получаса, и за это время я сумел немного отдохнуть.

Миновали еще одну деревню, вошли в большое село (возможно, Бурбулатово). Тут местные жители стояли уже не на одной, а на обеих обочинах шоссе. Конвоиры старались разогнать их выстрелами из автоматов в воздух, однако это не давало никакого эффекта. Женщины пытались вручить пленным съестное, подбегая совсем близко к колонне. Но мне ничего не досталось – всё захватывали те, кто были крайними в ряду и проворными. И почти никто ничем не делился с соседями.

И здесь оказалось, что в колонне шел пленный родом из данного села. Его престарелые родители прибежали к колонне и вступили с сыном в разговор. К счастью, в это время на месте оказался переводчик, и дело кончилось тем, что перед следующим населенным пунктом – селом Близнюки, где колонне предоставили последний привал, конвоиры отдали старикам сына за какую-то, как говорили, большую драгоценность. Но, чтобы не уменьшить отчетное количество пленных в сопровождаемой

ими колонне, вместо этого пленного конвоиры загнали в неё какого-то пожилого мужчину, превратив его в военнопленного. И такие случаи бывали не раз.

На последнем привале я надеялся утолить большую жажду, которой всё время мучился, но ничего с этим не вышло. Между тем жара стала невыносимой. Ноги мои так устали, что хоть «ложись и помирай». Лишь с великим трудом прошел через село, в котором тоже многие женщины пытались дать кому-то из пленных что-то поесть. А как вышли из него и прошли около километра, ноги отказали совсем: я упал на дорогу и едва нашел в себе силы приподняться и усесться на своей шинели, пропуская мимо себя с двух сторон людей, шедших вперед. И никто из них не помог мне.

Я уселся на шинели. Молодой и очень здоровый конвоир сразу остановился около меня и заорал: «Давай, давай скорей, не сидеть!» и нацелил на меня автомат. Видно было, что он совсем не обладает чувством милосердия. Но тут мне пришла в голову спасительная мысль – я решил бросить шинель, которая давала мне дополнительную нагрузку, и сумел подняться. И так я прошел, наверное, еще километр. Однако ноги опять отказали. И тут я сообразил, что надо сбросить тяжелые ботинки и шагать босиком. Я разулся и снял также зеленые воинские брюки, оставив на себе гражданские темно-синие брюки от костюма студенческих времен. Но второпях совсем забыл вынуть из потайного кармана брюк два очень важных предмета – «медальон смерти» (о чем потом вовсе не жалел) и мамин «талисман». Встал я на босые ноги и легко зашагал вперед. Шедшие рядом пленные не удивились моему поступку, а конвоир, кивнув мне головой, сказал: «О, да, да, хорошо, хорошо!» Хотя идти босиком стало легче, но мелкие камушки причиняли ступням сильнейшие боли, царапая кожу до крови. Однако с этим приходилось мириться.

Прошли еще более километра. Я уже еле-еле передвигал ногами и вот-вот мог упасть и больше не встать либо из-за своего бессилия, либо от пули конвоира. Сильно исхудавший, босой и напоминавший своим видом подростка, я обратил на себя внимание какой-то доброй женщины, которая, не испугавшись быть застреленной конвоирами, быстро и решительно подбежала именно ко мне и передала узелок из белой ткани. В узелке оказались поллитровая бутылка с сырым молоком, кусок хлеба и две большие сваренные картофелины. Обе картофелины и хлеб я отдал своим соседям, а сам, освободив горлышко бутылки от пробки, жадно и быстро выпил всё молоко.

Метров через 150 другая женщина опять сумела отдать мне

бутылку с молоком и кусочек хлеба со свиным салом. И снова я выпил только молоко, а еду отдал тем же соседям. После этого они, видимо, решили, что им выгодно быть рядом со мною и поддерживать меня на дальнейшем пути. Они, каждый со своей стороны, крепко взяли меня под руки и почти понесли. Так мы двигались вместе по шоссе до железнодорожного узла – станции Лозовая.

По обеим сторонам улиц Лозовой, по которым мы шли, также толпами стояли местные жители. И здесь одна девочка, приблизившись очень быстро к нашему ряду и не побоявшись конвоиров, вручила еду. На этот раз ею оказался… круглый диск «макухи» диаметром около 20 сантиметров – отхода производства подсолнечного масла. Раньше я никогда не слышал о существовании такой пищи. Соседи, наверное, тоже никогда не имели с ней дела. Но тем не менее они разломали этот диск на три части при помощи перочинного ножа и каждый положил свою долю в карман.

На станции немецкие солдаты с любопытством наблюдали за прохождением нашей колонны. Их лица не были такими злыми, как у конвоиров. Некоторые курили сигареты. Глядя на них, я на мгновение забыл, что я им далеко не товарищ, и почему-то сказал по-немецки: «Мы едем в Германию». Солдаты ответили: «Счастливого пути!» А после этого я рискнул крикнуть им: «Дайте мне курить!» И каково же было моё изумление, когда один из солдат подбежал ко мне с сигаретой, которую я тут же положил в карман, чтобы выкурить её позднее. Я даже не догадался поблагодарить солдата, на которого за это набросился с угрозой наш конвоир.

Часам к семи вечера колонна зашла на территорию, огороженную высоким рядом колючей проволоки и охраняемую множеством часовых с автоматами и винтовками. Это был достаточно большой, только что созданный временный пересыльный лагерь для советских военнопленных. Лагеря такого типа имели названия сокращенное «Дулаг» и полное («Дурхгангслагерь»).

Глава III

Территория лагеря, куда нас немцы пригнали, по-видимому, раньше была местом расположения кавалерийской части Красной армии, но, может быть, и коневодческой фермы. На ее территории располагались длинные деревянные конюшни с кормушками для лошадей, изготовленными из очень толстых бревен. До 1929 года у моего отца была в конюшне такая же

кормушка для наших двух лошадей.

Основная – не застроенная – часть территории представляла собой широкий луг, на котором вынуждены были устроить себе пристанище пленные. Некоторые отрывали себе ямы, чтобы прятаться в них от солнца и дождя.

Лагерь имел несколько больших и малых блоков, и в их числе – отделение для военнопленных из младшего и старшего командного состава Красной армии, отделение медсанчасти для больных и раненных пленных. По истечении нескольких суток пленных угоняли или отвозили на грузовиках и поездами в другие места. Очень многих направляли на Украину для особо тяжелых работ, в частности, на строительство военных укреплений, на восстановление металлургических и горнорудных предприятий, на реконструкцию железнодорожных путей, чтобы по ним могли двигаться немецкие поезда. Однако подавляющую массу пленных немцы всё же везли в Германию.

…На территории лагеря я нашел себе место в конюшне на деревянном полу, почти под самой кормушкой. 30 мая нас всех подняли в 6 часов утра громкими криками «Подъём». Мы увидели несколько высоких и здоровых мужчин средних лет в советском военном обмундировании, но без петлиц и в начищенных до блеска хромовых сапогах. На левом рукаве у них была белая повязка с черной надписью немецкими буквами «Полиция», а в правой руке они держали палку, напоминающую дубинку. Это были полицаи из бывших военнопленных или гражданских лиц, перешедшие на службу к немцам.

Полицаи заявили, что те, кто в состоянии работать, может отправиться с ними, чтобы получить завтрак и уйти в город на работу. Но на какую работу, не сказали. Очень многие пленные, сильно оголодавшие в последние дни, сразу же согласились. Оставшиеся в лагере выстроились в очередь у кухни. Я увидел, как стоявший близко ко мне пленный, вытаскивая котелок из своего вещевого мешка, обнажил в нем пустую металлическую банку из-под консервов. Поскольку у меня не было котелка, я попросил его отдать мне эту банку. Но он сказал, что так просто её не отдаст, а вот если бы у меня нашлось для него курево, то согласился бы. И тут я вспомнил о припрятанной немецкой сигарете и предложил товарищу эту «диковину». Тот недоуменно взял сигарету в руки, понюхал её, вытащил из кармана своего полугалифе коробку спичек, крепко затянулся дымом, и молча отдал мне банку. Я встал в длинную очередь.

Солнце на небе поднялось высоко и стало нещадно жечь. Мои силы были на пределе. И как раз в этот момент мне удалось

подсмотреть у одного пленного, что же за еду нам дают. К моему изумлению, это была опять баланда из подсолнуховой макухи. Я понял, что эту пищу мой больной желудок не выдержит, и возвратился в конюшню. Не выдержали долгого стояния в очереди за баландой и многие другие пленные – вернулись без неё на свои места. Почти никто не сумел даже напиться воды возле кухни: полицаи всех отгоняли. Оказалось, что эту баланду выдавали на весь день. Меня невыносимо мучила жажда. К счастью, на дне кормушки я обнаружил буровато-желтую воду, оставшуюся, вероятно, еще со времени последнего кормления лошадей. Я сунул голову в кормушку, но в этот момент пожилой пленный, находившийся поблизости, быстро стащил меня вниз, крикнув: «Ты что, рехнулся? Неужели собираешься пить лошадиную мочу? Вот возьми мою флягу!» Я сделал несколько глотков, но жажда всё равно сохранилась. Тогда я решил собрать на лугу конский щавель и гусиную лапку. Набрав несколько горстей, я съел все, как это делал в детстве.

Наступил вечер. Постепенно в лагерь возвратились группы пленных, которых утром уводили на работу. Некоторые из них несли хлеб, картофель, крупу, молоко в бутылках и еще что-то. Оказалось, что эти продукты им дали из сострадания или продали за советские деньги местные жители. Кое-кто нес дровишки – сухие сучья деревьев, обломки досок и куски кизяка. Но особенно меня поразило, что несколько человек в обычных армейских мешках из брезента несли… питьевую воду! Потом пришедшие развели костры и, скооперировавшись, приготовили ужин. Остальные пленные им завидовали, а некоторые попросили поделиться с ними пищей, но никто не поделился.

Среди возвратившихся с работы пленных я заметил одного бывшего сослуживца из мотострелкового батальона нашей 199-й отдельной танковой бригады. Он был значительно старше меня и поэтому более опытен в жизни. Он удивился, что я хожу босым, и сразу сделал мне предложение: я отдам ему свой белый свитер, а он мне – пару запасных армейских ботинок. И сделка состоялась. Ботинки оказались мне как раз впору, но надеть их пришлось на босые ноги.

После сделки товарищ вынул кисет с махоркой и свернул «козью ножку». Я намекнул ему, что неплохо бы и мне дать закурить, на что получил ответ: «Дружба дружбой, а табачок врозь». Он потребовал с меня за одну закрутку 30 рублей.

Консервная банка и ложка в карманах брюк мне сильно мешали, поэтому, пока не совсем стемнело, я решил поискать кусок проволоки или бечевки, чтобы сделать ручку к консервной банке. Но ничего на глаза не попадалось. Когда стал проходить

мимо отделения, где содержались военнопленные из младшего и среднего комсостава Красной армии, вдруг кто-то меня окликнул: «Эй, зенитчик, подойди сюда!» Я увидел лейтенанта, с которым 24 мая находился в лесу. Лейтенант был в своем прежнем командирском обмундировании и со всеми знаками различия.

Мы рассказали друг другу обо всем, что с нами произошло. Оказалось, что лейтенанту с товарищами тогда тоже не повезло: их захватила группа автоматчиков, а затем со сборного пункта отправили в этот лагерь. Лейтенант устроился в отделении для командного состава, а батальонный комиссар и старшина остались вместе с другими пленными.

В конце беседы лейтенант неожиданно предложил мне перейти в его отделение, так как с пленными из командного состава, кроме комиссаров, немцы обращаются лучше. С его точки зрения, я по своему развитию вполне мог сойти за лейтенанта. Пока никто не требует документов, подтверждающих принадлежность пленного к командному составу, – об этом судят в основном лишь по уровню общего развития.

К сожалению, нам с лейтенантом не суждено было находиться постоянно в одной компании. Примерно через час, как я улегся спать на подстеленном соломой полу конюшни, меня потянуло в уборную, и за ночь я бегал туда, наверное, раз десять, а с рассветом я обнаружил, что из меня вытекает густая кровь.

Утром лейтенант помог мне перебраться в лагерную медсанчасть. И там врач, которому я назвал свои фамилию, имя и отчество, спросил, откуда я. Узнав, что из Москвы, он очень обрадовался, сказав, что сам он – москвич. Врач определил мне, как инфекционному больному, особое место в сарае. Затем он заставил меня выпить два стакана слабого раствора марганцовки, запретив вообще пить воду и принимать пищу в течение суток. Такой раствор я постоянно пил до конца пребывания в медсанчасти. Кроме того, врач дал мне хинина. Он рекомендовал мне как можно больше лежать и из сарая без особой надобности не выходить и по возможности ни с кем не общаться. В моё распоряжение было предоставлено ведро с деревянной крышкой, которое выносили санитары.

Недалеко от лазарета, но вне территории лагеря, находилась братская могила. Это была вырытая пленными по распоряжению комендатуры глубокая яма размерами, наверное, 5×10 метров. В ней ежедневно хоронили по несколько пленных, умиравших от тяжелых ран, болезней и истощения. Покойного приносили на носилках или привозили на телеге, клали в одну яму и присыпали слоем земли и слоем хлорной извести и этим

ограничивались до поступления следующего умершего.

Наконец в лагере немцы наладили специальное снабжение лазарета водой, а на кухне стали готовить горячую пищу в виде мучного или картофельного супа со свеклой и кониной. Еду доставляли в лазарет из кухни в бочках, кадках и больших кастрюлях, но порции были очень маленькими. Позже стали давать и хлеб. Из подвешенного на столбе умывальника можно было помыть холодной водой руки и лицо, а в баке возле него – прополоскать котелки и кружки… Лекарств в лазарете было очень мало, и почти все только отечественные, т. е. для немцев трофейные.

Глубокой ночью, несмотря на то, что я принял дозу хинина, у меня начался приступ малярийного озноба, длившийся около часа.

И поскольку накрыться мне было нечем, пришлось придвинуться поближе к соседу и даже полезть под его шинель, чтобы согреться. Но когда я прижался к нему, я с ужасом обнаружил, что тело его оказалось совершенно холодным. Когда рассвело, стало ясно, что сосед – рослый пожилой военный – мертв.

Недолго думая, я перетащил на свою «постель» шинель покойного и его вещевой мешок со всем содержимым и заменил свой ремень на его добротный кожаный. В вещевом мешке умершего я обнаружил алюминиевый котелок, синюю эмалированную кружку и катушку белых ниток с иголкой. Был также кисет для махорки, но пустой. Всё это было как раз то, чего я лишился, когда шел под конвоем в этот лагерь военнопленных. Не хватало лишь пары носков или хотя бы портянок для обуви. Не было и мыла с полотенцем, но без них пока можно было обойтись.

Утром врач поинтересовался моим самочувствием и порекомендовал мне выпить кружку мясного бульона из конины, который начали раздавать санитары. Я получил этот бульон и выпил его с большим удовольствием. Затем врач дал мне пакет с размолотым древесным углем и опять посоветовал лежать как можно больше.

Через некоторое время, почувствовав заметное улучшение, я вышел из сарая и уселся возле него погреться на солнце. В это время меня заметил и подошёл ко мне сослуживец по зенитной батарее, с которым я вечером 20 мая в Лозовеньках был отправлен в полевой госпиталь. Тогда его в госпиталь приняли, а меня – отослали обратно в воинскую часть. Оказалось, что он попал в плен утром 26 мая, когда к полевому госпиталю неожиданно подъехали немецкие танки. Никакой стрельбы

не было. Всех ходячих раненых и больных немцы отправили пешком в сопровождении конвоиров на сборный пункт для военнопленных. А раненых и больных, не способных самостоятельно двигаться, включая моего сослуживца, они посадили вместе с медицинским персоналом на грузовики и привезли в Лозовую. Тяжело раненных и совершенно безнадежных они оставили в полевом госпитале вместе с хирургом и медсестрами, рассчитывая, что в остальном им помогут местные жители. Позже я несколько раз встречал тяжело раненных военнопленных, которых немцы вообще отпускали на свободу.

Часам к четырем в лазарет принесли совмещенные обед и ужин – горячую полужидкую кашу из пшена, которое не было отделено от примесей, как это обычно делают домашние хозяйки. В каше попадались даже частички мышиного кала. Но всё равно этого была для нас отличная пища. Врач разрешил мне съесть не более пяти ложек каши. Однако до принятия пищи пришлось выпить стакан с раствором марганцовки и съесть немного размолотого древесного угля. Благодаря ежевечернему приёму хинина ночные ознобы уменьшились.

Лейтенант-танкист из офицерского блока сумел навестить меня лишь один раз, так как вскоре всех обитателей этого отделения увезли дальше на запад. Лагерь постепенно, но медленно освобождался от пленных.

В третьей декаде июня меня «выписали» из лазарета. В тот же офицерский блок – отделение для бывшего командного состава, откуда я уходил, привел меня, сильно ослабшего и ставшего, как выражались пленные, полным доходягой, санитар, оставив мне для завтрака на следующий день кусок сваренной с борщом конины. С собой я захватил котелок с кипяченой водой. Врач дал мне еще пакетики с марганцовкой, молотым древесным углем и хинином для самолечения.

На этот раз в офицерском блоке людей было очень мало, ни одного знакомого лица не оказалось. Я вышел из конюшни и стал наблюдать, что же творится за лагерной оградой, сделанной из колючей проволоки. Вдоль ограды лагеря, скучая, прохаживались между сторожевыми вышками часовые с автоматами. Вдруг в степи раздались одиночные автоматные выстрелы, и я увидел, как двое немецких солдат погнались по траве за какими-то серыми зверьками. Одного, раненного и дико кричавшего, они поймали. Зверек оказался сурком. Охотники и часовые некоторое время полюбовались трофеем и закинули его на территорию лагеря. Несколько расторопных пленных тут же схватили сурка и потащили к костру. Счастливые

обладатели этого дармового мяса зажарили его, распространяя вокруг щемящий запах горящего жира. Некоторые пленные шли за теми, кому досталась порция мяса, и униженно и тщетно просили поделиться с ними.

Пока всё это происходило, я заметил одного капитана уже в годах, у которого на ногах были зеленые брезентовые «комсоставские», как их тогда называли, летние сапоги. Хотя они были достаточно ношенные, мне эта обувь очень понравилась и видом, и легкостью, и тем, что их вполне можно было носить без носков и портянок, которых у меня не было. Кроме того, они придавали бы мне вид, более соответствующий внешности лейтенанта. По этим соображениям я предложил капитану поменяться обувью, и он моментально согласился, сказав, что для грядущих холодов ботинки очень пригодятся. Я опять подумал, что вот люди смотрят далеко вперед, а я нет.

Рано утром в офицерском блоке появились немецкий старший лейтенант, переводчик и русский полицай. Нам дали команду – собрать свои вещи и проследовать к воротам лагеря. Там нас ожидал большой грузовик. Мы с трудом взобрались в кузов и уселись на деревянных скамейках, бросив под них вещевые мешки и шинели. Мне досталось место впереди – как раз рядом с конвоиром, который оказался дружелюбным и сентиментальным человеком. В конце концов конвоир вытащил из своего рюкзака… большой кусок круглого и зеленоватого цвета Kuchen – пирожного типа кулича, который ему испекла и прислала горячо любящая супруга. Карманным ножиком он поделил этот кусок на несколько порций, самую большую взял сам, а остальные отдал мне и моим товарищам. Конвоир очень медленно и аккуратно ел свой деликатес, а мы моментально проглотили наши порции, не пытаясь разобраться, что это такое. Я от имени всех нас поблагодарил конвоира, похвалив его жену и его самого, так что он чуть не прослезился.

Между прочим, у нас имелась возможность обезоружить конвоира и шофера машины и разбежаться на свободу. У меня такая мысль возникла, но чтобы осуществить её, у меня не было ни смелости, ни физических сил, поэтому я не стал говорить об этом другим пленным.

Судя по поставленному перед мостом указателю с немецкими буквами, мы переехали реку Самару, а потом – её небольшой приток, и оказались в городе Павлограде, почти не пострадавшем от военных разрушений, и остановились перед большими решетчатыми воротами довольно крупного пересыльного лагеря, устроенного недалеко от другого притока реки Самары.

Глава IV

Лагерь этот был организован немцами, по-видимому, на месте бывшего военного городка одной из пехотных частей Красной армии. Там имелись большие красные трех– и четырехэтажные кирпичные дома и несколько деревянных одноэтажных домиков и длинных бараков. Большую часть прибывших разместили в бараках, но многие остались на пустыре под открытым небом.

Большинство стекол на окнах домов было разбито, зато в некоторые помещения всё же поступала вода из частично восстановленного водопровода. Лагерь со всех сторон окружало плотное заграждение из колючей проволоки, по его четырем углам имелись деревянные вышки, на которых находились часовые, вооруженные автоматами или обычными винтовками. Распоряжались лагерем и руководили его охраной в основном немцы, которых было немного, а часовыми были… итальянцы. Иногда среди персонала лагерной охраны появлялись румыны. Итальянцы и румыны держались по сравнению с немцами не очень солидно и не очень серьезно, что вызывало у наших людей некоторое оживление и чувство преимущества перед ними.

Западная сторона лагеря, на которой главным образом и стояли деревянные домики и бараки, отличалась тем, что за ее оградой находился сильно заболоченный широкий овраг с высокими камышами и водой. В нем было очень много лягушек самых разных размеров, которые часто и громко, а ночами – непрерывно – квакали и урчали, не давая никому спать.

…После того как наш грузовик оказался внутри лагеря, нас встретили представитель комендатуры и переводчик из местных пленных. Наш конвоир, быстро спрыгнув с кузова, доложил этому начальству, что привез из Лозовой столько-то пленных русских офицеров, чтобы их определить для дальнейшего пребывания в Павлоградском лагере. Затем мы все сошли с машины, и немец через переводчика сообщил о блоке, где прибывшие должны быть размещены. Я сразу сказал переводчику, что нуждаюсь в лечении своего желудка из-за его большой слабости, а также страдаю от малярии. Затем повторил всё это по-немецки. Офицеру это понравилось и, задав мне несколько простых вопросов, он приказал переводчику устроить меня в лазарет, а повести остальных в офицерский блок.

Помощник главного врача, записав в приёмном журнале мои данные, привел меня в соседний барак, в котором было полно раненых и больных, размещенных в комнатах с окнами, почти не имевшими стекол. Из-за этого в помещениях было очень много

комаров и мошкары, которые ночами не давали нормально спать. Стены в комнатах пестрели надписями о том, что здесь был такой-то и такой-то с указанием даты своего нахождения, а иногда – места жительства. На потолках имелись электролампы, но электричества не было. Из мебели в «палате» были только столик и один стул. Соседи в первую очередь спросили, нет ли у меня курева. Я был вынужден огорчить их.

Выйдя из палаты, вместе с другими больными и ранеными я уселся на траве, наблюдая за двумя итальянскими солдатами из охраны. Солдаты принесли с собой две сумки-сетки. Одна из них была маленькой и с мелкими ячейками, а другая – большой и с крупными ячейками. Итальянцы периодически закидывали большую сетку в воду болота и ловили крупных лягушек, тогда как мелкие уплывали сквозь крупные ячейки. Пойманных лягушек они перекладывали из большой сетки в маленькую, которую постоянно держали в воде. Так примерно за час итальянцы наловили около 20 крупных лягушек. У бедных лягушек они отрывали задние лапы, клали их в кастрюлю, а тушки выкидывали обратно в болото. Наполнив кастрюлю, «охотники» очистили лягушачьи лапки, нанизали их на проволоку, которую натянули между двумя столбиками, забитыми в землю, а под проволокой разожгли мелкие дрова, чтобы зажарить лапки, подобно тому, как это делается при приготовлении шашлыка. Эту закуску они использовали к раздобытой у местных жителей «горилке» – крепкому самогону.

Посмотрев этот необычный «спектакль» у болота, я зашел в комнату вместе с двумя другими жильцами и познакомился с ними. Один – высокого роста и страшно худой – оказался москвичом, а другой, моложе первого и невысокий, был из Московской области. Оба попали в плен еще осенью 1941 года и пережили жестокую зиму в страшном голоде и холоде, работая на железнодорожных путях. В результате оба они окончательно подорвали своё здоровье. Первый уже не надеялся, что выживет, и полностью утратил силу воли, а голос его напоминал писк малого ребенка. Второй же, наоборот, был очень активен и всеми силами цеплялся за жизнь, мог даже вырвать кусок пищи у товарища, стащить то, что «плохо лежит».

Оригинальной личностью оказался в нашей «палате» бывший таёжный охотник с раскосыми глазами. Поговорить с ним мне не пришлось, так как он вообще помалкивал. Общался он главным образом с врачом, лечившим его от нервной болезни, в результате которой у него частично была потеряна чувствительность тела. Врач с фельдшером каждый день втыкали в его оголённую грудь стальные иглы, чтобы установить область,

не чувствующую боли. Во время этих процедур пациент стоял совершенно спокойно и подавал голос только тогда, когда возникала боль. Интересно было и то, что в точках погружения игл кровь не вытекала. Врач каким-то способом лечил эту область и радовался, что постепенно она уменьшается.

…Часам к четырем вечера санитары принесли в бачках из лагерной кухни пшенную кашу (к сожалению, горьковатую) и горячую кипяченую воду. Хлеба не дали. Свою порцию каши я уступил «доходяге» москвичу, а кипяток налил в котелок и улегся, поставив его на живот, чтобы таким образом прогреть желудок.

Под вечер я вышел из барака посмотреть на то, что происходило за колючей проволокой. Местные жители гнали домой скот с ближайших лугов, обрабатывали лопатами и тяпками свои огороды. Мне стало так тоскливо, что хотелось плакать навзрыд.

…На другой день в обед принесли что-то вроде свекольного борща с добавкой муки и мелкого картофеля, но на картофелинах попадалась земля, что придавало «борщу» темноватый оттенок. Но я опять провёл день без еды, выполняя указание врача. Перед сном, пытаясь принять дозу хинина, я случайно рассыпал лекарство и поэтому ночью сильно помучился от приступа малярийного озноба, так что на укусы комаров и мошкары уже не обращал внимания.

Почти в таком же режиме, как и первые два дня, прошли у меня остальные 8–10 суток, которые я пробыл в лазарете. К сожалению, врачу не удалось добиться у немецкой комендатуры сухарей для желудочных больных, и он уже не надеялся нас вылечить. На 10-е сутки после завтрака у нас появилось начальство в сопровождении немецкого переводчика. Зайдя в нашу «палату», они сообщили, что сегодня меня вместе с другими тяжелобольными отправят для дальнейшего лечения в городскую инфекционную больницу Павлограда.

Мы двинулись в путь. Погода была солнечной и жаркой. Шли не спеша. Все молчали. Я мучился от наступивших позывов в желудке, но надо было терпеть. Перед воротами больницы, которая со всех сторон была огорожена высоким кирпичным забором, одиноко стоял часовой-итальянец. Он подал сигнал свистком, и нам навстречу вышел немецкий ефрейтор, который повел нас в больницу.

Основным медицинским персоналом – врачами, фельдшерами и санитарами, а также хозяйственными работниками, там были военнопленные, проживавшие на территории больницы. Нас «рассортировали» по видам

болезней и определили места. Меня, как больного дизентерией, поместили в правом крыле здания – в пятиместной палате рядом с туалетной комнатой, где были умывальник и параша. В палате имелись два окна, выходившие во двор. Больные размещались на железных пружинных кроватях, и приходилось спать на шинелях.

Врач, поговорив со мной, разрешил мне съесть весь обед и попить вечером чай с сухарями, подслащенный еще не знакомым мне сахарином. А утром обещал решить, как лечить меня дальше от дизентерии, принявшей, по его словам, очень тяжелую, но еще не безнадежную форму.

Вскоре после ухода врача санитары принесли обед. Меня удивило, что по качеству он заметно отличался от того, что нам давали в лагере. Это был густой гороховый суп с проблесками жира и кусочками мяса.

После обеда я попробовал полежать на кровати, но ячейки железной сетки больно вдавливались в моё худое тело, и я не смог уснуть. Хотел разместиться на полу, но посчитал это неудобным перед соседями, которые спокойно лежали на своих кроватях. Так и промучился до вечера, пока не принесли ужин – бак горячего сладковатого чая, заваренного листьями какого-то дерева, и суточные порции: кому – черного хлеба, кому – сухарей. При этом полагалось половину порции съесть в ужин, а другую – на следующий день в обед. Но на практике пленные всю порцию обычно съедали за один раз. В ту же ночь с меня так «несло», что я почти всю её провёл в туалетной комнате, сидя со спущенными штанами на ведре, предложенном санитаром, так как пользоваться парашей не мог. При этом более часа трясся также от холода от приступа малярии. И, кстати, так происходило со мной еще несколько ночей.

На другой день врач вручил мне два пакета – один с марганцовкой, а другой – с порошком угля. Других лекарств у него не было. Он предупредил меня, чтобы я пока не ел жирные продукты, особенно ливерную колбасу местного производства, которую иногда будут давать на ужин. Если принесут куриные яйца, что мало вероятно, то лучше есть только желток. Придется также отказаться от овощей и фруктов. А дальше всё будет зависеть от меня самого, вернее, от моего организма.

После ухода врача у нас появился мужчина средних лет в комсоставской одежде и хромовых сапогах. Он сказал, что прибыл поздно ночью и поселился в соседней комнате. Потом он попросил нас не выдавать немцам его секрет. Дело в том, что он устроился в эту больницу с большим трудом под видом желудочного больного, а на самом деле он заразился

венерической болезнью – схватил триппер от одной симпатичной женщины в селе, которое раньше было оккупировано немцами, потом освобождено, а затем вновь потеряно. И если немцы об этом узнают, то ему грозит расстрел и сильно пострадают врачи. Мы заверили товарища, что всё будет хорошо, тем более что он оказался отличным рассказчиком, очень душевным и компанейским человеком.

Сидя в палате, я начал записывать по памяти в студенческой зачетной книжке адреса родных и близких. Записывал их сохранившимся в кармане гимнастерки огрызком простого карандаша. В это время внутрь палаты заглянул итальянский охранник и поприветствовал меня. Я ответил ему по-английски, так как раньше изучал этот язык в институте три года. Оказалось, итальянец немного знает английский, и у нас с ним и начался разговор, который мы дополняли пантомимой. Выяснилось, что до войны мы оба были студентами – я в Москве, а он в Болонье. Он угостил меня сигаретой и еще одну дал в запас.

Он поинтересовался, чем я болен, и сказал, что Бог мне поможет, я выздоровею. А в подтверждение сказанному достал из кармана молитвенник, напечатанный на итальянском языке на двух листках белой бумаги, и подарил мне его с надписью «Воладимир от Марио». Я с благодарностью принял молитвенник и носил его с собой взамен утерянного маминого «талисмана» вплоть до окончания войны. Наверное, он тоже помог мне выжить в плену.

К сожалению, дружба с этим милым итальянцем закончилась уже через два дня: он больше не появился во дворе больницы – видимо, его отправили на другое место службы.

Однажды я проснулся среди ночи из-за того, что наш интеллигентный сосед рассказывал какую-то историю. Оказалось, все слушали подробное изложение романа А. Дюма «Граф Монте-Кристо». Разумеется, я тоже заслушался рассказом, который длился почти до рассвета. Но аналогичные рассказы повторялись и в другие ночи.

Глава V

Наступило утро третьего дня моего пребывания в больнице. Я по-прежнему чувствовал себя плохо: сильно ослаб, с трудом передвигал ноги. В тот день врачебный обход закончился тем, что у всех проверили температуру, которая у меня оказалась ниже 36 градусов. В туалетной комнате меня взвесили на стареньких и расшатанных весах. Во мне было только 38 килограммов. От грустных мыслей я спасался тем, что стал записывать

в небольшую тетрадку немецкие слова, которые считал наиболее необходимыми для разговора с немцами. Эти слова я находил в своем немецко-русском словаре. Конечно, этого не потребовалось бы делать, если бы у меня был русско-немецкий словарь. Но, с другой стороны, таким образом немецкие слова хорошо запоминались, и к тому же большое внимание я уделял разговорной речи, а также повторению вслух слов и предложений. Кроме того, я читал и переводил для себя все попадавшиеся на глаза немецкие тексты. Эти самостоятельные уроки немецкого языка у меня проходили ежедневно и занимали чуть ли не весь световой день. Поэтому в больнице мне не было скучно и я не чувствовал себя обреченным, хотя передвигался с большим трудом и не было даже сил снять с себя гимнастерку.

Четвертый день моего пребывания в больнице ознаменовался тем, что после завтрака состоялся визит высокого немецкого начальства, сопровождаемого нашим врачом, фельдшером и другими лицами. Среди визитеров находились также два переводчика. Главный немец – подполковник медицинской службы – был уже в годах. Он носил не обычные очки, а пенсне. Его мундир украшала лента Железного креста второй степени. Лицо главного немецкого врача выглядело добродушным.

Вся компания подходила к кроватям, на которых сидели или лежали больные, и наш русский врач сообщал через переводчика, чем болен данный человек и как его лечат. Тот принимал сказанное к сведению, кивал головой и иногда давал какие-то указания нашему персоналу. При этом в разговорах принимал участие и русский переводчик.

Когда компания оказалась у моей кровати, я сразу, хотя и с большим трудом, поднялся с нее и встал по стойке «смирно», что очень понравилось немцам. А затем на многие вопросы главного врача обо мне, задаваемые русскому врачу, я стал отвечать сам на немецком языке, чем вообще привёл всех чуть ли не в восторг. Немец ободрил меня, сказав, что я обязательно скоро выздоровею, для чего он постарается лично.

На следующий день утром ко мне явились немецкий ефрейтор и русский переводчик, которые принесли в банках черную и желтую масляную краску, кисточки и кусок тонкого железного листа. Мне предстояло написать красками на том листе черными латинскими буквами на желтом фоне «ABORT», что по-русски означает «УБОРНАЯ». Это была вывеска для новой уборной, построенной специально для медицинского и обслуживающего персонала больницы. Поскольку я малярным делом никогда не занимался, у меня на эту работу ушло чуть ли не полдня, и к тому же я еле отмыл руки.

Вечером мой лечащий русский врач и немецкий фельдшер вручили мне два пакета с таблетками: коричневыми – против дизентерии и с акрихином – против малярии. Другой наградой за работу стало то, что к ужину тот же ефрейтор принёс пять сигарет, около десятка сухарей из белого хлеба и… большой кусок ливерной колбасы, которую сразу пришлось отдать соседям. Все сигареты я скурил в течение трех дней, разламывая пополам и отдавая докурить соседям.

Однажды после завтрака кто-то под окном несколько раз громко назвал по фамилии одного из моих соседей. Оказывается, ему принесли в горшке горячий борщ, а в узле – куски хлеба и сала, помидоры и свежие огурцы. Товарищ, получивший такой подарок, заявил, что это продуктовая передача от его городских знакомых, у которых он квартировал в прошлом году. Помидоры и огурцы он порезал на доли и раздал их соседям.

Этот случай привел меня к одной, казавшейся безумной идее. Я решил написать на листке бумаги свою фамилию, имя, возраст, военное звание (лейтенант), бывшее место жительства, профессию, а главное – сообщить о тяжелом положении со здоровьем. И эту записку с просьбой о помощи я задумал передать в город. И неожиданно такая возможность представилась. В соседней комнате, где скончался больной, через открытое окно я увидел, что двор метет какой-то мужчина. Оказалось, что он тоже военнопленный. Я попросил его дать закурить, но он ответил, что табака у него нет. И тогда я предложил ему бросить за ограду мою записку, заплатив за это имевшиеся ещё у меня 30 рублей. Затем оставалось только ждать, к чему приведет моя затея или чем она закончится.

Наступило 18 июля – день моего рождения. Мне исполнился 21 год. Едва закончился завтрак, как я услышал со двора громкий голос переводчика: «Лейтенант, Владимиров! Подойди к выходу, тебе передача из города!» «Как же ты сумел завести в городе любовь – и даже не одной, а двух девиц?» – удивился переводчик. Он вручил мне маленький глиняный горшочек с горячим борщом и белый узелок, в котором оказались бутылка с киселем из черешни, два вареных яйца, несколько картофелин и черных сухарей – замечательный подарок ко дню рождения! К передаче была приложена записка. В ней говорилось, что её пишут живущие по соседству с больницей девушки, которые нашли на улице мое послание и с одобрения своих родных и знакомых подготовили эту скромную передачу, надеясь, что она поможет моему выздоровлению. Они обещали и дальше делать мне передачи через переводчика, с которым они хорошо знакомы. Им хотелось получить от меня письменный ответ. Я написал

девушкам более подробную записку, а переводчик, почему-то уверовав, что я его не выдам, сообщил, что девушки раньше были активными комсомолками и поэтому побаиваются сообщать свои адреса и имена. Однако переводчик всё же назвал мне их имена и фамилии.

Обе девушки продолжали носить мне разные передачи через три-четыре дня, пока меня не выписали из больницы. Этих девушек я увидел лишь мельком у ворот больницы, когда немецкий конвоир уводил меня обратно в лагерь, туда они принесли мне последнюю передачу.

…И вот наступил день, когда у меня появился такой аппетит, что, нарушив запрет врача, я с жадностью съел всю 150-граммовую порцию местной ливерной колбасы, а затем выпил кружку чая с двумя сухарями и не стал принимать угольный порошок. Решил: лучше умереть, чем так страдать. И случилось чудо: ночью и на следующий день никакой рези или болей в желудке не было. В обед я с жадностью съел борщ с мясом и пшенную кашу со сливочным маслом, которую принесли мне знакомые девушки. В ужин я опять съел всю порцию ливерной колбасы и пренебрег всеми средствами лечения. К общему удивлению, я почувствовал себя лучше, и врач разрешил мне выходить из больницы на свежий воздух.

В тот же день в нашей палате появился новый санитар – рослый и упитанный мужчина средних лет, аккуратно одетый в гимнастерку с широким комсоставским ремнем и в брюки-полугалифе, заправленные в хромовые сапоги. Во время прогулки во дворе он заговорил со мной и расспросил о том, где я воевал, как попал в плен.

На следующий день после завтрака санитар застал меня в туалетной комнате. Увидев это, он сказал, что устроит во дворе очаг и поставит кипятиться ведро с водой, в которую мы погрузим для дезинфекции мою одежду, а шинель просушим на солнце. Так мы и поступили. Совершенно голый и босой я весь день провел у очага, подкладывая дрова. А затем санитар предложил мне помыться горячей водой с мылом. Утром санитар отвел меня в укромное место и сказал, что хочет доверить мне большую тайну. По его словам, Павлоград стал центром, где находится Днепропетровский областной комитет партии и нелегально действует его первый секретарь. Он очень нуждается в надежных людях. В связи с этим санитар предложил мне бежать вместе с ним и еще одним товарищем из больницы в город. Бежать нужно было той же ночью, так как на другой день его могли арестовать, поскольку один из работников хозчасти догадался, что санитар – еврей, и, наверное, уже донес на него немцам.

Предложение о побеге застало меня полностью врасплох, поэтому я попросил санитара подождать ответа до обеда. С одной стороны, мне очень хотелось на свободу, а с другой – было ясно, что я еще слишком слаб для такого дела и могу оказаться обузой для товарищей. Так я и сказал санитару.

После обеда я лег спать и проснулся из-за доносившихся со двора громких криков и шума. Оказалось, что двое из обслуживающего персонала больницы, которым запрещалось выходить в город, преодолели высокий кирпичный забор и скрылись. Одним из них был мой знакомый санитар. Около забора охранники нашли небольшую веревочную лестницу. Судя по тому, что побег состоялся в дневное время, а не ночью, как предполагалось, для санитара, видимо, сложилась критическая ситуация.

Через два дня от сидевших во дворе больных я услышал, будто бы в нашей больнице находится первый секретарь Днепропетровского обкома партии Сташков. Его ранили при аресте и привезли для перевязки. В тот же день я увидел, как двое немецких конвоиров уводили куда-то с трудом шагавшего раненного человека. В 1973 году я узнал о дальнейшей судьбе Н. И. Сташкова из книги «Говорят погибшие герои», которую мне подарили незабвенные друзья – профессора Борис Борисович Диомидов и Никита Васильевич Литовченко. В ней, в частности, было написано, что Сташкова арестовали в Павлограде 28 июля 1942 года и казнили в январе 1943 года. А в 60-х годах со мной в Москве некоторое время работал Валера Сташков, сын Героя Советского Союза Н. И. Сташкова.

…Оказавшись снова в лагере для военнопленных, я обратил внимание, что и на земле, и на сторожевых вышках находились молодые охранники в темно-зеленой форме. У пленных – в отличие от охранников – на спине, левой груди, на правом колене, а также на пилотке были нанесены желтой или красной масляной краской буквы SU, что расшифровывалось как Советский Союз. К великому моему изумлению, охранники оказались моими соотечественниками – русскими, украинцами и т. д., перешедшими на службу к немцам. Немцы называли их добровольцами вспомогательной службы или, кратко, «хиви» – от сокращенного немецкого слова «Hilfseillige (хильфсвиллиге)», буквально – «готовые помочь». Каждый из них получал питание как немецкий солдат и зарплату, а также дополнительное довольствие.

В лагере появилось множество новых военнопленных, пригнанных из-под Севастополя. В офицерском блоке меня поселили с двумя кавказцами. Мы представились друг другу.

Одного соседа, армянина, звали Вартан, а другого, азербайджанца, – Али. В Красной армии они служили врачами и попали в плен под Севастополем. По дороге в лагерь многие умерли от истощения. От Мелитополя пленных везли в товарных вагонах и на платформах. Основную массу людей доставили в Днепропетровск, а часть – временно в Павлоград.

Естественно, я тоже рассказал соседям о себе, отметив, что долго болел дизентерией и малярией и боюсь, что болезнь возобновится. Посмотрев на мою облысевшую голову, а также пощупав живот, оба врача предположили, что я болел не малярией и расстройством желудка, а брюшным тифом. Насколько они были правы, не мне судить.

Прогуливаясь по лагерю, я смотрел, не увижу ли знакомых, и был рад встретить «доходягу»-москвича. Он сообщил, что его пронырливый сосед неделю назад «приказал долго жить». Сказал, что ему очень хочется поесть перед смертью «свежего и сладкого огурчика».

Привезли обед. Оказалось, это был давно знакомый мне пустой – без мяса и жиров – свекольный борщ. Опасаясь снова расстроить желудок, я процедил суп и съел лишь немного жижи от этого «борща» и очистил ногтями картофелины. И на этом обед закончился. И я как был голодным, так и остался.

Я взял шинель и улегся в тени дома. Не знаю, сколько я поспал, но проснулся от шумного «представления», которое устроили охранники лагеря. Они прошли строем с винтовками, и на очень плохом немецком языке раздалась команда начальника: «Смена, стой!» Группа остановилась перед сторожевой вышкой. Оттуда к начальнику караула быстро спустился с винтовкой часовой и попытался тоже по-немецки доложить, что на вверенном ему посту всё в порядке и никаких особых происшествий не было. Начальник, владевший немецким еще хуже, чем часовой, ничего из доклада своего подчиненного не понял и громко по-русски выругался матом, но приказал, чтобы часовые во время несения службы разговаривали между собой только на немецком языке. Смененный охранник пристроился к хвосту группы, и она зашагала к следующему посту. Похожие сцены происходили каждые сутки, и смотреть на них было забавно и противно.

До наступления темноты я побывал на площадке, где собирались обитатели офицерского блока. Общаясь с ними, я узнал, что в соседнем домике жили два перебежчика. Один из них был пожилой, небольшого роста и седовласый русский, а другой – белокурый осетин, значительно моложе русского. В этом же домике проживали три рядовых астраханца, т. е.

бывших жителей Астрахани. Они согласились служить немцам в качестве проводников в свой город через калмыцкие степи. И перебежчики, и астраханцы получали от своих хозяев дополнительное питание. Среди обитателей лагеря были также лица, согласившиеся служить немцам в качестве их ставленников при оккупации Северного Кавказа, которая планировалась на ближайшее время. Одного из них – бравого молодого человека, очень наглого и самоуверенного, немцы уже «командировали» в Краснодарский край, и мне пришлось быть свидетелем его шумных проводов. Возможно, оба моих соседа – тоже кавказцы, были теми, на кого немцы «положили глаз» в расчете на захват Азербайджана и Армении.

Утром, усевшись на своей кровати, я принялся за занятие немецким языком с помощью словаря. Моё занятие очень заинтересовало Вартана. Он подсел ко мне и попросил разрешения посмотреть словарь, а потом предложил, чтобы время от времени я давал ему пользоваться словарем, за что он будет оказывать мне разные услуги. В частности, обещал контролировать моё здоровье и давать мне необходимые лекарства, которыми он запасся. Предложил даже получать для меня завтраки, обеды и ужины. Естественно, я согласился, хотя понимал, что мне придется сократить время своих собственных занятий и, кроме того, потратить время на помощь соседу. По-видимому, Вартан, как и я, понял, что без знания немецкого языка невозможно обеспечить себе более или менее нормальную жизнь. Как мы и договорились, Вартан ежедневно периодически прослушивал меня и заставлял принимать соответствующие таблетки. С ним мне стало легче жить, но словаря я почти постоянно лишался.

Примерно часа за два до обеда русский полицай – начальник по офицерскому блоку вывел всех его обитателей на площадку и заставил прослушать изложение очередных оперативных сводок Германского главного командования о положении на германо-советских фронтах. Это прослушивание происходило через каждые сутки, кроме воскресений. Доклады делал немецкий переводчик по газете или по специально приготовленному им тексту. Он сообщил, например, что части доблестной Германской армии продолжали успешно наступать на восток – к Сталинграду, преодолевая упорное сопротивление Советов, а также на Северном Кавказе, где, в частности, заняли небольшой, но важный город Моздок. Немецкие альпийские части «Эдэльвайсс» обосновались на вершине Эльбруса и ведут борьбу за выход к Черному морю – к городу Сочи. На Кавказе местное население различных национальностей, особенно коренное,

поддерживает наступающие войска, даже доставляет им на плечах тяжелые ящики со снарядами. Плохи дела и у англоамериканских войск в Африке.

…На четвертые сутки моего пребывания в офицерском блоке меня неожиданно позвал молодой русский охранник и тайком вручил сумочку из белого полотна. В ней оказались несколько спелых красных помидоров, четыре больших огурца, толстый пучок зеленого лука, кусок черного хлеба и немного соли. Эту передачу мне просили передать мои знакомые девушки из города, предупредив, что они не стали вкладывать махорку, чтобы курением я окончательно не подорвал себе здоровье. Возможно, на днях они опять организуют такую же передачу. Охранник ушел, а потом, в сопровождении обеих девушек, появился далеко за проволочной оградой лагеря. Мы помахали друг другу руками, и больше ни того охранника, ни девушек я не видел.

Заметив среди присланных девушками овощей огурцы, я вспомнил о московском «доходяге», мечтавшем съесть свежий огурец. Подойдя к проволочной ограде, отделяющей лазарет от офицерского блока, я попросил одного из больных, сидевших поблизости на траве, вызвать ко мне того товарища. Москвич с трудом подошел ко мне и поздоровался еле слышным голосом. Я сразу же, не говоря ни слова, протянул ему большой огурец и ломтик черного хлеба с перышком лука и щепоткой соли. Он взял дрожащими руками угощение и ушел со слезами на глазах. Мне тоже хотелось плакать, но слез не было…

На следующий день после обеда меня окликнул фельдшер лазарета и передал глубокое возмущение главного врача моим поступком, в результате которого москвич скончался. Его смерть была целиком на моей совести, поскольку покойному было категорически запрещено принимать сырые овощи. С одной стороны, мне было очень грустно от этого известия, а с другой – как-то даже хорошо, что я исполнил предсмертное желание человека.

Через несколько дней после происшедшего, закончив ужинать, я почувствовал, что… ничего не вижу. Ощупью вышел из домика и, взглянув на небо, заметил на совершенно темном фоне огромный красный шар, напоминавший полную луну в полуночные часы. Оказалось, что так для меня выглядело солнце. Кое-как я возвратился в комнату. Вартан посоветовал мне полежать час с закрытыми глазами. Я послушался его, и действительно зрение ко мне вернулось. Потом я походил по территории вместе с Али, которому рассказал, что я по национальности – чуваш, представитель народа тюркской

(как и азербайджанцы) группы, но исповедующего православие. Мы обнаружили, что в наших языках имеется множество одинаковых слов, но азербайджанцами и чувашами они произносятся совершенно по-разному. Это общение нас очень порадовало. На следующий день я случайно разговорился с перебежчиками – русским и осетином, к которым почти все обитатели блока относились с некоторым пренебрежением, из-за чего они испытывали неловкость. Они сказали мне, что попали в плен не в окружении и не в большой группе военных, а каждый поодиночке, и поэтому для них лучшим выходом было признаться немцам, что они являются перебежчиками.

После ужина с моими глазами опять повторилось то же самое, что и вчера вечером. В течение часа я отлежался на кровати, но это не помогло – зрение не вернулось. Вартан и Али пришли к выводу, что я заболел… куриной слепотой, а для излечения мне необходимо хотя бы несколько суток употреблять печёнку или хотя бы мясо, о чем в наших условиях невозможно было даже мечтать. И в тот же вечер я едва не лишился жизни. Случилось это так. Я захотел в туалет и неуверенно зашагал к большой длинной яме, вырытой почти рядом с оградой из колючей проволоки. Но оказалось, что я просчитался примерно на метр и уперся рукой в проволоку. В результате часовой на вышке получил соответствующий сигнал, и, увидев меня, держащегося за ограду, подумал, что я собираюсь бежать. Поэтому часовой немедленно открыл по мне предупредительный, пока не прицельный огонь. Пули засвистели вокруг моих ног. Я немедленно упал на землю, едва не свалившись в яму уборной, и стал кричать: «Не стреляйте, не стреляйте. Я ничего не вижу!» Услышав выстрелы, из домика выбежал Вартан и кинулся ко мне на помощь. Вартан объяснил охраннику, в чем дело, и всё успокоилось.

Сосед помог мне оправиться, привел в комнату, уложил на кровать. И тут растроганный тем, что Вартан, по существу, спас меня от смерти, я предложил ему взять себе насовсем мой немецко-русский словарь – последний подарок моего незабвенного отца. Вартан с великим удовольствием согласился.

В эту ночь я спал очень плохо, думая, как быть дальше с лечением глаз. Печень или мясо, конечно, не достать. И тут мне вспомнилось, как итальянские охранники ловили в болоте лягушек и жарили на костре их лапки. «А почему бы и мне не заняться тем же? – подумал я. – Только вместо зеленых лягушек, до которых мне не добраться, можно наловить обыкновенных черных жаб, даже самых маленьких, которые в большом количестве водятся вокруг наших домиков».

На следующий день, утром, когда я снова стал видеть, я приступил к выполнению своего плана по организации «мясного» питания. Вартан сказал, что мне понадобится перочинный ножик, и подарил его мне. Оба мои соседа привели в порядок печку, а я без особых усилий наловил под бревнами домиков и в траве более десятка жаб и зеленых лягушек. Свою добычу, тщательно очистив от кожного покрова, я переложил в консервную банку и поместил её на очаг. Скоро из банки потянуло очень приятным запахом, напоминавшим запах курятины и одновременно рыбы. Менее чем через час «мясо», имевшее белый цвет, было готово, и я с великим удовольствием съел его.

Поскольку куриная слепота продолжала меня мучить, я каждый день ловил земноводных и переводил их в «мясо». Как ни странно, моя болезнь начала исчезать, и через неделю я стал нормально видеть.

…В конце августа 1942 года наступил день, когда моё пребывание в Павлоградском лагере закончилось. После завтрака в офицерском блоке появились немецкий и русский коменданты, охранник и немецкий переводчик. Переводчик сообщил, что нам всем, за исключением Вартана, Али, «астраханцев», перебежчиков и еще нескольких лиц, надо собраться у ворот лагеря с личными вещами. Я уже собрался уходить, когда у меня перед глазами появился облик отца, вручавшего мне словарь. Мне стало очень больно, что я теряю отцовский подарок, и поэтому я осмелился попросить Вартана вернуть мне словарь. Али пристыдил меня за беспринципность и бесчестность, но словарь отдал, отказавшись взять обратно свой перочинный ножик.

У ворот нас дожидалась большая грузовая автомашина со скамейками в кузове. В сопровождении немецкого охранника мы тронулись в путь – на запад.

Глава VI

Мы проехали через небольшой город Новомосковск и после небольшой остановки прибыли в Нижнеднепровск[6], а затем направились к Днепру.

На обоих берегах Днепра недалеко от моста немцы установили мощные зенитные орудия, чтобы отражать налёты советской авиации. Переехав медленно Днепр по восстановленному частично мосту, наш грузовик поехал по городу и долго петлял много по улицам. Перед закатом солнца мы подъехали к одному из главных пересыльных лагерей, устроенному в огромной старинной тюрьме, вся территория

которой была огорожена высокой (наверное, до 10 метров) толстой кирпичной стеной. Тюрьма находилась недалеко от металлургического завода им. Г. И. Петровского, «украинского старосты» первых лет советской власти, чьей фамилией назван и сам город…

…В тот вечер наш водитель грузовика – немецкий старший ефрейтор – остановил машину перед массивными воротами тюрьмы, вышел из кабины и отдал часовому какую-то бумажку, после чего завёз нас к кирпичному зданию внутри двора. Здесь мы неожиданно увидели пленных сапожников по обеим сторонам ступенек, расположившихся на табуретках с соответствующим инструментом.

Нас завели в камеру размером примерно в 20 кв. м, совсем не имевшую окон и слабо освещаемую сверху одной яркой электрической лампой. Никакой мебели, даже стула, в камере не было. В углу камеры стояла огромная параша – открытая металлическая бочка, к которой сбоку была прислонена деревянная ступенчатая лестница. Стены, окрашенные вплоть до потолка синей масляной краской, были усыпаны жирными темно-красными клопами, и везде виднелись полосы от раздавленных паразитов. Надзиратель сказал, что нам принесут бочку горячего борща, а другой еды не будет до утра. Утром нас распределят по другим камерам. Вскоре действительно нам доставили бочку с горячим борщом, который ничем не отличался от того, что нам давали в лагере. И мы все ночью доотвала наелись этого борща – баланды.

Утром к нам пришли со столиком и табуреткой русские писарь и переводчик, а также представитель немецкий комендатуры. И как раз в этот момент я свалился на пол и не смог самостоятельно подняться из-за слабости и режущих болей в желудке. Немец через переводчика спросил, что со мной, и, получив ответ о моей инфекционной болезни, сразу же распорядился увести меня с вещами в тюремный лазарет.

Лазарет – двухэтажное и длинное белое кирпичное здание – располагался на заднем конце большого тюремного двора. Мы прошли через ряды лежащих на голом полу больных и раненых и пришли в комнату, где за столом сидел одетый в белый халат молодой врач или фельдшер. Он поинтересовался моим заболеванием и отвел мне место на полу, посоветовав пока ничего не есть.

Когда мне стало получше, я вытащил словарь и решил привычно заняться немецким языком. Как раз в это время ко мне подошел упомянутый медицинский работник, который сразу же заинтересовался словарем и с ходу попросил дать ему словарь

до завтра. Потом он сказал, что в тюремном лазарете нет никакой возможности лечить сильную дизентерию, поэтому при первой же возможности он отправит меня в городскую инфекционную больницу, а пока дал мне пакет с марганцовкой.

Утром меня отправили в больницу, а словарь так и остался в тюрьме у медицинского работника. Больница, огороженная со всех сторон толстой стеной высотой в человеческий рост, располагалась недалеко от Канатной улицы. Территорию больницы, которая была засажена множеством деревьев и кустарников, охраняли местные часовые. Врачи, фельдшеры, санитары и другой персонал были тоже из местных жителей, хотя иногда в больнице появлялись и немецкие военные врачи, контролировавшие русских коллег. Среди всего лечащего персонала я почти не видел мужчину, работали везде женщины, одетые в белые халаты. Больница содержалась главным образом благодаря скромным средствам, выделяемым городской управой, и пожертвованиям горожан и жителей окрестных сел. Пожертвования вносились преимущественно в виде хорошо отстиранного и отремонтированного постельного и нательного белья, одежды и, главным образом, – продуктов питания. Основными из этих продуктов были, конечно, хлеб, картофель, свекла, капуста, морковь, лук, мука, различные крупы, горох, арбузы, помидоры, огурцы и другие овощи, а также фрукты и ягоды, куриные яйца, свиное сало, молоко, сметана, творог и т. д.

Главным врачом в больнице была симпатичная и немногословная женщина средних лет – Е. Г. Попкова, имя и отчество которой, я, к великому сожалению, не запомнил.

В больнице я попал в первый корпус, где меня зарегистрировали, заполнив анкету, и я на этот раз не стал больше записываться лейтенантом и спокойно назвал себя рядовым бойцом. Затем медсестра и кастелянша (сестра-хозяйка) заставили меня полностью раздеться и сложить в угол всю одежду, которая подлежала «прожарке» для уничтожения вшей и возвращению только при выписке из больницы. В качестве нижнего белья мне выдали длинную с двумя бретельками тонкую… женскую ночную рубашку. Увидев моё недоумение, кастелянша объяснила, что в больнице мужского белья не хватает, и поэтому мужчинам приходится носить женское, поступающее как помощь от местного населения. Мне полагалась еще пара изношенных шлепанцев.

В палате, куда меня привели, находились стол, два стула и две металлические пружинные кровати с чистым бельем, подушками, а также тонкими одеялами и махровыми

полотенцами. Перед каждой кроватью стояла тумбочка.

Медсестра предложила помыть меня в ванне, находящейся в туалетной комнате. Я робко согласился. Она «загнала» меня голым в ванну и вымыла с мочалкой и мылом все тело, а потом неожиданно взяла меня в охапку и принесла на кровать. Такого со мной ни разу в жизни не случалось, и я был потрясен. Но это не помешало мне моментально уснуть.

Проснулся я из-за того, что в палату прикатили тележку с бачком борща из мелко потертой свеклы и картошки. Мне дали также пару сухарей и стакан компота. Я съел все с великим удовольствием. Потом меня подвергли тщательному медицинскому осмотру и оставили в покое до утра.

После ужина я быстро уснул, но среди ночи я вдруг почувствовал, что нахожусь в кровати не один – со мной оказалась знакомая медсестра. Она шептала, что хочет погреть меня своим телом и жалеет, что я сильно ослаб. Мы долго беседовали и рассказывали о себе в объятиях друг друга, но без поцелуев и попыток пойти дальше, что было для меня пока и неведомо, и невозможно из-за физической немощи.

Утром опять состоялся врачебный осмотр, и главврач пришла к заключению, что я, возможно, проболел брюшным тифом, а сейчас страдаю от дизентерии. Затем она дала мне пакетик с немецкими таблетками против дизентерии, которыми я уже пользовался раньше в Павлограде. Все последовавшие дни, почти до конца сентября, я тщательно соблюдал все рекомендации врачей и только благодаря этому выжил и окончательно избавился от дизентерии. Помогло этому и питание. Всю пищу готовили строго в соответствии с болезнью человека. Приносили нам мясные и куриные блюда и бульоны, горячее кипяченое молоко, вареные куриные яйца, а также арбузы и овощи. Большинство больных получали черный хлеб, а мне давали сухари. Было удивительно, как в чрезвычайно тяжелых условиях оккупации администрация больницы могла добывать эти продукты. Единственным недостатком в питании было то, что порции пищи были для многих больных очень малыми.

На второй день после врачебного обхода ко мне подселили пожилого соседа – типичного украинца родом из большого села под Винницей. Сосед, как и я, болел дизентерией в тяжелой форме. Он оказался большим весельчаком и занимательно рассказывал, как воевал в 1918 году рядовым красноармейцем с чехами, как дошел даже до Иркутска. Поскольку его болезнь трудно поддавалась лечению, одна из медсестер под его диктовку написала письмо, которое отправили семье больного. В письме он сообщал, что находится в Днепропетровске в плену у немцев,

сильно захворал и хотел бы, чтобы одна из его дочерей поскорее приехала проведать отца. Однако было очень мало шансов на то, что это письмо дойдет до адресата.

Как-то после визита врача сосед сказал мне, что из этой больницы по заключению врачей и с согласия немецких властей тяжело больных и тяжело раненных отпускают на волю. И, может быть, его тоже отпустят. Тогда он доберется до родного села и остаток жизни проведет в кругу семьи. Он добавил, что если и меня отпустят, мы вдвоем доберемся до его села и будем жить вместе.

Но мечтам соседа не суждено было осуществиться – примерно через неделю он тихо скончался во сне. А ко мне вскоре подселили нового соседа.

Как-то ночью у меня сильно разболелся зуб, и меня направили в стоматологическую больницу города в сопровождении медсестры. В камере хранения я получил свою одежду и подписал бумажку, на которой было написано, что я, такой-то, обязуюсь не убегать от сопровождающего меня лица. В противном случае медсестре и всему коллективу больницы грозили очень большие неприятности. По дороге я увидел кладбище. Среди высоких деревьев белели свежие кресты, имевшие одинаковые размеры, как в высоту, так и в ширину. К ним были прибиты дощечки с надписями готическим шрифтом, означавшие фамилию и имя покойного и даты его рождения и смерти. На некоторых издалека виднелось черное изображение нацистской свастики. Это оказались могилы немецких военных, павших на фронте и привезенных в город или умерших от ран в местных госпиталях. Здесь же были отдельные участки с захоронениями итальянцев, румын и венгров. Такое же кладбище было устроено и в Центральном парке культуры и отдыха Днепропетровска, примыкавшем к главной магистрали города. В кабинете стоматолога пожилая женщина-врач посчитала нужным расспросить меня, кто я и откуда, сколько мне лет, где жил, давно ли из Москвы и правда ли, что столица занята немцами. Побросав работу, в кабинет собрались другие врачи и санитарки. И всем было интересно меня послушать. Они очень обрадовались, когда я сообщил, что осенью прошлого года защищал в Москву, что немцы там потерпели сокрушительное поражение, и Сталин, как Верховный главнокомандующий, по-прежнему находится в столице. Затем врач «заморозила» мой зуб и легко, без боли, вытащила его. Она сказала, что надо поставить пломбы на два зуба, которые скоро могли заболеть. Она написала об этом записку для руководства инфекционной больницы.

Когда мы вышли от стоматолога, медсестра сказала, что у нас

еще много свободного времени и мы можем побывать на городском рынке. Он находился поблизости от вокзала. Я с удовольствием согласился, вспомнив, что именно с этого вокзала в июне 1940 года со студентами нашего института уехал на пригородном поезде в Днепродзержинск, где проходил практику и жил на частной квартире у Кошманов. Мне внезапно пришла мысль – вечером же написать Кошманам и попросить их навестить меня и, по возможности, помочь продуктами. Написав письмо, я отдал его какому-то прохожему, оказавшемуся у больницы, но ответа от Кошманов не получил.

…Когда мы вышли с рынка, медсестра остановилась на людном месте и сказала: «А теперь тебе предстоит заняться очень важным делом – будешь добывать нам пропитание». Она усадила меня на деревянный чурбак и вытащила из сумки рулончик белой бумаги, на которой крупными черными буквами было написано: «Подайте ради Христа убогому пленному и его товарищам на пропитание». Это «объявление» моя спутница повесила на гвоздь, торчавший из доски забора, и отошла в сторону, предупредив: «Сиди тихо и ничего никому не говори». И не успел я опомниться, как на одеяло передо мной прохожие стали кидать куски хлеба, головки подсолнуха, жареные семечки в пакетиках, вареные початки кукурузы, картофелины и фрукты, а также пожертвовали молоко в бутылке. Очень приятным сюрпризом оказался кисет с махоркой и листочками тонкой бумаги, который мне вручил один старик, свернувший для меня и цигарку. Другой старик дал мне полкоробка спичек. Несколько раз мимо меня прошли немецкие патрули и местные полицаи, но никто из них меня не прогнал. Так я просидел около полутора часов, после чего появилась медсестра и сказала: «Ну, достаточно набрали, а то не сможем всё унести. И вот, ты теперь, Юра, полностью испытал на себе старую заповедь “От тюрьмы и сумы не зарекайся”». Так же подумали я в себе.

Она забрала у меня кисет с махоркой и коробок со спичками, заявив, что мне, как «доходяге», сейчас ни в коем случае нельзя курить. Все крупные подаяния она завернула в одеяло, которое потом с трудом взвалила на спину. И так мы дошли до дома, где проживала медсестра. Здесь она выбрала часть нужных ей продуктов и занесла их в квартиру. После этого, добравшись до больницы, мы отдали продукты на склад, где мне разрешили взять с собой одно яблоко и одну грушу, предварительно подержав их в баке с кипящей водой.

Вечером в палату зашел из своей палаты сосед и пригласил меня «на чаек». Я не отказался и, взяв с собой яблоко и грушу, зашел в его палату. За столом сидела та же медсестра, с которой

я был в городе, и другая, тоже молодая и симпатичная. На столе находились полная бутылка местного самогона, называвшегося горилкой, тарелка с разными закусками, каравай хлеба.

Сосед сказал мне, что у него сегодня день рождения – исполнилось 25 лет. Я поздравил юбиляра и уселся за стол. Мы всей компанией распили его горилку и съели всю закуску, причем я не подумал о том, что это может иметь для меня плохие последствия. Затем сосед почему-то поинтересовался моим прошлым. Я принес и показал ему свой студенческий билет, что юбиляра очень удивило. Он стал подробно рассказывать о собственной жизни, часто применяя нецензурные слова. Оказывается, он до войны занимался воровством и грабежами, сидел за это в советских тюрьмах, но случайно освободился из заключения и перебежал к немцам. Затем юбиляр похвалился своим удостоверением личности, выданное немцами, и предложил мне, знающему немецкий язык, поступить также на службу после выздоровления. Наконец он окончательно опьянел, потерял дар речи и уснул прямо на стуле. Гостьи переложили его на кровать и укрыли одеялом.

На следующий день у меня появился новый знакомый – больничный парикмахер. Когда я грелся на солнышке, он подошел ко мне и представился Яковом. Я тоже назвал ему своё имя. Он дал мне закурить и лишь после этого начал разговор. Сначала Яша говорил о погоде, о своих клиентах, о врачах и о других не очень существенных вещах. Затем он стал осторожно расспрашивать меня: сколько мне лет, чем занимался, откуда родом, где жил и прочее. Я почувствовал, что за этим разговором кроется какая-то тайна, однако не попытался раскрыть её.

Наступил очередной день. После завтрака и врачебного обхода пришла за мной знакомая медсестра, я опять переоделся, и мы отправились в стоматологическую больницу. Оттуда опять на городской рынок «добывать пропитание». Однако в этот раз медсестра усадила меня с тем же «плакатом», но на другом месте, чтобы полицаи или немецкие патрули не обратили на меня внимание.

…Когда через несколько дней я только-только закончил ужин, ко мне пришла лечащий врач и сообщила полушёпотом, что меня включили в список безнадежных больных, которых скоро представят немецкой комиссии, дающей разрешение на свободное проживание на территории Украины. Мы подробно обсудили все проблемы, которые при этом могут возникнуть. Меня хотели представить комиссии как чрезвычайно истощенного человека и больного раком желудка в последней стадии. Врач научила

меня, как отвечать на вопросы немецких врачей. Определили также место моего будущего жительства. Я предложил считать им село в Винницкой области, о котором мне говорил сосед по палате.

Во дворе меня опять встретил Яша. На этот раз он признался, что он – еврей, которого врачи после выздоровления оставили работать парикмахером, но теперь стало очень опасно находиться в больнице. А дальше Яша предложил мне в ближайшую ночь бежать с ним в город, где у него есть надежные люди. Они нас оденут, дадут кров и окажут другую помощь.

Предложение Яши застигло меня врасплох. В последнее время я не думал о побеге, тем более что врач сказал мне о возможности легального освобождения из плена. Мне вспомнилось предложение соседа – идти на службу к немцам. Я подумал: «Надо же, один “друг” тянет меня в одну сторону, а другой – в другую. Нет уж, лучше никуда не пойду. Положусь лучше на судьбу, предначертанную сверху». Потом я походил вокруг корпуса, снова вернулся к крыльцу и опять столкнулся с позавчерашним юбиляром, который, как оказалось, уже давно ищет меня, чтобы пригласить повторно после ужина распить с ним и с двумя «девочками» новую бутылку горилки с обильным «закусоном». Поскольку к тому времени я практически выздоровел, мне постоянно хотелось есть, я с удовольствием согласился. У юбиляра я принял 100 граммов крепкого самогона и основательно закусил солеными огурцами и разной домашней снедью. «Девочки» юбиляра не обращали на меня никакого внимания, а с «хозяином» стола вели себя бесцеремонно: садились к нему на колени, лезли целоваться и расхваливали его за то, что он «неплохо устроился у немцев». Мне стало очень неприятно быть свидетелем всему этому, и я ушел из «веселой» компании. А утром на территорию больницы въехала легковая автомашина с тремя вооруженными мужчинами – двумя охранниками и фельдфебелем. Вскоре с матерной руганью они выволокли моего вчерашнего собутыльника и прямо в больничной одежде втолкнули его в автомашину.

Когда я вышел из корпуса, ко мне подошел Яша и предложил выбрить бритвой мою голову, лишившуюся почти всех волос, чтобы не я выглядел слишком безобразно. И я с ним тут же согласился, даже не подозревая, что перед предстоящей комиссией совсем не следовало этого делать.

На следующий день в мою палату пришла лечащий врач и прямо в белой женской ночной рубашке и в шлепанцах повела меня в кабинет главного врача, где уже находились несколько

«кандидатов» на выписку. Е. Г. Попкова представила меня немецкому шефу и стала через переводчика рассказывать ему, что я проболел малярией и брюшным тифом, в результате чего, в частности, лишился почти волос на голове, уже долгое время мучился дизентерией, которая никак не излечивалась и теперь грозит переходом в рак желудка. Кроме того, она отметила, что у меня слабое сердце и я не способен выполнять даже легкие физические работы. Е. Г. Попкову поддержали другие врачи. Однако немец с её предложением не согласился. Прежде всего, он заявил, что волосы на моей голове только что удалены бритвой. Затем он заставил меня снять рубашку, осмотрел моё тело со всех сторон, выслушал при помощи трубочки работу сердца и признал её вполне нормальной. Неопасным посчитал и состояние желудка. А по поводу сильной истощенности сказал, что это «явление исключительно временное» и оно быстро пройдет, когда в Германии меня хорошо откормят. В результате медики получили приказ – завтра же вернуть меня в Днепропетровский лагерь.

Итак, моя «свобода» не состоялась. Лечащий врач, догнав меня, заметила: «Как же это вы сообразили побрить голову как раз перед явкой на комиссию? Вы этим наверняка испортили себе жизнь и, кроме того, подвели нас. Еще вчера выглядели таким жалким, что немецкий доктор безусловно не стал бы к вам придираться»[7].

Уходя из больницы, я получил в камере хранения одежду и брезентовые сапоги. Когда стал их надевать, я решил взять в качестве портянок длинное махровое полотенце. Подумал: я его разрежу позже, а пока намотаю на одну ногу. Но сестра-хозяйка, несмотря на доверие ко мне, всё же решила проверить, всё ли я оставляю в порядке. Конечно, она сразу определила, что полотенца нет, и подняла большой шум, на который зашла проходившая мимо подруга кастелянши – моя знакомая медсестра. Обе женщины стали меня стыдить, и я, сняв с правой ноги сапог, вернул полотенце. При этом я робко заметил, что наступают холода, а носить мои легкие брезентовые сапоги без портянок невозможно. Вот меня и «попутал бес»! Медсестра удивилась, что я не мог ей раньше сказать об этом, – она бы достала их целый десяток. Но мне некогда было ждать.

Глава VII

Примерно к обеденному времени мы добрались до тюрьмы. Полицай пообещал, что нам сразу дадут горячий обед, однако без хлеба.

Режим пребывания в тюрьме в дневное время был более или менее либеральным: разрешалось свободно ходить по территории, заходить в некоторые камеры. Утром обитатели сами выносили парашу. Полицай доставлял в камеры свежую воду из водопроводного крана, работавшего в одной из секций корпуса. Он же с помощником привозил на тележке питание.

Раненных калек среди пленных я не видел. При мне основная масса пленных была доставлена из Крыма и, в частности, из-под Севастополя. Небольшими группами их периодически привозили и из других мест, а потом отправляли на запад, главным образом в Германию.

В тюрьме находились также гражданские лица – попавшие в руки немцев разведчики, подпольщики, хозяйственники. Были и обычные преступники. Там же содержали евреев и политработников Красной армии. В отличие от обычных военнопленных для них установили очень строгие условия содержания в тюрьме. Пленный командный состав был отделен от рядовых бойцов, ефрейторов, сержантов и старшин. Однако те из командиров, кто обладал здоровьем, позволяющим выполнять не очень тяжелые работы, скрывали своё командирское (а тем более комиссарское) военное звание, предпочитая ходить в рядовых.

В тюремной администрации работали главным образом украинские и русские полицаи, к которым следовало обращаться «пан» или «господин». Однако высшим начальством в тюрьме были немцы.

В основном распоряжались в ней военные чиновники соответствующего ведомства, а также неявно – офицеры СД – службы безопасности. Наружную охрану тюрьмы осуществляли также немцы, но еще на постах стояли многие из бывших советских людей.

Обустроившись в камере, я хотел было найти того медицинского работника, которому отдал свой немецко-русский словарь, но быстро раздумал делать это, так как совсем не помнил, как он выглядит, а его фамилию и имя в своё время не узнал. Так что с окончательной утратой словаря пришлось смириться.

В один из первых дней пребывания в тюрьме я проходил мимо большого четырехэтажного тюремного корпуса и остановился из-за того, что из его подвального помещения услышал через зарешеченное окно разговор на языке, во многом напоминавшем немецкий. Это помещение было заполнено несчастными евреями, обреченными на смерть, о чем они, по-видимому, знали. Среди них несколько стариков смиренно

молились Богу. Я не смог спокойно смотреть на них и впервые за долгое время заплакал.

Как-то утром я увидел, что несколько групп пленных, одетых в шинели и с вещевыми мешками за спиной в сопровождении немецких конвоиров выходили на улицу. Оказалось, они отправлялись на работы в город: одни – пешим строем, если идти было недалеко, а другие – на грузовых автомашинах. От полицаев мы узнали, что в городе их иногда кормят обедом, а когда они возвращаются, то съедают еще и тюремный обед. К тому же сердобольные местные жители часто дают им что-нибудь из еды. Меня и моего товарища эта информация очень заинтересовала, так как мы постоянно голодали. Поэтому я спросил у полицаев: «А как бы и нам попасть в эти группы?» Выяснив, откуда мы прибыли, полицаи «под секретом» сообщили, что именно они формируют так называемые рабочие команды. Нас обещали включить в их состав, но с одним условием: каждый будет должен ежедневно отдавать им что-либо из продуктов, полученных от жителей. Особенно их интересовала горилка, хлеб и сало. Мы единодушно согласились с этим условием.

Проходя мимо здания тюремной администрации, мы увидели, что немецкий унтер-офицер раздает пленным газеты. Каждому он вручал только по одному экземпляру, хотя многие пленные хотели получить по несколько газет, которые употреблялись в основном для свертывания цигарок. Мы тоже взяли по газете, на которой крупными черными буквами стоял заголовок «Клич». Оказалось, что эта газета, издаваемая на русском языке, предназначалась для советских военнопленных. В газете был дан краткий обзор последних оперативных сводок военных действий «доблестной Германской армии» на советском фронте и отчасти – на западном и африканском. В газете сообщалось, что на Смоленщине начинают раздавать крестьянам землю, отобранную у них большевиками. Военнопленных агитировали помогать Вооруженным силам Третьего рейха и «вести беспощадную борьбу с ненавистными народу жидо-большевиками». Были в газете и карикатуры на Сталина, Черчилля и Рузвельта, аналогичные тем, которые я раньше видел на фронте на листовках, сбрасываемых с немецких самолетов. Эта газета «Клич» выходила в Берлине с 1941 года раз в неделю, а в 1943 году её и другую газету – «За Родину», основанную в 1942 году, заменила «Заря», материалы которой были лучше и по содержанию и по стилю.

Закончив чтение газеты, я хотел положить её в карман, но один из пленных попросил отдать её в обмен на цигарку с махоркой, на что я с удовольствием согласился, так как очень

долго не курил. После обеда я позанимался немецким языком по сохранившейся у меня тетрадке и прогулялся по тюремному двору. Когда принесли ужин, я оставил на утро половину пайки хлеба и улегся спать, но часто просыпался то от укусов клопов, то от того, что замерзали ноги, и беспокоила мысль, удастся ли утром пристроиться к какой-либо рабочей группе.

Наконец наступило утро, и мы, наспех попив чаю, с вещами выбежали во двор, где полицаи присоединили меня и соседа к одной рабочей команде, а двух товарищей – к другой. На автомашине нас привезли к двухэтажному дому за оградой. К нам вышел фельдфебель в расстегнутом мундире и через ефрейтора, плохо говорившего по-русски, объявил, чем мы будем заниматься. Оказалось, что нам надо было перенести в противоположный угол двора груду кирпичей для строительства там трансформаторной будки. Чем быстрее мы закончим работать, тем лучше будет для всех, и нас сразу накормят обедом. К нам присоединилось человек десять немецких солдат, и мы выстроились цепочкой от груды кирпичей до места, куда их предстояло сложить, образовав живой конвейер с расстоянием между его звеньями более трех метров. Работа началась.

Для меня большим неудобством оказалось то, что немцы, передавая кирпичи, бросали их очень часто и высоко, так что я с большим трудом успевал их схватывать. Кроме того, у меня не было брезентовых рукавиц, как у немецких солдат, и я получал очень чувствительные удары, от которых образовывались раны. Я с нетерпением ждал, когда закончится эта мука. Но поскольку работа шла дружно и даже весело, она сближала и солдат и пленных, что доставляло мне некоторое удовольствие.

Работа продолжалась не более двух часов. Я увидел, что двое немцев закурили, и осмелился попросить у них курева. Солдаты, тронутые тем, что я обратился к ним по-немецки, дали мне пару сигарет, одну из которых я сразу же прикурил от их бензиновой зажигалки. Подошли и другие солдаты, и стали расспрашивать: сколько лет, откуда родом и прочее, и тоже дали несколько сигарет. От одного я получил маленькую шоколадку, что совсем поразило и меня, и моих товарищей. Но наш переводчик был недоволен, что беседа шла без его участия, и быстро прервал разговор.

Нас позвали на обед. За углом дома стояла, дымясь и распространяя аппетитный запах, полевая кухня. Немецкие повара приготовили нам густой чечевичный суп с большим количеством мяса.

Примерно часам к 16-ти команду привезли обратно в тюрьму.

Мы с соседом сразу поднялись в свою камеру, где, к своему удивлению, обнаружили кастрюлю с борщом, правда, уже остывшим. Есть борщ мы не стали и, разостлав на полу шинели, улеглись спать.

Вскоре нас разбудили прибывшие с работы соседи. Оказалось, что их команда собирала на поле урожай свеклы. Конечно, обедом их никто не покормил, но зато в их котелки, которые они поставили у проселочной дороги, жители окрестных сел и деревень положили кое-какое съестное. Им достались также два арбуза, один из которых они отдали полицаям, которые встречали группу у ворот. А нашу – ранее прибывшую команду – они «прозевали». Поужинав, я вышел в коридор и там прикурил сигарету у надзирателя от его бензиновой зажигалки. Я выкурил сигарету не целиком, так как у меня сильно закружилась голова. Оставшиеся «40 процентов» сигареты я отдал надзирателю.

Утром почувствовал, что у меня болят и руки и ноги. Я стал сомневаться, смогу ли в этот день отправиться на работу. Кроме того, оказалось, что ночью шел холодный дождь и наступила типично осенняя погода. Теперь не могло быть и речи, чтобы в своей обуви, тонкой и уже немного дырявой, я был способен выходить на работу. А между тем у ворот тюрьмы заканчивалось формирование команд.

Увидев меня, входящего в камеру, надзиратель поинтересовался, почему я не еду со всеми на работу. Я объяснил, что у меня нет ни носков ни портянок, из-за чего ноги в сапогах стали сильно мерзнуть. Не успел я это сказать, как мне в голову пришла идея – сделать портянки из куска шинели, отрезав ее на нужную длину. Надзиратель быстро принес ножницы, и мы укоротили шинель почти до колен. Я не знал, как отблагодарить за помощь надзирателя, и отдал ему пару принесенных вчера немецких сигарет, чем он остался очень доволен.

Можно сказать, что с этим надзирателем я подружился. Зная, что у меня нет ни мыла ни полотенца, он принес мне кусок белой ткани. Но мыла он достать не мог – на это требовались большие деньги. Я был так растроган вниманием надзирателя, что отдал ему последние сигареты.

Обедать мне пришлось одному. Но тот же надзиратель неожиданно принес мне в дополнение к борщу ломтик хлеба и кусочек говядины. Ночью я обнаружил, что у меня опухли и заболели несколько пальцев, поэтому пришлось снова отказаться от работы в городе.

1 октября 1942 года я всё же рискнул отправиться на работу, тем более что погода стояла сухая. Теперь на мне была короткая шинель, зато ноги были обуты в сапоги с длинными и толстыми

портянками. На этот раз рабочую команду, в которую я попал, немецкие конвоиры погнали несколькими группами на большое поле, огороженное со всех сторон проволочной сеткой. Нам предстояло убирать свеклу и морковь.

У ограды поля шла проселочная дорога, по которой на рынки добирались до города сельские жители. С разрешения часовых пленные, как всегда, выставили котелки и другую «тару» для подаяний. Группы, работавшие с морковью, захватили с собой и этот «деликатес», но всего по одной штуке – взять больше часовые не разрешили. Конечно, все ели морковь и во время работы. Продукты, «раздобытые» на поле, обеспечили мне еще трое суток относительно сытой жизни. На два дня хватило и махорки. В дальнейшем я не смог больше поработать в городе.

Новое в тюремной жизни случилось 3 октября. В этот день почти никого не отправили работать в город, а надзиратели объявили, что сегодня состоится регистрация всех рядовых, включая ефрейторов, сержантов и старшин, содержащихся в тюрьме. Регистрация началась сразу после завтрака и затянулась до самого ужина. Каждого подводили к столу, за которыми сидели писаря. Регистрировали только ходячих пленных, присваивая им порядковый номер, который состоял из длинного ряда цифр. Спрашивали фамилию и имя (отчество не учитывали), место и год рождения, место проживания, военное звание и род войск. Я на всякий случай сказал, что мне 18 лет, но не скрыл, что был рядовым и артиллеристом, а до войны являлся студентом.

Обитателям нашей камеры удалось пройти регистрацию лишь к ужину, из-за чего он совместился у нас с обедом. Перед уходом к ночному сну мы все вместе прогулялись по тюремному двору, обсуждая возможные причины и последствия проведенной в этот день «капитальной» регистрации и отнесения при ней каждого пленного к определенной группе. Коллеги вспомнили, что их уже регистрировали один раз, но очень бегло, в следующий же день после прибытия в тюрьму (а я тогда, как отмечал выше, этого избежал из-за срочного ухода в лазарет вследствие внезапного сильного заболевания).

4 октября после завтрака надзиратель объявил, что обед сегодня состоится раньше обычного, или его и вовсе не будет, так как к вечеру отправят в Германию. Перед выходом из тюрьмы нас обыскали и отнимали длинные ножи и ножницы, опасные бритвы, гвозди и другие острые предметы, а также спички и советскую литературу и некоторые другие вещи, недопустимыми для ввоза на территорию Германского рейха.

У некоторых пленных осматривали кожу на руках и ногах –

нет ли признаков какой-либо заразы. Подозрительного человека представляли стоявшему рядом врачу.

Меня обыскивал молодой, холёный русский полицай. Он обшарил вещевой мешок, но ничего из него не изъял. Затем заставил вынуть из карманов документы, при этом он особенно пристально рассматривал студенческий билет, но никаких вопросов мне не задал. Потом он взял в руки институтскую зачетную книжку, на последних страницах которой я написал карандашом адреса друзей. Он явно не знал, что с ней делать. Но эти записи позволили мне убедить полицая, что эта книжка стала теперь для меня блокнотом и никакой опасности она не представляет. Обыск закончился тем, что полицай всё же отнял у меня перочинный ножик, подаренный мне Вартаном, и мои брезентовые сапоги, вместо которых бросил мне под ноги чьи-то почти развалившиеся ботинки. Но это было уже слишком. Поэтому я отчаянно закричал по-немецки главному фельдфебелю: «Господин офицер, он отнял мои сапоги, я же не могу ехать в Германию босиком!» Немец подошел к нам, перекинулся со мной несколькими словами, задав обычные вопросы, и тут же приказал полицаю вернуть сапоги.

После того как обыск и осмотр пленных закончились, один из представителей тюремного начальства объявил через переводчика, что всех, кто прошел контроль, сегодня же отправят в Германию, и поздравил нас с этим «событием». Он пожелал нам счастливого пути и успешной работы на новом месте ради быстрого окончания войны и благополучного возвращения на родину. Всем отъезжающим выдали на двое суток примерно по 400 граммов хлеба.

Нашу колонну сопровождали до вокзала более 20 конвоиров, в большинстве русские и украинцы. Это были добровольцы «хиви», вооруженные советскими винтовками. Лишь несколько конвоиров впереди и сзади колонны были немецкими солдатами и имели автоматы. Когда колонна проходила мимо деревянных домиков, двое молодых пленных быстро выскочили из строя и скрылись между постройками. Конвоиры не сразу опомнились, но всё же побежали вслед, постреляли из винтовок, но вернулись ни с чем. После этого они обозлились и начали грубо подгонять отстававших пленных прикладами винтовок, громко ругаясь нецензурными словами. Больше попыток побега уже не было.

На железнодорожном вокзале уже стоял поезд, состоявший из паровоза и, кажется, 14 товарных и двух пассажирских вагонов. Нашей группе достался один из средних вагонов. Вагон был французским, доставленным немцами на Украину из оккупированной Франции.

У меня, очень слабого и к тому же уставшего после долгого пешего пути, не хватило сил взобраться в вагон. И когда один из конвоиров помог мне, я оказался самым последним из группы и с трудом нашел себе место, причем рядом с дверью, от которой сильно дуло. Вагон не имел «второго этажа» для лежания, поэтому там было невероятно тесно. В вагоне размещалось до 40 человек. Люди улеглись на грязном полу ногами друг к другу.

Днем вагон освещался лишь слабым светом из окошечка с решеткой, а ночью была почти полная темнота. Хотя окошечко не имело стекла и пропускало струи свежего воздуха, в вагоне царила страшная духота. Ни параши, ни бачка с водой в вагоне не было. Как только всех пленных загнали в вагоны, конвоиры закрыли двери и заперли их снаружи.

…В вагоне моим соседом слева оказался пожилой и сильно ослабший русский, а справа расположился, как оказалось, старший группы – здоровый и говоривший мощным басом украинец – шахтер лет 40 с мешочком жареных подсолнуховых семечек.

Мы постоянно находились закрытыми в своем вагоне и далеко не всегда могли видеть из единственного окошечка названия станций, которые проезжали. Из всех станций я хорошо заметил и запомнил лишь Шепетовку на Украине и Демблин в Польше. До места назначения мы добирались почти 9 суток. Расстояние, которое преодолел эшелон, составляло более двух тысяч километров. Очевидно, мы ехали по маршруту: Днепропетровск – Александрия – Смела – Белая Церковь – Фастов – Казатин – Бердичев – Шепетовка – Ровно – Ковель – граница Украины с Польшей – Хелм – Люблин – Демблин – Радом – Лодзь – Калиш – Острув Великопольский – Одолянув – граница тогдашней Польши с Германией – Бреслау – Лигниц – Бунцлау – Баутцен – Дрезден – Риза – Мюльберг (конечный пункт). Как только эшелон тронулся, я перестал думать о том, что меня ожидает, и, положив под голову мешок с вещами, крепко уснул.

Проснулся из-за того, что поезд резко остановился и меня бросило на соседа, который, однако, спал непробудно. Стояли мы очень долго. Все усилия, чтобы снова уснуть, ни к чему не привели, так как было темно и душно, многие храпели и стонали, да и тело стало чесаться, поскольку уже давно на одежде завелись вши, а также продолжали беспокоить мелкие раны на спине. Хорошо еще, что в вагоне было не холодно. Время шло ужасно медленно. Я стал вспоминать о прошлом, о родителях и близких, о друзьях.

Наконец рассвело, но поезд всё еще стоял. Очевидно, его загнали в тупик перед какой-то большой станцией. Многие проснулись. Теперь мне стало совсем невтерпеж от желания сходить «по-малому». И с этим надо было что-то делать. Я решил использовать для этого консервную банку, а потом вылил ее содержимое через окошечко. Кто-то, увидев это, стал возмущаться. Однако таким же образом поступили еще несколько человек, которые вынуждены были использовать свои… котелки. А один «пассажир» собрался было пустить струю в щель между дверью и полом вагона, но это привело в ярость старшего группы, который мгновенно вскочил на ноги и резко оттолкнул нахала от двери. Тот попытался вступить с соседом в драку, но быстро отступил.

Пока шла перебранка, дверь вагона открылась, и два конвоира приказали всем выйти, проветрить и убрать вагон перед завтраком. При этом конвоиры разрешили нам оправиться, но только на виду у них, чтобы никто не мог убежать. Дали также возможность умыться водой из канавы рядом с железнодорожной колеей. Аналогичная процедура совершалась каждые утро и вечер, пока эшелон находился в пути. Мы успели также вымыть в канаве «посуду», использованную накануне для туалета, а потом набрали воды с собой. Пока мы находились вне вагона, двое пленных, отобранных конвоирами, успели подмести пол вениками из веток деревьев.

Вскоре после того, как нас снова загнали в вагон, поезд медленно тронулся. Давно уже наступило время для завтрака. Кое-кто еще имел в мешке запас продуктов, в том числе оба моих соседа: левый, не спеша, съел лепешку с кусочком сала, а правый стал грызть семечки, аккуратно складывая лузгу в кружку. А я в это время смотрел на них и «пускал слюнки». Несколько человек ограничились тем, что свернули цигарки.

Минут через 20 поезд остановился на станции, чтобы набрать угля и воды для паровозного котла. Все надеялись, что здесь нам дадут хотя бы попить, но этого не случилось. Поезд отошел и продолжал медленно и с частыми и долгими остановками двигаться на северо-запад. Почти все «пассажиры» вагона лежали, и, чтобы скоротать время, вели разговоры на разные темы. Меня заинтересовал рассказ одного пожилого пленного, назвавшего себя донским казаком. До пребывания в днепропетровской тюрьме он находился в большом лагере где-то западнее Кривого Рога. Он рассказал, что там немцы собрали тысячи военнопленных и очень долго их не кормили, так что они съели почти всю траву. А группа бывших уголовников якобы занялась людоедством. Они ночью подходили к спящему в окопчике,

убивали его и вырезали у покойного куски мяса с ягодиц. После этого тело убитого сбрасывали в яму, служившую уборной. Утром убийцы варили мясо, используя заранее припасенные дровишки. Часть человечины в охлажденном виде они продавали на советские деньги или обменивали на махорку, хлеб или что-то другое. Вскоре убийц разоблачили, и немцы устроили им самосуд: поставили в центре лагеря виселицу, собрали возле неё всех пленных и подвели к ней преступников, на шее которых висели дощечки с надписью «Мы людоеды». Несколько суток их не снимали с виселицы.

Подобного рода разговоры я слышал за время пути много раз. Между тем от голода и жажды мы стали приходить в отчаяние. И тогда во время остановки трое молодых пленных умудрились притащить в карманах шинелей несколько сухих поленьев. Как только конвоиры закрыли двери вагона, те ребята попросили своих соседей освободить на полу место, чтобы соорудить там приспособление для приготовления пищи на костре. Они быстро вынули из мешка клубни картофеля и стали мыть их в котелке с водой. Однако на эту инициативу сильно разозлился старший по вагону, заявивший, что «никому не даст устроить пожар в вагоне, за что всех нас конвоиры перестреляют».

Вечером у моего левого соседа и у донского казака обнаружилось сильное расстройство желудка. Я сказал конвоиру о болезни этих товарищей и попросил оказать им помощь. Но конвоир ответил, что врача в эшелоне нет. Через некоторое время поезд остановился на станции Шепетовка. Я сразу вспомнил, что это родной город Николая Островского, написавшего знаменитые романы «Как закалялась сталь» и «Рожденные бурей», которыми зачитывалась советская молодежь. Наш вагон оказался почти у высокой платформы, где работали грузчики, а рядом с десяток человек копали большой ров. Это были пленные, которых охраняли немецкие солдаты. Один из часовых заслонил спиной окошечко нашего вагона, и я крикнул ему по-немецки: «Пожалуйста, не загораживайте наше окно!» Услышав эти слова, часовой быстро обернулся, и мы разговорились. Разговор кончился тем, что я выпросил у немца две сигареты.

Мой поступок вызвал у всех обитателей вагона большой интерес. Все вдруг «зауважали» меня за то, что я «кумекую» и «шпрехаю» по-немецки. Мой сосед справа, почти постоянно грызший семечки, попросил у меня подержать сигарету. Я отдал ему эту сигарету насовсем. Мы оба закурили, но часть сигарет отдали владельцу самодельной зажигалки и тяжело заболевшему донскому казаку. Затем сосед предложил мне пользоваться, когда

захочу, жареными семечками из его мешка. За день я съедал горсти три семечек, и, без сомнения, только благодаря им выжил в оставшуюся неделю пути. В свою очередь я решил как можно скорее сделать что-то важное для этого соседа. Но что именно? Надо было ждать подходящего случая.

В послеобеденное время поезд остановился ненадолго на очередной большой станции (вероятно, Ровно). Здесь тоже наш вагон встал вплотную к краю высокой платформы, на которой, как и в Шепетовке, работали под охраной немецких часовых военнопленные. На этот раз они, образовав «конвейер», грузили на машину кочаны капусты, наваленной на платформе. Я попросил у часового разрешения взять в наш вагон несколько кочанов. Этот немец явно скучал на своем посту и потому с радостью поддержал со мной разговор. Но поскольку кочаны не проходили через решетку вагонного окошка, мы догадались разрезать каждый кочан на несколько частей. Часовой вынул из винтовки плоский штык и отдал его одному из грузчиков, хотя делать это было строго запрещено. Кроме того, он угостил меня сигаретой.

Старший нашего вагона захватил большую долю «добычи». Остальное досталось другим товарищам, которые делили каждую часть кочана на листы и едва не подрались за них – ведь всем очень хотелось есть. Соседу капуста оказалась в «охоту», и он повторил, чтобы я брал у него семечки в любое время.

Скоро все понемногу успокоились. Я решил подойти к окошечку и стал осторожно пробираться к нему. И тут один из лежащих попросил меня сесть с ним рядом. Я сел. Он и его сосед тихо спросили, нет ли у меня желания сбежать с поезда, пока мы едем по своей земле. Нужно вырезать в полу несколько досок, а ночью вылезти сквозь дыру и залечь между рельсами, пропустив над собой весь состав. Кстати, о таком способе побега (якобы окончившемся благополучно), но из последнего вагона, я позже слышал несколько раз.

Я решительно отказался от этого предложения. Во-первых, нам не дадут бежать, беспокоясь за свою дальнейшую судьбу, большинство наших же людей; во-вторых, нет инструмента, чтобы снять доски. И к тому же какая-нибудь деталь вагона может задеть беглеца. Кроме того, я очень слаб физически. Забегая вперед, скажу, что через три дня эти пленные, будучи уже на территории Польши, когда конвоиры вели нас из вагона, попытались бежать по открытому полю в сторону леса. Но русские конвоиры их не пощадили и хладнокровно расстреляли из винтовок.

Наступило 8 октября. У нас уже не все могли подняться

с мест и выйти – многие серьезно заболели, а донской казак скончался.

К закату солнца произошла третья остановка. Снаружи послышалась украинская и немецкая речь. Мы с нетерпением ждали, наверное, минут 20, пока конвоиры не открыли двери. Нам предложили выйти с котелками и флягами. Мы вышли, построились по три человека в ряд и зашагали под конвоем в сторону паровоза. Впереди виднелись длинные столы, накрытые белой тканью, на которых стояли оцинкованные бидоны. Оказалось, там немцы всем пленным выдают порции хлеба по 200 граммов и наливают подслащенный горячий чай. Мы получили также все это для наших больных товарищей, оставшихся в вагоне. Однако когда мы вернулись, обнаружилось, что мой сосед умирает. Я попытался дать ему глоток чая, но он захлебнулся и перестал дышать. Старший вагона вытащил из-под головы покойного вещевой мешок, раскрыл его и отдал двум другим ослабевшим пленным все, что можно было принять за еду.

9 октября эшелон недолго простоял на большой станции, название которой, а также вывески на магазинчиках, были написаны латинскими буквами. Значит, мы покинули территорию Украины и оказались в Польше, оккупированной немцами.

Часть вторая. В немецком лагере для военнопленных

ГЛАВА I

На станции Демблин поезд остановился на продолжительное время. Через некоторое время дверь вагона открыли, и конвоиры сообщили, что здесь нас ожидает горячая пища и на пару суток нам выдадут хлеб. Двое больных по-прежнему остались в вагоне, а моего покойного соседа вынесли и положили поблизости на землю.

Слева от железной дороги находилась огромная, наверное, средневековая, крепость с высокими и очень толстыми стенами из красного кирпича, хотя частично разрушенными. Внутри крепости находилось несколько полевых кухонь, распространявших приятный запах, а также длинные столы, на которых были разложены пайки хлеба весом по 350–400 граммов. На других столах стояли бидоны с горячим чаем. Суп повара приготовили густой и очень вкусный, с вермишелью и мелкими кусочками конины.

И вдруг я увидел впечатляющую сцену. Один пленный (не из нашего вагона), получив у раздатчика суп в котелок, быстро погрузил другой котелок в кадку с натекшими в неё излишками супа. Я решил последовать его примеру, хотя у меня и не было с собой запасного котелка. Вместо него вполне могла подойти пилотка. Получив суп в котелок, я снял пилотку, сунул её в кадку и вытащил свой головной убор, наполненный жижей и мелкими кусочками мяса. Радостный, что проделка удалась, я устремился догонять товарищей.

Но не прошло и нескольких секунд, как я почувствовал страшный удар в спину и упал, потеряв сознание. Очнулся… в объятиях старшего по вагону, который нес меня на руках. А рядом два товарища несли мои котелки с супом и кружки с чаем. Оказалось, немецкий часовой, увидев мою проделку, догнал меня и крепко стукнул в спину прикладом винтовки.

При моем падении котелок, конечно, опорожнился. Но повар-поляк пожалел меня и снова налил суп. Товарищи подобрали мою грязную пилотку.

На рассвете 11 октября поезд сделал кратковременную остановку перед крошечной станцией скорее разъездом. Здесь мы вынесли из вагона еще двух скончавшихся товарищей. Аналогичную процедуру осуществили и в других вагонах.

Ежесуточно у нас умирало несколько человек. Личные вещи покойных разбирали их товарищи. Но никто не искал и не забирал у покойных «медальоны смерти», и никто из поездного начальства официально не зарегистрировал кончину этих несчастных людей, которые, очевидно, остались для их родных и близких «без вести пропавшими».

Проехав еще километров 20, эшелон остановился. Всех пленных конвоиры построили по пять человек в ряд и привели к маленькой деревянной «трибуне», на которой стояли немецкий начальник эшелона и немецкий переводчик. Нас поздравили с пересечением бывшей немецко-польской границы и вступлением на территорию «Великой Германии». По этому случаю нам полагался горячий обед и по пачке махорки. Вручили также свежий выпуск газеты «Клич».

Всем пленным приказали побриться. Однако перед отъездом из Днепропетровска полицаи отняли опасные бритвы, а к безопасным не было лезвий, да и не было мыла, чтобы сделать пену для помазка. В результате на конечный пункт «пассажиры» прибыли сильно обросшими.

В этот раз выданный нам хлеб был чуть сладковатым, имевшим привкус свеклы. По-видимому, немцы добавляли в муку порошок из высушенных листьев этого корнеплода. Кроме того, в буханках оказались древесные опилки. А первое блюдо содержало немного ржаной муки, и в основном – кусочки какого-то корнеплода, известного в тех местах как кольраби.

Махорка была произведена на Гродненской табачной фабрике в Белоруссии. Получив это курево, почти все «пассажиры» задымили цигарками, свернув их из газеты «Клич».

«Встреча» на границе дала нам некоторую надежду на то, что в Германии наша жизнь станет хоть немного лучше.

Наконец поезд снова тронулся. Всем было интересно увидеть Германию. Старший вагона установил очередь для подхода к окошечку, причем мне было оказано предпочтение: я мог читать вывески и объявления и всё громко переводил на русский язык.

Мы увидели другие постройки с островерхими крышами из ярко-красной черепицы. Даже в сельской местности жилые дома, конюшни, коровники и сараи были кирпичными или каменными, а не деревянными, как у нас на родине. Нас поразила чистота на улицах, покрытых каменной брусчаткой. Всё было хорошо ухожено. Трудно было отличить небольшой город от сельской местности. На общем фоне выделялись католические и протестантские церкви с пирамидальными шпилями. Кое-где висели плакаты, призывавшие граждан помогать фронту, быть верными фюреру, экономными и всегда

готовыми к налетам англо-американской авиации, а также не болтать лишнего, чтобы не стать находкой для шпиона.

Несмотря на дождливую погоду, не было грязи, женщины шли с красивыми зонтиками, одетые в разноцветные полупрозрачные плащи с капюшоном. Особенно поразили городские женщины, носившие черные или серые брюки, хорошо выглаженные, со стрелочкой. Людей, одетых, как у нас, в фуфайки и особенно в грязные или рваные, я не увидел.

К рассвету 13 октября эшелон сделал последнюю кратковременную остановку и миновал очень красивый город (наверное, Дрезден). На левом берегу Эльбы виднелся промышленный город Риза.

Нас высадили на поле, где в это время трудилось множество женщин самого разного возраста. Они выдергивали из земли огромные кусты кольраби, обрывали листья и складывали плоды в большие кучи, которые затем на специальных телегах-фурах, запряженных сытыми лошадьми, увозили мужчины в сапогах и синих спецовках.

Оставив вагоны поезда и рядом с ним на земле – тела умерших товарищей, колонна двинулась по проселочной дороге. Впереди колонны ехали на открытой легковой автомашине начальник эшелона и переводчик, а по бокам шли конвоиры с винтовками. Замыкали колонну двое немецких солдат с автоматами.

Когда колонна стала проходить мимо женщин, работавших на поле, они вдруг заговорили с нами по-русски. Мы хотели взять у них хотя бы по одной штуке кольраби, но немецкие солдаты начали стрелять из автоматов в воздух, а несколько русских охранников, стараясь выслужиться перед немецкими хозяевами, стреляли прицельно. В результате они застрелили забежавшего дальше всех старшего по вагону, убили и ранили еще пятерых пленных. Естественно, после этого всем стало не до кольраби.

Под громкий плач и проклятия женщин в адрес конвоиров, взяв с собой на шинелях раненых, мы зашагали дальше.

Вскоре показался в поле лагерь военнопленных, который по сравнению с предыдущими украинскими лагерями, в которых я побывал, был невелик. Он был огражден снаружи со всех сторон двумя рядами колючей проволоки, заканчивавшимися по углам и посредине сторожевыми вышками, на которых сидели с автоматами часовые, и имел внутри множество длинных деревянных бараков, размещенных в отдельных секциях – блоках, также огороженных колючей проволокой, но только в один ряд.

Лагерь имел несколько входов и выходов. У всех ворот висела надпись «Achtung! Kriegsgefangenenlager. Unbefugten das Betreten

ist streng verboten! (Внимание! Лагерь военнопленных. Посторонним вход строго воспрещен!)». А позже у главных ворот я увидел еще дополнительную вывеску «Stalag IV B Mühlberg». Подробно она значила Stammlager (точнее Mannschaftsstammlager) IV B коренной (стационарный, базовый или, вернее, регистрационный) лагерь IV B для рядовых военнопленных (включая ефрейторов, сержантов и старшин), находящийся в Мюльберге. Этот небольшой город находится на земле, называющейся Бранденбург, и на границе с Саксонией-Анхальт, на правом берегу Эльбы и в 30 км южнее города Торгау, где на этой реке впервые встретились 25 апреля 1945 года части войск Советского Союза и Соединенных Штатов Америки. Наш лагерь для военнопленных, сокращенно называвшийся Stalag IV B – Шалаг IV Б советские оккупационные власти превратили в лагерь для немецких военных преступников и бывшего командного состава немецкой армии.

…Нас подвели к задним – вспомогательным воротам лагеря, которые часовой-привратник открыл, и мы зашагали внутрь лагеря военнопленных Шталаг IV Б. Между прочим в последние годы я долго думал, что же означают в названии этого лагеря римская цифра IV и индекс – латинская буква B. И лишь недавно узнал о них следующее. Дело в том, что еще до войны Германия тех лет была поделена на 21 Военный округ, каждому из которых был присвоен свой номер римской цифрой. Так, цифрой I означался Кёнигсбергский округ, III – Берлинский, X – Гамбургский, XX – Данцигский, XXI – Позенский и т. д. И в этом ряду наименований цифра IV была присвоена Дрезденскому Военному округу, на территории которого и оказался наш лагерь. Таким образом, цифра IV в слове «Шталаг IV Б» означала его принадлежность к указанному округу, а индекс «Б» – номер этого стационарного лагеря в данном округе. Кстати, в Дрезденском округе имелись также под разными городами Stalag-и IV с индексами A, C, D, E, G и LW5 (специально для военнопленных летчиков военно-воздушных сил). Были еще и лагеря специально для военнопленного офицерского состава и генералитета, носившие название Offizierlager (сокращенно Oflag – Офлаг) IV A,B,C и D, где их обитателей не заставляли работать. Кое-где были лагеря типа «Дулаг» и «Шталаг» с индексом «КМ», предназначенные лишь для военнопленных моряков. Находились несколько лагерей Heillager (Heilag – Хайлаг, или просто индекс «H») для «поправления» здоровья в случае болезни или ранения. Помимо них имелись большие лазареты только для заболевших или поранившихся пленных. Существовало еще и великое множество приписанных к Шталагам отдельных местных,

как правило, мелких лагерей, носивших название Arbeitskommando – рабочие команды, снабженные своими собственными номерами из арабских цифр. Такие лагеря, если условия труда и проживания в них были очень тяжелыми, неофициально назывались штрафными и в них часто ссылали немцы «провинившихся» военнопленных из разных других лагерей, где указанные условия можно было считать терпимыми.

Рабочие команды, предназначенные специально для выполнения работ различных видов, например: команды грузчиков, землекопов, сапожников, портных, банщиков, электриков и других, имелись и внутри больших лагерей типа «Шталаг» или «Дулаг». При этом они работали как на территории самого лагеря, так и под охраной, вне его.

Особыми были концентрационные лагеря, в которых содержались заключенные, связанные в основном с антинацистской политикой. Рассказывать об этих лагерях не входит в мою задачу. Не буду говорить также о местах и лагерях, где находились и работали гражданские лица из оккупированных немцами территорий нашей страны (т. н. Ostarbeiter – остарбайтеры, т. е. восточные рабочие) и других государств.

Отмечу лишь, что этим лицам было несравнимо лучше, чем советским военнопленным. Ведь гражданским лицам выплачивали неплохую зарплату и предоставляли значительно лучшее питание, и они жили и ходили почти везде свободно, не находясь под конвоем. Они даже могли вести почтовую переписку с родными (наши – только из оккупированных мест). Я, между прочим, встречал в Германии украинских, русских и белорусских девушек, которые приехали туда добровольно, чтобы заработать немалые деньги и хорошо одеться. В первые годы войны остарбайтеры носили на своей одежде слева на уровне груди синюю квадратную нашивку с белыми каёмками и надписью OST (ВОСТОК), а позже – национальные эмблемы (в частности, выходцы из Украины – трезубец).

Глава II

Как-то от «старожилов» лагеря мне довелось услышать, что лагерь был создан еще в годы Первой мировой войны и в нем содержали русских, французских и британских военнопленных. В 1939 году, с появлением военнопленных поляков, лагерь стали обновлять и расширять, используя их в качестве рабочих. А с лета 1941 года в основную рабочую силу, занятую на строительстве лагерных объектов, превратились советские военнопленные.

Они сооружали длинные (в 40 метров и более) деревянные одноэтажные бараки.

Лагерь (рис. 5) представлял собой восемь блоков, состоявших из бараков. В 20 км юго-восточнее Мюльберга имелся также филиал лагеря № 304 (IV H) Zeithein (Цайтхайн) около городка того же названия. С 1941 года в нем содержались почти только советские военнопленные с дизентерией, брюшным и сыпным тифом и с другими тяжелейшими заболеваниями. В Цайтхайне от болезней и истощения умерли до 60 тысяч человек. С января 1943 года там устроили специальный лазарет для туберкулезных больных, не способных к физическому труду. Среди них были, кроме советских пленных, сербы, французы, поляки, британцы, американцы, а чуть позже – и итальянцы. Я слышал, что в этом лагере с советскими военнопленными очень скверно обращался главный врач, носивший фамилию Воронецкий, бывший пленный. В Цайтхайне было захоронено около 140 тысяч советских военнопленных. После войны в Цайтхайне был построен небольшой завод по производству стальных труб.

Как и во всех лагерях для военнопленных, в Шталаге IV В немецкая комендатура создала из среды пленных группу полицаев – своего рода орган местного самоуправления. У полицаев был свой старший. Многие называли его «господин» или как и на Украине – «пан». В лагере содержалось от 2,5 до 5 тысяч человек в зависимости от времени года и положения на фронте.

…Вновь прибывших военнопленных, как правило, очень грязных, обросших, обессилевших, в изношенном обмундировании, завшивевших и больных размещали в специальном блоке и держали там в течение недели. Выздоровевших, точнее – выживших, направляли в душ и после обработки одежды и белья газом против вшей, размещали в карантинном блоке на две или три недели.

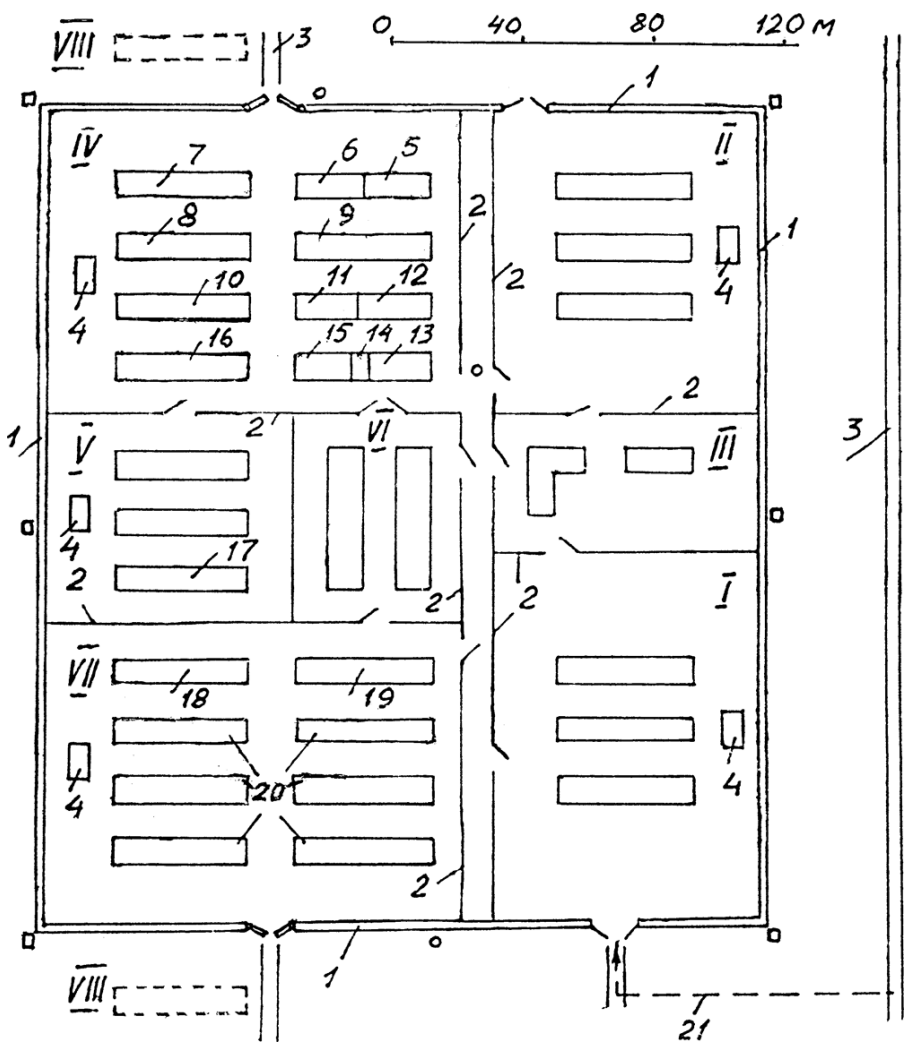

0
40
80
120 м
VIII
3
1
IV
7
6
5
II
8
9
2
1
4
10
11
12
2
4
16
15
14
13
2
2
1
V
VI
III
3
4
17
2
2
2
I
VII
18
19
4
4
20
2
1
VIII
21

Рис.5. Схематический план расположения главных объектов лагеря военнопленных Stammlager (Шталаг) IV B под городом Мюльбергом: I — блок для прибывших пленных; II — карантинный блок; III — санитарный блок с горячим душем и отделением газовой обработки одежды и белья для уничтожения вшей; IV — блок для постоянного размещения советских военнопленных; V — блок для советских военнопленных, из которых формировали рабочие команды; VI — блок для приготовления и раздачи пищи (пищеблок); VII — блок для военнопленных из Польши, Франции, Бельгии, Великобритании, Югославии (сербов), Греции, США и Индии (включая современный Пакистан); VIII — комендатура и охрана лагеря. Условные обозначения: ▭ — бараки и другие постройки; — сторожевые вышки с часовыми; ○ — привратники и обычные часовые; // \\ — главные ворота; / \ — вспомогательные ворота; _/ — устройства типа калитки; 1 — наружное двойное заграждение из колючей проволоки; 2 — внутренние одинарные заграждения из колючей проволоки; 3 — пути к железной дороге и на Мюльберг; 4 — наружные туалеты; 5 — склад обмундирования и обуви; 6 — сапожная мастерская; 7 — мастерская для ремонта и пошива одежды; 8 — барак, в котором проживали портные, повара и другие работники пищеблока; 9 — барак, в котором проживали сапожники, электрики, слесари, банщики и пленные других специальностей; 10 — барак для привилегированных рабочих высокой квалификации, медицинского персонала, переводчиков и др.; 11 — резиденция Особой команды — лиц, выявлявших врагов Германского рейха среди военнопленных и вербовавших обитателей лагеря для службы в германских, власовских и других антисоветских частях; 12 — зал для собраний и массовых мероприятий; 13 — отдел регистрации и рассылки военнопленных в другие лагеря и формирования рабочих команд; 14 — карцер для провинившихся пленных; 15 — медико-санитарная часть; 16 — барак для привилегированного персонала из числа советских военнопленных, включая регистраторов, агитаторов, переводчиков, полицаев; 17 — барак; 18 — барак для военнопленных индийцев — немусульман; 19 — барак для военнопленных индийцев мусульман; 20 — бараки для военнопленных югославов (сербов), греков, французов, бельгийцев, поляков, англичан и американцев; 21 — маршрут, по которому привели в лагерь нашу колонну

Пленных селили по 150–200 человек в бараке. Полы в бараках были бетонные, окна с двойными решетками. В бараках не имелось ни нар, ни какой-либо мебели. Не было ни печей, ни другой системы отопления, ни уборной, ни умывальника с водопроводом. Люди принимали пищу, расположившись на голом полу, спали ногами друг к другу. В течение дня, примерно до 20 часов, можно было пользоваться большой выгребной уборной и водопроводной водой в умывальнике рядом с тем же «туалетом». Нас очень удивляли плакаты с надписью «Экономь воду»», поскольку на родине нас призывали экономить только электричество, и мы привыкли видеть призывы вроде «Уходя, гасите свет!».

…С наступлением темноты часовые с полицаями всех загоняли в бараки. Здесь пленных выстраивали и производили вечернюю поверку, после чего дверь барака запирали. Курить можно было лишь с большой осторожностью, чтобы огонь «не заметили сверху вражеские самолёты». В бараках царила страшная духота и вонь из параши. С рассветом дверь барака открывали и снова выстраивали всех на поверку. Затем несколько пленных выносили парашу на тележку и везли ее к выгребной яме. Пленных выгоняли с вещами во двор, и начиналась уборка помещения. В барак через дверь протягивали длинный резиновый шланг, подсоединенный где-то к гидранту, и водой, подаваемой под большим давлением, промывали бетонный пол.

Полицай забирал с собой старшего по бараку и еще несколько человек на пищеблок, откуда они приносили в тяжелых деревянных бадьях горячий чай. Завтрак был, как правило, без хлеба. Далее все проводили время, кто как может, в частности, играли в карты, хотя это было запрещено. В 12 часов или чуть позже в деревянных ведрах из того же пищеблока приносили обед, состоявший из первого блюда и картофеля в мундире. А в 16 часов 30 минут или в 17 часов полагался ужин, т. е. хлеб, чай и кусочек маргарина, и очень редко – дополнительно щепотка мясных консервов. Конечно, порции были мизерными, и поэтому никто никогда не бывал сыт.

…Как я отмечал выше, после недели пребывания пленных в первом блоке администрация направляла их в третий – санитарный блок, чтобы помыться и уничтожить вшей на одежде. Горячая вода поступала в душевую из котельной. И душевая, и котельная и отделение обработки одежды обслуживались «старыми» пленными из четвертого блока.

В душевой всех заставляли раздеться догола и на полчаса сдать нижнее и верхнее бельё и всю одежду в газовую камеру для дизенфекции. В предбаннике стригли наголо голову и волосы на теле внизу от желудка при помощи специальной машины. Один банщик вращал маховик, сжатый воздух приводил в движение ножницы. Другой банщик стриг этими ножницами. Оба банщика тоже были голыми, но в кожаных фартуках. Затем третий банщик смазывал остриженные места какой-то сильно пахучей черной жидкостью. Четвертый банщик выдавал направляемому в душ кусочек серого очень твердого эрзац-мыла, состоявшего, наверное, наполовину из песка.

В карантинном блоке пленных поселяли в такие же три барака, которые были и в первом блоке. Жизнь и распорядок дня там были аналогичными, но продолжительность пребывания в нем, как я уже отмечал, составляла, как правило, две недели.

За это время администрация лагеря определяла, кто может быть направлен на работу, кто – на лечение в лазарете, а кого передать в лагерь в Цайтхайне при обнаружении у пленного туберкулеза – практически неизлечимой в условиях плена болезни. Туда же посылали и тех, кто не был пригоден ни к какой работе вследствие крайнего истощения или увечья.

Когда пребывание пленных в карантинном блоке заканчивалось, их регистрировали, заводя на них личное дело. При этом на каждого писаря заполняли на немецком языке учетную карточку. В ней записывали: фамилию, имя и отчество, вероисповедание, дату и место рождения, имя матери, гражданство (национальность), семейное положение, место последнего жительства, фамилию, имя и адрес близкого человека – для разных сообщений, в частности о смерти. Отмечалось также состояние, в каком пленный доставлен в лагерь – здоровым, заболевшим или легко раненным, но способным работать. Указывалась гражданская специальность или профессия, род войск и номер войсковой части, в которых служил пленный, и военное звание. Записывали также рост, цвет волос и наличие особых примет. Кроме того, на карточке делали (снизу справа) чернильный отпечаток указательного пальца правой руки и приклеивали фотографию пленника размером 3×4 см.

Некоторые давали о себе вымышленные сведения, главным образом потому, что боялись: вдруг о них узнают на родине и тогда могут сильно пострадать члены их семьи и близкие люди. Особенно это относилось к бывшим комиссарам и командирам войсковых подразделений. Они регистрировались под вымышленными фамилиями, с иными воинскими званиями (предпочитали называться рядовыми), указывали другое место рождения и проживания. А когда сообщали о своей гражданской специальности или профессии, то многие называли себя поварами или крестьянами, чтобы оказаться поближе к «сытой жизни» и не попасть на опасную работу близко к передовой линии фронта.

Перед фотографированием на шею вешали на бечёвке перед грудью черную фанерную доску, на которой записывали мелом личный лагерный номер. Его стирали перед съемкой другого пленного. После фотографирования следовала выдача металлического жетона с личным номером, который полагалось всегда носить надетым на шее или на руке, как часы.

После регистрации пленных направляли на вещевой склад. Там выдавали целое и чистое, но ношеное нижнее бельё с очень длинной рубашкой. Взамен тонких советских гимнастерок

и брюк – галифе или полугалифе – пленные получали перекрашенные в темно-зеленый цвет старые (даже времен Первой мировой войны) немецкие и трофейные – французские, бельгийские, британские или другие – суконные мундиры и брюки, которые немцы предусмотрительно приберегли. Обычно наши люди не сменяли лишь добротные серые шинели и шапки-ушанки. Многим, однако, приходилось расстаться со своими изношенными старыми шинелями из тонкого сукна, которые зимой почти не грели. Таким же образом обстояло дело и с пилотками. Снимали и старую обувь, но вместо нее получали ботинки с деревянной не сгибающейся подошвой. Были в ходу даже деревянные колодки, доставлявшие великие муки. Пленных обеспечивали чистыми, но чаще всего заштопанными хлопчатобумажными носками и коротенькими портянками. Каждому полагались полотенца и носовые платки, а к зиме – рукавицы.

На «новую» одежду пленного наносили при помощи трафарета и кисточки желтой, а нередко и красной масляной краской несмываемые и видимые издалека буквы «SU», сокращенно обозначавшие Советский Союз. При этом буквы располагались следующим образом: на шинелях – только на спине; на мундирах – и на спине, и на левой груди; на брюках – на правом колене; на пилотках – на левой стороне. До середины 1942 года дополнительно на шинелях и пиджаках прикрепляли на спине над знаком «SU» красный треугольник, означавший, что этот человек является военнопленным. Аналогичный треугольник имелся на особых бумажных деньгах (немецких марках) разного достоинства, которые использовались, чтобы расплачиваться с военнопленными за работу. Такие деньги предназначались исключительно для покупки в лагерном киоске разной мелочи (иголок, ниток, расчесок, бритвенных лезвий, бумаги, карандашей, махорки и пр.) и торговли чем-то между собой. В 1943 году они были отменены. Зарплату в пределах от 10 до 20 марок (в зависимости от вида и тяжести выполненной работы) пленные получали раз в месяц, обычно в начале его.

Отправления в другие лагеря или на работу в составе рабочей команды (новой или уже действующей) пленные ожидали в блоке V. Здесь же иногда оказывались больные, которых требовалось перевести в лазарет или в специальный лагерь. Бывали случаи, когда отдельных военнопленных по усмотрению лагерной Особой команды (органа типа советских особых отделов), относящейся к гестапо (тайной полиции) и к SD (службе безопасности), отправляли в какой-либо другой лагерь.

Пленных, оставленных в блоке IV, использовали на работах

в расположенном в 4–5 километрах городе Мюльберге, на полях возле него и на железнодорожной товарной станции. В этом блоке находился и я. Направление на работу делалось по результатам прошедшей регистрации, и ожидание занимало разное время. Назначение производилось в зависимости от заказов на рабочую силу, поступавших из различных мест Германии и вне её. Пленных направляли на угольные шахты, рудники и каменные карьеры, на строительные объекты (в том числе военные), на заводы и в сельскохозяйственные имения и т. д.

Многие военнопленные, обладавшие подходящим здоровьем, стремились как можно скорее определиться в рабочие команды, так как по месту работы был шанс получить дополнительное питание или что-нибудь своровать. Кроме того, привлекала возможность общаться с местным населением и видеть новые места.

Там, где работали пленные, усиленной охраны не было, и они могли отлучаться с разрешения мастера на непродолжительное время. Не удивительно, что в такой обстановке совершались побеги.

Немцам нужна была только здоровая рабочая сила. Поэтому в некоторых центральных лагерях пленных после пребывания в карантинном блоке направляли на работу только в том случае, если они, например, могли пробежать стометровую дистанцию.

В бараках (рис. 6) IV и V блоков имелся деревянный пол над бетонным основанием, электроосвещение, умывальник с водопроводной трубой, а также выгребной туалет, поэтому парашу в барак ночами не ставили.

Весной или осенью перед началом посевной кампании содержимое выгребных ям чем-то разжижали. После этого жижу, которая, естественно, сильно воняла, вычерпывали ведром, укрепленном на конце длинного шеста, и заполняли этой массой длинную бочку, горизонтально расположенную на специальной повозке и снабженную сзади краном. Затем лошадью или трактором повозку доставляли на поле, открывали кран и постепенно выливали всю жижу. Таким способом удобряли землю, которую предстояло чем-то засеять.

В дополнение к сказанному не могу не отметить, что в лагерях имели место случаи, когда обитатели барака, в котором появлялся какой-либо доносчик или явный прислужник немецких хозяев, этого человека убивали и тайком бросали его в глубокую яму выгребного туалета. На поверке старший барака докладывал немецкому начальству, что один из пленных совершил побег, но как это произошло, никто не видел.

Разложившееся тело такого «беглеца» обнаруживали только при очистке ямы.

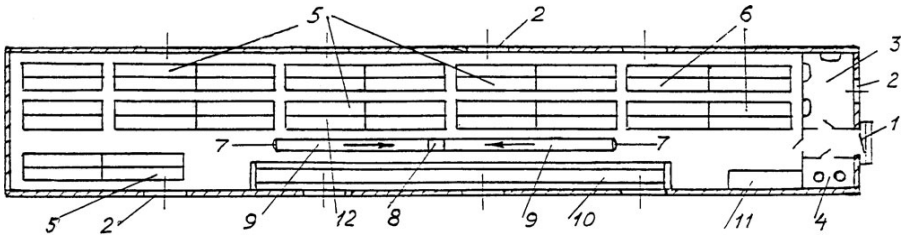


Рис. 6. План деревянного барака длиной до 40 и шириной до 8 метров в блоке IV: 1 – дверь барака; 2 – окна; 3 – умывальник; 4 – уборная; 5 –двухъярусные деревянные нары; 6 – металлические трехъярусные нары; 7 – очаги печи из кирпича, отапливаемой углем и дровами; 8 – общий вертикальный дымоход; 9 – горизонтальные дымоходы на уровне 0,5–1,0 метра от пола; 10 – несколько длинных столов со скамейками и стульями; 11 – хозяйственный стол для бака с питьевой водой и раздачи пищи; 12 – мои нары (с ложем на верхнем ярусе). Стрелками показано направление движения дыма к вертикальному дымоходу

В бараке жило не более 100 человек. Спали они, как и в блоках I и II, не раздеваясь до нижнего белья, но зато не на полу, а на двухъярусных (двухэтажных) деревянных и (в блоке IV) трехъярусных металлических нарах длиной 1,8 и шириной 0,6 метра. На многих двухъярусных нарах никаких постельных принадлежностей не было, поэтому спать там было холодно. Подушку заменяла доска, прибитая наклонно к изголовью ложа. Часто вместо подушки использовали мешки с личными вещами.

В бараке наводили чистоту постоянно проживавшие там два пленных уборщика, которые также доставляли топливо для печи и отапливали барак в холодное время года. Они же вместе со старшим по бараку привозили пищу из пищеблока и с наступлением темноты устанавливали на окнах светомаскировочные щиты. Из мебели в бараках имелись столы, стулья и длинные скамейки. Устроенная в бараке печь отличалась тем, что была очень длинной – чуть ли не в половину барака – и похожей на короб, расположенный невысоко над полом. Печь имела дымовую трубу, выходившую на крышу здания. Эта печь была хороша еще и тем, что на нее могли садиться, чтобы погреться, не менее 10 обитателей барака. Печь использовали также для сушки портянок и обуви.

Топливом для печи служили в основном стандартные прессованные брикеты из низкокалорийного каменного угля,

при снижении которых появлялся дым очень неприятного запаха. Конечно, топили печь и мелкими дровами, если они имелись, или когда пленные приносили откуда-нибудь щепки или стружки. Бывало и так, что печь не топили из-за отсутствия топлива.

Кроме скудного питания, обитатели V блока страдали из-за того, что их подолгу не водили в душ и не давали чистое бельё. Между тем обитателей IV и VII блоков водили мыться в душевую через две-четыре недели и при этом сменяли нижнее бельё.

Пищеблок лагеря состоял из двух зданий, в одном из которых был продовольственный склад, а в другом – зал для приготовления пищи. Руководил пищеблоком немецкий начальник, однако основная работа лежала на очень энергичном сербском офицере по фамилии Попович, ходившем в серой национальной военной одежде со всеми знаками отличия.

В пищеблоке люди занимались как приготовлением горячей пищи для военнопленных, так и приготовлением и распределением сухих и штучных продуктов питания согласно установленным нормам[8].

В 1941–1942 годах для советских военнопленных в лагерях прифронтовых областей, суточные нормы питания содержали лишь 300–700 калорий на человека. С 1942 года к этим нормам ввели добавки. Так, в лагерях Шталаг калорийность питания увеличили с 1000–1300 калорий до 2040 калорий для неработающих и до 2200 калорий для работающих пленных. Для советских пленных все нормы всегда были заметно ниже, чем для пленных из других стран. Конечно, эти нормы были еще ниже, чем у немецкого гражданского населения и особенно у работавших. Как и в нашей стране, всё немецкое население получало продукты по карточной системе.

Характерно, что для советских военнопленных, которых содержали главным образом в больших лагерях, выпекали хлеб, состоявший из ржаных отрубей на 50 %, и обрезков сахарной свеклы на 20 %, с добавлением 20 % древесных опилок и 10 % соломенной муки.

Приведем недельный рацион в граммах, указанный в упомянутых выше литературных источниках: а) для не работавших советских военнопленных (числители в дробях) и немецкого гражданского населения в 1941 году; б) для выполнявших нормальные (не очень тяжелые и вредные) физические работы советских военнопленных в 1941 (знаменатели в дробях) и 1942 годах и в) для не работавших несоветских (в частности, французских) военнопленных в 1942 году.

[9]

Продукты	Годы	Для советских военнопленных	Для несоветских военнопленных	Для не работавшего немецкого гражданского населения
Хлеб	1941	1500/2250		2250
	1942		2600	2325
Мясо и мясные продукты	1941	—/200		400
	1942	250	250	
Жиры	1941	110/130		134
	1942	130	218,5	
Крупы	1941	150/150		150
	1942	81,25	81,25	
Макаронные изделия	1941	В «Крупах»		В «Крупах»
и другие продукты из теста	1942	43,7	43,7	
Изделия из картофельного	1941	—		—
крахмала	1942		25	
Сахар	1941	150/225		150
	1942	110	175	
Мармелад	1941	175/175		175
	1942	175	175	
Картофель	1941	2500/3000		5000
	1942	7000*	5000	
Свежие овощи	1941	—		—
	1942	1125	1125	
Кольраби или брюква	1941	—		—
	1942	8250	—	
Квашеная капуста	1941	275/275		—
	1942	275	275	
Сыр	1941	31,25/31,25		31,25
	1942	31,25	31,25	
Творог	1941	31,25/31,25		31,25
	1942	31,25	31,25	
Соль	1941	105/105		—
	1942	175		
Чай-эрзац	1941	—		—
	1942	28	28	
Кофе-эрзац	1941	—		—
	1942	—	62	

Приведенные выше нормы питания далеко не везде и не всегда обеспечивались. Во многом это зависело от места расположения (в стране или вне её) данного лагеря или рабочей команды военнопленных и базы снабжения, а также заинтересованности и инициативности немецких комендантов лагеря. Очень часто некоторые перечисленные в рационе продукты или не выдавались, или заменялись другими. Я, в частности, за всё время плена ни разу не получал мармелад, сыр, творог, квашеную капусту или щи из неё, свежие овощи и кофе. Вместо сахара или песка приходилось довольствоваться сахарином. В качестве жира мы получали в основном маргарин –

примерно 5 раз в неделю, а иногда его выдавали пачкой весом 500 грамм, которую мы делили на 19 или 23 человека. В Шталаге IV В два раза в неделю давали еще на 33–37 человек банку консервов весом 750 граммов из относительно жирного свиного мяса или говядины, а также из рыбы.

Регулярно мы получали только хлеб и картофель (в качестве второго блюда), а также чай. Обязательно имелось первое блюдо из кольраби, а иногда из брюквы и зеленого шпината со следами муки и какого-то жира. Очень редко в первом блюде появлялись признаки мяса, но не первой свежести и, как правило, конины или свинины. Иногда нас кормили гороховым и чечевичным супом.

Хлеб, маргарин, сахарин, консервы, чай и другие продукты поступали в пищеблок в основном из Мюльберга. А перечисленные овощи доставляли непосредственно из буртов, устроенных осенью на полях, окружавших лагерь.

Когда группа пленных работала далеко от лагеря, обед доставляли на место работы; если недалеко, то конвоиры приводили всех обедать в лагерь. Иногда пленные получали обед непосредственно у работодателя, тогда лагерный обед сохранялся для них до ужина.

Однако некоторые военнопленные, например, английские и американские, редко пользовались горячей пищей из пищеблока, и даже хлебом. Причиной такого пренебрежительного отношения несоветских военнопленных к лагерному пищеблоку было то, что они напрямую или через Международный Красный Крест регулярно получали от родных, а также от этой организации, пищевые и другие посылки. Им присылали даже шоколад, натуральный кофе и даже сигареты.

Дело было в том, что государства, к которым относились несоветские военнопленные, подписали Женевскую конвенцию о военнопленных, а СССР – нет, и руководство нашей страны отказалось соблюдать два главных условия этой конвенции: 1) обмен списками военнопленных и 2) предоставление им права получать письма с родины через Международный Красный Крест. Считалось, что граждане СССР вообще не могут стать военнопленными. И как бы в подтверждение этому, 16 августа 1941 года вышел сталинский Приказ № 270, объявивший всех военнопленных предателями и изменниками Родины. Поэтому немцы вполне «законно» морили нас голодом. Это явилось одной из причин того, что из 5,7 млн советских пленных (согласно данным Музея Великой Отечественной войны) 3,3 млн погибли, т. е. около 57,7 %. А в Первую мировую войну находились в Германии в плену 1 434 500 русских солдат, и из них умерло

лишь 5,7 %, но тогда солдаты были под опекой Международного Красного Креста.

Между прочим, еще до того времени, как я оказался в Шталаге IV B, среди индийских военнопленных, содержавшихся в блоке VII, лагерная Особая команда вела усиленную агитацию для того, чтобы из них образовать войсковое соединение, действующую против англичан, которое должно было стать частью Индийской национальной армии, сформированной в декабре 1941 года в Бирме. Эту армию, выступившую на стороне Японии, создал из индийцев и командовал ею побывавший в Германии и объявивший себя главой правительства «Свободной Индии» известный деятель индийского национального движения Субхас Чандра Бос. Бос считал, что любой противник Англии, и даже гитлеровская Германия, является союзником индийцев в борьбе за достижение независимости от Британской империи. В начале 1943 года я видел нескольких индийских офицеров, одетых в немецкое обмундирование с атрибутами индийской национальной одежды. Но я слышал, что данное соединение было расформировано, поскольку оно решительно отказалось сражаться против Советской армии.

Советским пленным было запрещено бывать в блоке VII, а его обитателям – у нас. За этим следили специальные часовые, но они пропускали обитателей блока VII «гулять» в блок IV, если те угощали часового сигаретой или шоколадом. Охранниками лагеря были в основном пожилые солдаты-нестроевики, комиссованные после ранения, бывшие фронтовики, а также имевшие четырех и более несовершеннолетних детей или с тяжело больными женами при наличии маленьких детей.

Из несоветских военнопленных труднее всего жилось в лагере сербам и полякам (в конце 1943 года к ним присоединились итальянцы), а также отчасти французам, бельгийцам и немногочисленным грекам. Эти пленные были вынуждены работать в Мюльберге, куда уходили рано утром. А англичане и американцы не работали. Я видел, как эти пленные гоняли по заснеженному полю футбольный мяч и упражнялись на турнике. Не работали также и индийские военнопленные.

На территории блока IV находилась предусмотренная только для советских военнопленных небольшая медико-санитарная часть, размещенная в бараке вместе с карцером и отделом регистрации. В санчасти работали несколько врачей и их помощников. Тяжело больных и раненных они направляли в специальный лазарет – в лагере № 304 H в Цайтхайне. К счастью, прожив в Шталаге IV B четыре месяца, я ни разу не заболел и в медико-санитарную часть не обращался.

Карцером была редко отапливаемая сырая комната площадью около 15 кв. м, с зарешеченным окном, умывальником с водопроводной водой и маленькой парашей с крышкой. В карцер заключали на сутки или на более длительное время по разным причинам: из-за кражи чего-либо, отказа от работы, из-за драки или «противоправных» действий против полицаев, часовых, за общение с несоветскими пленными и за другие не очень серьезные поступки. За более существенные полагалась высылка в штрафной или концентрационный лагерь.

Около половины барака занимала Особая команда. Как и в других лагерях, она в основном занималась выявлением засланных из СССР под видом военнопленных разведчиков, шпионов и диверсантов. Она искала также коммунистов, евреев и цыган. Особая команда внедряла своих агентов, замаскированных под пленных, широко использовала пленных в качестве осведомителей и доносчиков, поэтому в лагере необходимо было крепко держать язык за зубами и не трепаться с кем попало.

Особая команда проверяла картотеки советских военнопленных, причем отделом регистрации заведовал один из главных членов Особой команды – немец, хорошо владевший русским языком.

Следующим объектом деятельности Особой команды было проведение антисоветской агитации среди военнопленных. К этому привлекались пленные, недовольные советской властью, особенно И. В. Сталиным, как правило, хорошо разбирающиеся в политике. Агитгруппа размещалась в отдельной комнате. Агитаторы проводили в бараках лекции, сообщали о положении на фронтах, приносили антисоветские газеты и брошюры на русском языке. Нередко для проведения лекций приезжали одетые в немецкую офицерскую форму, но с «русскими» знаками различия на левом рукаве и в петлицах воротника слушатели пропагандистских курсов. Агитгруппа создала в лагере небольшой кружок самодеятельности из пленных, который работал в клубе, примыкавшем к резиденции Особой команды. Для агитаторов и некоторых привилегированных пленных там устраивали просмотры немецких кинофильмов. Просмотры проходили в упомянутом же клубе. С участием кружка самодеятельности в этом же помещении отмечали различные праздники: немецкое Рождество, Новый год и пр.

Через ту же группу агитаторов и пропагандистов Особая команда активно занималась вербовкой советских военнопленных на службу в частях Германских вооруженных сил, в основном в составе прибалтийских, украинских, белорусских, русских,

казачьих, кавказских, волжско-уральских, среднеазиатских и других подразделений. Позже пленных стали вербовать в Русскую освободительную армию (РОА), создателем которой был известный генерал-лейтенант А. А. Власов (1901–1946).

Руководил Особой командой пожилой немецкий офицер в чине капитана, владевший русским далеко не в совершенстве. Должность его называлась «зондэрфюрер», что в переводе означает «особый руководитель». Его помощником являлся одетый в черное пальто, в костюм с белой рубашкой и галстуком пожилой русский эмигрант – то ли граф, то ли князь, фамилию которого я так и не узнал. Этот человек был очень интеллигентным и хорошо относился к соотечественникам, хотя разговаривал с ними мало.

Возглавлял группу агитаторов и пропагандистов русский из числа военнопленных, который, по-видимому, был в Красной армии политическим работником. Судя по тому, что у него совершенно отсутствовала военная выправка, его, вероятно, мобилизовали в начале войны либо из вуза, либо с какого-то предприятия, где он, возможно, руководил парткомом. Язык у него был, как говорят в народе, хорошо «подвешен», поэтому слушать его было интересно. Вел он себя просто, ходил в обычной одежде военнопленного. Лекции и беседы пленные выслушивали с определенным интересом и доверием. Но когда в феврале 1943 года германские войска потерпели сокрушительное поражение под Сталинградом, большинство пленных приобрели полную уверенность, что Красная армия непременно победит.

И тут же многие стали задумываться о том, как же, находясь в плену у немцев, способствовать товарищам, воюющим на фронтах за Родину.

Глава III

Возвращусь снова к 13 октября 1942 года, когда мы прибыли в лагерь. Группа из 150 пленных, в которой оказался я, была направлена в первый – крайний от ворот лагеря барак первого (I) предварительного блока (см. рис. 5). Во время поселения многие из будущих жильцов устроили толкотню, пытаясь занять место получше, т. е. подальше от двери, возле которой стояла параша, и поближе к одному из окон – светлому месту.

Мне, сильно ослабшему и не способному не только толкаться, но и двигаться быстро, досталось место как раз рядом с парашей. Однако интеллигентный пленный, ехавший со мной в одном вагоне и «зауважавший» меня, уступил мне своё место. Хотя оно было почти рядом с парашей, но зато у самого окна. Сосед

оказался одесситом. Я запомнил лишь имя и фамилию – Михаил Бровко.

Замечу, что в лагере было принято обращаться друг к другу только по имени, а часто – по прозвищу. Кличку или прозвище могли дать по названию города или области, где проживал пленный (например, «смоленский», «рязанский», «москвич», «мытищинский», «ленинградский», «киевлянин»), по характерной черте его внешности («косоглазый», «хромой», «длинный», «коротышка», «куцепалый»), национальности («хохол», «белорус», «осетин», «татарин»), профессии («маляр», «агроном», «комендант», «колхозник», «студент») и по разным другим особенностям человека. По фамилии или имени и отчеству обращались очень редко.

Вторым моим соседом в бараке стал чернявый молодой человек, очень похожий на кавказца, но со светлой кожей – Артем Бабаян. Через два года после окончания войны я случайно встретил его в Москве. В тот день мы отметили нашу встречу в его квартире. Тогда я узнал, что он не армянин, а еврей. В лагере он назвал армянскую фамилию и имя, чтобы избежать расстрела. Третьим соседом, расположившимся напротив меня, оказался высокий и сильный украинец – Иван из-под Полтавы. Мы составили своего рода «колхоз», поддерживая друг друга и делясь, чем могли. Так, Иван сразу же предложил нам закурить. Мы договорились, что будем при отсутствии кого-либо из нас следить за вещами, чтобы кто-нибудь их не стащил.

Часам к 18 в нашем бараке все пленные окончательно расположились на своих местах на полу. После этого к заходу солнца отобранный комендатурой лагеря старший барака и еще несколько человек из него принесли из пищеблока в деревянных ведрах (бадьях) картофель в мундире и чай, а на большом куске брезента – черный хлеб в буханках, маргарин в пачках и мясные консервы в металлических банках. Многие ели картошку вместе с кожурой, а кое-кто просил у товарищей очистки. В последующие дни среди обитателей бараков были и такие, кто искал картофельные очистки и другие пищевые отходы в мусорном баке лагеря.

Во время обеда кое-кто сразу же съел свой картофель, другие дожидались дележа хлеба, маргарина и консервов. Но эта операция оказалась очень сложной, так как приходилось разрезать килограммовую буханку хлеба на пять частей чьим-то плохеньким ножом. Еще труднее было разделить на 23 человека (таким же ножом и без весов) пачку маргарина весом в 500 граммов и банку мясных консервов весом 750 граммов на 37 человек. При дележе этих продуктов их, как и картошку,

предварительно раскладывали на шинели. Все внимательно следили за процессом дележа и делали по этому поводу подсказки и замечания.

Лишь несколько товарищей отложили на утро полпорции хлеба, а у большинства не осталось ни крошки. В общем, опробовав немецкий «деликатес» – маргарин, и проглотив щепотку консервов, мы лишь раздразнили аппетит и почувствовали себя еще более голодными, чем раньше.

Когда наступила темнота и все легли спать, кое-кто задымил цигаркой, но большинство не разрешило курить, так как и без того в бараке не хватало свежего воздуха.

Многие пленные негромко разговаривали друг с другом, вспоминая довоенную жизнь, своих родных и близких и, конечно, еду. Мимо меня почти всю ночь непрерывно ходили к параше.

Часов в 6 утра нас построили на поверку, но двое пленных продолжали лежать на своих ложах. Оказалось, они умерли. Нас посчитали и приказали разойтись. Покойников унесли на шинелях в морг, а их вещи взял старший барака, чтобы потом решить, как с ними поступить. После завтрака, на который нам, как оказалось, был положен только чай, старший барака раскрыл вещевые мешки умерших и предложил разыграть их вещи – безопасные бритвы, полотенца, ножики и еще кое-какую мелочь. А кусочек хлеба покойного он отдал мне, как самому явному «доходяге». Но я отказался от «подарка» в пользу старшего по бараку, объяснив, что он заботится обо всех нас, а на это нужны силы. Все меня поддержали. Старший барака моментально проглотил тот кусочек. Желающих взять вещи покойных почти не было, поэтому их распределили без розыгрыша. Я увидел среди этих вещей чистую ученическую тетрадь и карандаш, которые мне охотно отдали.

Погода в этот день выдалась солнечной и теплой. Воспользовавшись этим, все вышли во двор и уселись на траве. Почти для всех главным занятием стало уничтожение вшей, поэтому все разделись догола и стали бить паразитов. И как раз в это время по дороге мимо лагеря потянулись, кто пешком, а кто и на велосипедах, местные жители, которые с большим любопытством и отвращением наблюдали за нашим занятием.

Несколько отроков, одетых в форму гитлерюгенда (нацистской детско-юношеской организации), начали бросать в нас землей и камушками, обзывая нас грязными русскими свиньями. Но, часовой лагеря быстро прекратил их проделки.

Вскоре на автомашинах приехали несколько фотографов и кинооператоров, которые долго и с разных точек снимали нас, смеясь и издавая радостные возгласы.

Среди проходящих мимо лагеря преобладали женщины разного возраста и пожилые мужчины. Некоторые из них смотрели на нас с сочувствием. Я хотел обратиться к кому-нибудь из них по-немецки, но часовой у ворот закричал мне: «Быстро уйди назад!» и клацнул затвором винтовки. Тогда я решил, как это уже было в Павлограде, бросить за ограду лагеря записку с просьбой приносить мне что-нибудь поесть. Записку я вложил в другой лист бумаги вместе с камушком и попросил рослого Ивана закинуть комок за проволочное ограждение лагеря. Пораженный тем, что я могу даже писать по-немецки, Иван выполнил мою просьбу. Оставалось ждать, чем закончится моя затея.

Наступило время обеда. Оба моих друга и еще несколько пленных отправились со старшим по бараку в пищеблок. Они принесли суп и стали разливать его по котелкам, причем сначала черпали суп эмалированной кружкой одного из пленных, а потом, когда она не стала полностью погружаться в суп, – ложкой. А после этого владельцу кружки разрешили вылизать остатки пиши. Он встал на колени, залез головой в ведро и вычистил его языком. Тех, кто имел эмалированную кружку, считали «счастливчиками», ведь они могли получать «дополнительное питание». Но я считал для себя унизительным поступать подобным образом.

Получив суп, одни сразу же опустошили котелок, а другие дожидались получения картофеля и использовали его вместо хлеба. Некоторые бросали картофелины в суп и раздавливали их ложкой, превращая первое блюдо в пюре. После обеда я увидел около барака трех пожилых пленных, которые карманным ножиком что-то строгали из дощечки. Я спросил, что они мастерят. Оказалось – весы. Они выглядели очень примитивно, но позволяли разделить буханку хлеба на равные по весу порции. Сначала буханку разрезали на 5 частей на глазок, а потом в каждую из двух порций погружали иглы весов, привязанные нитками, и поднимали весы. От более тяжелого куска отрезали дольку и прибавляли ее к более легкой порции. После этого одну из порций снимали и заменяли ее третьей и т. д. К сожалению, такие весы не были пригодны для дележа маргарина.

На другой день утром я подошел поближе к проволочному заграждению, чтобы посмотреть, лежит ли у дороги моя записка, и очень обрадовался, увидев, что её нет. Затем я сел на траву и вынул из кармана свою самодельную тетрадь, в которой записывал немецкие слова и словосочетания. Вдруг передо мной оказался человек в серой красноармейской шинели. Я вспомнил, что это был переводчик, встречавший нас по прибытии в лагерь.

Неожиданно он обратился ко мне по фамилии и сказал по-немецки: «Доброе утро!»

Переводчик попросил меня отойти с ним в сторону, и когда мы удалились от других пленных, он сообщил мне следующее. Прошлым вечером к нему пришел его друг – полицай, имеющий право бывать за пределами лагеря. Возвращаясь из Мюльберга, он обнаружил у дороги мою записку. Хотел было отдать её немецкому начальству, но потом передумал и принес переводчику, чтобы вместе обсудить, как поступить дальше.

Переводчик и полицай решили никому из начальства о записке не говорить, а меня строго предупредить, чтобы я впредь такие записки не писал, потому что это, во-первых, смертельно опасно, а во-вторых – совершенно бесполезно, так как никто из немцев, даже очень сердобольных, не рискнет принести в лагерь передачу для военнопленного, тем более советского.

Переводчик попросил никому не говорить о содержании нашего разговора, потом достал из нагрудного кармана гимнастерки мою записку и тут же сжег её. Из записки переводчик узнал, что я студент Московского университета. А он перед началом войны окончил Днепропетровский университет. Он добавил, что скоро уедет в рабочую команду, и рекомендовал мне тоже не задерживаться здесь, чтобы просто-напросто не сдохнуть с голода. А еще он заметил, что я могу начать работать переводчиком в небольшой рабочей команде и совершенствовать в ней знание немецкого языка, без чего впредь «нельзя будет жить по-человечески, если Германия победит в этой войне». Он посоветовал также быть очень осторожным не столько с немцами, сколько со своими же людьми, среди которых немало сволочей. Угостив меня напоследок немецкой сигаретой и дав прикурить её от зажигалки, переводчик удалился.

Как только я вернулся, мои соседи по бараку Михаил, Иван и Арам поинтересовались, кто ко мне приходил. Пришлось соврать, что это мой знакомый по службе в Горьком, который находится в лагере уже с лета. Через несколько дней обитателей нашего барака после помывки в душе перевели в карантинный блок.

Устроившись на своих новых местах, мои соседи Иван и Михаил забеспокоились по поводу того, что теперь мне уже не смогут вручить передачу, если кто-то принесет ее по моей записке, так как наш адрес изменился. Я ответил, что с этим придется смириться, и больше мы этот вопрос не обсуждали.

Жизнь на новом месте с 20 октября пошла в основном так же,

как и в предварительном блоке. Однако возникли существенные изменения режима, вызванные тем, что резко ухудшилась погода – еще теплые и солнечные осенние дни сменились дождливыми и холодными. А многие из пленных были одеты и обуты плохо – явно не для такой погоды. По этой причине большинство пленных после завтрака, перед которым их подвергали утренней поверке и выгоняли на плац на время уборки помещения, вообще не выходили из барака до следующего дня. Но если в предварительном блоке пленных держали на воле только для выноса параши, уборки барака, посещения наружного туалета и умывальника, то в карантинном блоке время пребывания вне его увеличилось. Поводом для этого стало проведение утренней зарядки, выполнявшейся с упражнениями из советского комплекса для получения значка ГТО, причем второй – достаточно сложной ступени. Занятия проводил спортивного вида молодой полицай родом из Одессы, хваставшийся тем, что начальство его оформило как «фольксдойче», т. е. этнический немец из среды других народов или из других стран.

«Физрук» показывал упражнения и заставлял выполнять их не менее 10 раз, даже если шел дождик со снегом. Если кто-то ленился, другой полицай мог ударить его дубинкой. Пленные ждали на плацу, пока в бараке промывали пол из брандспойта. И эту операцию в карантинном блоке проводили не от случая к случаю, а ежедневно для соблюдения «высокой степени готовности». Но никто не вытирал мокрый пол, и поэтому приходилось ждать, пока он не высохнет сам.

Из-за того что в течение дня люди не выходили больше во двор, в тесном бараке возникала страшная духота. Кто-то курил цигарки или козьи ножки с низкосортной махоркой, кто-то кашлял и чихал. От параши шла страшная вонь. А главное – не разрешалось открывать окна, что можно было делать только по утрам в присутствии «начальства». Заниматься было нечем. Только несколько человек что-то мастерили из деревянного и металлического мусора, например, мундштуки и какие-то игрушки. Оказалось, что один пожилой пленный умудрился перед отправкой из Днепропетровска утаить от полицаев малюсенький молоток, наковальню и отвертки.

Через три дня после посещения санитарного блока III поселения в карантинном блоке II мы получили по половине пачки махорки, произведенной на Гродненской табачной фабрике в Белоруссии. К порции махорки выдали также по 25 листиков тонкой бумаги, из которой можно было свернуть цигарку. Таким образом, кисет, доставшийся мне от умершего в лагере в Лозовой,

снова нашел себе применение.

Дни и ночи длились ужасно долго. У некоторых имелись карты, в которые играли тайком от часовых, чаще всего в подкидного «дурака», проигрывая из-за неимения денег пайку хлеба, картофелину или горсть махорки. Скучно было даже мне, хотя я ежедневно и подолгу просматривал свое самодельное пособие по изучению немецкого языка. Я придумал еще нарисовать свой портрет, взяв за основу фотокарточку со студенческого билета. Недостатком его было лишь то, что не имея ластика, я не смог удалить с рисунка клеточки – предварительно нанесенную карандашом разметку.

За моей работой наблюдали несколько товарищей. Один из них попросил сделать портрет с фотокарточки его трехлетнего сына, а дальше пошли и другие заказы, которыми я занимался два дня. Каждый заказчик расплачивался одной вареной картофелиной.

Так как дни проходили очень нудно и голодно, я спросил по-немецки у одного из наших часовых, долго ли еще мы здесь пробудем. Часовой, к великому неудовольствию сопровождавшего его полицая, знавшего лишь немного немецких слов, ответил, что не знает, но попробует выяснить. К сожалению, больше он у нас не появлялся.

Прошли еще несколько дней. Для многих жизнь показалась совсем невыносимой. Кое-кто начал плакать, несколько человек оказалось на грани сумасшествия. Мой сосед Иван попросил меня написать за него заявление в комендатуру лагеря о том, что он хочет поступить на службу в германскую армию. Сначала под диктовку Ивана я написал черновик на русском языке. Иван указал, что родом он из Полтавской области, родителей большевики раскулачили и сослали в Сибирь, а он едва не умер от свирепствовавшего на Украине голода. Работал в колхозе, проучился пять лет в школе, был призван в армию и прослужил несколько лет, став старшиной. Во время летних боев он якобы добровольно перешел к немцам, расстреляв жида-комиссара. Он имеет страстное желание отомстить большевикам за своих родителей и за другие беды, поэтому просит взять его на службу в ряды доблестных Германских вооруженных сил и обязуется быть верным солдатом.

С трудом я изложил на немецком языке всё продиктованное Иваном. Он вручил заявление в тот же день во время вечерней поверки немецкому часовому. Поступок Ивана никого не возмутил, хотя то, что он сделал, было, по существу, изменой Родине. Но почти все тогда считали, что победить Германию невозможно и, так или иначе, придется ей служить.

…На следующий с аналогичной просьбой подошел ко мне другой пленный, обещая неплохо заплатить за работу – отдать половину суточной пайки хлеба и пару картофелин. Одессит Бровко поддержал это намерение, сказав, что сейчас для нас самое главное – любыми способами выжить, не умереть с голода.

На этот раз моим заказчиком оказался немолодой крымский татарин. Он также сначала продиктовал мне на ломаном русском языке примерный текст заявления, назвав причиненные большевиками обиды его народу и ему лично, включая преследование за религию и за соблюдение обычаев. Татарин упомянул о своем добровольном переходе к немцам. Я переписал русский текст по-немецки, а вечером получил от заказчика обещанное и поделился заработком с Михаилом. Сразу после вечерней поверки татарин отдал заявление часовому.

3 ноября утренняя поверка была проведена особенно тщательно. Спрашивали, кто себя плохо чувствует, кто болен. Оказалось, что в нашем бараке больных нет и все могут нормально передвигаться. В этот раз после поверки обошлось без зарядки на плацу. После завтрака в бараке появились часовой, полицай и незнакомый русский переводчик. Дали команду – всем забрать личные вещи и выйти во двор. Нас привели в отдел регистрации и рассылки военнопленных.

В отделе каждому выдали жетон (рис. 7) с личным номером и сфотографировали. А затем часовой и полицай повели нас на склад обмундирования. Под контролем заведующего складом – пожилого и крикливого фельдфебеля, имевшего то ли кличку, то ли фамилию Кинто, мы сняли с себя одежду и обувь, а затем в соответствии со своими размерами получили чистое нижнее бельё, верхнюю рубашку, описанные выше мундир, брюки, шинель и пилотку, а также по паре коротких портянок и тонких штопаных шерстяных носков и ботинки на толстой деревянной подошве.

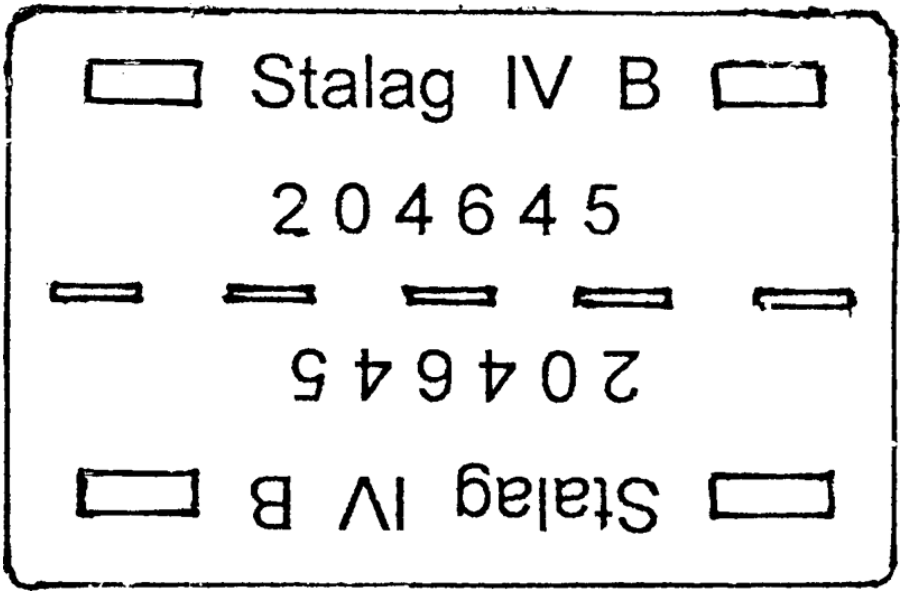


Рис. 7. Жетон с моим личным номером военнопленного

Некоторые из нас, имевшие неплохие отечественные шинели и шапки-ушанки, темно-фиолетовые кавалерийские брюки, не стали их менять.

С большим удовольствием я сбросил свою куцую шинель, на которой было неудобно спать на полу, и брезентовые с дырками сапоги. А брюки – часть моего парадного студенческого костюма, хотя и изношенные, – было жалко оставлять.

Каждого пленного, одевшегося в «новую» одежду и промаркированного краской, внимательно рассматривал Кинто. Он обращал внимание, не оторваны ли на одежде пуговицы, нет ли где-либо разошедшегося шва и т. д., а если обнаруживал эти недостатки, то сразу направлял пленного в барак, где находилась портняжная мастерская. Работавшие в ней портные – «старые» военнопленные – устраняли недостаток, и пленный возвращался обратно и снова подвергался контролю со стороны Кинто. У меня и Михаила оказались оторванными несколько пуговиц на шинели и мундире. Заметив это, Кинто послал нас вместе с полицаем в упомянутую мастерскую. При входе в нее нам встретился заведующий офицер, которому полицай попытался сказать, зачем мы пришли, но никак не находил нужные немецкие слова. А я не растерялся и объяснил причину нашего появления. Офицер сразу же повел нас в глубь помещения и позвал своего помощника вместе с русским переводчиком. Пока нашу одежду приводили в порядок, заведующий, который был улыбчив, выглядел очень добрым (он

и в самом деле оказался таким), спросил, как меня зовут, откуда я, где, чему и как долго учился, кто мои родители, сколько мне лет и т. д. Получив ответы на все вопросы, он вдруг предложил мне работать в его мастерской в качестве второго переводчика, одновременно выполняя и другие мелкие работы. Я не знал, стоит ли мне соглашаться, и тогда заведующий порекомендовал мне посоветоваться с рабочими мастерской. А те сразу же стали дружно уговаривать остаться с ними.

Особенно настаивали на этом москвичи, узнавшие, что я из Москвы. Они говорили, что иначе меня могут отправить на очень тяжелые работы в шахту или в рудник. А в мастерской тепло – топят печки, светло и чисто. В общем, меня убедили, но я попросил заведующего оставить со мной Михаила: он знал швейные машины и умел штопать носки. В это время в мастерскую ворвался Кинто, взбешенный нашим долгим отсутствием, и стал, громко ругаясь, выгонять нас. Заведующий его успокоил, объяснив, в чем дело. Но Кинто тут же заставил нас разуться и забрал наши ботинки. Мы остались в одних носках и портянках и не могли понять, что же это означает. Всё стало ясно, когда появился полицай с двумя парами доблёных деревянных колодок ярко-красного цвета. Оказывается, как представители команды портных, мы должны были носить их, давая таким образом знать о своей принадлежности. Сапожники ходили в колодках желтого цвета, рабочие пищеблока, кажется, в светло-зеленых и т. д.

На колодках имелись каблуки и снизу – металлические шипы. В них было очень неудобно ходить, и в первое время у меня на ногах появились кровоточившие ссадины. При ходьбе даже по земле от колодок раздавались громкие и неприятные звуки «кик-клок, кик-клок». Эти колодки приходилось носить без портянок, а ночью при посещении туалета их надевали на голые ноги. Правда, в морозные дни мы кое-как приспосабливали портянки, закрепляя их завязками.

Заведующий представил меня коллективу мастерской только по имени Юрий, а фамилию Владимиров он, как и другие немцы, совсем не мог выговаривать.

Глава IV

На новом месте я и Михаил оказались как раз в то время, когда в лагере начался обед, и у нас сразу возникла проблема с питанием. Но переводчик по фамилии Воробей оказавшийся, по существу, русским шефом мастерской, быстро созвонился по внутреннему телефону с начальством пищеблока, и дело

уладилось. Заодно решился и вопрос с жильем. В бараке 8 для портных в блоке IV (см. рис. 6) нам отвели две свободные соседствовавшие друг с другом верхние ложи.

Наш переводчик, определив нам места в бараке, быстро ушел, а мы стали дожидаться обеда. Как и в двух предыдущих блоках, он состоял из супа и картофеля в мундире, однако нормы выдачи оказались здесь несколько большими, так как все пленные, проживавшие в этом блоке, были работающими. Однако и среди этих пленных фактически не было ни одного сытого. Пищу также делили на порции, но не на полу и расстеленной шинели, а на чистом столе. Все ели, спокойно сидя на скамейках за столом, предварительно вымыв руки с мылом. Чистые ложки и котелки оставляли на ложах или на столе, не опасаясь, что их и другие вещи кто-то может стащить. Работа в мастерской длилась с 7 часов 30 минут до 17 часов с перерывом на обед с 12 до 13 часов. Выходные дни были по воскресеньям, а по субботам – короткий рабочий день, т. е. до обеда или немного дольше. В мастерской трудились около 60 советских военнопленных и несколько человек немецкого персонала. Пленных из других стран не было. Мастерская представляла собой обычный барак, в котором были установлены восемь широких столов длиной 3,5 м, каждый на три рабочих места. Ремонт выполнялся в основном вручную. Многие штопали носки. Имелось несколько столов со швейными машинами, где работали портные высокой квалификации.

Михаила посадили за длинный стол и поручили штопать носки и ставить заплаты на шинелях, причем заплатки надо было делать аккуратно. Мне отвели место с тыльной стороны стола, дали маленькую стеклянную чернильницу, ручку, карандаш и тетрадь для записей. Я попросил поставить рядом стул с приспособлением для штопки, чем я мог заниматься в свободное время. В основном я являлся посредником в переговорах между начальством и советскими пленными – портными и иными лицами, а также помогал кладовщикам мастерской при получении и выдаче материалов и при сдаче заказчикам отремонтированной одежды.

Перед входом в мастерскую стоял большой ящик с песком, а на стене были закреплены огнетушитель, багор, две лопаты и два ведра, чтобы тушить пожар и гасить зажигательные бомбы. Около жилых бараков, за исключением некоторых, таких приспособлений не было.

Кроме ремонта и приведения в порядок одежды для военнопленных, поступавшей из множества лагерей, мастерская выполняла отдельные «внешние» заказы немцев

по пошиву мужской, женской и детской гражданской одежды. Количество заказов постоянно росло. В мастерской шили также отличные мужские и дамские кожаные перчатки. Это делал только один специалист – москвич Давыдов, с которым я подружился с первого дня. А хорошие мужские и женские костюмы шил пожилой москвич дядя Вася. Были и другие замечательные портные из СССР, в том числе два кавказца.

Немецкий шеф очень дорожил всеми упомянутыми мастерами и хвастался ими перед своими богатыми заказчиками, приезжавшими из Мюльберга и других местностей и даже из Берлина. Естественно, он хорошо зарабатывал на заказах и иногда подбрасывал мастерам дополнительную еду. В общем, для шефа мастерская была, по существу, «теплым местом», где он выполнял заказы незаконно. Некоторые начальники в лагере об этом прекрасно знали, но ничего против этого не предпринимали, так как им тоже кое-что перепадало от доходов шефа.

Старший переводчик Юзеф Воробей оказался человеком благодушным и вполне довольным своим положением. Он носил советскую военную гимнастерку и шинель без петлиц на воротнике, хромовые сапоги. Воробей рассказал мне, что он родом из Западной Белоруссии. В его деревне вместе с белорусами и поляками проживали также немцы, от которых он научился достаточно хорошо говорить по-немецки, но писать на этом языке почти не мог. Осенью 1939 года после распада Польши его деревня оказалась в составе Советской Белоруссии, и осенью 1940 года его призвали в Красную армию. В первые же дни войны их войсковая часть, дислоцированная недалеко от границы, попала к немцам в плен.

Конечно, в первое время мне было очень трудно переводить с немецкого на русский и наоборот, поскольку слов и терминов, относящихся к работе портных, я не знал. Приходилось набираться знаний на ходу, записывая во время разговоров новые слова и обороты.

Примерно через два месяца мне стало значительно легче. Этому способствовало еще то, что старший ефрейтор Ганс-Юрген, помощник шефа, ежедневно давал мне читать местную и центральную газеты на немецком языке. Он часто ругался, но незлобно. Однажды он спросил у меня, как будет по-русски «Schwarzer Teufel». А когда я ответил: «Чёрный чёрт», то ему это выражение так понравилось, что стал повторять его через каждые 5–10 минут.

В первый же день после ужина ко мне обратился сосед, занимавший нижний ярус нар и на которого я обратил внимание

в мастерской, где он занимался штопкой. Он был моего возраста, но черноволос и черноглаз. Я хотел было спросить его на чувашском языке, не являемся ли мы с ним земляками. А он сам задал мне вопрос, но не на моем – чувашском языке, как я предполагал, а на татаро-башкирском «Ты не башкир»? И хотя я признался, что я чуваш, это его вполне устроило: «Я башкир, но мы всё равно с тобой одной крови, и давай будем держаться вместе». Затем мы перешли на русский язык соседа звали Маратом и родом он был из Башкирии, из-под города Белебей, вокруг которого находилось много чувашских сел и деревень. Перед войной он успел окончить педагогический институт в Уфе.

Марат заметил, что я сильно истощен, и вытащил из своего вещевого мешка большую картофелину и ломоть хлеба. Он заставил меня съесть их. Пока я ел, сосед сходил за своим другом. Им оказался высокий, красивый и интеллигентный человек, одетый в серый немецкий военный джемпер с белой рубашкой под ним. Вероятно, в армии он был крупным командиром или даже комиссаром. Он держал в руках кружку еще не остывшего немецкого эрзац-кофе и покрытый тонким слоем маргарина кусок черного хлеба, который сразу протянул мне, порекомендовав съесть его перед сном. Оказалось, он работал поваром в лагерном пищеблоке и обитал со своей командой в нашем же бараке. Когда я принял от него «деликатесы», он сказал, что считает своим долгом подкормить меня в течение нескольких суток.

Друг Марата показал мне, где тот живет. Оказалось, что там обитатели трехъярусных нар – все повара имеют на ложах постели, состоявшие из темно-зеленой матерчатой подстилки или тонкого тюфяка из ткани типа брезента, а также маленькой подушки и тонкого серого одеяла. Кроме того, по бараку и на работе они ходили не в долбленых колодках, а в более удобных при ходьбе пантофелях.

Теперь мне предстояло забраться на свое ложе. Но не тут-то было: из-за недостатка сил я не смог самостоятельно подняться на свой второй ярус. Пришлось позвать на помощь соседей. Хотелось покурить, но было нечего, а из соседей один не курил, а другой не имел курева.

Наутро, поскольку переводческой работы для меня не оказалось, я обратился к Воробью с вопросом, где взять носки для штопки. Но Воробей ответил: «На кой чёрт тебе это надо? Это же не твоё дело! Походи, посмотри, как другие работают, почитай что-нибудь. Если нужно, к тебе подойдут и скажут, что делать». Но я всё же пошел в кладовую и получил от кладовщика пару изношенных носков и подходящие

для штопки нитки, затем приступил к работе, пользуясь консультациями портных.

Вскоре появился главный шеф мастерской, который остановился около меня и добродушно посмеялся над моей работой. Он не похвалил меня, но и не запретил мне заниматься штопкой, хотя подтвердил, что я могу читать или писать, а когда понадоблюсь, ко мне обратятся. В помещении было светло и тепло, и на время я забыл о голоде и о том, что нахожусь в плену. Спустя некоторое время потребовалось, чтобы я помог объяснить портным задание. Мне относительно легко давались переводы с немецкого языка на русский, так как в этом случае легко помогали жесты: портные часто понимали немцев и без перевода. Иногда, конечно, мне приходилось просить немца говорить помедленнее или повторить сказанное.

5 ноября ознаменовалось тем, что в этот день я впервые имел разговор с настоящей немкой. Получилось так, что старший переводчик Воробей по какой-то причине отсутствовал, а как раз в это время в сопровождении главного шефа в мастерскую пришли очень солидный немецкий офицер и молодая немка. Все трое сразу направились к столу перчаточника Давыдова. Поскольку Воробья на месте не было, пришлось Гансу привести меня. В первые минуты, потрясенный присутствием прекрасной, как мне показалось, немки, от которой так хорошо пахло, я совершенно растерялся. Но шеф сразу шуткой снял напряжение и ободрил меня.

Я понял, что офицер намерен заказать для своей дамы очень хорошие кожаные перчатки, но материала у заказчика нет, и поэтому он хочет приобрести его в мастерской. Шеф, недолго поломавшись и предупредив, что цена будет высокой, решил удовлетворить просьбу офицера. Ганс принес нужный материал со склада. И качество этого материала, и его стоимость офицера вполне устроили. Давыдов рулеткой измерил пальчики и другие части маленьких рук заказчицы. Затем шеф договорился с офицером о сроке изготовления перчаток, и сделка состоялась. Кончилась она для Давыдова и меня тем, что офицер вручил каждому из нас по пачке с шестью сигаретами. Кстати сказать, немецкие сигареты изготовлялись и поставлялись в основном с болгарским табаком. Их, как и продовольственные товары, продавали населению по карточкам. Кажется, не военным мужчинам полагались в сутки 3 сигареты; фронтовикам давали по 6 сигарет, т. е. одну пачку, а тыловикам – 4. Кроме сигарет многие немцы пользовались также трубкой с табаком, а кое-кто курил сигары. Я видел, как некоторые, главным образом пожилые мужчины, курили одну сигару в течение дня: держать во рту

сигару считалось очень престижным. Они не расставались с сигарой, даже когда ехали на велосипеде. У таких курильщиков вызывало сожаление, что из-за войны не стало возможности приобретать знаменитые кубинские сигары. Конечно, в Германии имелась и комиссионная торговля табаком и табачными изделиями, а также существовал черный рынок.

…Тот день еще запомнился мне тем, что от Ганса я получил местную газету небольшого формата, на последней странице которой были напечатаны в черных рамках с маленьким крестиком извещения о гибели солдат на фронте, в основном германо-советском. В дальнейшем подобные извещения я видел очень много во всех других газетах, и в самых разных местах страны.

На первой странице упомянутой газеты были приведены краткие сообщения о положении на всех фронтах войны, и особенно на восточном. Сообщалось, что немецкие части почти полностью овладели Сталинградом и вышли на берег Волги. Более подробные и свежие сообщения я увидел чуть позже в ежедневной общегерманской газете большого формата «Volkischer Beobachter» («Народный наблюдатель»), являвшейся главным органом Национал-социалистической немецкой рабочей партии, т. е. нацистской или фашистской партии, как ее называли в СССР. Девизом газеты были слова «Свобода и хлеб», помещенные на первой странице, а эмблемой – свастика в когтях орла с клювом, повернутым вправо, т. е. на Восток.

На первой странице была напечатана подробная оперативная сводка, начинавшаяся, как обычно, словами «Верховное командование вооруженных сил извещает» и содержавшая упоминание о том, что «большевики понесли чрезвычайно высокие кровавые потери».

Центральная газета утверждала, что Сталинград теперь немецкий город и что скоро Германия одержит в войне полную победу.

В связи с этим у меня и у большинства моих товарищей не оставалось никакой другой цели, как просто выжить в плену.

Обе немецкие газеты, особенно местную, мне удавалось просматривать очень часто, кроме воскресенья и субботы, что помогало мне в совершенствовании немецкого языка. К сожалению, в мастерской, как и в других зданиях, где находились военнопленные, не было радио, что давало бы возможность овладевать произношением немецких слов. Радиоприемники для населения были вообще запрещены.

Однажды в бараке мы обнаружили кипы газет на русском языке «Клич» и «За Родину», предназначенных для советских

военнопленных и гражданского населения. Когда мы содержались в предварительном и карантинном блоках, нам эти газеты почему-то не давали. Экземпляры газет были за вторую половину сентября и за первую половину октября 1942 года. Все обитатели барака быстро расхватали эти выпуски, но не столько для чтения, сколько для курения махорки, посещении туалета и для подстилки на голые доски нар. Конечно, газеты всеми были прочитаны, так как в бараке ничего другого для чтения не было.

После всего прочитанного мне спалось очень плохо – мучила мысль: если останусь живым и вернусь из плена в родную деревню, когда хозяевами в стране будут немцы, что же я буду делать? Инженером, разумеется, мне не стать. В лучшем случае придется определиться крестьянином-единоличником, если немцы дадут землю.

В ту же ночь приснилась одноклассница по средней школе на родине Люся Кузнецова, в которую я в десятом классе был влюблен. К сожалению, Люся снилась редко, но когда это случалось, меня ожидало что-то хорошее. Так и произошло и в этот раз.

Давыдов и дядя Вася пригласили меня в их барак и, едва я сел на предложенном стуле, они сразу задали мне вопрос: «А знаешь ли ты, Юр, какой завтра день?» Я вспомнил: «Завтра же – День Октябрьской революции!» «А раз так, – сказали они дальше, – надо отметить этот день, независимо от того, сохранится ли в дальнейшем Советская власть». Дядя Вася вытащил из вещевого мешка пузырек с какой-то прозрачной жидкостью, которая оказалось спиртом-денатуратом, выдаваемым в Германии вместо керосина многодетным семьям для приготовления пищи на примусах. Давыдов разделил на три части большую плитку шоколада, которым его угостили заказчики.

Далее дядя Вася налил в эмалированные кружки примерно на четверть денатурат, заявив: «Немцы его не пьют, а если бы увидели, что мы пьем, то пришли бы в ужас. Но я с Давыдовым уже несколько раз его пробовал – пить можно, но в очень малом количестве». Я не смог отказаться и проглотил сильно обжигавшее содержимое кружки и быстро повеселел. За дружеской беседой я узнал, что Давыдов и дядя Вася воевали в московском народном ополчении и попали в плен в начале октября 1941 года под Вязьмой, когда в окружении оказались наши части.

Вернувшись в барак, я съел с остывшим чаем всю пайку хлеба с маргарином и, взяв с собой сигарету, отправился к повару, надеясь, что он и сегодня даст мне что-либо из еды. Однако повар

оказался некурящим и отдал мою сигарету своему соседу по нарам, а мне порекомендовал бросить курить. А дальше шёпотом поинтересовался, не забыл ли я, что завтра на нашей родине большой праздник и, получив утвердительный ответ, вручил мне свои полпайки хлеба и маргарина, чтобы его отметить.

Наступило 7 ноября – день 25-й годовщины Великой Октябрьской социалистической революции, но никто в лагере об этой дате не обмолвился ни словом. Короткий субботний рабочий день 7 ноября прошел спокойно. После обеда я решил прогуляться по территории. У крайнего барака, где помещался отдел регистрации, стояли несколько пленных, похожих на кавказцев, а в помещении я увидел очереди к регистрационным столам. В хвосте одной из них мелькнуло знакомое лицо – Арам Бабаян. Мы обрадовались друг другу, но Арам с огорчением рассказал, что из бараков всех армян пригнали на дополнительную регистрацию. Он слышал, что немцы якобы формируют какую-то особую армянскую команду. Однако армяне не хотят брать Арама в свою компанию, так как он не похож на армянина и не знает армянского языка. Скоро у Бабаяна подошла очередь к регистрационному столу, и мы с ним расстались до случайной встречи в Москве в сентябре 1947 года.

Глава V

8 ноября было выходным днем. Работали из нашего барака лишь повара на пищеблоке и два уборщика. Я, как и вчера после обеда, снова прогулялся по территории блока, на этот раз с Михаилом Бровко. Погода выдалась не холодной, сухой и ясной. И мы хорошо видели находившие не очень далеко от нашего лагеря типичные немецкие дома и другие постройки с высокими красными крышами из черепицы. Заглядывались на людей, копошащихся у домов и работающих на поле, на женщин и детей, едущих по дороге на велосипедах. И так хотелось вырваться на волю, побыть на свободе… После обеда я надумал полежать, но это не удалось: в барак неожиданно пригнали около 50 пленных из соседних бараков, из-за чего стало очень тесно. Многим пришедшим пришлось стоять в проходах между нарами. Вслед появились немецкий офицер в звании капитана, пожилой мужчина в гражданской одежде и молодой человек в немецком офицерском пехотном обмундировании, но с «русскими» знаками различия. За ними вошли старший полицай, как всегда, с нагайкой, и средних лет военнопленный. Все они уселись

на стульях и скамейках, после чего старший по бараку предоставил слово пришедшему военнопленному. Он оказался руководителем группы агитаторов. Этот руководитель объявил негромким голосом об открытии собрания военнопленных блока IV, и представил собравшимся пришедших «высоких» лиц из Особой команды. В начале своей речи он сказал, что вчерашний день на нашей многострадальной Родине считался великим праздником Октябрьской революции. Она должна была, по замыслу её организаторов – Ленина и Троцкого, – принести народу мир, социализм, свободу и жизнь в достатке. Земля должна была принадлежать крестьянам, а заводы и фабрики – рабочим. Далее оратор отметил, что всего этого не случилось. Сталин повёл страну совсем не так, как предполагал Ленин. Сталин выгнал из страны и уничтожил Троцкого, установил в государстве жестокий диктаторский режим, расстрелял почти всех соратников Ленина, отнял у крестьян полученную ими после революции землю, загнав их в колхозы и совхозы, довел до голодной смерти население в Поволжье и на Украине, вернул крепостное право. Он первым начал войну с Германией, из-за чего и мы, собравшиеся здесь, мучаемся в плену, а наши товарищи на фронтах гибнут массами и истекают кровью. В тылу терпит великие муки гражданское население. Необходимо избавить Родину от Сталина и его приспешников. И это мы можем сделать лишь с помощью Германских вооруженных сил, которые уже близки к победе. После победы мы договоримся с руководством Германии о дальнейшем устройстве нашего государства, следуя принципам, которых придерживался Ленин. Поэтому в данное время нашей первоочередной задачей является всяческая поддержка усилий Германии в борьбе с ненавистным всему народу сталинским режимом. Для этого желательно, чтобы мы вступили в создаваемую генералом А. А. Власовым Русскую освободительную армию (РОА), либо в национальные или немецкие подразделения. Всех желающих сделать это оратор пригласил заходить к нему для записи по рабочим дням. Многих слушателей, включая и меня, будущее нашей страны, которое можно было представить себе из выслушанной речи, вполне устраивало, и за это вроде стоило бороться с оружием в руках. Позже мой знакомый повар сказал, что подобного рода речами Особая команда лагеря обманывает военнопленных, чтобы легче было вербовать их в антисоветские войсковые формирования. И, между прочим, несколько пленных в лагере, то ли поддавшись этой агитации, то ли по своему убеждению или из-за невозможности выносить голод и другие мучения в плену, подали тайком от своих товарищей заявление о зачислении их в РОА.

После этого их скоро уводили и незаметно для других пленных увозили из лагеря.

Далее оратор предоставил слово курсанту из школы пропагандистов. Тот заявил, что в подтверждение рассказанному предыдущим оратором прочтёт «Открытое письмо Сталину» от видного большевика Ф. Ф. Раскольникова, опубликованное во многих газетах мира. Раскольников был одним из близких соратников Ленина, создателем Красной Волжской флотилии в Гражданскую войну, а позже – одним из организаторов всего Советского военно-морского флота. Потом он стал дипломатом и служил послом Советского Союза в Болгарии. В 1937 году Сталин потребовал от Раскольникова возвратиться в Москву. В это время были расстреляны многие видные военачальники, и Раскольников понимал, какая участь ожидает его по возвращении. Он отказался приехать и позже написал «Открытое письмо Сталину» с перечислением всех его антинародных и антисоциалистических действий.

Приятным голосом и с артистическими приёмами офицер зачитал это письмо. И все слушали его с огромнейшим вниманием. Офицер сообщил также, что Раскольникову пришлось эмигрировать с семьей во Францию, но в сентябре 1939 года он при странных обстоятельствах закончил свой жизненный путь.

Далее решил блеснуть знанием русского языка сам зондерфюрер лагеря, выступивший с кратким сообщением о положении на фронтах. Коверкая русские слова, он сказал, что «доблестные германские войска стоят на берегу Волги в Сталинграде и бьют большевиков и жидов-комиссаров на всех фронтах. Сталина ждет скорый конец. У большевиков не осталось людских резервов, но они безжалостно бросают остатки бедных русских солдат в атаки – на верную смерть, подгоняя сзади комиссарами».

«Собрание» на этом закончилось, и начальство ушло. Ушли также пленные из других бараков. Но пришедшие из соседнего барака портные дядя Вася и Давыдов рассказали, что произошло у них рано утром 7 ноября. Оказалось, что в их бараке среди военнопленных медиков находится известный советский писатель, Степан Павлович Злобин, написавший в начале 30-х годов роман «Салават Юлаев», который я с удовольствием прочёл в школьные годы. После войны С. П. Злобин на основе собственного опыта пребывания в немецком плену рассказал в романе «Прпавшие без вести» о том, как советские военнопленные мужественно вели себя в лагере.

Так вот, этот писатель 7 ноября перед утренней поверкой громко поздравил всех с Великим праздником Октября и выразил

твердую уверенность, что наша Родина обязательно победит в этой войне. Он призвал пленных делать всё, что в наших силах, чтобы способствовать победе.

Я попросил друзей свести меня в их барак, чтобы взглянуть на писателя. Они согласились. Писатель, худой и одетый, как и другие обычные военнопленные, сидел за столом, ожидая ужина, и разговаривал с одним из медиков. На вид ему было лет 40. Он выглядел типично русским человеком – среднего роста, шатен, курносый. Через два дня его отправили в лагерный филиал № 304 в Цайтхайне. Замечу, что в романе С. П. Злобина описано очень много из того, что испытал и я в плену.

Однажды вечером в наш барак вместе с охапкой газеты «За родину» нам принесли махорку и раздали ее по пачке даже некурящим, которые обычно её обменивали на что-либо съестное. Среди тех, кто нам принес эти дары, оказался симпатичный офицер, от которого пахло духами. Он сидел за столом очень близко от моих нар. Воспользовавшись этим, я вступил с ним в разговор. Я узнал, что он тоже бывший московский студент, попал в плен в начале октября 1941 года в окружении под Вязьмой. Совсем недавно он окончил курсы пропагандистов где-то под Берлином. Теперь ждет в нашем лагере назначения на соответствующую должность в одном из формирований РОА генерала Власова. Живется ему неплохо, всегда сыт, отлично одет, иногда выпивает и «ходит к девочкам», а главное – «живет только сегодняшним днем». Уходя, он угостил меня сигаретой и пригласил захаживать к нему в тот барак, где он работает в составе Особой команды. Но поселился он на частной квартире в Мюльберге.

Пока я общался с офицером, за этим наблюдал мой знакомый повар, и, как только я остался один, повар сделал мне замечание – почему я разговаривал с «этой сволочью, рядом с которой и стоять не следует». Пришлось кое-как оправдываться и отбросить возникшую было мысль о поступлении на пропагандистские курсы и о записи в РОА.

В субботу, 21 ноября, я, как всегда голодный, прогуливался по территории лагеря. Проходя мимо карцера, я неожиданно услышал просьбу: «Друг, дай закурить!» Я тут же остановился и вынул из кармана кисет с махоркой. Щепотку табака с обрывком бумаги я сунул в щель окна. Задымив цигаркой, узник предложил мне обмен: «Я отдаю тебе пайку хлеба, а ты за неё – махорку на 10 цигарок, коробку спичек и порцию маргарина».

Я сразу сообразил, что такой обмен для меня очень выгоден – ведь крошечный кусок маргарина ничто перед хлебом по калорийности. А без десятка щепоток махорки и неполной

коробки спичек я вполне могу обойтись. После раздачи ужина, не став ничего есть, я помчался с порцией маргарина и горстью махорки к окну карцера. Узник ждал меня перед окном. Обмен состоялся без всяких слов. С радостью развернул я упаковку и обнаружил, что в ней не хлеб, а… угольный брикет. И у меня не осталось ничего другого, как мысленно поблагодарить за преподанный мне урок.

Однажды вечером я увидел, что Марат возвратился из умывальника, держа в руке котелок с водой и двумя большими картофелинами. Он поставил котелок в очаг, а после вечерней поверки, не очистив кожуру, съел одну из картофелин. И тут я не выдержал и спросил у друга, где же он достал картофелины. Вместо ответа Марат тихо предложил мне пойти с ним в «поход» завтра после окончания рабочего дня.

На следующий день после обеда Марат повел меня в сторону пищеблока. Около пищеблока стояли длинная фура и с десяток пленных вместе полицаем. Марат подошел к полицаю, о чем-то поговорил с ним и потом объяснил мне: «Я упросил полицая взять тебя в эту компанию. Придется помучиться, но зато всем разрешат взять по паре картофелин».

Привратник открыл ворота, и, сопровождаемые конвоирами, мы потащили фуру по дороге к заснеженному полю и остановились у одного из ближайших буртов, где хранились предварительно хорошо высушенные клубни картофеля. Сверху ров был покрыт соломой и слоями земли. По всей его длине через каждые 3–5 метров были установлены вытяжки. Такой простой способ хранения овощей непосредственно на поле в Германии применяли очень широко, так как зима там обычно бывает не такая суровая, как у нас.

Сменяя друг друга, мы раскидали лопатами и вилами слои снега, земли и соломы, после чего нагрузили картофель на фуру. Потом бурт снова привели в порядок. Работа длилась около получаса. Затем под строгом контролем каждый взял по две картофелины. И мы потащили фуру в лагерь, периодически останавливаясь, чтобы передохнуть.

По ходу движения многие быстро и незаметно для конвоиров взяли из фуры еще по две-три картофелины. У меня тоже появилось желание прихватить еще пару картофелин, но я это сделал неловко, так что один из конвоиров сразу это увидел и, громко выругавшись, толкнул меня прикладом винтовки в спину и сильно ударил кулаком в лицо. Я свалился на землю, а конвоир извлёк из моих карманов все клубни и закинул их в фуру. Мне было не столько больно, сколько обидно за свою нерасторопность.

Из всех пленных никто, даже Марат, за меня не заступился. Но конвоир, шедший впереди, сказал моему обидчику, что нельзя быть таким свирепым. Это меня так тронуло, что я закричал по-немецки: «Спасибо, спасибо, товарищ!» Но это ничего не могло изменить – я всё равно остался без картофелин. …Фуру дотащили до двора пищеблока, где картофель из неё должна была выгрузить другая команда, относящаяся к этому блоку. По дороге «домой» Марат пытался утешить меня и предложил взять его пару картофелин. Но я отказался. Возвратились мы в барак как раз к ужину, который на этот раз я съел совсем без аппетита. Так я отметил праздничный день 5 декабря – день «самой лучшей в мире Сталинской Конституции государства рабочих и крестьян». Он оказался тем днем, когда меня в третий раз за всё время плена избил немецкий солдат.

Не могу не отметить, что в подобной ситуации все военнопленные из других стран, в частности французы, как правило, очень дружно, не боясь быть застреленными конвоиром, заступались за товарища, даже применяли силу к обидчику. Но советские военнопленные и, в особенности русские и украинцы, поступали так крайне редко – каждый старался беречь свою «шкуру».

Пленные тащили не обязательно продукты питания, но и любые вещи, особенно мелкие и ценные, которые можно было спрятать в одежде незаметно для часовых и потом обменять на хлеб или другое съестное у товарищей и часто – у самих немцев. В последнем случае меняльщику нередко требовались услуги переводчика, в качестве которого приходилось бывать и мне, за что перепадало какое-нибудь вознаграждение.

В тяжелейших условиях немецкого плена выживал в основном тот, кто не сидел сложа руки, питаясь лишь мизерным пайком. Надо было всячески изворачиваться, чтобы найти себе дополнительное питание. Наиболее распространенным способом была кража, но это требовало от пленного прежде всего отсутствия страха перед часовым, умения на время усыпить его бдительность. Нужно было быть очень наблюдательным, находчивым и ловким, найти для совместных действий подходящего товарища. Я хорошо запомнил слова, которые часто повторял комендант нашего лагеря, пузатый проныра и пройдоха Пауль Хебештрайт: «Солдат должен уметь всё организовать, но при этом не попадаться». Под словом «организовывать» фельдфебель имел в виду – «украсть»…

Менее распространенным способом добывания пищи было изготовление каких-либо игрушек – их продажа или обмен на кусок хлеба или другое съестное, даже за спирт.

Легче было жить не в одиночку, а «колхозом». Это означало, что несколько товарищей, добыв съестное, складывали его в «общий котёл». Важно было достать не только еду, но и дрова или угольные брикеты. Если член «колхоза» работал там, где его хорошо кормили, например у немецкого крестьянина, то этот человек оставлял свою долю лагерной пищи в пользу товарищей.

…Между прочим, с помощью Марата я совершил еще два «похода» за картошкой, окончившиеся вполне благополучно. Добытые картофелины я варил по две штуки, одну съедал сразу, а другую оставлял на утро.

В воскресенье 6 декабря после обеда в бараке опять появился офицер-пропагандист, который сразу же направился к моим нарам и поинтересовался, почему я не заходил к нему. Пришлось соврать, что трудно было отпроситься у шефа с работы. В это же время ко мне подошел повар, позвав меня «попить кофе, пока он не остыл». Под этим предлогом он быстро увёл меня «от греха подальше».

Нам опять принесли пачки газеты «За родину», и пожилой агитатор громко зачитал помещенный в одном из последних номеров обзор военных действий, где мельком было отмечено, что под Сталинградом германские войска героически сражаются в условиях окружения.

Я запомнил день 7 декабря, когда впервые получил за свою работу в мастерской зарплату за ноябрь – 10 марок двумя маленькими бумажками. Но эти «деньги» были специальными, т. е. предназначенными только для военнопленных, о чем я писал выше. В следующую субботу я приобрел в лагерном киоске напечатанный на тоненькой бумаге карманный немецко-русский и русско-немецкий словарь, изданный в Лейпциге в 1940 году. Благодаря этому словарю у меня отпала необходимость в записывании новых для меня немецких слов в самодельной книжечке. А в сентябре 1945 года я отдал этот словарь молоденькому немецкому военнопленному, работавшему на станции Бердичев, сказав ему: «Этот словарь хорошо послужил мне, когда я был в вашем плену, а теперь пусть так же послужит тебе и поможет выжить в советском плену».

Как-то при разговоре в мастерской с ефрейтором Гансом я поинтересовался, не может ли он найти для меня книжку по грамматике немецкого языка. Тот обещал поискать книгу у себя дома. И действительно, примерно через неделю Ганс вручил мне изданный в начале 30-х годов солидный учебник по немецкой грамматике, сказав, что он пользовался им, когда учился в школе, и теперь дарит мне эту книгу на память.

…Забегая далеко вперед, отмечу, что этот очень хороший

учебник я привез из плена в Донбасс, но там его листы из-за отсутствия другой бумаги «скурили» соседи по общежитию. Та же судьба постигла и красивое издание «Декамерона» на немецком, – обе книги я с большим трудом вывез из Германии. На мои протесты против подобного «варварства» товарищи не обращали никакого внимания, в конце концов и я присоединился к этим курильщикам.

25 декабря немцы устроили для себя и для нас короткий рабочий день в честь праздника Рождества Христова. За день до Рождества в нашей мастерской Ганс установил на стуле маленькую елочку, которую украсил разноцветными ленточками.

В команде сапожников мой друг Михаил Бровко случайно увидел своего земляка, который участвовал как гитарист и куплетист в кружке самодеятельности. Он сообщил нам, что в ночь под новый 1943 год в клубе лагеря намечено организовать небольшое представление, а его участникам дадут «что-то вкусненькое поесть». Михаил и одессит позвали меня участвовать в этом представлении. В клубе мы зашли в комнату за сценой к руководителю кружка лагерной самодеятельности. Он оказался сценаристом и режиссером намеченного представления. Меня он встретил ласково и сказал, что по росту и комплекции я подхожу на роль… 1942 года, которую должны исполнять два артиста. Один из них – рослый и сильный – Михаил будет находиться внизу, а другой, менее тяжелый – я буду стоять у него на плечах. На них накинут общий длинный балахон черного цвета с незаметными для публики отверстиями для глаз и с белой надписью «1942». При этом голову верхнего артиста увенчает колпак, а ниже изобразят лицо Деда Мороза с белой бородой. Когда мы выйдем на авансцену, к нам приблизится артист, скрытый под красным балахоном с надписью «1943». Возможно, его роль будет играть мальчик, которого еще предстоит найти. Этот артист произнесёт детским голосом: «С Новым годом», а потом начнется выступление участников самодеятельности. Мы договорились начать репетиции со следующего вечера.

К концу этого разговора в комнату режиссера зашли лагерный особый руководитель и его русский заместитель. Режиссер вкратце рассказал им о нас – исполнителях начальной части представления, инициаторами которого, как оказалось, были именно эти начальствующие лица. Они поинтересовались сначала, кто мы такие, откуда родом, кем были и как очутились в лагере. Но перед тем как мы уже хотели покинуть клуб, вдруг особый руководитель попросил Михаила Бровко выйти с ним из комнаты. На обратном пути мы спросили Михаила, что хотел

от него особый руководитель. Явно расстроенный происшедшим, Михаил ответил, что он заставил его спустить брюки, чтобы посмотреть на его… половой член. Он хотел убедиться, не обрезан ли он у Михаила, как у еврея, так как в его обязанность входила тщательная проверка каждого пленного, имеющего неарийскую внешность.

Итак, каждый вечер мы репетировали в клубе. Но первые два раза пришлось работать без балахона, который еще только кто-то готовил. С репетициями всё обошлось благополучно. На роль 1943 года русский эмигрант подобрал из своей среды какого-то мальчика, говорившего по-русски, и с которым никто из нас, пленных, не общался. К 31 декабря всё было готово к представлению. Нас привели примерно к 8 часам вечера в клуб на сцену вместе со всеми участниками кружка самодеятельности.

Многие из артистов сразу же незаметно заглянули в зал. Первые четыре ряда там были заняты исключительно немцами в военной форме. На остальных рядах сидели агитаторы, полицаи, регистраторы, переводчики комендатуры и Особой команды лагеря, медицинский персонал, старшие жилых бараков и еще кто-то из других привилегированных, а также небольшое количество рядовых советских военнопленных и пленных из других стран.

Две яркие электрические лампы освещали сцену. Перед закрытым занавесом сцены появился заместитель зондерфюрера – пожилой эмигрант в черном костюме с белой рубашкой и черной бабочкой, который на немецком и русском языках объявил концерт открытым, поздравив зрителей с Новым годом и пожелав всем доброго здоровья, счастья и особо – «скорейшего завершения войны против большевиков и империалистов-плутократов, которая успешно ведётся доблестными Германскими вооруженными силами».

Затем он ушел за занавес, и состоялся мой и Михаила выход, а исполнитель 1943-го года чистым детским голосом сказал нам по-русски: «Спасибо тебе, 1942 год. Ты славно отслужил свой срок и идешь в бессмертие, а теперь на смену тебе пришел я». В ответ Михаил громко произнес: «Спасибо и тебе! Служи дальше, но делай это лучше меня!»

Занавес полностью открыли, и на сцене появились руководитель кружка самодеятельности и русский переводчик, которые и повели концерт. Единственным музыкальным инструментом у артистов была гитара, на которой попеременно играли, распевая песни и частушки, одессит и еще несколько пленных. Два артиста прочитали стихи Пушкина, Некрасова, Лермонтова и других русских поэтов. Однако для немецкой

публики частушки и стихи на русском языке не представили никакого интереса, так как они ей не были понятны, а лагерный переводчик, как и любой другой, был не в состоянии передать их прелесть на немецком языке. А вот мотивы русских песен немцам понравились, и они много хлопали, даже просили исполнить некоторые песни на «бис». В частности, их привела в восторг общеизвестная, в те годы советская песня М. И. Блантера «Катюша», конечно, с измененными словами. Заинтересовала также песня «Крутится, вертится шар голубой» из кинофильма «Юность Максима», тоже с другими словами между припевами: «Волей жестоких владык из Кремля ввергнута в битву наша земля. Будет в войне победителем тот, кто справедлив, кого любит народ». Но особенно понравилась песня «Стенька Разин», которую попросили исполнить трижды, причем немцы подпевали на своем языке.

Концерт закончился часам к 10 вечера. Всем участникам дали за работу необычные для лагеря продукты. Мне и Михаилу заместитель зондерфюрера вручил… по большой головке чеснока. Не ожидавшие лишь такой мизерной и непонятной оплаты за свой труд, мы сначала даже не знали, что с этим чесноком делать. Но всё-таки нашли ему применение, добавляя крошками в суп и натирая им куски хлеба.

В барак мы вернулись к несколько запоздавшей из-за концерта вечерней поверке и сразу, не дождавшись наступления 12 часов ночи, т. е. Нового, 1943 года, легли спать и заснули. Точно так же поступили почти все в бараке. Итак, закончился тяжелейший для граждан нашей страны проклятый 1942 год. Во всей моей дальнейшей жизни такого плохого года для меня уже больше не было.

Глава VI

1 января 1943 года из-за новогоднего праздника был в лагере в основном нерабочим днем (работали лишь повара, истопники, уборщики и некоторые другие). На воле царил легкий морозец, и на земле лежал тонким слоем снег. Никто в нашем бараке не поздравил друг друга с наступившим Новым, 1943 годом. Рацион и «меню» казенного питания оказались, несмотря на большой для всех людей праздник, такими же, как и в будничные дни.

Для меня день прошел главным образом в прогулках по территории лагеря с Михаилом Бровко. Опять зашли к его земляку-одесситу, поделились мнением о вчерашнем концерте, который зрителям понравился, но вызвал недовольство

исполнителей из-за того, что их старание немецкое начальство почти ничем материально не поощрило.

В том же бараке я разговорился с пожилым пленным, работавшим на складе обмундирования и обуви, которым заведовал уже упомянутый фельдфебель Кинто. Случайно выяснилось, что тому пленному крайне необходим для правки бритвы широкий ремень, а у меня такой ремень имелся и бесполезно лежал в вещевом мешке. Я поинтересовался, чем бы он мог расплатиться за ремень. Мы договорились, что завтра он постарается достать со склада нужные мне шинель и пилотку в обмен за ремень. Я попросил, чтобы вещи, во-первых, были достаточно теплыми и новыми и, во-вторых, примерно такого цвета, как наши красноармейские гимнастерки, а не перекрашенными.

Утром 2 января 1943 года в нашей мастерской её главный – немецкий шеф, русский шеф и старший переводчик Воробей, другие немецкие сотрудники и одновременно наши охранники поздравили всех пленных с наступившим Новым годом и пожелали пленным счастливого возвращения на родину после «скорого окончания войны».

Главный шеф и другие немецкие сотрудники были на новогоднем концерте, который им очень понравился, но они не знали, что я и Михаил были там артистами. Это сообщение их обрадовало, и все они нас похвалили, сказав, что мы подняли престиж мастерской и её руководства перед комендатурой лагеря. За это нас угостили – каждого – тремя очень вкусными яблоками, которых мы давно не ели. Вечером, отдав ремень и старые шинель и пилотку «покупателю», я получил совершенно новую французскую шинель и пилотку цвета хаки. При этом почему-то и на шинели, и на пилотке не было маркировки буквами «SU». Вещи, как я и хотел, оказались зеленого цвета и сшитыми из толстого сукна. По покрою шинель напоминала прямое гражданское пальто с двумя внутренними нагрудными карманами и двумя наружными по бокам. Кроме того, с боковых сторон имелись прорези, куда можно было погружать руки для обогрева.

Теперь в новом обмундировании я выглядел совсем «молодцом», и лагерные часовые, если бы не ярко-красные долбленые колодки, вполне могли принимать меня за французского военнопленного, поскольку на одежде не было знака «SU». Конечно, этот знак следовало немедленно нанести, но я решил пока воздержаться от этого до первого замечания немцев, которое, впрочем, так и не последовало. Товарищи по мастерской похвалили мою новую одежду.

16 января Марат и я снова «спикировали», как у нас выражались, на бурт с картошкой. В больших карманах моей новой шинели мне удалось унести «законные» и дополнительно прихваченные с поля 16 картофелин, из которых большую часть я отдал Михаилу Бровко. Растроганный этим, он меня заставил взять на добрую память его немецкий алюминиевый котелок с такой же крышкой, на которой можно было размещать второе блюдо. А я отдал ему свой красноармейский.

В воскресенье 17 января в нашем бараке опять организовали «общее собрание» и раздали несколько экземпляров газеты «За родину», а также новой русской газеты «Заря», выходившей под девизом «Трудящиеся всех стран, объединяйтесь для борьбы с большевизмом!». Ответственным редактором газеты был как будто Н. В. Гранин. На первой полосе одного из номеров красовался большой портрет генерала А. А. Власова в советской военной форме, но без петлиц. Под портретом была статья об этом «видном бывшем советском генерале». На другой полосе находилось «Обращение Русского комитета к бойцам и командирам Красной Армии, ко всему русскому народу и другим народам Советского Союза», якобы принятое накануне на совещании этого комитета в Смоленске.

Уже упоминавшийся руководитель лагерной группы агитаторов прочитал «Обращение» вслух, давая собственные комментарии. Целями комитета были объявлены: свержение Сталина и его клики, уничтожение большевизма; заключение почетного мира с Германией и создание в содружестве с Германией и другими народами Европы «новой России без большевиков и капиталистов». Красноармейцев и всех русских людей призывали к переходу на сторону «действующей в союзе с Германией Русской освободительной армии (РОА)». Замечу, что в Германии я почти ни разу не видел публикации, где бы содержалась критика в адрес В. И. Ленина. Чаще всего о нем вообще ничего не писали. Критиковали и проклинали в основном И. В. Сталина.

Собрание закончилось призывом к военнопленным поддержать «Обращение» и записаться в РОА.

Между тем в немецких газетах я почти ежедневно читал очень тревожные для немцев сводки с театров военных действий. Особенно бросались в глаза сообщения, что «крупные германские войсковые формирования во главе с генерал-лейтенантом Ф. Паулюсом, окруженные Красной армией в районе Сталинграда, в условиях жесточайшего холода, недостатка боеприпасов, топлива и продовольствия мужественно отбивают беспрерывные атаки противника, совершенно не считающегося

со своими огромными потерями». Отмечалось, что противник имеет большое численное преимущество в живой силе и артиллерии, а также в танках.

В нашей мастерской и вообще в лагере немцы пришли от этих сообщений в уныние. Мой собеседник и покровитель Ганс тайком от своего начальства расспрашивал меня, какого я мнения об исходе этой войны. Я ответил, что пока не могу сказать ничего определенного.

В оперативных сводках отмечалось усиление налетов англо-американской авиации на города и промышленные объекты Германии, сообщалось о больших жертвах среди населения. А газеты, выходившие в Германии на русском языке, почти не давали об этом сообщений, вероятно, опасаясь, что соотечественники не станут откликаться на призывы о вступлении в ряды РОА.

Вскоре по вечерам в бараки стали заходить фельдфебель из Особой команды, агитатор и писарь из отдела регистрации. Эти люди по заранее заготовленному списку вызывали к себе на беседу бывших артиллеристов 30–35 лет. Особенно их интересовали зенитчики. Их собирались направлять в качестве вспомогательного персонала на огневые зенитные точки на военные и особо важные промышленные объекты Германии, Норвегии, Дании, Голландии, Бельгии, Франции, Чехии и других оккупированных немцами стран. Всем обещали пищевое и другое довольствие, как и немецким военнослужащим.

Вызвали и меня. Увидев, что в данных обо мне не значится, каким конкретно артиллеристом я был, меня спросили об этом. Сообразив, что сейчас эти люди вербуют пленных на военную службу в Германских войсках противовоздушной обороны, я соврал, что находился в противотанковой артиллерии в составе танковой бригады, номер которой указан в моём личном деле. Приняв во внимание мой ответ и то, что я очень худ и слабосилен, меня отпустили «с миром». А некоторых артиллеристов – не зенитчиков, но имевших солидную комплекцию, рослых и физически сильных, включили в список «изъявивших желание добровольно служить в германской зенитной артиллерии в качестве вспомогательной рабочей силы» (в частности, подносчиков снарядов). В нашем бараке таких «желающих» оказалось пятеро, и их скоро отправили в Норвегию, где почти все они сложили головы.

В последние дни января во всех немецких газетах оперативные сводки были посвящены в основном Сталинградскому фронту, куда на помощь окруженным войскам якобы спешат на выручку с запада и юга другие германские части.

А потом появились сообщения, что «фельдмаршал Паулюс вместе со своими высшими офицерами героически погиб» в Сталинграде. Вскользь написали еще, что имеется более сотни тысяч павших, и что несколько тысяч немецких воинов оказались в советском плену. 6 февраля по всей стране объявили траур по погибшим. В церквах прошли богослужения.

После этих вестей и событий многие из пленных стали сразу задумываться о том, как же помочь Родине, находясь в плену. И что же конкретно можно было сделать? Не работать? Но наша работа не была направлена против Родины. Бежать же из лагеря практически было невозможно, а причинять вред чему-либо внутри лагеря не имело смысла – это означало вредить самому себе. Оставалось лишь разоблачать лагерных агитаторов и отговаривать пленных записываться во власовскую РОА и немецкие воинские подразделения.

Немецкие хозяева и военнослужащие в мастерской были потрясены сообщениями о разгроме войск под Сталинградом. Покровительствовавший мне ефрейтор Ганс заявил, что теперь ему стало совершенно ясно, что Германия непременно проиграет войну и что «скоро придут сюда русские и будут всем немцам мстить». Он не знает, как ему и его семье подготовиться к этому. Я попытался успокоить его, сказав, что «таких бедных работяг, как он, русские солдаты – тоже в основном рабочие и крестьяне – и их партийный авангард не дадут в обиду. Всё будет нормально».

Для советских военнопленных следствием катастрофы немецких войск под Сталинградом стало то, что власти Германии запретили избивать пленных, причем на нарушителя этого запрета можно было жаловаться, и он мог быть (теоретически) строго наказан. Однако избивали нередко и после запрета. Тогда же отменили специальные «деньги» для военнопленных и распорядились оплачивать их работу настоящими немецкими деньгами, а также несколько улучшили питание.

Дела в мастерской пошли вяло. Работы для портных было очень мало, перестали поступать внешние заказы. Однажды дядя Вася заявил мне: «Юр, ты у нас всё-таки не простой пленный, а переводчик – авторитетное лицо и среди нас, и среди немцев. К тому же москвич. А ходишь ты в затрапезном виде. Так нельзя. Я тебе сошью брюки из французских шинелей. Всё равно мне нечего делать».

С помощью Ганса и кладовщика дядя Вася подобрал на складе необходимый материал. Он заявил, что будет шить брюки клёш, т. е. как у моряков, с шириной внизу около 25 см. Во-первых, это красиво, а во-вторых, в этих брюках можно будет незаметно приносить с работы что-либо из съестного. Для этого

надо на концы штанин натянуть носки или портянки и даже завязать их, а украденное, например, картофелины, зерно, сигары и прочее опускать сверху. Чем больше ширина штанины, тем больше в неё войдет «груза», но, конечно, он не должен мешать нормальной ходьбе.

Уже к концу следующего рабочего дня дядя Вася сдал мне своё «произведение искусства», а мои старые брюки закинули в кладовую как тряпьё. «Теперь, – сказал дядя Вася, – очередь за новым мундиром. Как только наберу нужный материал, приступлю к работе». Но, к сожалению, он не успел сшить этот мундир.

После поражения немцев под Сталинградом мы поняли, что следует скорее уходить из лагеря в рабочие команды, поскольку только находясь в них, можно нанести существенный урон Германии, не выполняя или саботируя работы, имеющие отношение к войне (например, погрузку боеприпасов в вагоны). Можно работать медленно или только создавать видимость работы. К тому же из рабочих команд легче убежать и попытаться пробраться к своим войскам. Я вспомнил, что немецкий шеф мастерской, принимая меня на работу, обещал не задерживать меня, если я захочу уйти из мастерской. Повар сказал мне, что слишком «увяз» в лагере и не может его покинуть, но, оставаясь в нем, будет стараться обеспечивать военнопленным лучшее питание.

К концу февраля я несколько окреп, хотя, как и все, все еще мучился от голода. Поэтому я решил уволиться из мастерской и просить лагерное начальство отправить меня куда-либо в рабочую команду.

О своем внезапном намерении не успел даже сказать своим близким друзьям Михаилу Бровко, Марату, дяде Васе, Давыдову и повару (он очень рано ушел на работу). Я с ходу осмелился зайти в кабинет шефа и попросил его сегодня же отпустить меня, поскольку пребывание в лагере стало для меня совершенно бесполезным: в мастерской работы мало, и во мне как втором переводчике нет необходимости.

Шеф совсем не удивился моему решению и ответил, что хотя ему очень не хочется меня отпускать, но не сдержать своего обещания он не может. Он тут же вызвал в кабинет Юзефа и попросил его оформить мой уход из мастерской.

Мы зашли на склад к Кинто, которому я сдал мои ярко-красные долбленые колодки и взамен «по знакомству» получил пару неплохих ботинок на кожаной подошве с полагавшимися у немцев металлическими шипами.

Далее мы направились в отдел регистрации, где Юзеф,

объяснив одному из писарей причину нашего прихода и попрощавшись со мной, ушел. Писарь вытащил из картотеки личных дел мою карточку, сделал в ней соответствующую запись и отложил этот документ в особую секцию. Сказал, что мне сообщат, куда я буду отправлен, и за мной придут, а пока он отведет меня для проживания в блок V. К сожалению, добавил он, на новом месте мне еще не дадут обеда. Когда я оказался в бараке, люди в нем уже пообедали и занимались мытьем посуды. Есть хотелось невероятно сильно. Я пытался уснуть на предоставленных нарах, но это не получилось. Со мной заговорил сосед. Разговор начался с того, что мне пришлось рассказать о себе, а затем он стал осторожно выяснять моё отношение к нашей Родине и мнение о том, кто же будет победителем в этой войне. Оказалось, что по всем затронутым вопросам наши взгляды полностью совпадают. Установив это, сосед признался, что был в Красной армии не рядовым военнослужащим, а майором, но зарегистрировался в плену старшиной, т. е. рядовым военнопленным. И мы с ним до первых дней марта 1943 года, пока меня не увезли из лагеря, находились в блоке вместе и успели подружиться. Как я позже узнал, он стал активным деятелем в одном из подпольных центров, но в конце 1944 года его и нескольких его товарищей немцы разоблачили и заключили в концлагерь, где он, очевидно, и закончил свой жизненный путь.

В этом бараке все принесенное для еды распределяли так же, как и в других бараках. Я захотел было сразу же проглотить свою пайку хлеба, но сосед посоветовал превратить кусок хлеба в мелкие крошки и сварить из них в котелке хлебную кашу, заправив её кусочком маргарина. Таким образом можно продлить удовольствие от еды. Так я и сделал, однако такая каша, кисловатая на вкус, мне вовсе не понравилась. Единственное, что меня устроило – это длительный процесс её поедания. Конечно, я остался голодным, а ночью мне снилось, что я дома у родной матери, ем с мягким черным хлебом из глубокой белой тарелки очень вкусный куриный суп, а потом из белой чашечки пью чай с пышным саратовским калачом, черпая серебряной ложечкой пахучий мед.

Утром мы с соседом занялись подсчетом времени, оставшегося до окончания войны. Мы исходили из наличия людских резервов у воюющих сторон, и получалось, что примерно в июне 1945 года победа будет на стороне Советского Союза.

Днем я вышел прогуляться и оказался у ограды барака, где содержались пленные индийцы немусульманского вероисповедания. Вдруг один из них направился мне навстречу

и поприветствовал меня по-английски: «Good morning!» и крикнул, подняв кулак правой руки: «Сталинград, Сталинград!» Я продолжил диалог с индийцем, вспомнив английские слова, которые выучил, занимаясь английским языком в институте. Индиец показал мне место, где можно было пролезть к ним между землей и проволочной оградой. Не задумываясь об опасности быть застреленным, я пополз «по-пластунски», однако задел за один из шипов колючей проволоки и порвал на спине свою новенькую французскую шинель.

Индийцы повели меня в свой барак и представили товарищам как русского гостя. И что тут началось! Многие стали пожимать мне руки и даже целовать меня. Меня усадили за стол и начали приносить мне подарки: шоколад, печенье, белые сухари, много кусочков сахара, конфеты и банки с консервами, даже двадцать прекрасно пахнувших сигарет «Medium». Поскольку все вещи в карманы не умещались, мне дали пакет. Им очень понравилось, что я, хоть и плохо, но говорю по-английски. Они все спрашивали и спрашивали меня о «великой победе русских в Сталинграде», вообще о русских, о Советском Союзе, России, Москве, Сталине и многом другом. Причем большинство индийцев не сомневались, что Германия войну непременно проиграет. Однако были среди них и такие, которые, хорошо высказываясь о Советском Союзе, одновременно симпатизировали немцам, рассчитывая с их помощью и помощью японцев добиться независимости Индии от Великобритании.

Я хотел спросить, где эти индийцы попали в плен, но не стал, считая этот вопрос в данной ситуации неуместным. А они всё же задали мне очень неприятный вопрос: «Почему ваш вождь Сталин не заботится о своих людях в плену и не хочет, чтобы им помогал Международный Красный Крест, посылая продовольствие и организуя переписку с родными. Ведь русские пленные очень сильно голодают и мучаются от произвола немцев». Пришлось ответить, что у меня не получится объяснить по-английски действия нашего вождя в данном вопросе.

Я хорошо понимал, что тому прекрасному приёму, который мне тогда оказали индийцы, обязан не себе лично, а всему народу своей страны и ее армии. Наверное, я побыл у индийцев часа два. Они посочувствовали, что моя шинель порвалась при переходе в их блок, а один из них принес зеленые нитки и хотел починить шинель, но я не дал ему это делать, сказав, что вечером сам проделаю эту работу (действительно это я сделал сразу, но не очень хорошо).

Наступало время обеда, и мне надо было возвратиться к себе. Я взял пакет с продуктами и в сопровождении индийцев подошел

к дыре в проволочной ограде, через которую пролез утром. Но оказалось, что «задний ход» невозможен из-за неблагоприятного расположения шипов на колючей проволоке. Поэтому индийцы предложили вернуть меня «законным путем».

Поскольку на мне была французская шинель цвета хаки без опознавательного знака «SU», часовой принял меня за одного из французов, к которым он обычно не придирался, и свободно пропустил всю компанию.

Когда я пришел в свой барак, там уже раздавали суп и картофель в мундире. Мой сосед-майор получил для меня обед. Я рассказал ему о своих похождениях и очень обрадовал его, вручив ему две «диковины» – шоколадку и пачку сигарет. Мы оба закурили, распространяя чудесный запах табака. Естественно, этими сигаретами все немедленно заинтересовались и стали просить попробовать их. Один из пленных «засёк», что курева у меня имеется 20 пачек. Он подошел ко мне и тихо попросил отдать ему нераспечатанные 17 пачек за его мундир британского военнослужащего (наверное, офицера) и шапку-кубанку. Мундир был новенький и, как мне давно хотелось, – цвета хаки. А кубанка оказалась из толстой плисовой материи черного цвета по вертикальной поверхности с красными полосками в виде креста наверху над синей шерстяной тканью. После такого «товарообмена» у меня получался полный комплект одежды цвета хаки. Новый мундир был мне впору и хорошо гармонировал с брюками клёш, шинелью и кубанкой на голове.

Когда принесли ужин, я вытащил из вещевого мешка банку какао, несколько кусков печенья, сухари и сахар и половину всего отдал майору. Раскрыв банку какао, мы насыпали его в кружки, налили в них горячий чай и положили сахар. Получился прекрасный и сытный напиток, который мы употребили с печеньем и сухарями, намазанными маргарином. Мы угостили какао многих товарищей, и после этого его совсем не осталось. Попробовали также конфеты, а пайки хлеба оставили на завтрак.

Утром, поддержанный майором, я задумал повторить «поход» к иностранцам. Но при этом у меня возникла проблема с кубанкой, которая явно не подходила к французской шинели и выдавала, что я не французский военнопленный, за которого вчера меня принял немец. Поэтому я решил вместо кубанки намотать на голову белое махровое полотенце, создав видимость чалмы. И таким образом становился несколько похожим на индийца.

На этот раз я решил пролезть под ограждение, сняв с себя шинель и полотенце и оставив их в руках майора, пока не окажусь по другую сторону заграждения. На этот раз я

направился в барак, где обитали индийцы-мусульмане. Войдя в барак я сразу поприветствовал их на английском языке и сказал, что мне хотелось бы узнать, как они живут, какое у них настроение и знают ли о том, что в войне наступил переломный момент после поражения немцев под Сталинградом. Я спросил, не могли бы они помочь русским пленным хотя бы сигаретами и некоторыми продуктами, поскольку мы лишены помощи от Международного Красного Креста.

Как я и предполагал, мусульмане повели себя со мной точно так же, как и их немусульманские соотечественники. Были аналогичные долгие разговоры на английском и немецком языках и вручение подарков для меня и для других русских товарищей – в основном тех же сигарет «Medium», которых набралось пачек 15, а также шоколадок, печенья, какао и еще чего-то. На этот раз всё вполне уместилось в моих карманах. Когда я сказал, что завтра, вероятно, проведаю индийских друзей из другого барака, меня предупредили, чтобы я ни в коем случае не заходил в барак напротив, потому что там живут «плохие индийцы – немусульмане». Точно так же меня предупреждали накануне их соседи. Такая межрелигиозная вражда в индийском народе, где и немусульмане (индуисты, христиане, буддисты и другие), и мусульмане говорят в основном на одном и том же языке, меня очень удивила.

Перед уходом я стал наматывать на голову полотенце, превращая его, как мне думалось, в чалму, чем вызвал у хозяев дружный смех, так как всё делал не так, как нужно. Наконец это дело уладилось, и я дошел в сопровождении трех индийцев до стыка блоков лагеря, где, к счастью, часового не оказалось. Сняв «чалму», я спокойно возвратился к ужину.

Часть принесенных подарков, особенно сигарет, я оставил для себя и майора, а большую отдал соседям и старшему по бараку, чтобы тот распорядился ими, как считает нужным, зная лучше меня, кто из его подопечных особенно нуждается в помощи.

В один из ближайших дней я сделал вылазку в бараки, где обитали французы, бельгийцы, сербы, греки и поляки. К сожалению, из-за того, что день был рабочий, бараки оказались более чем наполовину пусты – большинство ушли с утра в Мюльберг и в окрестные крестьянские хозяйства. Остались лишь несколько заболевших, тех, кто не нуждался в получении дополнительного питания у хозяев или вообще мог обходиться без хождения на работу, довольствуясь посылками из дома или из Международного Красного Креста. С обитателями этих бараков мне пришлось общаться на немецком языке. Тогда

от них же я впервые услышал часто употреблявшееся с юмором пленными всех национальностей и даже немцами выражение «Камсы – камса» (от французского «так себе») в ответ на вопрос: «Как дела?» У пленных оно означало: «Неплохо, т. е. крадем всё потихоньку и так живём». В этот день при мне произнесли также «знаменитую» фразу «Гитлер капут!». Слово «капут» немцы очень часто говорили, когда что-то разбивалось, ломалось или выходило из строя.

Сербы, греки и поляки почти ничем не смогли меня «одарить», так как помощь от Международного Красного Креста и от родных до них доходила редко. Сербы были очень душевными в разговорах со мною, но, будучи православными, они очень плохо отзывались о хорватах, особенно об их вожде – немецком прислужнике Анте Павеличе.

Поляков и греков было в лагере лишь несколько человек. С ними я не разговаривал. Основная масса военнопленных поляков жила и работала вне лагерей.

Всё полученное от французов, бельгийцев и сербов – главным образом простые сигареты в пачках – я легко поместил в двух карманах одежды. В свой барак вернулся из блока VII как раз к обеду. При этом сначала перед выходом из территории блока соорудил над головой из полотенца «чалму» и затем подошел к месту, где должен был находиться часовой. Но тот в это время по какой-то причине оказался в большой куче пленных, пришедших к воротам пищеблока с тележками и ведрами, чтобы получить обед для товарищей в своих бараках. Воспользовавшись этим, убрал с головы «чалму» и незаметно присоединился к тем пленным, благодаря чему благополучно возвратился к себе «домой». Здесь переложил принесенные вещи в вещевой мешок, за которым в моё отсутствие следил майор, пообщался с ним, пообедал, покурил и улегся до ужина спать.

Ночью с первого марта на второе погода в районе лагеря установилась более морозной, чем в предыдущие сутки, и выпал снег, который, однако, часам к 10 утра 2 марта частично растаял. Предполагая, что мне уже скоро придется покинуть Шталаг IV B, я после завтрака всё же решил еще раз посетить блок VII и побывать в нем в оставшихся двух последних бараках, где содержались главным образом англичане и в небольшом количестве американцы. Так как из-за растаявшего снега грунт под ним стал очень мокрым и мог сильно загрязнить мою одежду при переходе через узкое пространство между колючей проволокой ограды и землей, пришлось отказаться от этого способа, применявшегося в предыдущие дни. Поэтому надумал пройти в блок VII самым «нахальным» и рискованным методом –

непосредственно мимо часового, стоявшего на стыке блоков II, III, IV и VI. Для этого вышел на территорию блока IV, что для всех советских, а также многих несоветских пленных было разрешено, и за первым бараком тайком от посторонних лиц «соорудил» из длинного махрового полотенца «чалму» на голове. А дальше дошёл до барака, где размещалась Особая команда лагеря, повернул за этот барак и вышел от него сзади – с его противоположного конца к месту нахождения часового. Здесь я поприветствовал его по-английски «Good day!» и, сделав вид, что, как индиец, накануне побывал по делам в Особой команде, преспокойно прошел в блок VII по коридорному пространству между блоками III и VI.

Вслед за посещением индийцев я побывал у англичан и американцев. Оказалось, что ни один пленный в обоих бараках не ходит ни на какие работы. В дневное время они прогуливались по территории блока, играли в карты, шахматы и шашки и читали книги.

Все обитатели бараков приняли меня хорошо и с большим любопытством. Естественно, приветствие и разговор с ними пришлось вести на плохом английском языке, лишь иногда применяя немецкий. Чтобы это посещение было для меня не слишком унизительным, мне пришлось применить некоторую «хитрость». Войдя в барак и представившись, я говорил, что пришёл сообщить союзникам об общей большой радости – победе Красной армии над немцами под Сталинградом. Конечно, они были прекрасно об этом информированы. Они поздравили меня с этим событием, а я сказал с огорчением, что мы не получаем никакой помощи ни от Международного Красного Креста, ни со своей родины. Мой намек сразу поняли, и в результате за 2,5 часа я получил от англичан и американцев 20 пачек сигарет «Medium», с десяток плиток шоколада, много галет, две пачки индийского чая (кстати, индийцы его почему-то не дали), несколько банок сгущенного молока, какао, натурального кофе и еще что-то из деликатесов. А еще меня угостили очень вкусным супом из мясных консервов, который я заедал белыми сухариками, и дали кофе с молоком.

Между прочим, во время войны многие немцы вынуждены были довольствоваться кофе из зерен ячменя и чаем из разных листьев или моркови, поскольку морские транспортные связи Германии оказались нарушенными и она не могла получать кофе и чай.

Получив от англичан и американцев подарки и рассовав их по всем карманам, я, довольный, возвращался в свой блок. Однако вместо обычного часового я наткнулся на свирепого

пожилого фельдфебеля. На мое приветствие «Добрый вечер» он не ответил, так как сразу определил, что никакой я не индиец, а обыкновенный советский военнопленный. Он подозвал меня указательным пальцем правой руки и, ничего не говоря, сильно ударил кулаком по лицу, а потом пригнал меня в лагерный карцер. Ничего не спрашивая, фельдфебель вытащил из моих карманов все дорогие и остродефицитные вещи, но, к счастью, не тронул мои документы, находившиеся в карманах мундира. Увидев банку с натуральным кофе, фельдфебель очень обрадовался и засунул ее в карман своих брюк, а затем распихал по карманам остальные деликатесы, включая пачки сигарет и индийского чая.

Окончив обыск, он несколько раз «огрел» меня по голове резиновой дубинкой. Я упал на мокрый и частично обледеневший пол и не мог встать до тех пор, пока фельдфебель не ушел из карцера.

Хотя после ухода фельдфебеля я и надел на себя всю одежду и обулся, всё равно ночью я не мог долго лежать на холодном полу, всё время дрожал от холода. Постоянно мучила мысль, что меня завтра ожидает. С рассветом дверь карцера неожиданно открылась и часовой меня выпустил, сказав, что я могу отправиться в свой барак. Туда уже принесли чай и начали раздавать по кружкам. Майор, которому сразу рассказал о том, что со мной было, отдал мне мою вчерашнюю порцию хлеба и маргарина. Помыв лицо, левая щека которого немного опухла от удара фельдфебеля, я улегся спать. Проснулся, когда к 12 часам принесли обед. Заглянув в вещевой мешок, я обнаружил, что там остались лишь пара сухарей, плитка шоколада и раскрытая пачка с пятью сигаретами.

Вспомнив, что на моей одежде нет маркировки «SU», отправился на склад вместе с соседом, который помог мне нанести по трафарету желтой масляной краской большие буквы «SU». Их сделали на том самом месте, где я порвал шинель колючей проволокой. Теперь эти две буквы можно было считать своего рода дорогой медалью и гордиться перед немцами и другими иностранцами, что я – гражданин Советского Союза. (При этом я вспомнил известное стихотворение В. В. Маяковского «Стихи о советском паспорте».)

С утра 4 марта погода стала снова теплой и солнечной. В этот день майор постриг меня «под польку» и, закончив работу, разломил расческу пополам, отдав мне одну половинку на память – как будто знал, что скоро мы расстанемся. Так и случилось. На другой день после завтрака переводчик зачитал по списку фамилии 15 пленных, среди которых оказался

и я. Нам объявили, что мы включены в состав большой рабочей команды в одном из городов недалеко от Мюльберга. В случае попытки побега по пути по беглецам будут стрелять без всякого предупреждения. Переводчик предупредил нас, что во время работы и проживания на новом месте нам придется сталкиваться с гражданским населением – и не только с мужчинами, но и с женщинами. Поэтому нам необходимо крепко запомнить, что за попытку вступления с немками в любовные отношения пленному грозит пожизненное пребывание в каторжной тюрьме, а за совращение немки – смертная казнь через повешение.

Оказалось, что на время путешествия старшим группы и посредником при разговоре пленных с конвоиром назначен я, как умеющий достаточно хорошо говорить по-немецки. В связи с этим мне приказали идти в первом ряду колонны ведущим левофланговым, чтобы передавать произнесенные по-немецки команды конвоира: «Вперед!», «Прямо!», «Правое плечо вперед!», «Левое плечо вперед!», «Стой!», «Налево!», «Направо!», «Смирно!», «Вольно!», «Разойдись!» и другие.

Но прежде чем мы вышли из блока, колонну задержал прибежавший агитатор из Особой команды лагеря с экземплярами газеты «Заря». Забегая вперед, скажу, что газета была датирована 3 марта 1943 года. Там под большим портретом генерала А. А. Власова на первой и второй полосах было напечатано открытое письмо «Почему я стал на путь борьбы с большевизмом». Мы прочитали его, когда ехали в вагоне поезда. Отмечу лишь, что в письме Власов утверждал, что будучи командующим Второй ударной армии, окруженной в болотах и явно обреченной на верную гибель из-за отсутствия боеприпасов и продовольствия, он сдался в плен не добровольно, а только после того, как почти месяц скрывался от немцев. Он призывал русских людей вступить в борьбу против Сталина, за новую Россию без большевиков и капиталистов, а военнопленных и молодых гражданских лиц – записываться в РОА.

Замечу, что некоторые объясняли стремление генерала Власова сформировать РОА, чтобы, обманув Гитлера и его окружение, спасти от голодной смерти миллионы советских военнопленных.

…Наконец конвоир крикнул: «Вперед, шагом марш!», и мы покинули навсегда Шталаг IV B.

Часть третья. В рабочей команде в городе Каменц

Глава I

Несмотря на жгучее желание хоть что-то поесть, я и большинство моих товарищей шли в приподнятом настроении из-за того, что вырвались из лагеря как бы на свободу, хотя сзади шёл конвоир с винтовкой.

…Из шедших тогда в колонне пленных мне запомнились только двое. Первый был очень самоуверенный, крикливый и хвастливый молодой человек небольшого роста, моложе меня года на два, по имени Петя, а по прозвищу Комиссар, которым он явно гордился. Ко мне Петя относился с заметной завистью. Он был выпускником какого-то техникума. Потом вместе со мной в рабочей команде он находился около девяти месяцев, после чего его отправили на другое место.

Вторым товарищем был пленный постарше меня года на два, имевший прозвище Француз, которое получил потому, что, как и я, носил французскую шинель и французскую пилотку. Он был скрытен и молчалив, ловок и хитер, мог «организовать» себе дополнительное питание. Немцы часто брали его на работы по обработке земли и выращиванию овощей. В конце ноября 1943 года «Француза» тоже отправили в другую рабочую команду. Я увидел его случайно в декабре 1955 года в Москве, на улице Петровка. Я догнал его и окликнул: «Француз!» Мы обрадовались встрече и удивились, что в плену не знали, что являемся москвичами. Поговорили, вспомнив былое, прослезились и расстались навсегда.

Погода, как и в предыдущий день, была теплой и солнечной. На деревьях уже начинали распускаться листья. Высоко в небе пел жаворонок. Прошагав по шоссе минут 45, клацая о брусчатку деревянными подошвами ботинок, колонна вступила на главную улицу Мюльберга, совсем небольшого города, как по занимаемой территории, так и по количеству населения. Так я впервые оказался на территории немецкого населенного пункта. Автомобилей почти не было, но оказалось много велосипедов; часто они стояли без хозяина на стоянках или у стен домов. Везде царило полное спокойствие.

В те годы в Германии был установлен такой порядок, по которому в любом населенном пункте военнопленные, даже если они двигались не колонной, а в одиночку, должны были

перемещаться только по мостовой. В случае, когда колонна была длинной, а конвоиров – несколько, например, трое, то один из них шел по правому тротуару, второй – по левому, а третий – в хвосте колонны, но по мостовой. Пробыв в германском плену почти три года, я и в Москве долгое время автоматически сходил с тротуара на мостовую, а привычка ходить как арестант – с руками, скрещенными за спиной, осталась до сих пор.

В зависимости от общего количества ведомых и ширины улицы или дороги, пленных выстраивали в колонну, состоящую от трех до пяти рядов: по пять – при большом количестве конвоируемых и при широкой дороге или улице. Число конвоиров, естественно, определялось количеством людей в колонне. При работе пленных на производстве охранником мог быть мастер или прораб, которого обязывали следить за подчиненными ему людьми, чтобы они не убежали.

Такой немец стремился, чтобы его подопечные не отлучались далеко с рабочего места. Иногда он каким-то образом обеспечивал свою группу дополнительным питанием и куревом и, как правило, старался быть с ними возможно человечнее. Все знали: если кто-то убежит, то он и его семья сильно пострадают. Если этот человек хорошо относился к пленным, то ему сочувствовали. Но встречались и скверные прорабы – ярые нацисты. Бывали случаи, когда они избивали пленных, и тогда часовым приходилось вступаться за своих подопечных.

…Скоро мы оказались на небольшом железнодорожном вокзале. Конвоир завел нас в хвостовой вагон пригородного поезда с жесткими скамейками. Как только поезд тронулся, конвоир, успокоившись и поставив винтовку на пол, вдруг начал тихо напевать популярную у немцев грустноватую песню со словами: «Стоит солдат на берегу Волги и думает о своем отечестве»… И так он её спел несколько раз. Мне приходилось слышать эту песню и от других немецких солдат, по-видимому, таким образом глубоко переживавших за товарищей, сложивших свои головы под Сталинградом…

Кроме нас в том же вагоне разместились гражданские пассажиры и военные, аккуратно одетые немки, а также дети, среди которых некоторые были в форме гитлерюгенда. Все эти пассажиры с любопытством поглядывали на нас.

На одной из станций мы заметили двух советских военнопленных, которые на тележке везли какой-то груз. Они работали совсем без охраны. Это дало нам повод предположить, что и нам повезёт, как и этим соотечественникам.

В общем, ехали мы, разговаривая и глядя в окно вагона, гадали, будут ли нас чем-то кормить, когда прибудем на место

назначения, так как всем очень сильно хотелось есть. Наконец часам к 12 мы приехали в Дрезден на Нойштадский вокзал. Я сразу обратился к конвоиру с просьбой, чтобы он свёл нас в вокзальный туалет. Конвоир согласился, но с условием, что никто не убежит. Я перевел эти слова об этом по-русски ребятам, и те заверили, что всё будет в порядке. Тогда конвоир привел нас к этому «заведению».

У меня еще оставались при себе три сигареты «Медиум». И пока мы ждали следующего поезда, на котором, по словам конвоира, нам предстояло ехать до конечного пункта, я закурил одну из них, а вторую – отдал… конвоиру. Он взял ее с великим удовольствием и отдал мне взамен немецкую.

Скоро точно такой же поезд, на котором мы приехали в Дрезден, прибыл от Главного вокзала, и мы быстро заняли задние купе в последнем вагоне. Наш поезд следовал через Радэберг (известный «пивной» город), Арнсдорф, Гроссрёрсдорф и Пульснитц. Конечной остановкой был город Каменц[10]. С 1969 по 1988 год я шесть раз посетил Каменц, один и с членами моей семьи, и тогда и партийное, и административное руководство города и округа с тем же названием прекрасно меня принимали.

Город издавна славился предприятиями, производящими тонкие сукна, разнообразные глиняную посуду и украшения, стекло и стеклянные изделия, металлические детали для машин, некоторые машины, а также прекрасное и только Каменцу присущее по вкусу пиво. В черте Каменца, а особенно много – в его окрестностях имелись каменные карьеры (отсюда, наверное, и славянское название города) по добыче серого и черного гранита, который обрабатывали в местных мастерских.

В Каменце имелись два больших военных городка. Первый из них, старый и главный, – для танковых, противотанковых и пехотных подразделений, а второй, новый (рис. 8), – только для военно-воздушных сил. Туда и привёл нас – пленных – конвоир. Мне и моим товарищам приходилось работать на северной окраине города, где расположена грузо-товарная железнодорожная станция Каменц Саксонский-Северная.

…Высадившись из вагона на вокзале города Каменц, мы построились в колонну (я опять стал первым левофланговым) и зашагали под гору по мостовой до улицы Казарменной, на которой располагался военный городок. Затем пошли дальше на север по той же улице. Конвоир шел, как и раньше, по правому тротуару улицы.

Так как на мне были черная кубанка с красным крестом сверху, красивый и хорошо прилегающий к телу мундир британского военнослужащего, широченные брюки и ботинки

с шипами, производившими шум, прохожие обращали на меня особое внимание. Мы прошли мимо военного городка за высокой кирпичной стеной со светло-серыми четырех– и пятиэтажными кирпичными домами, затем миновали товарную железнодорожную станцию Каменц-Северная с двухэтажным складом и штабелями строительных материалов. На другой стороне станции было поле. Наша колонна остановилась у контрольно-пропускного пункта (КПП) военно-учебного аэродрома, огороженного рядом колючей проволоки. Однако самолетов на аэродроме не было видно: возможно, они находились в ангарах.

Рядом с КПП слева и справа находились три больших серого цвета кирпичных трехэтажных дома с традиционной для Германии островерхой крышей из ярко-красной черепицы. В них размещались: командование аэродрома, учебные аудитории и кабинеты, клуб для военнослужащих. Один из гаражей 1 был превращен в лагерь для рабочей команды советских военнопленных, к которым предстояло присоединиться и нам. В большинстве бараков проживали курсанты и военнослужащие аэродрома. Конечно, мы быстро узнали расположение наиболее важного для нас барака, где продукты выдавали непосредственно на руки и где находились кухни. В медико-санитарной части обслуживали как немцев, так и военнопленных, а также пригнанных из Советского Союза гражданских лиц. Среди последних были пять девушек из Курской области, занимавшиеся в основном выращиванием овощей на пустырях за аэродромом.

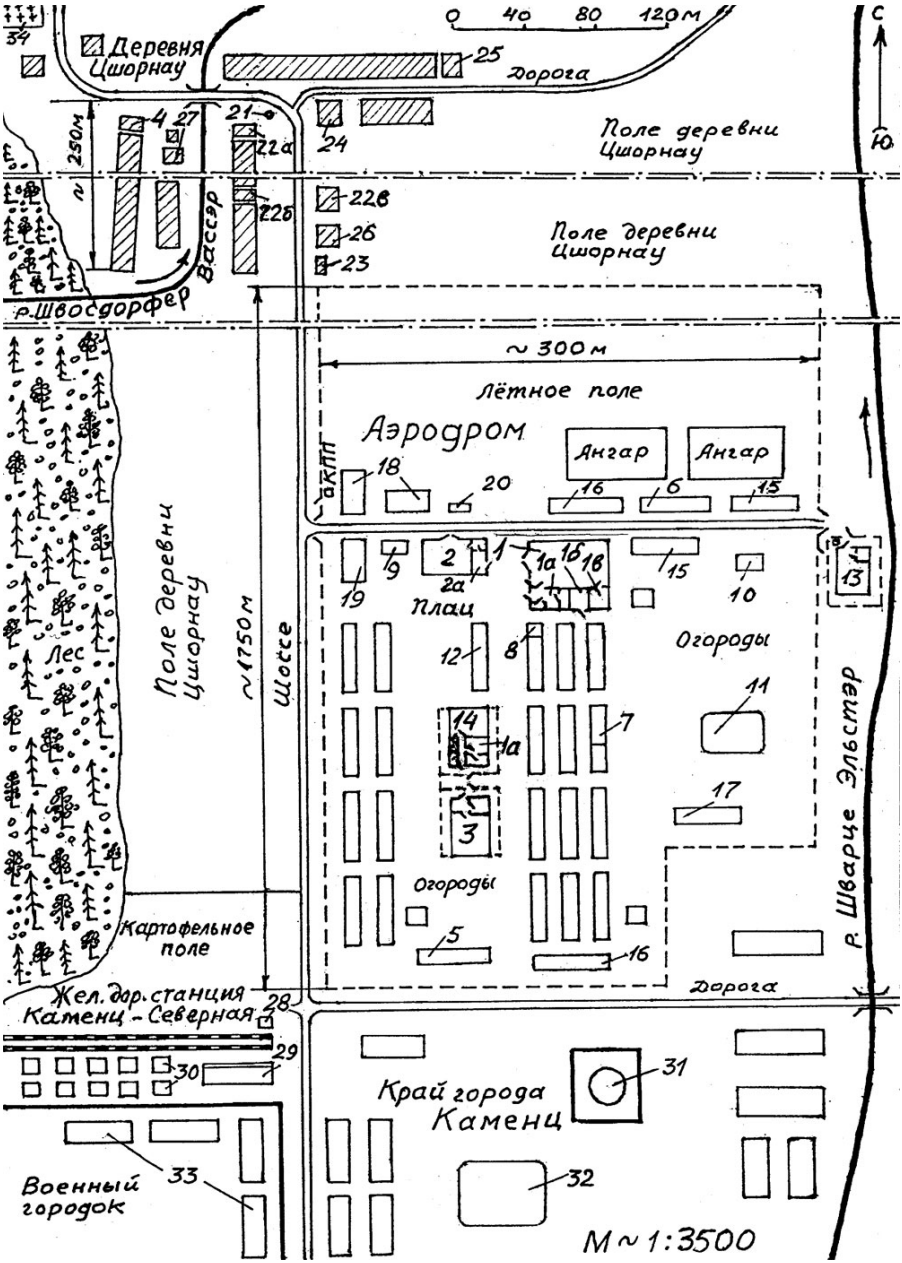


Рис. 8. Примерный план расположения военно-учебного аэродрома, деревни Цшорнау, товарной железнодорожной станции Каменец-Северная и прилегающих к ним мест и объектов.

На схеме обозначены:
- - - - - - - - — границы аэродрома и ограждение из одного ряда колючей проволоки; _/ _ — ворота и двери; [ ] — кирпичные дома и постройки; [ ] — деревянные бараки; [ ] — котельные;
1 — большой гараж, превращенный в лагерь; 1а — караульные помещения; 1б — комната для прибывающих; 1в — комната, где я поселился;
2 — малый гараж для содержания пленных в мае — августе 1943 года;
2а — участок для прессования бумаги и картона; 3 — барак для наших пленных, использовавшийся с августа 1943 года и до начала января 1944 года; 4 — здание в деревне Цшорнау, где команда проживала с начала января 1944 года и до 20 апреля 1945 года; 5 — склад продуктов и кухня для пленных и столовая для немецких военных; 6 — кухня со столовой для немецкого гражданского персонала и гражданских лиц из СССР; с июня 1943 года (без столовой) — также для пленных из СССР и Голландии; 7 — медико-санитарная часть; 8 — душевая; 9 — склад угольных брикетов и дров; 10 — яма для опорожнения параши;
11 — каменный карьер; 12 — мастерская для столярных и малярных работ; 13 и 14 — лагеря для голландских пленных; 15 — цехи и мастерские различного назначения; 16 — продуктовые склады; 17 — склад обмундирования и обуви; 18 — помещение для командования аэродрома и главное караульное помещение; 19 — учебные помещения и клуб для немецких военнослужащих; 20 — бассейн с водой для тушения пожаров; 21 — памятник солдатам, погибшим на войне в 1914—1918 годах; 22а, 22б и 22в — крестьянские усадьбы в Цшорнау, в которых я работал; 23 — площадка для бидонов с молоком, сдаваемым государству; 24 — дом акушерки; 25 — частная хлебопекарня;
26 — дом бургомистра Цшорнау и руководителя местной нацистской партийной ячейки; 27 — кузница; 28 — будка товарной железнодорожной станции Каменц (Саксонский) — Северная; 29 — склад для зерновых и разных товаров; 30 — штабели с деталями для стандартных деревянных бараков; 31 — городская канализационная станция;
32 — каменный карьер; 33 — казармы и другие строения на территории военного городка; 34 — кладбище

На аэродроме нас встретил унтер-офицер, одетый в форму пехотинца, но без оружия. Его фамилия, как я потом узнал, была Петцольд. Раньше он был школьным учителем, а теперь служил заместителем коменданта лагеря советских военнопленных. Конвоир передал нас унтер-офицеру и, ничего не сказав нам на прощание, уехал.

Глава II

Скоро из большого гаража вышел фельдфебель Paul Hebestreit (Пауль Хебештрайт), фамилия которого означала в зависимости от ситуации – «Поднимай спор» или «Гасимый спор».

Как и унтер-офицер Петцольд, он был средних лет и среднего роста, тоже одетым в форму пехотинца без шинели и в полугалифе. На ногах у него были скрипучие воинские

ботинки и высокие, до колен коричневые краги и толстой свиной кожи. На голове сидела фуражка с высокой тульей. Он был курновым и голубоглазым, имел большой живот и очень свирепое лицо. На широком кожаном ремне висел cpflb заключенный в кожаную кобуру пистолет. Фельдфебель посасывал толстую сигару. За фельдфебелем возникла тщедушная фигура пленного русского переводчика. Он был одет в стандартный серый джемпер немецкого солдата и темно-зеленые брюки навыпуск, которые носили советские военнопленные. Кроме указанных лиц, у ворот гаража появились несколько любопытствовавших – «старых» военнопленных.

Фельдфебель молча и пристально осматрел каждого прибывшего, заглядывая в глаза. Затем, вынув изо рта сигару, зычным голосом потребовал у переводчика узнать, получали ли мы сегодня довольствие. Ответ на вопрос фельдфебеля пришлось дать мне, как старшему нашей группы. Но я сделал это не на русском языке, как того ждали переводчик и фельдфебель, а по-немецки, причем грамотно и почти без акцента. Я сказал, что сегодня рано утром мы выпили только по кружке чая без ничего, так что теперь никакого продовольствия не имеем. Фельдфебель удивленно посмотрел на меня, и теперь уже мне поручили перевести следующее: «Скажи товарищам, что вы сейчас получите горячий обед». Я перевел сказанное, и все сразу повеселели.

Фельдфебель спросил мое имя. Услышав, что я Юрий или Юра, он решил, что будет звать меня Юра, но у него получилось только «Юа», поскольку, как и многие немцы, он не мог четко выговаривать звук «Р». Узнав, кто я по профессии и где учил немецкий язык, объявил, что с этого момента я назначаюсь вторым переводчиком лагеря. Месяца через полтора, когда число пленных в рабочей команде было уменьшено почти наполовину, фельдфебель превратил меня в первого и единственного лагерного переводчика. Услышав о своем назначении, я ответил, как и подобало в таком случае: «Так точно, г-н фельдфебель, мой долг с этим согласиться».

Мое назначение фельдфебель приказал принять к сведению первому переводчику – Саше, унтер-офицеру Петцольду и подошедшему старшему стрелку, которого звали Николаус – Николай Билк. Этот солдат был вооружен плоским штыком от винтовки. После этих переговоров нас завели в одну из боковых комнат с бетонным полом и с очень маленьким окном над дверью. Там нас оставили на попечении Саши, который назвал свою фамилию – Зинченко. Он сообщил, что сейчас сюда принесут для нас хлеб и горячий обед, а после обеда мы будем

распределены по местам постоянного проживания. Естественно, мы стали расспрашивать его, что нас ожидает здесь: как будут кормить, где предстоит работать, есть ли возможность куда-либо «спикировать» для добычи дополнительной еды и т. д. Оказалось, что в рабочей команде, которая носит номер 1062 и относится к базовому лагерю Шталаг IV А в Hohnstein-е (Хохштайне), находятся около 160 советских военнопленных. Они занимаются тем, что под строгой охраной часовых помогают немцам подвозить и отправлять на станцию специальные металлические контейнеры, загружаемые продовольствием, медикаментами и еще чем-то. Эти контейнеры летчики сбрасывают на парашютах или без них своим войсковым частям, попавшим в окружение. Особенно интенсивно эта работа велась с декабря 1942 года по конец февраля 1943 года, когда в окружении под Сталинградом находилась 6-я армия Паулюса. На всех работах с контейнерами пленных охраняют военнослужащие – авиаторы и ответственные за своих подопечных гражданские лица – «прорабы», как их называют по-русски.

От Саши мы узнали, что есть и другие работы, но не тяжелые, и обращаются немцы с пленными не слишком сурово. Не было еще ни одного побега, хотя осуществить побег больших проблем не представляет, однако затем перемещаться по территории Германии будет практически невозможно, – беглецов очень быстро ловят.

В самом лагере и на работах, выполняемых вне аэродрома или не связанных с ним, пленных караулят от 6 до 8 пехотинцев во главе с фельдфебелем. Они находятся в караульном помещении, а в свободное время – кто у себя дома, кто – в бараке. В основном это солдаты пожилого возраста, прибывшие из госпиталей тяжело раненные фронтовики, лица, не годные к активной службе по состоянию здоровья, а также освобожденные от отправки на фронт по семейным обстоятельствам.

Утром всех пленных выстраивают у гаража и устраивают им поверку перед отправлением на работу, затем прорабы или мастера забирают пленных с собой. После окончания рабочего дня эти же лица приводят пленных обратно в лагерь и «сдают» их по счёту комендатуре. Заболевшие или травмированные пленные освобождаются от работы на определенное время и получают лечение в местной медико-санитарной части.

Вечером в 20 часов после ужина здание гаража охранники запирают до 5 часов 30 минут. Вечерней поверки с выстраиванием пленных не бывает, поскольку их уже сосчитали

после возвращения с работы, а количество оставшихся в гараже больных и другого персонала охране всегда точно известно. В 22 часа 30 минут объявляется отбой и все пленные обязаны ложиться спать.

Пленным, за исключением отдельных особо доверенных лиц, не разрешается ходить без сопровождения конвоира по территории аэродрома. Строго запрещается бывать возле казарм, где проживают немецкие военнослужащие.

По воскресеньям пленные проводят время только «дома». Днем разрешается выйти из гаража и побыть рядом с ним на свежем воздухе, но под охраной часового. Обычно по выходным дням все должны заниматься приведением в порядок себя и одежды. Азартные игры немцами преследуются. Примерно раз в месяц пленным дают помыться в душе и сменить нижнее бельё.

Рассказав все это, Саша ушел, так как наступило время обеда и ему необходимо было заниматься организацией доставки его пленным, работающим в ангарах и на железнодорожной станции.

Скоро двое пленных, работавших на кухне, привезли к нам на тележке в сопровождении упомянутого стрелка Билка обед в закрытых крышкой металлических (а не в деревянных, как в Шталаге IV B) бачках. На первое был горячий густой мучной суп из кольраби с кусочками мяса, на второе – картофель в мундире, по 9–10 штук на каждого. Каждому полагалось по пайке хлеба весом 250 граммов (т. е. одна буханка весом 1 кг на четверых) и маргарина, и раз в неделю – банка мясных консервов весом 700 граммов на 15 человек. Пайки хлеба и маргарина были уже нарезаны на кухне и оказались ощутимо большими, чем в Шталаге IV B.

Билк удивил нас тем, что войдя к нам с обедом, поприветствовал всех на ломаном русском языке: «Добри день, панове!» Затем из карманов своего мундира вынул «деликатес» – 4 больших луковицы с длинными и плоскими перьями, сказав: «Это от меня для всех». Пока мы разливали суп по котелкам и делили его лук, Билк продолжал разговор, употребляя много слов, одинаковых с русскими или похожих на русские. Когда что-то не получалось, он обращался ко мне по-немецки и просил перевести сказанное.

Он сказал, что зовется Николаем и что он не немец, а «сербске». Мы удивились: ведь сербы живут в Югославии. На это Николай уточнил – является не сербом, а сербске, а это не одно и то же. Немцы называют сербске сорбами или вендами. Так мы впервые узнали о существовании в Германии славянского народа.

Оказалось, что семья Николая живет поблизости в деревне

Писковитц, и его не отправили на фронт только потому, что у него 8 малолетних детей. Мы поняли, что Николай, как славянин, симпатизирует русским, и это нас очень тронуло. В тот же день нам стало известно, что Николай получил от советских пленных приятную для него русскую кличку Коля. В конце дня унтер-офицер Петцольд и тот же Николай привели нас в зал гаража, где собрались после работы его «старые» жильцы. С ужасом мы установили, что там спят более двух третей пленных, и лишь 50 жильцам, прибывшим в лагерь еще в 1942 году, достались 10 металлических трехъярусных и 10 деревянных двухъярусных нар. Они были такими же, как в Шталаге IV B и в других лагерях, поскольку изготовляли их по единому германскому стандарту DIN. На ложах всех нар имелись подстилки в виде тонких тюфяков и маленькие подушки, а также легкие одеяла. Все они были из грубой и темной ткани. У пленных же, спавших на полу, никаких постелей не было. Уходя на работу, они забирали с собой личные вещи. После ухода людей двое уборщиков промывали пол из шланга и чистили его швабрами, а потом надолго открывали настежь ворота гаража, проветривая его.

В гараже были батареи, но на улице стало тепло, и их отключили. Ночью окна заставляли светомаскировочными щитами. Разумеется, в углу находилась большая бочка – параша, а также умывальник и ванна.

Меня, как «очень важное и для немцев, и для моих товарищей» лицо, т. е. переводчика, Петцольд по указанию фельдфебеля поселил в крайнюю комнату. Окно комнаты было зарешечено и имело маленькую форточку. На полу стояла металлическая переносная вешалка, на которой висели пять чьих-то шинелей и головных уборов. Так что здесь впервые в плену я получил возможность спать более или менее по-человечески, т. е. на постели с тюфяком, одеялом и подушкой. Мешки с личными вещами здесь лежали рядом с подушками, а под нарами виднелись домашние туфли – пантофели на деревянной подошве, которые поздно вечером принесли и мне. Рядом с окном вместе с несколькими стульями находился стол с листками чистой бумаги, карандашом, ластиком, ручкой и пузырьком с синими чернилами, а также пепельницей. На стене имелась длинная полка, заставленная котелками, кружками, тарелками и другими кухонными вещами.

А самое главное – в комнате была металлическая раковина с водопроводным краном и верхней полочкой для мыла, зубной щетки и зубного порошка. Я радовался возможности умыться, почистить зубы, помыть посуду после еды и вдоволь напиться

чистой воды.

Моими соседями оказались: высокорослый санитар Николай Павлович, бывший капитан-артиллерист, записавшийся при регистрации рядовым санинструктором, полицай Федор Журавский, бывший старший лейтенант, и старший уборщик лагеря Никита Парфенов, как и я – рядовой красноармеец, а до призыва в армию – колхозник.

Санитар держал в комнате небольшой запас простых лекарств, включая марганцовку, йод, порошок древесного угля и еще что-то, а также перевязочный материал, чтобы оказать первую помощь. О себе он ничего не рассказывал.

Федя-полицай, как его звали все пленные, был родом из Белоруссии и заявлял, что является по национальности поляком, хотя польского языка не знал. Как полицай он был человеком гуманным, не способным кого-либо из пленных обидеть, а те, наоборот, нередко оскорбляли его за ненавистную им должность.

Никита (Никита Парфенович Парфенов) был человеком лет сорока. До войны он проживал в деревне Юфаново Издешковского района Смоленской области. Из-за рыжеватого оттенка волос он получил прозвище Никита Рыжий. Никита был хитер и, когда это ему было надо, притворялся дурачком. Большинство пленных относились к Никите презрительно, поскольку он, помимо своей основной обязанности, единственный в лагере занимался уборкой караульного помещения, кабинета и комнаты фельдфебеля, прислуживая ему вроде денщика и получая от него и от других немцев остатки еды. Меня Никита уважал и после войны года два со мной переписывался.

О Саше я узнал, что он родом из украинского города Славянска. В школе он проучился 8 лет, немецкого языка вовсе не изучал и немного освоил его по разговорам немцев между собой, когда, попав в июле 1941 года в плен, работал на большой немецкой кухне в Минске. Скоро пришел Саша, а за ним минут на десять заглянул за чем-то Миша (Михаил Митрофанович) Федерякин, являвшийся русским шефом кухни. Мне было приятно услышать, что мы оба бывшие студенты старших курсов. Миша сообщил, что родом он из-под города Грязи Воронежской области. Пленные почему-то дали ему прозвище Цыпленок. В 1947 году, разговаривая в Московском институте стали с бывшим однокурсником и будущим доктором технических наук Васей Голиковым, я узнал, что Миша – его двоюродный брат. Вася сказал, что Миша не вернулся с войны и никто из родных ничего не знает о его судьбе. Я оказался единственным, кто сообщил им кое-что о Мише.

Все соседи были рады иметь меня в рабочей команде. И Николай Павлович, и Федя Журавский, и Миша Федерякин немного владели немецким языком, а Миша Федерякин знал язык лучше, чем они. Однако до меня и до Саши им было еще далеко. А Никита знал лишь несколько немецких слов и объяснялся со своим шефом в основном пантомимами и… на русском языке.

После ухода Миши к нам зашёл фельдфебель Хебештрайт в сопровождении унтер-офицера Петцольда, державшего белую повязку, карандаш, маленькую кисточку, ученическую ручку с пером и склянку с черными чернилами, которые он положил на стол.

Фельдфебель грузно уселся на стуле и поинтересовался, как я устроился. Потом он сказал, какие обязанности возлагаются на меня. Прежде всего, вместе с санитаром я буду сопровождать больных или травмированных пленных в медико-санитарную часть, где мне предстоит помочь врачу в качестве переводчика. Фельдфебель заметил, что среди пленных есть типы, которые, чтобы не идти на работу, симулируют болезни, наносят себе небольшие раны, а также применяют другие ухищрения. Следовательно, задача переводчика – помочь врачу в разоблачении таких проделок.

По существу, эти лица являются самыми бессовестными и нахальными эксплуататорами своих же близких товарищей. Ведь никого из пленных не отпустят до тех пор, пока они не выполнят весь объем работы, будь группа в полном или не в полном составе. Так что напрасно они говорят, что таким саботажем помогают своей сражающейся родине. Фельдфебель, старый «солдафон» времен Первой мировой войны, был тончайшим психологом, и для него было достаточно внимательно посмотреть на своего визави, чтобы узнать, что он собой представляет и о чем думает.

Фельдфебель, вероятно, догадывался, что некоторые из пленных, судя хотя бы по их выправке, являются не рядовыми солдатами, а офицерами, скрывшими при регистрации своё фактическое воинское звание. От них он старался поскорее избавиться, отправив в другие лагеря. Фельдфебель побаивался военнопленных, которые, с его точки зрения, были чересчур образованными и развитыми, предпочитая иметь в своем подчинении дисциплинированных, исполнительных и послушных пленных.

Фельдфебель требовал от всех и во всём аккуратности – и в одежде, и в работе, и в любых поступках. Он был суров, прямолинеен, порой невыдержан, часто впадал в гнев и давал волю рукам, т. е. резиновой дубинке и плётке, которую какой-то

пленный изготовил ему с хлыстом из бычьего полового члена. Часто фельдфебель в сильном гневе при посторонних и на улице избивал пленного, попавшегося при краже чего-либо или провинившегося по другой причине. Тогда фельдфебель гонял остальных пленных на плацу, командуя: «Ложись! Вставай!» «Иначе нельзя, – говорил он, – народ может подумать, что я покровительствую пленным. А за это можно получить взыскание от начальства». Обычно на следующий день он «отходил» и, пожалев побитого, оставлял его «дома» или посылал на хорошую (в смысле питания) работу.

Всех перебежчиков, власовцев и других, сознательно вставших на сторону Германии и особенно поступивших там на военную службу, он считал прямыми изменниками родины. «Солдат, – считал он, – должен быть всегда верен своей родине, даже в плену». Поэтому он не допускал в лагерь без приказа сверху власовских агитаторов или вербовщиков в РОА.

…Следующей моей обязанностью, как и у первого переводчика Саши, фельдфебель определил «выходы на конкретные рабочие места по вызову немецких производителей работ и мастеров, который может поступить по телефону или через курьера в комендатуру лагеря». Еще я должен был помогать унтер-офицеру Петцольду или другому немецкому военнослужащему, выполняющему функции писаря, правильно записать в немецкой транскрипции русские фамилии и имена пленных. Иногда могла потребоваться помощь полицаю Феде Журавскому в поддержании порядка. Мне могли поручить сопровождать группу пленных даже при выносе параши из гаража, при доставке пищи из кухни и т. д.

Как от переводчика Саши и полицая Феди Журавского, от меня фельдфебель потребовал вести «систематическое воспитание своих пленных товарищей». Надо было напоминать им о необходимости «вести себя прилично, особенно – перед немецким населением».

«Некоторые пленные, – говорил фельдфебель, – кричат немцам “Гитлер капут” и заявляют, что Германия проиграет войну, а когда русские придут, то они за всё жестоко отомстят и не оставят нетронутой ни одну женщину. Такое совершенно недопустимо. И за такие действия этих явных дураков будут строжайше и безжалостно наказывать экзекуцией, помещением в карцер или переводом в штрафной лагерь, причем пострадают не только они сами, но и мы – их воспитатели». Фельдфебель пояснил мне, что я имею право свободно перемещаться по территории аэродрома, прилегающей к гаражу, ангарам, медико-санитарной части, кухне и месту опорожнения параши.

Однако для этого нужно обязательно носить на левом рукаве белую повязку с надписью «переводчик». Я должен сделать чернилами эту надпись. Всё нужное для этого принес Петцольд.

Мои соседи по комнате тоже имели белые повязки, означавшие, что их обладатели относятся к начальствующему составу лагеря, но некоторые перестали их носить, так как работающие на территории аэродрома хорошо знали, кто они такие.

Когда во дворе уже совсем стемнело, я успел написать на принесенный мне белой повязке ручкой и кисточкой чернилами, большую надпись «Dolmetscher (переводчик)». Тогда же вернулся с работы Миша Федерякин. Он принес свою пайку хлеба и маргарина и бидончик с горячим эрзац-кофе. Миша поделился всем этим со мной, мы выпили по кружке кофе и улеглись раздетыми до нижнего белья, немного поговорили и крепко уснули. Моя первая ночь на новом месте прошла спокойно.

Глава III

В 5 часов 30 минут утра из открытой настежь двери нашей комнаты раздался громкий крик часового «Подъем!». Миши Федерякина уже не было – он давно ушел работать на кухню. Не было также Феди Журавского и Никиты Парфенова. После завтрака еще незнакомый мне часовой – высокий стрелок по фамилии Нойберт и прозвищу Оглоед, сменивший Николая Билка, дал команду: «Всем выйти и построиться для поверки!» Из караульного помещения вышли фельдфебель Хебештрайт и унтер-офицер Петцольд. Унтер тщательно пересчитал пленных и доложил шефу, что все на месте. После этого фельдфебель в сопровождении Саши медленно обошел строй, внимательно рассматривая каждого пленного и делая некоторым замечания.

Затем фельдфебель подозвал меня, уже надевшего на левый рукав своего мундира повязку с надписью «Dolmetscher», и поставил лицом к строю. Потом через Сашу он объявил присутствовавшим, что теперь в лагере есть второй переводчик, к которому тоже можно обращаться за помощью при разговоре с немецким персоналом. По просьбе фельдфебеля я сказал кратко о себе – сообщил, что зовут меня Юрием, мне идет 22-й год, был призван в армию в 1941 году из Москвы, где учился в вузе, в плен попал при окружении наших войск под Харьковом.

После этого Саша попросил заболевших построиться по три человека в ряд. Остальных увели на работу. Из немцев, пришедших за пленными, мне особенно запомнился небольшого

роста старичок с малюсенькой трехколесной (с одним колесом впереди и двумя колесами сзади) грузовой автомашиной. Он поприветствовал фельдфебеля словами «Хайль Гитлер!», но вытянул правую руку с наклоном не вверх, как положено, а вниз и медленно. Можно было понять, что он пожелал совсем не здравия своему фюреру. Мы удивились такой очень опасной для него шутке. Однако при этом окружающие лишь добродушно посмеялись. Фельдфебель тоже сказал старичку что-то смешное.

Приданные старику пленные и он сам занимались прессованием отходов картона и бумаги на небольшом ручном прессе в малом гараже. Отходы для прессования доставляли им из ангаров аэродрома. Старичок увозил пакеты в город на своем «драндулете». Он ежедневно понемногу подкармливал, чем мог, своих подопечных и по их просьбе никого другого не брал в помощники.

…Несколько пленных отправились на рабочие места без сопровождающих немцев. Среди этих пленных был, в частности, высокий ростом и лет на 7 старше меня киевлянин Лёша по прозвищу Маляр – Алексей Иванович Ковкун, вскоре ставший для меня одним из близких людей. Он занимался главным образом малярными работами в мастерской, расположенной недалеко от нашего гаража.

После ухода всех здоровых пленных возле гаража остался лишь строй больных, освобожденных раньше аэродромным врачом от работы, а также нуждающихся в первом визите к нему. Фельдфебель, подозвав к себе меня и Николая Ивановича, обошел с нами этот строй и с моей помощью поговорил с каждым из пленных. Спрашивал, что с ними, что болит, заставил показать пораненные места, опухоли, фурункулы и т. д.

Фельдфебеля разозлили двое «больных», которые месяц или даже больше не ходили на работу. У первого из них правая рука была подвешена на марле. Он выглядел нагло, но своим особым, как бы гипнотизирующим взглядом, невольно сдерживал гнев фельдфебеля. Этим пленным был москвич Серёжа (Сергей Васильевич) Кулешов с прозвищем Комсоставский. Второй, ленинградец Тима (Ефим Павлович) Добринский, тоже не выказывал никаких признаков страха перед начальством. Только после войны я узнал от Кулешова, что Тима был евреем и неплохо понимал немецкий язык, но скрывал это от всех, боясь разоблачения. Чтобы скрыть свою национальность, он назвался Тимофеем вместо Ефима.

У Сережи под мышкой правой руки был огромный чирей – фурункул, который он, несмотря на предоставленную врачом различные лекарства, не только не лечил, но постоянно

поддерживал, чтобы не ходить на работу. Так же поступал и Тима, у которого на ноге имелась большая кровоточащая опухоль.

Фельдфебель, ругаясь на этих ребят, ничего не мог с ними поделать. Он даже не отправлял их почти до конца 1944 года в другие рабочие команды, несмотря на приходившие сверху приказы о сокращении численности пленных в команде. Вероятно, они ему нравились как «солдаты, которые умеют всё хорошо устраивать и при этом не попадаться». И, действительно, они были именно такими ребятами. Кроме Серёжи и Тимы, в лагере были и другие ловкачи-симулянты – кто с искусственной экземой на руке, кто с болезнью типа геморроя. С ними у фельдфебеля также были заботы, поскольку подобных больных от нас никуда не принимали.

И с Сережей, и с Тимой я был в хороших отношениях. А после войны, в 1949–1965 годах, с Сережей и его семьей, проживавшей в Москве у Патриарших прудов, очень часто общался и даже многократно ночевал у них, когда был холост. Сережа подрабатывал на дому ретушированием фотоснимков, особенно портретов, был мастером спорта и тренером по волейболу. К сожалению, он рано умер, а в их квартире обитают другие люди.

У Тимы Добринского я был в Ленинграде в 1959 году. Он окончил Ленинградский институт «Кинап» и стал крупным инженером по кино-фототехнике и тонкой аппаратуре.

…Закончив обход строя, фельдфебель приказал мне и Николаю Павловичу повести больных в медико-санитарную часть. Конвоя не было, и за всё, что могло произойти по дороге, отвечал я.

Фельдшер и Николай Павлович завели в одну из комнат шестерых больных, которым предварительно требовалось измерить температуру. Вдруг через несколько минут оттуда раздались вопли фельдшера и громкий мат нашего санитара. Оказалось, что у одного больного, напоминавшего по внешности и разговору татарина, температура превысила 42 градуса. Заподозрив неладное, медики заглянули пациенту под мышки и обнаружили там нагретую в горячей воде тряпку, куда и попала головка термометра.

Фельдшеру пришлось заново измерить температуру, засунув термометр… в задний проход пленного. Поместить термометр в рот фельдшер не решился, сказав, что «этот дурак может сломать дефицитный прибор зубами». Фактическая температура больного не превысила нормальную. После этого случая почти всем нашим пленным фельдшер мерил температуру, засунув термометр только в то же место.

Товарища вывели в коридор и сообщили всем, что он натворил. На плохом русском языке он попытался извиниться и всех этим развеселил. Я спросил его по-татарски, кто он и откуда родом. Он обрадованно сказал, что родом из Татарии, жил в деревне под Буинском – центром уезда, к которому относилась и моя родная деревня. Таким образом, свой первый рабочий день в лагере мне пришлось начать с применением не только русского и немецкого, но даже татарского языка, которым я тогда владел совсем немного.

Эта встреча в медсанчасти привела к тому, что уже вечером все татарские военнопленные признали меня за своего человека и стали тянуться ко мне, но прежние товарищи проявили ко мне некоторую неприязнь, установив, что я не русский. Спустя несколько дней я получил кличку Японец, а позднее ее дополнили прозвищем Чувашонок. Конечно, товарищи всегда звали меня просто Юра.

Фельдшер зашел в кабинет врача и через минуту пригласил туда и меня. Я увидел сидящего за столом относительно молодого, худощавого и черноглазого врача, из-под белого халата которого виднелись медицинские зеленые петлицы офицерского мундира военно-воздушных сил. Сразу сказал «Доброе утро» и добавил, что моё имя Юрий и я бывший студент. Он ответил на моё приветствие, но свои имя и фамилию не назвал.

Начался приём больных. Всё шло хорошо, когда применялись житейские слова, но когда дело доходило до медицинских терминов, я вынужден был долго объясняться с врачом. Но врач, который до этого был очень серьезен, только посмеивался и говорил, что через три-четыре посещения всё будет в порядке.

Фельдшер помогал врачу, делая больным перевязки, выдавая лекарства и выполняя другие процедуры. Наш санитар Николай Павлович тоже старался принимать в этом участие. Большинство больных оказались простуженными или с расстроенными желудками. Первые получали давно известный мне аспирин, который врач называл «ацетил салицилиулум», что я услышал впервые. Вторым давали порошок активированного угля после того, как фельдшер заставил их выпить раствор марганцовки.

Почти всех пришедших к врачу больных, кроме симулянта-татарина, освободили от работы. Фельдшер на особом листе написал список освобожденных, где были перечислены не фамилии и имена, а только личные номера. В основном именно по личному номеру немцы знали и учитывали пленных. Список вручили Николаю Павловичу, который должен был показать его унтер-офицеру Петцольду. Кстати, тому татарину, которого звали Рашид, за его проделку в медсанчасти ничего

от начальства не было, но зато он стал в лагере объектом постоянных насмешек.

Когда мы возвращались в гараж, на плацу застали немецких военнослужащих, которые занимались тем, что маршировали под командованием унтер-офицеров и фельдфебелей. После команды «Песню, песню!» они исполняли очень четкие по ритму военные марши. Под такие песни ноги любого человека невольно пошли бы сами собой строевым шагом. У нас на родине подобных маршевых песен я раньше не слышал. К сожалению, я запомнил лишь мотивы и отдельные бесхитростные слова этих маршей. Исполнялись и патриотические припевы, например, «мы самые лучшие солдаты в мире, и так мы будем маршировать, чтобы родина была жива и жила дальше». Было много и других песен, включая марши времен Первой мировой войны и даже более раннего времени.

…После обеда все мои соседи по комнате ушли по делам, а меня оставили в распоряжении комендатуры. Так как сидеть без дела было скучно, я вытащил из кармана свой автопортрет, нарисованный в Шталаге IV В. Пришла мысль нарисовать на оставленном Петцольдом куске хорошей белой бумаги новый карандашный портрет, но на этот раз одетым в английский мундир и шапку-кубанку. Для этого я опять воспользовался той же фотографией на студенческом билете, на которой сохранились нанесенные карандашом клеточки. Работа приближалась уже к концу, когда ко мне зашел поговорить один из пленных, который утром был у врача. Его звали Иван Осокин по прозвищу Рязанский – он был родом из-под Рязани. Он сразу попросил нарисовать ему на правой руке сердце с крестиком и надписью «Не забуду мать родную». Он хотел, чтобы потом другой умелец наколол ему иголками этот рисунок. Договорились, что я выполню его просьбу в выходной день. Иван обещал расплатиться за работу махоркой на несколько цигарок. Оба своих портрета я положил в тетрадь с записями на немецком и русском языках. К сожалению, при возвращении из германского плена я сильно намочил тетрадь и лишился обоих рисунков.

После ужина к нам в комнату приходило много людей. Из всех посетителей мне особенно понравился оптимизмом, эрудицией и приятным обхождением с людьми, а также и способностью рассказывать, однополчанин Николая Павловича майор Михаил Иванович Снопков, коренной ленинградец. С первого же дня знакомства мы крепко подружились. Оказалось, что Снопков, его спутница жизни и дочь в начале войны проживали в Куйбышеве (Самаре), а две старшие сестры остались в блокадном Ленинграде. В декабре 1959 года, будучи

в служебной командировке в Ленинграде, я без особого труда разыскал и проведал Михаила Ивановича, а после его кончины в 1962 году продолжал дружить с двумя чудесными женщинами Михаила Ивановича – его женой Зинаидой Николаевной и сестрой Ефросиньей Ивановной.

…Незадолго до отбоя к нам зашел унтер-офицер Петцольд. Он сказал, что завтра комендатура лагеря даст возможность всем пленным помыться горячей водой и сменить нижнее бельё. В связи с этим переводчик Саша, полицай Федор Журавский и его помощник вместе с фельдфебелем Хебештрайтом и конвоиром рано утром отправятся на грузовой автомашине в Гроссрёрсдорф и привезут оттуда чистое бельё. На время отсутствия Саши и Феди старшим в рабочей команде оставили меня. Следовательно, мне предстояло обеспечить вынос параши из гаража, потом заняться доставкой завтрака из кухни в сопровождении старшего стрелка Нойберта и позаботиться о возвращении тары на кухню.

В Гроссрёрсдорфе, куда предстояло поехать за бельем, находилось Управление всеми рабочими командами военнопленных города и округа, а также база их снабжения. Наша команда во главе с фельдфебелем Хебештрайтом непосредственно подчинялась этому управлению, а оно, в свою очередь, – комендатуре лагеря военнопленных Шталаг IV А в Хонштайне. Из Гроссрёрсдорфа к нам в команду периодически приезжал для контроля пожилой высокий немец, имевший звание штабсфельдфебеля и должность главного фельдфебеля. Этот начальник никогда не удосуживался побеседовать с пленными; я несколько раз присутствовал при его разговоре с нашим фельдфебелем, но он так и не проявил ко мне никакого интереса.

7 марта мне пришлось встать в 4 часа 30 минут. Приведши себя в порядок, я вышел в зал гаража и стал ждать появления шести пленных для выноса параши. Действительно, шестерка быстро появилась и, мало того, к ней добровольно присоединились еще трое пленных. Я этому обрадовался, надеясь, что мы быстро выполним работу. Поздоровавшись со мной, ребята осторожно подняли парашу, установили её на тележку и выкатили из гаража. Они действительно ловко опорожнили и вычистили парашу, но вместо того чтобы везти тележку обратно, вся компания, оставив меня одного, побежала к пустырю на огород, где работали девушки, пригнанные из Курской области. Но их интересовали не девушки, а росший там лук. Я напрасно кричал, чтобы они вернулись, – никто меня не послушался. Лишь после того, как каждый набрал себе

несколько луковиц и спрятал их в карманах, все вернулись к тележке, прикатили её обратно в гараж и установили парашу на место. Только тут мне стало ясно, почему к шестерке присоединились трое добровольцев. К счастью, всё обошлось благополучно. Мало того, и мне в карман старший шестерки сунул луковицу.

Теперь предстояло доставить с кухни в гараж чай. Очередная шестерка пленных во главе с её старшим уже была готова. Ждали только конвоира Нойберта, но он так и не появился. Пришлось двигаться без него. Трое ребят вынесли и установили на тележке бидоны с чаем. Но пока они занимались этим, двое опять умчались на грядки с ранними овощами. Пришлось их ждать, а в это время исчез и третий. Старший шестерки стал громко звать его, но он не откликался. Тогда старший побежал к расположенной поблизости секции для сброса золы из печей и пищевых отходов. Там он обнаружил своего человека. Оказалось, тот рылся внутри грязной секции, подбирая остатки заплесневевшего хлеба и пищи, а также сигаретные окурки. Он вылез весь чумазый и вонючий. Фамилия этого очень худого и всегда страшно голодного человека была Кондратенко. При любом подходящем случае он стремился залезть в мусорную секцию, в результате чего на правой руке у него появилась страшная экзема, которая никак не излечивалась.

Мусорные секции посещали и другие пленные. Я тоже иногда собирал там окурки, если замечал их в большом количестве. Собранные окурки пленные клали на доску или на остаток газеты, разворачивали их и сушили оставшийся табак.

…Наконец мы вернулись в гараж и позавтракали. Затем Петцольд провел утреннюю поверку. Все пленные оказались на месте. Петцольд сообщил, что после обеда будет организовано посещение пленными горячего душа со сменой нательного белья. До этого следовало починить порванную верхнюю одежду, почистить обувь, сделать постирушки, постричься и побриться.

Строй распустили, нас загнали обратно в гараж, закрыв его ворота и дверь. Я хотел отдохнуть, но тут появился Иван Рязанский с фиолетовым карандашом и уговорил нарисовать ему на руке картинку, о которой мы условились ранее. Пришлось рисовать, сидя на полу вместе с «заказчиком». Я предупредил Ивана, что от этой процедуры может произойти заражение крови, но он на это никак не среагировал. За моей работой наблюдала группа молодых пленных, из которых несколько человек тоже пожелали сделать рисунки на руках, груди, спине или на других частях тела, причем все обещали чем-то расплатиться за это.

Оказалось, наколки делал Иван Игнатьев, имевший два

прозвища – Астраханский и Марина (Mariner – моряк), поскольку был родом из Астрахани, где якобы занимался рыбной ловлей. Для наколок Астраханский делал тушь из печной копоти, которую ему соскабливал из дымоходов Лёша Маляр. Он же приносил для растворения и превращения копоти в черную тушь спирт-денатурат. Обе руки и грудь Ивана «украшали» несколько наколок. Он отличался чрезвычайно высоким самомнением, хотя имел только начальное образование. Иван носил всегда начищенные до блеска ботинки, хорошо «выглаженные» (подкладываемые ночью под себя) брюки, в которые один пленный портной вставил клинья, сделав их клеш. Почти в услужении у Ивана находился очень красивый блондин – москвич моих лет Толя (Анатолий Дмитриевич) Шишов «Канинхен (кролик – с немецкого)».

В их компанию также входил заносчивый выходец из-под города Обоянь Курской области Ефим Кузьмич Русанов по прозвищу Кузьмич, нередко игравший на губной гармошке. При этом он пританцовывал, особенно когда хорошо наедался.

…Как только я закончил рисунок на руке Рязанского, к работе приступил Астраханский. Вынув пузырёк с самодельной тушью и связку из 4–5 тонких иголок, он заставил Ивана хорошо вытянуть руку. Он погружал в тушь всю связку с иглами и быстро накалывал ими руку Ивана по линии рисунка. По-видимому, Ивану было очень больно, но он терпел и не обращал внимания на то, что на местах погружения игл появлялись капли крови. Через сутки рука у Ивана сильно опухла, но дня через два опухоль спала, и всё обошлось благополучно.

Пока Астраханский делал своё дело, меня стал настойчиво просить сделать ему рисунок пленный по прозвищу Иван Пик. Это был уроженец Таганрога Иван Тимофеевич Харченко, который позднее мне признался, что, не имея родителей и близких людей, занимался воровством и однажды даже участвовал в ограблении какого-то банка. Оригинальными способами воровства разных вещей у немцев он отличался и в плену. Выглядел Харченко очень скромно и совсем не был похож на грабителя. Он имел лишь начальное образование и поэтому уважал высокообразованных людей, включая, конечно, и меня. Мы с ним дружили почти до конца плена.

Иван Пик захотел, чтобы наколка у него была с надписью «Вот что нас губит», а на рисунке изображались бутылка, дымящаяся папироса и голая женщина. Пришлось удовлетворить и эту просьбу.

Вслед за Пиком ко мне обратились еще несколько человек, но время подошло к обеду, и скоро должны были возвратиться

из Гроссрёрсдорфа люди с бельём. Поэтому работу пришлось перенести на другое время. Я сейчас благодарю Всевышнего, что он тогда уберег меня от желания сделать наколку самому себе.

Глава IV

Как только обед закончился, всех начальствующих лиц из числа пленных, включая меня и Никиту, поставили у дверей душевой с мешками – с пустым и с полным свежим бельём. В душевой поддерживали порядок раздетые догола полицай Федя и два его добровольных помощника. Помывка пленных группами по 20 человек продолжалась почти 3,5 часа. Наконец дошла очередь и до меня.

Когда я вошёл в душевую, невольно обратил внимание, что на стене была нарисована разноцветная карикатура на человека, держащего во рту сигару. Под ней имелась надпись, сделанная крупными буквами: «Здесь вы можете лично побеседовать с Уинстоном Черчиллем». Почему именно в душевой нарисовали эту карикатуру? Наверное, для «повышения морального духа» летчиков, обучавшихся на данном аэродроме.

Утром в понедельник 8 Марта (никто тогда не вспомнил, что это Международный женский день) мне опять пришлось сопровождать шестерку пленных, транспортирующих парашу. И снова, бросив меня одного рядом с пустой бочкой, вся шестерка, не обращая внимания на мои протестующие крики, устремилась на грядки с луком. Однако теперь хозяин застал воров. Он заметил вчерашнюю потраву и поэтому пришел на огород пораньше, чтобы поймать грабителей. И это ему удалось. Он стал кричать, что будет жаловаться фельдфебелю Хебештрайту. Но мы не стали обращать на него внимания и быстро вернулись в гараж.

На другой день после отправки основной массы пленных на работу собрали в отдельную группу лиц, которым требовалась медицинская помощь. Фельдфебель, проводя осмотр, с большим сочувствием отнесся к Михаилу Ивановичу Снопкову, у которого разболелись зубы. Но в медсанчасти оказать помощь Снопкову не смогли и порекомендовали повести его завтра к стоматологу в город. Когда из медсанчасти с листком назначения фельдшера я зашел в караульное помещение, то увидел там того самого огородного хозяина, который сегодня утром грозился пожаловаться на нас фельдфебелю. Кроме обоих этих лиц, других немцев в помещении не было. Фельдфебель молча положил мой листок на стол, потом взял свою плётку с хлыстом и совершенно неожиданно трижды ударил меня по спине. От боли я едва не потерял сознание. Повернувшись к жалобщику, фельдфебель спросил его: «Ну, как, ты теперь доволен?» А тот, совсем

растерявшись от увиденной сцены, сказал: «Зачем же ты его так, ведь он совсем не виноват. Его не было среди воров, наоборот, он просил их не ходить на огород». «А пусть научится заставлять людей подчиняться себе», – ответил фельдфебель.

От такого поступка коменданта я потерял самообладание и заявил, что впредь отказываюсь выполнять функции полицая и служить переводчиком. Выскочив из помещения, я побежал в ближайший ангар, где в это время товарищи разгружали грузовик с контейнерами. Ребята сразу пристали с вопросом, что со мной произошло, но у меня не было сил отвечать им, и они оставили меня в покое. Кто-то принес мне махорочную цигарку.

Покурив, я немного успокоился и стал думать, что же делать дальше. От безысходности появилась безумная идея – сейчас же убежать из лагеря, даже без личных вещей. Поэтому я встал и отправился к воротам, чтобы исполнить задуманное. Однако передо мной вдруг появился запыхавшийся фельдфебель, который удержал меня и негромко, униженно попросил: «Пожалуйста, прости меня, Юа, я с тобой очень плохо поступил, но я не мог иначе, ведь у меня среди немцев много недругов».

После этих слов я еще больше растерялся и не знал, как же мне теперь быть. Но фельдфебель, ободряя меня, добавил, что больше не будет заставлять меня заниматься работами, где требуется командовать пленными: «Для этого ты еще слишком молод и неопытен. Поэтому останешься только переводчиком». И от этих слов мне стало легче и я почти успокоился. Затем фельдфебель сказал, чтобы я никому из пленных, а особенно немцам, не говорил, что он просил у меня прощения.

…Однако о том, что я был избит фельдфебелем, к вечеру так или иначе узнали все пленные в лагере и весь персонал его охраны, а также аэродрома. Пленные это поняли по моему внезапному появлению в ангаре в подавленном состоянии и приходу за мной коменданта, а немцы – по рассказам хозяина огорода своим знакомым. Но немцы, конечно, не знали, что фельдфебель просил у меня прощения. О подробностях моего избиения фельдфебелем и его извинении я все же рассказал некоторым соседям по комнате.

После ужина ко мне зашла вся шестерка пленных, которая утром выносила парашу, чтобы выразить мне сочувствие поблагодарить за то, что я их не выдал фельдфебелю. А М. И. Снопков горько пошутил, что я «в условиях неволи героически отметил Международный женский день 8 Марта». В общем, всё происшедшее со мной укрепило мой авторитет среди товарищей.

Утром 9 марта после поверки и отправки пленных на работу фельдфебель распорядился, чтобы я отправился в город в качестве переводчика со М. И. Снопковым к стоматологу. Он попросил передать Михаилу Ивановичу, чтобы тот хорошо помылся, привел в порядок свою одежду и обувь. Сопровождать нас в городе поручено конвоиру – старшему ефрейтору Михаэлю Шлихту, направленному в наш лагерь для прохождения дальнейшей военной службы после госпиталя.

Часам к 10 мы тронулись в путь – зашагали в город вверх по Казарменной улице. При этом, как положено, я и Снопков шли по мостовой, а Шлихт с винтовкой – по правому тротуару. Для меня и Михаила Ивановича это короткое «путешествие» стало первой почти свободной – без нахождения в строю – прогулкой по немецкому городу. И всё в нём было нам интересно: и редкие прохожие, и начинающие расцветать незнакомые деревья и чистота вокруг. Люди, останавливаясь, смотрели на нас, но заговаривали только с конвоиром.

Стоматолог жил с семьей в собственном красивом двухэтажном особняке, на первом этаже которого был зубоврачебный кабинет с обставленной комнатой ожидания. После осмотра рта Снопкова стало ясно – зуб надо удалить, что врач и сделал совсем не больно для пациента. Мы поблагодарили стоматолога, а Шлихт рассказал ему о порядке оплаты. Снопков был несказанного рад удалению зуба, уже давно не дававшего ему покоя. Он сказал мне, что два дня назад он намеревался просить сделать эту операцию двух лагерных… сапожников – Бердникова и Дудникова. Они уже не раз благополучно вытаскивали сапожными клещами больные зубы пленным, конечно, без всякого обезболивания, но с дезинфекцией инструмента ацетоном, выдаваемым для разведения сапожного клея. Фельдфебель впервые отправил со мной пленного к немецкому стоматологу, но позже я еще несколько раз водил к нему товарищей вытаскивать и пломбировать зубы.

…Кстати, с обоими сапожниками, имевшими одинаковые же немецкие клички Шустер, т. е. Сапожник, я нередко общался в свободное время. Старший из них – Петр Романович Бердников – был уроженцем села Верхние Карачары Воронежской области и председателем местного колхоза, а Василий Иванович Дудников – москвичом, который в 1937 году работал прорабом при перемещении здания Московского Совета на улице Горького (ныне Тверская, 13). Оба были очень добродушными людьми и отличными рассказчиками. Кроме сапожных работ, они еще умели хорошо стричь волосы ножницами.

На обратном пути от стоматолога конвоир неожиданно попросил меня остановиться и посидеть на скамейке, наслаждаясь свежим воздухом и солнцем. Пока мы отдыхали, конвоир рассказал нам о себе. Родом он был из деревни недалеко от Каменца. В конце июля 1941 года в каком-то городке в Белоруссии он гулял в компании своих солдат с местными молодыми женщинами. Сильно запьянев, он потащился с одной из них в укромное местечко. Однако это кончилось для него очень печально: девушка незаметно сняла с его ремня штык и всадила его почти в сердце. Прошло много времени, пока товарищи хватились его и нашли его уже без сознания. Почти два года ему пришлось пролежать в госпиталях. Он понимал, что во всех бедах виноват сам и Бог его наказал.

Этот охранник неизменно хорошо относился к пленным, и ему дали кличку Миша, чем он был очень доволен… А фельдфебель, как и обещал, освободил меня от всяких полицейских функций.

…В один из воскресных дней я по приглашению Миши Федерякина побывал в лагерной кухне. Миша показал мне имевшееся там кухонное оборудование, включая котлы с электронагревом, и различный инвентарь. Специальными ножами помощники Миши чистили кольраби, брюкву и картофель и резали лук, а в другой комнате занимались мясом, мукой и еще чем-то. Почти до конца плена на кухне работали 5 человек: житель украинского села Александровка Огиенко Алексей Никонович (его прозвища Алекс и Толстяк), благополучно вернувшийся домой из плена; зарегистрировавшийся Сорокиным выходец из деревни Зазыблино Смоленской области Маленков Иван (по прозвищу Иван Маленький); Дмитрий Львов, о котором я ничего не знал; житель Кировской области Соколов Иван (прозвища – Вятский и Идётё из-за его вятского акцента); и Гудовичев Анатолий Михайлович, проживавший в городе химиков Дзержинске Горьковской (ныне Нижегородской) области, получивший прозвище Косолапый, за то, что двигался как увалень.

К перечисленным товарищам хочется еще добавить жителя Архангельска Ивана Андреевича Уварова по прозвищу Малютка, работавшего на кухне и в столовой для немецких военнослужащих. Он был хорош собой, немного говорил по-немецки и очень нравился немецким поварихам, официанткам и другим немкам. Однажды Иван принес нам попробовать деликатесный суп, приготовленный немецкими поварами для своих офицеров, сваренный из… пльзенского пива с добавлением небольшого количества муки и ягод необычной,

черной бузины. Но этот немного пенистый сладковато-горький суп вовсе мне не понравился.

К нам в лагерную столовую во главе с хозяином огородов приходили пять русских женщин. Их привезли из Курской области. Старшую, лет 30, и младшую, лет 16, звали Анями, точнее – Аня большая и Аня маленькая, а еще одну – лет 17 с симпатичным личиком – Зиной. Четвертой, очень скромной и с болезненным лицом, была Лида, лет 25-ти. Пятая – Надя, тоже лет 25-ти, обладала статной фигурой и вызывающей походкой. Увидев её, даже наш пожилой и толстый фельдфебель Хебештрайт, а тем более, его более молодые подчиненные и иные немецкие военнослужащие, начинали цокать языком и потирать ладони. Многие завидовали хозяину огородов, думая, что он обладает этой женщиной, которой пленные дали прозвище Зверь-баба. Он резко менялся в лице и раздражался, когда при нем кто-то из пленных начинал разговаривать с подчиненными ему девушками.

После рабочего дня и по воскресеньям все девушки распоряжались своим временем свободно. Охраны у них, в отличие от нас, военнопленных, не было. За работу они регулярно получали зарплату немецкими марками, которые тратили главным образом на одежду.

Март подошел к концу, погода становилась всё теплее и теплее. Благодаря тому, что для меня условия жизни стали значительно лучше, чем раньше в Шталаге IV B, нормы питания были несколько больше, я начал понемногу набираться сил и поправляться, приобретая внешность нормального человека. Иногда мне удавалось получить поесть что-то дополнительно – от повара Миши, от Никиты Рыжего, от сорба Николая и от пленных, находившихся на «выгодной» работе. Кроме того, в соответствии со своей «должностью» я пока не привлекался к тяжелым физическим работам. К весне оживились и мои соседи. Полицаю приглянулась 17-летняя Зина, о чем он дал ей знать в длинном, красиво изложенном письме, которое предварительно показал мне. Но так как Федя и Зина не могли часто разговаривать друг с другом и сблизиться из-за постоянной опеки над девушками их хозяина, то Федя стал писать Зине длинные письма каждый день. Но Зина отвечала ему редкими и короткими записками, так как была малообразованной и к тому же в любовных «делах» не имела никакого опыта. Однако скоро Федю отправили в другую рабочую команду. Накануне отъезда он сказал мне, что хозяин огородов, узнав об этой переписке, пожаловался фельдфебелю. Так что, возможно, Федю отослали «от греха подальше».

…По-прежнему моей основной обязанностью в лагере было провожать с санитаром заболевших к врачу и помогать ему в разговорах с пациентами. Но однажды пациентом оказалась… Лида, которую привел в медсанчасть ее хозяин по работе. С моей помощью врач выслушал жалобы пациентки и начал задавать ей вопросы интимного характера. Лиде было очень неудобно отвечать на них в моем присутствии. Я тоже чувствовал себя неловко. Но ужасное для Лиды и для меня произошло тогда, когда девушку заставили почти полностью раздеться и стали осматривать её органы. Я инстинктивно закрыл глаза ладонью. Оказалось, что с этим у Лиды всё в порядке. Ей предписали соответствующее лечение и выдали лекарство.

Другой неприятный случай, связанный с медициной и, главное, с общечеловеческими принципами, произошел у меня через несколько дней. У одного из пленных оказалось сложное заболевание, и врач после его осмотра заявил, что не имеет возможности лечить этого пациента у себя. Я уговорил врача направить больного в госпиталь для военнопленных, который находился в деревне Шморкау под маленьким городом Кёнигсбрюк недалеко от Каменца.

И на следующий же день фельдфебель Хебештрайт распорядился отправить того больного в сопровождении конвоира в госпиталь. Однако конвоир заметил, что у больного два вещевых мешка, в которых гремели какие-то металлические предметы. Поэтому конвоир заставил раскрыть эти мешки и показать их содержимое. Оказалось, что в мешках находятся… шесть алюминиевых солдатских котелков, несколько кружек и с десяток ложек. Когда я спросил, зачем же ему такое количество приборов, он ответил, что они ему пригодятся для обмена на хлеб и курево. Тогда я предложил отдать хотя бы три котелка товарищам, которые за неимением котелка вынуждены есть суп из армейской каски. Но он не отдал ни одного котелка.

…Но на этом данная история не закончилась. Когда я сам попал в тот же госпиталь, о чем речь будет потом, этот тип всё еще находился там. Увидев меня, он стал рассказывать, что я изверг и прислужник немцев, и что будто бы я хотел отнять у него и присвоить себе котелки, но конвоир не дал это сделать. Но в лазарете в это время оказалось несколько человек из нашей рабочей команды, включая М. И. Снопкова, которые знали меня как человека порядочного, а этого типа, по их словам, как «самую настоящую сволочь».

…Март закончился. В один из первых дней апреля перед началом обеда, когда все обитатели нашей комнаты собрались

вместе, к нам вошли унтер-офицер Петцольд и незнакомый молодой фельдфебель. Поздоровавшись словом «Mahlzeit» обеденного приветствия, Петцольд прежде всего представил нас этому фельдфебелю – каждого по имени и по выполняемым обязанностям. Оказалось, что Петцольда переводят на работу в другой лагерь советских военнопленных, расположенный в деревне Виза чуть восточнее Каменца. Я поблагодарил его от имени товарищей и себя лично и пожелал ему счастья на новом месте. Фамилия нового фельдфебеля была Томшке.

Его очень заинтересовал пожилой пленный Гудзь, лицо которого немцу показалось очень похожим на лицо И. В. Сталина, особенно из-за прямого носа и пышных усов. Он громко воскликнул: «Это же настоящий Иосиф Сталин!» До войны Гудзь, обладавший такой колоритной внешностью, был председателем колхоза на Украине. Однако, поделившись со мной и Сашей этим мнением о Гудзе, поговорить с этим человеком фельдфебель не пожелал. В дальнейшем он стал называть Гудзя Шталиным, так как у немцев первая буква «С», стоящая перед буквой «Т», произносится как «Ш». Этому последовали и другие охранники лагеря.

Томшке начал заниматься утренними поверками пленных и распределением их по рабочим местам, а фельдфебель Хебештрайт совсем устранился от этих дел и явно пренебрежительно относился к своему новому коллеге, который вел себя довольно странно. Так, почти каждое утро Томшке присоединялся к уборщикам во главе с Никитой Рыжим и сам мыл из шланга пол. Это стало его любимым занятием. Кроме того, Томшке абсолютно безразлично относился к внешнему виду пленных и совсем не интересовался их работой и нуждами.

Как-то утром, выполнив свои обязанности, я стоял у гаража, греясь на солнышке. И вдруг, оглядываясь вокруг, ко мне робко подошел молоденький и очень красивый курсант авиационной школы. Деликатно поздоровался и представился Гансом-Иоахимом Леманом. Он попросил разрешения поговорить со мной за углом гаража, чтобы нас никто не увидел. Оказалось, он знает, что я – бывший студент, а он тоже был призван в армию из вуза. Поэтому он решил, что мы можем поговорить друг с другом открыто.

Скоро он станет настоящим пилотом, и его могут послать бомбить русские города и другие объекты. Он считает, что немцы не выиграют войну, и не желает зря сложить на ней свою голову. Что же ему делать? Идеально было бы посадить бомбардировщик на ближайшем русском аэродроме, но это не дадут сделать члены своего же экипажа и другие немецкие самолеты. Может быть,

выброситься с парашютом на русскую землю и сдаться в плен? Его вопрос сильно озадачил меня: не является ли это провокацией? Но лицо собеседника было таким доверчивым, что мои сомнения сразу отпали. Но если он окажется там, то какие русские слова надо знать, чтобы сдаться в плен. Я их перечислил, и он их записал немецкими буквами в свой блокнот. Это были: «Здравствуйте! Гитлер капут. Я ваш, помогите мне». Но неплохо бы, сказал я, произнести еще пару матерных слов. Мы их тоже записали и прорепетировали.

Собеседник поблагодарил меня и назвал свой домашний адрес, чтобы мы, «дай Бог, могли после войны снова встретиться или вести переписку». Однако после войны, послав несколько писем по этому адресу, я не получил ответа. Немецкие знакомые сказали мне, что в конце 1945 года в доме поселились другие жильцы.

Тогда у меня появилась было мысль дать Гансу адрес моей матери, чтобы он, если попадет в плен, сообщил ей о судьбе сына. Но я быстро раздумал это делать, полагая, что это ей и моим родным это может только повредить.

В дальнейшем другие немецкие военнослужащие в разных местах обращались ко мне за советом, как лучше сдаваться в плен русским. А многих я сам агитировал совершить этот поступок. Многим гражданским лицам я говорил, что когда в Германию придут русские, то они установят в ней справедливую власть. Такая агитация была единственно доступной для меня патриотической работой на пользу Отечества.

Бежать из плена, я, конечно, мог, но добраться до линии фронта или к партизанам – точно нет. Не мог совершить во вражеской стране и какие-либо диверсии, уничтожить какую-либо важную персону, так как при моём положении пленного встречаться с подобными лицами не имел никакой возможности. Убить же бедного и, как правило, немощного, пожилого и зачастую многодетного рядового солдата – своего конвоира или сжечь двор мелкого немецкого крестьянина было бы просто мерзким, нечеловеческим поступком.

Большинство военнопленных, включая и меня, часто занимались саботажем, незаметным или мало заметным для немецких прорабов или мастеров. Например, работали очень медленно и с низкой производительностью, ломали или портили предметы, которые загружали в вагоны или выгружали из них, выводили из строя машины, на которых работали, в основном, чтобы передохнуть и т. д. Но такой саботаж, конечно, был малоэффективен. Главным оставалось выжить в плену, но не любой ценой, а нанося как можно меньше вреда

сражающейся Родине.

Правда значительная часть советских военнопленных в Германии всё же не думала о патриотизме и не страдала от мысли, что за них отдают жизни на фронтах их товарищи. Этому, к сожалению, я был свидетелем.

Но о том, что происходит в это время на фронтах, я и другие пленные в лагере были почти в полном неведении. Пользовались в основном слухами. Слушать, хотя бы тайком, немецкое или другое радио пленные не имели возможности, да и у простого немецкого населения все радиоприемники были отобраны. Их где-то хранили «до дня победоносного окончания войны». Не поступали в лагерь и газеты, в том числе и на русском языке. Можно было подумать, что деятели РОА перестали заниматься вербовкой военнопленных в свою армию. Как «истинный солдат», фельдфебель Хебештрайт без специального приказа начальства не допускал появления в лагере газет на русском языке и власовских агитаторов, считая их предателями своей родины.

Глава V

В начале второй декады апреля в нашей рабочей команде произошло большое изменение, поскольку у немцев отпала надобность в подготовке контейнеров.

Однажды после утренней поверки фельдфебель Хебештрайт в сопровождении Саши обошел строй, на этот раз особо внимательно и долго вглядываясь в лицо каждого пленного. Некоторым из болевших он приказывал встать в другой строй. Неожиданно в этот новый строй фельдфебель вывел двух моих соседей Федора Журавского и Николая Павловича. Там же оказался и мой новый друг – Михаил Иванович Снопков. Стало понятным, что фельдфебель выявляет тех, кто по своему внешнему виду и поведению явно принадлежал к командному составу Красной армии. Но туда же попали «засыпавшийся» при измерении температуры Рашид и еще двое татар. В новый строй встали 75 человек из 165.

Новому строю пленных фельдфебель объявил, что они отправляются в другие рабочие команды, в основном в город Риза, где будут жить в неплохом лагере и работать на заводе по пропитке смолой или битумом деревянных железнодорожных шпал. Затем всем отъезжающим выдали на сутки пищевое довольствие (хлеб, маргарин, консервы), и их увели конвоиры. После этого распределили по рабочим местам оставшихся пленных.

10 человек в сопровождении фельдфебеля Томшке, конвоира и Саши отправились на двух грузовиках в какой-то ликвидированный лагерь военнопленных, оттуда они двумя рейсами доставили к нам 30 двухъярусных деревянных нар вместе с продезинфицированными тюфяками и одеялами. Таким образом, теперь всех обеспечили примитивными постелями.

После ужина оба фельдфебеля – Хебештрайт и Томшке, а также старший ефрейтор Шлихт, осмотрели нары и поинтересовались, все ли пленные довольны своими постельными принадлежностями, на что, естественно, получили утвердительный ответ. Заодно Хебештрайт сообщил, что в соответствии с распоряжением руководства Шталага IV А в Хонштайне, которому мы административно подчинялись, и приказом начальника Каменцского гарнизона, «хозяином» нашей рабочей команды стал комендант соседнего военного городка, носящего имя Адольфа Гитлера. В его казармах дислоцировался запасной танковый полк с входящими в его состав экипажами, с мотострелками и противотанковыми артиллеристами, а также солдатами других родов войск. Почти все они – бывшие раненые, которые находятся там временно – до окончательного выздоровления и возвращения на фронт. Нам предстоит работа в этом городке: на железнодорожной станции Каменц-Северная выгружать из поездов и складировать прибывающие в разобранном виде стандартные деревянные бараки и отправлять эти бараки заказчикам. Предстоит также засеять свободные участки овощами и ухаживать за ними, устраивать водоемы для тушения пожаров, прессовать сено, заниматься уборкой территории и т. д. Мы будем также выгружать на вокзале продовольствие и доставлять его на грузовиках в военный городок.

Закончив рассказ, фельдфебель заявил, что поскольку рабочая команда, сохранив свой номер 1062, значительно уменьшилась, отпала необходимость иметь в ней двух штатных переводчиков, да и один переводчик будет одновременно старшим команды пленных. И этим человеком фельдфебель назначил меня – бывшего студента, умеющего не только говорить, но и писать по-немецки.

Разумеется, я должен был согласиться, но попросил, чтобы обе эти обязанности я мог совмещать с выполнением физических работ, которыми будут заниматься все товарищи, так как мне не хочется иметь никаких привилегий.

В связи с этим эпизодом не могу не отметить, что 3 апреля 1986 года в ГДР в областной газете «Саксонская газета» Рудольф Магер опубликовал статью, посвященную 20-летию общины

деревень Цшорнау-Шидэль округа Каменц, в которой упомянул, что в Цшорнау находился лагерь советских военнопленных, где функции переводчика выполнял москвич Юрий Владимиров… бывший год назад официальным гостем общины Цшорнау-Шидэль». Автор назвал меня доктором наук, поскольку ученая степень кандидата технических наук в странах Запада соответствует степени доктора наук.

…Теперь уже бывший первый переводчик Саша подошёл ко мне, пожал руку и сказал, что «у него наконец упала гора с плеч». А после ужина с радости от такого облегчения он спел очень популярный до войны романс Бориса Фомина на слова П. Д. Германа «Только раз», где был такой припев: «Только раз бывают в жизни встречи, только раз судьбою рвется нить, только раз в холодный зимний вечер мне так хочется любить». И, кстати, Саша потом пел его очень часто. Жаль, что у нас тогда не было гитары и гитариста, который мог бы аккомпанировать Саше.

…Естественно, у меня, назначенного старшим рабочей команды, возникли к фельдфебелю организационные вопросы. Надо было уточнить, сколько человек посылать на кухню, поскольку количество едоков уменьшилось. Фельдфебель сказал, что будет достаточно, чтобы работали три человека. Вместе с одним из двух уборщиков они обязаны привозить обед на телеге на те рабочие места, которые окажутся далеко от лагеря. А если пленные будут работать близко, то они должны приходить на обед в лагерь. Иван Уваров оставался работать на немецкой кухне. Маляр и два столяра оказались больше не нужными, но портной и сапожники продолжали работать на прежних местах. Количество уборщиков в лагере сократилось.

Я объяснил фельдфебелю, что для выноса параши и других работ в гараже буду выделять по очереди трех дневальных и список вывешу на стене. Из числа дневальных исключу только пожилых пленных, работников кухни, обоих уборщиков, сапожников и портного. Сам буду дневалить вместе со всеми.

Составление списка дневальных заняло у меня почти три вечера и часть выходного дня. Эта работа оказалась достаточно сложной. Надо было выяснить фамилии и инициалы всех пленных, а также записать, как правило, длинные личные номера, а затем составить список в алфавитном порядке. Список я написал черными чернилами, каллиграфическим почерком на двух листах плотной белой бумаги, которую для меня где-то достал сорб Николай Билк. Когда я вывесил список, все товарищи собрались около него. Потом подошли оба фельдфебеля, разогнали людей и внимательно рассмотрели мою работу. В понедельник при утренней поверке Хебештрайт публично

похвалил меня за этот список. Список дневальных мне приходилось писать неоднократно, так как личный состав рабочей команды постоянно менялся. А последний список, сделанный в марте 1945 года, хранится у меня до сих пор – я снял его со стены, когда 20 апреля команда навсегда оставляла лагерь. И этот список мне очень помог при написании данных воспоминаний.

Жизнь в рабочей команде при значительно меньшем количестве людей пошла совершенно по-другому. Прежде всего, стали спать почти по-человечески. По утрам и вечерами мылись с мылом, хотя и плохим. Перестали ходить небритыми или с плохо выбритыми лицами. Многие чистили зубы порошком. Начали обзаводиться домашними туфлями – пантофелями, прося изготовить их столяров и сапожников или делая их самостоятельно. При обнаружении любой небрежности во внешнем виде Хебештрайт мог наказать пленного даже плёткой или просто своим увесистым кулаком.

Фельдфебель каким-то образом добился, что мы стали получать картофель и кольраби больше положенной нормы. Нам стали давать нормальный черный хлеб, как для немцев – гражданских и военных. В супы добавляли больше крупы и мяса. Люди почувствовали себя веселее и увереннее. Молодежь начала заглядываться на женщин и подшучивать по этому поводу друг над другом.

В середине апреля мы были направлены на работу на товарную станцию, где складировали поступавшие в разобранном виде бараки. На площадке нас встретил еще далеко не старый, красивый, но с надменным лицом, начальник хозяйственной части военного городка и главный распорядитель работ на товарной станции. Он был типичный ариец – в белой сорочке и хорошо выглаженных серых брюках навыпуск, в модных коричневых полуботинках. За ним стоял пожилой кареглазый и близорукий немец в очках и рабочей спецовке.

Фельдфебель поздоровался с ними и заговорил с первым из них, называя его господин Штайнорт. Тот смотрел на нас, советских военнопленных, как на недочеловеков или людей второго сорта. Оказалось, он был одним из руководителей местной нацистской партийной организации в Каменце. На правом лацкане пиджака Штайнорта красовался круглый со свастикой значок члена нацистской партии NSDAP.

Фельдфебель поставил Штайнорта в известность, что при разговоре с пленными он может использовать переводчика, и указал на мою тощую фигуру. Штайнорт совсем равнодушно и быстро оглядел меня сверху вниз и ничего

не сказал. Зато с нескрываемым любопытством и благожелательно, блеснув стеклами очков, на меня посмотрел второй пожилой немец. Сразу было видно, что это большой трудяга. Он пожал мне руку, сказал, что его зовут Фридрих, и выразил надежду, что, очевидно, «мы хорошо сработаемся». При последующих встречах со мной он ласково произносил одни и те же слова: «Jurij, du hast eine Seele, wil eine Kamelie (Юрий, у тебя душа Камелии)». При этом я долгое время полагал, что он имеет ввиду слово «верблюд» (по-немецки «Кэмел») и только позже сообразил, что есть красивый и нежный цветок – камелия.

Оказалось, что постоянным местом работы Фридриха являлась городская канализационная станция, за которую он отвечал, а на погрузочно-разгрузочные работы на станции он был обязан являться только по вызову Штайнорта. Позже к себе на станцию, по моему совету, Фридрих взял моих близких друзей – Андрея Яковлевича Маркина из Новосибирска и Василия Андреевича Серегина из Тулы. Они трудились там почти до конца плена.

…Фельдфебель уехал, оставив нас под охраной часовых – Куле и Нойберта. Наконец Штайнорт изволил позвать меня, поманив пальцем, и объяснил, что нам делать. Надо было загрузить в стоявшие на железнодорожном пути два вагона деревянными бараками, сложенными на земле. Руководить работой он поручил Фридриху. Мне следовало помочь ему разделить людей на 4 группы: две – поменьше, которые встанут вверху вагона, и две – побольше для разборки штабелей внизу и доставки их к вагону.

Сам же Штайнорт показывал «нижним» группам, в каком порядке разбирать штабели и как доставлять детали для погрузки. Но ему не понравилось, что каждую балку носят не два человека, а трое. Он, было начал кричать по этому поводу, однако на его крик никто не обращал внимания. Я заявил Штайнорту, что все пленные сильно истощены и не могут работать интенсивнее. Вот если бы он организовал нам дополнительное питание, это помогло бы делу. Штайнорт ничего не ответил, но потребовал, чтобы мы закончили работу к 17 часам. Штайнорт перестал нас подгонять, но наблюдал, не ломаем ли мы детали и узлы бараков.

Здесь же хочу отметить, что во время погрузок и выгрузок наиболее тяжелыми и неудобными для переноски были элементы крыши бараков – длинные плиты из множества узких и тонких поперечных досок, покрытых рубероидом, – они изгибались посредине. Их таскали восемь человек, хотя вполне могли справиться четверо, а мы с Толей Гудовичевым из любопытства,

когда немцы не видели, легко пронесли эту плиту вдвоем. Но мы не хотели стараться ради наших врагов.

В один из дней Штайнорт стал всячески преследовать тщедушного пленного Семена Плехова, страдавшего геморроем. Из-за этого он часто отпрашивался у часового в уборную и подолгу в ней находился. Штайнорт заметил это и несколько раз накричал на Сеню, обзывая его наглым ленивцем, но тот не реагировал на крики шефа. После обеда дело дошло до того, что Штайнорт не выдержал и, зажав кончиками пальцев нос, подошел к уборной и вытащил оттуда Сеню с спущенными брюками, ударил его по голове кулаком. Сеня упал на землю и получил еще удар в спину, после чего дважды матерно выругался.

Увидев поверженного Сеню, все пленные прекратили работу, а я и часовой Шлихт, обозлившись на Штайнорта, тоже стали кричать на него, что он не имеет права бить пленного, Шлихт оттолкнул Штайнорта от Сени прикладом винтовки. Штайнорт опешил от этого и впал в истерику, угрожая Шлихту уничтожить его «за действия, недопустимые для немца». В этот момент многие пленные, похватав колья, доски и мелкие детали бараков, а также камни с земли, устремились к Штайнорту с дикими криками и угрозами «прикончить этого фашистского гада».

Дело принимало скверный оборот, и мне пришлось вступиться за Штайнорта, попросив товарищей проявить благоразумие и выдержку. Я объяснил Штайнорту, что Сеня мучается геморроем и только по этой причине должен часто отлучаться с работы. И прежде чем наказывать больного, надо было подойти ко мне и всё выяснить. Штайнорт понемногу успокоился и ушел, доверив нас Фридриху. Наши ребята продолжили работу.

Штайнорт не пожаловался своему начальству ни на нас, ни на часового Шлихта, который, как оказалось, попросил у Штайнорта извинения за невыдержанность при том конфликте. Штайнорт стал заметно лучше обращаться с пленными и особенно со мной. В дальнейшем работы на станции происходили спокойно, устраивались частые и продолжительные перерывы для отдыха. Но с тех пор пленные между собой всегда обзывали Штайнрота матом и дали ему самое скверное прозвище Х-еглот.

При холодной погоде и особенно зимой мы разжигали костры, чтобы погреться и посушить намокшие рукавицы и шинели. Наиболее активные товарищи тайком совершали «налёты» на соседний склад – пакгауз, чтобы стащить оттуда пшеницы или еще чего-либо для еды, а до конца октября бегали

на поле за картофелем, который потом варили у себя в лагере, используя принесенные со станции брикеты каменного угля и мелкие дровишки.

Следующее событие в нашей в целом однообразной жизни случилось в выходной день. В этот день с утра – до предстоявшего мытья в душе – пленные отдыхали и занимались разными делами. Кое-кто играл в карты и даже в самодельные шахматы и шашки. Кто-то мастерил для немцев для обмена за еду игрушки. Так, Лёша Ковкун делал из дощечек и соломы, подобранных на станции, красивые ларцы, а Игнат Юдаевич Привалов (по прозвищу 10 раз женатый) – из разноцветных кусков пластмассы, насаженных на алюминиевую трубочку, – курительные мундштуки. Я и несколько товарищей грелись на солнышке в компании Николауса Билка. Вдруг на большом плацу начало происходить что-то необычное. Под громкие команды и маршевые песни на плац начали прибывать взводами и ротами и выстраиваться длинными шеренгами солдаты в униформе разных родов войск. Естественно, все они двигались на плац под маршевые песни. Бросалось в глаза, что очень многие солдаты были далеко не молодыми и, по-видимому, призваны в армию недавно. Попадались и совсем молодые.

На плацу разместился духовой оркестр, исполнивший государственный гимн «Германия, Германия превыше всего» и гимн нацистской партии «Хорст Вэссэль». После этого один из высших военных чинов стал произносить речь. Я подумал, что, возможно, на плацу солдаты принимают присягу, о чем сказал стоявшему рядом Гудзю. Услышав слово «присягают», сорб Билк встрепенулся и подтвердил: «Да, присягают, присягают». Оказалось, что это слово является одинаковым и в русском, и в сорбском языке.

Действительно, солдаты вслед за каким-то большим командиром начали медленно и громко произносить хором слова присяги. И тут церемонию принятия присяги неожиданно прервали: двое пожилых солдат вдруг упали на землю и остались лежать, пока к ним не подошли с носилками медики, которые одного из упавших унесли, а другой всё же встал и присоединился к стоявшим солдатам. По поводу происшедшего часовой Билк сказал, что, вероятно, эти два солдата таким способом протестовали против войны и вообще нацистского режима в Германии. И, возможно, выходка смельчаков не останется без последствий.

На следующий день нашу рабочую команду направили в город на новое место – в военный городок. Накануне об этом нам сообщил фельдфебель Хебештрайт, уточнив, что обед туда

будут привозить повара и уборщик на телеге. Нам надо было захватить с собой котелок и ложку, а в последующие дни котелки нам уже не понадобятся, поскольку для каждого выдадут штампованные металлические миски. И уже скоро комплект таких мисок доставили на кухню к поварам. Но котелки нам всё же были необходимы, когда мы сами готовили на печке в лагере горячую пищу или чай.

Военный городок, как я уже упоминал, располагался немного южнее товарной станции – на Казарменной улице. В этом городке находился очень большой, покрытый зеленой травой плац с подземными укрытиями и различными сооружениями, а также наземными устройствами для обучения солдат военному делу и для занятий спортом. По всему периметру плаца располагались серые четырех-пятиэтажные кирпичные казармы, учебные помещения, клуб, медико-санитарная часть с поликлиникой, небольшой, но уютный санаторный корпус для солдат, выздоравливающих после ранения, различные мастерские и другие здания. Перед домами росли раскидистые деревья, плющ и цветы. Везде было чисто и тщательно убрано.

Штайнорт и Томшке подвели нашу колонну к длинному, построенному из кирпича зданию с бетонным полом и традиционной для немцев крышей из красной черепицы. Оно размещалось на южном краю городка. Штайнорт объявил, что это здание будет нашим базовым помещением на время работы в военном городке. В нем мы могли оставлять свои вещи, обедать пищей, привезенной из лагеры вместе с мисками, и отдыхать.

Затем к нам подошли пятеро немолодых цивильных (гражданских) немцев в синих рабочих коротких куртках. Все подошедшие сначала поздоровались с нами по-немецки, а потом, к нашему удивлению, один из них громко поприветствовал нас по-русски: «Добрый день!» Вслед за ним то же самое произнесли и другие, кроме пятого – маленького роста и с огромной шишкой на голове, который сказал приветствие по-немецки. Оказалось, что четверо были сорбами, звавшимися Юрий (первый) и Юрий (второй) (был еще потом и Юрий третий), Якоб и Йохан, а пятый – немцем Райнхольдом, которому наши ребята тут же дали прозвище Шишкан.

И все эти сорбы и немец проявили себя, не побоюсь сказать так, очень порядочными людьми. Многие из нашей рабочей команды были обязаны им, может быть, даже жизнью.

Через несколько минут подошли еще двое пожилых цивильных немцев. Они поздоровались со Штайнортом и другими немцами, а потом с нами. Первого из подошедших, высокого,

грубоватого и басистого, звали Диттрих, а другого – Макс Кунат, который вскоре признался мне, что раньше состоял в рядах Коммунистической партии Германии.

Наконец началось распределение на работу. 20 самых здоровых пленных повели для работы в глубокий каменный карьер в распоряжение мастера Гелльриха. Для этой группы требовался человек, умеющий говорить по-немецки. Но Штайнорт не отпустил меня с ними, сказав, что я нужен как переводчик на территории военного городка. Вместо меня вызвался пойти Петя по прозвищу Комиссар.

Человек десять требовались для уборки территории военного городка и для мелких строительных и малярных работ. В эту группу попали два «брата» – столяры Омельченко и маляр Лёня Ковкун, а со следующего дня к ней присоединился и Саша Зинченко. Около 30 человек вместе со мной и с часовым Куле с прозвищем Гундосый направили подготовить несколько участков земли к посадке овощей.

Глава VI

Нам предстояло обработать три участка земли – два с западной стороны военного городка, а один – с северной, поэтому нас разбили на три группы и привели сначала на склад огородного инвентаря. Когда наша группа пришла на участок, я заметил там турник, брусья и другие устройства для гимнастики. Захотелось подбежать к ним и поупражняться, но для этого не было сил. Прошло больше года, когда я набрался сил и мне удалось на глазах у красивой и надменной, явно ненавидевшей русских дочери Штайнорта подтянуться и выполнить на том турнике не очень сложное упражнение. С тех пор эта девушка начала узнавать меня, но все же ни разу ни поздоровалась.

На первом участке старший нашей группы был рассудительный и спокойный москвич лет 35-ти – Андрей Дмитриевич Шныкин, получивший прозвище Комендант Москвы, так как до войны работал комендантом студенческого городка во Всехсвятском. В этом общежитии доводилось бывать и мне у друзей – студентов МИС.

Второй участок для пленных представил наибольший интерес. Дело в том, что рядом находился пятиэтажный дом, на первом этаже которого находились кухня и столовая для военнослужащих, а сзади дома имелись большие секции для мусора, золы и пищевых отходов. А это давало нам возможность находить там кое-что для еды, а также подбирать

окурки. Мне удавалось извлекать оттуда интересовавшие меня немецкие газеты и журналы, которых я не мог достать в лагере. Для меня и моих товарищей они имели очень большое значение: ведь из них мы по сводкам германского военного командования узнавали о положении на фронтах. Старшим группы на втором участке был назначен очень солидный и спокойный, как Шныкин, Виктор Иванович Чайкин, проживавший до войны в городе Красногвардейске (ныне снова Гатчина) Ленинградской области. На этом участке пятеро наших товарищей строили выгребную яму – уборную для всех наших групп.

На всех земельных участках в военном городке наиболее тяжелые работы велись весной и осенью. Весной перекапывали и рыхлили землю граблями, делали грядки, высаживали семена различных овощей и особенно много – шпината, салата, кольраби, брюквы, моркови, репы, свеклы, капусты, лука, чеснока. Летом поливали грядки, но урожай с них собирали сами немцы. Состав пленных, трудившихся на огородах и на других местах, часто менялся: как только у начальства появлялась более важная и срочная работа, то второстепенные работы, типа огородных, немедленно прекращали и пленных направляли на новый объект.

Пока на втором участке выгребную уборную еще не построили, пленных водили в туалет солдатской столовой и кухни. Последствием этого стало то, что некоторые сумели разведать, где в этом доме можно добыть что-нибудь для еды и курения, а также стащить вещи. А позднее, отпрашиваясь, чтобы сходить в выгребную уборную, они нередко проникали и в солдатские казармы, и в квартиры офицеров или гражданских лиц, где прихватывали съестное, курево и всё прочее, что «плохо лежало» и что можно было обменять на еду, курево и денатурат.

Когда мы копали землю и делали грядки, наш распорядитель – сорб Якоб постоянно твердил нам по-немецки: «Immer langsam immer langsam, eilt euch nicht (Всегда не спешите, не торопитесь, работайте медленно)». Эти же слова мы слышали от немцев почти на всех работах, кроме особо срочных, типа разгрузки или погрузки вагонов. От нас требовали прежде всего высокого качества работы, а не быстроты. Кроме того, многие из них не торопили пленных просто из-за жалости к ним…

20 апреля немцы скромно отметили день рождения Адольфа Гитлера, а 22 апреля я во время утренней поверки не побоялся напомнить всему строю, что в этот день в 1870 году родился В. И. Ленин. Но со стороны немцев это не вызвало никакой реакции.

Суббота 24 апреля не стала для нас коротким рабочим днем –

пришлось трудиться почти дотемна. В этот день надо было обязательно разгрузить вагоны и освободить путь для другого состава. Я предупредил Штайнорта, что заставлять нас работать до позднего вечера – незаконно, но из этого ничего не вышло.

Через несколько дней фельдфебель Хебештрайт после утренней поверки тщательно выбрал из нас 30 человек и заявил, что эти люди, в число которых попали и мои друзья Иван Осокин и Гудзь, будут отправлены в другую рабочую команду, далеко от Каменца. Так и произошло.

В конце апреля на аэродром начали прибывать дополнительные немецкие военнослужащие в форме авиаторов. Это привело к тому, что на территории лагеря стал ощущаться недостаток помещений. Тогда аэродромное командование предложило фельдфебелю Хебештрайту освободить большой гараж, занимаемый пленными, и переселить их в соседний, малый гараж 2. Поэтому оба праздничных дня 1 и 2 Мая мы занимались перетаскиванием нар на новое место. Перетащили также столы, скамейки, стулья, парашу, вешалки, наладили водопровод для умывания и привели в порядок электроосвещение. Теперь я, Саша Зинченко, Миша Федерякин и Никита Парфенов расположились уже не в отдельной комнате, как раньше, а вместе со всеми.

Распорядок дня в малом гараже остался неизменным, т. е. вечером в 20 часов часовые запирали его снаружи на замок, а в 5 часов 30 минут утра следующего дня открывали. Иногда часовые и фельдфебель навещали пленных даже глубокой ночью, проверяя их присутствие. Жизнь на новом месте затрудняло отсутствие хотя бы небольшой печки, так что мы не могли сварить себе дополнительную еду или вскипятить воду, просушить намокшую одежду и обувь.

Вечером 4 мая, когда все пленные вернулись с работы, в гараж зашли вместе со старшим ефрейтором Шлихтом оба фельдфебеля – Хебештрайт и Томшке. Хебештрайт объявил, что с завтрашнего дня комендантом лагеря и руководителем нашей рабочей команды становится Томшке, а он покидает нас и вообще Каменц, так как получил более высокое назначение. От имени всех товарищей я пожелал Хебештрайту успехов на новом месте, и все три немца ушли.

На следующий день после утренней поверки Томшке объявил, что ему необходимы человек 5 плотников, столяров и слесарей, и к ним 10 помощников, которые должны поработать пару недель на аэродроме. Из 20-ти желавших попасть в эту группу с моей помощью отобрали нужное количество.

Сначала нас завели на склад, где нам выдали мётлы, щётки,

ведра, гвозди, лопаты, строительный инструмент. Место работы располагалось на левом берегу реки Шварце Эльстэр. Это был небольшой запущенный деревянный барак, который предстояло привести в порядок и окружить со всех сторон колючей проволокой. Я поинтересовался у Томшке, для кого же мы готовим этот барак. Он ответил, что выполняет приказ, полученный из Гроссрёрсдорфа, а кто конкретно будет проживать в бараке, пока ему не известно.

Наступил очередной банный день, и Томшке взял меня с собой для получения белья. Мне пришлось тащить за собой тележку. С городского вокзала мы проехали на поезде две остановки. Гроссрёрсдорф, куда мы прибыли, оказался очень тихим, чистым и уютным городком. На складе нам выдали белье в двух мешках, которые я погрузил на тележку. К обеду мы вернулись «домой».

Утром Томшке сказал, что он решил изменить порядок смены белья в бане, применявшийся раньше при большом количестве моющихся. Теперь можно было выдавать свежее бельё не по окончании мытья голым людям, а перед посещением бани.

Когда я приступил к раздаче белья, каждый норовил получить комплект получше. В результате мне – последнему – досталось довольно рваное бельё. Хотя я мог выбрать лучшее, я этого не сделал специально, чтобы не строить из себя «начальство», тем более что нижнее бельё всё равно скрыто под рубашкой и брюками. Так я поступал всякий раз, за что меня товарищи ценили, хотя не раз предлагали брать бельё первым.

…К концу третьей недели мая наступил перерыв в работах на товарной станции, а на аэродроме закончилась подготовка лагеря для приёма новых пленных. К этому времени наши огородные работы тоже закончились, и начальство привлекло нас на другие дела: человек 20 отправили в каменный карьер, два – на канализационную станцию, 10 взяли, чтобы привести в порядок тюки прессованного сена. А еще 10 человек, включая меня, Сережу Кулешова и Тиму Добринского, сорбы Юрий, Якоб и Йохан, а также немец Макс Кунат взяли с собой и повели в город без конвоира. Наши сопровождающие были в синей спецодежде с фартуками и рюкзаками, в которых находились полотенце, мыло, ножик, ложечка, а также съестное для завтрака и обеда, которые устраивали соответственно в 9 часов 30 минут и 16 часов. Их съестное обычно состояло из холодного и полусладкого эрзац-кофе в термосе и тонко нарезанных кусков хлеба, смазанных топлёным салом. Хлеб помещался в алюминиевой коробочке.

Хотя с нами и не было конвоира, мы всё равно шли строем

по три человека в ряду, а мастера – по тротуару. Все встречавшиеся по пути местные жители и даже дети очень дружелюбно приветствовали мастеров, а с ними и нас. Некоторые интересовались нашим «путешествием». И здесь отмечу, что немцы, особенно в сельской местности и в небольших городах, при встречах друг с другом и с незнакомыми людьми, включая пленных, бывали чрезвычайно приветливы. Многие жители были одеты, в соответствии с их профессией и должностью, в стандартные форменные одежды различного цвета с погонами. Свою форму имели, например, не только полицейские, жандармы и железнодорожники, но и почтовые работники. По дороге мы остановились перед серой башней с конической крышей из ярко-красной черепицы. Якоб сказал, что эта башня является частью бывшей городской крепости и называется Бастионной, ей уже более 400 лет. Недалеко от башни находился величественный собор Святой Марии. Возле башни расположился почти её ровесник бывший «Дом солода», двухэтажное здание, предназначенное для варки пива.

В ближайшем переулке мы зашли в небольшой выложенный камнем двор и спустились в подвал дома, где должны были заниматься переборкой сложенной на полу картошки. Тима Добринский тут же задал вопрос, нельзя ли сначала зажечь костер и испечь для каждого хотя бы по паре картофелин. Но оказалось, что это невозможно: нет дров, жильцы дома будут возражать, может выказать претензии и полиция.

Работа шла медленно, но весело. Сорбы, понимающие по-русски, и пленные вели разговоры на разные темы. Порой шутили, рассказывали о женщинах, дискутировали по поводу существования Бога, жаловались на жизнь, прогнозировали, когда и в чью пользу окончится война. Однако через некоторое время, когда я пошёл с Якобом в туалет, он сообщил мне, чтобы я и мои товарищи не очень откровенничали при Юрии втором так как он, хотя и сорб, но состоит членом нацистской партии.

При наших разговорах мастер Йохан часто ворчал, из-за чего Тима Добринский с ходу придумал для него прозвище Фарисей, хотя и не знал, что это означает. Примерно через месяц Якоб сказал об этом прозвище Йохану. Йохан, очень религиозный человек, почти рыдая, просил меня сделать всё возможное, чтобы это «проклятое прозвище» больше не произносилось. Только тут Добринский и я узнали, что фарисеи были врагами Иисуса Христа.

…Точно в 9 часов 30 минут мастера прекратили работу, помыли руки, вынули из рюкзаков еду и приступили ко второму завтраку. При этом каждый из них поделился с нами ломтиком

хлеба, а кто мог, дал закурить. Предлагали и кофе, но мы дружно отказались. Кстати, точно то же самое мастера проделали и в 16 часов.

По дороге на обед со мной разговорился Кунат. Оказалось, что вместе с Диттрихом он проживает в доме на Казарменной улице, напротив главного КПП военного городка. В отличие от сорбов, он ходит обедать домой, где у него больная жена и шестеро голодных детей, поэтому он не призван в армию. Ему известно, что я был студентом престижного вуза в Москве и, следовательно, комсомольцем, поэтому он не боится признаться мне, что совсем недавно состоял членом Коммунистической партии Германии и активно работал в местной партийной организации. А теперь организация не существует: многих посадили в концлагерь или послали на фронт, а некоторые, как он, затаились. Что ему делать дальше, он не знает. Я посоветовал ему пока воздержаться от каких-либо опасных действий, а дальше будет видно ведь вермахт потерпит от Красной армии сокрушительное поражение.

Кунат сказал также, что сорбам жить лучше, чем ему, так как они проживают в соседних с Каменцем деревнях и селах и имеют земельные наделы, скот и птицу. А он с семьей живет только на продовольственные карточки.

В обеденный перерыв я увидел, как к нашему очень солидному на вид товарищу Кузьмичу (Русанову Ефиму Кузьмичу) подошел старший ефрейтор и угостил его сигаретой. Увидев это, я и еще несколько пленных решили «стрельнуть» покурить. Ефрейтор вынул из кармана всю пачку сигарет и отдал её просителям, сказав, что больше у него курева нет, но он постарается принести его завтра.

Оказалось, что вездесущий Кузьмич уже несколько дней знаком с этим ефрейтором, похожим на него и лицом, и комплекцией.

Подошёл к этому немцу и я. Кузьмич назвал ему моё имя и сообщил, что я являюсь переводчиком и старшим рабочей команды. Тот назвал свое имя и фамилию. Оказалось, он не немец, а шлёнзак, т. е. поляк из немецкой Верхней Силезии. Он был ранен на африканском фронте и после частичного выздоровления оставлен служить в этом военном городке. Очень хотел бы помочь русским пленным, чем может. В дальнейшем он действительно помогал нам по мелочам, мы встречались с ним на территории военного городка почти до апреля 1945 года.

Разговаривая с этим ефрейтором, я вспомнил, что на Украине и на германо-польской границе шлёнзаки очень скверно обходились с нами – советскими пленными. Поэтому я решил

и с этим шлёнзаком быть осторожным, полагая, что он, возможно, является тайным агентом или служащим Особой команды в военном городке. Но всё же я обратился к нему с просьбой приносить мне центральные немецкие газеты особенно упоминавшуюся «Völkischer Beobachter» (Фёлкишер беобахтер). И он стал приносить их мне, иногда передавая через других.

Таким образом, я имел возможность читать товарищам по-русски оперативные сводки с фронтов и иные интересные публикации. Это чтение заметно помогало мне в лучшем освоении немецкого языка. Этому особенно способствовало то, что я сразу записывал всё новое, что слышал от немцев.

За время плена я научился писать по-немецки готическим шрифтом и говорить почти без акцента. Как-то мастер Фридрих сказал мне, что «настоящий немец – это тот, который может очень быстро и чётко выговорить предложение “Фри ин Фрише Фишер фишт ди Фише” (Рано утром при утренней свежести рыбак ловит рыбу)». И я научился произносить это быстро и правильно, как «настоящий немец».

Выходной день запомнился мне тем, что перед обедом мы пообщались с девушками из Курской области, приходившими в столовую. При этом Толя Шишов, его «опекуны» Иван Астраханский и Кузьмич остановили их и, особенно заглядываясь на фигуристую и грудастую Надю, делали ей комплименты. Мы поинтересовались, как девушки живут, что у них нового. Кто-то получил письмо с родины, недавно у них побывал власовский пропагандист – выпил с ними самогонки и оставил кучу газет «Заря». Они обещали принести нам эти газеты и сдержали слово, но ничего нового я в них не нашёл.

Через несколько дней у нас была уже совершенно другая работа. Вместо подвала дома нас повели теперь на чердак под островерхой крышей. На крыше находились наклонные окна. Открыли ставни, потом застеклённые рамки, и на чердаке стало совсем светло. Мы увидели, что на полу слоем высотой до 75 см насыпана пшеница. А к задней стене были прислонены деревянные лопаты с широкой и гладкой рабочей поверхностью. Такими лопатами у нас в деревне провеивали на гумне обмолоченное зерно, бросая его высоко вверх.

Юрий объяснил, что зерно надо перелопатить, чтобы нижние слои, возможно начинающие отсыревать, оказались наверху, и чтобы пшеница и далее оставалась пригодной для размалывания на мельнице. С такой операцией я столкнулся впервые: у нас, в колхозное время, пшеницу хранили в амбарах очень большой массой – слоем значительно большим, чем 75 см.

Мы очень пожалели, что у нас в гараже нет печи, чтобы

можно было сварить кашу из захваченной с собой пшеницы. Но всё же мы набрали ее в карманы, решив в обед поделиться ею с товарищами. Во время работы все непрерывно горстями ели пшеницу, хотя на ней могла быть не только пыль, но и ядохимикаты – об этом нас предупреждали. К счастью, всё обошлось благополучно. Вечером, уходя с работы, мы снова набили карманы пшеницей и совсем не удивились тому, что так же поступили и сборы, предупредив нас, чтобы мы об этом никому не говорили. Однако пшеницы они взяли значительно больше – не только в карманы, но и в рюкзаки.

В конце мая мы опять занимались перелопачиванием зерна, но не в городе, а на территории военного городка, на чердаках двух казарм. Однако теперь это была не пшеница, а рожь. В моей группе ответственным теперь стал другой – третий Юрий, совсем старый, а его помощником – Райнхольд. Юрий в перерывах давал нам с напарником – москвичом Колей Тихомировым (Маляриком) свой табак. В завтрак и обед они предложили нам присоединиться к ним, но мы, видя, что еды у них и так мало, отказались.

В общем, работа проходила вполне нормально, только вместо пшеницы нам, всегда голодным, на этот раз приходилось поедать невкусные зерна ржи, и ее захватывали с собой. Но оба мастера набрали ржи достаточно много. Конечно, они рисковали попасться, проходя мимо часового на КПП. Но время было очень тяжелое и для немцев: им приходилось кормить не только семью и близких, но и скот, и птицу. Юрий и Райнхольд, являясь сельскими жителями, были обязаны держать их в определенном количестве, строго указанном властями.

Работая на чердаке казармы, я впервые услышал мелодию и слова знаменитой тогда лирической песни «Лили Марлен» (автор текста Ханс Ляйн, композитор Норберт Шульце). Ее пела всемирно известная актриса Марлен Дитрих. Теперь, в глубокой старости, я с грустью вспоминаю прошедшие годы и иногда со слезами напеваю куплет из «Лили Марлен»: «Перед казармой, перед большими воротами стоял фонарь, стоит он еще и теперь. Так хотим мы здесь снова свидеться, хотим мы стоять, как однажды, у этого фонаря, Лили Марлен».

Мы слышали эту песню из раскрытого окна на последнем этаже казармы, где играл патефон. После «Лили Марлен» последовала без слов – только в оркестровом исполнении и в необычном для нас быстром темпе… русская песня «Стенька Разин», затем другие. Одна из них была с понравившимися мне словами: «Всё проходит мимо, всё проходит мимо, минует холодная зима, придет снова май». Естественно, в это время работу мы прекратили и слушали музыку, пока и патефон

не перестал играть, и окно не закрылось.

На последней неделе мая у нас на аэродроме случилось заметное событие. В небольшой барак за проволочной оградой, который недавно был нами приведен в порядок, поселили человек 30 голландских военнопленных. Вообще, этих людей следовало бы назвать не военнопленными, а интернированными, так как, по существу, они даже не успели повоевать с немцами, которые в 1940 году молниеносно захватили их страну, чаще называемую не Голландией, а Нидерландами. В 1943 году, после сокрушительного поражения немцев под Сталинградом, в странах, оккупированных Германией, включая Нидерланды, резко усилилось движение Сопротивления. Немцы считали, что основными вдохновителями и предводителями этого движения могут стать бывшие военнослужащие, поэтому решили их заблаговременно изолировать от остального населения, арестовав и отправив в Германию. Так они и попали к нам. Среди них находился один, похожий на китайца. Оказалось, его мать была индонезийкой из нынешней Индонезии, бывшей тогда колонией Нидерландов.

Все голландцы не нуждались в переводчике, так как их язык, по существу, тоже немецкий. Мне было легко с ними разговаривать. Для охраны голландских военнопленных в штат охранников добавили еще двух часовых. Работать голландцев водили отдельно, и нам не позволяли с ними общаться. Питание им выдавали из кухни для немецкого цивильного персонала и пригнанных из СССР гражданских лиц, т. е. наших девушек из Курской области.

Склад и кухню, откуда мы получали горячую пищу и другое довольствие, у нас отняли, зато теперь мы стали это получать в пищеблоке, где питались и курские девушки и голландские военнопленные. Для этого пришлось некоторое кухонное оборудование перевезти со старого места и запустить на новом, что потребовало не менее трех суток. К этой работе были привлечены, кроме поваров и уборщиков, «братья» Омельченко, Маляр и красавец-блондин Толя Шишов. В это время Толя успел «свести с ума» работавшую на кухне большую Аню и завести с ней «большую любовь».

Меня в эти дни вместе с шестью товарищами (Иваном Пиком, Сергеем Комсоставским, Тимой Добринским, Виктором Чайкиным, белорусом Мишей Капраловым и еще кем-то) мастер Якоб приводил без конвоира на городской вокзал. Я в основном был там переводчиком. На вокзале нас заставили выгружать из одного товарного вагона на грузовую машину мешки с ячменем и разгружать их на местном… пивном заводе

«Kamenzer Brauerei». Мы получили великое удовольствие, дважды проехав до завода и обратно на грузовике по городу, увидев некоторые его достопримечательности и… выпив дважды по кружке «Malzbier» – солодового, не хмельного пива, которым нас после разгрузки мешков угощали рабочие завода – поляки и старые немцы. Под предлогом сходить в туалет некоторые наши работники сумели обследовать примыкающие к вокзалу пустыри и установили, что на них имеются сарайчики, в которых железнодорожники содержали кроликов. Ребята приняли это обстоятельство к сведению, решив, что когда в нашем жилье появится печка, можно будет сварить или зажарить кролика, а может быть, и собачье мясо, так как вокруг водилось немало собак.

…По обоим сторонам шоссе, по которому пленных водили на работу, росли яблони. Яблоки почти созрели, и кто-то из пленных догадался бросать свою колодку на ближайшую яблоню. Яблоки сыпались на шоссе, и шедшие сзади сразу подбирали их вместе с обувью товарища. Яблоки быстро делили на всех, иногда даже угощали конвоиров, которые бывали этому рады, особенно если яблоки оказывались хорошего сорта.

Глава VII

Первого июля внезапно при построении пленных на утреннюю поверку рядом с Томшке появился хорошо выглядевший и отдохнувший фельдфебель Хебештрайт. Поскольку, как я полагал, Хебештрайт стал высшим начальством для нашей рабочей команды, я, как её старший, посчитал нужным доложить ему строго по-военному о численности и состоянии наших людей и их готовности к работе.

И я, скомандовав строю «смирно!», подошёл к Хебештрайту строевым шагом, остановился перед ним, приставил вытянутую ладонь правой руки к головному убору и громко произнёс: «Herr Feldwebel, alle 57 (не помню, точно ли столько было) sowjetische Kriegsgefangenen, ausser drei Koche in der Kuche, sind zum Arbeitseinsatz angetreten. Alle sind gesund und arbeitsfahig (господин фельдфебель, все 57 советских военнопленных, кроме трех поваров на кухне, к использованию на работе построены. Все здоровы и работоспособны)!» Сказав эти слова, я продолжал стоять в том же положении, пока фельдфебель не произнес «Ruhrt euch (Вольно)!»

Фельдфебель, вовсе не ожидавший такого моего доклада, оказался потрясен и сразу обратился ко мне с предложением, чтобы я в будущем в случае присутствия вместе с ним высшего

для него начальника – офицера докладывал последнему о своих людях перед их строем точно аналогичным образом. Для него, фельдфебеля, это будет большая честь.

А дальше он сообщил, что с нынешнего дня он опять является нашим непосредственным начальником, а Томшке переводится на другое место. В тот же день тот отбыл куда-то, и больше мы его не видели.

Всем было любопытно узнать, почему же Хебештрайт, фамилию и тем более имя которого почти никто из пленных не знал, не остался служить в Гроссрёрсдорфе на более высокой, чем при нашей рабочей команде, должности. Спросить его об этом я не решился, но как-то поговорил по данному поводу с часовым Николаусом Билком. Тот предположил, что в Гроссрёрсдорфе фельдфебель, человек чисто практического склада ума, не приспособился к канцелярской работе, и главное – там он не имел дополнительной материальной выгоды. У нас же в лагере он мог по своему усмотрению направить пленных на работу к какому-либо богатею и тайком получить за это определенную мзду деньгами или натурой. А кроме того, в лагере он имел и другие лазейки для получения различных выгод…

…На следующий день после смены коменданта лагеря аэродромное начальство привлекло нас к устройству водоёма – бассейна, из которого можно было бы брать воду для тушения пожаров после возможных налётов авиации противника (пока что их ни разу не случилось). На эту работу, где оказался и я, направили основную часть пленных.

Работу выполняли лопатами и ломами, а грунт и камни погружали в грузовую автомашину. Как только кузов заполнялся, несколько человек с лопатами взбирались на него, и машина с вооруженным шофером, выполнявшим одновременно функции конвоира, уезжала к каменоломне, куда и сбрасывали привезенный груз.

Каменоломня находилась на территории, занимаемой огородами, где тогда как раз созрели различные овощи, на которые мы пытались делать «налёты». Но шофер, а главное, упоминавшийся хозяин огородов, так и не дали нам сорвать ни одного огурца или вытащить морковку.

В это время стояла очень жаркая июльская погода. Некоторые ребята, включая и меня, приехав к каменоломне, заполненной водой, раздевались догола и ныряли в почти ледяную воду. Однако выйти из воды самостоятельно было очень трудно, поскольку берега, как на реке или море, здесь не имелось. Вместо берега была гладкая вертикальная каменная стена, за край которой почти невозможно было ухватиться. Поэтому

приходилось прибегать к помощи товарищей, находившихся наверху. Мы купались и мылись в этой каменоломне обычно только в жаркие дни, даже в сентябре, с разрешения фельдфебеля и под строгим контролем часовых. Конечно, мы продолжали пользоваться лагерным душем в банные дни. Принятие горячего душа можно было совместить со стиркой верхней рубашки, которую в отличие от нижнего белья вообще не меняли. Однако выгладить отстиранную рубашку возможности не было – утюга у нас не имелось. За время плена моя верхняя рубашка совсем порвалась. Но, к счастью, от Сергея Кулешова я получил в подарок к Новому – 1944 году легкую и прочную советскую военную гимнастерку с отложным воротником.

После окончания работ на водоёме судьба распорядилась так, что я смог искупаться еще и на другом месте. Тогда утром, отсчитав из строя 10 пленных вместе со мной, фельдфебель отправил нас под конвоем старшего ефрейтора Шлихта на участок, принадлежавший одной крестьянской семье, чтобы убрать там с дороги несколько выкорчеванных стволов елей и сосен и собрать разбросанные вокруг ветки.

Зайдя в лес, мы сразу увидели, что в нем полно созревшей черники, которую из местных жителей никто не собирал. Но не было видно ни земляники, ни костяники, ни малины и других ягод. Естественно, не спрашивая разрешения у конвоира, все немедленно кинулись собирать чернику и жадно поедать её. Напрасно Шлихт умолял нас и по-немецки, и по-русски не останавливаться и не есть это «шайзэ» (говно), от которого можно схватить дизентерию.

Прошло, наверное, полчаса, когда мы наконец наелись черники и двинулись дальше, прошагав чуть более двух километров до нужного места. Нас встретил старичок, куривший трубку. Он объяснил, чем мы должны заниматься. Но прежде чем приступить к работе, ребята попросили старичка угостить их табаком. Он не ожидал этого, но вынужден был отдать нам весь запас курева. Работа была не очень трудной, и мы быстро с ней справились.

Собираясь обратно в лагерь, мы заметили недалеко от леса озеро, на противоположном берегу которого красуется старинный замок. Мы упросили Шлихта подвести нас к озеру, где все мы, даже сам конвоир, оставивший на своёй одежде винтовку, с удовольствием искупались в теплой и чистой воде. На обратном пути опять все вдоволь наелись черники, опоздав из-за этого на обед. Но повара его нам оставили. Послать нас снова на работу было уже поздно, и мы спокойно отдохнули на нарах до ужина. Ночью у всех сильно расслабило (вместо того, чтобы закрепить)

желудок, и пришлось то и дело бегать к параше.

В середине июля большинство пленных, включая меня, оказались на новой работе. Нас привели в основное хранилище с прессованными тюками сена, оставшихся там в небольшом количестве с прошлого года. Внутри хранилища имелся механический пресс с электроприводом и двумя катушками железной вязальной проволоки. На верхней площадке пресса во время его работы пресса находился мастер-наладчик. Несколько человек бросали вилами сено в люк. Сено в порядке обязательной государственной поставки доставляли в военный городок местные крестьяне или их работники – поляки, украинцы, белорусы и даже русские, но, как правило, не военнопленные.

Руководил этой работой Якоб, и помогал ему Шишкан. Когда мы уставали или ленились и не хотели работать, то нарочно закидывали в люк очень много сена. Пресс от этого «захлёбывался» и стоял до тех пор, пока Якоб или вызванный им механик-наладчик не приводили машину снова в рабочее состояние. А мы в это время отдыхали на сене.

Под утро 16 июля у меня покраснела и сильно распухла правая сторона шеи. Стало трудно дышать, глотать и говорить. После завтрака фельдфебель, обойдя строй, распорядился, чтобы я, как только прибуду со всеми в военный городок, не шел на работу, а сразу же отправился в медико-санитарную часть военного городка, где раньше мне приходилось дважды побывать как переводчику.

В медсанчасти я без особого труда попал на приём к нужному врачу, который определил, что у меня чуть ли не детская болезнь, свинка, и мне необходимо срочно ложиться в госпиталь, находящийся в деревне Шморкау недалеко от города Кёнигсбрюк. Тут же для меня подготовили и вручили конвоиру сопроводительную бумагу.

На другой день я с конвоиром Куле доехал на поезде до Шморкау. Здесь по главной улице мы добрались до госпиталя. Всю дорогу конвоир жаловался мне на свою тяжелую жизнь, и я пытался утешать его. В госпитале дежурный солдат привел меня в многоэтажный кирпичный главный корпус. В приёмной комнате, где за столами сидели средних лет главный врач – немец и подчиненный ему худой, лет 30 русский военнопленный – тоже главный врач Соколов. С ними был и красивый, чуть постарше меня русский переводчик, тоже пленный, и два других медика, один из которых оказался пленным французом. Медики осмотрели мою шею и, посоветовавшись между собой, отправили меня в палату,

находившуюся в небольшом одноэтажном деревянном бараке. Палата была заставлена железными кроватями, на которых лежали и сидели больные. На кроватях не имелось ни белых простыней, ни подушек, зато были байковые одеяла и, как в нашем лагере, тюфяки и думки из грубой ткани. Мне определили пустовавшую кровать возле двери. Я, разумеется, представился новым товарищам, но не успел это сделать, как с радостными криками «Юра, Юра!» ко мне устремились двое больных. Оказалось, это пленные, которых раньше я несколько раз водил в медсанчасть из лагеря на аэродроме в Каменце. Они сказали, что в госпитале есть еще несколько наших «земляков» и среди них тяжело раненный на работе и не способный теперь передвигаться Михаил Иванович Снопков. Я было хотел сразу пойти к нему, но наступило время обеда. Он состоял из кольрабиевого или брюквенного супа и 8–10 картофелин, но качество супа оказалось лучше, чем в обычных лагерях для советских военнопленных. Хлеб был не черный с разными добавками, а хороший серый в виде длинного каравая.

В госпитале можно было помыться, сделать постирушки, побриться и покурить в умывальнике. Лечение осуществлялось советскими врачами в соответствующих кабинетах, в лабораториях делали различные анализы. Больным давали лекарства, делали уколы, массажи и другие процедуры. Утром и вечером врачи совершали обход палат. Утренняя и вечерняя поверки ограничивались простым подсчетом людей во всех палатах.

…Пообедав, я стал ждать прихода ко мне медиков, но никто из них не появился. Соседи усомнились, придут ли они вообще, так как была суббота – короткий рабочий день. Поэтому я с друзьями отправился проведать Михаила Ивановича.

Он лежал целиком укрытый одеялом. Мы позвали его по имени и отчеству, и он откинул край одеяла. Возникла голова, перевязанная бинтом со стороны левого глаза. Я поздоровался и услышал произнесенный незнакомым хриплым голосом вопрос: «Юра, Юра, неужели это ты, что с тобой?» Не успел я ответить, как за моей спиной послышался угрожающий крик: «Ребята, этот чувашонок – немецкий прислужник, полицай. Он хотел отнять у меня котелки. Давайте прикончим его!»

Я увидел человека, которому весной помогал отправиться в этот госпиталь, но вместе с охранником предлагал ему оставить товарищам хотя бы три котелка из имевшихся у него шести. Он отказался, и я ничего ему не сделал.

Но тут Михаил Иванович, собрав почти последние силы, приподнялся и громко произнёс: «Ты, сволочь, что ты говоришь!

Ты сам настоящий подлец! Если бы не он, ты бы не был здесь и давно бы сдох!» Два моих друга схватили моего обидчика, и к ним присоединились еще двое «земляков», оказавшихся в этой же палате и опекавших Михаила Ивановича.

Мы долго говорили с Михаилом Ивановичем. Он рассказал, как с ним произошло несчастье. На шпалопропиточном заводе в Ризе он и напарник нёсли на плечах тяжелую шпалу, пропитанную креозотом, сильно действующим на кожу и слизистую оболочку. Кто-то из недругов что-то подставил им под ноги, и оба они упали. Напарник особо не пострадал, а Михаил Иванович получил тяжелейшие раны концом арматуры, торчавшей из стены здания. Ему вырвало левый глаз, а падавшей с плеч шпалой свернуло челюсть.

Он сломал левую ногу и руку. Уже более месяца он лежал в этом госпитале, видит только правым глазом, ему трудно жевать и глотать твердую пищу. Приходится заталкивать ее в пищевод ложкой. Ему приходится всё время лежать на спине, из-за чего образовались пролежни.

Все пленные, санитары и врачи в госпитале относились к нему хорошо. Некоторые выздоровевшие товарищи, направленные на работу к местным крестьянам, приносили ему оттуда хорошую пищу. Другие делились с ним обеденной пищей, выдаваемой в госпитале.

Пока мы беседовали, ко мне подошел сосед по палате и сказал, что меня дожидается главный врач Соколов. Соколов сидел на стуле возле моей кровати. Я извинился, что заставил его меня ждать. Врач поинтересовался моим самочувствием, осмотрел опухоль, дал мазь и показал, как смазывать больное место. Он попросил делать это трижды в сутки. Затем он предложил выйти с ним из палаты. Мы сели на скамейку за бараком и продолжили разговор. По словам Соколова, моя болезнь не тяжелая и особого лечения, очевидно, не потребует. Через неделю, как он полагает, я буду почти здоров. Сказав это, он поинтересовался, кто я такой, что делал до войны, где воевал, как попал в плен. А главное, его интересовало, что за люди у нас в команде – нет ли в ней желающих записаться в РОА. Такое поведение Соколова меня явно озадачило и, как потом выяснилось, неспроста.

…Когда стало темно, санитары закрыли окна барака маскировочными щитами и включили свет. В 23 часа его выключили, но все еще долго вели разговоры. Мне рассказали, что данный госпиталь предназначен для лечения травмированных и раненных на работе или в лагерях военнопленных, в основном советских. В нем еще в Первую мировую войну находились

на лечении российские военнопленные. Недалеко от Шморкау есть большое братское кладбище, где похоронены умершие здесь в 1914–1918 годах, и там установлен памятник, сооруженный оставшимися в живых.

…Скоро выяснилось, что в нашей палате есть еще двое пленных из Каменца; один – из рабочей команды, дислоцирующейся в Визе, пригороде Каменца, а другой – работавший на стекольном заводе. По их рассказам, в каждой из этих команд находится примерно столько же людей, как в нашей команде № 1062, но условия жизни и труда у них значительно хуже, особенно на стекольном заводе. Там пленные не могут организовать дополнительно съестного. Кроме того, им приходится работать возле горячих плавильных печей и дышать вредной шихтовой пылью и копотью. Прибавки к питанию за работу во вредных условиях мизерны. По существу, эта рабочая команда является штрафной. Фельдфебель Хебештрайт периодически отсылал туда провинившихся или неугодных ему пленных.

18 июля мне исполнилось 22 года. Этот день прошел прошёл у меня очень скучно: нечем было заняться, кроме как спать или просто лежать в палате, ходить по территории госпиталя, наблюдая за жизнью местных жителей. Очень хотелось есть, но ничего, кроме скудной казенной еды, не предвиделось.

В этот день единственным хорошим событием стало предложение одного из «земляков» постричь мою изрядно заросшую голову. Он усадил меня в умывальнике на стул, укрыл плечи маленьким полотенцем и постриг «под польку».

К этому времени во все палаты принесли несколько последних номеров власовской газеты «Заря», которые до наступления отбоя удалось просмотреть и мне. В них коротко упоминалось, что «доблестные немецкие войска ведут успешное наступление на Курском выступе», где в районе Прохоровки произошло очень большое танковое сражение, в котором большевики якобы понесли огромные потери в танках и живой силе.

В воскресенье после завтрака я увидел, что возле проходной собирается группа пленных с ведрами, лопатами и другим инвентарем. Переводчик группы предложил мне присоединиться к ним: они собирались полить цветы и подправить цветник на братском кладбище русских военнопленных времен Первой мировой войны. Я не раздумывая: согласился.

Через час с небольшим, преодолев примерно пять километров, мы были на месте. Братская могила была засажена цветами, ее обрамляли два ряда деревьев, а в центре стоял

обелиск из серого гранита. На обелиске виднелось изображение Георгиевского креста, посредине российский герб с двуглавым орлом и короной, а ниже – надписи «1914–1916» и «Господу возвышу печали моя». На гранитном основании обелиска было начертано: «Русские пленные – своим товарищам». На обратной стороне обелиска две последние фразы были воспроизведены по-немецки. Увиденное потрясло меня до слёз.

Мы пропололи сорняки на могиле, подправили её лопатами и полили цветы. Мне снова довелось побывать на этой могиле 10 августа 1978 года с супругой Катей и дочерью Наташей.

Когда я возвращался в палату, меня догнал мой лечащий врач. Он сказал, что я не должен был без его разрешения покидать территорию госпиталя и тем более заниматься физическим трудом, ведь болезнь еще не прошла и может обостриться. Пришлось извиниться перед врачом и пообещать ему строго выполнять его предписания. Наконец вечером 29 июля врач разрешил мне со следующего дня ходить на работы вне госпиталя.

Утром 30 июля, попив чаю, я отправился к проходной и встал в строй пленных, которых отправляли из Шморкау на работу в соседние с ним деревни. На улице нас уже дожидались немецкие «заказчики». Скоро к строю подошел офицер – начальник госпиталя по хозяйственной части, и переводчик по-военному доложил ему, что 20 советских военнопленных выстроены для использования на работе вне территории госпиталя. Затем в сопровождении переводчика офицер обошёл строй, внимательно осмотрел каждого и отправил обратно двух пленных, которые ему чем-то не понравились.

После этого нас выпустили из проходной. Большинство пленных уже бывали у своих «заказчиков» и поэтому быстро ушли вместе с ними. А вот мне и еще двум новичкам пришлось немного подождать. Наконец, спросив, могу ли я хоть немного говорить по-немецки, и получив обстоятельный ответ, меня с радостью забрал солидный мужчина в шляпе с пером и в солдатских сапогах. Судя по его очень здоровому лицу и телу, я тут же предположил, что это находящийся в отпуске военный или жандарм. Он назвал своё имя – Фриц, хлопнул меня по плечу и повёл с собой.

По дороге, вынув из портсигара, где лежали несколько сигарет, хозяин закурил одну из них, но мне не предложил. Мы разговорились. Фриц, оказавшийся человеком хорошо эрудированным, попросил меня рассказать о себе, что я и сделал, но кратко. Фриц, как оказалось, был крестьянином, Он заметил, что, как и все крестьяне и помещики в Германии, не может

свободно распоряжаться тем, что имеет, – власти все строго учитывают: и собранный урожай, и скот, и птицу. Он не имеет даже права зарезать или продать курицу или свинью без разрешения сверху. Нельзя уменьшать поголовье живности, особенно коров и лошадей, а также сокращать площадь возделываемой земли. Всю произведенную сельскохозяйственную продукцию сдают государству в количестве, которое не должно быть меньше, чем количество, установленное для выдачи продуктов по продовольственным карточкам. Разумеется, в объем сдачи не входит нормированное количество фуража и других кормов для имеющегося в хозяйстве и учтенного поголовья скота, птицы и молодняка. Но в итоге получается так, что почти весь вечерний и утренний надой молока сразу приходится сдавать на ближайший маслозавод. Конечно, кое-кому удается на свой страх и риск утаить от государства часть продукции и живности, но очень малую. Несмотря на такие трудности, немецкие крестьяне цепко держатся за свой веками сложившийся уклад жизни и работают упорно и добросовестно.

По мнению Фрица, в Советском Союзе крестьяне, объединенные в колхозы, не заинтересованы в добросовестной работе, так как не являются собственниками. В этом и заключается разница между «немецким и советским социализмом» в сельском хозяйстве.

Мне хотелось поспорить, поддержав колхозы, но я побоялся это сделать, поскольку не обладал соответствующим запасом слов. Кроме того, Фриц сообщил еще, что за использование пленных все «заказчики» отдают госпиталю определенное количество продуктов – в основном картофель и овощи. Он сказал также, что независимо от национальности, очень уважает образованных людей, особенно тех, кто выучил иностранный язык в учебном заведении или самостоятельно.

Между тем, прошагав около трех километров, мы пришли на хутор, и я впервые в жизни оказался в жилище немца. В конце двора, как и во всех крестьянских хозяйствах, располагался длинный сарай для хранения наверху – под черепичной крышей – соломы и сена, а внизу находились косилки, плуги, бороны, косы, серпы, грабли и прочий инструмент. За сараем был устроен ток для молотьбы привезенных с поля снопов зерновых культур.

К домам примыкали капитальные помещения для скота и кур. Овец, гусей, уток и собаки в хозяйстве не было. Под навесом рядом с конюшней стояли две фуры и обычная телега. Для отвоза бидонов с молоком для сдачи государству имелась ручная тележка.

Во дворе дома имелся неглубокий колодец, откуда воду

доставали насосом, качая его вручную. Воду либо наливали в ведро, либо сливали в желоб для коровника. В погребах хранились молочные и мясные продукты. Однако в усадьбе не было бани, которая имелась у большинства российских крестьян.

В некотором отдалении от двора располагалась мастерская для небольших ремонтных работ, оснащенная слесарными, столярными и другими инструментами. Почти всё в усадьбе было электрифицировано и предусмотрены противопожарные средства.

В одном из домов усадьбы проживал хозяин с женой, сыном и дочерью, престарелые отец и мать, а во втором – дальние родственники и работники – поляк и две польки, которые питались отдельно от всех под присмотром хозяйки.

Нас встретили у калитки очень симпатичные жена Фрица и его дочь, с которыми я поздоровался, сказав немецкое приветствие «Grüsse Gott (Дай Бог!)», чем их очень удивил, и назвал своё имя. Они показали мне вешалку, куда я повесил шапку, и дали помыть руки под простым умывальником. Все здешние обитатели уже позавтракали, и меня усадили за стол завтракать одного.

Завтрак представлял собой жидкий горячий суп из взболтанной пшеничной муки, в который хозяйка при мне добавила две ложки молока. Я ожидал, что мне дадут еще кусок хлеба, но этого не произошло. Я подумал, что надо вынуть свою алюминиевую ложку, однако передо мной на стол положили тяжелую металлическую, которой я очень быстро выхлебал суп, но еще далеко не наелся. Хотелось попросить добавку, но посчитал это неудобным, поскольку еще ничего не заработал. Я поблагодарил хозяйку. Она наконец назвала мне свое имя – Герта. Хозяйка сказала, что в 10 часов будет еще маленький завтрак. Фриц дал мне рабочую одежду – синий халат и серую шляпу.

Хозяин, его отец, лет под 80, шестилетняя дочь Эрика и поляк-кучер сели на фуру, а за повозкой зашагали работники, в числе которых кроме меня были три женщины – старшая сестра хозяйки, немолодая родственница хозяина и полька средних лет. Когда вся процессия покинула двор, на улицу выскочил из главного дома одетый в форму гитлерюгенда 15-летний сын хозяев. Он пожелал всем хорошо поработать в поле, сожалея, что не может составить нам компанию, так как должен ехать в Кёнигсбрюк на очередной сбор местной молодёжи.

Мы прошли по полевой дороге около 20 минут и остановились возле поля, засаженного кормовой свёклой и брюквой. Хозяин сказал, чтобы я вместе с женщинами занялся

заготовкой свеклы для коров и телят, а сам с отцом и поляком направился косить и жать серпом овес, который во избежание больших потерь нельзя было убирать косилкой. Работа по уборке свеклы была не очень трудной, но, слабый физически, я не успевал за женщинами, и они подшучивали надо мной.

Ровно в 10 часов работу прекратили и собрались у повозки. Женщины достали кружки, коробку с едой и организовали малый завтрак, состоявший из пары бутербродов – тонко нарезанных ломтиков серого хлеба, между которыми был еле заметный слой топлёного свиного жира. К бутербродам дали по кружке полусладкого кофе. Было удивительно, как удалось кухонным ножом нарезать хлеб на такие тонкие куски, что они буквально просвечивали на солнце.

Я невольно покончил с этими бутербродами раньше всех. Затем у мужчин начался перекур. Так как я не имел курева, то не мог присоединиться к курящим. Отец хозяина, запаливший трубку, заметил это и поинтересовался, курю ли я. Пришлось сказать, что курю, но у меня нет табаку. Тогда он попросил сына дать мне сигарету и похвалил меня за то, что я неплохо говорю по-немецки. Он поинтересовался, кто я и откуда, не был ли кто-нибудь из моих родных в плену в Германии в 1914–1918 годах. В те годы ему было больше 50 лет, поэтому на войну его не мобилизовали. Он тогда жил здесь же и ему приходилось хоронить в братской могиле много русских военнопленных, умерших в госпитале в Шморкау. В 1916 году он изготовил и установил на могиле памятник по проекту и на средства русских пленных. Я поблагодарил старика за этот рассказ и добавил, что уже побывал на том кладбище.

…С того дня старик стал ко мне очень внимательным, всегда много разговаривал со мной, снабжал табаком и просил сноху кормить меня получше. Хорошо относилась ко мне и супруга старика, да и другие люди в усадьбе.

…В 12 часов все возвратились, кто на лошади, кто пешком, на обед. На кухне нам налили в глубокие тарелки густой, жирный суп с клёцками и со свининой. Хлеба не дали. Такого супа я не ел с лета 1940 года, когда последний раз приезжал к маме на студенческие каникулы. На второе дали в большой миске вареный картофель, который каждый брал в тарелку по потребности. Опять мы ели без хлеба, но с пахтой – кисловатым обезжиренным молоком.

Между прочим, у нас дома пахту ели с хлебом. У немцев в основном давали его скоту. Вообще, за всё время пребывания в плену мне ни разу не пришлось поесть сметану, творог, ряженку и крайне редко случалось пить парное молоко. Когда я работал

в коровнике или вблизи его, меня этим молоком тайком угощала доярка, как правило, полька. Немцы же боялись пить сырое молоко, опасаясь заболеть, и часто предостерегали они нас от этого. Они не могли поверить, что можно выпить полведра сырого, парного молока.

…На третье блюдо подали компот из свежих яблок. Выходя во двор через кухню, я обратил внимание, что хозяйка режет хлеб на прикрепленной к краю стола хлеборезке, вращая её ручку. И только тогда я понял, как можно сделать такие тонкие ломтики. На этот раз все мы, кроме старика и девочки, которые остались дома, уместились на фуре и поехали в поле. Вместо старика мне пришлось впервые в жизни косить овёс косой, снабжённой деревянной решёткой, а когда его стебли росли на неровных местах, то жать его серпом. Работали медленно, но очень аккуратно, не теряя колоски и не обламывая стебли. Я всё же значительно отставал от хозяина и от поляка и часто останавливался, чтобы передохнуть. Но они за это не сердились на меня.

В 16 часов устроили второй малый обед. Опять съели, запивая холодным кофе, по паре бутербродов, на этот раз со следами сливочного масла и варенья из черешни. В дополнение к этому дали по большому яблоку и груше, а Фриц снова поделился со мной сигаретой.

Через два часа работу закончили и вернулись на ужин, на который приготовили немного каши из полбы со смальцем, кофе с парой чайных ложек молока и кусочек самодельного пирожного. В начале восьмого часа вечера ко мне подошёл хозяин и сказал, что в ближайшие два дня работы у него не будет и я смогу провести их в госпитале.

Пока я переодевался, появились хозяйка и преподнесла мне в мешочке из клеёнки, который просила потом вернуть, большой кусок пирожного и более десятка яблок и груш, а старик дал пакетик турецкого табака. Я поблагодарил обоих, но, увидев у старика газеты, осмелился попросить у него какие-либо газеты на цигарки, а также чтобы почитать их в свободное время. Старик с удовольствием отдал несколько газет.

В обратный путь меня сопровождал Георг. По дороге я попытался поговорить с ним, но он, воспитанный явно в нацистском духе и настроенный враждебно к русским, не поддержал разговор и шел на несколько шагов сзади меня. Так мы и дошли до госпиталя.

В это время в госпитале пациенты уже почти закончили ужин. Не заходя в свою палату, я устремился к Михаилу Ивановичу Снопкову, которого его «опекуны» кормили на кровати хлебом,

помазанным маргарином, и поили эрзац-чаем. Я достал из мешочка пирожное, яблоки и груши. Мы отставили хлеб в сторону и стали по ложечке класть в рот Михаилу Ивановичу пирожное, давая запить чаем этот деликатес. А после пирожного дали ему небольшими кусочками мягкую и сладкую грушу, а потом еще вкусное яблоко. Михаил Иванович очень радовался этим дарам, и от радости друга радостно стало и мне. Он заявил, что, выздоровев и пережив плен, он хотел бы сделать мне что-нибудь очень приятное.

Несколько яблок и груш я отдал «землякам», ухаживавшим за Снопковым. Затем, рассказав товарищам вкратце о том, где сегодня был и чем занимался, ушел в свою палату. Там другие два «земляка» отдали мне полученные на ужин и на завтрак мою порцию хлеба и маргарина, а я им – по яблоку.

Скоро в палату пришел мой лечащий врач, которому я также вручил яблоко и грушу, чем он, лишенный возможности отлучаться, как я, из госпиталя, остался очень довольным.

В течение двух дней, кроме общения с товарищами, «развеивал» я скуку чтением немецких газет, которые мне дал старый хозяин. Между прочим, я вычитал, что в Италии произошел «дворцовый переворот», «дуче Муссолини свергнут, арестован и содержится под сильной охраной где-то на одном из маленьких островов Тирренского моря». Его заменил маршал Бадольо, который прислал в Берлин телеграмму, что Италия продолжит войну на стороне Германии. Писалось и о том, что на Восточном фронте идут тяжелые бои под Орлом и Белгородом, а в Италии англо-американские войска заняли почти всю Сицилию. Обо всём вычитанном я тут же рассказывал товарищам, и мы вместе радовались поражениям немцев.

…Здоровье моё стало нормальным. В начале августа я продолжил работу на хуторе у Фрица. Мы скосили все зерновые культуры – в основном овес и пшеницу – и на фуре доставили снопы для молотьбы. Однажды я подавал вилами тяжелые необмолоченные снопы овса под крышу сарая, где их принимала и укладывала 6-летняя дочь хозяев Эрика. Хотя я подавал их довольно быстро, она, с ненавистью сверля меня жгуче-черными глазами, мужественно выдерживала этот темп. Я ждал, что вот-вот она заплачет и попросит меня остановиться хотя бы на минуту, но этого не произошло. И все муки эта самолюбивая и упрямая крошка стойко выдержала до самого конца работы и потом не стала жаловаться родителям. И до сих пор, закрывая глаза, я вижу её белокурую головку и ее гордый взгляд.

…Питание у Фрица было почти всегда одинаковым: хлеб давали в очень ограниченном количестве и только

для бутербродов, много кормили картошкой, а молоко добавляли лишь по несколько ложек. Несколько раз я попробовал у хозяев колбасу и ветчину, зато лакомился яблоками, грушами и черешней, собирая их в саду вместе с детьми Фрица. Ел огурцы, морковь, репу, капусту и другие овощи. В общем, питание было хорошим, а работа не очень тяжелой. В результате я заметно поправился и окреп.

В дни работы на хуторе казенный обед и полпорции хлеба я разрешал съедать «землякам», а маргарин и часть хлеба отдавал Снопкову и почти каждый вечер приносил ему, товарищам и лечащему врачу яблоки и груши.

10 августа в последнем номере немецкой газеты я прочитал, что германскими войсками на Восточном фронте в целях выравнивания линии фронта оставлен Орёл. Это означало, что город Орёл освобожден от немцев. Эту весть я немедленно сообщил товарищам, доставив им большую радость.

На следующий день после поверки я едва успел попить чай, как за мной неожиданно пришел один из русских администраторов госпиталя и немецкий старший ефрейтор с винтовкой. Администратор заявил, что с сегодняшнего дня я считаюсь полностью выздоровевшим и поэтому выписан из госпиталя. Мне следует сейчас же взять свои вещи и отправиться в свою рабочую команду в Каменце. Я хотел попрощаться с М. И. Снопковым, но не получил разрешения. Сказали, что нет времени, – можем опоздать на поезд.

Выходя из госпиталя, я не мог и подумать, что снова окажусь в нем и встречу там Новый, 1945 год.

Глава VIII

Когда я появился в лагере с конвоиром, мы застали фельдфебеля Хебештрайта в компании своих подчиненных. Все они обрадовались, увидев меня, а фельдфебель, прочитав эпикриз моей болезни, пошутил, что я наконец стал взрослым, переболев свинкой, которой люди обычно болеют в раннем детстве. Конвоир сказал, что я быстро выздоровел и хорошо поработал в крестьянском хозяйстве. По этому поводу фельдфебель как бы шутя заметил, что я, оказывается, вовсе не «маменькин сынок, а настоящий крестьянин» и что в дальнейшем он это учтёт.

…Часам к 18 все пленные, работавшие в городе, вернулись в лагерь и порадовались моему возвращению. Я рассказал им о госпитале, а также передал привет от знакомых, включая М. И. Снопкова, которые раньше были в нашей команде.

В одно из августовских воскресений вся наша команда опять занималась переселением. Фельдфебель задумал это, чтобы сосредоточить службу охраны в одном месте и освободить наш гараж, который потребовалось вернуть аэродрому. Как описать нашу радость, когда в новом помещении (цифра 3 на рис. 7) мы увидели большой умывальник с водопроводными кранами, выгребной туалет и, главное, печь, о которой мы все так мечтали, чтобы иметь возможность для приготовления дополнительной пищи. К сожалению, печь была приспособлена в основном для обогрева помещения, а туалет фельдфебель приказал вообще ликвидировать, потому что он был слишком мал для большого количества жильцов. Так что обойтись без параши нам не удалось, и стало даже хуже, поскольку увеличилось расстояние для её транспортировки из барака к очистному сооружению. В нашем же бараке отвели сапожникам рабочее место – небольшой низкий стол и две табуретки. В том же бараке разместили в двух комнатах всю службу охраны пленных как советских, таки голландских.

Переселение пришлось пережить и голландцам, но оно задержалось на три дня, так как им пришлось подвести в свою комнату водопровод, а также электроосвещение. Кроме того, имевшийся у входа в этот барак выгребной туалет с двумя очками разделили надвое, оставив одно очко только для немцев, а другое – для голландцев. Благодаря этому туалету голландцам не приходилось терпеть такие унижения и неудобства, как нам, пользовавшимся парашей.

Как я уже отмечал, нам и голландцам было строго запрещено общаться и тем более ходить друг к другу в «гости». И чтобы не допустить этого впредь, каждый барак фельдфебель заставил окружить оградой из колючей проволоки. Но всё равно пленные из обоих бараков общались через ограду, используя немецкие и русские слова и пантомимы, делились новостями про войну. Заметив это, часовые выскакивали из караульного помещения и прекращали наше общение. Кстати, голландцы были настроены к немцам более агрессивно, чем мы, поэтому часовые и даже фельдфебель Хебештрайт их побаивались – не смели не только ударить, но и повысить на них голос. Голландцы переписывались с родными и с другими близкими на родине, получали от них и от Международного Красного Креста посылки, в частности, с куревом. Поэтому их жизнь в плену была не такой тяжелой, как у нас. Они не голодали и иногда бросали нам за ограду что-то из съедобного, а также табак и сигареты. Не гнушались их подношениями и полуголодные часовые. На работы голландцы ходили только по желанию. В основном они что-то делали

на территории аэродрома, где не требовалось присутствия часового или конвоира. Простые немцы относились к голландцам хорошо, считая их германцами.

Мне, благодаря знанию немецкого языка, было легче общаться с голландцами. Я часто разговаривал со старшим их рабочей команды – человеком семейным и очень интеллигентным. Получив от любимой супруги письмо, он сразу делился со мной новостями с фронта, с учетом жесткой немецкой цензуры. Так, в ноябре 1943 года после получения очередного письма он сказал мне: «Теперь моя супруга с большим оптимизмом смотрит на перспективу окончания войны». Побывать в жилой комнате у голландцев мне ни разу не пришлось, но туда нередко заглядывал и «добывал» там что-нибудь для еды и курево вездесущий Никита Парфенов – «Рыжий», убиравший комнаты фельдфебеля и часовых.

…В августе, возвращаясь с работы, многие из нас забегали на станции с бараками на картофельное поле и хватали там клубни: ведь теперь картошку можно было варить на печке в своей комнате. Естественно, приходилось «организовывать» еще и топливо – делать налёты на соседний пакгауз за брикетами каменного угля и на площадку со штабелями, чтобы набрать там деревянный бой.

Всё это сильно осложняло работу часовых, обязанных не допускать подобного свинства. Но они не знали, как им быть: то ли просить нас вести себя прилично, то ли стрелять по грабителям. Большинство часовых уговаривало нас не подводить их, «знать меру», но старший стрелок Нойберт – «Оглоед» – однажды открыл огонь из винтовки в сторону картофельного поля, правда, не прицельный.

Произошло это так. В тот день на станции с самого утра присутствовал Штайнорт. Несколько раз он стал свидетелем, как пленные, отпрашиваясь в уборную, сворачивали на картофельное поле и возвращались с карманами, туго набитыми картофелем. Он обратил также внимание, что часовой Нойберт никак на это не реагирует. Наконец он не выдержал и в грубой форме сделал Нойберту и мне серьезное замечание. Часовой не выдержал и наговорил в ответ Штайнорту грубостей, после чего тот сел на велосипед и помчался на аэродром жаловаться фельдфебелю. В этот же момент Нойберт заметил Малярика и Мордвина (Ивана Чудайкина из Мордовии), которые, выйдя из уборной, свернули на картофельное поле. Обе эти сцены вывели часового из себя, и он дважды выстрелил с таким расчетом, чтобы это услышал Штайнорт.

Когда мы возвращались с работы, фельдфебель Хебештрайт

в компании Штайнорта уже дожидался нас возле барака, держа в руке… резиновую дубинку. Нойберт, как положено, доложил фельдфебелю при нашем возвращении и о том, что двое русских (он указал на них рукой) пытались украсть с поля картофель, но были остановлены двумя предупредительными выстрелами. Сделав осмотр строя, Хебештрайт заметил, что у многих пленных карманы мундиров и брюк, а также завязанные снизу штанины явно выпирали наружу. Он подозвал к себе обоих провинившихся и меня и молча, на глазах у всех присутствовавших – наших и голландских пленных, а также часовых и Штайнорта, сильно дважды ударил меня дубинкой по голове, и я свалился. Товарищам досталось по одному удару, и они не упали.

При этом весь строй молчал. Я с трудом встал и крикнул по-немецки фельдфебелю, что он не имеет права бить пленного и что я буду вынужден на него жаловаться. Меня поддержали два голландца. Но фельдфебель, не обращая на это внимания, ударил меня еще раз, сказав, что как старший рабочей команды я обязан воспитывать «своих глупых свиней», о чем он давно всех предупреждал. Хотя его слов никто не перевёл, наши пленные их поняли. Когда фельдфебель распустил строй, товарищи, по-прежнему молча, взяли меня под руки и увели в барак. Пожилой сосед по нарам, имевший прозвище Поп, пытался утешить меня, сказав, что «всё во власти Бога, и в нашем положении приходится уповать лишь на Его милость, не отчаиваться и вытерпеть зло». Оказалось, что мой сосед был священником, но скрывал это.

После ужина у нас в бараке чуть было не произошла драка около разожженной печки. Все хотели скорее сварить в своих котелках и со своим топливом украденную с поля картошку. Пытались установить очередь, но все равно нашлись недовольные. Тогда я предложил варить картофель в одном котелке сразу для нескольких пленных и потом соответственно делить ее. Тогда же мы решили попытаться раздобыть где-нибудь ведро или большую посудину, чтобы варить картофель сразу человек на десять. В эту ночь печка у нас топилась всю ночь, и спать почти не удалось из-за духоты и возни товарищей. Так получалось и в последующие ночи даже при «колхозном» способе варки картофеля, причем тяжелее всех было «единоличникам», вынужденным пользоваться печкой в последнюю очередь.

Наутро фельдфебель, отправив на работу уборщиков, сапожников, портного и других людей, остающихся работать в лагере, вдруг приказал выйти из строя мне и двум избитым вчера товарищам. Когда колонна в сопровождении конвоиров отправилась в город, фельдфебель подошёл к нам и заявил,

что за обоими провинившимися скоро придет «заказчик»-крестьянин, а я должен поехать на грузовой автомашине вместе с работником немецкой кухни Иваном Уваровым и солдатом из лётной части в Дрезден. Ни слова о вчерашнем фельдфебель не произнёс – как будто ничего и не случилось. Я тоже промолчал.

Когда мы забрались в кузов машины, я поинтересовался у солдата, за чем мы едем. Оказалось, из Дрездена надо привезти на кухню котёл большой емкости с электронагревом для быстрого приготовления пищи. Между тем Иван сообщил мне, что шофера зовут Хайнц, а его дочку, сидевшую рядом, – Аннет. Грузовик является собственностью Хайнца, который ежедневно доставляет продукты на кухню и угольные брикеты из ближайшей шахты.

…Погода была солнечной, тёплой. Я с удовольствием смотрел вокруг, и то ужасное, что вчера произошло со мной, сразу же забылось.

И вот мы оказались в Дрездене. До сих пор не могу забыть его улицы, особенно главную, с домами, украшенными множеством скульптур, лепниной и другими архитектурными деталями. Я не мог вообразить, что в 1945 году вместо этих домов увижу одни руины, а в 1969 году на их месте – обыкновенные строения без «архитектурных излишеств».

Неописуемо чудесными были соборы и храмы Дрездена. Везде было много зелени и цветов, всё вокруг было ухожено, чисто. Переехав Эльбу по старинному каменному мосту и миновав красивейшую Театральную площадь, мы подъехали к Цвингеру – кремлю со златоглавой короной над одним из строений, расположенному на берегу пруда с лебедями и утками. Там шофер пару раз останавливал машину, чтобы уточнить у прохожих дальнейший путь, куда конкретно он должен ехать.

Наконец, мы прибыли на какое-то небольшое предприятие. Шофер и Аннет зашли в проходную, и через некоторое время мы въехали на территорию предприятия. Двое французских пленных во главе с немецким мастером сделали в кузове машины поддон из деревянных брусьев и при помощи крана поставили на него котёл, хорошо упакованный в картон и заколоченный досками.

Пока шла эта работа, я выпросил у французов пару сигарет, сказав им: «Доне муа дю фюме» («Дайте покурить»). Потом они спросили у меня: «Ла гер фини?», т. е. «Война кончается?» Я ответил: «Фини, фини», и двойным кивком головы подтвердил это. Между прочим, советские пленные, не знавшие ни немецкого, ни французского языков, обходились в разговоре двумя-тремя известными словами, и этого было достаточно для общения.

На обратном пути в Каменц я и Иван покурили и полакомились захваченными в лагерной кухне кусочками хлеба с салом и луком. А в лагере мой обед кто-то съел.

Поздно вечером Малярик и Мордвин вернулись с работы у крестьянина, который их хорошо покормил и утром, и в обед, и в ужин. Хотя работа была тяжелой, оба остались довольными и больше не обижались на фельдфебеля за вчерашнее наказание. Они поработали у того хозяина во дворе и на поле еще несколько дней.

…Перед очередным банным днем я, один из новых конвоиров и фельдфебель ездили в Гроссрёрсдорф за сменным бельем. Когда конвоир ушел в туалет, фельдфебель сказал мне, что порою бывает очень несдержанным и не может спокойно вести себя в критических ситуациях, особенно когда дело касается его безопасности и служебной карьеры. У него много врагов, поэтому он и побил меня и товарищей на глазах у всех, чтобы никто к нему не имел претензий. При этом монологе фельдфебеля мне пришлось просто отмолчаться, хотя очень хотелось ему надерзить.

После банного дня, в воскресенье, к нам неожиданно нагрянули два власовских офицера РОА. Эти агитаторы принесли пленным свежие номера газеты «Заря» и прочую антисоветскую литературу. Они принесли также очень ценную для нас вещь – большой ящик с пачками махорки, которые и раздали нам.

Один из офицеров устроил нам лекцию, но очень формальную, как бы «для галочки». Он сообщил, что в течение лета немецким войскам на советском фронте пришлось оставить часть «освобожденной от большевиков территории». В августе они по тактическим соображениям ушли из Орла и Белгорода. Им пришлось отступить и в Италии. Но «все эти потери временные». Поэтому наша задача – всячески поддерживать германские вооруженные силы и вступать в РОА, чтобы она могла реально и активно включаться в борьбу с большевизмом. Все молча выслушали лекцию и не задали ему никаких вопросов. Офицеры ушли, пообещав приехать к нам через месяц и выразив надежду, что, может быть, к тому времени некоторые пленные надумают записаться в РОА и вместе с ними сразу отправиться в ближайшую войсковую часть. После отъезда офицеров к нам регулярно стала поступать газета «Заря» в 5–10 экземплярах, но представитель РОА появился в лагере лишь в начале 1944 года.

Между тем я по-прежнему доставал разными способами центральные и местные немецкие газеты и рассказывал их содержание своим товарищам. Судя по помещенным в газетах

оперативным сводкам вермахта и другим сообщениям, германская армия на Восточном фронте продолжала терпеть одно поражение за другим. И это радовало большинство военнопленных и позволяло им смелее держаться перед немецкими мастерами и часовыми. Но иногда эта смелость приводила к неприятностям.

23 августа мы работали на товарной станции, где с нами снова был часовым старший стрелок Нойберт (Оглоед). Несколько дней назад Штайнорт обвинил его в том, что он не препятствует кражам пленными картофеля. Тогда же фельдфебель не оставил Нойберта без наказания. Однако каким оно было конкретно, не могу сказать, но очень неприятным – это точно. Как мне сообщил сорб Николай Билк, на следующий день после наказания Нойберт получил страшное известие: в боях под Орлом погиб его горячо любимый брат. От горя Нойберт почти сошёл с ума. В гибели брата он винил только русских, а не фюрера. Так вот, в тот день пленный Семен Плехов, страдавший геморроем, опять долго засиделся в уборной, а Нойберт это засёк. Мало того, выйдя из уборной, Сеня сделал попытку «нырнуть» за картофелем на соседнем поле, что совсем вывело из себя Нойберта. Он с диким криком побежал за Плеховым и вонзил ему в зад конец штыка. Он уже собрался спустить курок винтовки, чтобы прикончить Сеню. Я, предчувствуя несчастье, помчался за часовым, оттолкнул Нойберта и предотвратил выстрел. Нойберт выругался: «Ты, русская свинья, я разобью тебе череп», толкнул меня прикладом в грудь и свалил. Он мог вонзить в меня штык, но, к счастью, подоспевшие товарищи обезоружили часового.

Несколько человек навалились на Нойберта и стали крепко держать его, прижимая к земле и обзывая Оглоедом, «диким зверем» и ругаясь матом, но пока никто не ударил лежачего.

Между тем двое ребят во главе с Петей Комиссаром взяли на руки истекающего кровью Сеню и понесли его в медсанчасть военного городка. Одновременно и я, попросив товарищей не отпускать Нойберта, пока не возвращусь, и ни в коем случае не бить его, тоже побежал на аэродром. Я ворвался в караульное помещение, где доложил Николаю Билку (фельдфебеля Хебештрайта там не было) о происшедшем на станции. После этого мы с ним и еще с одним часовым быстро вернулись на станцию, где Билк кое-как успокоил Нойберта и забрал с собой, а отобранную винтовку мы вручили другому часовому.

К возвращению команды с работы фельдфебель Хебештрайт уже знал от Билка и Нойберта о происшествии. Я ожидал, что опять буду наказан, но этого не случилось: подчиненные

фельдфебеля убедили его, что никто из посторонних случившегося не видел и что Нойберт лишился разума и к службе больше не пригоден. Сеню через день отвезли в госпиталь в Шморкау, а Нойберта тоже куда-то отправили, и больше он у нас не появлялся. Через пару недель вместо Нойберта к нам прислали другого, интеллигентного и неплохо образованного старшего стрелка – Вилли Ниндорфа. Как сказал Николай Билк, это был сын богатого берлинца, за большие деньги оставившего своего наследника служить в тылу. И этот Вилли сразу привязался ко мне и вёл себя со мной вполне по-дружески.

…В конце августа и весь сентябрь 1943 года мы в основном занимались в военном городке, а также на аэродроме, перекапыванием и обработкой земли на огородах. Запомнился один из дней, когда нас вместе с гражданским населением заставили убрать картофель с того самого поля, с которого мы не раз таскали в лагерь клубни. У нас дома картофель выкапывали аккуратно только вручную, после чего дополнительно вспахивали поле сохой. А здесь хозяин поля пустил на него копательную машину с трактором. Для меня и многих товарищей это оказалось в диковину. Машина выбрасывала лопастями из грядок в одну сторону клубни, которые мы подбирали в корзины и складывали в несколько буртов для зимнего хранения. Мы радовались, что и зимой будем иметь возможность таскать из них картофель во время работы на станции. Кстати, за нашу работу фельдфебель заставил хозяина выделить один (крайний у шоссе) бурт для снабжения картофелем нашей рабочей команды.

Пока мы работали на картошке, в лагере Сергей Комсоставский, Тима Добринский, Иван Пик и еще кто-то проникли на склад военного обмундирования. К великому удивлению, они наткнулись там на несколько совершенно новых… советских красноармейских гимнастерок, только старого образца – с отложным воротником, без погон и петлиц. Ребята вынесли их и спрятали на нарах, а 31 декабря – к Новому, 1944 году Сергей подарил мне одну гимнастерку, в которой я и возвратился из германского плена. Летом того же года портной Саша Морозов отрезал от этой гимнастерки пуговицы и вместо них пришил металлическую «молнию».

На железнодорожном вокзале нам пришлось несколько раз выгружать 50-килограммовые мешки с зерном, горохом, чечевицей, пшеном и привозить их на грузовике на территорию военного городка. Немецкие солдаты, а иногда и мы, затаскивали эти мешки на чердаки трех-пятиэтажных казарм. И здесь мы, конечно, «не терялись». Уходя с работы, набивали карманы

содержимым мешков и поедали его «дома». Проще всего было варить и есть горох, чечевицу и пшено, но они попадались редко. Об использовании сахарного песка, с мешками которого мы имели дело, наверное, не более трех раз за пару лет, и говорить нечего! Наши товарищи продолжали работать и в каменном карьере. Андрей Маркин и Василий Серегин по-прежнему часто бывали на городской канализационной станции вместе с мастером Фридрихом. Сапожник Вася Дудников всегда оставался «дома». Он был очень ценным членом моего «колхоза» прежде всего потому, что к нашему приходу с работы он либо успевал сварить что-то, либо первым занимал очередь к печке. Кроме того, Вася нередко дополнительно зарабатывал что-то съестное, ремонтируя обувь, которую приносили часовые или через них – другие немцы. В общем, всё, что было кем-то на работе добыто, складывалось в «общий котёл». И каждый стремился не отставать от товарищей, не быть нахлебником. В случае неудачи с едой приносили хотя бы несколько брикетов каменного угля и дровишки, чтобы ими топить печь.

«Единоличников», то есть не объединившихся в «колхоз», было очень мало. Таким единоличником некоторое время оставался пленный с кличкой Молчун, Филипп Тимофеевич Тыртышников, родом из деревни Фощеватое Воронежской области. Как-то у него спросили, почему он ни с кем не объединяется в «колхоз», на что тот ответил: «Я уже был 20 лет в колхозе…» В результате Филипп получил дополнительное прозвище 20 лет в колхозе. В конце концов подружился с хромым, но очень подвижным школьным учителем – казахом Мирзабековым, которого так и звали «Казах». «Колхозная» система проживания особенно развилась у нас после того, как нашу рабочую команду поселили в соседней с аэродромом деревне Цшорнау.

…Осенью на нашем аэродроме в сопровождении офицерской свиты или верхом на красивом коне с богато украшенным седлом стала появляться молодая немка – шатенка с серыми глазами. Её постоянно серьезное, неулыбающееся лицо не казалось мне симпатичным, но фигура была идеальной. Всякий раз она появлялась в разной, хорошо подогнанной верхней одежде, а часто – в костюме с эффектными брюками. Немцы и немки, увидев ее издалека, останавливались, будто по команде «Смирно!» Но она в ответ лишь кивала им головой. Весной и летом, когда пленные видели эту особу, они не обращали на неё особого внимания. А вот теперь поневоле заинтересовались, кто же она такая и почему все военные и цивильные немецкие персоны так почтительны к ней.

За разъяснением я обратился к Билку. По его словам, эта дама была очень богатой и образованной графиней, недавно ставшей вдовой. Раньше она являлась владелицей земли, на которой располагается аэродром. Теперь ей же и её отцу принадлежит только часть земли и леса западнее аэродрома. И, между прочим, это её и ее отца красивый замок мы видели летом, когда под охраной часового Шлихта работали в лесу и искупались в озере. Оказалось, эта графиня снабжала всю воинскую часть аэродрома продуктами со своих земель, и даже мы получали от неё картофель, кольраби и брюкву. Так что она была «нашей кормилицей».

Октябрь прошёл у нас без особых событий, достойных упоминания. Нередко случались дни, когда не было никаких работ. Но без работы такую массу людей держать не полагалось. Поэтому фельдфебель и мастера придумывали какие-то совсем никому не нужные занятия. Например, заставляли рвать траву, выравнивать лопатами и граблями плац, посыпать его песком. При этом мастера просили нас ни в коем случае не стоять, а хотя бы делать вид, что работаем: «Начальство увидит, всем попадёт за безделье». Доходило до того, что когда копали землю, то один пленный кидал её полупустой или почти пустой лопатой к соседу, а тот – обратно к нему и т. д.

В таких случаях многие пленные очень часто отпрашивались у мастера или часового сходить в уборную и по дороге «пропадали», залезая в мусорные секции или заходя в воинские кухни и столовые в поисках окурков и остатков еды.

7 ноября 1943 года советский праздник Октябрьской революции совпал с выходным днем. Утром, когда часовой Вилли Ниндорф, удалив с двери барака замок, объявил нам подъем, я поздравил товарищей с этой знаменательной датой. Вилли поинтересовался, что же я «очень высокопарно» сказал своим товарищам при его появлении. Я честно признался, что поздравил их с революционным праздником.

Вечером перед ужином члены моего «колхоза» по инициативе сапожника Василия Дудникова и больших любителей спиртного Лёни Маляра и Василия Серёгина решили отметить праздник, «как полагается». Сапожник налил всем из бутылки «по глотку» ацетона, заставив разбавить эту отраву водой, из-за чего жидкость стала белой. Мы чокнулись, сказав одновременно «С праздником!» и выпили эту гадкую смесь. Затем поели сваренный на печи в большом тазу картофель и попили чай с хлебом и маргарином. На следующее утро, к моему удивлению, никаких признаков отравления ни у кого не обнаружилось. Между тем праздник продолжался далее с бутылкой самогона,

которую Мише Федерякину преподнесли русские девчата из-под Курска. Предлагали выпить и мне, но я отказался, боясь этого после принятой накануне дозы ацетона. А 8 ноября старший ефрейтор – шлёнзак сообщил нам потрясающую новость – Красная армия освободила Киев. Об этом немецкие газеты и радио промолчали.

9 ноября фельдфебель Хебештрайт направил на кухню в распоряжение Миши Федерякина пять человек, включая Ивана Игнатьева и Толю Шишова. Им предстояло доставить на грузовике от двух поставщиков из соседних деревень партии картофеля, кольраби, брюквы, моркови и других овощей, а также некоторые другие продукты.

На второй день работы этих товарищей на кухне Аня большая, из-под Курска, вручила им бутылку самогона. Выпив её, ребята сильно запьянели и начали «бузить». Воспользовавшись отсутствием часового, они зашли в соседнюю столовую и стали грубо приставать к посетителям, особенно к немкам. Оба громко матерились по-русски и пытались запугивать женщин скорой расправой над ними советских солдат. Шеф столовой прибежал в караульное помещение и доложил обо всём фельдфебелю Хебештрайту. Тот срочно послал в столовую двух солдат. Обоих бузотеров и всех работавших в столовой привели в комнату фельдфебеля. Вызвали и меня. И не успел я войти, как фельдфебель огрел меня плеткой по спине. Затем, повторяя удары, он кричал: «Это тебе за них – сволочей, которых ты не воспитываешь! Сколько можно тебе повторять, чтобы ты не давал им делать глупости! Пусть они тебе расскажут, что натворили!» С этими словами, не дав мне ничего сказать в ответ, фельдфебель прогнал нас от себя. Часовой Вилли, похлопав меня по плечу в знак сочувствия, загнал всю провинившуюся компанию в барак.

Товарищи сняли с меня рубашку и увидели на спине кровавые следы побоев. Сосед по нарам Поп вытащил из своего мешка пузырек с йодом и, смазав раны, опять сказал: «Всё в руках Божьих, надо потерпеть». Мне пришлось просить товарищей впредь не подводить меня – ведь за их глупые выходки приходится отдуваться мне. Но до конца плена фельдфебель больше не поднимал на меня рук и даже почти не повышал голос при всех провинностях – не только моих личных, но и моих товарищей.

На следующий день на утренней поверке фельдфебель напомнил, что я и другие товарищи вчера были им наказаны, но далеко не так крепко, как следовало бы. Если подобное безобразие и иные недопустимые поступки повторятся,

то наказание будет очень суровым – виновных отправят в штрафной или в концентрационный лагерь. Все сказанное фельдфебель попросил перевести, но не меня, а Сашу Зинченко, что тот и сделал.

Ноябрь подошёл к концу. И вот в один из вечеров после ужина пришёл в барак старший ефрейтор Куле и передал распоряжение – следовать за ним к фельдфебелю. Товарищи это услышали и подумали, что фельдфебель опять будет за что-нибудь избивать меня плёткой. Поэтому они сразу бросились ко мне, чтобы помочь хорошо одеться – дали мне надеть под мундир еще какую-то одежду, чтобы удары не причиняли особо сильной боли. К счастью, на этот раз фельдфебель вызвал меня не как мальчика для битья. Фельдфебель сообщил, что командование не считает возможным дальнейшее пребывание на аэродроме не только советских, но и голландских военнопленных. По мнению фельдфебеля, в связи с «временным» неблагоприятным положением на фронтах данный аэродром хотят превратить из учебного в боевой, предназначенный для истребителей и штурмовиков. Для нашего содержания выделен бывший танцевально-театральный и банкетный зал в Гостином дворе деревни Цшорнау. Но человек десять по разным причинам отошлют в другие команды. Утром при построении он сделает этот отбор. А пока попросил сообщить товарищам только о предстоящем переселении и добавил, что для переселения надо подготовить жилое помещение, построить кухню, соорудить выгребную уборную, сделать проволочное ограждение вокруг лагеря и пр., что займет больше месяца. Завтра же для этих работ он направит в Цщорнау группу голландских военнопленных соответствующих специальностей, а позже – и советских.

Когда я возвратился в барак, товарищи кинулись ко мне с вопросом, за что и сильно ли избил меня фельдфебель. Но по моему виду поняли, что этого не произошло.

Утром, кажется, 29 ноября, фельдфебель выбрал и вывел из строя 9 человек. Среди них оказались: двое бузотеров в столовой, больной экземой на руках Кондратенко, возвратившийся на днях из госпиталя в Шморкау Плехов, трое с кличками – Комиссар, Француз и Поп и еще двое пленных. Я ожидал, что фельдфебель скажет, почему оставляет этих людей, но этого не случилось. Удивился, что фельдфебель не назвал десятого человека.

В обед мы узнали от работников кухни совершенно неожиданную новость. Оказалось, фельдфебель вызвал к себе повара Мишу Федерякина и отправил его с вещами в сопровождении неизвестного конвоира в какой-то другой

лагерь. Таким образом, Миша оказался десятым высылаемым из лагеря пленным. Лишь через несколько дней я осмелился спросить фельдфебеля о причине высылки Миши. Он ответил, что русским нельзя «охмурять» немецких женщин, а Михаэль этим принципом пренебрёг, поэтому удаление его от паршивой бабёнки было для него единственным спасением. Судьба Миши все же оказалась печальной – из плена он не вернулся.

Новым шеф-поваром вместо Миши Федерякина фельдфебель назначил работавшего там же Алекса (или Толстяка) – Алексея Никоновича Огиенко, а его помощником – работавшего вместе с ним Ивана Сорокина (фактически Маленкова). На освободившуюся должность рядового кухонного работника пошёл по моей рекомендации Вятский – Иван Соколов. Иван был худощав, подвижен и силен физически – иногда один распиливал на чурки двуручной пилой стволы деревьев и раскалывал топором чурки с множеством крепких сучьев.

В тот день, когда число пленных в нашем коллективе уменьшилось на 10, мне удалось поговорить со старшим рабочей команды голландцев, которые возвратились из Цшорнау, где готовили для нас жилье. Он сообщил, что местность там очень хорошая, рядом лес, через деревню протекает речка, жители – простые и открытые, сочувствуют пленным.

В декабре основным видом работы для нас оставалась все та же разгрузка и погрузка бараков на станции. Так как стало холодно и сыро, пленные стали шить себе шапки-ушанки, находя где-то лоскуты шерсти, вату, кусочки кожи. Особенно отличались южане Александр Ващенков и Семен Никифорович Ярошенко (по прозвищу Косой), проживавший до войны в г. Азове. Они оба были замечательные мастера и пошили несколько шапок товарищам, разумеется, не бесплатно.

Вечером в День сталинской Конституции – в воскресенье 5 декабря – члены моего «колхоза» после мытья в душе и ужина собрались отметить эту праздничную дату примерно так же, как праздник 7 ноября. Только было уселись за стол, как заявился Вилли Ниндорф и позвал меня с собой к фельдфебелю, попросив одеться как можно «параднее». Надеть шинель Вилли не разрешил, из-за чего Андрей Маркин предположил, что фельдфебель хочет избить меня перед своим начальством. Но Вилли засмеялся и отрицательно помахал ладонью.

В комнате фельдфебеля вместе с хозяином сидел военный лётчик – лейтенант чуть старше меня. Я остановился у двери, поприветствовал его и фельдфебеля по-военному и доложил, что «я, переводчик Юрий, нахожусь в их распоряжении». Офицер встал, тоже козырнул мне в ответ и представился Руди Эрихом.

Оказалось, этому офицеру известно, что я бывший студент солидного московского вуза. Поэтому он и несколько его близких единомышленников хотели бы строго конфиденциально пригласить меня к себе и побеседовать относительно сложившейся ситуации, а также узнать, какова на самом деле жизнь в Советском Союзе. Сказанное лейтенантом сильно удивило меня, но приглашение его я принял. Лейтенант увел меня с собой, дав слово фельдфебелю, что к 20 часам я буду возвращен в лагерь.

Он привел меня в комнату, где сидели пять военных авиаторов – два офицера и три фельдфебеля, которых я сразу поприветствовал по-военному. Хозяин, в свою очередь, представил мне своих гостей, угостил дорогой сигаретой, дал её прикурить от зажигалки и усадил рядом с собой. Передо мной поставили бутылку лимонада, а я при этом сказал себе: «Поставили бы лучше что-либо поесть».

Началась беседа, касавшаяся сначала обычных биографических данных. Затем задали вопрос, кто, по моему мнению, выиграет войну. Я ответил, что, безусловно, Советский Союз и союзники. Наступило тягостное молчание, после чего один из присутствовавших заявил: «Нет, выиграет только Америка». Я хотел сказать, что это в конечном итоге вполне возможно, но посчитал, что такой ответ покажется им непатриотичным.

Дальше я заметил, что сегодняшний день является в СССР праздничным – Днем Конституции, где декларированы и гарантированы все свободы и права граждан страны и, в частности, права на труд, отдых и образование, и изложены также их обязанности. Я долго рассказывал о других вещах, а меня всё угощали и угощали сигаретами, так что в результате у меня сильно закружилась голова – не помог даже стакан лимонада. Поэтому беседу прервали до завтрашнего вечера. Лейтенант Руди привел меня к фельдфебелю, выразив надежду, что завтра мы встретимся вновь. Когда он ушел, фельдфебель поставил меня в известность, что отец этого лейтенанта владеет в Дрездене табачной фабрикой, поэтому мне надо постараться получить от него для товарищей хотя бы десяток сигарет, а для фельдфебеля желательно – сигару.

На другой день я продолжил немецким летчикам свою «лекцию» о Советском Союзе. Рассказал о Коммунистической партии, её ведущей роли в государстве и о Сталине. Ответил на вопросы об организации и работе промышленности в стране, о системах оплаты в ней труда и об отдыхе трудящихся, а также о среднем и высшем образовании. Особо коснулся национального

состава СССР, расшифровав по-немецки значение каждой буквы в этом его кратком обозначении. Военных вопросов вообще не касался, объяснив, что не являюсь по ним специалистом.

Опять мне дали много сигарет, но я выкурил только две штуки, а остальные демонстративно положил в карман, заявив хозяевам, что выкурю их завтра, и, кроме того, осмелился попросить Руди дать мне пару сигар, если он их имеет, поскольку «такое курево еще ни разу в жизни не пробовал», что в действительности так и было. Тот, не говоря ни слова, вытащил из чемодана три сигары и еще дал две пачки сигарет по шесть штук в каждой. Естественно, я отдал все три сигары фельдфебелю, что его привело в восторг, так как в то время добывать такое «деликатесное» курево немцам стало очень сложно.

Вечером 7 декабря состоялось моё последнее «занятие» с немецкими лётчиками. На этот раз они пожелали узнать наиболее важные русские слова, которые, возможно, им «понадобятся при дальнейшей службе на Восточном фронте». И тут я прежде всего сделал летчикам намёк, чтобы они не губили зря свои и противника жизни в этой, как считаю, проигранной Германией войне и сажали свои самолеты на русских аэродромах, где им и пригодятся русские слова. Каждый слушатель записал их немецкими буквами в своём блокноте.

Когда уходил от летчиков, каждый дал мне по пачке сигарет, а Руди еще, вдобавок, – пачку галет. Всё врученное я с большим удовольствием вложил в общий котёл своего «колхоза».

25 декабря у немцев наступил праздник Рождества. Голландцы и наши часовые поставили у себя в бараке украшенные игрушками елки. В тот день многие немцы, а также пленные, не работали. На обед повара приготовили для нас густой мучной суп с кониной от молодой бракованной лошади, полученной фельдфебелем у кого-то за работу пленных и зарезанной возле кухни нашими же «опытными специалистами» из мусульман – казахом Мирзабековым и ингушем Мирзаевым.

В воскресенье, 26 декабря, к нам в лагерь пришли с необычной просьбой из военного городка офицер и два солдата: им понадобились красноармейские шинели. Они осмотрели все шинели, висевшие у нас на вешалке, и забрали несколько достаточно изношенных. Оказалось, в Рождественскую ночь в клубе военного городка устраивали самодеятельный спектакль, в котором его участники показывали эпизоды пребывания немцев на Восточном фронте. При этом были продемонстрированы благородство, мужество и ум германских офицеров и солдат,

а также варварство, коварство, трусость, жестокость и глупость противостоящих им советских командиров и красноармейцев, подгоняемых сзади «жидами-комиссарами». Советских военных представляли самодеятельные артисты, одетые как раз в те шинели, которые были взяты у нас напрокат. Все шинели возвратили нам точно в обещанный срок.

…До наступления Нового – 1944 года остались считаные дни. Мы рассчитывали, что встретим этот год тоже на новом месте. Однако голландцы и наши товарищи не успели подготовить там кухню и еще что-то, поэтому встречать Новый год пришлось в своём же бараке, став свидетелями того, как шумно отметила эту дату какая-то часть СС, поселившаяся утром 31 декабря в бараки, расположенные напротив нашего лагеря. Оказалось, эта часть, вернее, то, что от неё осталось, прибыла из-под Житомира и Бердичева, потерпев сокрушительное поражение в боях с нашими войсками, освободившими в ноябре Киев. Об этом мы узнали, переговариваясь из-за проволочной ограды лагеря с поварами установленных недалеко полевых кухонь. Эти повара, носившие форму СС, были украинцами и русскими. Наши товарищи агитировали их бросить служить у немцев, но вскоре убедились, что эти повара – настоящие враги, особенно украинцы из Галиции.

С появлением на аэродроме эсэсовцев к ним потянулись женщины, преимущественно молодые, из Каменца и других городов. Они приносили с собой спиртные напитки и закуску, гуляли с ними и оставались у них ночевать. Когда через неделю часть куда-то отправили, нас заставили убирать опустевшие бараки. Мы нашли там много остатков еды, подобрали массу окурков, вынесли около тысячи пустых бутылок, а также почти полное ведро… использованных презервативов.

При вечерней поверке 31 декабря нас поздравили с наступающим Новым, 1944 годом, фельдфебель и часовые. Казенные обеды в новогодние дни, конечно, были несколько лучше, чем в обычные. Дополнительно мы готовили еду из добытых разными путями продуктов, преимущественно картошки. Спиртных напитков не было.

Переезд в новый лагерь в деревне Цшорнау был намечен на 8 и 9 января 1944 года.

Книга третья

Часть первая. В лагере военнопленных в деревне Цшорнау под городом Каменц

Глава I

В субботу 8 января 1944 года началось переселение нашего лагеря в деревню Цшорнау (см. рис. 7), расположенную по шоссе примерно в 1,75 км севернее Каменца. В 1943–1945 годах в ней было около 30 дворов. Через деревню протекает речка Швосдорфер Вассер (вода из-под Швосдорфа), впадающая в реку Шварце Эльстэр.

Здание которое заняли советские пленные, было двухэтажным. На нем имелась вывеска «Гостиный двор». Вместе с другим, тоже двухэтажным и кирпичным домом, здание относилось к усадьбе крестьянки Марии Шольце – вдовы лет около 50-ти. В это время Мария проживала вместе с дочерьми старшей Дорой моих лет и младшей, лет 12, Гизелой, а также со слабоумной работницей – немкой лет 25, которую наши пленные звали Дурочкой. Кроме них жил работник моих лет – поляк Станислав, которого местные жители уменьшительно называли Стано. Сын хозяйки Вальтер находился на фронте.

Потолки в обоих помещениях были высокими. И верхняя часть стен до потолка и он сам были покрыты белой известкой, а нижняя покрашена приятной для глаз светло-зеленой масляной краской. Пол в зале, отведенном нам в качестве казармы, был паркетным. В нём были две двери – передняя и задняя.

Я увидел над задней дверью написанное крупными коричневыми буквами изречение: «В подходящее время веселое питие делает радостным сердце как у старого, так и у молодого». Здесь располагался как до войны, так и после неё танцевально-театральный и банкетный зал или клуб. Там устраивали свадьбы, отмечали праздники.

Когда мы прибыли в этот лагерь и начали работать, местные мальчишки и девчонки прибежали к дому и, несмотря на запреты постовых и родителей, с большим любопытством наблюдали за нами. Бывало, когда мы шли строем, то дети бежали за нами до тех пор, пока конвоир не прогонял их. Ни от кого из них я не слышал в наш адрес плохого слова. Многие из них особенно запомнили меня, выполнявшего функции переводчика и старшего рабочей команды. Когда спустя 25 лет я посетил Цшорнау, эти бывшие дети узнали меня и многие приглашали к себе в гости. Замечу, что мы ни разу не видели в деревне детей

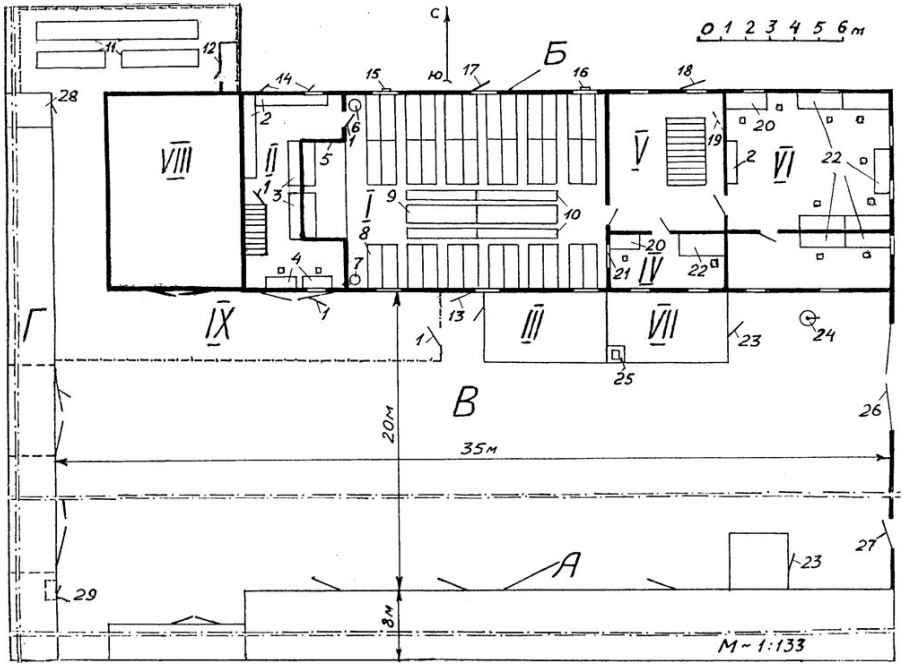
в форме гитлеровской молодёжи.

Местное население состояло в основном из женщин, детей, подростков не старше 17 лет и мужчин старше 45 лет. В маленьком и хорошо ухоженном двухэтажном особняке жила акушерка – молодая симпатичная женщина. Некоторые семьи были смешанными – немецко-сорбскими (как правило, муж – немец, а жена – сорбка). У деревни имелось также славянское название Чорнов, соответствующее русскому «Черново».

Во время расселения мы стали свидетелями очень неприятной сцены. Руководитель работ по созданию лагеря в Цшорнау сорб Алекс начал что-то возражать фельдфебелю Хебештрайту. Фельдфебель вспылил и чуть было не ударил этого пожилого человека, громко закричав на него, что гражданское лицо не имеет права критиковать действия военного и что всякий цивилист (гражданское лицо) – не человек. И, между прочим, в годы войны очень многие военные в Германии относились к этим лицам так, как наш комендант, т. е. как к людям низшего сорта.

Когда все работы были закончены, охранник – сорб Николай Билк – пригласил нас вселиться наконец в новую обитель, вход в которую был со двора. Какой-то молодой человек вывел навстречу нам двух хорошо откормленных лошадей. Это оказался поляк Станислав, который являлся работником хозяйки. Угостив нас махоркой, он выразил надежду, что в дальнейшем мы будем дружить. Вместе с дочерью хозяйки Дорой он поехал в город, чтобы доставить бочки с пивом для хозяйской пивной, расположенной на первом этаже.

…Одно из нижних помещений усадьбы, бывшее раньше каким-то сараем, превратили в умывальник для пленных. По периметру умывальника находились пристроенные к стенам длинные деревянные полки, на которых аккуратно лежали большие эмалированные тазы, предназначенные для каждого пленного. В умывальнике находилась также высокая металлическая бочка с водой и ковш. Дневальные по казарме наполняли бочку из колодца – скважины с ручным насосом. Оттуда же брали воду повара для кухни и мы для питья и приготовления пищи. Такой же колодец имелся и у хозяйки прямо в кухне. Использованная вода стекала по канавкам на полу и по оцинкованным трубам в выгребные ямы.



Схематический план лагеря советских военнопленных рабочей команды № 1062 при Шталаге IV А, устроенного в деревне Цшорнау у местной крестьянки Марии Шольце: А — двухэтажный дом с жилыми комнатами, кухней, кладовыми для продуктов, муки и зерна, курятником, коровником и другими помещениями, полностью принадлежавший хозяйке; Б — второй этаж её другого двухэтажного дома, отведенный для военнопленных и их охраны и под которым, на первом этаже, находились обслуживаемые в основном дочерью хозяйки Дорой пивная — кабак с холодными и горячими закусками, пивом и крепкими спиртными напитками и гостиница с вывеской «Gasthof», а также конюшня и другие постройки; В — двор между обоими домами, через который проходили также пленные при уходе на работу и возвращении с неё; Г — сарай для хранения соломы и сена для коров и лошадей хозяйки; —·—·—·— ограда высотой 2 м из колючей проволоки, сделанная в один ряд на деревянных столбах и в один же ряд над обычной деревянной оградой сада-огорода; ▬ — окна; ⩘ и ∠ — ворота и двери; ▥ — лестницы, ведущие на второй этаж и обратно; ▭ —двухъярусные деревянные нары; I — бывший танцевально-театральный и банкетный зал или клуб, превращенный в запираемую ночами снаружи казарму для пленных; II — также запираемое ночами предварительное помещение («предбанник») с гардеробом и сапожной мастерской, под которым на первом этаже находились умывальник, ворота и встроенная в них дверь для входа в казарму и выхода из неё во двор; III — кухня для приготовления горячей пищи для пленных и склад продуктов для них; IV — комната коменданта лагеря — фельдфебеля Хебештрайта; V — лестничная площадка для складирования некоторых материалов и спуска персонала охраны лагеря

и других лиц на первый этаж и выхода их на улицу и возвращения на второй

и других лиц на первый этаж и выхода их на улицу и возвращения на второй этаж (под нею слева с соответствующими дверями были со стороны улицы склад хозяйки для бочек с пивом и без него, а сзади ко двору — домашние душ и прачечная); VI — караульное помещение и одновременно комнаты для пребывания службы охраны лагеря (под ними были: под большей — пивная для посетителей, под меньшей — комната для обслуживавшей их Доры); VII — частично склад продуктов для пленных и сени перед входом в здание со двора (к ним — под комнатой IV примыкали склад продуктов, умывальник и кухня для приготовления пищи фельдфебелю, охране и посетителям пивной); VIII — помещение для хранения повозок, разных сельскохозяйственных машин и инвентаря; IX — огороженная колючей проволокой наружная территория для пленных; 1 — двери для входа в лагерь и выхода из него для пленных; 2 — вешалки для шинелей и головных уборов и для укладки под ними рабочей и домашней (если кто имел) обуви, а также общих для всех крема и щётки для её чистки; 3 — запасные нары для складывания пленными после 8 часов вечера и хранения до утра следующего дня узлов с мундирами, верхними рубашками и брюками (чтобы их владельцы «не могли убежать ночью из казармы»); 4 — рабочее место для двух сапожников; 5 — сцена для выступлений артистов и оркестра при гуляниях и для стола президиума собраний до превращения зала в казарму для пленных и двухъярусные нары на этой сцене; 6 — параша и вывешенный над ней на стене список дневальных по казарме; 7 — высокая цилиндрическая печка, отапливаемая угольными брикетами и дровами для обогрева помещения и для приготовления пленными пищи из продуктов, «организованных» на работе; 8 — нары, нижнее ложе которых занимал я; 9 — столы для принятия пищи, бритья, мелкого ремонта одежды, игры в карты, чтения, записывания и для других целей; 10 — скамейки; 11 — окопы в бывшем саду — огороде хозяйки, в которые выгоняли пленных для укрытия во время серьезных воздушных тревог; 12— выгребная уборная для пленных в дневное время и место опорожнения параши после ночи; 13 — дверь конюшни на первом этаже, где содержались две лошади хозяйки, за которыми ухаживал и работал с ними работник — поляк Станислав; 14 — дверца устроенных на первом этаже выгребных туалетов для не военнопленных мужчин (включая военнослужащих охраны) и женщин; 15 (условное изображение) — окошко бывшей конюшни на первом этаже, в которой ночевавшие в гостинице лица оставляли своих лошадей; 16 — то же, но зарешеченное бывшего свинарника, превращаемого комендантом лагеря в карцер для провинившихся пленных и других лиц; 17 — дверь промежуточного помещения для входа в бывшие конюшню и свинарник и выхода из них; 18 — главная дверь на первом этаже дома, над которой висела вывеска «Gasthof»; 19 — дверь на этом же этаже для пивной; 20 — канцелярские столы; 21 — закрываемое ставней окно без стекол, через которое фельдфебель Хебештрайт тайно наблюдал за тем, чем занимаются внутри казармы его подопечные (раньше и после войны через него посетители зала приобретали у Доры пиво, другие напитки и закуски); 22 — постели для фельдфебеля и часовых, свободных от нахождения на карауле; 23 — двери для входа в оба дома со двора; 24 — колодец-скважина с ручным насосом для набора воды в ведра; 25 —дымовая труба от всех печей кухонь; 26 — ворота двора; 27 — калитка; 28 — крольчатник фельдфебеля; 29 — выгребная уборная для хозяйки дома, членов её семьи и работников

Приятным сюрпризом для нас стало то, что командование военного городка выделило нам 80 байковых одеял. Все очень обрадовались этому – отныне мы могли спать почти

как нормальные люди, не накрываясь шинелями. А имевшиеся у нас покрывала мы превратили в простыни, покрыв ими тюфяки. Теперь вся наша одежда должна была висеть в «предбаннике» на вешалках, а обувь находиться под ними, причем в идеальном порядке, как это положено у военных в казарме. Об этом нас строго предупредил фельдфебель.

После вечерней поверки мундиры, верхние рубашки и брюки полагалось вынести в «предбанник» и уложить там на нары. Таким образом обитатели казармы оставались взаперти в одном нижнем белье, располагаясь на высоте более трех метров от земли, покрытой камнем. Оба эти обстоятельства ограничивали возможность побега пленных из казармы.

Мы вставали в 5 часов 30 минут, работали до 18 часов, отход ко сну полагался в 23 часа. Банные дни нам устраивали, как обычно, по воскресеньям через каждые 2–3 недели со сменой нижнего белья.

Продукты питания мы получали в соответствии с нормами снабжения населения по карточной системе. Мы в этой системе были отнесены к категории советских военнопленных, выполняющих нормальные, т. е. не очень тяжелые и вредные для здоровья работы. Хлеб, маргарин и еще что-то распределялись внутри казармы каждому пленному. Хлеб доставляли на тележке из частной пекарни, владельцем которой и одновременно пекарем являлся местный житель Отто Уфер. Картофель, брюкву, морковь, свеклу и другие корнеплоды привозили прямо из буртов, устроенных на поле. Овощи поставляли в лагерь в порядке обязательной сдачи государству местные крестьяне. Муку, крупу, мясо, жиры (маргарин или консервы), сахарин, сахар, мармелад, чай, кофе и прочие «деликатесы» вместе с одним из поваров доставлял нам представитель комендатуры. Продовольственный магазин находился на противоположном берегу речки. Фельдфебель мог посылать некоторых пленных на работу к крестьянам или на небольшие предприятия – фирмы, занимающиеся выпуском продовольствия или имеющие отношение к его выпуску. Это давало возможность получать дополнительное питание.

В первый же день я получил от фельдфебеля поручение – написать и приклеить у изголовья каждой ложи на двухярусных деревянных нарах этикетки с фамилией и личным номером пленного.

Охрану нашего лагеря, кроме его коменданта-фельдфебеля, составляли теперь всего 5 солдат, которые находились на службе по 24 часа через сутки. Для каждого солдата имелась

в караульном помещении своя постель для ночевки и дневного отдыха.

Горячую и холодную пищу для фельдфебеля и для охраны, а также для посетителей пивной, готовила дочь хозяйки Дора. На территории лагеря находился свинарник с окошком, имевшим решетку из трех толстых железных прутьев. Это (пустовавшее при нас) помещение фельдфебель использовал как карцер. Бывали случаи, когда заключенному в этот карцер мы спускали из нашей казармы на длинной нитке кусок хлеба, картошку или другую еду, а также курево с коробкой спичек. Когда груз на конце нитки достигал окошка, заключенный просовывал между прутьями решетки руку, ловил «посылку» и втаскивал её к себе.

Фельдфебель понимал, что никакая решетка или колючая проволока не остановят настоящих солдат, если они захотят бежать из плена. Единственное средство против этого – хорошо кормить пленных, что он и старался делать. Он был готов даже снести ограждение вокруг лагеря, но высшее начальство этого, конечно, не разрешило бы.

Глава II

Понедельник 10 января начался для нас несколько иначе, чем когда мы жили на аэродроме. Прежде всего, конвоиры Ниндорф и Фритцше устроили подъём минут на 10 раньше, заявив, что теперь расстояние до нашей работы удлинилось, поэтому надо выяснить, дойдем ли мы до места к семи утра.

В 6 часов мы вышли во двор. Еще только рассветало. Был небольшой мороз, шёл слабый снежок. Фельдфебель внимательно осмотрел каждого пленного в строю и вывел из него Ивана Уварова и Сашу Морозова. Их уже ждали в сторонке пожилая немка и старик в шляпе. Ивана увела с собой женщина, а Сашу – старик. С этого дня и до конца плена Иван работал в крестьянском хозяйстве этой женщины, а Саша – портным в доме у старика, тоже портного.

Замечу, что все хозяева или хозяйки, даже довольно бедные, чтобы «не ударить лицом в грязь» перед земляками и из чувства собственного достоинства всячески старались накормить работавшего у них пленного. Кроме того, как я упоминал, многим хозяевам, особенно состоятельным, приходилось расплачиваться за нашу работу. Правда, это делалось незаконно и тайно – в виде взятки фельдфебелю Хебештрайту деньгами, сигарами, вином и еще чем-то из дефицита. Но главным образом хозяева доставляли продукты, которые в основном шли рабочей команде

пленных.

Однако в Цшорнау был и такой хозяин, который, являясь руководителем ячейки местных членов нацистской партии и одновременно бургомистром деревни, принципиально ничем не расплачивался за работу пленных. Он приводил их обедать в лагерь, а после обеда снова приходил за ними, не давал им даже покурить и всё время подгонял.

Нам сначала приходилось работать в городе или на аэродроме под присмотром унтер-офицера Фритцше. Он был явно ненормальным человеком и к тому же ярым ненавистником русских. Поэтому он не давал нам никаких послаблений, часто кричал на пленных, грозился застрелить и даже пытался уколоть в зад штыком. Кроме того, он не ладил и со своими сослуживцами, пререкался с фельдфебелем, осмеливался делать ему замечания. Фельдфебель сначала терпел, но чувствовалось, что он только и ждал подходящего предлога, чтобы избавиться от Фритцше.

Так, однажды, под присмотром Фритцше мы копали в военном городке котлован, долбя ломом замерзшую землю. Фритцше подгонял нас: «Работайте быстро, быстро!» Он не хотел отпускать пленных даже в уборную. Наконец к нам пришел мастер Дитрих, который разрешил желающим пойти в уборную. Но часовой возмутился этим и попытался отменить разрешение Диттриха, накричав на него, что «он цивилист, не отвечающий за пленных, и не имеет права отпускать их с места работы». Диттрих обозвал унтера дураком и сумасшедшим и ушел к своему начальству. Через некоторое время и Фритцше захотел в туалет. Он попросил отвозящего за город вынутый грунт и вооруженного водителя грузовика последить за нами и… оставил винтовку у ближайшей казармы для военных, совершив тем самым нарушение воинского устава. Шофер, занятый в кабине своим делом, этого не заметил. Пока часовой отсутствовал, снова появился Диттрих. Теперь водитель отпросился у него и ушел куда-то. Мастер хватился часового, и я ответил, что он давно отлучился, а винтовку оставил. Диттрих, недолго думая, занёс эту винтовку в наше базовое помещение и попросил нас молчать об этом. Мы, конечно, с радостью согласились и стали ждать, что же будет дальше. Не обнаружив на месте ни винтовки, ни водителя грузовика, Фритцше растерялся. Побежал в Цшорнау, чтобы, по-видимому, доложить о происшедшем фельдфебелю. Тем временем Диттрих вынес винтовку из помещения и поставил ее в другое место у той же казармы.

Между тем наступил обед. Мы пообедали и снова приступили

к работе. И вдруг появились фельдфебель и унтер-офицер Фритцше, который стал жаловаться своему командиру, что мы украли у него винтовку. Но тут Диттрих сказал, что винтовка стоит на месте, а часовой просто забыл, где ее оставил.

Результатом всего этого события стало то, что на следующий день унтер-офицера Фритцше в Цшорнау уже больше не было, а взамен прислали двух пожилых старших стрелков.

…Последующие дни января прошли без особых событий. Работали мы в основном на товарной станции и в военном городке, где почти закончили рытьё котлована. Было холодно и сыро. Многие из нас, ослабевшие из-за постоянного голода и недостатка витаминов, мерзли даже при плюсовой температуре, поэтому разжигали костер, чтобы греться. В лагере стало плохо и с «организацией» дополнительных продуктов. Добираться до буртов с картошкой оказалось очень сложно, так как мокрая земля липла к обуви, а вокруг не осталось никакой растительности, за которой пленные укрывались во время летних «набегов». Так что почти всем приходилось довольствоваться лишь казенным питанием.

В один из дней января в сопровождении фельдфебеля и конвоира Ниндорфа, взявшего с собой большой кожаный портфель, я поехал в Гроссрёрсдорф, чтобы сдать в стирку бельё и привезти чистое. Мне было любопытно, для чего потребовался этот портфель, однако спросить об этом я не решился. На обратном пути выяснилось, что в этом портфеле нам привезли пачки настоящих немецких денег – первую зарплату. Вечером, очень довольный собой, в приподнятом настроении фельдфебель раздал нам в казарме по 15 настоящих немецких марок. Никаких ведомостей на зарплату не было, и никто в получении денег не расписывался. В дальнейшем такую зарплату мы получали ежемесячно вплоть до самого конца плена.

Каждый из нас, получив впервые немецкие деньги, рассматривал изображенных на них персон и размышлял, что можно купить на эти деньги. Оказалось, за 15 марок у Доры большую бочку безалкогольного пива или же спички, бумагу, карандаш, иголки, нитки и еще какую-то мелочь, а за 30 марок – безопасную бритву с набором лезвий. Кое-кто сразу вспомнил, что хорошо бы сыграть в карты на деньги.

На следующее утро мы направились под конвоем в баню. Этот наш поход наблюдала Дора, встав неподалеку. Девушка была моего роста и очень симпатичная шатенка с карими глазами. Чаще всего она носила длинное темное платье с белым кокетливым передником. В этот раз я встретился взглядом с Дорой и, как оказалось, мы крепко запомнили друг друга.

Как и большинство моих молодых товарищей, я почти влюбился в Дору, но сильно её стеснялся, а главное, не имел возможности свободно с ней общаться. Так что мы обменивались с Дорой лишь несколькими словами, приобретая у неё пиво или что-либо еще. Только через 24 года после войны мы с ней впервые наговорились вдоволь, а потом стали дружить семьями.

Глядя на местных женщин, любящих безделушки, Лёня Маляр придумал заняться изготовлением из подобранных на работе дощечек красивых коробочек, украшенных снаружи пластинками из кусочков соломы. Он решил продавать эти коробочки за еду или за спиртное немцам, которые могли дарить их женщинам. Мастерил Лёня и другие интересные вещи. Солдаты охраны помогали ему доставать необходимый материал и сбывать продукцию. Поощрял его и фельдфебель. Полученными за свой товар пищей, табаком, сигаретами и спиртом Лёня делился с членами своего «колхоза», в котором состоял и я.

Другие пленные мастерили также складывающиеся веера, деревянные птички с машущими крылышками и прочие оригинальные предметы, разнообразные детские игрушки, на которые находили покупателей, иногда с моим участием. Но самым большим достижением стало изготовление буквально из ничего Александром Можухиным… настоящего баяна.

В один из последних дней января я, Иван Харченко, Сергей Кулешов и Толя Шишов работали со старшим мастером – сорбом Юрием первым на товарной станции. Мы выгружали из вагона мешки с пшеничной мукой и доставляли их на грузовике на продовольственный склад в военном городке. За крайней колеей железной дороги Иван и Сергей увидели сарайчики, в которых железнодорожники содержали кроликов.

У одного крольчатника они разрезали карманным ножиком проволочную сетку и вытащили оттуда двух кроликов, свернули им головы и засунули тушки в брюки. Глубокой ночью в казарме они устроили большой «пир». Фельдфебель почувствовал распространившийся по всему помещению запах крольчатины и вошел к нам в одном нижнем белье. Он постоял с минуту и удалился, ничего не сказав. Конечно, от владельца кроликов поступила жалоба, но фельдфебель заявил, что его пленные кражами не занимаются, а ворами могли быть другие люди, возможно, итальянские пленные, часто работающие на вокзале. Очевидно, он остался доволен, что никто из нас не попался.

В тот же день многие пленные вернулись в лагерь со станции не с пустыми карманами, а с набитыми мукой. Несколько ночей в казарме пекли лепёшки и варили мучной суп с клёцками.

…В новом лагере нас опять посетили власовские офицеры –

пожилой майор и неплохо владевший немецким языком молодой лейтенант. Они доставили нам баул с пачками гродненской махорки, которую мы иногда получали и от фельдфебеля, а также пропагандистскую литературу. Наш фельдфебель, как всегда бывало в таких случаях, не представил меня как старшего рабочей команды и её переводчика и сразу ушел из казармы, так как не считал нужным водиться с власовцами, называя их предателями своей родины. Власовский майор рассказал о достигнутых успехах генерала Власова в организации РОА и пожурил нас за то, что мы почему-то не принимаем никакого участия в этом благородном деле. Докладчик выразил полную уверенность, что большевизм будет непременно уничтожен, несмотря на временные неудачи Германских вооруженных сил. Он отметил, что союз Сталина с Черчиллем и Рузвельтом непрочен. Может случиться так, что Германия внезапно заключит мир с Англией и США, и тогда они вместе выступят против СССР. Поэтому русским военнопленным следует срочно вступать в РОА, чтобы поддержать Германию и начать создавать новую, свободную Родину, не дожидаясь, что этим займутся новые оккупанты.

Сообщение офицера о непрочности альянса союзников в войне против Германии оказалось для меня совершенно новым. Я хотел было опровергнуть слова майора относительно союзников, но он разразился бранью и назвал меня «маменькиным сынком», не имеющим никакого опыта в жизни.

Оба офицера пообедали вместе с нами. После обеда лейтенант попросил меня свести его в туалет. По дороге он, посмотрев, не идет ли кто за нами, неожиданно шепнул: «Этот майор – настоящая сволочь. А ты знай, дела у Красной армии идут очень хорошо; недавно полностью освобожден от блокады Ленинград и никаких признаков нарушения союза между СССР, Англией и США нет. На конференции в Тегеране это подтвердилось. Расскажи об этом товарищам. Надеюсь, ты меня не выдашь».

Я заверил лейтенанта, что всё будет в порядке и что я, как старший в рабочей команде, передам его слова товарищам, а также буду делать всё, чтобы никто из них и не помышлял о вступлении в РОА. Так мы и расстались. Но всё же мысль о возможном расторжении альянса союзников беспокоила меня до окончания плена…

Как-то в феврале после завтрака мы увидели во дворе двух молоденьких девушек. Они разговаривали с работником хозяйки Станиславом. Несколько пленных выбежали из казармы и заговорили с девушками через ограду. Девушки сказали,

что пришли специально, чтобы познакомиться с нами и пообщаться, как с родными людьми, по которым сильно истосковались. Одна из них, с серыми глазами и почти белокурыми волосами, назвалась Тамарой Фомичевой, а другая – жгучая брюнетка, скромная и очень стеснительная, – просто Дусей. Оказалось, обе они – сироты из детского дома. Тамара – родом из Курской области, а Дуся – украинка. В начале 1943 года их привезли из Запорожья, и теперь они проживают в Цшорнау у хозяев по фамилии Лоренц. Обращаются с ними хозяева хорошо, платят деньги, неплохо одевают и жалеют, но работать им приходится много. В деревне есть еще две наши девушки – Маруся из Харькова и Татьяна из-под Курска. Конечно, фельдфебель быстро разогнал нас. Но начало было положено, и мы все же продолжали общаться с девушками. После войны я поддерживал знакомство с Тамарой и Дусей, которые вышли замуж и имели фамилии Бородай и Карабина. Первая из них проживала в Запорожье, а другая – в Никополе.

В феврале количество пленных в нашей рабочей команде возросло на 20 человек. Оказалось, что их прислали из деревни Дёбра, расположенной километрах в 10 от Цшорнау, где они жили и работали у какого-то крупного помещика, который их плохо кормил. Из-за это они взбунтовались и отказались работать. Тогда 15 наиболее активных бузотеров и заодно 5 физически слабых и старых пленных отправили в ближайший штрафной лагерь, то есть к нам. Оказывается, наш лагерь считали штрафным, поскольку фельдфебель Хебештрайт был чрезвычайно суров, вспыльчив и всегда требовал соблюдения строжайшей дисциплины и порядка. А главное – прилюдно наказывал каждого провинившегося и бил пленных, не считаясь с официальным запретом.

Среди прибывших к нам были, в частности, небольшого роста, худой, рассудительный Дмитрий Жуков; глуповатый и крикливый 18-летний бывший детдомовец Ваня Трошков; молодой, но без пальцев на обеих ногах Саша Мальцев по прозвищу Культяпый; молчаливый, ходивший в красноармейской куртке и сапогах Петр Васьковский; имевший на лице большое темно-красное родимое пятно Николай Николаенко и его напарник Николай Давиденков, а также Иван Харченко – тёзка и однофамилец Ивана Пика, в результате чего теперь в нашей команде стало два Ивана Харченко. В эту же группу попали Сурен Саркисян из Армении и поляк Федор Дубровский из-под Белостока, входившего до войны в состав СССР[11].

Как физически слабых и старых к нам из Дёбры перевели

также украинца Сильвестра Евдошенко, которого товарищи сразу переименовали в Семёна, а немцы – в Симона; 55-летнего одессита – сапожника Афанасия Каиро и его ровесников – Михаила Громова, Михаила Божко и Петра Машковцева.

Поскольку «бузотеров» требовалось каким-то образом проучить, фельдфебель распорядился направить их, кроме хромавшего Саши Мальцева, на наиболее тяжелую работу. А такой у нас считалась работа в каменном карьере, выполнявшаяся под руководством мастера Фрица Гелльриха. Поскольку новых работников требовалось обучить, то он не мог обойтись без переводчика. В итоге пришлось и мне идти на работу в карьер. Карьер располагался за группой трех-пятиэтажных жилых домов напротив военного городка и был окружен колючей проволокой. В нем добывали серый гранит. В карьер спускались по трем лестницам, установленным одна над другой. Лестницы были сделаны из круглых стальных прутьев. При спуске, чтобы не упасть, приходилось крепко держаться за поперечины лестницы. На противоположной от лестниц стороне карьера находилось подъёмное устройство – лебёдка с электрическим приводом. Рабочие вручную складывали на подъемную площадку глыбы и плиты гранита.

Всем рабочим выдали рукавицы и проинструктировали по технике безопасности. Внизу нас уже ожидали цивильные рабочие, – немцы и один молодой поляк, немного говоривший по-русски. Поляк и двое немцев сверлили шурфы на дне карьера, в которые закладывали взрывчатку, а полученные после взрыва глыбы гранита другие рабочие распиливали на плиты правильной формы при помощи дисковых пил с электроприводом. В карьере было очень шумно и полно вредной пыли из мельчайших частиц гранита. Наверху пленные разгружали гранит и складывали его в стороне, а потом плиты увозили на грузовике. Одним из местных потребителей гранита была мастерская с вывеской «Grabdenkmaler (Изготовитель надгробных памятников)».

Внизу, познакомившись с немецкими рабочими, мы попросили у них закурить, но никто их них не смог удовлетворить нашу просьбу. Лишь поляк Йозеф вытащил из кармана баночку с табаком и весь его отдал нам. В следующие дни немцы приносили нам, что могли, поесть и покурить. Однако они были бедными людьми и жили впроголодь. На обед у нас была привычная еда – суп и картофель в мундире, а также чай или компот, которые получали в базовом помещении в военном городке.

В начале марта, к началу весенней посевной кампании, отдельных пленных, главным образом пожилых и бывших

крестьян фельдфебель отправил в местные крестьянские хозяйства недалеко от Цшорнау и Каменца.

Один из местных крестьян договорился с фельдфебелем, чтобы у него работал Иван Соколов – Вятский. По-видимому, заглядывая раньше во двор нашего лагеря, тот крестьянин обратил внимание, как ловко Иван распиливает бревна, колет дрова и хорошо управляется с другими тяжелыми работами.

…Погода стала теплой, почти как летом. На работу мы ходили уже без курток и шинелей. Нашу рабочую команду отправляли работать на разные места небольшими группами и во многих случаях без часовых, так как их не хватало. Обычно два конвоира сопровождали пленных из Цшорнау только до базового помещения в военном городке или до товарной станции; один конвоир ходил с поварами, доставлявшими нам обед.

Поскольку везде земля уже высохла, фельдфебель поручил группе пленных вырыть и оборудовать в саду около казармы глубокие и длинные окопы. В этих окопах нам следовало укрыться в случае воздушной тревоги при налётах авиации. Для этой работы пришлось выпросить у местных жителей лопаты, ломы и грабли.

Глава III

Утром 6 марта вместо того, чтобы опять отправить меня в карьер, фельдфебель представил меня и Лёню Маляра стоявшему поблизости цивильному немцу, в хозяйстве которого нам предстояло работать. Немец назвал себя – Хайнрих Микклих и повёл нас к скромному двухэтажному дому с небольшим двором, расположенному на берегу речки Швосдорфер Вассер недалеко от нашей казармы. Нас приветливо встретила приятная на внешность хозяйка и поздоровалась по-русски, сказав: «Добрый день!» Ее звали Елена, и она была сербкой. Следом появилась девушка лет 18-ти – Траудэль или, по-нашему Гертруда. За ней показалась девочка лет шести, которая поздоровалась и подала нам по очереди правую ручку, назвавшись Маргот и дважды сделав книксен. Хозяйка пригласила нас позавтракать вместе со всеми членами семьи. Нам подали традиционный утренний мучной суп-болтушку с молоком, а после него – в общей миске горячий картофель, который каждый брал себе вилкой. Всё было очень вкусно, и нам с Лёней, вечно голодным, хотелось есть еще и еще. Но, конечно, мы сдерживали себя.

Позавтракав, мы вышли во двор, запрягли лошадь и поехали в лес за деревней. Хозяин сказал, что у него там собственный

участок леса, на котором нам предстоит свалить несколько старых елей, очистить их от веток и привезти бревна, щепу и лапник в деревню.

По указанию Хайнриха, мы предварительно откопали землю вокруг стволавыбранной ели, после чего Хайнрих приставил к стволу лестницу и Лёня с толстой веревкой поднялся по лестнице до раскидистых веток дерева. Там он обвязал ствол концом веревки. Оголенные корни мы разрубили топорами, а потом ухватились за верёвку и по команде хозяина потянули ее. Дерево легко свалилось рядом с нами, а мы упали друг на друга: Лёня – на Хайнриха, тот – на меня, а я – на Траудэль. Так я невольно оказался в объятиях у Траудэль, красивой деревенской девушки, и на миг испытал от этого великое наслаждение. И так происходило несколько раз, пока мы не повалили все нужные деревья. И каждый раз после таких падений Траудэль приходила от этого в восторг и долго громко смеялась.

В тот день Траудэль задавала Лёне и мне множество вопросов на разные темы, и особенно про нашу страну и про русских. Когда я говорил ей, что это вовсе не интересно, она восклицала: «Я очень любопытна!»

В общем, я крепко влюбился в Траудэль и после войны всё время вспоминал её. Но, увы, она предпочитала Лёню. Она призналась мне в этом сама, когда я приехал в Цшорнау летом 1975 года. Лёни уже давно не было в живых, а Траудэль имела двух взрослых сыновей от рано умершего первого мужа и была второй раз замужем. В 1978 году Траудэль со вторым мужем Карлом Заринком, сорбом по национальности, архитектором и крупным военным инженером Национальной народной армии ГДР очень хорошо приняла в своей шикарной квартире меня, мою супругу Катю и дочь Наташу. В 1992 году Траудэль внезапно скончалась.

…Во время нашей работы в лесу я поинтересовался у Хайнриха, почему бы ёль не отпилить снизу, оставив на месте пень. Хайнрих ответил, что корень дерева и пень тоже очень хорошее топливо – так зачем же их оставлять не использованными. Когда с этой работой было покончено, мы оставили на месте весь инструмент, лестницу и верёвку. Мы с Леней высказали опасение, что их может кто-то стащить, на что Хайнц ответил: «Это исключено».

Когда вечером Хайнрих привел нас в лагерь, он похвалил обоих за «усердную работу» и получил от фельдфебеля согласие, что утром мы самостоятельно придем к Микклихам к завтраку. Лагерный ужин и пайки хлеба с маргарином мы отдали членам своего «колхоза».

В последовавшие два дня мы снова занимались той же работой в лесу. Закидали и разровняли глубокие ямы, образовавшиеся на месте корневищ при валке деревьев, тщательно убрали всю территорию. Траудэль сказала, что осенью здесь будут посеяны семена таких же деревьев или посажены молодые ели и сосны. Позднее мы вместе с хозяином работали во дворе, сооружая пристройку к курятнику, и подновляли деревянный забор со стороны речки. При этом обе хозяйские дочери и сама хозяйка часто крутились около нас и вступали с нами в разговор. А я всё больше и больше очаровывался Траудэль, и мысли о ней не покидали меня ни днём, ни ночью. И сделать с этим я ничего не мог. Хозяйке Елене понравилось то, что я ношу очень распространенное у сорбов имя Юрий. Вероятно, это тоже послужило причиной того, что она меня надолго хорошо запомнила и очень приветливо встречала летом 1975 года.

В конце февраля 1977 года послал поздравление с 8 Марта Елене и её дочерям – Маргот и Траудэль. Они позже прислали мне большую стеариновую свечу с красивыми изображениями павлина и павы по бокам. К свече было приложено уведомление, что Елена в тот праздничный день вечером, успев прочитать моё поздравление, скоропостижно скончалась. В письме содержалась просьба поминать Елену, зажигая эту свечу. Конечно, я выполнял эту просьбу.

В субботу 18 марта я сопровождении конвоира Ниндорфа, вооруженного на этот раз не винтовкой, а пистолетом, отправился в городок Виттихенау, где предстояло сдать бельё на стирку и получить взамен свежее. Погода была солнечной. Идти надо было километров шесть. Большую часть пути мы двигались через хвойный лес по хорошо утоптанной тропе. Вокруг пели птицы, куковала кукушка. Воздух вокруг был необыкновенно свеж. Я тащил за собой тележку с двумя мешками белья, но шагалось легко. Однако Вилли явно не спешил, и наконец остановил меня, предложив отдохнуть. Мы сели под сосной. Конвоир вытащил из кармана коробку с сигаретами, одну из них отдал мне. Молча покурили. Вдруг Вилли вытащил пистолет, встал, прицелился на верхушку сосны и выстрелил. Оттуда упала убитая маленькая птичка. Вилли принёс ее ко мне, чтобы продемонстрировать, как хорошо он стреляет. Но я не похвалил стрелка. «Разве не тебе жаль убивать невинное существо?» – спросил я Вилли. Он не ответил. Мы зашагали дальше. Обратный путь был аналогичным, но без стрельбы. Вилли много рассказывал о себе, о родителях и о Берлине. Я, конечно, тоже сообщил ему кое-что о себе. В результате наши отношения

с Вилли стали более дружескими. Он начал давать мне читать немецкие газеты и журналы. Судя по сообщениям в газетах, положение вермахта на фронтах ухудшалось.

А к нам снова поступило пополнение – пять военнопленных. Среди них оказался молоденький, невысокий ростом и черноволосый цыган Миша. Его положение в лагере было чрезвычайно опасным, о чем он еще не догадывался. Дело в том, что цыгане, как и евреи, подлежали физическому уничтожению. А он с гордостью объявлял всем нам и немцам, что он – цыган. Видимо, поэтому фельдфебель с наступлением лета отправил его из нашего лагеря, придерживаясь принципа «от греха подальше».

В числе пяти вновь прибывших оказался донской казак Александр Можухин. Он был вежлив со всеми, начал часто разговаривать со мной. Мозжухин являлся мастером по изготовлению гармоней и баянов. У него в кармане был камертон и какой-то инструмент в виде свистка футбольного судьи, а в вещевом мешке хранились металлические плиты с пластиночками, издающими различные звуки. Мозжухин попросил меня походатайствовать перед фельдфебелем, чтобы тот помог достать пару губных гармошек, тонкую стальную ленту, картон, клей, мелкие гвозди, бельевые пуговицы и еще что-то, а главное – разрешил бы ему сделать из этих деталей баян. Однако фельдфебеля затея Можухина не заинтересовала. Он посчитал, что в условиях лагеря это невозможно. Но Можухин от своей затеи не отказался. Отпрашиваясь в туалет, он везде что-то искал, подбирал и приносил в казарму. Но на это никто не обращал особого внимания – ведь все мы постоянно что-то искали, надеясь найти что-нибудь полезное. У некоторых из нас уже накопилось до 45 марок, которые мы получили как зарплату за три месяца. Несколько пленных не удержались и однажды ночью затеяли игру в карты на деньги. Игра сопровождалась большим шумом, который разбудил фельдфебеля. Через небольшое окно (бывшее раздаточное окно трактира) он стал наблюдать за происходившим в казарме. И когда куча денег на столе возросла до приличной высоты, фельдфебель очень тихо открыл дверь казармы и быстро приблизился к игрокам, которые в азарте не заметили его появления. Всем телом он навалился на стол и забрал все деньги, объявив об их конфискации в свою пользу. Так ребята остались без денег до следующей зарплаты. А я через месяц купил у Доры на накопившиеся деньги первую в жизни безопасную бритву с комплектом лезвий, а позже приобрел карманный складной ножик и зубную щётку. Периодически приходилось покупать баночку с зубным порошком, спички, писчую бумагу, карандаш и прочие мелочи.

В конце апреля, работая на товарной станции, я и Лёня Маляр побывали вместе с часовым по какому-то его делу в здании пакгауза. Пока часовой, оставив нас одних, уединился в какой-то комнате, мы успели побывать в разных секциях огромного склада материалов. Там на первом этаже хранились большие запасы пшеницы, к которым можно было легко подобраться с улицы через небольшой вентиляционный проем.

После обеда Лёня, взяв пустой мешочек, вместе со мной незаметно от часового отправился к пакгаузу. Лёня подсадил меня, худенького и легкого, на свои плечи, и я без особого труда пролез через окошко в здание, быстро набрал пшеницу в мешочек, передал его Лёне и вылез на волю. Так мы «организовали» для своего «колхоза» дополнительный продукт питания, которого хватило на целую неделю. В дальнейшем Лёня еще несколько раз, но уже без меня, а с Иваном Пиком, совершил такие кражи.

Обычно мы ели пшеницу по зернышку, что позволяло хотя бы немного утолять сильный голод. Но позднее нам захотелось варить из пшеницы кашу. Однако для этого следовало сделать крупу. И здесь опять инициативу и изобретательность проявил Лёня. В военном городке он нашёл в мусорной секции три пустые оцинкованные цилиндрические банки из-под консервов, имевшие высоту 200 мм и диаметр 100 мм. У первой банки удалил днище и превратил ее в лист, а у второй лишь отрезал остаток верха, после чего на ее цилиндрической поверхности и на листе сделал гвоздем диаметром 3 мм множество дырок снаружи внутрь банки, а также пробил отверстия у листа. При этом над отверстиями образовались выступы, соответствующие острию гвоздя. После этого Леня взял деревянный чурбак высотой чуть больше банки и стесал его на 3 мм меньше диаметра банки. Потом обернул такой чурбак полученным листом, прикрепив его мелкими гвоздями, и прибил к основанию чурбака большими гвоздями толстую деревянную доску. Далее следовали другие операции, в результате которых получилась крупорушка с деревянной ручкой. Основным недостатком такой конструкции было то, что в крупу могли попадать мелкие частицы металла от выступов над дырками, и поэтому кашу приходилось есть очень осторожно.

Между тем Лёня намеревался соорудить самогонный аппарат. Однако исполнить это намерение у Лёни уже не хватило времени – кончилось его пребывание в Цшорнау. Отмечу еще, что осенью Лёня связал себе теплые зимние носки. Он говорил, что умеет также очень неплохо вышивать. К сожалению, после войны Леня много выпивал и умер в 1959 году в Киеве.

…1 Мая в Международный праздник трудящихся и немцы, и мы работали, как обычно, на своих местах, в основном

на товарной станции. По-прежнему все жили мыслями только о том, чтобы поесть, и ждали, когда отцветёт посаженный за железной дорогой картофель и можно будет организовывать его похищение.

В мае я снова несколько раз занимался перелопачиванием пшеницы, хранившейся на чердаке средневекового дома возле Бастионной башни. Разумеется, в дни такой работы мы не возвращались без набитой в карманы пшеницы.

В один из последних вечеров мая Иван Соколов, работавший в Цшорнау у крестьянина, принес мне письмо, не совсем грамотно написанное, но со стихами и с пылким признанием мне в любви. Письмо послала молоденькая хохлушка Дуся. Когда ей исполнилось лет семь, родители умерли от страшного голода. Некоторое время девочку содержали бедные родственники матери, а потом отдали Дусю в детский дом в Запорожье, и оттуда её привезли в Цшорнау, когда город заняли немцы. Об этом Дуся также сообщала в письме.

Мне вдруг взбрело в голову зачитать ее послание вслух товарищам. Многие из молодых пленных стали хохотать над содержанием и необычным выражением чувств девушки, говорить непристойности и давать мне пошлые рекомендации. Но в этот момент с места поднялся пожилой «комендант Москвы» – Андрей Дмитриевич Шныкин – и осадил молодых глупцов. Затем он предложил, чтобы мы вместе сочинили от моего имени хорошее и доброе письмо девушке: «Ведь она, как и мы, находится в неволе и, возможно, ни от кого еще не слышала ласковых слов. Разве она виновата, что у неё здесь возникло первое чувство любви!»

Мы написали Дусе, что я очень тронут ее письмом и что у меня также возникло к ней чувство симпатии. Я выражал надежду на нашу встречу в скором времени. Признаться, я не имел к Дусе таких же пылких чувств, как она ко мне, – ведь я тогда был влюблен в Траудэль Микклих. Кроме того, больше Дуси мне нравилась ее подружка – бойкая на язык Тамара Фомичева. На следующий день вечером увидел за оградой лагеря Дусю, возвращающуюся с поля с тележкой, нагруженной травой, которую тащила… огромная собака. Дуся подтвердила, что моё письмо она получила и очень ему рада.

В дальнейшем мы с Дусей написали друг другу еще несколько писем. Эта переписка вызвала у молодого вятского парня Прокопа желание обмениваться посланиями с понравившейся ему Тамарой через своего земляка Ивана Соколова. Обмен письмами у них продолжался до тех пор, пока в начале осени фельдфебель не отправил Прокопа в другой

лагерь.

С наступлением лета наш фельдфебель стал замечать, что многие пленные, немного «отъевшись» после долгого периода голодания, начали страдать от отсутствия женщин в личной жизни. Как-то он засёк в уборной пленного, занимавшегося мастурбацией. После этого фельдфебель иногда говорил кому-нибудь перед всем строем или при обычной встрече: «Ты не слишком много дрочи!» Но, увы, поневоле многим приходилось этим заниматься.

…В конце мая мы получили радостную весть, что Севастополь и весь Крым освобождены от немецких захватчиков. Начало июня ознаменовалось для меня тем, что фельдфебель послал меня работать (с перерывами на выходные) в хозяйство местной крестьянки Люции Рехорк. Её муж Георг находился на фронте, а отец – портной Георг Вайдлих – работал дома по своей профессии вместе с нашим лагерным портным Сашей Морозовым.

И вот утром, после обхода строя пленных, фельдфебель подвёл меня к девочке лет 14 и с грубоватой шуткой сказал ей: «Вот, Маринхен, этот бравый молодой человек Юа будет теперь твоим помощником. Не давай ему лениться, не своди его с ума своими ляжками и не влюбись в него сама!» Ноги у этой девушки действительно были как у взрослой девушки. «Если он убежит, – продолжал фельдфебель, – то не быть тебе и твоей мачехе живыми. Но чтобы он не убежал, кормите его как следует и даже лучше, чем самих себя!» Девочка нисколько не смутилась и сразу скомандовала мне: «Теперь, Юрий, иди со мной!» Оказалось, она меня приметила еще в прошлом году в Каменце и знала моё настоящее имя.

Мария завела меня на кухню на первом этаже, где представила хозяйке – своей мачехе Люции, но та отнеслась ко мне совсем нелюбезно и в дальнейшем ни разу со мной не поговорила. Все указания по работе я получал только через Марию. Позднее девочка призналась мне, что мачеха нередко её избивает, заставляет много работать и по воскресеньям не всегда пускает гулять. В их доме находилась другая, простая в обращении женщина лет 30 – полька Ядвига, которая ухаживала за шестью коровами, постоянно находившимися в коровнике, так как немцы не выгоняли их на луг или в поле, как у нас. Ядвига рассказала мне, что я должен убрать в стойлах навоз и мокрую подстилку, затем привезти их на тачке к компостной куче и выгрузить, поднявшись на кучу по наклонной доске. А затем следовало доставить сухую подстилку в очищенное стойло.

После того как я выполнил первую часть работы, я по подсказкам Марии и с её помощью впервые в жизни запряг двух волов в фуру и мы выехали в лес за подстилкой. Когда требовалось повернуть волов налево, то надо было дернуть вожжой и крикнуть волам «Худэ!», а вправо – «Вистэ!». Но можно было и не дергать вожжой, так как волы хорошо знали обе команды, а также команды «Вперед!», «Стой!» и «Назад!». По дороге Мария начала расспрашивать меня: откуда я, сколько мне лет, где учился, не женат ли, есть ли девушка и о прочих вещах. Уже через полчаса она совсем осмелела и прониклась ко мне полным доверием. Я с удовольствием отвечал на вопросы девочки и слушал рассказ о ее нерадостной жизни. Мать Марии умерла очень рано, отец, не имевший своего хозяйства, женился второй раз и вошёл вместе с дочерью в дом к Люции. Четыре года назад отца забрали в армию, и Мария вынуждена жить с мачехой и терпеть её. В школе Мария проучилась мало, а сейчас вообще там не бывает.

Наконец мы прибыли на небольшой участок леса, принадлежащий Люции, и начали снимать лопатой и вилами сухой слой земли между деревьями, состоявший из иголок хвойных деревьев и остатков сгнивших листьев. Мы нагрузили такой землей более половины фуры и отправились в обратный путь.

После обеда меня проведали две советские девушки – Татьяна и Маруся. Таня, вывезенная из Курской области, жила в соседнем дворе, а Маруся – в следующем за ним. Таня в детстве получила серьезную травму левого глаза и совсем им не видела. Дефект глаза портил лицо девушки вероятно, по этой причине Таня была замкнута. Но, несмотря на эти недостатки, на неё «положил глаз» наш любвеобильный товарищ Толя Шишов, который только и мечтал побыть с Таней наедине и соблазнить её.

В отличие от Тани, Маруся, девушка из-под Харькова и типичная хохлушка лет 25-ти, оказалась очень общительной, но в то же время вполне серьёзной и рассудительной. Моя «повелительница» Мария предупредила меня, что у Маруси есть постоянный кавалер из соседней деревни Шидэль, который по воскресеньям её навещает, или она ходит к нему.

Однажды Мария заметила, что с позволения Ядвиги я пью в коровнике молоко из ведра прямо из-под коровы. Мария пришла от этого в ужас, так как не могла представить, что молоко можно пить сырым и так много. Она грубо сделала замечание Ядвиге за «недопустимое самовольство». Хозяева считали нужным абсолютно всё надоенное молоко сдавать государству.

Во дворе кроме коров и волов содержались куры, гуси,

а также телята, которых готовили к сдаче государству и частично для замены ставших старыми бурёнок. Основная часть обрата после переработки молока на местном маслозаводе скармливалась телятам. Всех животных кормили главным образом сеном, соломой и выкошенной на поле свежей викой со смесью овса и другой травой. Косцами бывали Ядвига, сама хозяйка и её отец Георг, на время бросавший свою портняжную работу или оставлявший её Саше Морозову. Коровам давали также картофель, кормовую свеклу и турнепс. Им же Ядвига с Мариной частенько привозили на тележке сорняки с картофельного поля.

На второй день моей работы в этом хозяйстве во двор робко зашла Дуся. Оказалось, она с Тамарой видела, как я с Марией проезжал мимо их домов. Я тут же приблизился к Дусе и протянул руку, чтобы с нею поздороваться. Но не тут-то было! Внезапно к нам подбежала Мария и вцепилась в девушку, требуя, чтобы та немедленно покинула двор. Дусе не оставалось ничего другого, как повиноваться девочке. Я лишь успел сказать Дусе, чтобы она не переживала и что всё между нами остаётся по-прежнему.

Когда вечером я возвращался в лагерь, Мария заявила, что и дальше никакой другой девушке не позволит ко мне приближаться. После этого я наконец сообразил, что она ко мне неравнодушна.

Утром 7 июня, когда хозяйская семья, а также я, Саша Морозов и Ядвига завтракали, дед Георг Вайдлих сообщил потрясающую новость – англичане и американцы накануне высадились в Нормандии, открыв таким образом Западный фронт. Как ни странно, эта новость обрадовала не только меня, Сашу Морозова и Ядвигу, но и наших хозяев: они сказали, что, значит, война скоро закончится и солдаты возвратятся домой, никто больше не будет гибнуть.

8 июня, как и в прошлые дни, поработав сначала в коровнике и во дворе, я снова отправился с Марией в лес. День был отличный и у меня, и у моей молодой повелительницы настроение было приподнятое. На этот раз Мария оказалась очень разговорчивой. Она рассказала, что недавно в Каменце на почте, где она посылала письмо отцу на фронт, к ней пристал и поцеловал ее в щёчку молоденький солдат, служащий в тылу после ранения. Новая встреча у них должна состояться в очередное воскресенье. Мария сказала, что в будущем она, возможно, выйдет за этого солдата замуж.

Вдруг девочка села совсем рядом со мной, погладила меня по голове, обхватила её обеими руками и потянулась к моим

губам.

Я инстинктивно сбросил с рук вожжу и оттолкнул от себя Марию. А затем, решив смутить её, сказал: «Зачем ты это делаешь? Ведь ты еще девочка и у тебя, наверное, даже нет волос между ног!» Но девочка вовсе не смутилась, она неожиданно встала, подняла подол платьица, быстро спустила трусики и скомандовала: «Посмотри!» Нижняя часть её тела действительно была, как у молодой женщины. На миг я остолбенел, но затем крикнул Марии: «Постыдись! Не будь сумасшедшей! Я не хочу, чтобы меня из-за тебя повесили!» Наконец, девочка успокоилась и дальше всё время мы разговаривали с ней только по делу….

В начале июня у члена моего «колхоза» Васи Серегина был день рождения. Он предложил его отметить и уговорил меня помочь ему купить у Доры бочку безалкогольного пива. В эту бочку влили бутылку спирта-денатурата. Затем насосом стали разливать ставшее теперь хмельным пиво по отдельным кружкам. Пива хватило почти всем, включая и меня. Васю поздравили и пожелали ему встретить очередной день рождения дома после войны.

Вечером Нииндорф позвал меня к себе и поделился новостью о том, что немцам приходится теперь воевать и на территории Франции. Я сделал вид, что пока об этом не знаю. В подтверждение своих слов Вилли вручил мне два последних номера центральной газеты «Фёлкишер беобахтер». В ней сообщалось, что «англоамериканские самолеты усилили варварские бомбёжки Берлина и других германских городов, в результате чего погибли и получили увечья тысячи мирных жителей – в основном детей, женщин и стариков. Разрушено множество жилых домов, соборов, включая также знаменитый Кёльнский, церквей и иных объектов истории и культуры».

Среди этих сообщений была статья о том, что на Атлантическом валу на стороне немцев сражаются русские батальоны. В ней говорилось, что «эти воины – бывшие военнопленные, которые не желают, чтобы в случае победы в войне союзников Сталин и жиды-большевики расстреливали их или ссылали на каторгу в Сибирь за то, что они оказались в плену у немцев». Сообщалось, что эти русские не сдаются в плен англичанам и американцам, поскольку им хорошо известно, что те сразу же передадут их в Советский Союз согласно принятым в Тегеране договоренностям.

Вскоре всей Германии стало известно, что немецкие вооруженные силы обрушили на Лондон огонь возмездия с использованием Фау-1. В этот же день фельдфебель послал меня

в Цшорнау на четыре дня на новую работу. На этот раз её объектом стало… цветочное хозяйство с двухэтажным летним домом, располагавшееся за шоссе против двора Люции Рехорк. Хозяйство вёл муж сестры Люции – Освальд Хёне с детьми Йоханнесом, Герхардтом и Андреасом, которым соответственно было 10, 8 и 6 лет. Жена хозяина тяжело болела и практически не вставала с постели.

Сзади их дома находился обычный огород, а спереди несколько застекленных парников – больших теплиц, где выращивались различные цветы. Хозяин продавал их преимущественно оптом в Каменце и в других населенных пунктах, включая даже Дрезден. Для транспортировки цветов у хозяина имелся маленький трехколесный грузовик, с одним колесом спереди и двумя – сзади. Ни участка пахотной земли, ни скота и птицы у них не имелось, и семья жила бедно.

Работа заключалась в том, что мы с Освальдом, Йоханнесом и Герхардтом мыли загрязнившиеся стекла на парниках и в теплицах, заменяли разбившиеся стекла, закрепляли новые гвоздиками, промазывали рамы замазкой. Работа шла весело, так как и хозяин, и его дети были очень общительны и жизнерадостны. К сожалению, меня кормили только в обед жидким супом. В дальнейшем до конца июня мне пришлось работать в основном вместе со всеми товарищами. В один из жарких дней нашу команду пригнали на стекольный завод, где мы вместе с итальянскими пленными убирали накопившийся в большом количестве стеклянный бой и прочий мусор. Охрана там была местной и чрезвычайно суровой: нас подгоняли и даже избивали прикладами винтовок, не давали возможности общаться с итальянцами.

В конце июня команду послали на новую работу. Поскольку участились налёты англо-американской авиации на военные и промышленные объекты Германии, возникла опасность, что может пострадать местный учебный аэродром. В связи с этим решили сделать так, чтобы при воздушной тревоге самолеты смогли своим ходом быстро укрыться в ближайшем лесу. Для этого требовалось построить от лётного поля аэродрома через поле бетонированную дорогу к лесу и в нём – несколько ответвлений дороги. Более половины состава нашей команды было занято этой работой почти до конца июля. В первые дни фельдфебель обязательно посылал туда и меня, чтобы точнее доводить до работающих указания прорабов и военнослужащих с аэродрома. Пленные трудились в основном лопатами. Бетонные и другие ответственные работы выполняли только немцы, в основном молодые солдаты-курсанты с аэродрома.

В первой декаде июля фельдфебель снова отправил меня работать в хозяйстве Люции Рехорк. В течение нескольких дней один или вместе со стариком Вайдлихом и иногда еще с хозяйкой я косил сено, а также озимые – пшеницу и рожь. Коса была снабжена приспособлением для ровной укладки срезанных стеблей. Мне при этом очень помог опыт, приобретенный в прошлом году на аналогичной работе во время пребывания в госпитале в Шморкау.

Скошенные стебли ржи и пшеницы связывали в снопы хозяйка, Ядвига и Мария. Однажды я приехал за снопами без сопровождения Марии и увидел на соседнем поле одноглазую Татьяну. Мы оба уселись на куче связанных снопов и разговорились. Однако разговор продлился недолго: вдруг в меня «вселился бес», потянувший меня сблизиться с женщиной. Но в этом я не имел еще никакого опыта, и Таня с громким смехом столкнула меня сильными руками, обозвав дурачком.

В последовавшие дни Таня перешла работать на другое поле, непосредственно примыкавшее как раз к строящейся дороге. И здесь наш красавец – Толя Шишов, давно «положивший глаз» на Таню, уговорил ее углубиться с ним в глубь леса, и в отличие от меня она его не прогнала.

В те же дни упоминавшийся пленный Прокоп, который завел переписку с Тамарой Фомичевой, нашёл где-то в городе книжку на русском языке, переведенную с французского, в которой с подробностями были описаны любовные сцены. Несколько раз после ужинов Прокоп читал эту книжку вслух, вызывая огромное внимание нашей молодежи и осуждение Андрея Дмитриевича Шныкина и других пожилых товарищей. Этим чтением особенно возмущался пленный с прозвищем Мытищинский. Он даже попытался вырвать эту книжку из рук Прокопа и порвать её, но не сумел.

Мытищинский был очень слабым физически и поэтому не мог, как другие, заниматься «организацией» дополнительного питания и особенно добывать курево, которое часто унизительно просил у товарищей. Никто не хотел брать его в свой «колхоз». Вскоре фельдфебель, не пожелав иметь в команде безынициативного пленного, отправил его из Цшорнау в какой-то другой лагерь.

Глава IV

Со второй декады июля мы работали на прессовке сена. Ничего нового в этом не было. Запомнилось только, как по дороге к хранилищу нас встречала пожилая чешка. Она открывала окно

и, не опасаясь немцев, приветствовала нас словами: «Привет, товарищи!» и часто протягивала нам бутерброды, извиняясь, что не может дать больше. Мы не всегда брали её угощение, зная, что она отдаёт нам последнее, получаемое по продовольственным карточкам. Мы часто просто говорили ей: «Спасибо, спасибо!» Летом 1944 года мы стали смелее и, шагая по улице города, иногда громко пели советские военные маршевые песни, приводя в изумление местных жителей.

…Однажды в хранилище, где мы работали, молодой украинец привез огромный воз сена от какого-то немецкого крестьянина. Встретив Якоба и Шишкана, он поприветствовал их, вытянув вперед правую руку и произнеся: «Хайль Гитлер!» Но ни сорб, ни немец никак на это приветствие не прореагировали. Но наш молодой товарищ Ваня Трошков быстро подошёл к украинскому парню и с ходу дал ему несколько пощёчин, крича: «Ты, сволочь! Иуда! Предатель Родины! Знаешь ли ты, кому желаешь доброго здоровья? Теперь говори немцам “Да здравствует товарищ Сталин!” Мы едва успокоили Ваню, а его жертва, попросив прощения, обещала больше никогда не произносить такие слова. Он угостил нас табаком, получил от Якоба справку о сдаче сена и быстро уехал.

Из событий того лета мне запомнилось еще одно, довольно забавное. Рядом с нашим базовым помещением росли 12 раскидистых черешен, а на противоположной стороне находилась мастерская с вывеской «Изготовитель надгробных памятников», хозяину которой принадлежали те самые деревья. И вот этот хозяин договорился с нашими мастерами, чтобы пленные собрали всю черешню. Он дал нам несколько лестниц, по которым можно было взбираться на деревья. Хозяин разрешил нам есть черешни сколько угодно. Выполняя эту работу, некоторые буквально объелись черешней, так что одному сборщику ягод стало плохо. Но для меня в этот раз всё обошлось благополучно.

У нас в лагере в числе новых пленных был украинец Петр Шамота, обладавший прекрасным тенором. Оказалось, что на фронте он услышал и запомнил знаменитую песню «Бьется в тесной печурке огонь» (или «Землянка»). Однажды в выходной он так задушевно исполнил эту песню, что у многих из нас появились на глазах слёзы.

В хорошую погоду в выходные дни пленные во главе с Шамотой стали петь во дворе русские и украинские песни – лирические и маршевые. Их приходили слушать местные жители и особенно работавшие в округе советские граждане и поляки, даже часовые выходили из караульного помещения послушать эти песни. Только фельдфебель Хебештрайт не показывался на этих

концертах. Ему очень не нравилось, что во время таких «представлений» пленные общались со своими земляками. Больше всего он не любил, когда приходили Тамара, Дуся, Маруся, Таня и другие девушки из Цшорнау и из ближайших населенных пунктов. Фельдфебель видел, что девушки сильно возбуждают молодых пленных, а это мешает им нормально спать и работать на следующий день. В результате он вообще запретил заходить во двор гражданским лицам не немецкой национальности, поручив мне написать следующее объявление: «Внимание! Лагерь русских военнопленных. Всем цивильным русским персонам и полякам вход в этот двор строго воспрещен!» Однако этот текст мне не понравился. В нем, в частности, упоминались «русские военнопленные» и «русские цивильные персоны», а среди нас было также много нерусских, включая меня самого. Поэтому я написал по-русски так: «Внимание! Лагерь советских военнопленных. Всем гражданским лицам Советского Союза и полякам вход в этот двор строго воспрещен!» Потом я попросил поляка Федю Дубровского написать этот же текст по-польски латинскими буквами. В этот же день вернулся, демобилизовавшись из армии домой, к матери хозяйке Марии Шольце её сын Вальтер, потерявший на фронте три пальца на правой руке.

…Наступило 18 июля 1944 года – день моего рождения. Вечером я купил у Доры в буфете бочку безалкогольного пива и с помощью товарищей вкатил её вместе с насосом в казарму, где Лёша Маляр и Андрей Маркин опять добавили в пиво спирт-денатурат. И так я угостил во время ужина около 50 товарищей. Накануне очень боялся, что, как и в прошлые годы, на свой 23-й день рождения я окажусь больным. Но, слава Богу, этого не случилось.

А в следующий день я получил удивительный «сюрприз»: часовой Николай Билк вручил лично мне какую-то газету на четырех полосах, напечатанную еще летом 1943 года латинскими буквами. Но среди этих букв были и такие, над или под которыми находились кавычки, крючки или галочки. Название газеты, к сожалению, я забыл. Но, вероятнее всего, оно было «Tschawasch serschywe». Только с трудом прочитав сначала его, а дальше первые несколько строк текста пониже из-за написания их непривычными латинскими и другими буквами, сообразил, что эта газета опубликована на… родном мне чувашском языке. В переводе на русский язык её название означает «Чувашский край», и оно фактически должно писаться дополненной для чувашей кириллицей «Чаваш сершыве».

Итак, немецкие высшие пропагандисты «додумались» летом

1944 года уже до того, что издали специальную газету даже для такого относительно малочисленного российского народа – чувашей, которую и прислали мне, определив по картотеке военнопленных место моего пребывания. И, наверное, её получили и многие другие мои пленные соплеменники.

Газету специально напечатали не на принятом почти 75 лет назад алфавите И. Я. Яковлева на основе русского – кириллицы. И, оказалось, это сделали по предложению чувашских военнопленных И. Н. Скобелева, А. П. Кадеева, В. С. Изосимова, П. Т. Трофимова и некоторых других. К ним позже присоединился Ф. Д. Паймук (Блинов), который в 1944 году стал выпускать незнакомую общую для чувашей, мордвы, марийцев и удмуртов газету «За национальную свободу». Все перечисленные лица, вероятно, либо были сильно обижены советской властью, либо хотели активным сотрудничеством с немцами спасти или улучшить жизнь в плену. Они же, кроме Паймука, были авторами передовицы и всех антисоветских материалов в упомянутой газеты на чувашском языке.

Очень жалею, что не могу сказать, были ли в конце последней полосы газеты её полагающиеся выходные данные и фамилия редактора. Могло быть так, что я тогда по недомыслию не обратил на них внимания. Запомнил из газеты лишь то, что в ней сразу с первой полосы был напечатан большой отрывок из очень популярной в Чувашии до 1937 года этической и историко-революционной поэмы «Йерген (Фаворит)» одного из классиков чувашской литературы – поэта Шубоссини (Васильева Николая Васильевича), репрессированного и погибшего в 1942 году в заключении и позже реабилитированного.

В передовой статье, а также в других местах газеты, было напечатано, как при советской власти стало очень трудно жить чувашам. Большевистская власть отняла у них землю, попирает их вековые обычаи и культуру, репрессирует интеллигенцию и особенно – учителей и писателей, насаждает везде русский язык в ущерб родному языку и т. д. Поэтому нужно со всем этим покончить, что можно сделать только с помощью немцев. Для этого чувашам-военнопленным, способным носить оружие, следует записываться в легион «Идель-Урал», в рядах которого служат только представители коренных народов, проживающих на территории между Волгой и Уралом, в частности: татары, башкиры, чуваши, мордва, марийцы и удмурты».

И такой легион действительно был создан и в нем, по некоторым сведениям, в первое время, по заданию подпольной группы, находился даже знаменитый татарский поэт Муса

Джалиль. Кстати, как я уже упоминал, немцы, сформировали и использовали аналогичные, т. н. восточные воинские формирования также из лиц других народов Советского Союза. Так, были формирования из грузин, армян, кавказских мусульман, туркестанцев, латышей, эстонцев, литовцев и украинцев, особенно западных (в частности, они создали дивизию СС «Галічина»). Действовали казачьи части. Однако описание всех этих формирований не входит в мою задачу. Отмечу лишь, что в плену мне ни с кем из военнослужащих легиона «Идель-Урал», а тем более с чувашами, встречаться не приходилось.

В это время мой давний знакомый и информатор старший ефрейтор – шлёнзак сообщил мне, что Красная армия освободила от немцев столицу Белоруссии Минск и продолжает успешное наступление.

В июльские дни фельдфебель Хебештрайт потряс нас – не только пленных и солдат охраны лагеря, но и многих взрослых жителей Цшорнау, – тем, что резко изменил свой образ жизни – он завел… любовницу, красивую и пышную 17-летнюю немецкую девушку Эрику. Он поселил её в доме, принадлежащем семье Микклихов, и определил Эрике официальную должность поварихи. Она была обязана готовить еду лично для него и для охраны лагеря, а также заниматься уборкой комнат и караульного помещения.

В результате Сергей Селезнев (Андреас) перестал быть уборщиком и стал ходить со всеми пленными на обычные работы. Одновременно на эти же работы напросился Огиенко, которому давно надоело быть поваром. На кухне остались только два повара: старший – Иван Сорокин (Маленков) и младший – Дмитрий Львов. Но почти каждый день им помогали уборщик казармы старик Симон – Семен Евдошенко и еще кто-либо из товарищей, оставленных в лагере.

По словам часового Николая Билка, Эрика недавно осиротела и ни от кого не имела никакой поддержки. Вот и пришлось ей идти жить с земляком-фельдфебелем. С её появлением в Цшорнау фельдфебель заставил построить во дворе деревянную беседку и часто сидел в ней с Эрикой, попивая кофе или чай и покуривая сигару. У хозяйки двора Марии Шольце он забрал небольшое помещение, в котором организовал крольчатник, куда стал ходить вместе с Эрикой любоваться кроликами и кормить их. А траву для этих животных приносил Семен Евдошенко, который рвал её руками на огороде или на лугу вдоль берега речки. Случалось и мне помогать Евдошенко и подносить с ним траву. И пока фельдфебель совал кроликам пучки травы, Эрика

смотрела не на них, а бросала страстные взгляды на меня, не смея, однако, сказать мне ни слова. Фельдфебель это заметил, но брал нарочно меня с собой: ему доставляло удовольствие видеть, как его молодая любовница и я невольно тянулись друг к другу, но ничего не могли сделать с этим.

Однажды вечером, когда я и товарищи уже сдали часовому верхнюю одежду, фельдфебель внезапно вызвал меня в свою комнату. Пришлось явиться к нему только в длинной ночной рубашке, в нескольких местах рваной. А в комнате фельдфебеля на кровати лежала на спине ничем не прикрытая и абсолютно голая Эрика и смотрела на меня с улыбкой. Я, конечно, очень смутился, а фельдфебель с усмешкой дал мне на завтра какое-то мелкое поручение. Стало ясно, что фельдфебель специально устроил мне этот спектакль, чтобы позабавиться моим смущением.

О судьбе Эрики я узнал спустя более 25 лет после войны, когда ее видели в Дрездене растолстевшую, но всё еще красивую, с супругом. Она расспрашивала обо мне и передавала приглашение посетить ее в мой следующий приезд.

…20 июля произошло в Германии событие, потрясшую всю страну, – было организовано общеизвестное покушение на Гитлера, оказавшееся неудачным. Одним из следствий этого события стало то, что абсолютно всех граждан Германии и даже военных, как в головном уборе, так и без него, обязали приветствовать друг друга с известным пожеланием здоровья фюреру – «Хайль Гитлер!». Если раньше даже при этих словах военные могли только прикладывать к головному убору ладонь правой руки, то теперь надо было сопровождать приветствие вытягиванием вперед правой руки. Прежде так обращались друг к другу лишь гражданские лица, служащие органов государственной безопасности и внутренних дел и военные подразделений войск СС, и без головного убора – другие военные.

Конечно, за неудачное покушение на Гитлера поплатились жизнью множество немецких офицеров и генералов, включая даже самых высоких из них по званию, а также гражданских лиц.

В ближайшее после этого происшествия воскресенье неожиданно вечером в Цшорнау из Хонштайна прибыл и ночевал в комнате фельдфебеля инспектор. Это был пожилой и прихрамывающий офицер, присланный для проверки лагеря. Перед отходом пленных ко сну он с фельдфебелем зашёл и в нашу казарму. К счастью для фельдфебеля, в ту ночь никто из нас не занимался приготовлением пищи, что официально было запрещено. В этот вечер фельдфебель пришел к нам еще раз и попросил меня утром в присутствии проверяющего устроить

«спектакль», то есть, построив пленных, доложить фельдфебелю по-военному и на немецком языке, как это было один раз в прошлом году.

Сразу после подъема я объявил товарищам о просьбе фельдфебеля. После завтрака в присутствии двух конвоиров все выстроились, как обычно, по 5 человек в шеренге. Как только появились проверяющий лейтенант и фельдфебель, я скомандовал строю по-русски «Смирно!», приложил вытянутую ладонь правой руки к головному убору, строевым шагом подошёл к лейтенанту и по-немецки попросил его разрешить обратиться к фельдфебелю. Тот, пораженный таким обращением, конечно, разрешил. После этого, не опуская руки, я доложил фельдфебелю чётко по-немецки, что советские военнопленные, кроме двух поваров, двух сапожников и одного уборщика, оставленных в лагере, построены и готовы к работе. Больных не имеется. После этого я назвал себя и исполняемую мною функцию. Фельдфебель скомандовал «Вольно!», я опустил руку, и мы обошли строй, после чего я встал впереди строя левофланговым.

Конвоиры хотели было двинуть строй на работу, но лейтенант внезапно подошёл ко мне и спросил, почему я не обратился к нему и фельдфебелю по обязательной теперь форме, то есть с вытягиванием вверх правой руки и со словами «Хайль Гитлер!» Я ответил, что являюсь русским солдатом и поэтому обращаюсь и к немецким военным так, как положено в нашей армии. Лейтенант больше ничего не сказал. Действительно, встречая в военном городке немецкого офицера, я почти всегда приветствовал его именно так, как было принято у нас. Они же с явным удовольствием отвечали мне по-своему. Между прочим, такое приветствие немецкому военнослужащему нередко помогало пленному избежать придирки и даже наказания.

На этот раз проверка лагеря закончилась благополучно. Кстати, проверяющий нашёл, что питание у нас поставлено лучше, чем в других лагерях. Он одобрил и сооружение высокого проволочного ограждения лагеря, но фельдфебель, как всегда, похвастался, что может убрать все ограждения, но пленный не убежит, если его хорошо кормить. Однако в конце августа фельдфебелю пришлось убедиться, что неплохое питание не всегда может удержать пленного от побега.

В последней декаде июля и в первой половине августа на территории военного городка мы снова копали котлован для другого противопожарного бассейна. Этой работой занимались в основном те же пленные, которые накануне закончили строительство дороги от лётного поля аэродрома

в лесной массив. Работали мы небольшими группами также и на железнодорожном вокзале, и на некоторых других объектах.

В один из дней августа в военном городке нам пришлось испытать большое потрясение, а я едва не лишился жизни. В этот день у котлована вдруг появился офицер интендантской службы и грозно приказал мастеру Диттриху и нашему часовому немедленно направить часть пленных на другую, очень срочную и важную работу. Пленным предстояло вместе с солдатами из «роты выздоровления» освободить от стрелкового оружия склад и погрузить его на грузовик с прицепом, видимо, для отправки куда-то на фронт.

Когда нас привели на склад и мастер объяснил, какое дело нам поручается, я понял, что мы не должны его выполнять, – ведь это совсем не гражданская работа и она направлена против наших солдат, сражающихся на фронте против фашистов. Почти все товарищи согласились со мной. Мастер передал интенданту, что мы отказываемся от такой работы. Тот сразу пришёл в бешенство и, брызгая слюной, начал кричать на меня и на всех нас. Вдруг он вытащил из кобуры пистолет и приставил его к моей голове. Но в этот момент Сергей Кулешов, Анатолий Гудовичев, Петр Анохин и Рахим Мирзаев бросились на офицера и оттолкнули его в сторону. И тут же все наши начали просто орать на интенданта. На помощь офицеру бросились трое солдат, размахивая штыками. К счастью, в это время недалеко оказался полковник – заместитель командира запасного танкового полка, дислоцированного в военном городке, и одновременно содержатель нашего лагеря. Услышав громкие крики и ругань, полковник и сопровождающие его лица поспешили к складу. Разобравшись в причине конфликта, полковник распорядился немедленно отпустить нас и отправить обратно на котлован.

Естественно, случившееся на складе стало сразу известно нашему фельдфебелю. После ужина он вызвал меня и всех, кто спасал меня от офицера. К удивлению, фельдфебель одобрил наши действия, сказав, что мы проявили себя как настоящие солдаты – патриоты своей Родины. Однако в душе фельдфебеля всё же таились опасения за возможные неприятные последствия этого инцидента, потому что через какое-то время фельдфебель избавился от Сергея, Толи и Рахима, а также от некоторых других.

Через несколько дней Иван Пик, часто шнырявший по территории военного городка с целью что-либо стащить в казармах или в квартирах, проходя мимо бывшего склада оружия, заметил, что солдаты под командованием того же интенданта затаскивают в помещение с грузовиков какие-то

ящики и мешки. Иван установил, что в них продукты питания, курево и спиртное, которые немцы, отступая, вывезли из Италии, Франции и других стран.

Иван сообщил об увиденном членам своего «колхоза» Лёше Маляру, Саше Зинченко, Виктору Чайкину, а также членам другого «колхоза» Сергею Кулешову и Толе Гудовичеву. Все решили, что надо понаблюдать за складом и в подходящее время проникнуть туда, вскрыв дверной замок.

Однако «операцию» мы провели совсем по-другому. Иван Харченко обнаружил на складе небольшое чуть-чуть приоткрытое внутрь вентиляционное окно. Когда наш мастер Диттрих и часовой куда-то отлучились, оставив пленных одних под мою ответственность, наша компания отправилась как бы в туалет, по одному, по два человека, и собралась у склада, который никем не охранялся. Однако окно оказалось настолько узким, что проникнуть через него мог только я, да и то без одежды. Откуда-то притащили чурбак, и высокий ростом Лёша Маляр подсадил меня к окошку. Я схватился за край проема руками и с трудом, повернувшись на бок, пропихнулся в помещение, упав на стоявшие у стены ящики. Затем я выбрал несколько ящиков и коробок, которые могли пройти через окно. Затем товарищи бросили мне молоток и клещи, и я открыл ими три больших ящика, достав оттуда несколько банок и бутылок. Конечно, я очень волновался, зная, что если попадусь, то мне грозит расстрел.

Пока я находился внутри склада, товарищи уносили и прятали нашу добычу во временном тайнике. Потом в течение нескольких дней продукты тайком перенесли в Цшорнау. Поскольку никто не видел воров, то кладовщик не стал сообщать начальству о краже, вероятно, испугавшись взыскания за свою непредусмотрительность. Но в тот же день я и Маляр признались фельдфебелю в нашей «организационной», как он выражался, работе, не назвав, однако, других исполнителей. При этом мы преподнесли фельдфебелю бутылочку коньяка и коробку сигар, чем он остался очень доволен. Кроме того, в последующие дни, когда наши пленные возвращались с работы в лагерь, фельдфебель не стал их обыскивать.

Радость от удачного налёта на продовольственный склад на следующий день лично для меня омрачилась тем, что в одном из последних номеров газеты я наткнулся на сообщение, что в результате англо-американской бомбардировки в Бухенвальде погибли лидер Коммунистической партии Германии Тельман и ведущий функционер социал-демократической партии Брайтшайд. Но через десять дней до нас

дошла радостная весть: попавшийся нам навстречу французский пленный, подняв для приветствия правую руку с зажатым кулаком, сообщил, что столица Франции Париж освобождена от оккупантов.

После этой радостной вести не прошло и трех дней, как в нашем лагере случился побег. Когда, окончив рабочий день, мы выстроились, чтобы вернуться в Цшорнау, наши конвоиры не досчитались трех человек. Отсутствовавшими оказались бывший старший уборщик в лагере Сергей Селезнев, Николай Николаенко и его близкий друг Николай Давиденков. Стало ясно, что ребята убежали.

Естественно, фельдфебель пришел в бешенство и заявил, что оба конвоира за допущенный побег будут уволены со службы в лагере и отправлены на фронт. Досталось и мне как старшему рабочей команды. Но я высказал предположение, что беглецы, возможно, скоро возвратятся, и это несколько успокоило коменданта. Фельдфебель сказал, что беглецы далеко не уйдут, а когда их поймают, то они будут расстреляны или направлены в один из штрафных лагерей.

…Вероятно, в связи с побегом пленных в лагерь приехал старший инспектор, имевший звание капитана. Вечером перед отходом ко сну они зашли к нам в казарму и сообщили, что беглецы пойманы и направлены в штрафной лагерь. А утром фельдфебель и для этого капитана устроил «спектакль» с моим докладом. Вероятно, это тоже помогло фельдфебелю избежать наказали за допущенный побег. Его оставили на занимаемой должности. Но после посещения лагеря инспекторами обоих часовых куда-то от нас забрали.

Спустя много лет после войны мне довелось узнать о судьбе беглецов. Во время служебной командировки я встретил в г. Калинин Селезнева, и вот что он рассказал. В день побега они спрятались в подвале одной из дальних казарм в военном городке, а ночью вышли из укрытия и двинулись в путь. У них было намерение пробраться в Словакию. Днями отсыпались и отсиживались, а ночами двигались, ориентируясь по Полярной звезде. Ночью добывали себе питание, в основном картофель, во дворах и на полях местных крестьян. Однажды ночью, проникнув через незапертую дверь на кухню в дом какого-то крестьянина, они забрали со стола почти целую буханку хлеба. Утром хозяин поднял тревогу, и несколько местных мальчиков из гитлерюгенда пошли с овчарками по следу беглецов и обнаружили их в лесу за варкой картофеля. Затем из местной жандармерии беглецов отвели в ближайший лагерь военнопленных в Хонштайне, а затем отправили в небольшой

штрафной лагерь в Судетской области Чехословакии, где 9 мая 1945 года их освободила Красная армия.

Одним из новых часовых стал житель Каменца, где раньше он работал преподавателем привилегированной местной школы. Это послужило для пленных поводом дать ему прозвище Интеллигент. И действительно, этот часовой был исключительно хорошим человеком – всегда спокойным, вежливым, аккуратным, очень эрудированным и добрым. Даже фельдфебель, со всеми грубый, не повышал на него голос. Таким же, как он сам, была и его супруга, часто навещавшая мужа во время несения им службы. Оказалось, они потеряли на фронте единственного сына.

…Погода в сентябре 1944 года почти не отличалась от летней. В связи с этим фельдфебель дал нам возможность ночевать вне помещения, чтобы в это время уничтожить в казарме клопов, которые не давали никому нормально спать. Против них решили применить боевое отравляющее вещество – газ хлорпикрин. Мы вынесли из казармы все свои личные вещи и сложили их в окопы в огороде. Затем в казарме плотно заклеили полосками бумаги щели в окнах и между полом и дверьми. Часовые Вилли Нииндорф и Николай Билк, надев противогазы, разместили в помещении шашки с хлорпикрином, раскрыли их и быстро выскочили наружу.

Итак, оказавшись вне казармы, мы от нечего делать занялись кто чем может. А Шамота, «братья» Омельченко, Можухин, Саша Зинченко, Русличенко и еще кое-кто, включая и меня, стали петь старинные русские и украинские и современные советские песни. Услышав пение, начали собираться слушатели – жители деревни, русские и украинские девушки, поляки. Иногда они подпевали нам. Фельдфебель с Эрикой и часовые, не находившиеся на дежурстве, присоединились к слушателям.

Обедать, ужинать и ночевать нам пришлось сидя в окопах. Хорошо, что не было дождя. Вечером, на следующий день, когда все вернулись с работы, Нииндорф и Билк, снова надев противогазы, вошли в казарму и проветрили помещение, пленные вымели с нар и с пола кучи погибших клопов. Их набралось чуть ли не целое ведро, которое отдали хозяйке для кур. И так мы наконец освободились от клопов!

…На станции поздним летом и ранней осенью, как и в прошлом году, мы часто «пикировали» на большое картофельное поле и нередко на рабочем месте пекли на костре или варили в ведре картофель. Ни хозяин картофельного поля, ни часовые к нам почти не придирались, а часовые иногда ели картофель вместе с нами.

Однажды на станцию привезли на двух грузовиках

под конвоем около 20-ти женщин, одетых в одинаковые тюремные кофты и юбки. Наш часовой разговорился с их конвоиром и узнал, что эти женщины почти все немки, которых посадили в концлагерь за какие-то провинности. Но среди них были также отдельные чешки и венгерки. Оказалось, арестанток прислали для выполнения погрузочных работ.

Мы увидели, что эти женщины очень истощены и голодны. Поэтому мы решили отделить от своей порции по две картофелины и отнести их в ведре этим женщинам. Чтобы охраняющий часовой этому не воспрепятствовал, мы поставили ведро в… нашу выгребную уборную, находившуюся возле железнодорожной колеи. После этого Иван Пик подошёл к женщинам и жестами дал им понять, что им надо забрать там ведро и потом вернуть его пустым на то же место. Женщины его сразу поняли и позже тайком зацеловали Ивана так, что он еще долго ходил гордым и счастливым. В дальнейшем Иван не раз приносил этим женщинам картошку, которую мы «организовывали» непосредственно на картофельном поле. Кое-кто из нас отдавал женщинам и свой суп в котелке.

В какой-то из осенних дней меня с тремя товарищами послали на железнодорожный вокзал, чтобы выгрузить из товарного вагона мешки с пшеницей и доставить их на чердак двухэтажного дома возле Бастионной башни, где раньше мы перелопачивали зерно. Пока мы работали, нас увидели девушки, недавно поселенные на втором этаже. Это были наши соотечественницы. Оказалось, немцы их угнали, отступая из Белоруссии. С разрешения мастеров мы зашли в помещение, заставленное двух– и трехъярусными нарами. Усадив нас на стульях, девушки рассказали о себе. В скором времени их должны были распределить на работу в городе и у крестьян. Пока пищевое довольствие они получали от суконной фабрики, где кое-кто уже начал работать. Никаких часовых, как у военнопленных, у них не было, распоряжалось ими цивильное немецкое начальство. Затем девушки поинтересовались, что нам известно о положении на фронте и скоро ли кончится война. На эту тему я им устроил небольшую лекцию.

В конце сентября нам пришлось выгружать на вокзале 50-килограммовые мешки с горохом, чечевицей, пшеницей и сахарным песком. Вынося мешки из вагона, мы складывали их в кузов грузовика и длинный прицеп, затем, сидя на них, ехали на склад. По дороге нам доставляло большое удовольствие как бы нечаянно сбрасывать на дорогу один-два мешка. Мешок, как правило, лопался, и его содержимое оказывалось на дороге.

Увидев это, ребятишки и женщины выскакивали из домов и начинали собирать руками и щетками зерно, горох и даже россыпи сахарного песка. Нам было и забавно и радостно, что своим рискованным поступком мы обеспечивали полуголодных жителей города таким набором продуктов.

Такие мешки мы обычно поднимали на чердаки трех-пятиэтажных казарм вдвоем – один взваливал его на спину, а другой поддерживал сзади. Но когда конвоира не было рядом, кое-кто поднимал мешок и без помощника. Я тоже однажды решил проверить, на что я способен, и пронёс мешок с сахарным песком до пятого этажа.

Обычно мы скрывали от хозяев свои возможности и говорили им, что слабосильны из-за плохого питания. Конечно, мы не упускали случая, чтобы подкормиться. Как-то мы разгружали прибывший из Венгрии вагон с мармеладом, упакованным в ящики. Несколько таких ящиков мы разбили, и каждый доставал оттуда мармелад и ел его горстями. Вместе с нами лакомились часовой и два мастера.

Разумеется, при всех таких выгрузках мы не возвращались в лагерь без продуктов, помещенных в карманы и даже в штанины брюк, но встречавший своих подопечных фельдфебель редко обыскивал нас, хотя знал, что мы возвращаемся далеко не с пустыми руками. Но так бывало лишь тогда, когда никто из пленных не попадался до возвращения в лагерь.

Глава V

В первые дни октября я вычитал в газете, что в связи с тяжелым положением на фронтах и усилением бомбардировки немецких городов авиацией противника в Германии создаются отряды «фольксштурм» – войсковые соединения типа нашего Народного ополчения. В них стали зачислять фактически не пригодных для несения военной службы граждан в возрасте от 16 до 60 лет. Многих из них начали спешно обучать элементарным приёмам ведения боя, вооружая, в частности, только что появившимися противотанковыми фаустпатронами – ручными гранатометами. В лагерях фольксштурмовцы стали заменять относительно молодых и здоровых охранников. Так, к нам вместо Куле и другого конвоира лет 40, прислали двух стариков с фамилиями Höcht (Хёхт) и Rachel (Рахель) – жителей близлежащих деревень.

С октября увеличился поток беженцев из прифронтовых областей, особенно восточных. Это были главным образом старики, женщины и дети. Небольшими группами они проезжали

на повозках или проходили через Цшорнау. Как-то в воскресенье я спросил одного из них, откуда они. И он по-немецки, но с неизвестным мне акцентом ответил, что из Трансильвании, куда более месяца назад вступили русские войска, которые дошли до Будапешта.

Множество беженцев появлялось в Каменце и его округе из западной части Германии, а также из крупных городов поблизости, подвергавшихся бомбардировкам англо-американскими самолётами. Но Каменц они ни разу не бомбили. В город эвакуировали с запада также некоторые предприятия[12].

Положение на фронтах беспокоило и нашего фельдфебеля. В один из вечеров он затеял с нами беседу, интересуясь, что мы думаем о сроках окончания войны и о том, кто в ней окажется победителем. Как и год назад, я выразил уверенность, что война скоро завершится и окончится победой Советского Союза и его союзников.

На следующий день вечером фельдфебель вызвал меня в свою комнату и показал, что лежит у него на столе. На нем оказалась советская сторублевая банкнота с портретом В. И. Ленина. «Что ты думаешь по этому поводу?» – спросил он. Я не знал, что ответить. Тогда он сказал: «Дело в том, что с начала 20-х годов и до 1937 года я был членом Коммунистической партии Германии, а потом разочаровался в ней и стал сторонником Национал-социалистической немецкой рабочей партии, но и она не оправдала моих ожиданий». После этих слов фельдфебель помолчал и отпустил меня в казарму. Я тут же рассказал наиболее близким мне товарищам о разговоре с фельдфебелем, чем очень их удивил.

День после праздника Великого Октября омрачился крайне неприятным для нас событием на товарной станции. С утра мы занимались там погрузкой бараков, а после обеда солдаты подвезли на грузовиках с прицепами противотанковые орудия и минометы. Офицер, сопровождавший груз, переговорил с нашим прорабом, а тот с часовым, после чего Штайнорт приказал нам срочно переключиться на погрузку орудий и минометов. Имея уже опыт выхода из такой ситуации, я объяснил Штайнорту, что военнопленные не обязаны выполнять работы, имеющие непосредственное отношение к войне против своих соотечественников.

Естественно, прораб пришёл в ярость и хотел ударить меня кулаком по лицу, но я успел уклониться. Тогда Штайнорт попросил офицера помочь ему заставить пленных повиноваться. Тот позвал своих солдат, и человек семь из них, схватив обломки досок, стали избивать нас ими. Мы стали крыть немцев матом,

но старались не применять к ним физическую силу. А Штайнорт тем временем побежал в пакгауз позвонить фельдфебелю. Конечно, шум привлёк внимание прохожих, которые останавливались и наблюдали за происходившим. Тогда солдаты сами начали переносить военный груз.

Примерно через полчаса на велосипеде появился фельдфебель, одетый в шинель и с винтовкой без штыка. Со свирепым видом и грубой руганью он подбежал ко мне, ткнул меня прикладом, потом побежал дальше и всех, кто попался под руку, бил прикладом.

Многие из пленные молча принялись за разгрузку грузовиков и прицепов, выпросив сначала у солдат дать покурить, выполнили крайне нежелательную для себя работу. Сверх положенного времени мы задержались на час и закончили погрузку обоих бараков.

Однако в Цшорнау нас ожидал «сюрприз». Фельдфебель собрал там группу местных жителей и ребятишек, нас не пустил в казарму. Я подошёл к фельдфебелю, чтобы выслушать его указания. Но не тут-то было: он загнал меня обратно в колонну и заявил, что я буду подвергнут вместе со всеми наказанию за допущенную провинность: «Будешь, как и все, бегать по лугу!» Под команды фельдфебеля «Ложись!», «Вставай!» мы промучились около получаса, зато «зрители» убедились, что фельдфебель не прощает пленным провинностей.

Как бы заглаживая свою жестокость, фельдфебель на следующий день отправил работать на «хорошие» места тех ребят, которых он бил прикладом. Через пару дней и я оказался «вознагражденным»: вместе с товарищами фельдфебель отправил меня на работу в старинный квартал Каменца к богатой и бездетной чете, владевшей большим двухэтажным домом с обширным подвалом и с магазином на первом этаже. Командовала работой молодая красивая и стройная супруга хозяина, лет на 25 моложе его. Мы должны были на большой машине шинковать кочаны капусты. Кочаны резались ножами на тонкие полоски, затем нашинкованную массу складывали в большой чан, солили и добавляли еще морковь, нарезанную аналогичным образом.

Хозяйка сначала подробно объяснила, как работать, и ушла торговать в магазин. Потом она периодически появлялась и контролировала нас, давала указания. В обед она неплохо покормила нас супом, гуляшом и компотом, правда, без хлеба. Но когда мы остались одни, то заметили, что в этом подвале на полках хранится горизонтально множество бутылок с разнообразными, преимущественно сухими винами.

В последующие дни, улучив подходящий момент, мы заглядывали в эту секцию подвала и распивали вино прямо из горлышка. Но поскольку вина были слабыми, т. е. с низким содержанием алкоголя, то мы не пьянели и не забывали даже прихватывать и для фельдфебеля по бутылке вина, чем он был очень доволен.

В ноябре, когда всем уже стало ясно, что нацисты проиграли войну, в столице оккупированной Чехословакии Праге состоялся учредительный съезд Комитета освобождения народов России (КОНР). Одним из главных организаторов и руководителей этого антисоветского Комитета был генерал-лейтенант Власов. Работу съезда транслировали по радио по всей Германии и даже за её пределами.

В тот пасмурный, но еще не холодный день после завтрака нас вместо того, чтобы направить на работу, привели к дому Микклихов и рассадили всех на траве. Из репродуктора, укрепленного на доме, послышалась русская речь. Все стали внимательно слушать эту трансляцию. Каждый выступивший на съезде призывал россиян «объединиться против сталинской тирании» и активно поддерживать германские вооруженные силы. Ядром объединения должна была стать созданная в 1942 году РОА, которой предстояло стать воюющей силой под командованием генерала Власова. Участники съезда приняли манифест, провозглашавший «освобождение народов России от большевистской системы, прекращение войны, заключение почетного мира с Германией и создание свободной народной государственности без большевиков и эксплуататоров».

Когда фельдфебель привел нас строем обратно в лагерь, он обратился ко всем с вопросом: «Ну, кто из вас хочет добровольно записаться в Русскую освободительную армию»? Последовала короткая пауза. И вдруг, к полной неожиданности фельдфебеля и большинства товарищей, двое тихо вышли из строя – всеми уважаемый Можухин, мастер по изготовлению баянов, и Жигалов, поступивший в лагерь вместе с Можухиным. Обоих добровольцев по распоряжению фельдфебеля сразу увели в караульное помещение, по-видимому, опасаясь, что в казарме товарищи с ними расправятся как с предателями Родины.

На следующий день Можухина и Жигалова отвезли в Гроссрёрсдорф, где с ними пообщались представители РОА. Но в ряды РОА зачислили только Жигалова, а Можухина забраковали по возрасту и здоровью. Так что Можухину пришлось вернуться в лагерь, где с ним почти никто больше не разговаривал и даже часовые сторонились его.

Чувствуя, что во время работы пленные могут что-нибудь сделать с Можухиным, фельдфебель стал оставлять его в лагере,

где он помогал поварам, сапожникам и уборщику. Примерно через неделю Можухин подошёл ко мне и стал упрашивать, чтобы я поговорил с фельдфебелем относительно возможности изготовить баян. Можухин хотел поработать несколько дней в мастерской, чтобы изготовить недостающие детали. Мне стало жалко старика, и я выполнил его просьбу, а фельдфебель на этот раз пошел ему навстречу. К февралю 1945 года он всё-таки смастерил баян и стал часто играть на нём различные мелодии. Казалось, Можухин вернул себе уважение товарищей. Однако при освобождении из плена Можухина кто-то выдал Особому отделу.

В середине ноября фельдфебель снова отправил меня работать к цветоводу Освальду Хёне в Цшорнау. Освальд сразу познакомил меня с молодой работницей Катей, привезенной к нему из Белоруссии. От Кати я узнал, что она недовольна хозяином, так как он, будучи бедным, не мог хорошо кормить и одевать её. Жила Катя не в доме, а в одном из углов теплицы. Кроме того, молодой хозяин приставал к ней, пользуясь тем, что его супруга практически не вставала с постели. Занимались мы с Катей в основном подготовкой теплиц и парников к зимовке, а также выращиванием цветов зимних сортов, их упаковкой для транспортировки и реализации.

…Рассказы беженцев, а также газетные публикации, свидетельствовали, что дела у вермахта очень плохи. Мы чувствовали, что находиться в плену нам осталось совсем немного. Однако, в основном из-за наступающей зимы, никто из нас не помышлял о побеге из плена, чтобы пополнить ряды сражающихся против Германии.

Наступил декабрь, и работы для нашей лагерной команды стало меньше. Да и питание было терпимым, благодаря усилиям фельдфебеля. Он где-то приобрел выбракованных лошадей, которых у нас «превратили в мясо». К тому же фельдфебель продолжал получать от крестьян и других лиц, к которым отправлял нас работать, дополнительные продукты для себя, солдат охраны и пленных. Так что с комендантом лагеря, который хотя и был очень суров, нам все же повезло. Не знаю, остались ли бы мы живыми, если бы попали в другой лагерь.

…К середине декабря, когда немецкому командованию удалось улучшить положение на Западном фронте и закрепиться в Северной Италии, настроение у немцев в тылу поднялось, многие стали заносчивыми, а главный прораб Штайнорт начал обращаться с нами еще более грубо и угрожал расправиться со мной. Не знаю, что бы он сделал, но вдруг под Новый, 1945 год я оказался в госпитале из-за острой боли, связанной

с воспалением мочевого канала.

После первичного обследования я отнёс выданное мне направление в госпиталь к фельдфебелю. Он сразу задал мне вопрос: «Какую же девицу ты оседлал тайком от меня, кто же тебя наградил такой заразой?» Я, как и в медсанчасти, попытался объяснить фельдфебелю, что ничего подобного не было, но он мне не поверил. Отправляя меня в госпиталь, фельдфебель сказал, что будет с нетерпением ждать моего возвращения, а назначит переводчиком Сашу Зинченко.

Утром в сопровождении конвоира Рахеля я отправился пешком до Кёнигсварты. Погода была снежной, с небольшим морозом. Мы прошли через две украшенные рождественскими ёлками деревни – Дойчбазелитц и Писковитц. Последняя была не немецкой, а сорбской, с множеством изваяний Христа перед домами. В ней мы зашли к знакомым Рахеля, где хозяйка и её дочь накормили нас неплохим обедом.

К вечеру, когда уже почти совсем стемнело, мы добрались до расположенного перед Кёнигсвартой госпиталя, где Рахель сдал меня администрации и ушёл. Меня устроили в теплой палате, где на одноярусных металлических койках с чистым бельём разместились 10 больных. На следующий день врач сообщил мне, что в этом госпитале нет лаборатории, позволяющей точно определить мою болезнь, в связи с чем меня направляют в госпиталь в Шморкау. В Шморкау палата оказалась холодной. Место мне дали на верхнем ложе двухъярусных деревянных нар. Больных было мало. От соседа я узнал, что в госпитале с лета 1943 года, когда я в нем находился, многое изменилось: гестаповцы арестовали группу врачей во главе с Соколовым. Всех их отправили в концлагерь.

Оказалось, что медики организовали в госпитале подпольный центр, который вел работу с военнопленными в поддержку воюющей Красной армии, осуществлял разведывательную деятельность, а также помогал укрывать убегающих из плена людей.

…По случаю наступления Нового года никто из начальства нас не поздравил. Было холодно, грязно и, главное, хотелось есть. Еще хуже – на нижнем белье появились вши, а сменного белья не имелось. Я промучился всю предновогоднюю ночь. Утром один из больных обратился ко мне со странным предложением: «Слушай, на тебе мундир английского офицера, а на мне его брюки. Давай сделаем обмен: ты отдаешь мне мундир, а я тебе – большой кусок нового французского сукна цвета хаки. “Дома” сошьешь себе мундир советского офицера». Я решил, что Саша Морозов может сшить для меня абсолютно всё, и согласился.

4 января 1945 года меня выписали из госпиталя. Фельдфебель подробно расспросил, что со мной было, и возмутился, не увидев на мне казенного мундира. Пришлось соврать, что он порвался, а я купил кусок хорошего сукна и прошу указания фельдфебеля сшить мне новый. Он согласился. Повара нагрели для меня воду, я помылся и надел свежее бельё. Затем ребята угостили меня ужином, и всё в жизни пошло по-старому.

…Произошло изменение и в доме нашей хозяйки Марии Шольце. Её работница – немка «Дурочка» – вдруг забеременела – и её куда-то отправили. Ребята говорили, что в этом «виноват» наш вездесущий Лёня Маляр. Вместо неё прислали аппетитную хохлушку Галю, с которой раньше «водил любовь» пленный француз из Каменца, в первое время упорно появлявшийся возле нашего двора. Но вскоре Галя стала уделять особое внимание мне: первой здоровалась и пыталась вступить в разговор через проволочную ограду во дворе. А я, смущаясь, отмалчивался.

Между тем Саша Морозов сшил мне новый мундир (китель) со стоячим воротником. Но так как моего материала для этого не совсем хватило, мундир вышел укороченным – в виде ветровки, застегивающейся у пояса. Пуговицы на мундире пришили красноармейские, с пятиконечной звездой, серпом и молотом. Такие же две пуговицы, как бы оставшиеся от погон, Саша пришил на плечах мундира.

Затем у пленного ленинградца Максима Громова я выпросил хранившиеся у него (на всякий случай) изношенные темно-фиолетовые кавалерийские брюки – полугалифе с большими дырками на коленях. Но Саша пришил на них и между брючинами куски брезента, напоминавшие леи кавалериста. Затем он сшил из моих широченных брюк-клёш и кусочка черной ткани артиллерийскую фуражку с черным околышем, а кубанку я отдал Ване Трошкову. Теперь не хватало сапог, но Саша нашёл у своего хозяина портного Вайдлиха пару голенищ черного цвета и принёс их мне. Я надевал эти голенища поверх ботинок, так что со стороны казалось, будто ношу высокие хромовые сапоги. Таким образом, моя одежда стала походить на униформу советского офицера – то ли артиллериста, то ли кавалериста. Однако, чтобы было ясно, что я военнопленный, я аккуратно нарисовал на левой стороне мундира над грудью и сзади красной масляной краской небольшие буквы «SU», означавшие мою принадлежность к Советскому Союзу. Моя новая форма понравилась всем нашим девушкам в деревне и даже фельдфебелю.

…Почти до середины января немецкие газеты и власовская

газета «Заря» публиковали хвалебные статьи по поводу успешных действий вермахта на западном фронте. Но вскоре на Восточном фронте Красная армия начала победоносное наступление и перешла границу Германии. Естественно, что в связи с продвижением Красной армии поток беженцев усилился. Немцы стали гнать в глубокий тыл также и военнопленных. Так, в один из первых дней февраля к нам в Цшорнау для ночевки пригнали с востока – со стороны Кёнигсварты колонну советских военнопленных… офицеров, пребывавших раньше в лагере Офлаг в Польше. В этой колонне, сопровождаемой тремя конвоирами, было около 60 человек. Встречать её вышел комендант лагеря фельдфебель Хебештрайт, захвативший меня с собой в качестве переводчика, а затем поручивший мне сопровождать пленных. Со словами «Прошу вперед во двор!», я раскрыл ворота. Когда колонна вошла, я скомандовал: «Стой!» Колонна остановилась. Затем вместе с фельдфебелем и конвоирами я вошел во двор, закрыл ворота и громко произнёс: «Налево!», после чего колонна развернулась ко мне… спиной. Пришлось немедленно исправиться, скомандовал: «Кругом!»

Фельдфебель обратился к прибывшим с речью. Он сказал, что приветствует господ русских офицеров и просит их организованно войти по одному в здание лагеря, где многим из них, к сожалению, из-за отсутствия свободных нар придётся ночевать вдвоём на одном ложе с его хозяином. Фельдфебель пообещал срочно организовал выдачу прибывшим большую порцию супа, который специально для них приготовили наши повара.

Среди прибывших были как пожилые и очень солидные люди, перед которыми хотелось встать навытяжку (наверное, они имели звание не менее майора), так и молодые в звании лейтенанта или младшего лейтенанта. Они поднялись по крутой лестнице в нашу казарму, и некоторых из них, сильно ослабших, пришлось при этом поддерживать.

Наши ребята встретили офицеров очень хорошо: разобрали их по своим нарам, стали расспрашивать и угощать едой и куревом. Повара принесли в баках густой суп, а мы варили на печке в больших тазах кашу из размолотой пшеницы. Все офицеры оказались страшно голодными, так как жили в Офлаге на мизерном пайке и не имели возможности «организовать» себе дополнительную еду. Кое-кто из них сожалел, что во время регистрации не сообразил записаться рядовым, но многие принципиально не отказались от своего звания.

Утром повара снова накормили офицеров супом, и они, выстроившись во дворе, отправились под конвоем в сторону

Каменца. Я долго смотрел вслед удалявшейся колонне, вытянувшись по стойке «смирно» и отдавая офицерам честь. В этот день на работу мы направились значительно позже, чем в обычные дни, так как поварам пришлось потратить много времени для приготовления супа «гостям».

В начале января печать и радио Германии с восторгом известили, что «специальное подразделение начало наносить по Англии, особенно по Лондону, удары возмездия ракетами Фау-2, заменившими беспилотные самолеты Фау-1». Эти ракеты должны были обеспечить верную победу над врагом. Но в ответ английские и американские самолёты стали осуществлять главным образом «ковровые» бомбардировки немецких городов, вместо точечных. Центр Берлина был практически разрушен.

Но нам, военнопленным, находившимся в Цшорнау и Каменце, расположенных в 30–35 км северо-восточнее Дрездена, одного из самых красивых городов Германии, пришлось быть свидетелем, как этот город ночью 13 и днем 14 февраля авиация союзников фактически стерла с лица земли. Англичане бомбили город ночью дважды, оба раза по часу, а днем – 10 минут – американцы.

В ночь на 13 февраля мы были разбужены воем пролетавших над Цшорнау самолетов и ревом сигнала воздушной тревоги. Часовые выгнали нас в окопы, где мы просидели до рассвета. 15 февраля фельдфебель Хебештрайт попросил, чтобы я выбрал из пленных 20 человек наиболее крепких товарищей, согласных поехать с ним и конвоиром в Дрезден для выполнения там очень тяжелых работ. Желающих поехать набралось даже в избытке.

В кузове мы разместились на скамейках, под ними имелись ломы, топоры, кувалды, кирки, лопаты и другой инструмент, а также рабочие рукавицы. Через час все грузовики прибыли на место, где еще позавчера был центр прекрасного города. Мы увидели одни руины, из-под которых еще шел дым и поднимался запах гари и крови. В завалах копошились спасатели, извлекавшие трупы женщин, детей, стариков и даже военных. Наши машины, с трудом переехавшие один из уцелевших, но сильно поврежденных бомбами мостов через Эльбу, направили к Главному железнодорожному вокзалу. От него тоже остались лишь огромные кучи кирпича, бетона, битого стекла, куски листового железа, развороченные фермы и балки, железнодорожные рельсы, фрагменты вагонов и другие обломки. Что-то еще продолжало гореть, и пожарные пытались тушить огонь. Было много копоти и очень пыльно. Царило зловоние.

Главная работа спасателей заключалась в извлечении из руин

и завалов уже мертвых или чудом уцелевших людей. Мертвых клали на землю рядами, извлекали из карманов документы, деньги, драгоценности. Специальная команда увозила трупы за город, где их хоронили в братских могилах или укладывали друг на друга штабелями вперемежку со слоями дров и сжигали.

Получилось так, что накануне бомбёжки на вокзалах Дрездена, и особенно на Главном, собралось огромное количество беженцев из восточных районов Германии. Они ожидали дальнейшей эвакуации в глубь страны или в Чехию. Именно они стали наиболее многочисленными жертвами бомбардировки. Мы трудились вместе со спасателями. Конечно, работа была ужасной, от всего увиденного меня едва не вырвало.

Во время работы мы часто находили мешки и с продуктами и иногда прятали съедобное по своим карманам. Особенно строго немцы следили за тем, чтобы мы не украли драгоценности, деньги и документы.

После обеда нам удалось откопать двух живых, но сильно израненных старика и мальчика, которых медицинские работники, сделав им какой-то укол, быстро увезли на автомашине скорой помощи.

На такой работе мы пробыли три дня. Рядом с вокзалом какие-то другие пленные разбирали завалы большого дома и один молодой пленный обнаружил еще живого немецкого майора, однако он не стал его спасать, а добил, ударив ломом по голове. Но никто из нас не упрекнул убийцу за жестокость – согласно нашему воинскому уставу, не полагалось иметь жалость по отношению к врагам. О подобных случаях при спасательных работах я слышал не раз, хотя в такой ситуации жестокость все же была неуместной.

В феврале к нам опять пригнали военнопленных из других лагерей, расположенных значительно восточнее нашего. Естественно, в казарме не хватило нар для вновь прибывших, поэтому им пришлось несколько ночей спать на полу в разных помещениях и по два человека на одном ложе. Но такое положение оставалось недолго: фельдфебелю поступало множество «заявок» от местных крестьян, желавших получить в качестве работников к весеннему севу «хороших» пленных. В последние дни февраля фельдфебель отослал из Цшорнау к крестьянам группу из 15 товарищей, которые стали жить и работать у хозяев совершенно свободно – только под их контролем и ответственностью. В результате в казарме опять стало достаточно места, но я лишился лучших друзей: одного из основных «добытчиков» дополнительного питания – Лёши Маляра, Виктора Чайкина и Андрея Дмитриевича Шныкина.

В деревню Дойчбазелитц попал молодой украинец Николай Скотний, судьба которого оказалась очень трагичной. Дело в том, что когда в конце апреля эту деревню заняли наши войска и несколько красноармейцев, заметив у хозяина Скотнего дочь лет 18, собрались её изнасиловать. Но Николай попытался защитить девушку. За это насильники расстреляли его. Хозяин похоронил Колю во дворе, а потом перезахоронил на местном кладбище.

Аналогичная судьба оказалась и у Станислава (Стано), польского работника нашей хозяйки Марии Шольце. В те же дни апреля, когда нас там уже не было, вступили в деревню красноармейцы. Они решили забрать у хозяйки обеих лошадей, и Стано оказал этому сопротивление, за что был немедленно расстрелян.

…В последние февральские дни из членов моего «колхоза» основными «организаторами» дополнительных продуктов питания остались лишь Андрей Маркин и Василий Серегин, работавшие с мастером Фридрихом на городской канализационной станции. На её территории, которую из немецкого начальства редко кто посещал, они летом устроили маленький огород и даже соорудили парники для выращивания табака, лука и овощей. Кроме того, со своим мастером они занимались реализацией удобрений из фекалий за спирт и продукты питания. Значительную часть этих продуктов и овощей они приносили в лагерь для своего «колхоза». В первые дни марта Андрей с Василием завершили сооружение на станции небольшого бункера, в котором рассчитывали отсидеться, убежав из лагеря, и дождаться прихода наших войск.

В первое воскресенье марта Иван Соколов, служивший в Цшорнау у местного крестьянина, и Николай Харитонов, работавший там подручным у кузнеца, задумали сделать для меня нечто приятное. Они упросили Николая Билка отпустить меня пообедать вместе с ними у их хозяев. Сначала у хозяина Ивана мы хорошо пообедали с принятием самогона, а затем вместо того, чтобы посетить кузнеца, Иван повёл меня в дом Лоренца, где жила Тамара Фомичёва, а к ней пришла сильно влюбленная в меня Дуся. С нами сели за стол и две дочери хозяев обоих дворов, и хозяйка Тамары. Опять пошло гулянье, но на этот раз с неплохими винами и закуской. Я окончательно запьянел, целовал в щеки то Тамару, то Дусю.

Иван с большим запозданием привёл меня обратно в лагерь, где нас давно ждал встревоженный Билк. Я прилёг было на нарах, однако заснуть не мог и вышел во двор. Ярко светило солнце, было тепло. В это время из дома хозяйки вышла Галя, которая

поманила меня рукой. И тут чёрт меня, хмельного, дёрнул – я взобрался по столбу двухметровой высоты на ограду из колючей проволоки и спрыгнул во двор к Гале. Непонятно, как я при этом не порвал одежду колючей проволокой! Галя немедля потянула меня в сарай и повалила там на солому. Однако в сарай внезапно вошла хозяйка Мария Шольце и позвала Галю, а мне пришлось возвратиться в лагерь.

К вечеру того же дня о моём поступке с преодолением высокой ограды и посещением сарая стало известно не только моим товарищам по лагерю, но и, наверное, всем жителям деревни. Естественно, сразу узнал об этом и фельдфебель. Утром он вывел из строя в качестве переводчика не меня, а Сашу Зинченко, и громко объявил, что я вчера совершил попытку побега из лагеря через ограду и напал на женщину, за что буду сурово наказан, то есть лишен привилегированного обмундирования, переодет в обычную одежду военнопленного и, главное, немедленно отправлен в штрафной лагерь.

Товарищи ушли на работу, а фельдфебель завёл меня в караульное помещение, в котором в это время находились охранники и Эрика. Он приказал мне снять обмундирование, и я молча стал раздеваться. Но вдруг Эрика закричала на фельдфебеля: «Зачем ты, Пауль, заставляешь это делать? Не может же Юрий уйти из лагеря без одежды! Ведь другой одежды всё равно нет!» И хитрый фельдфебель тут же сказал, что отменяет своё решение, уступая даме. Собрав свои вещи, я сказал фельдфебелю «Всего хорошего!» и отправился в неведомый путь. И почему-то никакого сожаления об оставленном лагере у меня не возникло. «Будь что будет! – подумал я. – Такова, наверное, моя судьба!»

Глава VI

Я надел за спину мешок с личными вещами, взял на руки шинель. Вилли, почему-то настроенный очень весело, повёл меня не в город по шоссе, как я ожидал, а к лесу. Я спросил: «Куда мы идём?» И он ответил: «Во всяком случае, не… в штрафной лагерь». Оказалось, меня отправили в Дёбру, к богатому местному крестьянину, чтобы я отработал у него за то, что фельдфебель, вероятно, с него что-то получил. Вилли продолжал объяснять мне, что о высылке в штрафной лагерь фельдфебель сказал для того, чтобы попугать пленных и сделать их более послушными. «Тебе не будет плохо в Дёбре», – сказал Вилли. Мой конвоир явно не торопился, шёл медленно и часто останавливался, чтобы посидеть и отдохнуть. Его, казалось,

совсем не беспокоило то, что в это время Красная армия воюет уже на территории Германии и что советские войска находятся не более чем в 200 километрах от данного места. На одной из остановок он вытащил пистолет и начал стрелять по птицам, как в прошлом году. Предложил пострелять и мне, но я отказался. При этом подумал: «Ведь я же могу застрелить его и убежать с оружием к своим». Но я знал, что перед линией фронта имеются сплошные заминированные участки и находятся приготовившиеся к жестоким боям многочисленные цепи немецких войск. И это удержало меня от реализации моего замысла.

Наконец мы оказались в сравнительно большой деревне и остановились у дома, на воротах которого висела начертанная на белом полотне большими черными буквами надпись: «Gott, segne die Verlobten (Бог, благослови обручённых!)» В доме за столом, заставленным разными яствами, с бутылкой вина сидели невеста в обычном платье и жених – офицер войск СС. Напротив них расположились очень пожилой хозяин, как оказалось, дедушка, и мать невесты, и о чём-то беседовали. Всех удивило, что я – русский пленный, одетый почти полностью в советскую военную форму, хорошо говорю по-немецки и поздравил молодых. Офицер сразу встал, налил в маленькую рюмку вина и предложил мне выпить за невесту и за него. Я не отказался. Дальше то же самое он проделал с Вилли.

После того как я положил шинель и мешок с вещами на указанное место, хозяин спросил: «Сможешь зарезать и разделать на мясо козу?» Я ответил утвердительно, так как в детстве с отцом и дедушкой Матвеем занимался таким делом, но не с козами, а с овцами.

Хозяина поразил мой подробный рассказ о том, как я буду этим заниматься. Но он всё же вызвал к себе одного старого деревенского жителя – специалиста по забивке свиней, а мне отвёл роль его помощника. С этим специалистом мы и «превратили в мясо» тощую козу, одиноко торчавшую в хлеву.

Неожиданно во дворе появился еще один работник – мой знакомый по лагерю Ваня Назаров. Мы обрадовались неожиданной встрече. Затем он распряг лошадь и загнал её в конюшню. Скоро нас обоих и старика, зарезавшего вместе со мной козу, позвали обедать. Нас посадили за стол на кухне и покормили хорошим мясным супом, картофелем в мундире и стаканом киселя.

После обеда меня и Ваню заставили подкатить повозку к выгребной уборной и закачать в бочку фекальную жижу с добавленной водой. Пока мы трудились, хозяин привез еще

одну бочку. На обеих лошадях мы отправились на знакомое для Вани поле хозяина, где разъехались в противоположные стороны и начали вносить удобрение. Для этого надо было открыть сзади бочки кран, из которого жижа попадала в прикрепленный к нему колпачок со множеством отверстий, Когда лошадь гнали по полю, она веером выливалась на землю, распространяя вокруг ужасную вонь.

Вечером после ужина у хозяина он привёл меня и Ваню в местный лагерь военнопленных. В караульном помещении он представил меня коменданту лагеря и сказал, что я у него хорошо поработал, и попросил утром опять направить меня с Ваней к нему.

В казарме мои новые знакомые отдали мне положенную на завтрак пайку хлеба с маргарином. Я рассказал им о лагере в Цшорнау и узнал, что здешние товарищи в основном работали в государственном и помещичьих хозяйствах.

На второй день хозяин позволил нам уйти с работы пораньше, и вечером Иван, лагерный переводчик, пригласил меня и Ваню Назарова в соседнее помещичье имение, где работали и проживали в общежитии русские и украинские девушки. Оба товарища раньше у них уже бывали. Я рассказал девушкам о себе, мы обсудили самую актуальную тогда тему – о близком окончании войны, «потрепались» о разных мелочах и к отбою вернулись в лагерь.

Наступил третий день моего пребывания в Дёбре, когда вдруг во дворе появился на велосипеде… Вилли Ниндорф, вооруженный винтовкой. Он сухо поздоровался с хозяином и заявил ему, что из лагеря военнопленных IV А в Хонштайне к фельдфебелю Хебештрайту поступил приказ срочно отправить меня в этот лагерь переводчиком.

Хозяин стал ругаться, но это было бесполезно. Я наспех попрощался с ним, а потом с Иваном, который тут же снял добротный красноармейский ремень и отдал мне его на добрую память. К сожалению, я не взял тогда у Ивана его домашний адрес и не знаю, как сложилась его дальнейшая судьба.

По дороге Вилли сообщил мне, что причина моего отзыва – «липа», то есть повод, придуманный фельдфебелем. Я по-прежнему остаюсь в Цшорнау с функциями главного переводчика и старшего в рабочей команде. Оказывается, в моё отсутствие пленные неоднократно просили фельдфебеля вернуть меня обратно, да и сам он нуждался во мне для ведения сложных переговоров.

Фельдфебель, явно в хорошем настроении, потирая руки от удовольствия, спросил меня: «Ну как, вдоволь надышался

в штрафном лагере человеческого говна? Теперь будешь знать, как себя вести без часового!» Я ответил «Хорошо, я всё понял. Большое спасибо. Готов продолжать выполнять свои функции».

С охранником Билком мы отправились в деревенскую пекарню за хлебом, привезли его и сложили в кладовке. Затем в местном продовольственном магазине приобрели по карточкам маргарин, консервы, мясо и другие продукты.

После обеда постовой по кличке Интеллигент принес мне комплект чистого нижнего белья, сказав, что специально для меня повара с уборщиком разогрели воду в баке. Я помылся с большим удовольствием.

Вечером следующего дня я увиделся с Галей во дворе перед кухней, но мы только поздоровались и в дальнейшем вообще больше не разговаривали.

Между тем, вероятно, в связи с тем, что Красная армия уже приблизилась к Каменцу, основная масса пленных работала только на территории военного городка, перекапывая и обрабатывая землю под посев и посадку овощей. Кроме того, здесь же мы занимались рытьем укрытий для людей на случай налёта авиации или артиллерийского обстрела. Десятка два пленных вместе с итальянцами отправили на стекольный завод делать укрытия.

В первые дни марта на очень неприятную для него работу попал молодой и экспрессивный Ваня Трошков. Фельдфебель определил его на три дня в усадьбу старшего ячейки местных членов нацистской партии и одновременно бургомистра Цшорнау, о котором я уже писал. Ване пришлось пахать там на лошадях землю вместе с другим работником, поляком. При этом поляк получал в доме питание три раза в день, и два раза – на месте работы. А Ваню он отводил обедать в лагерь и после обеда приходил за ним. Второго завтрака и второго обеда он ему не давал. И завтракал, и ужинал Ваня тоже только в лагере. Во время работы хозяин постоянно подгонял Ивана и запрещал ему курить. Жадного и нудного бургомистра не любили жители деревни, а Ваня после освобождения из плена специально забежал в Цшорнау и хорошенько его поколотил.

Как-то в марте, возвратившись с работы, мы застали в казарме двух новых пленных, которых, по словам товарищей, привёл какой-то «очень солидный и с высоким военным званием» немецкий офицер. Оба пленных были очень заносчивы. Они немного говорили по-немецки и обходились почти без переводчика. Один из них был вроде москвичом, а другой точно – из Украины. Уже на следующий день после прибытия фельдфебель лично отвёл их в военный городок и устроил там

портными в швейной мастерской. В ней они и проработали до конца нашего пребывания в лагере.

В апрельские дни, когда поток беженцев увеличился, одна молодая немка устроилась работать в ту же швейную мастерскую. Рассказывали, будто бы она попала в руки красноармейцев и была ими изнасилована, после чего ей удалось бежать в Каменц. Так вот, она говорила двум новым пленным: «Если бы все русские были такими же порядочными людьми, как вы, как было бы хорошо! Но ведь они же варвары!» С её мнением оба согласились. Больше об этих пленных – то ли товарищах, то ли врагах, – никто ничего не узнал. Добавлю к сказанному, что когда в связи с приближением частей Красной армии к Цшорнау и Каменцу нашу лагерную колонну погнали в тыл, оба этих относительно молодых и здоровых пленных остались в колонне до конца, пока её не освободили красноармейцы, в то время как примерно четверть пленных, а включая меня, разбежались раньше, с большим риском для жизни, под пулями конвоиров, чтобы самостоятельно выйти к своим.

…В последней декаде марта, когда мы занимались в военном городке огородными делами, старший мастер Юрий первый приставил к нам в качестве надсмотрщицы и агронома одну красивую молодую женщину. По-немецки она говорила с ошибками и совсем не так, как местные немцы. По её словам, летом 1942 года она – вдова с сынишкой – вышла замуж за офицера из Германии, который привёз их к своим к родителям в Силезию и оставил там. В 20-х числах января местность, где она жила со свекром и свекровью, заняла Красная армия, а накануне они бежали в глубь страны и остановились в Каменце.

Эта женщина поработала с нами более двух недель. Очень раскаивалась, что связалась с тем немцем, а еще хуже – с его престарелыми и беспомощными родителями. Дошло до того, что однажды, встретив Андрея Маркина, она неожиданно расплакалась и бросилась к нему на шею, прося взять её с собой на Родину, когда кончится война. Что потом с ней стало, неизвестно…

…В дни католической Пасхи я с четырьмя физически сильными товарищами попал на одну очень опасную работу в Каменце у мясника и колбасника. Этот пожилой человек проживал с семьей в старинном большом доме в центре города и имел на окраине предприятие с двумя производственными цехами, где находились свинарник, овчарня, конюшни и хранилища кормов. Предприятие выпускало продукцию в основном из конины, часть которой хозяин продавал по карточкам в своём большом магазине.

Лошадей для забивки доставляли в основном из оккупированных стран. Но последняя партия из восьми лошадей оказалась полностью пораженной сибирской язвой и погибла в конюшнях хозяина. Теперь у него возникла проблема – где-то надежно захоронить мертвых лошадей. Для могильника выбрали место на высоком и сухом участке земли на окраине города, а в качестве могильщиков хозяин решил привлечь военнопленных. Вот нам и пришлось хоронить лошадиные трупы, к счастью, еще не начинавшие сильно разлагаться. Хозяин нас хорошо кормил, а вечером давал с собой колбасу и пузырёк спирта, а для фельдфебеля – бутылочку коньяка, сигары, специальные колбасы, ветчину и еще какие-то деликатесы.

Работа длилась 4 дня. Три дня мы рыли лопатами яму, а на четвертый день раза три привозили к ней трупы. Погрузка каждого трупа на грузовик была очень сложной работой, но двух умирающих лошадей доставили на могильник своим ходом и там умертвили выстрелом в голову. Яму забросали хлористой извёстью и завалили землей.

В последний день работы по моей просьбе хозяин привёл нас вечером в старинный городской храм Святой Марии Магдалены. Ни я, ни мои товарищи еще ни разу в жизни не были в церквях, где молятся католики. Особенно интересно нам было увидеть и впервые услышать орган. Большое удивление вызвало то, что прихожане не стояли, как в православной церкви, а сидели на скамейках со столиками и молились по книжечке вслух вслед за пастором, а также пели в сопровождении органа.

В течение тех дней, когда мы работали у мясника, на территории аэродрома немцы установили несколько зенитных батарей. Оказалось, что среди зенитчиков есть добровольцы из Советского Союза. Некоторые из них начали появляться в Цшорнау, заметив там Тамару, Дусю и других девушек и желая с ними познакомиться. Мы же были решительно против этих визитов и стали ругаться с пришельцами, называя их предателями Родины. Так поступали и девушки, а меня, одетого в подобие советской военной формы, зенитчики посчитали главным препятствием на пути к девушкам.

Однажды в начале апреля меня вызвал в караульное помещение фельдфебель. Перед ним по стойке «смирно» стоял какой-то солдат в немецкой форме. На левом рукаве его шинели находилась небольшая, но хорошо заметная издалека эмблема «РОА». Оказалось, что этого солдата привели из пивной, где он нагло отказался расплатиться за выпитую кружку пива, громко заявляя: «Их – герой, Дойч нихт ферштеэн», т. е. «Я – герой, по-

немецки не понимаю».

Фельдфебель с моей помощью начал допрос власовца, который сказал, что относится к воинскому подразделению, только что прибывшему в деревню Шидэль, рядом с Цшорнау, для отдыха и ночевки. Недавно это подразделение «мужественно сражалось» под городом Бреслау, защищая его от наступающей Красной армии, и теперь должно присоединиться к основным силам РОА. Я не выдержал и задал ему вопрос: «Неужели ты мог убивать своих?» Но он лишь ухмыльнулся. Я перевёл фельдфебелю слова власовца, и фельдфебель заорал на него: «Ты, сволочь! Ты присягал своей Родине, и разве ты не знаешь, что после этого не имеешь права изменять ей? Какой же ты солдат?» С этими словами фельдфебель схватил со стены висевшую резиновую дубинку и трижды огрел ею власовца по голове. После этого власовца обыскали и забрали у него деньги, которые он был должен за пиво. Фельдфебель вместе с Ниндорфом загнали власовца в свинарник, переоборудованный в карцер.

Возвратившись в казарму, я рассказал товарищам о том, чему был свидетелем. Почти все возмущались власовцем. Но скоро снизу раздался его еле слышный крик: «Ребята, пожалейте, замерзаю! Спустите щепотку табака и бумажку, чтобы покурить, и что-либо пошамать!» Среди нас нашлись сердобольные, выполнившие просьбу заключенного: ему спустили курево в спичечной коробке, привязав её к концу длинной нитки. При этом наши товарищи обозвали власовца сволочью, добавив, что еды ему не дадут, так как сами голодают. Рано утром фельдфебель выпустил арестанта.

В воскресенье 8 апреля произошло другое интересное событие. Когда мы грелись на солнышке, а Можухин играл на баяне, появились двое власовцев в немецкой униформе, но без шинелей. Они сопровождали пленного – знакомого нам Тиму Добринского, высланного в прошлом году фельдфебелем, догадываясь, что Тима еврей. Вслед за пришедшими явился постовой Билк, который впустил их в лагерь и дальше – в казарму. Начались дружеские объятия и рукопожатия, а затем ужин с чаепитием и принятием спиртного. Тима объяснил, что сопровождающие везут его в какой-то южный город, и по пути он решил завернуть в свою бывшую обитель, чтобы повидаться с друзьями.

Кто-то спросил Тиму, неужели он записался в РОА? Сопровождавший его власовец сказав, что форма еще не означает, будто человек действительно служит в армии. Её можно надеть и для маскировки своих истинных намерений и успешного

выполнения долга. В общем, мы поняли так, что оба охранника Тимы являются нашими разведчиками, внедренными в РОА, и они идут с Тимой на какое-то важное дело.

Наступил обед, которым повара накормили и гостей, после чего они попрощались, порекомендовав не задерживаться в плену, а постараться влиться в ряды приближающейся Красной армии.

Через несколько дней, когда мы собрались пообедать, к нам в базовое помещение неожиданно прибыли в сопровождении фельдфебеля два гестаповца в гражданской одежде. Фельдфебель подозвал меня и приказал объявить, чтобы все подготовились к обыску. Гестаповцы начали обыск с меня. Вытащили из карманов русско-немецкий словарь, итальянский молитвенник и документы. Словарь потрясли, частично просмотрели и вернули. Но отобрали мой студенческий билет Московского института стали имени И. В. Сталина, заявив, что вернут этот документ «после окончания войны». Затем хотели изъять зачетную книжку, но я уговорил оставить ее мне, так как там на нескольких последних страницах имелись записи с адресами товарищей. В зачетной книжке осталась и моя метрика, выданная в родном селе Батырево в 1932 году.

В последующие дни мы стали постоянно слышать с северо-востока гул артиллерийской канонады, который не прекращался и ночами. Это означало, что Красная армия находится от нас километрах в пятидесяти, видимо, в районе реки Шпрее. А нас по-прежнему направляли на привычные работы.

Но в это же время на дорогах, проходивших через лесные массивы, немцы, в основном гражданские лица, начали строить противотанковые заграждения. Они ставили по всей ширине бревна высотой не менее двух метров и скрепляли их стальными скобами, а также устраивали и обычные завалы деревьев. Началось и минирование некоторых дорог и важных объектов. Над аэродромом часто пролетали самолёты-штурмовики. Так, 13 апреля сразу после того, как нам привезли обед, молодой мастер Фриц закричал: «Советские штурмовики! Я знаю их, проклятых, очень-очень хорошо! Спасайтесь, спасайтесь!» Мы бросили обедать, высыпали из помещения и с восторгом наблюдали, как штурмовики бомбят аэродром. Вечером возвращаясь с работы в Цшорнау, мы заметили, что на аэродроме почти все деревянные бараки целы, уцелело и здание душевой. Зато частично были разрушены ангары и на лётном поле горели несколько самолетов, не успевших ни взлететь, ни укрыться в лесу.

15 апреля, в воскресенье, мы помылись в душе на аэродроме и сменили нижнее бельё, у себя в лагере грелись под солнышком

и слушали, как всё ближе к Цшорнау раздается громкая и долгая канонада. Вечером к нам приходили Тамара, Дуся и другие девушки. Советовались, что им дальше делать. Но мы сказали им: «Ждите наших и будьте спокойны!»

В середине апреля, утром, отправляясь на свои рабочие места, мы впервые встретили в военном городке военнослужащих РОА. Как я уже отмечал, некоторые из пленных, включая меня, приветствовали встречавшихся немецких офицеров по-военному, как это принято в Красной армии. Но в этот раз навстречу нам шли явно не немецкие офицеры, хотя в основном в немецкой униформе. Первым был высокий ростом и очень надменный лейтенант с монгольскими чертами лица, которого я не стал приветствовать. А он за это сделал замечание на русском языке. Я же ответил, нагло соврав, что являюсь старшим по званию – старшим лейтенантом, и он должен приветствовать меня первым. Поневоле завязался разговор. Выяснилось, что этот лейтенант имеет старое русское военное звание – подпоручик и что он по-национальности калмык, уже более двух лет служит в РОА генерала Власова, чтобы «отомстить большевикам за притеснение своего народа».

Власовцы стали нам предлагать, пока еще не поздно, присоединиться к ним и поехать в Чехословакию, оттуда – в Южную Германию, где РОА сдастся американским войскам. Власовцы считали, что американцы и англичане скоро заключат с Германией мир и начнут совместно воевать с большевиками, а РОА в этой войне «сыграет решающую роль и обретет у народов России вечную славу». Мы же задали власовцам вопрос: «А если США и Англия не сделают того, о чем мечтают ваши командиры?» Они ответили, что этого не произойдет. На этом наша встреча закончилась. К сказанному еще добавлю, что данное соединение РОА было очень хорошо вооружено – имело много танков и орудий, включая трофейные. Я заметил две зенитные пушки, на которых раньше работал вторым наводчиком.

На другой день меня и моего соплеменника Уткина, а также Мингалиева, фельдфебель послал в город – в богатый дом на одной из центральных улиц, где проживал старик с красивой дочерью.

Нам предстояло вынести из комнат богатую коллекцию фарфоровой посуды и, очень аккуратно завернув в бумагу и мягкую солому, погрузить её на стоявшую во дворе грузовую автомашину. Старик хотел отвезти коллекцию куда-то к родным, проживающим на западе Германии, и спасти ее от разграбления русскими.

Наш охранник «Интеллигент» любезно побеседовал

со стариком, оказавшимся его хорошим знакомым, и представил ему меня как старшего из пленных и «очень порядочного русского, с которым можно подробно поговорить о том, что ожидает немцев, когда город займет русская армия». Охранник попросил угостить нас парой бутербродов с кофе и дать покурить. После этого охранник ушел к себе домой, а дочь старика исполнила его пожелание. Потом она показала нам фотографию своего жениха – молодого унтер-офицера, спросив, «не отнимут ли русские солдаты это фото». Я посоветовал девушке… на всякий случай отрезать от фото ту часть, где у унтера на мундире виднеется орел. Девушка была прелестна и так наивна! А Уткин сказал мне по-чувашски: «Хорошо, если наши бойцы, поймав её, не изнасилуют».

Пока мы работали, я обсудил с ребятами, что нам делать в создавшейся обстановке. Оставаться дальше в лагере – это, по существу, преступление перед Родиной. Вполне возможно, что немцы погонят пленных в тыл, и это время надо использовать для побега. Можно, спрятавшись в районе лагеря, дождаться прихода наших войск. Мы договорились бежать вместе, но подготовившись к этому. 18 и особенно 19 апреля прошли и для нас, и для наших постовых, да и для всех жителей Цшорнау, Каменца и его округа в тревожном ожидании. Большинство пленных работали на огородных участках, скорее делая вид, что трудятся. По-прежнему повара привозили нам обед. Военнослужащих немцев на территории городка мы видели редко – многих из них отправили на минирование различных объектов в городе и ведущих к нему дорог. Несколько наших штурмовиков опять пролетели над аэродромом и на этот раз уничтожили почти все самолеты, главным образом истребители.

В эти последние дни Андрей Маркин и Василий Серёгин обсуждали со мной варианты побега. Решили, что убежим 20 апреля и сделаем это следующим образом. Рано утром каждый из нас, уходя на работу, захватит с собой самые необходимые вещи и документы. А после обеда незаметно от товарищей и постового мы скроемся в хранилище сена и отсидимся там до наступления темноты, пока нас не перестанут искать. Ночью по заранее подготовленной лестнице преодолеем ограду и доберемся до канализационной станции, где спрячемся в бункере и дождемся там наших войсковых частей.

В бункере у нас был создан почти на 10 суток минимальный запас продуктов – сухари, сало, несколько банок консервов, сахарин, картофель, крупа из пшеницы, имелась питьевая вода, махорка. Мы рассчитывали на то, что на станции никого не бывает, а охранник не скажет о бункере.

Чувствовалось, что не только мы, но и другие товарищи готовятся к побегу и группируются для этой цели. Конечно, большинство пленных – пожилые, раненные, слабые физически и духовно – о побеге и не помышляли, рассчитывая лишь на волю случая.

Часть вторая. Конец немецкого плена

Глава I

В ночь с 19 на 20 апреля один из моих соседей нечаянно разбудил меня. Встав с ложа, я попытался включить лампу, висевшую над моими нарами. Она не горела. Стало ясно, что электроэнергии нет во всей казарме. Но на улице уже наступал рассвет и постепенно становилось светло. После завтрака в казарму зашли фельдфебель и постовой Нииндорф, объявили, что получен приказ немедленно эвакуировать из Каменца и его округа в сторону Чехословакии прежде всего пленных из лагерей, а потом и мирных жителей, так как подошли к городу близко русские войска. Нам выдали на сутки порции хлеба и маргарина. Стало ясно, что нашим планам побега не суждено осуществиться. Стали собирать вещи и оделись. Я взял с ложа и надел за спину свой небольшой вещевой мешок с котелком, кружкой, бритвой, мылом, полотенцем, кисетом с махоркой и другими мелочами, но оставил, как не особо необходимые в пути, банку с зубным порошком, зубную щетку и пантофели. Карандаш, листочек писчей бумаги, словарь, зачетная книжка и итальянский молитвенник с метрической справкой находились в карманах моей гимнастёрки, а в карманах шинели – учебник по грамматике немецкого языка и еще что-то. Шинель взял на руки. Выходя из казармы, я забрал с собой на память список военнопленных рабочей команды № 1062, висевший на стене. Все вышли во двор и выстроились в колонну, кроме двух поваров и уборщика, занятых тем, что в это время на телегу, на которой раньше возили обед на рабочие места, они и люди фельдфебеля грузили рюкзаки и баулы с вещами и провизией, а также большой алюминиевый бак, используемый для кипячения воды. Две старые немки привезли в лагерь на инвалидной коляске какого-то полупарализованного мужчину, якобы священника, и погрузили его на заднюю часть телеги. Фельдфебель отобрал из строя четырех сильных пленных, из которых двое должны были тащить телегу спереди, а двое – толкать сзади.

Когда всё было готово, Вилли Нииндорф пересчитал пленных и установил, что два человека отсутствуют. Спросил у меня, кого же нет. Я взял список и по нему быстро определил, что отсутствуют два неразлучных друга – М. Болтрушевич и П. Васьковский. Вилли доложил об этом фельдфебелю, и тот,

разозлившись, приказал срочно и тщательно обыскать все помещения, полагая, что беглецы не успели еще выйти из лагеря.

Старики-конвоиры Рахель и Хёхт все обшарили, даже комнату фельдфебеля, но никого не нашли. Одновременно Вилли с автоматом пробежался по саду-огороду, заглянул в уборную, осмотрел местность вокруг лагеря и тоже никого не обнаружил. После этого он со мной вошел в сарай хозяйки, до потолка набитый соломой, и поскольку никто не отзывался на приказ выйти, Вилли открыл по соломе огонь из автомата, перемещая его вниз и вверх, вправо и влево. И опять никто не подал голоса. А я очень боялся, что товарищи сидят там и могут погибнуть, поэтому я закричал на Нииндорфа: «Вилли, прекрати, не всё ли тебе равно!» Слава Богу, ребят в сарае не было. Так никто и не обнаружил беглецов и не узнал, как им удалось это сделать.

…Провожая колону, хозяйка Мария Шольце, её дочери Дора и Гизела, сын Вальтер, а также поляк Станислав пожелали нам счастливого пути. А Гали не было. На этот раз фельдфебель поставил меня замыкающим колонну, а сзади пошли Вилли Нииндорф с автоматом и фельдфебель с пистолетом. Они держали меня почти рядом с собой как переводчика, особенно нужного при возможной встрече с частями Красной армии.

Когда колонна проходила мимо усадьбы Лоренц, пожилая немка и две её дочери подбежали к Ивану Уварову, работавшему у них, и вручили ему большую сумку с какой-то едой. Подходя к лесу, мы увидели у его опушки двух солдат с автоматами. Фельдфебель спросил их: «Как далеко отсюда русские?» Солдаты ответили, что не очень далеко, и добавили: «Нас поставили, чтобы никого не пускать к аэродрому». И как только они произнесли эти слова, на аэродроме раздались сильнейшие взрывы и появились яркие всполохи пламени, которое распространялось с очень большой скоростью. Рушились ангары, кирпичные дома, горели деревянные бараки, резервуары с жидким топливом и другие объекты. Мы думали, что аэродром обстреливают наши артиллеристы, но оказалось, сами немцы взрывали аэродромные объекты, чтобы они не достались русским.

Пока длился этот «спектакль», внимание охранников к пленным ослабло, и я заметил, как Ваня Трошков и с ним еще двое пленных юркнули в кусты у леса. Фельдфебель, однако, дал колонне команду идти дальше. Через час возле бывшего каменного карьера, кругом густо заросшего молодыми деревьями, мы попросили фельдфебеля сделать привал. Пока все справляли нужду в зарослях, сбежали еще трое пленных, по которым произвели чуть ли не десяток запоздалых выстрелов из винтовок

и пистолета. За время пути ребята, везшие телегу, сменились раза три. Прежде чем войти в деревню Била, очередные возчики попросили их заменить, так как дорога стала более трудной – колеса телеги вязли в песке. Сменить их вызвались Андрей Маркин, Василий Серёгин и еще пять человек, среди них оказались Толя Шишов, Саша Гуляченко, Женя Волчанский, Петр Анохин и Сурен Саркисян. Фельдфебель, однако, выбрал из всех только Маркина, Шишова, Гуляченко и Волчанского, чему, конечно, очень огорчился Серегин, разлучившийся теперь со своим самым близким другом Маркиным. Когда Андрей Маркин шел мимо меня к телеге, он успел сказать, что ночью ждет меня и Васю Серёгина в бункере на канализационной станции. Я понял, что все возчики замыслили осуществить план побега. Но, увы, я, особо охраняемый Ниндорфом и фельдфебелем, не смог к ним присоединиться.

Мы прошли метров десять и снова остановились, так как телега сильно отстала от колонны. Минут через пять-семь, запыхавшись, приковылял Хёхт с винтовкой и доложил, что возчики убежали, а священника и его опекунши на телеге нет. Злости фельдфебеля не было предела, он едва не ударил Хёхта пистолетом. Всё, якобы, началось с того, что священника, захотевшего сходить «по большой нужде», сняли с телеги и отнесли в кусты, а потом беглецы вырвали у Хёхта винтовку и куда-то ее забросили. Наконец подобрали новых возчиков, погрузили коляску со священником на телегу, посадили его опекуншу и двинулись в путь по главной улице деревни. Но сразу после выхода из неё фельдфебель объявил перерыв, заявив, что охрана будет пить кофе, а для пленных повара вскипятят чай. Ниндорф и двое пленных зашли в крайний двор деревни и забрали у хозяев несколько деревянных палок и охапку дровишек. Повара соорудили из них очаг, подвесили над ним бак и залили в него из хозяйского ведра воду из колодца. Конечно, попив только кипяток с остатками хлеба, мы по-прежнему остались страшно голодными.

Обед опять имел для охраны неприятное последствие: сбежали двое пленных – Василий Куликов и Василий Музыков. Их отсутствие обнаружилось лишь при построении пленных в колонну. Итак, убежали уже 14 человек! И каждый побег причинял мне острую душевную боль, поскольку у меня всё еще не было никакой возможности сделать то же самое. Дальше мы двигались по шоссе, в основном по ровной и открытой местности; лишь по обочинам дороги стояли раскидистые плодовые деревья. Поэтому совершить удачный побег оказалось практически невозможно.

Миновав несколько деревень, мы остановились, на ужин. Начало темнеть, и стало прохладно. Я надел свою французскую шинель. Когда фельдфебель с Эрикой ушли ужинать на кухню хозяев и Нииндорф удалился вслед за ними, ко мне подошёл Уткин, сообщивший, что намерен сейчас убежать вместе с Мингалиевым. Чтобы присоединиться к ним, я должен пойти в уборную за сараем. Однако охранявший меня Рахель решительно отказался отпустить меня, сказав, что я должен пока потерпеть и дождаться прихода фельдфебеля и Вилли. А если я всё же пойду, то он будет вынужден стрелять. Пожелав Уткину на родном чувашском языке счастливого пути и попросив его, если он вернётся домой, а мне это не удастся, то пусть приедет к моей матери и расскажет ей обо мне.

Уже стало совсем темно. Нас снова построили в колонну и, посчитав, установили, что в ней нет Уткина и Мингалиева. Значит, они убежали. Мы двинулись дальше. Дорога пошла через лес. Здесь Вилли придержал меня за локоть рядом с собой. И так мы шагали, наверное, более часа. Фельдфебель зачем-то ушел назад к повозке, и только Нииндорф фактически остался моим личным охранником. Наступил момент, когда терпение мое иссякло. И тогда, натянув фуражку как можно глубже, чтобы она не слетела, я изо всех сил бросился в сторону от шоссе, перескочил кювет и через густой кустарник нырнул в темную чащу леса. Я преодолел эту преграду, исцарапав лицо, пробежал между деревьями и неожиданно свалился в глубокую рытвину. Ожидая, что вот-вот надо мной засвистят пули, прогремят выстрелы из автомата, я старался как можно плотнее прижаться к дну. Но, кажется, обошлось без выстрелов. Наверное, Нииндорф понимал, что практически без прицеливания стрелять бесполезно.

Пролежал я долго, так как не знал, куда мне двигаться ночью. Вдруг я услышал далеко впереди, что там творится что-то необычное – раздавались громкие крики, возгласы на русском языке, одиночные выстрелы. Впоследствии я узнал, что колонну встретили и освободили наши солдаты. Таким образом, если бы я не убежал, то мог уже через полчаса стать полностью свободным. Но не исключено и самое худшее: узнав, что я выполнял функции переводчика и старшего рабочей команды, меня, как «прислужника немцев», сами освободители могли сразу же расстрелять, ведь в такой момент некогда было разбираться, как на суде, кто из пленных свой, а кто – преступник.

…Когда появились первые признаки наступающего рассвета, я наконец встал и решил двигаться к шоссе. Сквозь темноту увидел в метрах 300 контуры домов и построек небольшой деревни. Я подошел к невысокому каменному забору, перелез

через него и оказался во дворе около помещения с острой черепичной крышей. Я заметил лестницу, ведущую на верхний ярус, и на ощупь поднялся по ней. Там было хранилище соломы. Выбрав подходящее место, я укрылся шинелью и крепко уснул.

Через какое-то время меня разбудило кудахтанье кур, собиравшихся нести яйца. Я прислушался и установил, что во дворе и даже в доме никого нет. Мне очень хотелось есть и пить. И тут я сообразил, что куриные яйца – прекрасная пища и одновременно средство утоления жажды. Я спустился на первый ярус и нашел там два гнезда, в каждом из которых лежало по яйцу. Разбив оба яйца, я выпил их содержимое.

Заморив таким образом червячка, снова взобрался наверх и начал улучшать свое лежбище, перекладывая снопы. По неосторожности уронил несколько шестов и досок, на которых держались снопы, и они упали на первый ярус. Пришлось не менее часа приводить все в порядок. А когда эта работа завершилась, возникла более серьезная неприятность: на улице послышался шум от большого количества движущейся техники. Осторожно выглянул в окошко, я увидел, что в деревню вступило крупное соединение войск СС. Эсэсовцы заглядывали во дворы и дома, и я очень опасался, что они обнаружат меня. Пока это продолжалось, над деревней раза два пролетали наши самолёты – штурмовики, бомбившие вражеские колонны. Осколки от бомб и пули сыпались также на крышу моего убежища, разбивая черепицу и падая в солому. Вечером, когда всё стихло, я услышал скрип открывающихся ворот. Посмотрев в щель, увидел, что во двор въезжает запряженная двумя лошадьми длинная фура, нагруженная разным скарбом. Лошадьми управлял пожилой немец, за ним шли, подгоняя коров, две женщины – пожилая и молодая. Оказалось, это прибыли хозяева. Обе женщины сразу загнали коров в хлев и пришли на помощь к хозяину. Тот развернул лошадей, открыл настежь ворота помещения, где я прятался, и затолкал в нее фуру. Затем распряг лошадей и увел их в конюшню. Хозяйки начали разгружать фуру, снимая с нее постели, баки, бидоны, посуду, продукты питания.

Работая, хозяева переговаривались между собой, а я внимательно их слушал. Молодая немка спросила у старика, вероятно, свекра: «А кто же вывесил на башне ратуши в Каменце белый флаг?» А пожилая хозяйка подтвердила, что их сосед сам видел этот флаг. «Значит, война закончилась, – продолжала хозяйка. – Теперь по крайней мере не надо сдавать государству молоко! И не надо больше укрываться в лесу».

Затем я услышал, что вчера колонна советских военнопленных была по ошибке атакована советскими

самолетами. Несколько пленных погибли, а остальные разбежались и где-то скрываются. Это сообщение дало мне возможность при необходимости заявить, что я – один из тех пленных, которые спаслись при налете авиации.

Итак, я решил выйти к хозяевам и признаться, что укрывался у них. Я спустился по лестнице и громко произнёс по-немецки: «Добрый вечер! Меня зовут Юрий, я убежавший русский военнопленный. Прятался у вас весь день, съел яйца от ваших кур».

Моё внезапное появление повергло хозяев в шок, но они быстро опомнились и сказали, что будут рады помочь мне. Затем я спросил, действительно ли Каменц теперь в руках русских. Получил ответ, что вполне возможно. Тогда я попросил показать, как туда добраться. Однако хозяева отсоветовали мне идти, поскольку уже стемнело и я мог заблудиться. Да и к кому в городе можно ночью обратиться?

И я остался у хозяев. Хозяин ушел к лошадям, старшая хозяйка начала доить коров и готовить ужин, а молодая предложила мне умыться. Она разогрела воду, набрала её в таз, вынесла во двор и помыла мне спину и голову. Оказалось, что её муж погиб на фронте и она осталась бездетной вдовой, живет в доме родителей мужа.

После ужина меня отвели ночевать в подвал того же самого помещения, в котором я скрывался днем. Подвал был сухим, хорошо проветриваемым и в нем имелась постель, рядом с которой стоял ночной горшок. Ночь для меня прошла благополучно.

Мне дали позавтракать и выделили на дорогу немного хлеба и кусок ветчины. Я собрался было уйти, но вдруг подумал, что скоро в деревню придут наши войска и кое-кто может как-то обидеть хозяев. Поэтому я решил оставить им справку о том, что они хорошо отнеслись ко мне – советскому военнопленному, когда я у них скрывался. Хозяева очень удивились, когда я попросил бумагу и чернила, а потом очень благодарили меня за то, что я написал.

Было примерно 7 часов утра, когда я вышел на шоссе. В лесу щебетали птицы. Я бодро и весело шёл к городу, совсем не думая, что впереди меня могут ждать какие-либо неприятности. Я представлял, как встречу наших бойцов и командиров и буду просить принять меня в армию. Город уже показался, и вдруг раздалась команда: «Стой, стой!» Два немецких пехотинца преградили мне дорогу. Мне пришлось поднять руки и дать немцам убедиться, что у меня нет оружия. После этого меня отвели в штаб обороны города, чтобы допросить. Таким образом,

я второй раз и очень нелепо оказался в плену у немцев.

Когда до города осталось совсем недалеко, я увидел слева от шоссе зенитную батарею, которая раньше дислоцировалась недалеко от Цшорнау. Возле одной из пушек я заметил русских зенитчиков, которым тогда наши пленные не давали общаться с Тамарой, Дусей и другими советскими девушками. Лица у них были хмурыми, но они помахали мне. В Каменце нам навстречу неожиданно вышел знакомый мне мастер Георг с пивного завода. Он окликнул меня по имени и спросил, каким образом я оказался в такой ситуации. Мне пришлось отвечать по-немецки, отчего мой сопровождающий совсем растерялся. Вроде в шутку мастер предложил конвоиру отпустить меня в город одного, так как я никому не причиню вреда. Но конвоир ответил: «А где же гарантия, что теперь он не подослан русскими в качестве шпиона? Это надо выяснить».

Естественно, мастер заинтересовался, что же со мной произошло. Пришлось соврать, что позавчера на колонну с пленными налетели самолёты и пленным пришлось разбежаться и укрыться в лесу, а на следующий день, взобравшись на дерево на вершине горы, я увидел над ратушей города белый флаг и сделал вывод, что теперь в Каменце находятся русские войска.

Конвоир и мастер подтвердили, что, действительно, группа жителей установила белый флаг, но очень скоро в город вступило большое соединение войск СС. Этот флаг сняли и даже расстреляли кого-то из жителей.

Пока мы двигались по городу, я увидел еще несколько знакомых немцев, каждый из них поздоровался со мной. Это обстоятельство наконец убедило ефрейтора, что я действительно старый пленный. Но конвоир всё же полагал, что я мог побывать у противника и получить какое-либо разведывательное задание.

Около ратуши меня окликнул проходивший мимо старый мастер – сорб Йохан. Он неожиданно набросился на меня с обвинением: «Ты лгун, Юрий. Ты говорил, что русские добрые люди и наши братья. А они – изверги, пришли и изнасиловали наших жинок и дочек, хотели убить меня. Я еле убежал в Каменц. Как жить?» «Не знаю, не знаю», – ответил я по-сорбски и поспешил отойти от Йохана. А бедный сорб, славянский брат, смотрел нам вслед с горькими слезами на глазах…

Наконец мы подошли к зданию штаба обороны города. Конвоир завёл меня внутрь здания и доложил какому-то пожилому лейтенанту, что «привёл захваченного рано утром русского пленного для выяснения, не является ли он разведчиком русских».

Не успел конвоир сказать это, как открылась дверь кабинета и из нее вышел немец с небольшой бородкой. «Юрий, Юрий, доброе утро! – воскликнул он. – Что ты тут делаешь?» Этим немцем оказался мясник, у которого мы недавно работали на скотомогильнике. Я объяснил ему, что меня, наверное, хотят расстрелять как шпиона. Он моментально позвал из кабинета подполковника, который тут же приказал немедленно отвести меня к четырем другим пленным, которых тоже задержали вчера утром. Итак, я был спасен.

Охранник привел меня к зданию городской тюрьмы. К моему удивлению, тюремщик был со мной очень любезен, особенно когда узнал, что я говорю по-немецки. По полутемному коридору мы дошли до небольшой камеры, на двери которой имелось окошко для контроля за заключенным и подачи ему пищи. Охранник впустил меня в камеру, где я увидел сидевших на полу на своих шинелях… Андрея Маркина, Толю Шишова, Женю Волчанского и Сашу Гуляченко. Они радостно меня приветствовали и сразу поинтересовались, найдется ли у меня хоть что-нибудь поесть. Я достал все имевшееся у меня съестное. Хотя мои товарищи были страшно голодны, они с большой точностью поделили еду на четыре части, а хотели на пять, но я отказался, сказав, что утром хорошо поел. В камере были небольшой стол и стул, у потолка висела электролампа, но она не горела, так как не работала электростанция, не работал и водопровод, поэтому еду запивали из ведра, стоявшего в камере.

Ребята рассказали мне о своих приключениях. Бросив телегу, которую они везли, они спрятались в лесу и ждали там наступления темноты, чтобы дойти до канализационной станции, где Андрей и Василий устроили бункер с запасом продуктов. Ночью, когда в районе аэродрома всё стихло, они направились к железной дороге, по шпалам подошли к шоссе, откуда затем хотели добежать до бункера. Однако по краю шоссе они наткнулись на цепь немецких солдат. Раздались автоматные очереди, в результате чего Саша Гуляченко получил сквозное ранение правой ноги. Ребята закричали по-немецки: «Не стрелять!» и сдались в плен. В комендатуре они сказали, что отстали от своей колонны.

В середине дня дверь камеры открылась, и к нам вошли один из надзирателей тюрьмы и врач в белом халате с набором медикаментов. Надзиратель попросил меня быть переводчиком для врача, который «из гуманных соображений» вызвался помочь раненному. Он внимательно осмотрел и прощупал рану, заявив, что, к счастью, пуля не задела кость, и поэтому рана может

зажить очень скоро. Потом, смазав рану йодом и еще чем-то, он перевязал её свежим бинтом и обещал посещать Сашу каждый день.

Хорошее отношение к нам окружающих немцев мы объяснили себе тем, что все в городе были абсолютно уверены, что скоро в Каменце будут русские, и надеялись, что их заслуги перед пленными новая власть соответственно оценит. Как бы в подтверждение этому, в камере опять появился тот же надзиратель, который привел пожилых мужчину и женщину, доставивших нам в бидоне горячий суп, а также хлеб и сваренные картофелины. Отмечу, что врач действительно приходил к Саше каждый день, пока мы пребывали в тюрьме. Кроме того, нас часто посещали и другие горожане, приносившие еду, благодаря чему ребята не так сильно голодали. В тюрьме давали, и то нерегулярно, лишь обед в виде жидкой баланды и иногда по кусочку хлеба весом 150–200 граммов. Я же в это время почти всегда бывал сытым, так как уже через день после водворения в тюрьму меня начали ежедневно уводить с утра на работу до вечера в помощь поварам военной кухни во дворе гостиницы «Леман», откуда я приносил ребятам кое-что из еды в карманах шинели или в ведре. Им же доставалась и почти вся моя «казенная» еда. Оказывается, эту работу я получил по рекомендации мясника, с которым накануне встретился в ратуше.

Кроме нас, в тюрьме находились в основном немцы и немки, и, в частности, те, которые вывесили белый флаг над ратушей. Их количество еще более возросло после второй попытки вывесить там же флаг капитуляции. К этим заключенным отношение надзирателей было даже хуже, чем к советским пленным.

Определив меня работать на кухню, немцы предупредили, что если я убегу оттуда, то немедленно будут расстреляны мои товарищи. Пришлось принять это к сведению.

Глава II

Недолгий путь до гостиницы «Леман» и обратно я совершал в сопровождении вооруженного штыком старшего ефрейтора, назвавшего себя Матиасом. От него я по дороге узнал, что на кухне готовят пищу для начальствующего состава штаба обороны города, а также для военнослужащих ближних оборонительных позиций.

В кладовых кухни имелись все необходимые продукты: хлеб, крупы, мука, мясо, овощи, а также бочки и бутылки с разными

спиртными напитками – ромом, шнапсом, винами, пивом. Картофель хранился отдельно в темной секции подвального этажа.

Как только я оказался на кухне, два повара, ответив на моё утреннее приветствие, спросили, как меня зовут, и представились сами. Старший повар назвался Рюдигером, а младший – Якобом. Потом они предложили мне снять верхнюю одежду и покормили меня теплым мучным супом и горячим кофе с бутербродом. Пока я ел, они рассказали о моих обязанностях, а потом позвали со двора пожилого чернявого мужчину, назвавшегося Ибрагимом. Вместе с ним мы должны были привезти в больших бидонах на тележке воду из городского колодца, так как водопровод не работал. Не было и электротока. Сказали, что придется съездить за водой несколько раз. По дороге Ибрагим на ломаном немецком языке поведал о себе. Оказалось, он – араб из Алжира. Еще в Первую мировую войну, будучи солдатом французской армии, попал к немцам в плен и остался в Германии. Но жизнь для него не была сладкой – ни дома, ни семьи он не завёл, работал много.

Едва мы принялись набирать воду, как довольно близко от нас начали рваться снаряды. Пришлось укрыться от осколков за стенами построек. К счастью, залпов было немного, и мы благополучно вернулись на кухню. Случалось, наши штурмовики обстреливали, пролетая над городом, людей, главным образом в военной форме. Так что поездки за водой были далеко не всегда безопасными, и не зря сами немцы не рисковали ходить к колодцу, а посылали нас.

В наши с Ибрагимом обязанности входила также доставка из подвала картофеля, подготовка дров и другие работы. Пришлось также разгрузить грузовик с брикетами каменного угля.

В дальнейшем почти каждый день на кухне был заполнен такими же работами. Через неделю я был вынужден привозить воду и заниматься другими делами уже без Ибрагима, который якобы погиб на улице то ли от шальной пули, то ли от осколка снаряда. После Ибрагима я пилил и колол дрова со старым солдатом – фольксштурмовцем Михелем. Однажды после моего ухода на работу через надзирателя-поляка, хорошо понимавшего по-русски, товарищи уговорили начальника тюрьмы, чтобы тот отпустил двоих из них в город на канализационную станцию, где у них в бункере было припрятано продовольствие. Пошли Андрей Маркин и Толя Шишов. Надзиратель-поляк, вооруженный винтовкой, вёл их якобы для срочного ремонта на канализационной станции. Когда проходили через цепь

солдат, размещенных недалеко от аэродрома, солдаты поверили надзирателю и пропустили их. Ребята благополучно вернулись с надзирателем распили принесенный спирт, разбавив его водой.

Однажды на кухне вместо немецких женщин я увидал девушек из Советского Союза, и среди них оказались Тамара с Дусей из Цшорнау. Мы, конечно, рассказали друг другу, что с нами произошло в последние дни. Оказывается, население Цшорнау было эвакуировано и в деревне остались на свой страх и риск лишь несколько человек, включая Марию Шольце, её сына Вальтера и работника – поляка Станислава. Ушли и Дора с сестрой. Почти всем семьям пришлось оставить в хлеву коров, положив им в кормушки большое количество сена и налив побольше воды.

Многие жители Цшорнау и соседних с ним деревень обосновались в Каменце у родных или хороших знакомых. Среди задержавшихся были также хозяева Тамары и Дуси. Через пару дней хозяйки, обеспокоенные тем, что коровы не доены, попросили девушек сходить в Цшорнау и подоить бедняг. Девушки отправились в путь по знакомому шоссе, где увидели несколько убитых немецких и советских военных, тела которых уже начали разлагаться.

Когда Тамара открыла дом хозяйки, перед ней внезапно появился вооруженный автоматом пожилой красноармеец. Поскольку в деревне он не обнаружил ничего подозрительного, он должен был возвратиться к себе в часть, но прежде чем уйти, хотел бы поесть и выспаться. Тамара подоила корову и дала разведчику парное молоко с куском хлеба. Пока разведчик спал на сеновале, Тамара и Дуся передоили всех коров, вылив молоко на землю, и выгнали животных пастись на воле. Затем обе благополучно возвратились в Каменц.

Но в Каменце началась облава, в результате которой Тамару с Дусей, их подруг из Цшорнау и других деревень собрали вместе с вещами в местном кинотеатре, где теперь им приходится жить и получать скудное «казенное» питание, а работать определили на той же кухне, что и я.

С первого дня и Тамара, и Дуся напрашивались ходить со мной в подвал за картофелем, при этом каждая девушка признавалась мне в любви. Эти встречи с обеими, без сомнения, невинными молоденькими девушками, фактически подростками, происходили с поцелуями, но неумелыми и краткими, не имевшими никаких последствий.

Позже кроме Тамары и Дуси стали ходить со мной за картофелем две взрослые и красивые харьковчанки, хорошо говорившие по-немецки и, как оказалось, бывшие студентки.

Жили они в отдельных номерах этой же гостиницы «Леман», где, вероятно, вместе с немецкими офицерами. Одна из них, со стройной фигурой, заинтересовалась мною. Как-то утром она поставила на окне кухни банку с цветущей сиренью, чем сильно удивила поваров. И те сказали мне: «Ну, Юрий, не теряйся, не оставь эту красотку!» Эта девушка мне тоже очень понравилась, но она отказалась от любовных отношений, сказав, что не хочет, чтобы я заразился от неё «нехорошей болезнью» и потом мучился всю жизнь. Всякий раз в подвале она лишь крепко обнимала меня.

…28 апреля часов в 12 я отправился с тележкой и бидонами за водой и неожиданно заметил над башней ратуши белый флаг. Но почти сразу его сняли и раздались одиночные выстрелы и длинные автоматные очереди. Вечером от пришедших за ужином солдат я услышал, что несколько горожан опять попытались водрузить белый флаг над ратушей, чтобы дать знать русским, находившимся на аэродроме, о капитуляции. Однако эсэсовцы расстреляли зачинщиков.

В тот же день, после обеда, во дворе на груде наваленных бревен я увидел вместе с двумя конвоирами двух незнакомых мне военнопленных. Молодой был обут в ботинки с обмотками, а другой – пожилой – в желтые высокие немецкие сапоги. Я поздоровался с ними, а они спросили, чем я здесь занимаюсь. Мой ответ старший истолковал по-своему, сказав: «Значит, они нас не расстреляют». Однако почти сразу обоим пришлось расстаться с этой мыслью, так как какой-то немецкий солдат набросился на пожилого пленного с кулаками за то, что он был обут в сапоги, которые якобы отнял у беззащитного немца. Начал обзывать этого пленного и всех русских грабителями и варварами. Один из конвоиров отогнал этого солдата.

Я хотел попросить поваров покормить этих пленных, но конвоиры их куда-то увели – возможно, на расстрел.

Вернувшись в тот вечер в тюрьму, я узнал, что почти все камеры в ней переполнены новыми арестованными – немцами и немками, причем женщин поместили даже по 10 человек в камере, рассчитанной на одного. Среди заключенных оказалась и моя «зазноба» Галя. Я справился у Тамары и Дуси о причине ее ареста. Они сказали, что Галя попалась на краже у подруги какой-то ценной вещи. Между ними произошла драка, и виновницу привели в тюрьму. Вскоре, однако, Галю выпустили.

В воскресенье 29 апреля у меня произошла одна удивительная встреча. После обеда, когда я остался один на кухне, в дверях возникла очень знакомая фигура. Это оказался мой бывший охранник Вилли Нииндорф. Он робко поздоровался

со мной и попросил разрешения войти. Я пригласил его к столу и спросил, не желает ли он съесть тарелку супа, оставленного поварами. Вилли с радостью согласился, сказав, что уже давно ничего не ел.

Вилли рассказал мне, что на рассвете на колонну наших пленных наткнулась группа наших кавалеристов. Заметив их, Вилли и фельдфебель Хебештрайт с Эрикой, шедшие сзади, моментально юркнули в кусты – пробежали метров 100 и залегли. А в это время пленные и кавалеристы начали шумное братание. Затем кавалеристы столкнули с повозки коляску со священником, а конвоиров Рахеля и Хёхта приказали расстрелять, вручив винтовку Саше Зинченко. Саша, не сказав ни слова в защиту этих добрых конвоиров, лишил их жизни. После этого колонна продолжила движение в прежнем направлении, но в сопровождении нескольких кавалеристов.

Через некоторое время, выйдя из леса, но не рискнув забрать с собой священника и сопровождавших его женщин, Вилли, фельдфебель и Эрика в течение двух суток осторожно добирались до Каменца, где остановились у знакомых фельдфебеля. А вчера Вилли встретился случайно с одним из наших мастеров, который и сообщил ему, где я нахожусь. Поэтому Вилли решил сегодня меня проведать. Вилли, рассказав о расстреле Рахеля и Хёхта, заметил, что я не стал бы убивать этих конвоиров. При этих словах Вилли я подумал, что именно так бы и поступил, а то меня самого могли прикончить или кавалеристы, или свои же товарищи. Мне посчастливилось, что я тогда убежал. На прощание Вилли заявил, что не имеет на меня никакой обиды за побег. Мы расстались, пожелав друг другу счастья.

А на другой день, направляясь с одной из девушек за картофелем, я увидел около гостиницы фельдфебеля Хебештрайта. Меня удивило, почему он не пришел ко мне на кухню. Я подумал, не намеревается ли он застрелить меня за побег и за гибель Рахеля и Хёхта. Поэтому решил не встречаться с фельдфебелем и целый час прятался, дожидаясь его ухода. Больше я фельдфебеля не встречал.

О том, что произошло с фельдфебелем дальше, мне рассказал через много лет Толя Гудовичев. В первой декаде мая он в Каменце на сборном пункте для бывших советских военнопленных случайно встретился с Лёшей Ковкуном. Там же находился молодой пленный, прибывший в лагерь в конце 1944 года. Однажды фельдфебель справедливо наказал его за большую провинность, но на следующий день, как обычно, послал на хорошую – «калымную» работу. Когда советские солдаты освободили пленных, этот парень увидел фельдфебеля

на сборном пункте для немецких военнопленных и отомстил ему, отдубасив его палкой, заявив охране, что этот комендант лагеря издевался над ним.

Толя и Лёша, узнав о том, что фельдфебель оказался в трудном положении, побежали на сборный пункт выручать его. Они попросили охрану пропустить их к «одному пожилому и толстому немецкому офицеру, который хорошо относился к советским военнопленным, будучи комендантом лагеря». Они хотели похлопотать за него перед советским военным начальством. Но Толя и Леша забыли его фамилию, и охрана их не пропустила, так что они не смогли помочь Хебештрайту. Как дальше сложилась судьба фельдфебеля, мы так и не узнали.

Начиная именно с 30 апреля, к нам в тюрьму с продуктами и куревом приходили незнакомые немцы, просившие написать им справку, что они «хорошо относились к советским людям». Я написал такую справку от имени Саши Гуляченко его лечащему врачу, но он не захотел ее взять. Мы написали такую справку надзирателю, ходившему с Андреем Маркиным и Толей Шишовым за продуктами на канализационную станцию. Справки писали карандашом на листочках бумаги, которую приносили с собой немцы. К нам за справкой обратился также наш мастер Гельрих, опекавший работы в каменном карьере. Он захотел получить еще две справки – для своей жены и дочери, чтобы «русские солдаты не могли их изнасиловать». Но я отказался, поскольку никогда не видел этих женщин, да и глупо было писать такую «охранную грамоту».

1 мая 1945 года запомнилось отличной погодой и началом бурного цветения сирени и плодовых деревьев и кустарников. В тот день к тюрьме пришли несколько немок, чтобы проведать своих арестованных родных и друзей. Вдруг одна молодая немка во дворе громко прокричала потрясающую новость: «Фюрер мертв, он пал в бою». Я, конечно, сразу передал это товарищам, которые сказали: «Жаль, что этого изверга не взяли живым». Позднее мы узнали, что он не пал в бою, а покончил с собой вместе с обручившейся с ним Евой Браун.

2 мая утром Матиас, как обычно, привел меня из тюрьмы на кухню, а потом он, старик Михель и еще один солдат завели во двор теленка и зарезали его, так что обед у нас был особенным – с мягким и очень вкусным мясом телёнка.

После обеда старший повар Рюдигер сообщил, что мы будем кормить городское начальство и поэтому надо подготовить самое лучшее из еды и питья и накрыть оба больших стола. Я посчитал, что меня, как военнопленного, к этой работе не привлекут, но ошибся. Рюдигер попросил меня принести небольшую бочку

с каким-то спиртным, а также бутылки с вином и пивом. Когда я эту работу выполнил, а поварам было не до меня, мне очень захотелось узнать, что находится в бочке. Поэтому я взял на кухне стакан, поставил его под кран бочки, набрал полстакана густой красной жидкости и потихоньку начал её пробовать. Оказалось, это сладкое и очень крепкое спиртное, какого я еще ни разу не видел и не пил.

Как только я опустошил стакан, в кладовую со своим стаканом тихо зашёл Матиас, который тоже налил себе полстакана этого напитка и предложил мне выпить вместе с ним. Я сказал ему, что боюсь пить это спиртное. Но Матиас заверил меня, что это очень хороший ром и большая редкость в наше трудное время. И я выпил еще полстакана, после чего мы закусили на кухне остывшей телятиной. Затем уже оба, слегка запьянев, сбегали в уборную и возвратились, когда оба стола на кухне уже были почти накрыты и недоставало лишь спиртного.

Рюдигер, не заметив, что мы с Матиасом уже «навеселе», попросил нас посидеть в кладовке, пока мы не понадобимся. Чуть позже Рюдигер зашел к нам и сказал, что получил приказ – завтра утром выехать вместе с воинской частью и доставить кухню на другое место. Он спросил меня, не желаю ли я поехать с ними. Хотя я был не совсем в своём уме от выпитого спиртного, я всё же решительно отказался от этого предложения.

Наконец, на кухне за двумя столами уселись несколько солидных гостей, одетых только в гражданскую одежду. Затем вместе с Матиасом мы слушали их громкие разговоры и споры. При этом Рюдигер периодически подносил гостям стаканы или рюмки со спиртным, а мы с Матиасом наполняли их.

Гости обсуждали, целесообразно ли защищать Каменц от «полчищ большевиков» или надо сдать его противнику без боя, чтобы сохранить город от разрушения и избежать человеческих жертв. Один из присутствовавших, на лацкане пиджака которого ярко блестел круглый значок члена нацистской партии, требовал «ни за что не сдавать русским город, превратить его в крепость и защищать до последней капли крови, мобилизовав всё население, способное носить оружие». «Лучше погибнуть, чем позорно сдаться иудо-большевикам», – заявил этот человек. В конечном итоге все одобрили предложение командования гарнизона об объявлении Каменца городом-крепостью.

И это одобрение меня, совсем пьяного, вывело из себя. Я выскочил из кладовки в своей советской военной форме и, размахивая поднятым кулаком, закричал на главного из них по-немецки: «Никакой крепости! Не надо разрушать прекрасный город Каменц, не надо убивать людей! Сдайте город без боя, и всё

будет хорошо!».

Эсэсовец на мгновение остолбенел от наглости, но быстро опомнился, выхватил пистолет и заорал на Рюдигера: «Кто этот нахальный пёс, откуда он взялся?» Рюдигер поспешно ответил: «Это давнишний русский пленный, хороший юноша, он работает у нас на кухне и сильно устал. Не обращайте на него внимания!» И быстро втолкнул меня обратно в кладовку. Я свалился на пол и крепко уснул.

А Каменц все же не стал крепостью и сдался без боя 7 мая. Это произошло благодаря тому, что делегация горожан во главе с рабочим-коммунистом Стефаном Вихой пришла к командованию части, расположенной на аэродроме, и договорилась о сдаче города. Мне было приятно думать, что своей смертельно опасной выходкой я тоже повлиял на судьбу города.

…Не помню, сколько я пролежал тогда в кладовке. Матиас разбудил меня. На кухне всё уже было убрано. Рюдигер сказал мне: «Благодари Бога, что тебя сразу не расстреляли. Знаешь ли ты, к кому обращался? Ведь это был сам Цицман, руководитель нацистской партии в Каменце, то есть главное лицо в городе и округе».

Затем Рюдигер подвёл меня к ведру, заполненному остатками «пиршества», среди которых были куски мяса, хлеба и другая еда, и предложил захватить всё это с собой. Но Рюдигер не захотел расстаться с казенным ведром, и мне пришлось расстелить на столе свою шинель подкладкой к верху и выложить на нее содержимое ведра. Я превратил шинель в подобие мешка и, тепло попрощавшись с поварами, вышел из кухни вместе с Матиасом, поведшим меня в тюрьму.

Надзиратель в тюрьме удивился, что я как-то странно несу шинель, и, посмотрев что в ней, открыл камеру и впустил меня. Споткнувшись о порог, я упал на пол, и содержимое шинели открылось, вызвав общую радость. А я начал хвастаться, что осмелился потребовать у самого Цицмана, главного начальника Каменца, чтобы город был сдан Красной армии без боя. Ребята тут же догадались, в каком я состоянии, подняли меня и стали ругать: «Ты что, совсем обнаглел? Мы беспокоимся за свою и твою жизнь, а ты пустился в загул! А что если Цицман пришлет утром своих церберов, и они нас расстреляют?»

Наконец товарищи принялись за еду, уложив меня спать на пол, на который предварительно подстелили газеты. Мою шинель они оставили подкладкой вверх, чтобы она, намокшая и частично покрывшаяся жиром, подсохла к утру.

Глава III

Утром 3 мая, после чая без хлеба, к Саше пришел врач и перевязал его рану. Он сообщил нам, что с завтрашнего дня город объявлен крепостью и издан второй приказ об эвакуации всего гражданского населения Каменца и его округа на юг страны. А что будет с нами, он не знает, но остающиеся в городе эсэсовцы могут совершить в отношении нас самое худшее. Врач предупредил, что все военнопленные считаются уже отправленными в тыл, а нас теперь могут и не признать военнопленными. Затем врач дал Саше рекомендации по уходу за раной и оставил ему запас бинтов, ваты и марганцовки.

Наступили часы мучительного ожидания. Чтобы чем-то занять время, Андрей Маркин предложил постричь мою голову, волосы на которой чересчур выросли. Я согласился, и он, взяв из мешка собственные ножницы, приступил к работе, пользуясь своей же расческой. Скоро я оказался остриженным «под польку».

После 10 часов дверь камеры открылась, и к нам вошёл незнакомый надзиратель. Он грубо приказал нам встать, забрать свои вещи и спуститься с ним во двор.

У ворот мы увидели одетых в черные мундиры, брюки навыпуск и пилотки с изображением человеческого черепа четырех эсэсовцев, вооруженных автоматами. Мы остановились перед ними, и надзиратель доложил старшему о нас, после чего тот, не ответив ни слова, открыл калитку и громко произнёс: «Всем выйти!» И мы вышли на улицу.

Но тут я не выдержал и сказал старшему конвоиру: «Вы видите, у нас раненый и он не может идти. Как же быть?» Конвоир ответил: «Ничего, идти совсем недалеко. Донесете его!» Как только я услышал эти слова, мгновенно вспомнил, что недалеко от тюрьмы находятся кладбище и место для расстрелов, и подумал, что нас ведут именно туда. Поэтому я сразу сообщил своё предположение товарищам, и мы наспех сказали друг другу слова прощания.

В это время нам повстречалась шумная колонна, в основном из советских гражданских мужчин и женщин, некоторые были с детьми, многие тащили за собой ручные тележки с личными вещами и запасом продовольствия.

На улице меня заметила знакомая пожилая немка, которая шла с мужем – бывшим охранником лагеря в Цшорнау, имевшим прозвище Интеллигент. Она удивилась, увидев меня под стражей, и спросила: «Юрий, куда вас ведут?» Я, не раздумывая, ответил ей: «Видимо, на расстрел». Тогда ее муж быстро подошёл к старшему конвоиру, поприветствовал его по-военному, правда,

без слов «Хайль Гитлер», и отвёл в сторону, причем в их разговоре активно участвовала и жена.

Прошло несколько минут, и супружеская пара, пожелав всем счастья, ушла своей дорогой. А навстречу нам продолжала двигаться колонна гражданских лиц. Наш конвоир о чем-то переговорил с охранником этой колонны, потом подозвал меня к себе и сказал по-немецки примерно следующее: «Не думайте о об эсэсовцах только плохое. Как можно быстрее присоединяйтесь к колонне, переодевайтесь в гражданскую одежду, если она найдется у ваших соотечественников». Так мы освободились от военного плена и превратились в гражданских пленных.

В колонне нам быстро достали нужную одежду: рабочие куртки, брюки, кепки, а для Саши Гуляченко выделили отдельную тележку, в которую мы сложили шинели. Поверх вещей на тележку посадили раненного Сашу.

Зная, что мы очень голодны, три девушки, обеспечившие нас одеждой и отдавшие нам тележку, накормили нас картошкой в мундире, лепешками и кофе. Среди этих девушек была давно знакомая русская Аня (маленькая) из-под Курска, работавшая в Каменце на аэродроме. В дальнейшем все эти три девушки, две из которых были хохлушками из-под Житомира, не разлучались с нами до окончания войны. На первом же привале нас разыскали и присоединились к нашей группе Тамара, Дуся и Галя из Цшорнау. Они подробно рассказали, что произошло с ними в последние дни. Оказывается, некоторые девушки подготовились к эвакуации перед тем, как покинуть хозяев: взяли у них тележки, в которые сложили запас продуктов, одежду, посуду и даже топорик для заготовки дровишек в пути. В Каменце, явившись на указанное место, они получили по 500 граммов хлеба.

Аналогичный приказ об эвакуации был дан 4 мая всему немецкому гражданскому населению Каменца и его округа, поэтому по шоссе одновременно с нами двигались без охраны и горожане с тележками, и сельские жители на фурах, тяжело нагруженных продовольствием и скарбом, запряженных, как правило, двумя лошадьми. Сзади некоторых фур были привязаны коровы, которых кормили во время остановок и доили утром и вечером. Кое-кто ехал и на автомашинах…

Когда мы вступили в небольшую деревню, где, как оказалось, жила и работала какая-то подруга наших девушек, Тамара, Дуся и Галя, предупредив охранника, отлучились, чтобы узнать, там ли она еще находится. Однако вернулась одна Тамара, сказавшая, что их подруга находится на месте, не собирается никуда

эвакуироваться и, по просьбе хозяев, будет присматривать за домом и скотиной в их отсутствие. Очаровав старого охранника, Тамара упросила его отпустить с ней к подруге всю нашу мужскую группу.

Подруга накормила нас молоком, картофелем, домашней колбасой и хлебом и преподнесла по рюмке украинского самогона, а потом предложила нам спрятаться и дождаться, пока Красная армия не займет деревню.

Но Андрей Маркин и Саша Гуляченко стали возражать. Они говорили, что это очень опасно, поскольку охранники заметят наше отсутствие и не успокоятся до тех пор, пока нас не найдут и, соответственно, не накажут. Если нам и удастся отсидеться, то наши солдаты, застав нас в компании девушек, подумают, что мы дезертиры, отлично устроившиеся рядом с бабами, в то время как они сражались. Пришлось согласиться с доводами друзей и вернуться к колонне, захватив с собой кое-что из продуктов, немного табаку и поваренной соли. А все девушки остались в деревне, но их отсутствие прошло незаметно для сменившихся охранников.

Надо сказать, что охранники следили за своими подопечными не строго, поэтому уйти из колонны не составляло большого труда. Вместе с тем они совсем не заботились о том, чтобы обеспечить нас какой-либо едой.

На закате солнца колонна прибыла на окраину знакомого мне городка Гроссрёрсдорф. Нас завели на территорию какой-то фабрики и предоставили для ночевки длинное, с высоким потолком и совсем пустое кирпичное помещение, на бетонном полу которого лежала смятая солома. По-видимому, до нас здесь ночевали люди из другой колонны.

Когда все определились с ночлегом, девушки заставили мужчин поискать на территории фабрики топливо. Мы принесли дровишки и разожгли костер, а девушки вскипятили воду и организовали для всей компании ужин из каши и чая с хлебом. Ночью я и Женя Волчанский долго не могли уснуть, взволнованные присутствием молоденьких и шустрых соседок – хохлушек, которые разрешили обнимать и целовать их, но дальше ни зачто не пускали. А проявить по отношению к ним насилие или обмануть их, обещая жениться, было не в наших правилах.

4 мая утром охранники подняли нас не так рано. После завтрака нам объявили, что в этот день наша колонна не будет двигаться дальше, но желающих мужчин попросили вместе с тремя охранниками отправиться назад в сторону Пульснитца, чтобы в покинутых жителями деревнях собрать оставленных во дворах коров и пригнать их стадом в Гроссрёрсдорф.

Прежде чем отправиться в путь, мы освободили свои вещевые мешки, полагая, что в покинутых деревнях непременно найдем кое-что из продовольствия. Так оно и оказалось.

…Мы зашагали мимо леса по обочине шоссе, которое в это время уже было заполнено беженцами. Среди них я заметил знакомого мужчину. Это был Макс, в сарае которого я провёл ночь и укрывался там же днём. На тяжело нагруженной фуре сидели его супруга Эдит и сноха Марианна. Кажется, Макс тоже узнал меня в новой одежде, но ничего не сказал – возможно, он принял меня за русского разведчика.

Скоро меня ждал еще один сюрприз: в группе будущих «пастухов» оказался араб Ибрагим, с которым я недавно работал на кухне гостиницы «Леман». Про него рассказывали, что он случайно погиб в Каменце, но ошиблись.

Нашей группе, состоявшей из пяти человек и сопровождаемой одним охранником, досталась самая дальняя деревня. Зайдя в крайний дом, мы удивились, что на кухне весь стол был заставлен самой различной едой, даже бутылками вина. Охранник сказал, что хозяева сделали это специально, чтобы русские солдаты не стали переворачивать весь дом в поисках еды. На видных местах была развешена и сложена одежда и обувь, которую солдаты тоже могли взять с собой.

Естественно, и мы, и охранник досыта поели и распили пару бутылок некрепкого вина. Затем сложили продукты в вещевые мешки и погнали коров на луг. К вечеру все стадо из нескольких деревень мы пригнали в Гроссрёрсдорф.

На следующий день колонна вышла из Гроссрёрсдорфа и продолжила движение на юг. Наша группа тащила за собой три тележки, на одной из которых сидел Саша, а на других двух находились личные вещи девушек и запас продуктов. Часть продуктов несли за спиной в вещевых мешках. В день колонна проходила не более 25-ти километров.

Около железнодорожной станции Арнсдорф рядом с нами появился одетый в немецкую униформу унтер-офицер, оказавшийся русским. Он сказал, что догоняет свою воинскую часть. «А какую часть?» – спросил его Андрей. Но тот не ответил, только махнул рукой и быстро отошёл от нас. Спустя примерно месяц мы снова увидели его уже в гражданской одежде весело шагавших в колонне… бывших военнопленных.

Миновав городок Штольпен, в каком-то хуторе я и Женя Волчанский вечером 5 мая хотели зайти в один из домов, чтобы взять оттуда возможно оставленные хозяевами продукты. Однако у порога дома нас встретил пожилой мужчина, который вдруг поприветствовал нас на русском языке. Оказалось, он – чех,

в прошлую войну как австрийский военнопленный оказался в России, а потом стал легионером Чехословацкого корпуса. Вернувшись из России, он женился на немке и поселился на хуторе. На днях он отправил семью в Чехию, а сам остался ждать прихода русских. Этот чех поделился с нами новостями с фронта. Выяснилось, что он тайно слушал передачи по радиоприёмнику. Утром он поймал сообщение из Праги – там поднялось восстание против немецких оккупантов. Радио сообщило, что на помощь к восставшим пришли русские солдаты в немецкой военной форме с нашивками, на которых имелись буквы РОА[13].

…Мы продолжали двигаться на юг, и наконец за городком Ломен на нашем пути появились высокие горы. Они были из песчаников, поросшими хвойными деревьями, и кое-где представляли собой каньоны почти с вертикальными стенами и падающими по ним струями воды. Многие из нас, никогда до войны не бывавшие на Кавказе, в Крыму или на Урале, увидели горы впервые в жизни, и они потрясли нас своей красотой и величием и даже изменили наши планы. Еще накануне Женя Волчанский, Андрей Маркин и я намеревались бежать на восток навстречу нашим войскам. Сашу Гуляченко мы хотели оставить под опекой Толи Шишова и девушек. Но, увидев горы, мы решили идти дальше, чтобы вдоволь полюбоваться красотами природы, которых потом мы могли больше не увидеть, даже если останемся живыми.

К вечеру 6 мая мы вышли на правый берег Эльбы, протекавшей между сплошными высокими зелеными горами и каньонами. Впереди на юге на большой высоте над левым берегом виднелись башни средневековой крепости – города Кёнигштайн. Обгоняя фуры с лошадьми и автомашины, перед наступлением ночной темноты мы добрались до очень живописного города Бад-Шандау, растянувшегося по правому берегу реки.

Место для ночлега выбрали у самого края воды. Было уже совсем темно, и лишь огонь от костра освещал место, где мы сидели и довольно шумно разговаривали. И вдруг я услышал знакомый голос, голос Сергея Кулешова, чей подарок – красноармейская гимнастёрка, – в это время был на мне. В конце июля прошлого года фельдфебель Хебештрайт отправил Сергея из Цшорнау в какой-то в другой лагерь, и с тех пор никто из нас о нём ничего не слышал. И вот произошла совершенно случайная встреча с ним. Оказалось, Сергей находится в бегах и направляется навстречу нашим войскам. Мы предложили Сергею присоединиться к нам, но он не согласился и, вскоре

попрощавшись, исчез в ночной темноте. С тех пор я не видел Сергея до 1949 года, когда случайно увидел его в Центральном парке культуры и отдыха им. Горького азартно играющим в волейбол на общегородском соревновании молодёжи. Он тоже заметил меня и, когда игра закончилась, подошел ко мне. Затем наша дружба продолжалась вплоть до его кончины в 1965 году…

…После того как Сергей ушёл, мне стало не по себе, что мы не последовали за ним, хотя охрана у нас была не очень строга. Я сказал об этом Андрею, устроившемуся спать рядом со мной под открытым небом, и мы пришли к решению, что завтра утром, как бы то ни было, убежим.

7 мая часам к восьми мы подошли к городку Шмилка, миновали его и оказались на территории Чехословакии, а точнее – в её Судетской области, населенной в основном немцами. Часам к 11-ти мы увидели впереди город, называемый немцами Тэчен, или по-чешски, Дечин. Пока мы всматривались в этот город, находящийся примерно в 75 километрах севернее Праги, внезапно над ним появилась эскадрилья бомбардировщиков и штурмовиков. Они с ходу, не обращая внимания на огонь зенитной артиллерии, начали с низкой высоты бомбардировку и обстрел обеих частей города и мостов через Эльбу, по которым двигались немецкие войсковые соединения. После самолётов и долгого простоя колонны охранники приказали нам двигаться дальше. На повороте к железнодорожному мосту среди убитых и раненых находились не только военные, но и гражданские немцы, включая женщин и детей, и даже советские военнопленные. Наша колонна остановилась там из-за большого скопления людей. В этот момент сложилась очень благоприятная обстановка для побега. Вместе с Андреем и Женей мы подошли к Толе Шишову, Саше Гуляченко и трем нашим спутницам и сообщили им о намерении бежать. Однако они решительно заявили, что бежать надо всей компанией. Пришлось с этим согласиться. Убедившись, что охранников среди массы людей нигде не видно, мы повернули наши тележки влево от шоссе, на восток, и быстро зашагали вдоль железнодорожной колеи по крайней улице города, которая со стороны шоссе была плотно засажена деревьями, так как за ними охранники практически не могли нас увидеть.

Никто навстречу не попался и не гнался за нами. За городом мы увидели ряд стандартных деревянных бараков, окруженных колючей проволокой. Это был местный лагерь советских военнопленных. На всякий случай мы решили остановиться и понаблюдать, не охраняется ли лагерь часовыми. Но их

не оказалось. Двое из нас забежали в лагерь, но он был совершенно пуст. Через час, сильно устав и мучаясь от жажды, мы осторожно вошли в большую и, казалось, совсем безлюдную деревню и остановились у крайнего дома на улице, идущей параллельно берегу Эльбы (по-чешски – Лабы). Андрей Маркин постучал в двери дома, но никто не отозвался. На кухне, как уже было в Германии, хозяева оставили набор продуктов, но часть их уже кто-то забрал до нас. Однако в подполе было полно картофеля, брюквы, кольраби, моркови, капусты и банок с консервированными овощами и фруктами. На втором этаже дома, где располагались три спальни, все постели на деревянных кроватях были аккуратно заправлены, никто их не тронул.

В первую очередь все напились воды из колодца и помылись. Тележки поставили в сарай и постелили солому и сено, чтобы заночевать там. Девушки сварили картофель и, пока он готовился, побывали в комнатах и забрали там кое-какие женские вещи.

Глава IV

Утром 8 мая, пока девушки готовили на кухне нехитрый завтрак, главным образом из оставшихся продуктов, мы с Женей Волчанским вышли на улицу. На небольшой центральной площади мы увидели группу жителей, разговаривающих по-немецки. Они прикрепляли к столбу какое-то полотнище. Оно оказалось чехословацким национальным флагом. Прислушавшись к разговору жителей, я узнал, что Германия уже капитулировала и официально война закончилась. Мы решили уточнить, действительно ли кончилась война, так как ночью слышали, что не очень далеко еще шли бои. Переодевшись в свою военную форму, в сопровождении Жени Волчанского я опять отправился в деревню. Мы увидели там нескольких мужчин и уверенным шагом приблизились к ним, поприветствовав их по-военному, как принято в Красной армии. Моя советская форма и то, что я говорю по-немецки, очень удивили этих мужчин. Мы объяснили им, что вчера в составе группы пленных прибыли в их деревню, а теперь хотели бы узнать, по какому случаю вывешен в деревне чехословацкий флаг. Солидный пожилой немец, представившись бургомистром деревни, сообщил, что командование вооруженными силами Германии подписало акт о безоговорочной капитуляции и поэтому он посчитал нужным вывесить этот флаг: «Когда русские войска займут деревню, пусть они знают, что находятся в Чехословакии, а не в Германии»[14].

Бургомистр, по-видимому, принял меня не за обычного советского военнопленного. Возможно, он подумал, что я разведчик, посланный под видом военнопленного, поэтому обратился ко мне с вопросом, как ему поступить с имеющимся в деревне складом винтовок и другого стрелкового оружия. Я ответил, к сожалению, очень глупо: «Всё немедленно сбросить в Эльбу».

Затем мы вернулись в дом, остальные ребята тоже переоделись в одежду военнопленных и решили добираться в Дрезден, который уже был занят Красной армией. Но не успели мы войти, как пришел бургомистр и попросил помочь отвезти винтовки на берег Эльбы. К счастью, от склада до Эльбы было не более 150 метров, поэтому мы потратили не так много времени и сил, чтобы дотащить туда две телеги, сделав три рейса. Но после этого ребята начали меня ругать, зачем я согласился на такую работу, хотя наверняка в деревне для этого достаточно своих людей.

Когда я заявил бургомистру, что, к сожалению, у нас нет больше времени для транспортировки винтовок, он остался этим недоволен. А дальше он спросил, как ему поступить с запасом армейских мясных консервов. Я сразу ответил: «Раздайте их населению!» И, конечно, опять сделал большую глупость, не попросив нам на дорогу хотя бы десяток банок. И за это мне очень досталось от ребят.

В это время в дом вернулись хозяева, которых мы поздравили с окончанием войны и, извинившись за допущенный во дворе и в доме беспорядок, отправились в обратный путь. На шоссе нам повстречалось несколько грузовиков с немецкими военными, в основном эсэсовцами. К счастью, они не посчитали нужным обратить на нас внимание, хотя в такой ситуации могли и расстрелять. Теперь им явно было не до советских пленных – видимо, боялись, как бы самим не угодить в плен.

Когда мы добрались почти до центра Дечина, вдруг увидели пехотинцев с советским стрелковым оружием. Оказалось, это следовала на Прагу польская воинская часть. Внезапно какой-то молоденький солдат, от которого разило спиртным, выскочил из строя и стал меня обнимать, восклицая: «Анджей, Анджей, вот ты где! Давай пойдем с нами в Прагу, а там – к американцам. Поедем жить в Америку, будем жить там хорошо!» Инцидент закончился тем, что командир загнал солдата в строй.

Дальше мы опять встретились не с теми, кого мы так ждали – подошла большая группа бывших военнопленных. Вдруг один пленный узнал меня: летом 1943 года мы вместе находились в лазарете в Шморкау. Увидев на мне советскую военную форму,

он закричал товарищам: «Вот он! Вот он, наш солдат-победитель! Качать, качать его!» Толпа сразу подняла меня на руки и стала побрасывать, высоко кидать вверх и снова ловить. Напрасно я кричал, что я такой же, как они, пленный. Но это не помогало – им так хотелось встретить настоящего советского фронтовика.

Наконец все успокоились, и я спокойно поговорил с товарищем, который, оказалось, шел из лагеря в Кёнигштайне, где содержались не только русские, но и военнопленные из других стран. Среди них были два красивых француза, одетые в необычные брюки: одна штанина имела темно-зеленый цвет, а другая – ярко-красный. Спросили, что это означает. Получили ответ, что эти военнопленные ребята соблазнили на работе двух молодых немок и поэтому были заключены в каторжную тюрьму с ношением таких особых брюк.

Когда вся толпа продолжила движение, ко мне подошел пожилой чех и попросил срочно помочь ему избавить людей от страшной угрозы: вчера утром во двор их дома упала бомба, но не взорвалась. Надо, чтобы я ее обезвредил. И от такой просьбы я просто остолбенел. Но услышавшие слова старика Андрей Маркин и другие заступились за меня, объяснив, что я не сапер, а жителям надо дождаться прихода специалистов, а пока оцепить опасное место и сделать надпись «Осторожно, бомба!».

Бедный чех остался нами недоволен, а мы продолжили движение, намереваясь выйти из города. На главной улице в это время скопилось множество фур с лошадьми, грузовых и легковых автомашин, пешеходов с тележками и без них. Из-за этого мы не могли продвигаться достаточно быстро, а кроме того, совсем не знали, где нам найти хоть какое-либо пристанище. Среди беженцев нам повстречались немцы из Каменца, в частности, высокий косоглазый кучер, работавший раньше на кухне аэродрома и не очень жаловавший нас – пленных. А теперь он заискивающе смотрел на нас. И вот в этой суматохе вдруг раздались крики: «Русские! Русские, солдаты!» И, действительно, показались вооруженные автоматами красноармейцы и обгоняющие их грузовики с вооруженными солдатами, а также легковые автомашины самых различных типов и марок с офицерами и высшими чинами. Люди обступали их, поздравляли и уступали дорогу.

Почти все солдаты оказались в сильно загрязнившихся гимнастерках с измятыми погонами, в грязной обуви, обросшими. Они шли беспорядочно, не строем. Признаться, этот внешний вид наших воинов у меня, привыкшего в Германии видеть хорошо ухоженных, всегда и во всем соблюдавших строгий порядок

немецких военнослужащих, сразу вызвал какое-то разочарование. Конечно, мы понимали, что нашим воинам, которые в последние дни непрерывно наступали, было не до приличного внешнего вида.

Поскольку войска очень спешили на Прагу, то они начали конфисковывать у беженцев автомашины. Мы стали свидетелями, как один майор выгнал из машины престарелых мужчину и женщину и трех маленьких детей. Старик умолял оставить им машину. Я не выдержал и стал переводить майору просьбу старика. Старик говорил, что он один из бывших руководителей Социал-демократической партии Германии, сейчас очень болен и слаб, добраться пешком до дома он и его супруга с внуками не состоянии. Но майор остался непреклонным, сказав: «Ничего, добёрётесь! Я же добрался сюда от самого Сталинграда!»

После того как майор уехал, один из присутствовавших при данной сцене и слышавших мою немецкую речь военных, спросил у меня имя, фамилию и другие сведения о себе, а затем неожиданно предложил сейчас же поступить к нему на военную службу в качестве переводчика. Я, разумеется, с великой радостью согласился. И тут же, спешно попрощавшись с товарищами, и забыв от волнения захватить с собой шинель и мешок с личными вещами, быстро взобрался на заднее сиденье стоявшей вблизи «трофейной» легковой автомашины моего нового командира – капитана. А рядом со мной села красивая молодая женщина-лейтенант, которой капитан представил меня, однако она с недоверием и даже враждебно посмотрела на меня. Когда мы доехали до того красивого многоэтажного дома, во дворе которого лежала неразорвавшаяся бомба, а на витрине обувного магазина были выставлены отличные мужские и женские сапоги, лейтенант грубо приказала мне выйти, разбить витрину и принести ей оттуда сапоги. Я сначала опешил от этих слов, но быстро пришёл в себя и резко ответил, что, во-первых, мы находимся в Чехословакии и не следует обижать братьев-чехов, а, во-вторых, во дворе лежит неразорвавшаяся бомба, которая в любой момент может взорваться. Лейтенант разозлилась и истерично закричала на меня: «Вон из машины, гадёныш, предатель Родины! В Сибири тебе гнить и сдохнуть, мальчишка!» После этого капитан молча открыл заднюю дверь автомашины и выпустил меня. Так мне и не удалось оказаться в рядах действующей армии и с честью вернуться домой после окончания войны.

Автомашина исчезла за поворотом улицы, а я поспешил догнать товарищей, так как другого выхода не было. К счастью, они не ушли слишком далеко. Вскоре возле нас остановилась

немецкая легковая автомашина, из которой вышел водитель, поприветствовавший нас по-русски словами «Добрый вечер!». Далее он пытался объясниться со мной по-польски, но я попросил его перейти на немецкий язык.

Оказалось, что он поляк, работавший в деревне под Дрезденом у немецкого хозяина. Вместе они отправились в эвакуацию, а сегодня он оставил эту семью и хочет на машине вернуться в деревню, чтобы потом уехать на родину в Польшу. Он опасался, что русские солдаты отнимут машину, поэтому попросил составить ему кампанию до Дрездена, считая, что русские не посмеют отнять её у своего солдата в военном обмундировании. Кроме меня он обещал захватить и товарищей, но в машине могли уместиться еще только три человека. Толя Шишов сразу отказался, сказав, что остается с Аней маленькой, но обе другие наши девушки очень не хотели разлучаться с нами. Пришлось все же не поддаваться их слезам и оставить их на попечении Шишова.

Когда мы стали подъезжать к городку Грженско, двое красноармейцев, видимо, регулировщиков, остановили машину и спросили, кто мы и куда едем. Я ответил, что везу раненного военнопленного и его двух товарищей. Они посочувствовали Саше, пожелали доброго пути и отпустили нас. Затем мы доехали до пограничного пункта Шмилка, где с нами произошло почти то же самое, что и в Грженско. Но здесь перед нашим отъездом один из солдат вдруг снял с моей головы артиллерийскую фуражку, примерил ее на свою голову и предложил: «Махнемся на мою пилотку?» Пришлось согласиться и получить взамен выгоревшую от солнца и загрязненную потом и пылью красноармейскую пилотку. А на третий раз нам и вовсе не повезло. Недалеко от Кёнигштайна мы опять встретились с группой военных, но они не стали слушать никаких моих объяснений, а просто выгнали нас всех из машины и выбросили наши вещи, а сами сели в неё и выехали в обратном направлении.

Поляк, пожелав нам всего хорошего, покинул нас, скрывшись за домами, стоявшими недалеко от шоссе. Мы доковыляли до ближайшего дома, заметив в его окне огонёк свечи. Через окно я увидел, что хозяин дома хлопочет возле большой кухонной печки. Мы громко постучали, и он впустил всю нашу компанию.

Я поприветствовал хозяина и попросил разрешения переночевать у него. А еще я попросил покормить нас, чем может, но ничего, кроме картошки, у него не оказалось. Пока картошка варилась, я выслушал жалобы хозяина: русские всё у немцев отнимают, а еще хуже – насилуют женщин, даже девочек, постоянно требуют спиртного и ходят пьяными, как будто ничего

лучше на свете не существует. Немцам приходится голодать. Я пытался возразить хозяину, что так же поступали немецкие военные с населением на оккупированных территориях.

Наконец мы поели картошки, и хозяин, пожелав нам спокойной ночи, ушёл. Вдруг дверь кухни открылась, и к нам ввалился вооруженный пистолетом пьяный пехотный старшина. Без каких-либо приветствий незваный гость уселся на стул и заорал на нас: «Кто вы такие? Что тут делаете?» Ответил Андрей: «Мы бывшие пленные, остановились здесь на ночлег». И тут же старшина, вытащив из кобуры пистолет, «уточнил», кто мы такие: «Вы предатели Родины, изменники! Мы проливали на фронте кровь, а вы отсиживались у немцев, наели себе морды! Вот вернётесь на Родину, там вам завяжут столыпинский галстук, то есть повесят или отправят гнить в Сибирь, а то и дальше – в Магадан». От этих слов стало жутко. Подумалось, неужели всё это правда? Но я сказал себе: «Пусть будет так, всё равно надо вернуться на Родину. Лучше умереть на Родине, чем прозябать на чужбине!»

Однако после этой тирады «гость» смилостивился: «Ну, ладно, ребята, покурите по одной!» И, вытащив из кармана пачку папирос «Беломорканал», угостил каждого. И мы тут же прикурили папиросы от свечи и задымили, а затем старшина поинтересовался: «А есть ли в доме немочки, чтобы с ними побаловаться?» Мы ответили: «Нет». Старшина объяснил нам: «Эти хозяева прячут своих жен и дочерей или нарочно одевают молодых женщин так, чтобы они выглядели толстыми и неаппетитными, а иногда раскрашивают им лица тонкими полосками черной краски, изображая морщины. Ну, ладно, спите!» С этими словами старшина ушёл. Но мы долго не могли заснуть в ту ночь перед Днем Победы.

В хуторе расположилась какая-то воинская часть, и там начали праздновать Победу – кричали и пели, стреляли одиночно и длинными очередями, пускали в небо осветительные ракеты.

Утром мы опять выпросили у хозяина картофель, а пока он варился, я и Женя тщательно обшарили соседний дом, нашли на кухне банку варенья и кусок заплесневелого хлеба, а главное – наткнулись в одном из углов на пару костылей. Саша с радостью опробовал костыли – теперь он мог, хоть и очень медленно, самостоятельно передвигаться с их помощью.

Оставив у хозяина шинели, мы попрощались с ним и отправились в путь. В сторону Дрездена двигалась масса народа, большей частью военнопленные, а также гражданские лица, угнанные во время войны из СССР и Польши, немецкие семьи. По обочинам шоссе стояли наши солдаты, пристально

вглядываясь в лица бывших пленных, надеясь увидеть родных, близких или товарищей, пропавших без вести на войне. Они не только внимательно смотрели, но и громко выкрикивали их имена и названия родных мест. Но чаще всего им отвечали: «Нет. Нет, не встречали». В это время советские конвоиры погнали строем колонну немецких военнопленных. И тут несколько наших военных бросились отнимать у них часы, снимать дорогие кольца. И немцы почти безропотно отдавали их нашим мародерам.

К великому изумлению Жени Волчанского, в колонне немцев он увидел бывшего часового из «своего» лагеря, располагавшегося в одном из населенных пунктов между Верхней и Нижней Силезией. По словам Жени, этот старший ефрейтор ненавидел его и часто над ним измывался. Женя окликнул мучителя. Тот его сразу узнал, и лицо его сделалось злым, вероятно, из-за страха за возможную месть Жени. Но Женя лишь улыбнулся, показав, что не злопамятен. Это успокоило немца, и он помахал рукой, приветствуя бывшего пленного. Эта мимолётная встреча закончилась тем, что оба крикнули друг другу по-немецки: «Всего хорошего!»

За немецкими военнопленными двинулись и мы с Сашей. И вдруг кто-то из стоявших на обочине громко спросил на чувашском языке: «Есть ли кто-либо из чувашей?» «Есть, есть! Я, я!» – закричал я в ответ и бросился к молоденькому земляку. Он оказался из деревни, находящейся примерно в 18 километрах от моей деревни. Пока мы с ним говорили, конвоиры опять погнали колонну немецких военнопленных, и я спросил земляка – не мог бы он, вооруженный солдат, раздобыть для меня часы у какого-нибудь немца. У меня еще никогда не было часов. Но моя просьба стала для земляка полным шоком. «Нет, нет! – запротестовал он. – У меня на это не поднимется рука, мне совесть не позволит». И я почувствовал себя очень неловко перед этим очень благородным соплеменником за допущенную бестактность, пожелал ему скорейшей демобилизации и вместе с товарищами зашагал дальше по шоссе.

Но вскоре совершенно неожиданно я все же стал обладателем часов. Случилось так, что в колонне бывших военнопленных оказался мой знакомый по лагерю в Каменце и Цшорнау Никита Парфенов, по кличке Рыжий. Он издалека заметил меня, подбежал к нам и после короткого рассказа о себе вытащил из кармана наручные часы с ремешком и… вручил их мне «на добрую память», сказав, что они с 10 камнями и их можно легко починить. Получив этот подарок, я снял с руки личный номер военнопленного и убрал его в вещевой мешок,

а на освободившееся место надел часы. Мы обменялись с Никитой адресами и расстались.

Примерно минут через 20 после встречи с Никитой догнала нас пара запряженных лошадьми фур, на которых с большим количеством личных вещей ехали наши соотечественницы. Женщины предложили Саше поехать с ними, так как оказалось, что они едут в Дрезден. Посоветовавшись с нами, Саша согласился. Скоро мы, добрались до городка, называвшегося Штруппен, и увидели там пленных, ехавших на велосипедах. У ворот одного из домов они остановились и прислонили велосипеды к изгороди, а потом разошлись по разным домам, по-видимому, в поисках пищи. И тут Андрей сказал: «Давайте заберем эти велосипеды». И мы взяли по велосипеду и быстро умчались из городка. Таким образом мы совершили кражу у своих же людей, так как были уверены, что они не являются владельцами велосипедов, а «позаимствовали» их у немцев.

Однако для меня поездка вышла не очень удачной – примерно через километр у моего велосипеда лопнула резиновая камера в переднем колесе, а потом и вовсе отлетела вместе с покрышкой, и остался лишь металлический обод, издававший громкий стук при езде по каменной брусчатке.

В городе Пирна произошла очередная неожиданность. На площади мы увидели огромную, высотой с двухэтажный дом, пирамиду из сложенных друг на друга… велосипедов. Около неё находились несколько красноармейцев, которые сразу же заставили нас остановиться и закинули наши велосипеды на ту «пирамиду». Нам снова пришлось идти пешком. Отойдя совсем недалеко, мы услышали знакомый голос: нас окликнул Андрей Дмитриевич Шныкин, бывший член нашего лагерного «колхоза», которого в начале весны фельдфебель Хебештрайт отправил работать к какому-то крестьянину. С ним оказался Иваном Харченко – Пиком и Иван Утюк – украинец. Встреча была очень радостной. Оказалось, они тоже встретились в Пирне случайно и направлялись, как и мы, в Дрезден. Андрей Дмитриевич пожурил нас за то, что мы не запаслись хорошей гражданской одеждой и обувью, которых полно в домах у местного населения. Ведь на Родине с ними будет весьма туго, так как страна из-за войны сильно разорена.

Затем Андрей Дмитриевич на ходу вкратце сообщил очень интересную новость – пару дней назад, находясь со своими хозяевами в эвакуации, он увидел на одной остановившейся грузовой автомашине группу наших бывших военнопленных из Цшорнау, одетых в красноармейскую форму и вооруженных винтовками. Среди них оказался сапожник Василий Дудников,

окликнувший Шныкина. Василий рассказал, что в ночь с 20 на 21 апреля их, шедших в колонне под конвоем, освободили красноармейцы-кавалеристы. При этом эти военные отняли у конвоиров – стариков Рахеля и Хёхта – винтовки и приказали Саше Зинченко расстрелять «обоих немецких извергов». И Саша, не возражая, исполнил приказ. К утру освобожденных привели в ближайший населенный пункт, где их «рассортировали», и тех, кто мог нести оружие, одели в красноармейское обмундирование и сразу зачислили в воинскую часть, направляющуюся в Чехословакию.

Закончив рассказ, Андрей Дмитриевич предложил нам переночевать в Пирне, поскольку всё равно время шло к вечеру. Мы послушались его и зашагали медленно, чтобы выбрать подходящий дом для ночлега. Мы дошли до кирпичной ограды, за которой находились строения, напоминавшие военные казармы. Я увидел над входной дверью длинного двухэтажного здания вывеску с надписью «Цейхгауз», то есть это был военный вещевой склад. Оказалось, дверь его уже кто-то разбил и побывал внутри склада. Поэтому и мы легко вошли в здание и больше часа пробыли в его секциях с разнообразной военной одеждой и обувью и с другими вещами, необходимыми для военных.

На этом складе я нашёл подходящие мне по размеру новенькие солдатские ботинки, синие рабочие брюки и легкий немецкий летний мундир-китель. Кроме того, подобрал по две пары свежего нижнего белья, портянок, носков и носовых платков.

Мы все переоделись и снова отправились на поиски ночлега. Вскоре мы нашли дом, покинутый хозяевами. Набрав во дворе воду из колодца, мои товарищи принялись готовить ужин, а я занялся шитьём нового вещевого мешка из холста, взятого на складе. Кроме того, я удалил с кителя почти все немецкие пуговицы и пришил вместо них свои – с изображением пятиконечной звезды, серпа и молота.

На другой день ближайшим населенным пунктом, в который мы рассчитывали прибыть, был городок Хайденау. По дороге мы встречали толпы людей, занимающихся торговлей награбленными у немцев вещами и в основном их обменом. В частности, менялись – «махались не глядя» наручными и карманными часами. Я решил поменять свои не ходившие наручные часы, подарок Никиты Парфенова, на любые, но работающие. И поменял их у одного сержанта, получив взамен обыкновенные – штампованные, карманные с крупной цепочкой. Они проходили у меня около года, а ремонтировать их было вообще невозможно. В результате я снова остался без часов и обходился без них более 10 лет, так как не решался приобрести

их за деньги.

…В Хайденау мы добрались к вечеру и сразу выбрали для ночлега покинутый хозяевами большой дом. Набрав из колодца воды, мы разогрели ее на кухне и хорошо с мылом помылись. А утром, после завтрака, прежде чем покинуть дом, обследовали богатый гардероб хозяев и кладовки, забрав кое-что из одежды и обуви, бритвы, мельхиоровые столовые приборы и мелкий слесарный инструмент. Но наиболее ценной вещью, которую я взял из того дома, был «Декамерон» Боккаччо на немецком языке.

Андрей Дмитриевич настоял на том, чтобы мы взяли еще тонкое плотное одеяло, которое могло пригодиться на ночлеге под открытым небом. И он, как потом выяснилось, оказался совершенно прав. Взял с собой также темно-зеленую шляпу и темно-коричневую кожаную фуражку «Тельманка», которую до войны носили немецкие коммунисты.

Глава V

11 мая примерно часам к 13-ти мы наконец добрались до пригорода Дрездена Райка. На улицах уже были установлены через каждые 500–800 метров и на поворотах столбы со щитами, на которых указывалось направление, куда следует идти бывшим советским военнопленным и гражданским пленным. С приближением к центру Дрездена увеличивалось количество руин, оставшихся после варварских бомбардировок города английскими и американскими самолётами, так что трудно было определить, где проходила улица. Кое-где еще дурно пахло от мертвых тел, погребенных под руинами.

Мы перешли по мосту через Эльбу в Новый город, нашли военный городок за высокой и длинной кирпичной оградой. Рядом с воротами висел большой щит с надписью, извещающей, что на данной территории производятся регистрация и сбор советских граждан мужского пола в возрасте от 18 до 60 лет для их возвращения на родину.

Двое вооруженных часовых пропустили нас в городок, объяснив, где располагаются пункты регистрации, соответственно, для тех кто имел военное звание не выше старшины, и для офицеров. После регистрации всем предоставлялось место для проживания в военном же городке, но офицерам – отдельно от рядовых.

Пришли в предназначенный для нас пункт регистрации и с удивлением узнали, что рядовых военнопленных будут регистрировать и содержать в дальнейшем вместе

с гражданскими лицами. Однако гражданских лиц мужского пола в возрасте от 18 до 60 лет, которых регистрировали и включали в одну и ту же компанию вместе с военнопленными, оказалось очень мало.

Итак, мы пришли на регистрационный пункт и получили там для заполнения соответствующий бланк, на котором написали основные сведения о себе: фамилию, имя и отчество; дату и место рождения, время призыва в армию; род и номер воинской части, в которой воевал; военное звание; дату, место и обстоятельства пленения; номер и место нахождения лагеря, где содержался; дату и место освобождения из плена; кем и каким образом освобожден и т. д. Затем в соседней комнате нам выдали талоны для ежедневного пищевого довольствия, а также обеда и ужина в столовой на территории военного городка.

Столовая была она очень большой и практически неограниченно снабжалась мясом – в военном городке имелась бойня, куда красноармейцы ежедневно пригоняли из дворов местных крестьян коров, которых с ходу превращали в мясо. Поэтому после прохождения регистрации мы вдоволь поели очень вкусный мясной суп и гуляш с вермишелью. В этой же столовой мы получили хлеб и сахар на завтрак.

Мы поселилась в отведенной нам большой комнате на втором этаже ближайшего к столовой трехэтажного дома. Там за большим столом уже пировали ранее поселившиеся обитатели, а главным действующим лицом оказался… Саша Гуляченко, еле стоявший на костылях и произносивший очередной тост. Увидев нас, он мигом прервал речь, кинулся к нам, свалился на пол, заплакал и с великой радостью представил собравшимся нас, назвав наши имена. А те сразу налили нам в стаканы и кружки какую-то бурду белого цвета, типа древесного спирта. И мы выпили за знакомство и освобождение из плена. Утром из столовой нам принесли холодную сырую и горячую воду, мы позавтракали и проводили в госпиталь Сашу Гуляченко, за которым приехала специальная автомашина.

Кстати, еще за сутки до нашего появления в военном городке и в некоторых других местах Дрездена уже восстановили подачу электроэнергии и наладили работу водопровода. Поэтому в комнатах было возможно зажигать свет и пользоваться водой в умывальниках и туалетах.

В этом военном городке мы прожили до 20 мая, пока почти все казармы не заполнились бывшими пленными. Кое-кто из солдат занимался явным грабежом немецких квартир, отнимая у жильцов одежду, ценные вещи и скудное продовольствие. Это,

конечно, вызывало у населения страшное недовольство.

Я был свидетелем того, как по улице свободно шла большая группа немецких военнопленных пожилого возраста, которых командование Красной армии отпустило по домам. Потом мне встретился шагающий с плохеньким и пустым рюкзачком за спиной в свой не близко расположенный от Дрездена город Вернигероде наш бывший часовой в лагере в Цшорнау, неплохо относившийся к пленным. Мы поговорили, и он пригласил меня приехать к нему в гости.

В тот же день вечером я услышал рассказ бывшего военнопленного переводчика, которого, как и меня в Дечине, наши военные чуть было не взяли служить в действующую армию. Дело было так. Два офицера, с которыми он встретился сразу после плена и помогал им в работе, отправились с ним в квартиру к одной интеллигентной немке, имевших двух молоденьких дочерей. Офицеры захватили с собой водку и закуску и, выпивая, говорили глупости и непристойности, заставляя переводчика переводить их на немецкий. Несколько раз переводчик выполнил их требования, смягчая, по возможности, намерения офицеров. Но хозяйка, догадавшись об истинном намерении «гостей» – изнасиловать девочек, попросила переводчика спасти её невинных чад. Переводчику удалось обмануть офицеров: девочкам разрешили отлучиться в соседнюю комнату, чтобы «привести себя в надлежащий порядок», и они сбежали. В результате переводчик не попал в действующую армию.

На следующий вечер от другого военнопленного я услышал еще об одном событии, происшедшем на шоссе примерно в километре от городка Хайденау. Рассказчик и его товарищи присели отдохнуть на обочине шоссе, а мимо шла большая колонна пленных власовцев – солдат и офицеров РОА. Увидев их, сидевшие повскакали с мест, крича: «Вот они, сволочи, предатели Родины!» и бросились на них с палками и камнями, а один из бывших пленных выхватил из вещевого мешка немецкую гранату и, вытащив чеку, бросил ее в колонну. Гранатой убило нескольких власовцев, многих ранило, в том числе двух конвоиров. Товарищи этих конвоиров, разозлившись, до крови избили прикладами автоматов обезумевшего «патриота». В те дни не раз случалось, что офицеров и солдат РОА наши военнослужащие расстреливали на месте. Наконец 19 мая нам объявили, что утром мы будем в пешем порядке направлены в один из пунктов для сформирования из нас воинского соединения и отправки на Родину. Отныне мы все становились репатриантами, а горячую пищу нам полагалось получать из полевых кухонь. Я и пятеро моих товарищей договорились,

что будем двигаться только вместе и, как в лагере, организуем свой «колхоз». Утром, собрав нас на плацу, командир – майор встал на стул и, размахивая топографической картой, громко спросил, кто знает дорогу до Виттихенау, куда мы должны были направиться. Я не раздумывая поднял руку. Наш маршрут пролегал по следующим населенным пунктам: Клотцше – Лангебрюк – Радэберг – Гроссрёрсдорф – Пульснитц – Каменц – Цшорнау – Шидэль – Осслинг – Виттихенау. Сначала я хотел было предложить добраться до Радэберга по более короткой дороге, через большой лесной массив – Дрезденскую пустошь, но раздумал, предполагая, что этом стратегическом очень важном шоссе имеется много противотанковых заграждений и заминированных мест. Все перечисленные пункты, в которых я уже бывал, соединены друг с другом шоссе из брусчатки. При обсуждении отдельных деталей предстоящего похода майор во всём со мной согласился, сказав, что надеется на меня, как на брата, и предложил в дальнейшем обращался к нему просто по имени – Рашид, поскольку по национальности был башкиром. И еще пообещал не держать меня голодным в пути и снабжать по дороге куревом – папиросами «Беломорканал».

В 9 часов 30 минут колонна вышла из военного городка и зашагала во главе с майором и со мною по шоссе в сторону Клотцше. Вскоре я почувствовал, что мой вещевой мешок слишком тяжел и я не поспеваю идти в ногу с майором. Но приходилось терпеть, выдерживая вдобавок сильную жару и жажду. Обычно я старался не пить в дороге или делал это лишь во время остановок, набирая воду из колодца или скважины и пользуясь при этом кружкой.

Мы прошли около 10 км, миновав Клотцше и Лангебрюк, и сделали первый привал. Как оказалось, благодаря инициативе и «ловкости рук» Ивана Харченко и Жени Волчанского ребята уже обзавелись двумя тележками и ведром с картошкой, которые «увели» в Лангебрюке. Наконец я смог снять свой вещевой мешок со скаткой одеяла и положить этот груз в одну из тележек. Замечу, что несмотря на строгое предупреждение майора «не заниматься этим, особенно в присутствии хозяев», многие занимались грабежом. Так поступали наши пленные и из других колонн. К обеду нас догнали полевые кухни с одетыми в белое поваром и тремя раздатчиками. Нас покормили супом с вермишелью и говядиной, гуляшом и компотом. К сожалению, повара несколько испортили нам настроение, сообщив, что ужин они не привезут и мы должны организовать его сами.

Далее, оставив справа вдали деревню Kleinrohrssdorf (Кляйнрёрсдорф), пройдя через лес и пересекши железную

дорогу, колонна подошла с одним привалом к городку Гроссрёрсдорф и остановилась на ночлег. Всего прошли более 20 км. Завтра предстоял тот же путь, по которому 3 мая я с Андреем Маркиным, Женей Волчанским, Толей Шишовым и Сашей Гуляченко шел через городок Пульснитц на юг из Каменца. Сзади недалеко от намеченного места ночевки находился лес, а справа и чуть дальше к Гроссрёрсдорфу – одинокий крестьянский дом с большим двором, колодцем, огородом и садом. Время было около 19 часов.

Я попросил майора отпустить меня до утра следующего дня к своим товарищам, чтобы помочь им приготовить хоть какой-нибудь ужин, с ними поужинать и переночевать. Он разрешил уйти, дав мне с собой из своего рюкзака пару больших кусков сахара-рафинада, пакетик чая, пачку печенья и полпачки папирос и пожелав спокойной ночи и появления завтра утром у него точно к шести часам.

Когда я подошёл к товарищам, расположившимся на лугу, они уже начали готовить ужин на сегодняшний вечер и завтрак на завтрашнее утро. Распоряжался работами Андрей Дмитриевич Шныкин. Сняв с тележки имевшееся у нас ведро с картошкой, он отправил Ивана Пика и Женю с этим ведром и с двумя котелками к колодцу-скважине в крестьянском дворе. Им там надлежало хорошо вымыть весь картофель и снова поместить его в вымытое ведро и залить чистой водой, после чего принести полное ведро обратно, захватив такую же воду в обоих котелках. Андрея Маркина и Ивана Утюка Шныкин послал в лес за хворостом – топливом для костра.

Когда начало темнеть, на шоссе появились двое изможденных и одетых в полосатые куртки мужчин, еле-еле ковылявших в сторону Гроссрёрсдорфа. Они остановились недалеко от нашего костра, заговорив между собой по-немецки. Я подошел к ним и выяснил, что они – бывшие немецкие узники концлагеря, а сейчас, освобожденные Красной армией, направляются через Дрезден на родину. Я тут же сообщил об этих людях товарищам, сидевшим около костра, и те пригласили их, очень голодных, в нашу компанию. Один из них был членом Коммунистической, а другой – Социал-демократической партии Германии, обоим пришлось пробыть в концлагере свыше 7 лет. Узнав, что с нами сидят бывшие узники концлагеря – «наши немцы» многие притащили им свою еду и тоже стали их угощать. Достали даже разбавленный спирт, чтобы немцы выпили вместе со всеми по глоточку «за здоровье и счастливое будущее». Вскоре оба немца ушли, поблагодарив нас.

Утром 22 мая мы подошли к Каменцу, где группа жителей

занималась разборкой противотанкового препятствия. По обеим обочинам шоссе видны щиты с надписями на русском языке: «Осторожно, мины!» Неожиданно один из пожилых немцев окликнул меня: «Юрий, Юрий, ты ли это?» Я оглянулся и увидел мастера Михаэля, с которым мне иногда приходилось раньше работать в городе. Когда я подошел к нему и подал ему руку, он зарыдал и поведал о постигшей его трагедии: он остался нищим, русские у него всё забрали, жена и дочери изнасилованы и опозорены. «Как жить дальше? – спрашивал он. – Может быть, лучше умереть?» Я попытался утешить беднягу, сказав, что скоро жизнь наладится. И Михаэль, вытирая рукавом слезы, попрощался со мной.

В городе почему-то не было видно ни одного нашего военного. Мы нигде не заметили каких-либо серьезных разрушений: остались целыми железнодорожный вокзал, туннель под площадью Бёниша, а также отель «Леман», на кухне которого я работал совсем недавно.

Я попросил майора отпустить меня посмотреть на военный городок, где нас распределяли на работу и заставляли работать. Я походил по его территории и помещениям, совершенно пустым, и поспешил догнать колонну, которая успела уйти далеко вперед. В это время меня обогнали несколько человек, ехавшие на велосипедах, наверное, отнятых у местных жителей.

Наконец я вошёл в Цшорнау. Почти все дома и постройки в нем были целы. Я направился к дому Микклихов, но застал там не хозяев, а двух пожилых красноармейцев, которые, к моему удивлению, навели во дворе идеальный порядок. Я сказал им, что, будучи военнопленным, жил в этой деревне и иногда работал у здешних хозяев, которые хорошо ко мне относились. Красноармейцы о хозяевах ничего не знали. Не удалось мне и обзавестись велосипедом: час назад через деревню прошла колонна пленных и двое из них забрали хозяйские велосипеды. Но у меня еще оставалась надежда на дом Марии Шольце. Заглянул во двор, увидел одинокого Вальтера в рваных брюках и босого. Оказалось и здесь бывшие пленные все забрали. Не осталось ни велосипедов, ни лошадей, ни коров и даже кур. Проволочная ограда нашего бывшего лагеря еще сохранилась. Я открыл калитку и подошёл к двери в умывальник, но оказалась запертой на большой замок. Через щель я у видел, что всё пространство в умывальнике заставлено большими мешками с мукой, которые, по-видимому, были доставлены для снабжения наших войсковых частей. Хотел еще подойти к бывшей кухне, но остановился: везде висели плакаты: «Мины! Мины!». Они находились даже вблизи колодца, откуда мы брали воду.

Я прошел мимо кладбища к деревне Шидэль, где хотел опять попытаться «организовать» велосипед, чтобы скорей догнать колонну. Вошёл во двор одного из хороших домов и, к великому удивлению, увидел на скамейке хорошо знакомых мне женщин из Цшорнау. Ими оказались хозяйка дома, где располагался наш лагерь, Мария Шольце (мать Вальтера и Доры) и ее соседка Ольга Пёчке. С ними сидела и владелица дома – родственница Ольги. Мария и Ольга обрадовались неожиданной встрече. Я сказал Марии, что менее часа назад, проходя через Цшорнау, виделся там с её сыном Вальтером. Узнал от Марии, что обе её дочери – Дора и Гизела – живы и здоровы, но пока укрываются у родных в городе, где сейчас более безопасно, чем в сельской местности, к тому же у нее в деревне почти ничего не осталось для нормального проживания. Я довольно глупо ободрил ее тем, что она может использовать оставшиеся в казарме 72 байковых одеяла. Мария рассказала о печальной участи своего работника – поляка Станислава. В конце апреля он был расстрелян за то, что не хотел отдать лошадей хозяйки. И почти в это же время один из советских военнослужащих, будучи пьяным, заметил вечером вышедшую подышать свежим воздухом молодую, но тяжело больную жену цветовода Хёне (у которого мне приходилось работать) и устремился к ней. Увидев это, её супруг Освальд взял винтовку и застрелил этого солдата, а тело его оттащил на шоссе подальше от своего дома. На следующий день тело убитого обнаружили, но никто Освальда не выдал. Тогда товарищи убитого повели всех мужчин деревни в населенный пункт Вайссиг в нескольких километрах от Цшорнау. Через двое суток всех отпустили домой, кроме местного пекаря Отто Уфера и одного старика-беженца. Вскоре уже разложившиеся тела обоих мужчин местные жители нашли в лесу рядом с Вайссигом и в этом же лесу похоронили. А семья Освальда Хёне сразу куда-то уехала, бросив усадьбу[15].

Пока я слушал рассказ Марии Шольце, Ольга и её родственница принесли из погреба кувшин молока. Оказалось, что они содержат в укрытии двух коров. Женщины угостили меня молоком с холодной картошкой. Я сказал им, что должен догонять свою колонну, но без велосипеда это трудно сделать. Но женщины ответили, что велосипеда у них нет. К счастью, оказалось, что накануне колонна сделала часовую остановку недалеко, благодаря чему я догнал товарищей и занял своё место рядом с майором.

Скоро мы подошли к Виттихенау и остановились на широком лугу, где был создан временный военный городок, окруженный колючей проволокой, внутри которого имелось множество

палаток. Нас встретила группа военных во главе с полковником, которому майор доложил, что привел из Дрездена колонну бывших советских пленных. Нас было около 4 тысяч человек.

На прощание майор вручил мне пачку папирос «Беломорканал», поблагодарил за помощь и пожелал счастливого возвращения на Родину. Местные командиры распределили нас по палаткам. Андрей Маркин, Женя Волчанский, Андрей Шныкин, Иван Харченко, Иван Утюк и я напросились попасть в одно и то же отделение, командиром которого назначили Андрея Маркина, имевшего среди всех нас наивысшее военное звание – старшего сержанта. К нам присоединили еще 9 человек. Так как в палатке никаких нар, лежаков, а также пола не было, мы побросали свои вещевые мешки на сухую травянистую землю. Спать можно было на двух сторонах палатки пятками к середине. Постелей тоже не было, и приходилось подстилать под себя что-то из одежды. Но у нашей шестерки имелись одеяла, за что мы были очень благодарны Андрею Дмитриевичу, вовремя посоветовавшему запастись ими.

Перед тем как лечь спать, мы отправились строем под командой какого-то старшины на кухню, где получили по 200 граммов черного хлеба, горячее картофельное пюре с говядиной и полусладкий чай. 23 мая нас разбудили в 6 часов утра и отправили на физзарядку, затем на беседу с представителями Особого отдела, который объяснил нам порядок предстоящей проверки военнопленных. Затем последовала политинформация, которую провёл капитан, раздавший несколько экземпляров свежей газеты, издаваемой воинской частью. Одновременно все получили по пачке махорки, из-за чего каждый экземпляр газеты пришлось поделить между курящими.

В 14 часов состоялся обед, на который мы опять получили по 200 граммов хлеба, первое и второе мясные блюда и компот. На ужин нам полагались только различные каши с маслом и чай с хлебом. Положенное бывшим пленным питание «по третьей категории» всё же было недостаточным. Из-за этого по пути на Родину нам, как в плену, приходилось «организовывать» его дополнительно.

До наступления ужина командир нашего взвода занялся с нами строевой подготовкой. Но это получалось плохо, как и пение маршевых песен. Тогда командир увел нас в дальний угол лагеря, усадил на лугу и обучил совершенно новой простой маршевой песне, начинавшейся такими словами: «Ветер по полю гуляет, обрывает провода. Трое братьев… вышли встретить сотню вражеских солдат. Ни звезды на небе нету, только дождик моросит, освещают нас ракетой кровопийцы – немцы-псы…»

Кончалась песня тем, что братья не дали врагам продвинуться вперед и геройски погибли.

…В те дни я наиболее близко сошелся с двумя товарищами из второго отделения. Первым из них был чуваш Роман Степанович Никитин, старше меня лет на пять, по профессии школьный учитель, живший до войны в городе Канаш Чувашской республики; вторым – мой ровесник украинец Зиновий Ефимович Филиппенко, родом из города Енакиево Донецкой области.

…Самым важным событием для всех нас было собеседование в Особом отделе, где наши данные тщательно записали, чтобы затем проверить их достоверность путем запросов в соответствующие органы. Таким образом, все репатрианты прошли предварительную фильтрацию, но она еще не была окончательной и закончилась лишь в первой декаде июня.

Последующие дни проходили очень однообразно. Но однажды вместе с командиром взвода, как переводчик, я побывал в городе и стал свидетелем двух событий. В тот день лейтенанту дали поручение раздобыть в одной из городских аптек или в городском советском госпитале для раненных военнослужащих несколько простых, но очень необходимых лекарств. Я повёл лейтенанта в знакомую мне аптеку в центре города, куда летом 1944 года заходил вместе с постовым Вилли Нииндорфом. Аптека была заперта изнутри, потому что её владелица, страшно боявшаяся русских, увидев нас из окна, не хотела открывать нам своё заведение. Мой командир вытащил из кобуры пистолет и пригрозил им женщине. Наконец она впустила нас, но заявила, что не может дать лекарства бесплатно или за обесценившиеся немецкие марки. Я перевел слова аптекарши лейтенанту, и тот вытащил из кармана несколько советских рублей. Аптекарша, по-видимому, еще никогда не видела такие деньги и усомнилась, деньги ли это вообще, и мне пришлось ей доказывать, что это действительно «русские деньги». Тогда, забрав их, она принесла нам некоторые из нужных лекарств, а недостающие мы получили в госпитале от советских врачей.

Глава VI

В понедельник 11 июня после завтрака обитателей лагеря в Виттихенау выстроили с личными вещами и повели по шоссе в город Хойерсверда, где нас погрузили в товарные вагоны и на платформы поезда. К обеду поезд прибыл на станцию Бунцлау (ныне Болеславец в составе Польши), где всем дали поесть, и мы успели осмотреть памятник великому русскому

полководцу М. И. Кутузову, умершему в этом городке в 1813 году.

Затем поезд поехал дальше и вскоре остановился в городе Лигнитц (ныне Легница) на месте слияния небольшой реки Шварц-Вассер с рекой Катцбах. Здесь произошла выгрузка, и каждому подразделению отвели добротные многоэтажные городские дома, покинутые проживавшими в них немцами. Это было связано с тем, что находившиеся ранее в составе Германии области Верхней и Нижней Силезии отошли теперь Польше, согласно установленным для неё новым границам. В городе остались только семьи отдельных немецких специалистов и мастеров, которые обслуживали тепловую электростанцию и водопроводное хозяйство. Только благодаря этим немцам возобновилась подача электричества и работал водопровод. Нашему взводу досталась большая трехкомнатная квартира на пятом этаже семиэтажного дома. Андрей Маркин распорядился выбросить в окно всю мебель со всем содержимым и даже постельные принадлежности. Конечно, многие из товарищей забрали понравившиеся вещи. Я, например, взял серый галстук и черную жилетку под пиджак, так как раньше никогда не носил ее (и не стал носить). Все присвоили еще и одеяла.

Итак, мы раскрыли окно комнаты и стали выбрасывать во двор всю обстановку. При этом кто с восторгом, а кто с жалостью наблюдал, как, падая на асфальт, с грохотом разбивается вдребезги прекрасная мебель и разлетаются осколки зеркал и пух от подушек и перин. Из бывшей кухни, отведенной второму отделению, вместе с кухонной мебелью вылетала фарфоровая и стеклянная посуда дивной красоты. Было очень жалко, что вместе с цветами в горшках и картинами разоряли шкафы с очень хорошими книгами и альбомами.

Освободившись от всего «лишнего», каждый выбрал на полу место для сна, положив там одеяло и мешок с вещами. Таким образом, вместо того чтобы спать в мягкой постели, мы опять оказались в привычной ситуации – как в лагере для военнопленных. После завтрака в столовой командир сообщил нам, что для нас установлен свободный режим: можем проводить время по своему усмотрению и ходить, куда хотим. Вместе с тем нам поручили следить, не появятся ли в городе бывшие власовцы и граждане СССР, служившие в немецкой армии и теперь замаскировавшиеся под пленных. В случае обнаружения любых подозрительных лиц необходимо срочно сообщить о них в Особый отдел, а еще лучше – доставить их туда.

От командира последовало и очень приятное предложение – каждый из нас мог теперь написать письмо родным и близким,

но пока без указания обратного адреса. Полагалось сложить письмо треугольником и сдать командованию для отсылки. Все немедленно принялись искать бумагу, карандаш или ручку. А у меня все принадлежности имелись, даже чернильница, которую я подобрал в этой квартире. Но тут же возник вопрос – кому писать, ведь матери уже могло не быть в живых, а кто-то тоже воевал с фашистами. В связи с этим я решил писать письмо на имя председателя нашего колхоза.

Отдав письмо командиру взвода, я отправился осматривать город. И тут случился новый сюрприз – я встретил на улице однодеревенца Трифона Ильича Марфина. Оказалось, что Трифон тоже был в германском плену и теперь, как и я, мечтает возвратиться домой. Он еще не знал о возможности послать родным письмо, а когда я сказал ему об этом, Трифон поспешил, чтобы послать о себе весточку. Однако, вернувшись на родину, я узнал, что никаких писем от Трифона не получали, домой он не возвратился, и что с ним произошло, никто не знает, а его братья погибли на войне.

…В Лигнитце мы пробыли две недели. За это время мне и товарищам несколько раз приходилось быть свидетелем, как вооруженные польские конвоиры гнали на запад выселяемых из Силезии немцев.

Однажды на обочине шоссе мы с Женей увидели молодую симпатичную голубоглазую немецкую девушку с красивой прической. Она вдруг сказала мне по-немецки: «Я слашала, как ты недавно хорошо поговорил по-немецки с одним старым немцем. Наверное, ты очень хороший парень. Извини меня, но послушай. Я совершенно одна, у меня нет никаких родных, и я не знаю, куда идти. Я уже давно ничего не ела. Возьми меня с собой в Россию – не пожалеешь, буду тебе очень хорошей женой». Мне стало очень жалко девушку. Если бы я не находился тогда на положении бывшего военнопленного и знал, что благополучно вернусь домой, не раздумывая согласился бы выполнить ее просьбу. К несчастью, я не мог дать ей что-либо поесть. Так и оставили мы с Женей эту бедную девушку на обочине шоссе.

…24 июня наше пребывание в Лигнитце закончилось. Утром после завтрака нас заставили взять вещи и повели строем по шоссе на юг. Куда идем, нам, рядовым, не сказали. По дороге нам встретилось большое стадо немецких коров, которые наши женщины и несколько пожилых пастухов гнали на Украину. В дальнейшем такие стада коров и другой скотины попадались нам очень часто, а наши повара нередко получали от пастухов молоко или даже скотину для забивки на мясо.

На следующий день мы прибыли в город Швайднитц

(польский Свидница), где нас сразу завели в бывший немецкий военный городок и предоставили место в кирпичных казармах. Теперь у каждого из нас была железная кровать с нормальной постелью, которую мы были обязаны содержать в идеальном порядке. В конце коридора находились умывальник с действующим водопроводом и туалетная комната. Питание мы получали – не очень сытное – в большой столовой. Всем выдавали махорку, но бумагу для свертывания цигарок или «козьих ножек» приходилось добывать самим.

Начальство объявило нам, что отныне мы, хотя и не носим военное обмундирование, являемся пехотным соединением, входящим в состав 21-й армии, возвращающейся пешком на Родину. Каждому отделению выдали по две винтовки с боеприпасами, а некоторым взводам – даже пулемет, и кого-то вооружили автоматами ППШ. Соответственно, резко усилили дисциплину – нельзя было свободно отлучаться с территории военного городка. Вставали утром и ложились спать только по команде в строго установленный срок. Каждый день проходили строевую, боевую и политическую подготовку.

14 июля, после трехнедельного пребывания в городке, получив по пайке какого-то порошка, при помощи которого можно было в полевых условиях дезинфицировать воду, мы двинулись пешком по шоссе и проселочным дорогам на восток.

…Когда в середине июля мы остановились за населенным пунктом Малапане, Женя Волчанский сказал, что он некоторое время находился рядом с Малапане в лагере военнопленных, откуда и был эвакуирован к нам в Цшорнау. В этой местности проживали шлёнзаки – онемечившиеся поляки, с которыми ему приходилось работать. В основном он трудился в хозяйстве, принадлежавшем женщине с дочерью лет 18-ти, которая вдруг влюбилась в Женю и завела с ним переписку на польском языке. Женя сохранил несколько писем этой девушки и показал их нам. И все они начинались словами «Коханый Генка!». В них было высказано очень много любви к Жене и даже надежд на совместное послевоенное будущее.

Естественно, Женя решил навестить эту девушку, и командир отпустил его в сопровождении Ивана Пика. Вечером оба благополучно вернулись, принеся с собой бутылку самогона, кусок свиного сала, связку зеленого лука и краюху хлеба. Но оказалось, что девушку они не увидели. Соседи по её дому сообщили им, что с нею случилось большое несчастье: какие-то якобы партизаны изнасиловали девушку, после чего она убежала в лес и больше в деревне не появлялась. Женя попросил соседей

передать девушке привет от него и оставил свой домашний адрес, надеясь возобновить с ней переписку.

Перед сном мы всей компанией пировали с самогоном и отличной закуской. Этой неожиданной трапезой особенно довольным остался я, так как завтра у меня был день рождения – мне исполнялось 24 года.

И в этот день утром мы встретили и прошагали через городок Гутен Таг (Добрый день) что меня очень порадовало, так как эти слова – прекрасные пожелания для человека, отмечающего свой день рождения.

20 июля к вечеру мы подошли к святому для поляков городу Ченстохова, который не очень сильно пострадал в войну. В центре города мы увидели множество пленных немецких солдат, занимавшихся восстановлением разрушенных зданий. Едва мы вышли на окраину, всё небо заволокло тучами, стало почти темно, раздались раскаты грома и засверкали ослепительные молнии, а затем пошёл град и подул ветер ураганной силы. В результате у меня улетела шляпа, а сам я, как и многие другие товарищи, не удержался на ногах и свалился в глубокую канаву на обочине шоссе, что и спасло нас от больших травм. В это время с некоторых домов слетали крыши, в садах вырывало с корнем деревья, вокруг падали яблоки, летел мусор. Ураган и сопровождавший его ливень длились минут 20. Все мы насквозь промокли, измазались грязью, а кое-кто вдобавок и поранился.

Когда всё более или менее успокоилось, из пострадавших домов к нам подбежали поляки и… начали нас громко проклинать, заявляя, что именно русские виноваты в этом стихийном бедствии, так как стали антихристами, не верим в Бога и за это он наказал нас, а заодно и их. Кто-то хотел было поколотить нас дубиной, но не посмел, увидев, что мы вооружены и можем дать отпор.

На длинном этапе Конецполь – Енджеюв, который мы для сокращения пути преодолевали большей частью по проселочным дорогам, случился очень неприятный инцидент. У опушки леса мы увидели наше воинское подразделение. Как и везде в подобных случаях, нас стали спрашивать, нет ли среди нас их родных или близких товарищей, пропавших без вести, не встречали ли мы кого-либо из них. В этом воинском подразделении были и женщины, увидев которых, один из наших молодых товарищей вдруг громко заорал: «Ах, какие бабы стоят с автоматами!» Услышав это, из группы военных выскочил пожилой старшина, подбежал к грубияну и ударил его по щеке, закричав: «Во-первых, это не бабы, а девушки-герои, а во-вторых, вы – сволочи! Отсиделись у немцев в плену, а мы кровь свою

проливали! Вот вам покажут дома на лесоповалах Сибири и в рудниках, кто вы такие!» Но в это время подошел, вероятно, политработник, который решил уладить конфликт, попытавшись опровергнуть слова старшины, сказав «всё будет нормально, НКВД разберётся, кто и в чем виноват». Надо сказать, что когда мы двигались, нам не удалось прочесть ни одной центральной газеты, командиры политзанятий не проводили и мы не слушали радио, а поэтому почти не имели представления о том, что творится на Родине.

…На всем протяжении пути казенного питания нам явно не хватало, поэтому при остановках на ночлег мы крали у местных жителей с огородов и полей картофель и варили его в котелках. Естественно, это вызывало недовольство у населения. Были случаи, когда жители даже убивали воришек и хоронили их тайно, так что тела убитых было очень трудно или невозможно найти. Однажды наши люди обнаружили убитого под полом конюшни, где находились три лошади. Убийцу расстреляли на месте.

В это время в Европе был большой дефицит на сахар, и население использовало порошок сахарина, который по внешнему виду не отличался от того горького белого порошка, который нам выдали для обеззараживания воды. Ребята этим воспользовались и стали менять его как сахарин за какую-либо еду. Разумеется, эти проделки также вызывали сильное недовольство обманутых людей.

Не раз в городах, на станциях, а то и просто в чистом поле мы видели поезда с товарными вагонами, в которых под конвоем везли пленных немецких военнослужащих. Все они, как правило, были в своём военном обмундировании и даже с наградами. Однажды мы стали свидетелями, как этих пленных вели строем к кухне, где они наполняли котелки горячей пищей. При виде их мне, как испытавшему все тяготы плена, стало очень жалко этих пленных, хотя они и были нашими врагами.

Попадались нам и эшелоны, которыми из Германии вывозили в крытых вагонах и на платформах разнообразное оборудование, машины и ценные вещи. По-прежнему продолжали мы обгонять многочисленные стада гонимого на Украину немецкого скота.

Последним польским городом, через который мы прошагали 26 августа, был Хрубешув, раскинувшийся на берегах реки Хучва. Далее километров около 20-ти мы шли вдоль берега реки Буг. Там по мосту происходило интенсивное движение транспорта в Польшу и обратно. Польские и советские пограничники и военнослужащие контролировали это движение. Они пропустили нас через мост, и таким образом мы наконец

очутились на своей Родине.

Часть третья. Прибытие в Донбасс, подневольная работа в угольной шахте и трудное возвращение домой – в родную деревню и в Московский институт стали

Глава I

В большом палаточном городке севернее Владимира-Волынского нас продержали почти две недели – до 8 сентября 1945 года. И только здесь мы узнали, что Япония капитулировала и что до этого американцы сбросили атомные бомбы на японские города Хиросима и Нагасаки. Итак, Вторая мировая война наконец закончилась.

В отличие от пребывания на немецкой территории, здесь за нами стали следить более строго. Так, при утреннем подъеме и отходе ко сну в каждой палатке проверяли количество людей не только простым подсчетом в строю, но и вызовом каждого по списку. Вероятно, опасались, что, прибыв в свою страну, бывшие пленные могут самовольно покинуть городок и уехать к своим родным и близким.

Через неделю пребывания в городке все наши подразделения в составе полка в 21-й армии новое начальство упразднило. Сформировали заново четыре так называемых рабочих батальона, которым предстояло в различных районах страны выполнять восстановительные работы. В батальоне, где я оказался, со мной больше не было моих близких товарищей – Андрея Маркина, Андрея Дмитриевича Шныкина, Ивана Харченко и Евгения Волчанского. Лишь Иван Утюк оказался в одном взводе со мной, а также Зиновий Филиппенко и Роман Никитин, с которыми я подружился в Виттихенау[16]. Командирами сформированных рабочих батальонов и подразделений в них стали не военные, а гражданские лица. И их называли просто начальниками, бригадирами и старшими, причем старшими назначались бывшие пленные. После того как были прочитаны списки лиц, включенных во вновь созданные подразделения, произвели соответствующие переселения людей в палатках. Всех предупредили, что если кто-либо самовольно покинет батальон, чтобы поехать в родные места, то этот человек будет считаться дезертиром и подлежит суровому наказанию по законам военного времени.

Однажды я лишился своего немецкого кителя. Когда вечером

я прогуливался по территории палаточного городка, меня окликнул и попросил подойти к нему один из часовых, пожилой сержант. Он сказал, что уже давно меня заметил и предположил, что я «парень хороший». Поэтому просит меня оказать ему услугу. Дело в том, что на днях он демобилизуется и уезжает на родину – за Урал. Во время войны ему не пришлось побывать в Германии и поэтому никаких немецких вещей, которых можно было бы показать дома своим близким, он не имеет. А хочется сказать им, что в Германии он был и что-то оттуда привёз. В связи с этим просит меня отдать ему мой немецкий китель, который он предъявит как трофей. Мне стало очень жалко сержанта, и я снял китель, переложил содержимое его карманов в гимнастерку и отдал эту немецкую одежду солдату.

…8 сентября нас пригнали в город Ковель. Фактически города не существовало – он лежал в руинах. Там на железнодорожной станции нас посадили в поезд. Нашей бригаде в составе до 85 человек достался старый пассажирский вагон. Когда поезд тронулся, все мы кое-как поужинали «сухим пайком», запив его водой из бака, и улеглись спать. Утром часам к 9 поезд остановился на станции Бердичев, где мы увидели немецких военнопленных, которых охраняли наши солдаты. Я спросил молодого пленного солдата, где можно набрать воды. Он ответил мне, а я, вспомнив, как мне было трудно в лагере, решил подарить немцу русско-немецкий словарь, сказав: «Этот словарь много раз выручал меня в германском плену, а теперь пусть он поможет тебе выжить в советском плену. Учи русский язык». Он взял книжку и, едва сдерживая слёзы, поблагодарил меня. Мне было очень жалко лишиться словаря, но в то же время стало легко на душе от того, что хоть чем-то помог несчастному сверстнику.

…Погода стояла солнечной и теплой, и в вагонах было душно. Поэтому многие из «пассажиров», чтобы подышать свежим воздухом, забирались на крышу вагонов. Когда поезд приближался к станции Белая Церковь, с крыши все слезли, и я тоже собрался это сделать. Но вдруг увидел, как по крыше другого вагона во весь рост шагает против движения поезда какой-то парень. А поезд в это время приближался к невысокому переходному мосту. Поскольку парень шел против движения состава, он не мог заметить опасность. Я начал махать ему руками, показывая, чтобы он немедленно лег на крышу вагона или хотя бы нагнулся. Но он либо не видел моих знаков, либо не понимал их. В результате нижним краем пролёта моста его сильно ударило сзади по голове и он упал. Когда мы проехали под мостом, я побежал к парню, чтобы помочь ему. Однако было

уже поздно – он лежал в луже крови, а из разбитой головы вывалились мозги. Я с трудом удерживал его тело, пока поезд не остановился. Мне пришлось подробно рассказать представителям власти, каким образом погиб этот бывший пленный. Пока поезд стоял, рабочие станции смыли водой из шлангов его кровь. 10 сентября на узловой станции Должанская рядом с городком Свердловск Ворошиловградской области наш путь завершился.

Прибывших на данную станцию пленных из состава рабочего батальона встретили представители руководства нескольких угольных шахт треста «Свердловуголь» комбината «Донбассантрацит» и быстро увели их в свои населенные пункты. Около 45 человек из нашего вагона встретили два гражданских лица, назвавшие себя представителями шахты № 3/4, расположенной километрах в двух юго-западнее от Должанской. Они сказали несколько приветственных слов и после этого в сопровождении нескольких милиционеров повели нас в поселок с названием «Шахта № 3/4».

Посёлок и окружающая его местность произвели тягостное впечатление на меня, привыкшего в Германии видеть красивые дома с крышами из красной черепицы, множество деревьев, зелени и цветов, идеальный порядок и чистоту. В шахтерском поселке всё было не так – вокруг серая степь, деревьев очень мало, жилища представляли собой длинные бараки, за которыми располагались одноэтажные кирпичные и деревянные дома, глинобитные хаты с огородами и редко с садиками. Люди были одеты плохо, попадалось много пьяных, всюду слышалась матерщина.

Пока мы шли, множество местных жителей, особенно женщин с детьми, вышли посмотреть на нас. Несколько человек обозвали нас власовцами и изменниками Родины, которых привезли «для сурового наказания бессрочной каторжной работой» в шахте. Конечным пунктом нашего пути стала площадка рядом со зданием шахтоуправления, где нас встретила группа руководящего состава шахты и любопытных местных жителей, тоже в основном женщин и детей. Нас приветствовал заведующий шахтой, обратившийся со словом «товарищи», что нас удивило, так как в большинстве случаев нас именовали только предателями. Заведующий отметил, что шахта испытывает нехватку рабочей силы, но с нашим прибытием может быстро увеличить добычу каменного угля – антрацита, так нужного стране.

Вторым взял слово секретарь партийной организации шахты. Он сразу предупредил, что нам, бывшим военнопленным, следует

помнить, что на прошедшей войне миллионы наших сверстников и отцов сложили на фронте свои головы или получили увечья, а мы благодаря плену, хотя, наверное, и много выстрадали, остались живы. Поэтому нам необходимо самым эффективным, высокопроизводительным и, может оказаться, даже многолетним трудом в шахте хотя бы частично отплатить советскому обществу. И лишь тогда мы сможем со спокойной совестью вернуться к своим семьям и близким, а можно привезти их сюда и построить самим жильё. Шахта окажет при этом посильную помощь. Конечно, работа в шахте очень тяжелая, но, к счастью, хорошо оплачиваемая, так что голодать, как в немецком плену, не придется. Парторг напомнил, что тот, кто самовольно покинет шахту и посёлок хотя бы на несколько суток, будет считаться дезертиром и подлежит наказанию по действующим еще в стране законам военного времени.

Далее нам рассказали, что нас разместят в общежитиях, а питаться можно в буфете за деньги. Нормы на основные продукты определены продовольственными карточками, по ним нас будут кормить в пунктах питания или продавать продукты в магазине. Хлеба нам, как выполняющим очень тяжелую работу, полагалось 1,1 кг в сутки. Будут выдавать также по кусочку сала.

Работа в шахте должна была начаться и идти по графику. Рабочая смена – 8 часов в сутки, обеденного перерыва не предусматривалось, и перекусить разрешалось лишь на рабочем месте. Первая смена длилась с 8 до 16 часов, вечерняя – с 16 до 24 и ночная с 0 до 8 часов, причем смены менялись только через месяц. Выходные дни – один раз в неделю по установленному начальником смены графику. За опоздание на работу и прогул следовало наказание. Мы имели право перемещаться только в пределах Свердловского района области. В случае болезни или ранения лечение осуществлялось медсанчастью, которая выписывала также оплачиваемый больничный лист. Платили за работу в зависимости от выработки.

Каждому из нас полагалась спецодежда – брезентовые куртки, брюки и рукавицы, портянки, а также ботинки и специальные шахтерские каски из твердого картона, защищающие голову при ударах. Спецодежду выдавали на полгода, а на месяц – 500-граммовый кусок банного и кусок хозяйственного мыла.

При распределении на работу меня разлучили с земляком Романом Никитиным, а вместе с Иваном Утюком и Зиновием Филиппенко с 18 другими товарищами я попал в шахту № 48. Выделенный нам в качестве общежития дом оказался коридорного типа с общей кухней и печкой, отапливаемой углем,

умывальником и местом для мелких стирок. Во всех комнатах были установлены простые деревянные койки с матрацем, простыней, тонким одеялом и подушкой. В середине комнаты имелся большой стол и табуретки на каждого жильца. У двери в комнату была прибита к стене длинная вешалка.

Меня поселили в пятиместной комнате с Иваном Утюком и новыми товарищами – Силаевым и Юровым и татарином Галиевым. Силаев и Юров были родом из Пензенской области. Силаев был молод, красив и холост, а Юров – женат и многодетен. Оба очень тосковали по родине, по родным, и оба в мае 1946 года сбежали на пару суток домой, за что были сурово наказаны. Галиев был почти неграмотен, плохо говорил по-русски и отличался большой скупостью. Зиновий Филиппенко оказался в соседней комнате.

В маленькой комнате, расположенной против нашей, нашлась вернувшаяся из Германии забеременевшей Настя. Она устроилась работать в общежитии старшей и одновременно уборщицей. Оказалось, что до оккупации она с матерью проживала в этом же поселке в собственной хате, но незадолго до ее возвращения из Германии мать умерла, а хату заняли приезжие.

Вселяясь в отведенную нашей пятерке комнату, я выбрал себе место у печки-голландки, но оказалось, что в этом теплом месте развелось великое множество клопов, а вдали от печки клопов было значительно меньше.

…Так получилось, что первый день нам пришлось провести без обеда, а выданный двоек суток назад «сухой паек» почти у всех закончился. У меня остались лишь два черных сухарика и два кусочка сахара. Я их употребил на ужин, а на завтрак не осталось ничего.

Глава II

Ночь на новом месте провели плохо: мысль, что с нами дальше будет, не выходила у всех из головы. Встали еще с рассветом. Оделись, побрились, помылись, попили на кухне сырую воду вместо завтрака и задолго до 8 часов направились по тропе рядом с железной дорогой к зданию шахтоуправления. По пути заметили, что слева находится поле, на котором уже созрела кукуруза. Поэтому, не раздумывая, забежали на это поле и сорвали себе каждый по большому початку и стали есть на ходу твердые зернышки.

Перед заводоуправлением женщина – главный бухгалтер шахты пригласила нас получить в кассе аванс – 500 рублей. Получив деньги, некоторые сразу «отоварились» – купили

у стоявших возле дома бабушек горячие початки кукурузы и молоко в бутылках. Я получил деньги одним из последних и поэтому не сумел ничего себе купить. А бабушки к тому времени уже распродали свой товар. Так что я остался голодным.

Появившиеся начальники познакомили нас с основными специальностями и соответствующие им названия шахтёров: во-первых, забойщики, к которым относятся крепильщики, навальщики, бурильщики, запальщики, лесогоны и пропускальщики, далее – проходчики, бутчики, шахтные дежурные слесари и электрики. Наиболее тяжелыми являются работы крепильщиков и навальщиков, а чуть легче – бурильщиков и остальных рабочих. И оказалось, что уже вчера возле здания шахтоуправления каждого из нас по внешнему виду определили, на какую работу можно будет нас ставить. Из поселенных в нашем общежитии мужчин крепильщиками записали наиболее здоровых на вид Ивана Утюка и Сиволапа, навальщиком – Силаева, Логвиненко и Бушу, бурильщиком – меня, лесогоном – Галиева, пропускальщиками – Юрова и одного западного украинца, а дежурным электриком – Зиновия Филиппенко.

В заключение начальники сказали, что сначала все мы будем числиться учениками, которых прикрепят к определенному мастеру на срок до одного месяца, после чего переведут на самостоятельную работу.

После того как было покончено со всеми организационными вопросами, мы спросили у начальников, какой у нас почтовый адрес, чтобы наладить переписку с родными и близкими. Получили ответ: «Украинская ССР, Ворошиловградская область, Свердловский район, шахта 3/4, колонна 1 (для проживающих в двух общежитиях) или колонна 2 (для тех, кто живет в двух близких дальних общежитиях) нам сказали, что улицу и номер дома указывать не надо, поскольку народа в посёлке мало, и почтальоны знают всех жильцов. На следующий день я намеревался посетить почту, но Зиновий Филиппенко уговорил сходить с ним на станцию Должанская и посетить районный центр – городок Свердловск. В городке на рынке мы купили по початку сваренной кукурузы и бутылку молока и ими пообедали. Затем побродили по городу, запаслись вареной картошкой на ужин и возвратились в общежитие. Поздно вечером проводили товарищей, уходивших работать в ночную смену, и улеглись спать.

13 сентября в 14 часов 30 минут я, Иван Утюк, Галиев и Зиновий Филиппенко облачились в спецодежду. Под брезентовой курткой и брюками я оставил нательную рубашку и гимнастерку, подаренную мне Сергеем Кулешовым,

так что мне никогда не было слишком холодно. Затем каждый отрезал ниткой четвертую часть от 500-граммового куска мыла – для его экономии и во избежание пропажи где-нибудь. Остальные 3/4 части куска я оставил в тумбочке. Взяв с собой обычную верхнюю одежду и обувь, мы отправились на шахту. Там пообедали в буфете и в 15 часов 30 минут явились в «нарядную».

…Наша шахта № 48 была небольшой, недавно открытой. Работали в ней мобилизованные из разных мест Украины и соседних с нею областей. Среди шахтеров были также молодые девушки и еще не старые местные жители. Работа осуществлялась в основном вручную и была очень тяжелой, и особенно для женщин, многие из которых выполняли явно мужские операции. Работали мы почти в полной темноте. У каждого были тусклые керосиновые лампы с металлической сеткой, что не позволяло им гаснуть при сильном движении воздуха. Во время работы лампы прикрепляли к деревянной стойке.

Из шахты мы выходили очень грязными, только зубы сверкали белизной. Шахтная пыль в большом количестве попадала в легкие, что часто приводило к заболеванию силикозом. Пыль могла попадать и в еле заметные царапины или небольшие ранки, и если эту пыль вовремя не удалить, то она навсегда оставалась на коже как наколка тушью. Поскольку наша шахта была не очень глубокой, то в нее спускались по наклонному стволу пешком, а при подъеме иногда использовали перемещаемые электролебёдкой порожние вагонетки.

В лаве забойщики, сильно нагнувшись, доходили до кучи угля и приступали к работе. Два крепильщика устанавливали деревянные стойки, чтобы закрепить кровлю и не допустить её обрушения.

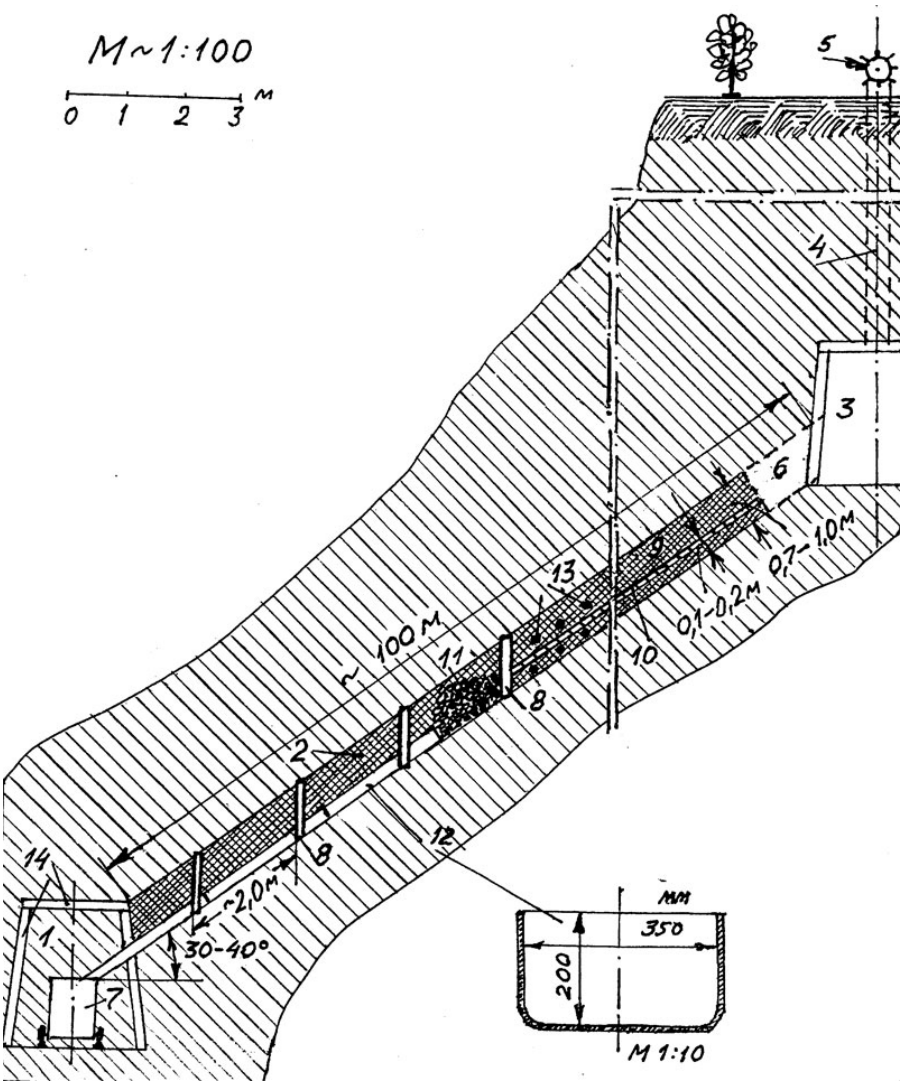


Рис. 9. Схематический разрез типичной наклонной лавы с пластом антрацитового угля:

— слой земли; — пустая порода; — уголь; 1 — рабочий штрек; 2 — рабочая лава; 3 — пустой верхний штрек выработанной лавы; 4 — вентиляционный шурф с лестницей, устроенный далеко впереди лавы; 5 — вентиляционная установка над шахтой; 6 — «лаз» для прохода шахтеров в пустой верхний штрек при опасности завала; 7— вагонетка; 8 — деревянные стойки для крепления лавы; 9 — слой угля в пласте; 10 — слой породы в угольном пласте; 11 — взорванная масса угля в смеси с породой; 12 — решетаки для спуска массы угля на вагонетку, стоящую на рельсах в штреке; 13 — отверстия (бурки) диаметром 40—50 мм и глубиной до двух метров, в которые запальщик закладывал взрывчатое вещество (аммонал) для подрыва угольного пласта; 14 — бревна для крепления стен штрека

Стойки делали из сосны и ели. Хотя они не отличались большой прочностью, зато при критической нагрузке начинали трещать и тем самым предупреждали об опасности. А дубовые стойки в аналогичной ситуации не трещат и разрушаются сразу со всеми вытекающими из этого последствиями. Пока крепильщики занимались своим делом, два навальщика сбрасывали взорванную массу совковыми лопатами на металлические желоба – решетаки, по которым эта масса благодаря наклону решетаков спускалась в вагонетку, стоящую на рельсах в штреке. При этом пропускальщику приходилось всё время двигаться вверх и вниз по забою, чтобы не допустить скапливание угля и породы на решетаках. Устанавливали решетаки и снимали их после выработки лавы сам пропускальщик и навальщики. Как только вагонетка заполнялась, женщины-вагонщицы сменяли её на стоявшую рядом пустую и двигали вдвоём заполненную вагонетку к выходу из шахты. Там другие рабочие выгружали вручную содержимое вагонеток на длинный ленточный конвейер для сортировки и отделения массы угля от кусков породы. Этим занимались только женщины, стоявшие у движущейся ленты с её обеих сторон. При этом они сбрасывали куски породы на соседний конвейер, который доставлял их на вершину иногда дымящейся и испускающей зловоние черной горы – террикона. А уголь поступал сразу в полувагоны, находившиеся на железнодорожном пути, для отправки потребителю.

Впереди крепильщиков и навальщиков, выше мест их расположения, находился в забое бурильщик, который в пласте со слоем угля и тонким промежуточным слоем породы пробуривал называвшиеся в шахте бурками (а также шпурами) горизонтальные отверстия диаметром 40–50 мм и длиной до 1,5 метров. Делал он это бормашиной с местным названием «баран». Эта машина вместе со штангой, врезавшейся со скоростью до 100 оборотов в минуту, весила не менее 15 кг. Электричество подводилось к машине из трансформаторной будки в штреке кабелем длиной, почти равной длине лавы. Бурильщику было очень тяжело и сложно было тащить кабель за собой, одновременно перемещая и лампу.

Из-за большой сырости в шахте следовало работать со специальными резиновыми перчатками, чтобы не быть случайно убитым током высокого напряжения. Но перчатки не всегда бывали, и тогда бурильщику приходилось обходиться без них. В нашей шахте нормой работы для бурильщика были 20 бурок в смену. Для успешной работы бурильщику требовались

режущие уголь коронки высокого качества, для чего ему приходилось находиться в большой дружбе со слесарями-инструментальщиками, припаивавшими к лопастям коронки твердосплавные пластинки и периодически затачивавшими их. Но эти рабочие находились довольно далеко от шахты, и «вести дела» с ними приходилось в основном в нерабочее время, и нередко ночью.

Закончив работу, все шахтеры отправлялись в длинный и утомительный путь вверх по наклонному стволу и заходили в «ламповую» – маленькую комнату для хранения, заправки керосином и получения ламп. Здесь шахтеры сдавали их молодой, веселой и пахнувшей керосином женщине-ламповщице и направлялись в баню – относительно небольшое деревянное здание, отапливаемое углем.

Перед спуском в шахту шахтеры, сидя на скамейке в предбаннике, переодевались в рабочую одежду и обувь и оставляли в шкафчике чистое белье, мыло, мочалку и полотенце. Душа и парилки в бане не было – мыться приходилось водой, налитой из крана в металлический таз, сидя на длинных деревянных скамейках. Некоторые шахтёры, включая меня, занимались в бане и стиркой нижнего белья.

Очень неприятным для нас были часто проводившиеся шахтоуправлением и партийной организацией «Дни повышенной добычи». Они имели целью продемонстрировать партийному руководству страны и всему народу «высокий трудовой энтузиазм», а фактически были дополнительной возможностью выполнить и перевыполнить плановые задания по добыче угля. Эти дни обычно проводили в конце каждого месяца, а также в праздники 7 ноября и 5 декабря (День Сталинской конституции) и 1 мая.

В Дни повышенной добычи в шахте собирали почти всех служащих и инженерно-технических работников, вручали им различный инструмент и ставили их в помощь забойщикам, проходчикам и рабочим других специальностей. Среди простых рабочих мелькали, «показывая им пример», секретарь партийной организации, заведующий шахтой и её главный инженер. В такие дни игнорировались даже самые элементарные правила техники безопасности.

За весь период моего почти годового пребывания в этом шахтерском посёлке мы ни разу не были в кино, так как, вероятно, его нигде не показывали. Не работала и радиосеть. Так что мы оказались почти в полной изоляции от внешнего мира. Я часто заглядывал на почту и просил работниц дать мне просмотреть центральные газеты, прежде чем письмоносцы

разнесут их подписчикам. Эти женщины почти никогда не отказывали мне.

Глава III

В первый день работы в шахте мне показалось страшновато, но вместе с тем очень любопытно. Начальницей нашей смены была рослая и симпатичная украинка Галя. Она отдала меня в распоряжение, как оказалось, самого лучшего по тресту «Свердловуголь» бурильщика Михаила Денисенко, фамилию и инициалы которого, написанные крупными буквами, я прочитал еще в первый же день на стенде, вывешенном у здания шахтоуправления. Он был примерно лет 30-ти, ростом не выше меня и одет в замасленную и сильно изношенную спецодежду. Он всегда держался спокойно, разговаривал мало и тихо, а в перерывах после трех-четырех сделанных бурок обязательно закуривал свернутую из газетной или книжной бумаги цигарку с махоркой. Его семья жила в поселке, и он являлся ее единственным кормильцем.

Мою учёбу Миша начал с того, что… дал мне покурить приготовленную им самим махорку. Пока курили, Миша кратко объяснил мне устройство барана и порядок его использования.

После простых устных объяснений Миша приступил к практической учёбе, включив машину, а через несколько минут остановил её и отдал мне. Я едва удержал машину – так она была тяжела. Подумалось, что мне ни за что не удастся работать с такой машиной. Однако благодаря учителю я всё же довольно быстро привык и к тяжести машины, и к вибрации штанги. Через неделю я уже мог работать бурильщиком самостоятельно, справляясь с нормой.

В первый же день, когда я начал работать с Мишей, в шахте появилась девушка лет 22-х. Она показалась мне очень красивой своими белым, еще не покрытым угольной пылью лицом и голубыми глазами. Особенно поразил меня её звонкий веселый голос. Еще издалека она громко и с прибаутками поздоровалась с Мишей, а потом подала руку и мне, представившись Ангелиной или просто Гелей. Говорила она, как и Миша, перемешивая украинские и русские слова. Геля была любимицей, наверное, всего мужского коллектива шахты. Жила она в соседней деревне Матвеевка. Трудилась Геля в шахте запальщицей и занималась взрыванием в забоях бурок.

…К 24 часам пришла ночная смена, а мы пошли вверх по наклонному стволу. Так как его длина превышала 100 метров, этот путь был тяжелым. Но наши бойкие девушки проделали его

очень легко – усевшись на нагруженные углем вагонетки, чем явно нарушили технику безопасности. Эти девушки в перерывах часто распевали украинские и русские песни, в том числе хулиганистые.

Выйдя из шахты, мы направились в баню. Через щели между досками, отделявшими мужское и женское отделение, мы не только видели друг друга, но даже могли пройти друг к другу. Сквозь пар, заполнивший всё пространство отделений, мы заметили Галю, пригласившую мужчин присоединиться к ним, «чтобы потереть друг другу спины». Услышав это, наш будущий крепильщик Василий Яхин тут же проник к Гале и обнял её. Но та быстро вырвалась из его объятий, схватила полупустой таз и… ударила им Василия по голове. С обеих сторон раздался громкий хохот, и мужчины сразу поняли, что девушки не позволят им «давать волю рукам». Василию ничего другого не оставалось, как извиниться перед Галей и, уложив ее на скамейку, своими большими лапами потереть пару раз с мылом и мочалкой спину Гале. Помывшись, я постирал нижнее бельё и, крепко отжав его, надел снова на себя.

После первого дня работы мы проснулись лишь часам к 9-ти. Надо было идти в буфет позавтракать. Однако я и Иван Утюк решили в первую очередь написать письма родным. Выйдя из почты, мы увидели женщин, торгующих молоком и кукурузной крупой. Такую крупу я увидел впервые в жизни, а украинец Иван сказал, что в детстве часто ел кашу, сваренную из неё. Поэтому мы решили купить эту крупу, но у нас не было тары. Поэтому мы снова забежали на почту и выпросили там две старые газеты. Купили и молока. Каша получилась очень вкусной. В первое время многие из нас тайком ходили на колхозное поле, чтобы украсть там картофель, пока его не убрали. Позже картофель приходилось покупать на рынке или у местных жителей. Покупали также початки кукурузы, лук, морковь и чуть ли не каждый день молоко. В шахтном буфете приобретали главным образом хлеб по своим, якобы хранящимся там нашим продовольственным карточкам, которых мы никогда не видели, и получали бесплатно положенный кусок сала. Нередко излишек хлеба мы меняли у местных жителей на другие продукты и на табак. Не могу еще не отметить, что ни разу за время своего проживания в посёлке мне не пришлось сесть хотя бы одно яблоко, не видел я и белого хлеба, сливочного масла, сыра и колбасы. Крайне редко в магазине появлялись печенье, пряники и даже самые простые конфеты. Но главная проблема заключалась в том, что приближалась зима, а у меня и у большинства товарищей не было никакой верхней одежды.

Недели через две после того, как отправил письмо родным, адресуя его маме Пелагее Матвеевне, получил от неё и брата Геннадия ответ. Читая его, зарыдал, как ребёнок, и долго не мог остановиться. В письме мои родные выразили огромную радость в связи с тем, что я жив и здоров. А Геннадий по этому поводу заметил: «Росло нас в семье четыре брата, трое из них были на войне – на фронте, и все мы остались живы».

Далее в письме сообщалось: мама здорова и по-прежнему работает в деревне учительницей; Геннадий в конце августа демобилизовался из армии из-за тяжелого ранения и работает в райкоме ВКП(б), средний брат Виталий служит на Балтийском флоте; младший брат Анатолий во время войны работал в колхозе, окончил педагогический техникум, стал работать учителем, а единственная сестра Инесса продолжала учиться в средней школе.

Родные просили меня сообщить, в чем я нуждаюсь, и обещали быстро прислать одежду, сухари и чувашскую колбасу – шортан. Так у меня появилась надежда встретить зиму в теплой одежде.

Из Винницы получил ответное письмо также Иван Утюк. Но полученная им весть оказалась ужасной: пока он находился в плену, в его родном городе действовала подпольная группа сопротивления немецким оккупантам, и в ней активное участие принимала горячо любимая Иваном его молодая супруга. Но подпольщиков кто-то выдал, и жена Ивана была повешена. В письме сообщалось также, что оба родителя Ивана живы и отец собирается приехать к нему, но пока это невозможно.

Иван после получения письма долго плакал и часто рассказывал товарищам о погибшей жене. Поделился Иван своим горем и с начальницей смены Ганной, очень хорошей и порядочной девушкой. Вероятно, из-за сочувствия горю своего подопечного, а также из-за того, что Иван внешне был хорош и стало точно известно, что он холост, Ганна «заимела на него виды». Они начали часто встречаться, вместе готовить еду и совместно питаться в общежитии.

Между тем с этого времени Иван заметно изменил своё отношение ко мне. Однажды я не обнаружил в своей тумбочке учебника немецкого языка и «Декамерона», а Иван раздраженно сказал: «Зачем они тебе теперь, ведь ты больше не в Германии и нечего сейчас заниматься немецкой писаниной! Забрали мы книги по моему предложению и разделили на части, чтобы использовать для курения. Оставили и тебе долю». С огромным усилием воли я сдержал себя и сказал: «Наверное, ты прав, Иван!»

Все товарищи расходовали деньги только на питание, которое в основном организовывали себе в общежитии,

и на курево – в основном махорку. Главной пищей служил черный хлеб, приобретаемый ежедневно в буфете шахты. Пока почти никто у нас не употреблял спиртные напитки.

В выходные дни и в рабочие дни вечерами после ужина многие из нас выходили погулять и побеседовать с местными жителями, в основном с женщинами. Почти все они были вдовами, у которых мужья или умерли еще молодыми от силикоза, или погибли в шахте от несчастного случая, или сложили головы на фронте. Жили они на жалкие пенсии и пособия от государства и на продукты со своих огородов и крошечных земельных участков.

Были в поселке и девушки, вернувшиеся из Германии и не желавшие устраиваться на грязную работу на шахте, а другой работы для них не было. Особенно сложно было получить место в магазине.

Однажды, выйдя из общежития, я увидел на скамейке хорошо одетую девушку, рядом с которой стояли два молодых человека. Девушка мне сразу понравилась, и я нарочно прошёл мимо всей компании как можно ближе, сказав «Доброе утро!», и услышал в ответ те же слова от девушки. Было ясно, что и она обратила на меня внимание. Я сходил на почту, а когда возвращался, опять встретился с этой же девушкой у колодца, где она набирала воду. Мне не оставалось ничего другого, как помочь девушке, взяв у нее полное ведро.

Оказалось, эта девушка приехала только вчера. Звали ее Ольгой. В домике в это время находились два её брата – Васёк лет 12-ти и Витёк лет 10-ти и мать, которую соседи звали Емельянихой. С ней я уже не раз встречался по пути на работу и здоровался. Все они жили на деньги еще одного члена семьи – девушки лет 18-ти по имени Нюся. Она трудилась на шахте сортировщицей угля. Мать Ольги подробно расспросила меня о моих родных и особо поинтересовалась моим заработком. Я ушел, получив приглашение заходить к ним почаще. И с этого дня я стал регулярно видеться с Ольгой, не допуская по отношению к ней никаких вольностей, которые неизбежны между симпатизирующими друг другу молодыми мужчиной и женщиной. Кажется, это удивляло мою собеседницу.

Постепенно узнал от Ольги о её семье. Оказалось, она русская родом из деревни в Курской области. В 1929 году семью раскулачили, и отец со своими братьями приехали и устроились работать в шахте. Построили хаты. Однако в конце 30-х годов отец и его братья умерли от силикоза, и семья стала жить очень бедно. Ольга проучилась в школе только 7 лет. В конце лета 1942 года немцы увезли ее в Германию, откуда она

и возвратилась и, конечно, еще нигде не работает.

В октябре 1945 года важным событием для меня и других бывших пленных стало получение временных – на один год – военных билетов. С этих пор мы стали считаться демобилизованными (уволенными в запас). Этот документ был пока единственным, удостоверяющим нашу личность. В том же месяце я получил несколько писем от родных, и мне так захотелось скорее уехать домой. Моё желание еще более усилилось после второй скверной выходки Ивана Утюка. Перед своим выходным днём он возвратился поздно ночью и начал шуметь и громко петь. Из-за этого мы проснулись и никак не могли уснуть. Не выдержав, я попросил Ивана лечь спать, так как всем нам предстояло рано вставать и идти на работу. Но в ответ услышал от Ивана страшную брань. Иван кричал, что я «не имею теперь права им командовать, как раньше у немцев, у которых был холуём и измывался над пленными, и что меня за это надо судить и повесить». Галиев и Юров соскочили с постелей и быстро раздели и уложили Ивана на койку, и вскоре он уснул. На следующий день, когда мы вернулись с работы, отрезвевший Иван извинился перед нами за вчерашний поступок, заявив, что вообще не помнит, о чем говорил. Это, конечно, не избавило меня от мыслей, что Иван может повторить нечто аналогичное, если не худшее.

Посетив очередной раз почту и просмотрев на ней несколько центральных газет, я наткнулся на единственно возможный для себя выход из положения – в одной из них писалось, что тысячи демобилизованных военных – бывших студентов вузов и техникумов возвратились на учёбу. Кроме того, отмечалось, что в учебных заведениях отменена плата за учёбу и теперь все успевающие студенты получают стипендию. И тут я подумал, ведь я тоже бывший студент, и, поскольку у меня сохранилась зачётная книжка, вопрос только в том, что я был в плену. Поэтому написал письмо во Всесоюзный комитет по делам высшей школы Совета Министров указав, что в октябре 1941 года добровольно, с IV курса Московского института стали ушел в армию, воевал, но в мае 1942 года в большом окружении попал к немцам в плен. Хочу знать, могу ли я тоже вернуться на учёбу в свой институт. Примерно через месяц пришел ответ: «После прекращения Вашей службы в Красной армии и при отсутствии поражения в правах Вы будете иметь возможность продолжить свою учёбу в Институте стали. Зав. Отделом тяжелой промышленности Г. М. Фомин». Поскольку учебный год 1945–1946 уже давно начался, можно было рассчитывать лишь на следующий учебный год.

Проработав ночью в забое с 4 на 5 ноября и поспав с утра, я,

как всегда, отправился после обеда на почту, но сначала зашел к слесарям, чтобы сменить или переточить затупившиеся коронки. Подойдя к шахтоуправлению, увидел толпу женщин и мужчин, которые смотрели на прикрепленный к столбу большой красочный плакат с фамилиями передовиков труда. К великому удивлению, я заметил и свою фамилию. Оказалось, что к 7 ноября я выполнил норму на 150 процентов и заработал в октябре 1750 рублей – немалые деньги.

Среди женщин, смотревших на плакат, были также мать Ольги Емельяновой и её сестра Нюся, которые похвалили меня и, как бы шутя, сказали, что за это с меня полагается. Поэтому, отработав ночь на 7 ноября, который был объявлен Днем повышенной добычи угля, я занес к Емельяновым полученные в буфете шахты кусок сала и всю порцию хлеба. Они оказались очень рады этому и предложили мне чарку самогона, но я отказался и отправился спать. В дальнейшем я часто приносил им излишек хлеба.

Ноябрь и декабрь 1945 года запомнились мне тем, что многих мужчин из общежития увели жить «примаками» местные молодые женщины – вдовы и девушки. Из нашей комнаты первым подался к молоденькой и интеллигентной русской девушке, проживавшей с матерью, по-видимому, бывшей учительницей, татарин Галиев, хотя он и был малограмотен и даже не мог как следует говорить по-русски. Ожидалось, что вот-вот уйдет от нас к Ганне и Иван Утюк. Но этого не произошло из-за внезапно изменившейся ситуации. Однажды вечером мы увидели, как мимо нашего общежития проехала телега, на которой с большим багажом сидела очень красивая и хорошо одетая девушка. Ивана потрясла эта девушка, которая, по его словам, лицом и комплекцией показалась ему очень похожей на покойную жену. Поэтому на работе он подробно расспросил о девушке её отчима. Тот сказал, что падчерицу зовут Люба. Как и многие девушки, она была депортирована в Германию и сейчас возвратилась с множеством хорошей одежды и другого добра. Теперь её следовало устроить на работу или выдать замуж за «хорошего», много зарабатывающего и красивого парня. Тут же договорились, что Иван придет в хату отчима девушки и он познакомит молодых людей друг с другом. Скоро Иван и Люба поженились и устроились в отдельной комнате хаты отчима. Я иногда заглядывал к молодым по приглашению их самих или дяди Любы, эрудированного человека, которому я почему-то понравился и с которым мы часто беседовали о жизни, о текущей политике и о других вещах. Пристроился жить у учительницы-вдовы и мой соплеменник –

Роман Никитин. К наступлению Нового, 1946 года в нашей комнате остались только я, Юров и Силаев. И жизнь в общежитии, где не было ни радио, ни книг, ни газет, ни шахмат или шашек, ни кино после ухода соседей, стала для нас еще более скучной и унылой.

В третьей декаде ноября я, к великой радости, получил от мамы увесистую посылку. В ней были: теплая фуфайка, старая мохнатая шапка отца, которую я отдал в Москве дедушке Матвею, отправляя его на родину, красноармейская гимнастёрка, принадлежавшая брату Геннадию, его же суконные брюки навыпуск и по паре шерстяных носков, рукавиц и теплого нижнего белья. Кроме них в посылке находился большой комок оригинальной чувашской колбасы-шортана. Такая колбаса могла храниться долгое время даже при плюсовой температуре. Кстати, эта посылка дошла до меня всего за 5 суток.

В свои свободные часы я продолжал встречаться с Ольгой. Я чувствовал, что она ждет от меня главным образом не просто разговоров, а нечто другого, определяющего её дальнейшую жизнь. Она даже сказала: «Вот, ребята ходят ко мне и один из них просит моей руки, но я не знаю, как ему ответить. А ты молчишь, хотя всё зависит от тебя». Разумеется, я тоже тянулся к ней, но сделать решительный шаг воздерживался, рассчитывая на лучшее будущее, чем жизнь в унылом шахтёрском посёлке. Мне хотелось стать инженером, а это требовало, чтобы я пока оставался холостым. К тому же было ясно, что у нас нет настоящей любви друг к другу. Но так продолжаться больше не могло, и скоро я поступил, как часто бывало, по принципу – «куда кривая выведет».

Глава IV

Наступил Новый, 1946 год. 31 декабря прошло буднично – никаких ёлок, застолий и поздравлений друг другу. Мне и двум соседям по комнате пришлось поспать и 1 января успеть на работу к 8 часам. Работы в январе проходили как обычно. В январе неожиданно пришло с родины теплое письмо от Ани Сабаевой, учившейся со мной в средней школе в селе Батырево и в 1941 году окончившей в Москве университет (МГУ).

Вечером 21 января, отработав дневную смену, помывшись и переодевшись в бане, перекусив в буфете, я решил сбегать в домик Емельяновых под предлогом отдать им лишний хлеб и заодно пообщаться с Ольгой. Их домик был разделен посередине на две комнаты, не имевшие дверей, вместо которых была занавеска.

Когда я зашёл, Ольга сидела за столом и при свете электрической лампочки что-то шила, время от времени подкладывая уголь в печку, на которой в большом чайнике кипятилась вода. Мы были одни. Я уселся на табуретке рядом с Ольгой, и наступило молчание. Вдруг она спросила: «А знаешь ли ты, что все женщины вокруг говорят, что мы с тобой уже давно… живём»? Я не сразу понял, что означает последнее слово. Потом сообразил и ответил: «Раз так, так пусть они будут правы!» И Ольга, встав из-за стола, тут же погасила лампочку. Меня поразило, что Ольга явно имела сексуальный опыт. Оказалось, что она приехала из Германии на грузовике с шофёром, находясь у него на положении жены. Когда в дом возвратились родственники, Ольга сообщила матери о нашем намерении быть вместе. Та, конечно, одобрила наше решение.

Придя на следующий день с работы в общежитие, я увидел, что мои койка и тумбочка пусты, нет также сумки с вещами и вообще ничего из моих вещей. Юров сообщил, что их вместе с братьями унесла Ольга. Признаться, это сообщение Юрова меня огорошило – я не ожидал, что всё случится так быстро. Пришлось отправиться в домик к Емельяновым. Они встретили меня радостно и сразу посадили за стол. На ужин был очень вкусный борщ и второе с мясом и горячей картошкой вместе со стаканом самогона. Самогон одновременно выпили и Ольга с матерью, пожелавшей нам счастья. Этот ужин, по-видимому, был для меня и Ольги нечто вроде нашей свадьбы. Отныне я стал звать мать Ольги мамой.

Ольга объяснила мне, что питаться я буду теперь дома, и для этого приносить положенные мне хлеб, сало, сахар и другие продукты. Зарабатываемых мною денег должно хватить на двоих, да еще что-то может оставаться. Из этого остатка сможем оплачивать своё проживание в домике матери Ольги, пока не найдем себе другое место. Но мы не пытались его искать, а деньги, которые Ольга платила за наше проживание, мать вполне устраивали.

Теперь мои бытовые условия значительно улучшились – главное, не было больше забот о питании и стирках. Спал на мягкой кровати с чистым бельём и милой молодой женщиной, доставлявшей мне каждый раз перед сном особое удовольствие, хотя ночами этому часто мешало присутствие её сестры, спавшей на своей кровати против нас.

В январе я заработал больше всего денег – около 2300 рублей, и все их отдал Ольге. Однако с февраля моя привычная работа внезапно прервалась – меня назначили подменным бурильщиком. Отныне я должен был работать во всех

трех сменах и на обоих участках шахты, подменяя шесть основных бурильщиков в их выходные дни. Получилось так, что я спускался в шахту в два дня, а после этой смены оставался еще работать в вечернюю и еще через два – в ночную. И, таким образом, свободными у меня бывали только 8 часов между тремя сменами. Подменной запальщицей со мной была Геля. Кроме того, ко мне прикрепили молоденького ученика из местных жителей, за которого мне тоже платили небольшие деньги. Ученика я использовал дополнительно для обеспечения нас качественным режущим инструментом, поручив перед работой заходить к слесарям. Работа подменным шахтером позволила мне чаще бывать с Ольгой в дневное время, когда мы в домике оставались одни, чему бывали очень рады.

В феврале я работал наиболее интенсивно, и следствием этого явилось то, что у меня страшно распухло колено. Пришлось пойти в медсанчасть посёлка. Врач сказал, что это бурсит и что излечиться от него можно только длительным покоем и теплыми повязками. Поэтому врач освободила меня от работы, выписав больничный лист сначала на одну неделю, а потом продлевала его еще.

Чтобы получить деньги по больничному, пришлось вступить в профсоюз. Все первичные профсоюзные организации много занимались тогда социалистическим соревнованием работников. Соревновались шахта с шахтой, участок с участком, смена со сменой и даже шахтер с шахтером. Нас заставляли принимать и выполнять «социалистические обязательства», что фактически требовалось только для отчета перед партийным руководством. Мне на шахте, как подменному шахтеру, соревноваться почти ни с кем не пришлось.

Пока из-за болезни меня не было на работе, на обоих участках шахты произошло по одному несчастному случаю: в результате обрушения кровли погибли и сильно поранились несколько крепильщиков, навальщиков и бутчиков, в основном из незнакомых мне бывших военнопленных. Погибших, даже не обмыв их тела, и в отсутствии родных, тихо похоронили в рабочей одежде на кладбище посёлка.

В этом же месяце я написал письма нескольким товарищам по германскому плену. Первым ответил донской казак Саша Гуляченко, проживавший совсем недалеко от нашего посёлка. А к письму была приложена записка его 20-летней сестры, которая написала, что брат очень много рассказывал ей обо мне и о том, какой я «хороший парень». Она благодарила меня за брата и просила разрешения самостоятельно приехать ко мне, чтобы привезти для меня продукты питания и познакомиться

со мной.

Письмо без меня прочитала Ольга, и ей очень не понравилась приложенная записка. Когда на следующий день я собрался сходить на почту, чтобы написать и отправить Саше письмо, Ольга вдруг задержала меня и сказала, что она и Нюся уже ответили Сашиной сестре, сообщив ей, чтобы она не имела на меня виды, так как я женат и жена беременна. Поступок Ольги сильно возмутил меня, но делать было нечего, и мне пришлось прекратить переписку с другом.

В апреле не успел я поработать и неделю, как моё колено снова угрожающе распухло, и мне пришлось опять «сесть на бюллетень». Врач почему-то подумала, что я каким-то образом сам вызываю опухоль на колене. Настроение мое от этого резко ухудшилось. От отчаяния я решил написать в Министерство черной металлургии (МЧМ) СССР на имя министра И. Ф. Тевосяна письмо с запросом, могу ли я быть восстановленным как студент в Московском институте стали. Через день я отправил другое аналогичное письмо – в институт, приложив к нему зачётную книжку и две фотографии. В тот же день в шахткоме я получил сообщение, что, как и всем новым шахтёрам, мне предоставляется участок земли площадью, кажется, 8 соток. Эта новость очень обрадовала Ольгу, и особенно её мать, так как семья приобретала даром еще один источник существования. И в следующий теплый и солнечный день мы отправились с лопатами на поле, где нам выделили земельный участок с хорошей почвой, не нуждавшейся в удобрениях. В это же время руководство шахтоуправления стало предоставлять участки земли для строительства жилья.

15 апреля, когда срок моего больничного листа закончился, а колено по-прежнему оставалось сильно опухшим, я снова обратился к тому же врачу. Но на этот раз она отказалась продлить бюллетень и даже не посоветовала мне, как лечиться, обозвав меня «членовредителем» и «симулянтом». Ничего другого не оставалось, как продолжить работу до самого увольнения из шахты в конце июля 1946 года. Хорошо еще, что колено почти не мешало мне при ходьбе, а при работе я старался его беречь.

Майские праздники неожиданно омрачились из-за того, что мои бывшие соседи по общежитию Юров и Силаев вдруг исчезли. На столе они оставили записку, что якобы «с разрешения своего начальника смены» уехали на неделю в Пензенскую область, чтобы проведать семьи, которые не видели более 7 лет. Это вызвало в шахтоуправлении переполох, так как начальник смены не давал им никакого разрешения на отлучку. Тогда из районного отдела внутренних дел срочно послали на родину

Юрова и Силаева двух вооруженных сотрудников, которые вскоре вернули обоих беглецов и заключили их в тюрьму в Свердловске, а через неделю состоялся суд, который приговорил бедняг к 7 годам лишения свободы. Об этом всех бывших пленных известили, чтобы мы не последовали примеру осужденных.

9 мая – в первую годовщину Дня Победы над Германией погода выдалась солнечной и теплой. В этот день я должен был работать в вечерней смене. Утром, поздравив с праздником Ольгу и её родных, я пошел проведать и поздравить бывшего товарища по плену Ивана Утюка, хотя и был на него немного в обиде. Зашёл к нему и поздравил его и жену Любу, её мать и брата матери. Но они так просто меня не отпустили – пришлось с ними выпить по рюмке самогона.

10 мая мне предстояла работа в ночной смене, благодаря чему я провел почти всё дневное время вместе с Ольгой, её сестрой Нюсей и матерью, возделывая недавно полученный участок земли. А к вечеру мне принесли долгожданное письмо из Москвы, на конверте которого был штамп Министерства черной металлургии (МЧМ) СССР. Оно оказалось адресовано директору Московского института стали им. И. В. Сталина, а копия предназначалась мне. Министерство направляло мое заявление для рассмотрения и принятия мер в институт и о решении просило сообщить в главное управление учебными заведениями указанного министерства.

Наконец 22 мая пришло письмо из Московского института стали. Меня извещали, что приём на учёбу в институт и высылка вызовов будет проводиться в августе месяце. Так что опять мне и дальше пришлось жить в тревожном ожидании решения своей участи.

В это же время моя Ольга вдруг занемогла – заметно похудела, совсем перестала есть, только пила и не подпускала меня к себе. Её сестра Нюся тайком сообщила мне, что Ольга приняла какое-то «снадобье» у местной знахарки, чтобы избавиться от беременности, и ей это удалось.

В конце мая в шахте погибли мой хороший знакомый бутчик Савельев из-под Харькова и его напарник. Говорили, что при бурении кровли откололись большие куски породы и упали им на головы. Положив их в простые гробы, вызвали телеграммой их родных. Через двое суток на похороны приехали отец и мать Савельева. Они не плакали и молча сидели на стульях перед телом единственного сына, которого не видели с 1941 года. Товарищей тихо и без цветов похоронили на посёлковом кладбище.

Второе событие было в какой-то мере радостным: паспортный

стол Свердловского районного отдела внутренних дел выдал нам удостоверение личности, заменяющее паспорт. Однако оно было действительно лишь на полгода и только в пределах Свердловского района. В нем указывалось, что мы прибыли в этот район из рабочего батальона. В тот же день я получил письмо от мамы с сообщением, что брат Виталий еще в конце апреля демобилизовался из Военно-морского флота и возвратился домой, где теперь не хватает только меня.

По-видимому, то ли из-за гибели Савельева и его напарника и раньше – других шахтеров, то ли по иным причинам уволили в начале июня заведующего шахтой, а вместо него назначили другого человека – относительно молодого и энергичного украинца, явно невзлюбившего бывших пленных, считая их изменниками Родины.

С 15 на 16 июня на втором участке шахты, заканчивая работать в ночной смене, я подвергся смертельной опасности. Как только Геля заложила взрывчатку в первую бурку, внезапно затрещали деревянные стойки, что предвещало начало обрушения кровли. Мы попытались поскорее уйти вниз к другим забойщикам, но не успели – кровля начала с грохотом рушиться. От сильного потока воздуха у нас внезапно погасли лампы, и мы остались в полной темноте. Геля не сумела найти ощупью коробку спичек, а я их не имел.

Я совсем растерялся и шепотом начал просить своих покойных отца, дедушек, бабушек и сестрёнку помочь мне, но Геля тут же взяла меня за руку и повела назад в бутовое пространство. Мы шли очень медленно, часто спотыкаясь о куски породы, а они продолжали падать и спереди и сзади.

Наконец, Геля сказала, что мы у «лаза». Она влезла в него, а я за ней, и так мы выбрались в опустевший верхний штрек, где остановились и отдохнули. Мне вдруг захотелось спать. Геля сказала, что надо идти дальше. Можно было направиться либо к шурфу вентиляционной установки, либо к наклонному стволу. Решили, что ближе – к наклонному стволу. Двигаться пришлось почти на карачках.

Внезапно кто-то дернул меня за конец штанины. Я протянул руку и вдруг почувствовал укус. Я невольно закричал. Геля сразу сообразила, что со мной произошло. «Это крысы, – сказала она, – отталкивай их ногой!» В некоторых местах по штреку текла вода, в результате чего мы насквозь промокли и начали сильно мерзнуть. Но наконец мы увидели свет в конце штрека и добрались до наклонного ствола, а по нему выбрались из шахты, пробыв там около 20 часов. До следующей смены у нас оставалось 8 часов, чтобы утолить голод, отдохнуть и прийти

в себя.

Руководство шахты после случившегося сразу направило в забой команду спасателей, и несколько забойщиков были спасены. Получивших ранения различной тяжести направили в медсанчасть. К счастью, никто не погиб. К началу вечерней смены в забое пошла нормальная работа. Товарищи и начальство обрадовались тому, что мы сами спасли себя, и поздравили нас. А у меня возник вопрос: «Доживу ли я из-за возможных других аварий до того дня, когда получу весть из Москвы?» Не выдержав, я написал директору института еще одно письмо, в котором прямо спрашивал, буду ли я восстановлен студентом, и если да, то нельзя ли в порядке исключения вызвать меня раньше, чтобы я успел уволиться с работы и подготовиться к приезду в институт.

15 июля мне досталось работать в дневную смену. Но работа не сладилась – часам к 14-ти в забое начали потрескивать стойки, но крепильщики продолжали работать, ставя дополнительные стойки, а навальщики заканчивали сбрасывать на решетаки массу угля, взорванного накануне. Однако к 15 часам даже некоторые стойки стали ломаться, поэтому поступила команда всем покинуть забой.

Вместе с учеником, которого мне дали еще 20 июня, я успел спустить в штрек бормашину и аккуратно свернул кабель. Но как только я это сделал, большая часть кровли рухнула.

Дома, только мы уселись обедать, как зашла соседская девочка и сказала, что меня просят сейчас же зайти в хату, где живет Иван Утюк. Оказалось, дядя его жены принес для меня заказное письмо. Письмо было официальным, присланным из «Московского ордена Трудового Красного знамени Института стали имени И. В. Сталина Министерства черной металлургии СССР». С трепетом я раскрыл конверт и прочитал буквально следующее: «Гр-ну Владимирову Ю. В. На Ваш запрос от 25 июня с.г. сообщаем, что приказом по Институту от 5 июля с. г. № 348 Вы зачислены в число студентов третьего курса Технологического факультета. Выписка из приказа прилагается. Директор Института В. П. Елютин».

Это письмо, как подарок, пришло ко мне за три дня до моего дня рождения. Позднее меня осенила мысль, что друживший со мной дядя Любы вполне мог быть человеком, уполномоченным тайно просматривать на почте переписку бывших пленных. Поэтому, наверное, и получилось так, что заказное письмо вручила мне не девушка-письмоносец, как обычно, а этот мой друг. Он дал мне хорошей бумаги, на которой я написал заявление заведующему шахтой с просьбой уволить меня на основании зачисления в институт.

Глава V

16 июля я оделся как обычный гражданин в выходной день, взял письмо из Москвы и заявление заведующему шахтой, с которыми и пришёл в контору. Начальника шахты на месте не оказалось, не было и начальника участка. Поэтому я подошёл к заведующей личным столом и одновременно табельщице Людмиле, с которой в это время разговаривал Литус – начальник смены. Оба от души поздравили меня с вызовом в институт стали и сказали, что «по-белому» завидуют мне. Литус, бывший военнопленный, заметил, что после меня, может быть, и другим удастся обрести полную свободу. А Люда сказала, что тоже мечтает поступить в институт и, может быть, устроится на заочное отделение. Кончились наши разговоры тем, что Люда взяла и… вычеркнула меня из списка шахтного персонала. Об этом мы как-то не подумали, что заведующий шахтой может и не уволить меня в тот же день, и если я сразу не выйду на работу, то буду прогульщиком и меня сурово накажут, как бедных Юрова и Силаева. Мне удалось уволиться лишь через неделю, а Люда скрыла мои фактически шесть прогулов.

…Уходя из конторы, я предупредил Литуса, что вместо меня будет работать бурильщиком мой ученик, который уже хорошо освоил специальность. Затем я отправился в шахтоуправление, зашел в приемную и просидел там, ожидая заведующего шахтой и беседуя с пожилой секретаршей, почти час. Наконец он появился, и не успел усесться за стол, как я протянул ему заявление с приложенными к нему письмами из института. Он бегло взглянул на документы, сурово поглядел на меня и неожиданно… закричал: «Ты, сволочь, изменник Родины! Отсиделся в войну у немцев, а теперь хочешь на свободу! Не быть этому! Вон отсюда!» И так, швырнув мне назад мои бумаги, выгнал меня из кабинета…

Дома встревоженная Ольга попыталась меня успокоить, предложила пообедать, а потом мы решили, что завтра мне надо отправиться в Свердловск, найти там управление трестом «Свердловуголь» и попасть на приём к директору, которого нужно попросить, чтобы он заставил своего подчиненного отпустить меня на учёбу.

…В отличие от заведующего нашей шахтой директор треста оказался очень вежливым и внимательным человеком. Он сразу усадил меня на кресло рядом со своим большим столом и, просмотрев мои бумаги, побеседовал со мной, задавая вопросы. Он сказал, что после войны государство как никогда остро нуждается в инженерах, чтобы поднять страну. После этого

написал на моём заявлении резолюцию: «Тов. Конюшенко. Прошу срочно уволить тов. Владимирова. Директор треста “Свердловуголь”. Подпись. 17 июля 1946 года».

Выйдя из здания управления трестом, я почти бегом добрался до своего посёлка и часам к 16-ти вбежал в приёмную, но заведующего шахтой уже не было на месте. Утром 18 июля, совсем забыв, что это мой день рождения, я снова появился в кабинете заведующего шахтой. Увидев резолюцию, сказал: «Всё равно я тебя не уволю – у меня на обеих шахтах большая нехватка людей, а планы надо выполнять. Так что иди и работай!» По дороге домой мне пришла идея – завтра снова отправиться в Свердловск и на этот раз обратиться к районному прокурору с жалобой на заведующего шахтой.

Утром я проник в кабинет районного прокурора, растолкав других посетителей, и остолбенел, увидев, что прокурором оказался не мужчина, а очень симпатичная женщина лет 30-ти. Я вспомнил, что видел ее в нашем посёлке, когда за прогулы уводили в суд Юрова и Силаева. Наверное, именно по требованию этой женщины с ними поступили очень сурово. Поэтому я сначала испугался её, но быстро успокоился, когда она вежливо попросила меня сесть в кресло перед своим столом. Я объяснил, в чем заключается моя проблема, и она написала на моём заявлении: «Тов. Конюшенко. Увольте тов. Владимирова. Прокурор Свердловского района. Подпись. 19 июля 1946 года».

20 июля я снова, уже в третий раз, появился в кабинете заведующего шахтой и пригрозил ему, что в случае отказа буду жаловаться московскому начальству. Но заведующий и на этот раз оказался почти неумолим, хотя все же написал на моем заявлении: «Уволю 27 августа 1946 года. Подпись. 20 июля 1946 года».

Позднее я удивился, как это заведующий шахтой не догадался поинтересоваться, бываю ли я на работе. Вполне законно он мог бы расправиться со мной за прогулы.

«Хитроумная» резолюция заведующего шахтой на моем заявлении меня совсем не устраивала: освободившись только 27 августа, я не успел бы приехать вовремя к началу учебного года, а тем более повидаться с мамой, братьями и другими близкими, которых не видел более шести лет.

Весь воскресный день, 21 июля, когда служащие отдыхали, я провел с Ольгой и её семьёй на огороде, а утром поспешил к прокурору и показал ей заявление с неприемлемой для меня резолюцией начальника. Но, к великому моему разочарованию, она сказала мне: «Чем же Вы недовольны? Он же написал, что уволит Вас к началу учебного года. Так что подождите!»

Возвращаясь в посёлок, я вдруг сообразил, что у меня еще есть время, чтобы зайти к директору треста. Народа в приёмной было мало, и я быстро попал в кабинет к директору. Положил на стол свое испещренное резолюциями заявление и сказал директору, что заведующий шахтой отказывается удовлетворить просьбу о моём увольнении даже при наличии санкции прокурора. Директора это неподчинение разозлило. Нажатием кнопки на столе он вызвал секретаршу и попросил её срочно соединить его с заведующим нашей шахтой, но его не оказалось на месте. Тогда директор на оставшемся свободном месте заявления написал следующее: «Тов. Конюшенко. Задерживать студентов старших курсов не имеете права. Директор треста. Подпись. 22 июля 1946 года». Поблагодарив директора, я ушел от него, полагая, что и в телефонном разговоре с заведующим шахтой он потребует от него моего немедленного увольнения.

Когда 23 июля рано утром я со своими бумагами оказался в кабинете заведующего шахтой, он молча в самом низу заявления написал: «В отдел кадров. Оформите увольнение с сегодняшнего дня. Подпись. 23 июля 1946 года». Затем сказал: «Оставь в отделе кадров копию приказа о зачислении тебя студентом».

Весть о том, что бывший военнопленный уволился с работы и уезжает учиться в Москву, очень быстро стала известной служащим шахтоуправления. Но мне еще предстояло сняться с учета в военном комиссариате и выписаться в паспортном столе районного отделения милиции, а это тоже получилось не сразу.

Наконец вечером за ужином мы обсудили с Ольгой и с ее матерью дальнейшую жизнь мою и Ольги. Я сказал, что собираюсь поехать в деревню и обговорить с матерью и братьями возможный приезд туда Ольги. Но в деревне ей пришлось бы работать только в колхозе, ведь дома ничего своего я не имею. В Москве мне предстоит жить на небольшую стипендию и на деньги матери. Итак, оставался один вариант: Ольге надо устроиться на работу, а я буду приезжать на каникулы. После окончания института мы поедем туда, куда меня направят работать.

Утром 25 июля я сходил в контору, где заведующая личным столом Люда написала мне и подписала у начальника шахты справку следующего содержания: «Дана Владимирову Юрию Владимировичу в том, что он действительно работал при шахтоуправлении № 48 треста “Свердловуголь” с 13 – IX – 45 г. по 23/VII – 46 года в качестве бурильщика. Уволился в связи с выездом на учёбу в институт стали им. Сталина. Справка дана для предъявления по пути следования в Казань». Казань

находилась за Канашем, но я стеснялся назвать скромную станцию, куда я направлялся на самом деле.

Я собирался выехать 28 июля. Но внезапно этому воспрепятствовала мать Ольги, потребовавшая, чтобы мы с Ольгой сходили в посёлковый совет и зарегистрировали свой брак. Я, конечно, не стал возражать. Но когда мы пришли в посёлковый совет, оказалось, что в совете нет необходимых бланков, и неизвестно, когда они будут. Попросили зайти примерно через неделю.

Но Ольга совсем не расстроилась и неожиданно сказала: «Значит, не судьба нам быть женой и мужем. Я всё равно довольна, что пожила с тобой. Наверное, такого мужчину, как ты, я уже не найду. Спасибо тебе! Не расстраивайся! Всё равно дальше ты не стал бы со мной жить – ты будешь инженером, а я простушка и окажусь для тебя помехой!» От этих слов Ольги я едва не заплакал, – так стало ее жалко.

Сообщение о том, что Ольге и мне не удалось зарегистрироваться, очень огорчило её мать; она с трудом сдержала слёзы, запричитав: «Видимо, и Господь Бог против вашего брака». Потом, усадив всех за стол, добавила: «Ну, ладно, пусть этот обед будет прощальным, – и попросила меня: – Пожалуйста, не забывай нас совсем!»

Глава VI

2 августа 1946 года я, с очень большими трудностями в пути, добрался до родной деревни. Шел по знакомой улице и вдруг увидел двух девушек в русской одежде, катящих мне навстречу двухколесную тележку, а за ними с вилами на плече юношу, как мне показалось, своего брата Геннадия. «Геннадий, Геннадий!» – закричал я. А тот неожиданно ответил: «Нет, нет, я не Геннадий. Я – Толя, Толя!» Это оказался мой младший брат, сильно выросший и возмужавший за годы моего отсутствия. Толя тоже не сразу сообразил, что я его старший брат. Затем Толя подозвал младшую девушку, назвав ее Инессой. Это была наша сестра, которая тоже очень сильно выросла. А следующая девушка – Дуня оказалась женой брата Геннадия. После такой встречи я заплакал и никак не мог сразу остановиться и Толя меня успокаивал.

Поскольку Толе надо было ехать в поле за травой для коровы и с ним отправилась Инесса, я пошел домой один. Навстречу мне из сеней вышел юноша, выше меня и шире в плечах, одетый в морскую форму, в котором я признал второго брата – Виталия. Мы обнялись, и я опять заплакал: все было как во сне –

не верилось, что я наконец дома.

Затем, не заходя в избу, я скинул со спины вещевой мешок и предупредил Виталия, что должен снять с себя нижнее белье, а также гимнастерку, так как в них водятся вши. Виталий разыскал и принес мне свежее бельё. После этого я помылся и вошёл с дрожью в коленях в переднюю избу, где опустился на колени перед большим фотопортретом отца и поблагодарил его за то, что я не погиб на войне, целым и невредимым вернулся домой.

Мамы дома не оказалось. Не зная о моем приезде, она по путевке уехала в санаторий, куда ее уже не раз отправляли, чтобы подлечиться от туберкулеза.

…Я вышел из избы и направился к саду. Его вид очень огорчил меня: из 20 яблонь, посаженных еще в конце XIX века дедушкой, не осталось ни одной. Деревья погибли из-за жестоких морозов зимой в 1940 и 1941 году. Уцелели лишь два мощных раскидистых вяза, на которых в детстве я часто сидел и читал книжки, а также шесть черемух, рябина и с десяток акаций. На опустевшие места с огорода перенесли с десяток пчелиных ульев, которые с помощью брата отца дяди Егора продолжали содержать мама и брат Толя.

Пока я осматривал сад и огород, Виталий наколол дров, а с поля вернулись с полной тележкой травы Толя, Инесса и Дуня. Скоро стали накрывать на стол – принесли молоко, ряженку, сливочное масло, яблоки, малосольные огурцы, свежий черный хлеб, колбасу-шортан и, наконец, взятый Толей только вчера из пчелиных ульев мед в сотах, который я не видел 6 лет.

Когда картофель сварился, приковылял домой с работы в районном центре Батырево брат Геннадий, тяжело раненный в ногу на фронте. Он сразу принес из амбара бутылку водки, чтобы отметить моё возвращение. По его команде сначала все, вылив из рюмок на землю по несколько капель жидкости, и помянули отца, дедушек, бабушек, других родных и всех солдат, погибших на войне.

Когда я сказал братьям, что меня зачислили снова в свой институт, они обрадовались, напомнив, что покойный отец мечтал дать мне высшее техническое образование, и это станет для всей нашей семьи предметом большой гордости. Необходимая помощь мне будет оказана.

Затем мы обсудили положение Ольги. Братья были против приезда ее в деревню: места для неё в доме нет, да и вообще надо оставить её, ведь самое главное – окончить институт, а Ольга будет только обузой. Впрочем, следует дождаться решающего ответа от мамы.

Мне было интересно, как обстоят дела у каждого из нашей семьи. Я уже знал из письма, что мама продолжает работать учительницей. В 1944 году она стала членом ВКП(б) и все годы войны, помимо работы в школе, трудилась в колхозе и была награждена медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне». Позже маму наградили медалью «Материнство» второй степени за то, что родила и достойно воспитала пятерых детей и послала в войну на фронт трех сыновей, а также знаком «Отличник народного просвещения» и, наконец, самым высшим в стране орденом – орденом Ленина. Кроме того, ей присвоили почётное звание «Заслуженная учительница школ Чувашской АССР».

Виталий и Толя окончили Батыревский педагогический техникум и получили специальность учителя, а потом все три брата поступили на заочное отделение исторического факультета Чувашского государственного педагогического института в Чебоксарах. Сестра Инесса, окончив семь классов Батыревской средней школы, стала учиться в Батыревском педагогическом техникуме.

Как я уже знал, Геннадий и Виталий были активными участниками Великой Отечественной войны. Геннадию летом 1942 года пришлось защищать от немцев Кавказ, а в 1944–1945 годах после неполного излечения от тяжелого ранения – воевать старшим сержантом в Прибалтике. Виталий в сентябре 1943 года форсировал реку Днепр при взятии Киева, а затем в 1944–1945 годах после частичного излечения от тяжелой раны воевал в подразделениях Балтийского флота. Только Толя по молодости не успел побывать на войне.

Сестра Инесса в годы войны, как и мама с Толей, работала в колхозе и в 1943 году все заработанные деньги вместе с деньгами из своего детского пособия внесла на изготовление танка «Пионер Чувашии», за что получила благодарственное письмо за подписью И. В. Сталина.

Из нашей деревни Старо-Котяково, имевшей примерно 200 дворов, ушли на войну около 250 жителей, включая меня, и погибли 110 человек. Вернулись из германского плена мои близкие друзья Сергей Падисов, Алексей Дергунов и более старшие по возрасту Михаил Галкин и Иван Шакаев.

Утром я отправился на деревенское кладбище, чтобы побыть на могилах отца, дедушек, бабушек, сестрёнки и других родных. Старое деревенское кладбище было закрыто в конце XIX века и давно стояло без крестов. Там, где лежал прадедушка Михаил, я насыпал крошки хлеба. Именно хлебом, а не цветами поминают у нас покойных, считая, что хлеб важнее, чем цветы.

Потом я сходил на новое, еще не огороженное кладбище – на могилу отца. Посидел там, рассказывая отцу, что со мной произошло за 6 лет, и о своих дальнейших планах, прося его помочь. В тот же раз я посетил и могилы других родственников, а на одном месте наткнулся на свежий столб с пятиконечной звездой, установленный в память моего друга и одноклассника Антипова Ильи Борисовича, умершего где-то в эвакогоспитале от ран.

В общем, провел на кладбище около трех часов, а потом навестил дядю Егора. Оба его сына, Александр и Алексей, воевали, и Алексей возвратился домой, хотя и раненным в ногу. Оказалось, он уехал в Свердловск сдавать вступительные экзамены в Уральский политехнический институт. Старший сын дяди, Александр, инженер лесной промышленности, которого я осенью 1940 года провожал в армию из Москвы, служил старшим лейтенантом в Австрии и скоро должен был демобилизоваться.

Вскоре после моего приезда я должен был явиться за получением паспорта. Геннадий отдал мне свое военное обмундирование, чтобы я для всех, особенно для начальника милиции, выглядел как демобилизованный из армии.

…Когда с паспортом я возвратился домой, меня уже встречала мама, и вместе с братьями и сестрой мы сели за стол. А на следующий день я занимался разбором семейного архива. Все имевшиеся дома бумаги я аккуратно рассортировал, навёл порядок с книгами и журналами в большом книжном шкафу. Вечерами, хорошо одевшись, я с братьями выходил прогуляться по деревне. Встретив нас, пожилые женщины, потерявшие на войне близких, говорили: «Вот, Пелагея Матвеевна какая счастливица – все её сыновья остались живыми, а наши погибли!» Поэтому скоро мама запретила нам совместные прогулки, чтобы не расстраивать женщин. Иногда мать говорила им: «Я осталась в 1939 году сорокалетней вдовой с пятью детьми, и мне так тяжело было их растить. Видимо, поэтому Господь Бог сжалился надо мной и сохранил моих сыновей».

В начале августа я напросился у Толи и Инессы поработать с ними на колхозном поле, где убирали озимую пшеницу. Техники на поле почти не было – работала кое-как на лошадиной тяге одна старенькая жатка, часто выходившая из строя. Трудились в основном женщины, которые жали пшеницу серпами и вязали её в снопы. Как-то ранним утром мама попросила меня одеться по-военному и поехать с ней на попутном грузовике до деревни Ивашкино, где проживала её старшая сестра Матрена Ракчеева. В тот день грузовик повез из нашей деревни в Канаш рожь для сдачи государству. Пользуясь этим, мама захотела

проведать сестру и заодно поделиться с ней радостью моего возвращения. С собой мы захватили гостинец – бидон со свежим медом. Увидев и поцеловав меня, тетя заплакала. Конечно, она была очень рада, что я вернулся домой цел и невредим, но ей очень больно, что она потеряла в войну супруга Максима и сына Ивана. Иван, как я, попал к немцам в плен, но еще в 1943 году был освобожден Красной армией и воевал в ее рядах. Потом он получил тяжелейшее ранение и лежал в госпитале, откуда его, не излечив, отправили домой, где он скончался. После ранения демобилизовалась и моя двоюродная сестра Настя, которая из-за ранения не могла иметь детей. Она жила с мужем, тоже фронтовиком, Николаем.

Глава VII

Будучи в один из августовских дней в Батыреве, решил посетить среднюю школу, которую окончил, и педагогический техникум, где предстояло начать учёбу Инессе. В обоих зданиях, как оказалось, шел ремонт, и я не встретил ни одного знакомого учителя. При входе в техникум меня кто-то окликнул по имени. Обернувшись, увидел юношу, лицо которого мне было знакомо. Оказалось, это возмужавший за прошедшие годы Виталий Горшков. Вместе с ним я часто брал книги из районной библиотеки, и мы даже надоедали женщинам-библиотекарям. Случилось так, что Виталию, мечтавшему в детстве «выучиться на морского капитана», стать им не удалось.

В войну он дослужился до лейтенанта, но потерял здоровье. Мы с Виталием зашли к знакомой девушке – Лене Ивановой, которую последний раз я видел кокетливой 15-летней девочкой. Представив меня Лене, Виталий ушел по своим делам. На этот раз в Лене меня прежде всего потряс взгляд её глаз, жгучих, пронизывающих и каких-то игривых, хотя лицо ее оставалось серьезным. Очень приятными были и улыбка, и голос. Так что в тот августовский день я сразу и пылко влюбился в Лену. И после Лены уже ни в одну другую женщину, как бы она ни была хороша, мне не пришлось влюбиться. Лена была студенткой Ленинградского института холодильной промышленности и через год его заканчивала. Я поинтересовался у Лены, зачем к ней приходил Коля Сергеев, с которым мы встретились в дверях, и почему он так быстро ушел. Лена ответила, что сегодня Коля в очередной раз сделал ей предложение, а она отказала, потому что он не нравится ей и она не может себя заставить жить с ним без любви. Потом мы разговорились с Леной о ее родителях. Её отец по-прежнему томился в заключении в Воркуте, а мать,

которой сейчас нет на месте, живет в данной квартире и работает учительницей в шокле. Брат Филарет, ушедший на войну добровольцем, погиб на фронте. Все сестры Лены потеряли на фронте мужей. Когда я уходил, Лена неожиданно обняла меня и крепко поцеловала в губы. И после этого мне других девушек, кроме Лены, уже не было нужно.

Вернувшись домой, я рассказал маме о том, что происходило со мной в Батыреве. Мама одобрила мое знакомство с Леной, сказав, что она «вполне подходящая пара для будущей семейной жизни». Но мой брат Геннадий – её бывший одноклассник предупредил, что Лена слишком тянется к разным мужчинам, не постоянна с ними и может легко изменить мужу, как и ее мать. Придется строго следить за ней.

При следующей встрече я рассказывал Лене более или менее подробно, как воевал и что было со мной в германском плену. При этом я для большего эффекта вставлял немецкие слова и выражения. Лену поразило, что я так хорошо выучил немецкий язык, и от этого она была в восторге, что выражала не только словами, но и поцелуями.

Мы ходили более часа и вернулись к дому Лены, когда уже почти стемнело. На другой день после страстных поцелуев Лены я не выдержал и предложил ей завтра же официально стать мужем и женой. Лена ответила, что рада согласиться на моё предложение, но при условии, если я не буду против того, что она уже не девушка. Во время войны она встречалась с одним офицером и обещала ждать его до возвращения, чтобы стать его женой. Они переписывались, однако с апреля 1945 года письма перестали ей приходить. Лена не знает, что случилось с ее женихом. Может быть, он всё-таки вернется. К тому же лучше подождать до ее окончания института и направления на работу. В течение этого года Лена предложила переписываться. И я с этим полностью согласился.

Однажды по дороге домой я попал под сильный дождь. А когда после приятно проведенного у нее времени засобирался домой, Лена задержала меня, сказав, что я могу сильно промокнуть, и предложила остаться у неё ночевать. Но, кроме поцелуев у нас тогда ничего большего не было.

…С тех пор как я приехал домой, мне почти не удавалось узнать, что происходит в мире: радио у нас не было, центральные газеты мама и братья не выписывали, а местная газета писала в основном о районных новостях и делах. Поэтому, как и в шахтерском поселке, я решил ходить иногда в кабинет брата Геннадия, куда приносили много газет и журналов. И однажды из газеты я узнал, что в Москве состоялось судебное

заседание по обвинению генерала А. А. Власова в измене Родине. Его и сподвижников приговорили к смертной казни через повешение.

В середине августа Лена собралась уезжать в Ленинград, и мы договорились, когда я приеду в Москву, сразу напишем друг другу.

В одну из суббот мы с мамой отправилась с раннего утра в село Сень Ахпюрт (Ново-Ахпердино) проведать младшую сестру дедушки Матвея тётю Марию Комарову. Она потеряла на войне двух прекрасных сыновей, Петра и Сергея, и жила с маленьким внуком Геной – сыном Петра. Тётя, как и прежде, меня зацеловала, говоря, что все шесть лет твердо верила в моё возвращение.

Побыв у тети Марии около двух часов и отведав у неё, как бывало в моём детстве, печёный творог с прожилками топленого масла, мы уже втроём пошли к другой тёте – совсем одинокой Евдокии Даниловой, двоюродной сестре мамы. Евдокия фанатически верила в Бога и почти не пропускала ни одной службы в единственной в Батыревском районе церкви в селе Туруново. Мы отдали тёте баночку с мёдом и, побыв у этой родственницы тоже около двух часов, к вечеру вернулись домой.

19 августа совершенно неожиданно появился у нас гость – мой двоюродный брат Алексей Егорович Наперсткин, сдавший экзамены в Уральский политехнический институт. До наступления учебного года он решил побыть у родителей. Как только родители сообщили, что я вернулся на родину, Алексей захотел немедленно увидеть меня и почти бегом примчался к нам. Встреча, конечно, была очень радостной. Пообедали вместе с гостем.

Лёша рассказал, что его забрали в армию осенью 1943 года, а в январе – феврале 1944 года ему уже пришлось участвовать в жестоких боях с немцами на Украине. В одном из боев его тяжело ранило в ногу, и он долго лечился в госпиталях, а в конце войны демобилизовался. Пообедав, я и Леша отправились к нему домой, где его родители – дядя Егор и тётя Татьяна – опять заставили нас усесться за стол и поднесли по стакану сладкой и очень приятной на вкус домашней корчамы – медовухи.

21 августа, вечером, почтальон принесла письмо от Ольги. Она написала, что моё письмо вручила ей лично чуть ли не главная работница почты. Ольга спрашивала, не было ли у меня с ней романа, пока я жил в посёлке? По-видимому, женщин на почте тронула моя приветственная надпись на обратной стороне конверта.

Ольга сообщила, что у неё и у других членов семьи

со здоровьем пока все нормально. Она устроилась работать уборщицей в шахтоуправлении с небольшим окладом, но с возможными премиями. В воскресенье 11 августа многих жителей посёлка возили на автобусе в другой посёлок, где они присутствовали на казни через повешение шестерых бывших полицаев и одного немца за совершенные в войну преступления на оккупированной территории. Приговоренных со связанными сзади руками поставили в кузове грузовика и зачитали приговор. А потом задним ходом грузовик подали под виселицу, где всем надели петли, после чего грузовик поехал вперед, а приговоренные повисли. Ольга писала, что некоторые зрители этой ужасной сцены плакали, и Ольга тоже, хотя большинство присутствовавших одобряли.

В конце письма Ольга спрашивала, сможем ли мы и дальше жить как муж и жена. Если это невозможно, то Ольга будет считать себя свободной и постарается устроить свою дальнейшую судьбу.

Письмо привело меня в замешательство – я не знал, как ответить Ольге. Можно было бы ей написать прямо «Не жди меня», но это я посчитал для себя слишком грубым. Написать же, что против нашего брака возражают мать и братья, дало бы Ольге повод подумать, что мои родные люди скверные, а я сам человек безвольный. Я придумал, что надо написать письмо от имени моего брата следующего содержания: «Здравствуйте, Ольга! Ваше письмо получили. К сожалению, после приезда Юрия его забрали органы милиции и взяли под стражу, где он и находится до сих пор. Просим Вас на всякий случай не писать к нам больше писем. Если с Юрием всё обойдётся благополучно, мы Вас известим. С приветом: брат Юрия Виталий. 22 августа 1946 года». Брат написал это послание и отправил его Ольге. Надо сказать, что вскоре я устыдился своего поступка, но дело было сделано, и Ольга больше нам не писала.

25 августа я попрощался с родными и направился на железнодорожную станцию Канаш, чтобы ехать в Москву. У кассы была толпа народа. Я попытался узнать, кто в очереди последний за билетом на ближайший поезд до Москвы. Но последнего человека так и не нашел, да и вообще очереди как таковой не было – билеты брали штурмом, а единственный милиционер был бессилен организовать порядок. Все проходившие поезда шли переполненными. Вся надежда у меня осталась на скорый поезд «Казань – Москва», прибывающий в Канаш около 21 часа.

Времени до него было много, и я вспомнил, что мой друг из Донбасса, Роман Никитин, просил меня зайти в Канаше к его

брату, передать ему привет и, главное, два куска хозяйственного мыла. Но мыло у меня украли в поезде, когда я добирался домой. Но, несмотря на это, я решил всё-таки выполнить просьбу друга.

Однако брат Романа оказался на работе – на станции, и его жена, которой я представился и сообщил цель своего посещения, пошла со мной к супругу. Я сказал им, что мне надо уехать в Москву, но достать билет невозможно. Брат Романа обещал помочь. Пользуясь тем, что на моём спутнике была форменная одежда железнодорожника, а на мне – военная шинель, мы уговорили старшую проводницу вагона довезти меня, «демобилизованного солдата», бесплатно до Москвы. Проводница впустила меня, но не внутрь вагона, где мест не было, а в тамбур. Как только поезд тронулся, ко мне присоединился один спутник, по-видимому, настоящий солдат, и мы с ним никого больше к себе не пускали. Ночью мы крепко уснули, скрючившись и положив головы на свои вещи. После Арзамаса женщины – контролёры поезда начали обход и в нашем темном тамбуре споткнулись об ноги соседа. Одна из них проворчала: «Ах уж эти солдатики, и приходится им ехать в тамбуре!» А будить нас и просить наши проездные документы они не стали.

В Москве я поехал сначала к Смирновым в Сокольники, чтобы оставить там вещи. В отделе кадров института мне выдали студенческий билет, ордер на вселение в общежитие и карточки. В Доме коммуны еще шел ремонт, и меня временно поселили в общей комнате, где могли разместиться не менее 30 человек.

* * *

…К лету 1949 года я окончил институт, получив квалификацию инженера-металлурга и соответствующий диплом. Но еще не раз мое пребывание в плену оказывалось препятствием на пути к той или иной цели. Мне не дали положенного звания техника-лейтенанта, препятствовали моему поступлению в аспирантуру, везде отказывали в приеме на работу в Москве. Наконец в 1956 году партия и правительство приняли решение – признать бывших военнопленных участниками Великой Отечественной войны. Мне вручили медаль «За победу над Германией в Великой Отечественной войне», затем медаль «За оборону Москвы», орден Отечественной войны II степени, и к 2005 году у меня оказалось 20 медалей. В 1973 году я защитил диссертацию, став кандидатом технических наук.

…Жизнь продолжается: дочь и сын получили высшее образование, растут внуки. Шесть раз мне довелось побывать

в ГДР, а пять раз немецкие друзья гостили у меня в Москве. Самой большой потерей в жизни стала смерть моей дорогой жены – Екатерины Михайловны. Ее светлой памяти я посвящаю эту книгу.

Приложение [17]

Список советских военнопленных рабочей команды № 1062 при базовом лагере военнопленных Шталаг IV А в городе Хонштайн, проживавших в деревне Цшорнау под городом Каменц в Саксонии по состоянию на 15 апреля 1945 года (не приведены номера и индексы лагарей, выдавших личные номера)

1. Дневальные и водоносы

№ п/п	Фамилия	Личный номер	№ п/п	Фамилия	Личный номер
1.	Анохин П.	212286	33.	Ярошенко С.	246065
2.	Болтрушевич М.	47613	34.	Белько И.	286682
3.	Васьковский П.	286350	35.	Литвиненко И.	286691
4.	Ващенков А.	246066	36.	Можухин А.	286689
5.	ВерскийА.	196702	37.	Никонов И.	286693
6.	Гуляченко А.	200982	38.	Привалов И.	286710
7.	Гурин П.	186005	39.	Русличенко И.	286675
8.	Дубровский Ф.	246056	40.	Шамота П.	286688
9.	Жуков Д.	155186	41.	ЯнковИ.	26621
10.	Зинченко А.	145140	42.	Ансимов М.	68940
11.	Куликов В.	49917	43.	Тихановский И.	68888
12.	Курдубан М.	117420	44.	Васильевы.	84019
13.	Кучин В.	211483	45.	Лепейко?	80437
14.	Лисицын И.	138200	46.	Матвеев?	80515*
15.	Мальцев А.	219957	47.	Пономарчук?	33225
16.	Медведев А.	54492	48.	Рябчук?	23505
17.	Музыков В.	48015	49.	Членов?	17539
18.	Маркин А.	193523	50.	Погребняк?	35136
19.	Морозов А.	197076	51.	Проскурин?	28546
20.	Набиров Д.	206528	52.	Горушкин?	4035
21.	Омельченко Ф.	148385	53.	Сало М.	65337
22.	Омельченко Я.	199603	54.	Уткин А.	67855
23.	Пацыкин Н.	49872	55.	Волчанский Е.	40797
24.	Серегин В.	134886	56.	Ташкинов?	35313
25.	Саркисян С.	158369	57.	Грачев?	204418
26.	Семиков И.	49546	58.	Каледин?	197369
27.	Тихомиров Н.	175803	59.	Мингалиев С.	41816
28.	Трошков И.	166708	60.	Лунин В.	—
29.	Харченко И.	6271	61.	Козловский А.	20942
30.	Уваров И.	124851	62.	Бобров В.	288984
31.	ШишовА.	188787	63.	Червятюк Л.	101695
32.	Чудайкин И.	219989			

2. Прочие

№ п/п	Фамилия	Личный номер
64.	Владимиров Ю. — переводчик	204645
65.	Громов М. — старик	286017
66.	Дудников В. — сапожник	186588
67.	Евдошенко С. — уборщик	183422
68.	Каиро А. — сапожник	204519
69.	Львов Д. — повар	220000
70.	Машковцев — старик	122588
71.	Сорокин (Маленков) — повар	113363
72.	Божко М. — старик	21599

Список советских военнопленных, выбывших в разное время из рабочей команды № 1062 до 15 апреля 1945 года или отправленных в другие команды или лагеря

Федерякин Михаил Митрофанович
Бердников Петр Романович – сапожник
Капралов Михаил – белорус
Утюк Иван – украинец
Плехов Семен – больной
Карпов Иван
Добринский Тимофей – Ленинградский еврей
Кулешов Сергей Васильевич – москвич, тренер по волейболу
Попков Александр
Игнатьев Иван – моряк из Астрахани
Гудовичев Анатолий Михайлович (прозвище Косолапый) – из Дзержинска Нижегородской области
Русанов Ефим Кузьмич – из Обояни Курской области
Кондратенко – больной
Мирзаев Рахим – ингуш
Харченко Иван Тимофеевич (прозвище Иван Пик) из Таганрога
Мытищенский (фамилия неизвестна)

Убежали летом 1944 года

Селезнев Семен(Сергей) Семенович (у немцев Андреас) – из Твери

Давиденков Н.
Николаенко Н.(Краснолицый)

Отправлены к крестьянам в начале 1945 года

Маликов Михаил
Огиенко А. Н.(Алекс) – бывший повар
Березин Павел
Переяславец Н.
Зенин М.
Письменник В.
Ересько В.
Кравченко В.
Харитонов Л. – кузнец, западный украинец
Шныкин Андрей Дмитриевич (прозвище Комендант Москвы) – москвич
Ковкун Алексей Иванович (Маляр) – киевлянин
Тыртышников Филип Тимофеевич (прозвище Двадцать Лет в Колхозе)
Соколов Иван (Вятский)
Караев Владимир -осетин
Мирзабеков М. – казах
Кирпичев
Глебов Моисей
Назаров Иван – ленинградец
Рощин – смоленский
Лагно И.
Скотний Николай – убит красноармейцами у хозяина-немца в Дойчбазелитце
Чайкин Виктор Иванович – из Гатчины Ленинградской области
Пономаренко Г.

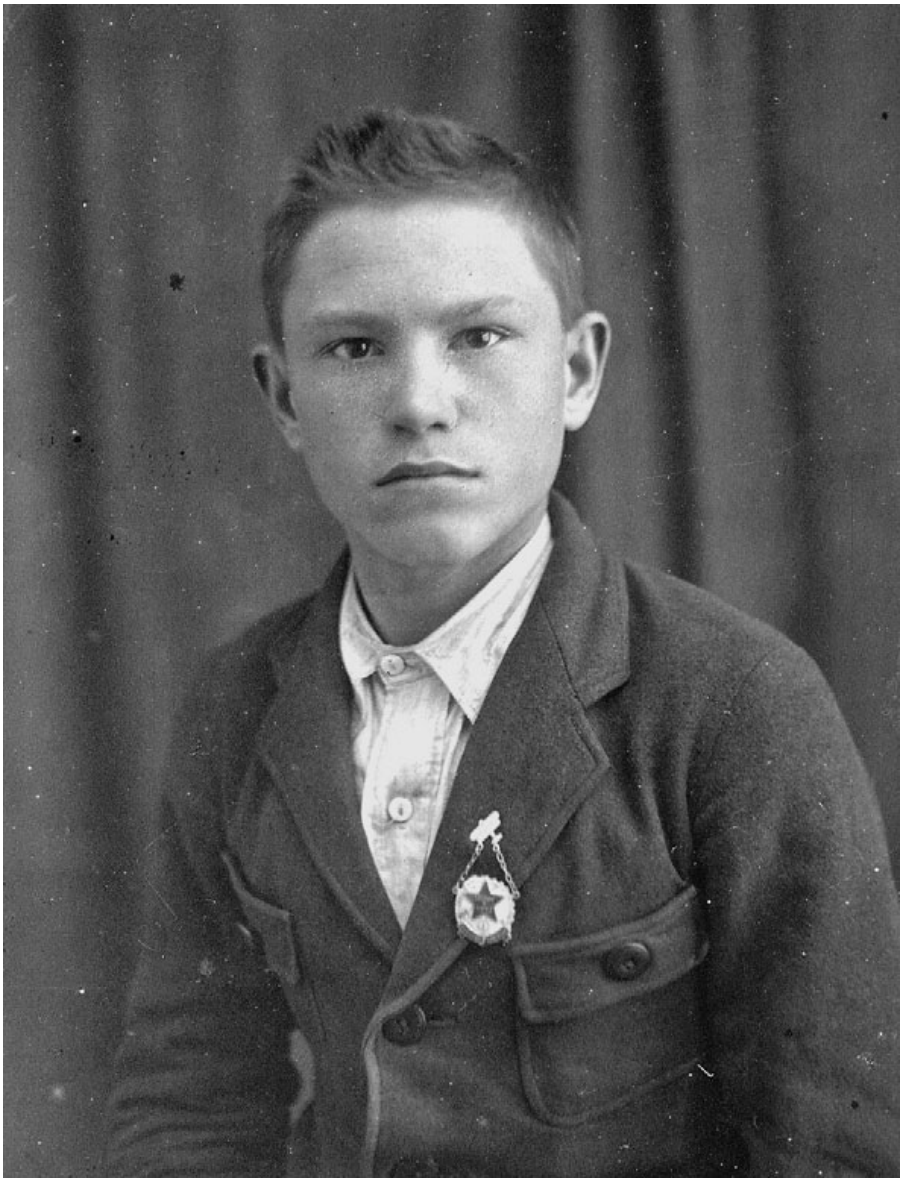
Вклейка

Автор книги Юрий Владимирович Владимиров

Мой отец Владимир Николаевич Напёрсткин – рядовой лейб-гвардии Измайловского полка. Петроград, шюнь 1917 г.

Мой двоюродный дядя – военный комиссар Чувашской и Марийской АССР Виктор Данилович Данилов (сидит посередине) на совещании чувашских уездных военных комиссаров. Чебоксары, 1925 г.

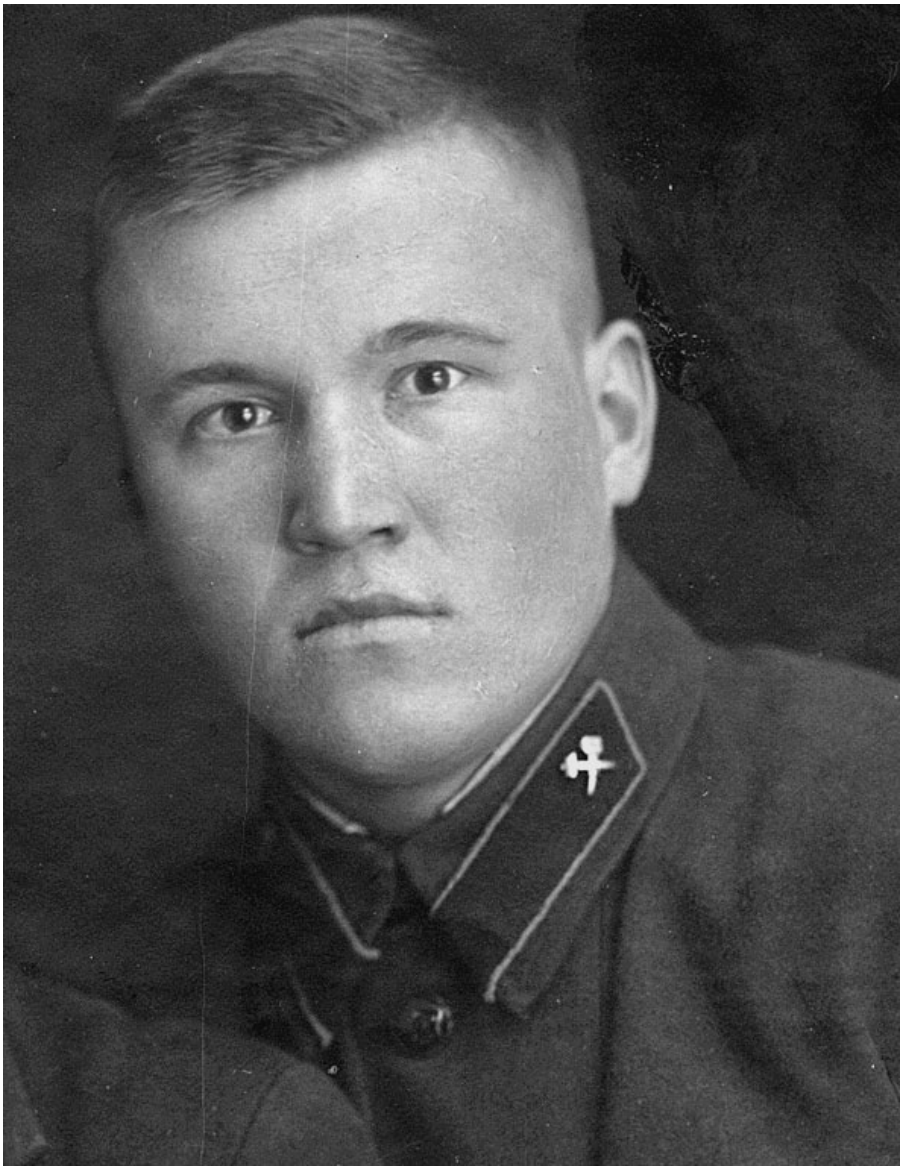
Моя мама Пелагея Матвеевна Напёрсткина, 1941 г.



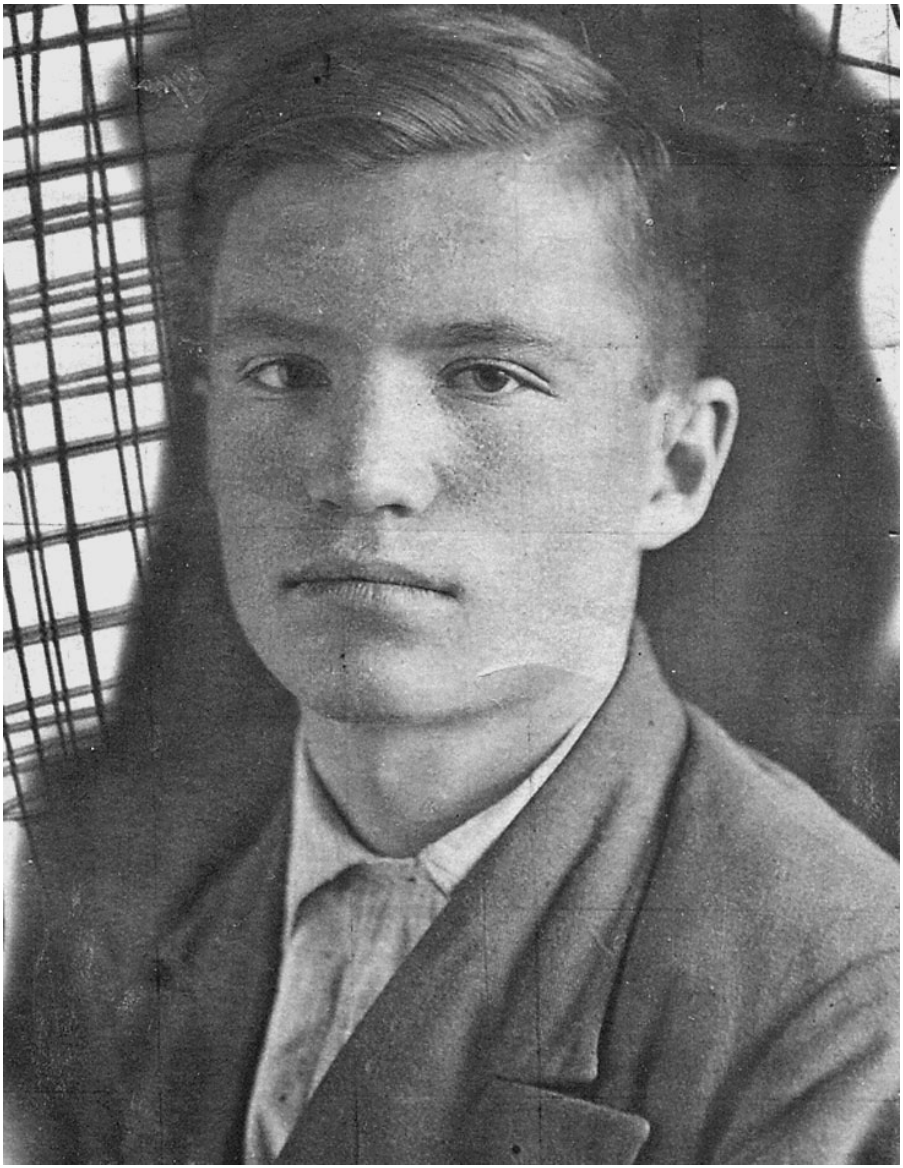
Я ученик 10-го класса. Апрель 1938 г.

Я красноармеец. Февраль 1942 г.

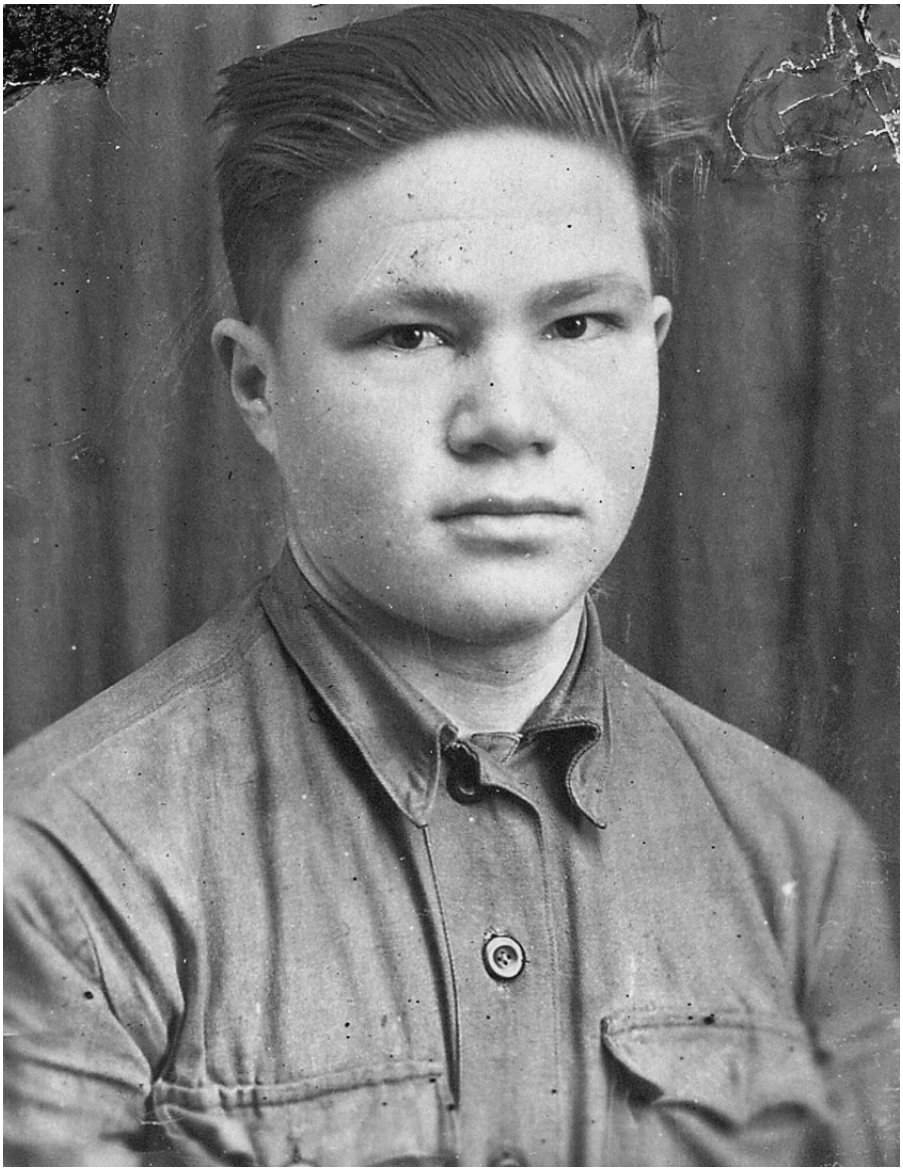
Я снова студент МИС. Август 1946 г.



Мой брат Геннадий, 1941 г.



Мой брат Виталий, 1941 г.



Мой брат Анатолий, 1945 г.

Моя сестра Инесса, 1945 г.

Московский горный институт (слева) и Институт стали (справа). Октябрь 1947 г.

Северный и Южный корпуса жилого здания студенческого общежития «Дом Коммуны». Октябрь 1947 г.

Моя зачетная книжка

Я на братской могиле в селе Лозовенька. 1967 г.

Село Лозовенька. Еще сохранившиеся крытые соломой хаты. 1967 г.

Корпус инфекционной больницы, в которой я лежал в августе-сентябре 1942 г. Днепропетровск,1969 г.

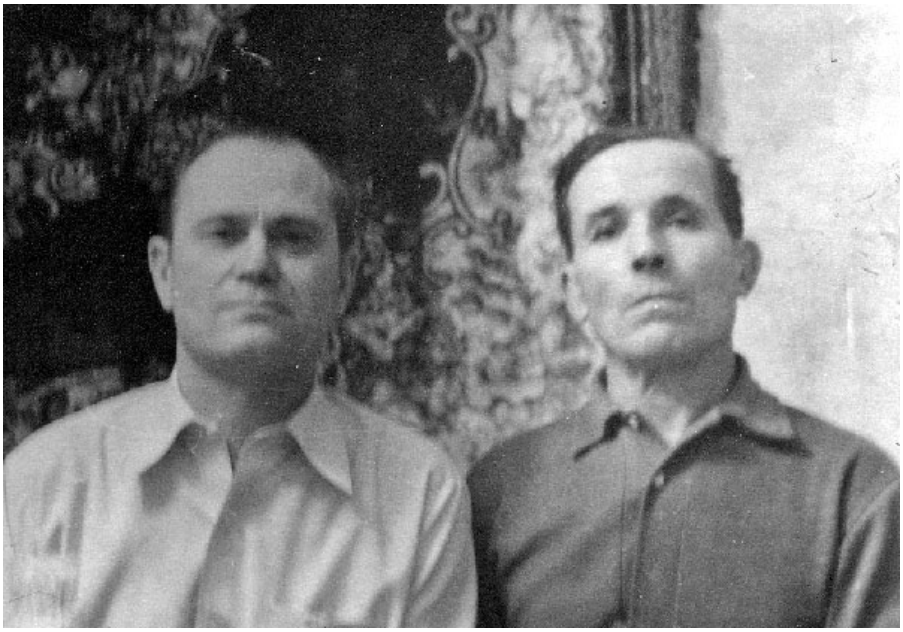
Сорб Никалаус Билк. Бывший часовой лагеря военнопленных в Каменце. 22 июля 1975 г.

Мой старший товарищ по плену Михаил Иванович Снопков. 1940 г.

Мой товарищ по плену Алексей Иванович Ковкун. Киев, 1957 г.

Мой товарищ по плену Андрей Яковлевич Маркин. Новосибирск, 1940 г.

Я и мой товарищ по плену Ефим Павлович Добринский. Ленинград,1959 г.



Я и мой товарищ по плену Анатолий Михайлович Гудовичев. Москва, 1972 г.

Гостиница, в которой располагались казарма военнопленных, помещение для охраны, трактир, карцер, конюшня, уборные. Цшорнау, 1975 г.

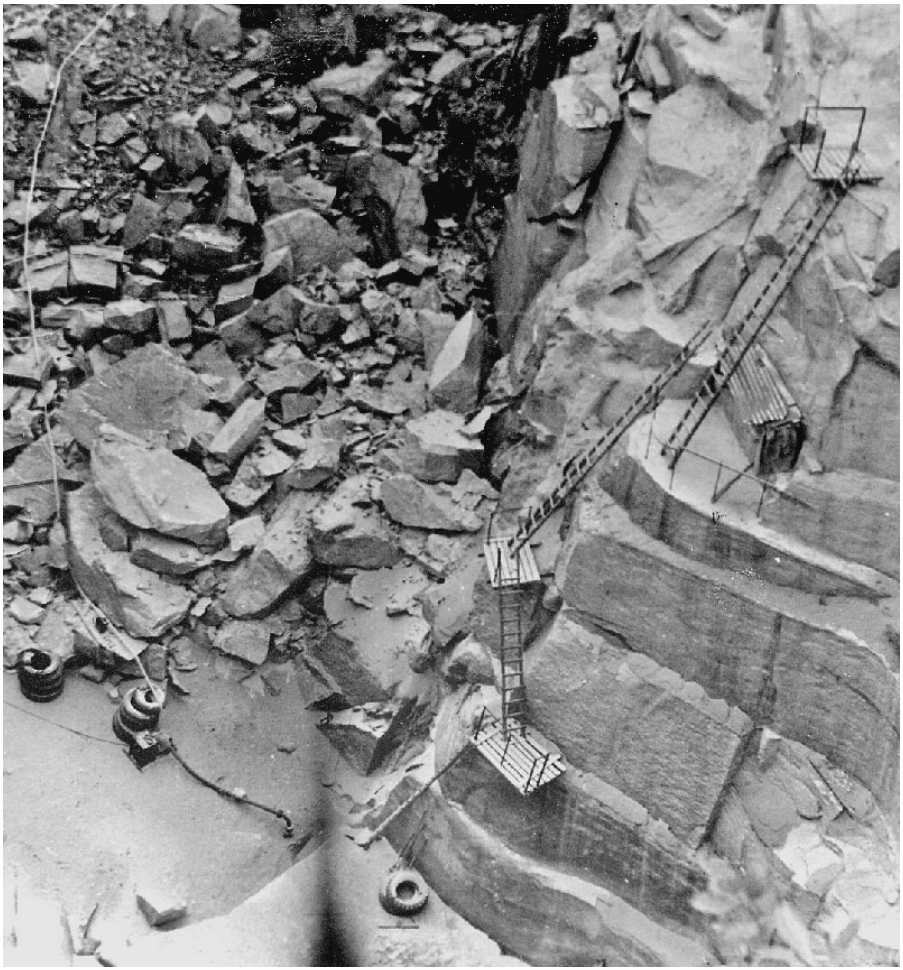
Бывшая выходная часть казармы военнопленных. Август 1978 г.

Двор усадьбы Марии Шольце. Дора и Рихард Бессер и Вальтер Шольце. Цшорнау, ноябрь 1969 г.

Вид из окна казармы нашего лагеря военнопленных на луг, по которому нас гонял комендант лагеря. Июль 1975 г.

Железнодорожная станция г. Каменца, где военнопленные часто работали. 1978 г.

Пакгауз, из которого во время работы иногда удавалось выносить в карманах зерно. Каменц, 1978 г.



Очень глубокий карьер, где работали военнопленные. Каменц, 1978 г.

Я, Марина Рехорк и её супруг-поляк Андреас Шатковский. Август 1978 г. У мачехи Марины я работал вместе с ней летом и осенью 1944 г.

Бывшая тюрьма в Каменце, в которой вместе с четырьмя товарищами я содержался с 22 апреля по 3 мая 1945 г. после неудачного побега из плена. Каменц, август 1978 г.

Ратуша в Каменце, 1969 г.

Сарай во дворе гостиницы в Каменце. Здесь я работал на кухне для немецких военных. Стоят: работник горсовета Багер, моя дочь Наташа и супруга Катя. Каменц, август 1978 г.

Я у входа в картинную галерею г. Дрездена. Август 1978 г.

notes

Сноски

1

Замечу, что на мою дальнейшую жизнь очень повлияла ранняя смерть отца, а затем и Великая Отечественная война, заставившая многих моих ровесников быстро повзрослеть. Об этом и пойдет речь дальше. Рукописи находятся у родственников в деревне, а также в Русском общественном фонде (Фонде А. И. Солженицына) в Москве.

2

В начале 50-х годов этот дом снесли и на его месте построили потом другое двухэтажное, сплошь застекленное здание, где разместилась парикмахерская.

3

Нестер Крохин окончил Институт стали в 1943 году, будучи в эвакуации в Сталинске (ныне Новокузнецке), в Сибири. Перед уходом на пенсию он более четверти века проработал на высоких руководящих и инженерных должностях на Никопольском Южнотрубном заводе на Украине. Последний раз я был у него в гостях в Никополе летом 1976 года. Он умер и похоронен в том же городе в 1988 году. Женя Анохин и Коля Захаров стали профессиональными военными инженерами. Первый из них умер в начале 80-х годов в Ленинграде, а со вторым, живущим в Москве, я продолжаю дружить.

4

После войны Б. Н. Старшинов возвратился в Институт стали и окончил его в 1949 году. Затем он закончил там же аспирантуру и, став кандидатом технических наук по специальности доменщика, многие годы проработал в Украинском научно-исследовательском институте металлов в Харькове.

5

До 1991 года в анкетных данных я указывал дату своего попадания в плен не 24, а 25 мая 1942 года. Я опасался, как бы проверяющие и карающие органы СССР не придрались ко мне за то, что оказался в плену у врага один, а не в составе огромных масс военнослужащих, сдавшихся в основном в течение 26 и 27 мая, когда в плен сдавались сотнями тысяч почти все бойцы наших войсковых соединений, наступавших на немцев на Барвенковском выступе с 12 по 19 мая. По данным литературных источников, пленными стали около 240 тысяч человек, но фактически их было намного больше.

В настоящее время – район Днепропетровска.

7

В 1988 г. у входа в больницу я видел на стене кирпичной ограды большую мемориальную доску из черного мрамора с барельефным изображением женщины в очках. Внизу было написано: «В этой больнице в годы Отечественной войны действовала подпольная группа советских патриотов – медицинских работников, руководимая врачом Е. Г. Попковой, освободившая от плена и угона в Германию сотни советских людей».

Нормы эти, в частности, приведены в двух относительно новых литературных источниках:

1) Павел Полян. Жертвы двух диктатур. Остарбайтеры и военнопленные в Третьем рейхе и их репатриация. – М.: «Ваш выбор ЦИРЗ». – 1996.

2) Jorg Osterloh. Ein ganz normales Lager. Das Kriegsgefangenen – Mannschaftsstammlager 304 (IV H) Zeithain bei Riesa / Sa. 1941 bis 1945. Gustav Kiepenheuer Verlag. Leipzig. 1997.

* В других источниках даны также нормы 5000 и даже 8500 грамм. *Примечание.* Прочерк (–) означает отсутствие нормы на данный продукт или необязательность его предоставления.

10

Название города происходит от славянского слова «камень». В Германии и во всем литературном мире он известен прежде всего тем, что в нем родился и провёл детские годы классик немецкой литературы – поэт Готтгольд Эфраим Лессинг (1729–1781).

11

Я сохранил домашние адреса нескольких «бузотеров». Среди них: донской казак Александр Антонович Гуляченко по прозвищу «Саша Цыган» (Ростовская область, Нижне-Ольховский сельсовет, хутор Мельничный); донской казак – моряк Анохин Петр Николаевич с прозвищем «Морской старшина» (Ростовская область, Морозовский район, Вольноданский сельсовет, хутор Сибирки); Лисицын Иван (Воронежская область, Коротоякский район, село Копнище); Утюк Иван Никифорович (Украина, Винница, улица Чкалова, 24) и осетин Караев Владимир Зозеевич (Северо-Осетинская республика, станция Бислан, село Ново-Ботакаевск).

12

В книжке Ганса Шеллера «Каменц в новое время с 1815 по 1970 годы» (издание на немецком языке Каменцского городского совета, 1970 г., с. 63–64) сообщается, что на местный стекольный завод из города Кольмар в Эльзасе эвакуировали филиал предприятия фирмы «Даймлер-Бенц». На нем должны были работать 750–1000 бывших борцов Сопротивления различных национальностей из созданного к ноябрю 1944 года концентрационного лагеря. В этом лагере тяжело заболевших и обессилевших, а также других неработоспособных умерщвляли уколами яда, привязывали к доске и сжигали в котельной фабрики. До 1 марта 1945 года были уничтожены 125 человек. Однако мы, военнопленные, проживавшие тогда в Цшорнау и работавшие на разных объектах Каменца, об этом не знали.

13

Тела убитых в боях с немцами власовских солдат и офицеров похоронили в Праге на Ольшанском кладбище. В 1993 году в газете «Комсомольская правда» за 8 мая я прочитал, что небольшая группа чехов и граждан других стран установила на могиле власовцев темный деревянный крест с белой надписью «РОА» и терновым венцом.

14

Первый акт капитуляции был подписан в ночь с 7 на 8 мая в городе Реймс (Франция), подписанный от имени СССР генералом Иваном Суслопаровым, но он не получил официального признания в СССР.

15

В 1978 году, когда я гостил в Цшорнау, Мария Рехорк, занявшая с мужем Анджеем Шатковским опустевший земельный участок семьи Хёне, сообщила мне, что после войны все три сына Освальда стали в ГДР «очень большими людьми».

16

В 1947–1952 годах я обменивался письмами с Зиновием Филиппенко, ставшим студентом одного из вузов в Симферополе. Иван Утюк обзавёлся в 1946 году новой семьей и остался жить в Донбассе. С Андреем Маркиным, проживавшим в Новосибирске после нескольких лет пребывания на тяжелых работах где-то в Сибири, мне удалось в 1977 году увидеться в его городе и вести переписку до самой его кончины в 1980 году.

17

Все списки военнопленных, помещенные в приложении, приводятся в авторской редакции.